С. А. Козин

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ

ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

EB_1941_AKS_221

С. А. КОЗИН

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ

МОНГОЛЬСКАЯ ХРОНИКА 1240 г.
ПОД НАЗВАНИЕМ
MONGĞOL-UN NIĞUČA TOBČIYAN

ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ
МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

ТОМ I

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА
ПЕРЕВОД, ТЕКСТЫ, ГЛОССАРИИ

Ак.Р.
4164

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, Т. XXXIV

Ответственный редактор: акад. А. П. Баранников

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5
От автора 8
Введение в изучение памятника 9
I. Общие положения . . . . . —
II. Способы перетранскрибирования Юань чао би ши, написанного монгольским письмом китайской системы, в системы уйгуро-монгольского письма 17
III. Юань чао би ши как памятник монгольской художественной литературы 29
IV. Хроника 1240 г. и позднейшие памятники монгольского эпоса 47

Перевод текста

Монгольский обыденный изборник 79
I. Родословная и детство Темучжина . . . . . —
II. Юность Чингиса 87
III. Разгром Меркитов. Наречение Темучжина Чингис-ханом 98
IV. Борьба с Чжамухой и Тайчиудцами 111
V. Разгром Татар. Разрыв с Ван-ханом 120
VI. Конец Кереитского царства 130
VII. Кереиты и их монгольские союзники, во главе с Чжамухой, передаются Найманам. Смерть Ван-хана. Разгром Найманов и Меркитов 140
VIII. Кучулук бежит к Гур-хану Хара-Китадскому на реку Чуй, а Тохтоа — к Кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулука, а Субетай — Тохтоая. Смерть Чжамухи. Воцарение Чингиса. Награды и пожалования сподвижникам 151
IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии 165
X. Гвардия Чингис-хана. Похвала гвардии. Покорение Уйгуров и Лесных народов. Распределение уделов. Расправа с волхвом Теб-Тенгрием . . . 171
XI. Покорение северного Китая, Си-ся, Туркестана, Багдадского халифата и Руси 179
XII. Смерть Чингис-хана. Царствование Огодая 189

Тексты

Транслитерация китайско-монгольского письма памятника 203
Параллельные тексты Altan tobči nova 321
Транскрипция китайско-монгольского письма, переложенного на уйгуро-монгольское письмо, переданное знаками академической латинизованной транскрипции 399

Словари

В порядке следования параграфов текста 523
В порядке монгольского алфавита 579

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, Т. XXXIV

Ответственный редактор: акад. А. П. Баранников

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
От автора	8
Введение в изучение памятника	9
I. Общие положения	—
II. Способы перетранскрибирования Юань чао би ши, написанного монгольским письмом китайской системы, в системы уйгуро-монгольского письма	17
III. Юань чао би щи как памятник монгольской художественной литературы	29
IV. Хроника 1240 г. и позднейшие памятники монгольского эпоса	47
Перевод текста	
Монгольский обыденный изборник	79
I. Родословная и детство Темучжина	—
II. Юность Чингиса	87
III. Разгром Меркитов. Наречение Темучжина Чингис-ханом	98
IV. Борьба с Чжамухой и Тайчиудцами	111
V. Разгром Татар. Разрыв с Ван-ханом	120
VI. Конец Кереитского царства	130
VII. Кереиты и их монгольские союзники, во главе с Чжамухой, передаются Найманам. Смерть Ван-хана. Разгром Найманов и Меркитов	140
VIII. Кучулук бежит к Гур-хану Хара-Китадскому на реку Чуй, а Тохтоа — к Кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулука, а Субеетай — Тохтоая. Смерть Чжамухи. Воцарение Чингиса. Награды и пожалования сподвижникам	151
IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии	163
X. Гвардия Чингис-хана. Похвала гвардии. Покорение Уйгуров и Лесных народов. Распределение уделов. Расправа с волхвом Теб-Тенгрием	171
XI. Покорение северного Китая, Си-ся, Туркестана, Багдадского халифата и Руси	179
XII. Смерть Чингис-хана. Царствование Огодая	189
Тексты	
Транслитерация китайско-монгольского письма памятника	203
Параллельные тексты Altan tobči nova	321
Транскрипция китайско-монгольского письма, переложенного на уйгуро-монгольское письмо, переданное знаками академической латинизованной транскрипции	399
Словари	
В порядке следования параграфов текста	523
В порядке монгольского алфавита	579

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сокровенное сказание монголов», этот ценнейший памятник древнемонгольской литературы, открытый в середине XIX ст. одним из крупнейших русских востоковедов, синологом Палладием Кафаровым, неоднократно привлекал внимание ученых исследователей. Однако, хотя со времени открытия этого памятника прошло уже почти 100 лет, «Сокровенное сказание» не может считаться исследованным и изученным. Более того, до настоящего времени оно не было даже удовлетворительным образом издано. Не было также перевода этого произведения на русский или какой-либо другой язык. Сам Палладий Кафаров подготовил в свое время к изданию текст «Сказания» в русской транскрипции, но он не был опубликован. Пролежав много лет неизданным, его труд в настоящее время является уже сильно устаревшим, так как и синология и монголоведение за эти десятилетия шагнули далеко вперед. Палладий Кафаров успел опубликовать лишь русский перевод китайского перевода «Сокровенного сказания». Но китайский перевод, как это теперь установлено, представляет собою сильно сокращенный перевод монгольского подлинника и, помимо этого, местами неточен.

В течение многих десятилетий монголоведы были вынуждены пользоваться этим сильно сокращенным и неточным переводом. Совершенно недоступным был им подлинный текст, писанный китайскими иероглифами.

Сознавая исключительную важность издания подлинного монгольского текста в общедоступной транскрипции знаками какого-либо европейского алфавита и полного перевода монгольского текста, эту работу предприняли западноевропейские ученые — французский академик П. Пеллио и немецкий профессор Е. Хениш. Первый из них приступил к работе уже свыше 20 лет тому назад, но до сих пор еще не издал ни текста, ни перевода, ограничившись рядом небольших статей, в которых разбираются отдельные монгольские слова, засвидетельствованные в «Сокровенном сказании». Второй из них — проф. Хениш — успел издать одну главу текста с переводом и комментариями и затем полный текст и словарь без перевода и без какого бы то ни было исследования. Таким образом до выхода в свет настоящего труда С. А. Козина положение со времени издания работы Кафарова по существу изменилось лишь очень незначительно.

Нужно отдать справедливость: издание полного текста, перевода и исследования «Сокровенного сказания» — труд, требующий огромного напряжения, а главное чрезвычайно широких познаний в области и китайского и монгольского языков, знания истории и высокой литературоведной

квалификации. Издание такого труда открыло бы новую страницу в данной области науки.

Факт появления такого труда по значимости своей не уступил бы факту открытия и первого издания «Илиады» и «Одиссеи», «Песни о Нибелунгах» или «Слова о Полку Игореве». И совершенно ясно, что не каждому дано осуществить такой план.

Мы можем с чувством глубокого удовлетворения отметить, что выполнение этой большой и трудной задачи блестяще удалось нашему советскому ученому С. А. Козину, первый том труда которого вышел теперь в свет. Это исследование С. А. Козина является плодом упорного труда в течение 15 лет. Том I содержит полное издание древнемонгольского текста с относящимся к нему исследовательским аппаратом и переводом. Том II, содержащий комментарии и указатели, выйдет в свет в ближайшее время. Весь же труд в целом должен дать полное и всестороннее представление об этом памятнике: здесь и текст и примечания к нему, словарь, издание разных летописных текстов, являющихся, как установил С. А. Козин, извлечениями и отрывками из «Сокровенного сказания», здесь и лингвистическое и литературоведное исследование его и т. д. Как видно, этот многотомный труд является своего рода энциклопедией по всем вопросам, связанным с древними монголами.

Труд С. А. Козина представляет собою исключительное явление в истории монголоведения не только по своим масштабам, но и по качеству работы, обнаруживая многосторонние и глубокие знания предмета. Мы можем смело утверждать, что в настоящее время едва ли кто-либо мог бы выполнить эту работу с таким же успехом, как С. А. Козин.

Этим мы не хотим, однако, сказать, что после выхода в свет труда С. А. Козина все связанные с памятником вопросы могут считаться раз и навсегда решенными. Мы отдаем себе полный отчет в том, что многие древнемонгольские слова могут читаться иначе, чем их читает С. А. Козин, что перевод автора не исключает иной передачи ряда мест и т. д. Однако труд С. А. Козина не из разряда тех, которым оценка дается на основании частностей. Если мы скажем, что такое-то слово С. А. Козиным не так понято, что такое-то место мы перевели бы иначе, это не было бы настоящей критикой труда в целом. К такого рода работе нужен другой подход: нужно показать ее роль, ее значение в целом. А в этом отношении едва ли кто-нибудь не согласится с тем, что этот труд открывает перед монголоведением новые перспективы, новые горизонты, что он продвинет науку вперед и поможет ей подняться на много ступеней выше. В сущности, только теперь историки получат надежный материал для своих исследований, в то время как до сих пор они должны были черпать свои данные из сокращенного и местами неточного перевода Кафарова. О лингвистах, занимающихся историей монгольского языка, нечего и говорить: им этот древнейший памятник монгольского языка был до сих пор, вообще, недоступен. А литературоведы тоже только теперь получат не только прекрасно поданный материал, но и ценное исследование этого памятника. Словом,

С. А. Козину будут благодарны не только монголисты, но и китаисты и историки востока.

Со своей стороны мы хотели бы еще заметить, что только тот, кто сам отдавал много сил и времени научной работе, способен понять, какого труда и напряжения требует та работа, которую проделал С. А. Козин.

Том I труда С. А. Козина выходит в свет как раз в то время, когда дружественная нам Монгольская Народная республика отмечает 700-летие этого первого литературного памятника на монгольском языке. Мы можем с гордостью констатировать, что наши друзья — монгольские историки и лингвисты — получили издание и исследование этого памятника из рук советской науки.

Член-корреспондент Академии Наук СССР *Н. Поппе*

ОТ АВТОРА

Относящийся к моей работе над памятником материал, по его размерам, не мог быть включен в одну книгу, почему и распределен на три приблизительно равные по объему части, которые включают в себе:

Том I — вступительные замечания о памятнике и работе над ним; русский перевод; тексты в транскрипции китайско-монгольского письма памятника, в транскрипции параллельных мест из «Altan tobči nova», а также в транскрипции текста в таком виде, как он мог бы быть изображен уйгуро-монгольским письмом (по системе акад. Б. Я. Владимирцова), и Index verborum в последовательном порядке, а также и в алфавитном.

Том II — текстологические и филологические комментарии и общие замечания по сравнительной морфологии и синтаксису монгольского письменного языка древнего, среднего и нового периодов монгольской литературы; алфавитные указатели.

Том III — исследование о принципах китайско-монгольского письма как национального письма монголов; текст памятника в китайско-монгольском письме; комментарии, словари и указатели.

С. А. Козин

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Не следует особенно сетовать по поводу полустолетнего пребывания под спудом манускрипта П. Кафарова с полной русской транскрипцией монгольского текста Юань чао би ши, написанного китайским письмом.[1] Дело в том, что до выхода в свет китайских публикаций 1903 г. (Юань чао би ши с комментариями Ли-Вэнь-тянь) и 1908 г. (изд. Гуань гутан по рукописному экземпляру Юаньского периода, с предисловием издателя Е Дехой'я) рукопись П. Кафарова,[2] вместе с китайским списком текста, оставалась, в сущности, единственным объектом текстологического исследования памятника. Более того, сам П. Кафаров, в совершенстве изучивший памятник в его чисто китайских версиях (сокращенный перевод и подстрочный монголо-китайский словарь), настойчиво и авторитетно предостерегал и предупреждал монголистов о тех, по существу непреодолимых в его время, затруднениях, которые лежали на пути научного восстановления текста памятника по его китайской транскрипции в упомянутом списке. В предварительном примечании к своей рукописи[3] он писал: «К сожалению, транскрипция монгольского текста китайскими знаками и подстрочный перевод его в копии, которую я имею, обилуют описками переписчика; этот недостаток, в соединении с своеобразным переложением монгольских звуков, представляет немаловажное затруднение к полному восстановлению монгольского текста. В настоящем переложении (т. е. в русской транскрипции П. Кафарова, — *С. К.*) я ограничился присоединением вариантов в транскрипции монгольских слов и в подстрочном переводе, предоставляя нашим ученым монголистам труд исправления ошибок. По замечанию здешних монголистов, текст писан разговорным монгольским языком (книжного, конечно, и не могло быть в XIII в.) и содержит в себе немало архаизмов».

П. Кафаров ничего не сообщает об источниках, послуживших ему для соответствующих вариантов. Возможно поэтому предположить, что, кроме собственных его познаний в монгольском языке, источники эти ограничивались консультацией тех же местных, т. е. пекинских монголистов, которые характеризовали ему и монгольский язык памятника. Отдавая, конечно, себе полный отчет во всей трудности, а вернее непреодолимости, предстоящей монголистам восстановительной работы по одному только, заведомо неудовлетворительному списку китайской транскрипции текста

---

[1] E. Haenisch. Die geheime Geschichte der Mongolen, Leipzig, 1935, p. IV.

[2] Копия с печатного экземпляра XIV века, см. В. Л. Котвич, К изданию Юань чао би ши. Зап. Колл. востоковедов, т. I, 1925, стр. 233—241.

[3] См.: Index Sectionis III Musei Asiatici (III 966 nova).

и основанной на ней русской, П. Кафаров ограничился лишь серьезным предостережением о необходимости пользования этим источником со всею возможною осторожностью. Основательность этих предупреждений лучше всего, повидимому, доказал на своем опыте проф. А. М. Позднеев в своей работе[1] над восстановлением текста памятника.

За истекший более чем полувековой период со времени опубликования П. Кафаровым русского перевода китайского текста памятника (1866) и выполнения им же русской транскрипции его текста (1872), еще задолго до выхода в свет упомянутых китайских изданий его, памятник привлек к себе внимание целого ряда ученых, которые в той или иной форме немало трудились над ним и пролили много света во все области научного исследования этого важнейшего памятника монгольской литературы XIII ст. Оставалась при этом весьма мало освещенной текстологическая сторона вопроса. Приводя в своем месте соответствующие библиографические сведения, достаточно будет отметить здесь, что, кроме знаменитого П. Кафарова, с памятником связали свои имена такие ученые, как В. В. Бартольд, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, P. Pelliot, Н. Н. Поппе, Бретшнейдер, A. Mostaert, Б. Лауфер, E. Haenisch и др.

Если бы П. Кафарову суждено было продолжать свою научную деятельность и в нашем XX ст., он несомненно снял бы им самим поставленные рогатки для монголистов, проделав всю ту необходимую предварительную, чисто синологическую работу над изданием единого, критически установленного текста китайской транскрипции и словаря, которая становится посильной только теперь. Но такой именно источник единственно и в состоянии широко открыть двери для исследований монголистов. Для осуществления же подобного предприятия имеется уже достаточный материал в виде следующих известных в настоящее время[2] и достаточно доступных источников: 1) транскрипция П. Кафарова с китайской рукописью, к ней относящейся (ms. Института востоковедения Акад. Наук СССР, Рукописный отдел, Mus. As. Sect. III 966; китайский ms. в Рукописном отделе Библиотеки Ленинградского Государственного университета; 2) литографное издание с комментариями Ли-Вэнь-тянь (1903); 3) печатное издание Гуань гутан, с предисловием Е Дэхой'я (1908); 4, 5, 6, 7) три пекинские рукописи памятника и один фрагмент (35 л.), о которых упоминает в своем исследовании о выборе китайских знаков для транскрипции текста Юань чао би ши китайский историк Чен Юань (Пекин, 1934);[3] 8) находящийся в Киото список рукописи текста памятника, с которого сделан японский перевод Нака (Токио, 1907); 9) шанхайская рукопись, принадлежащая издательству «Коммерческая пресса»; 10) список, принадлежащий проф. P. Pelliot; 11) текст летописи Лубсан Данзана («Altan tobči nova»), в частях ее, полностью воспроизводящих §§ 1—176 и 208—265 из общего числа 282 параграфов памятника.

---

[1] Транскрипция палеографического текста Юань чао би ши (Литогр. изд. отрывка. Дата не указана).

[2] E. Haenisch, op. cit., pp. I—IX.

[3] E. Haenisch, op. cit., p. IV.

Необходимо также иметь в виду и упомянутое печатное издание Юаньского периода. Возможно, что к нему именно и должен относиться постскриптум к транскрипции китайской рукописи П. Кафарова, о которой он говорит: «Составитель сей копии упоминает в одной заметке о печатном экземпляре транскрипции монгольского текста, но не видно, чтобы он воспользовался им для проверки своей копии».

Незаменимым пособием в этом предприятии послужили бы при этом многочисленные работы проф. P. Pelliot по отдельным вопросам текста как уже опубликованные, так и ожидающие публикации; работы проф. В. Л. Котвича, исследования A. De Smedt и A. Mostaert, суммирующиеся в отношении лексикологическом в части III «Le dialecte Monguor», наконец весьма тщательная транскрипция E. Haenisch, хотя и выполненная им по одному лишь изданию Е Дэхой'я без привлечения каких бы то ни было других рукописей или изданий памятника, но с учетом, однако, всей имеющейся литературы, относящейся к тексту его. Уже из самого перечня источников и пособий для критического издания китайских текстов транскрипции, словаря и сокращенного перевода, в особенности если учесть, что по всем признакам монгольский текст «Altan tobči nova», в параллельных его частях, представляет собою самостоятельную попытку монгольских ученых восстановить ту же китайскую транскрипцию памятника монголо-уйгурскими знаками, — необходимо заключить, что настоятельно требующееся объединение работы китаистов и монголистов в известной мере уже осуществлено стихийно.

Что касается меня, то, ознакомившись ближайшим образом с манускриптом П. Кафарова по работе своей над рукописными фондами б. Азиатского архива Академии Наук СССР в 1927 г. и будучи осведомлен отчасти о тех работах, которые ведутся над памятником во Франции, Китае и Германии, я предполагал вначале ограничиться исследованием многочисленных стихотворных частей памятника, которые почти полностью исключены китайским переводчиком, а за ним и П. Кафаровым, имевшим дело только с китайским переводом в той своей работе, которая увидела свет. Равным образом эта сторона памятника не привлекла к себе внимания и названных выше ученых и до сих пор оставалась совсем почти не освещенной. Как будет видно из дальнейшего изложения, интересы мои в отношении памятника и в настоящее время лежат, главным образом, в области чисто литературоведческой. Я учитывал также, что в этой области, при незавершенности текстологической работы, менее важно впасть даже и в существенные ошибки из-за не поддавшихся бесспорной дешифровке отдельных мест. Здесь, в особенности при правильно понятой общей тенденции, далеко не так опасны погрешности, как, например, в области оценки сообщаемых памятником исторических сведений. Далее, я более подробно остановлюсь на примерах сомнительной, с моей точки зрения, интерпретации тех мест памятника, которые послужили для некоторых капитально важных обобщений о наличии, например, в Монголии еще до-Чингисовой эпохи института земельной собственности, равно как о существовании при Чингисе хотя бы и прототипа монгольской демократической партии, возглавлявшейся князем

и Гур-ханом Чжамухой. Общие тенденции автора и значение изображенных им литературных типов значительно менее могут быть связаны с тем или иным пониманием отдельных деталей, фраз или выражений, так как чрезвычайно редки случаи, когда данное лицо или группа могут быть охарактеризованы художником всего лишь в одной фразе или случайно обмолвленном выражении, как это, напротив, обычно и имеет место в сообщениях и намеках исторического характера, например в отмеченном уже случае о земельной собственности, где вопрос окончательно и непосредственно решается правильным или неправильным истолкованием всего трех-четырех слов в одной фразе: понимать ли слова Ejed burχan bosγaγsan — 'земельные собственники горы Бурхан' или 'на горе Бурхан были поставлены ее «собственники», духи-владыки, ее Ejed'ы'.

Само собою разумеется, что при выполнении своей задачи я штудировал весь текст памятника, к каковой работе были привлечены: манускрипты П. Кафарова, текст китайской транскрипции Е Дэхой'я, текст с комментариями Ли-Вэнь-тяня, монгольская рукопись «Altan tobči nova» и отрывки восстановленного текста Юань чао би ши по труду A. De Smedt и A. Mostaert — Le dialecte Monguor (3-me partie). Текст, перевод и словарь были мною закончены в сентябре 1935 г., а в феврале 1936 г. приступлено к подготовке работы в печать. В апреле 1936 г. мне стала доступна только что перед тем появившаяся у нас транскрипция по Е Дэхой'ю, выполненная E. Haenisch, которая точно так же была принята во внимание при окончательной редакции текста.

Особенный интерес в манускриптах П. Кафарова представляет так называемый подстрочный китайский перевод, вернее русский перевод китайских значений монгольских слов, проставленных в самом тексте китайской транскрипции. Правильнее называть эти надписи подстрочным монголо-китайским словарем XIII—XIV вв., который, будучи выделен из текста издания, может быть представлен в виде монголо-китайского или монголо-русского словаря, русские значения которого передаются в китайском их понимании, соответствующем монгольскому словоупотреблению именно XIII—XIV вв., если по П. Кафарову относить составление словаря к XIV в.

Словарь этот интересен в том отношении, что регистрирует очень много исчезнувших монгольских слов, а также нередко дает иные, теперь уже не усваивающиеся, значения целому ряду бытующих в современном языке монгольских слов. К сожалению, словарь этот дает, обычно, для данного слова одно какое-нибудь значение, подчас и не соответствующее контексту; нередко же П. Кафаров, далеко не подготовивший, а может быть, и не думавший подготовлять эту свою работу для печати, был очень скуп, а иногда тороплив и небрежен в проставлении значений. Приведу для примера несколько слов из этого словаря. Так, в § 96 (ms., л. 40) для слова šidkül дано значение 'подарок', тогда как надо бы: 'предметы церемоний при представлении свекрови, теще'. В § 105 (ms. л. 48) gölme — 'подседельник', надо: 'сбруя, конский убор, попона (?)'. Ibid.: kökideg — 'легковстревоженный', надо бы: 'пугливый, трус'. В § 111 (ms., л. 54) χoriyan — 'и конец (?)', надо бы: 'подворье'. Ibid.: dayiju — 'обернуться', надо бы:

'бунтовать, восставать; назад, обратно'. § 112 (ms. л. 55) tübejü — 'соединить', надо бы: 'сочетаться, спариться'. § 114 (ms. л. 56) saoχua — 'подарок', надо бы: 'подарок вещами'.[1] § 116 (ms., л. 57) ši'a — 'бедряной, животный камень (?)', надо: 'бедренная кость, крестец'. § 116 (ms., л. 57) arca — 'ель', надо: 'туя, кипарис, Cypressus funebris'. Ibid.: arici — 'спасать', надо: 'помощник, спаситель'. § 160 (ms., л. 104) bildu'ur — 'птица, кричащая в небесах', надо бы: 'пташка, возносящая к небу ропот'.

Переработка этого словаря потребует от синологов немалых усилий при ревизии наскоро проставленных П. Кафаровым китайских значений монгольских слов, тем более, что значения эти, как и сокращенный перевод-пересказ, даны на одном из китайских диалектов XIII—XIV вв. Незначительная часть этой работы, в отношении ряда трудно поддававшихся раскрытию выражений, выполнена мною при компетентном и любезном содействии научного сотрудника Института востоковедения К. К. Флуга. В большинстве же случаев китайские эквиваленты, в прилагаемых мною словарях постраничном и алфавитном, оставлены мною почти в том самом виде, в каком они даны в манускрипте П. Кафарова. При этом в словарях намеренно сохранены и те общеизвестные монгольские слова, которые в китайском их понимании хоть сколько-нибудь отличаются от нашей современной трактовки. Везде, по возможности, даны соответствия в современном монгольском письменном языке, при широком использовании данных Mostaert по диалектам монгорскому и ордосскому.

Со всем тем мы в праве ожидать в этом отношении более совершенных работ от синологов и в первую очередь от E. Haenisch, который по техническим условиям ограничился пока лишь весьма скромными лексическими данными в своих предварительных примечаниях к своей транскрипции издания Е Дэхой'я.[2]

Не приходится говорить также и о том, что выпуск в свет давно ожидаемой публикации проф. P. Pelliot, в связи с наличными работами A. Mostaert, вероятно, сделал бы излишними всякие дальнейшие предприятия в деле окончательного установления текста нашего памятника, столь важного по своему значению, что всякие попытки к его посильному разъяснению, как, например, и мои, не могут пока почитаться излишними.

В конце концов моя работа над памятником была реализована в составе следующих частей.

I. Исследование о Начальной монгольской летописи 1240 г. как о произведении монгольской художественной литературы, с предварительными соображениями о способах перетранскрибирования ее текста с наличной китайской транскрипции.

II. Текст русского перевода, с возможно полным и точным выделением стихотворных частей памятника.

III. Текст памятника в научной транскрипции, выражающей китайскую его транскрипцию, которая закрепила один из монгольских диалектов XIII в. типа современного монгорского.

[1] Ср. P. Pelliot.
[2] Его Wörterbuch вышел в Лейпциге лишь в 1939 г.

IV. Текст памятника в том виде, как он инкорпорирован монгольской летописью XVII—XVIII вв. под наименованием «Altan tobči nova», в принятой у наших монголистов транскрипции.

V. Текст памятника, как он мыслится написанным письмом уйгуро-монгольской системы в принятой у нас транскрипции для современного монгольского письменного языка.

VI. Перевод на русский язык монголо-китайского словаря к Юань чао би ши, как он выводится из манускрипта П. Кафарова, с исправлениями и дополнениями его по данным современных китайско-европейских словарей и с добавлением соответствий в современном монгольском письменном языке.

VII. Филологические и историко-литературные примечания к текстам и их сопоставления с параллельными текстами «Altan tobči nova».

VIII. Издание памятника в подлинном его китайско-монгольском письме.

IX. Алфавитные index'ы: verborum, nominum et terminorum.

X. Библиографические сведения.

В части II, т. е. в русском переводе, все стихотворные места, за небольшими исключениями, разбиты на строфы и переданы русской речью, приближающейся к стихотворной же, с единственной целью несколько приподнять тон этих поэтических мест над прозою памятника и в надежде, что их обработка некогда привлечет, быть может, и внимание поэтов. Однако параллельно все же даются прозаические буквальные переводы этих мест.

Что касается затем китайской транскрипции монгольского текста памятника, то таковая, в сущности, не переложима на уйгуро-монгольскую, так как эти две системы монгольского письма различны между собою по самому принципу их построения. Уже Б. Лауфер регистрировал для монголов XIII в. четыре способа употреблявшегося тогда монголами письма и даже пытался точно приурочить введение каждой письменности к определенному году, а именно: 1) уйгурское письмо — к 1204 г.; 2) китайско-монгольское — к 1210—1223 гг. (эдикт Чингис-хана написан этим письмом 11 апреля 1223 г.); 3) квадратное письмо — к 1269 г., и 4) уйгуро-монгольское — к 1311 г.[1]

Констатируя факт наличия в XIII—XIV вв. этих видов монгольского письма и подвергая детальному изучению частные особенности каждого из них, никто, кажется, с достаточной определенностью не подчеркнул их различия общего, качественного, принципиального характера, такого же точно, какое монголы впоследствии видели между общемонгольской письменностью и ойратской, называемой по самому существенному признаку этого различия — todo bičig, т. е. ясное письмо, в отличие, следовательно, от общемонгольского — неясного. При этом не было сделано и всех вытекающих отсюда выводов. Смысл этих терминов достаточно определенно раскрывается уже самым значением слова todo ~ todorχai — 'ясный, явный, прозрачный, отчетливый, определенный, толковый, четкий, согласс-

[1] Dr. Berthold Laufer. Skizze der mongolischen Literatur. Keleti Szemle. Revue Orientale, VIII, 1907, pp. 165—261.

ная буква'. Казалось бы, что подчеркивание этого признака именно мало существенно, так как в принципе всякая алфавитная письменность стремится ясно и отчетливо передать звуки родной речи. Однако в специальных условиях развития монгольской письменности, видимо, происходили весьма значительные колебания и борьба взглядов и интересов политических и социальных на почве решения вопроса о выборе той или иной системы письма, именно по признаку большей или меньшей ее ясности. Специфические же социальные и политические условия заключались, прежде всего, в исконной раздробленности монгольского народа на племена, колена и родовые группы с более или менее дифференцированными диалектами, а также и с центробежными и центростремительными силами внутри них, толкавшими то к объединению в единую государственность, то к распаду и раздроблению на союзные объединения племенных групп. Каждая из этих сил стремилась к своему выражению в письменности, закрепляющей более или менее четко в письме звуковой состав одного какого-нибудь диалекта — todo bičig (ясное письмо, т. е. наиболее приближенное к звукам речи данного живого диалекта), или к выражению в письменности, способной раскрепостить письмо от диалектов, к письменности неясной, факультативной, условной или компромиссной письменности, допускающей различное произношение всех, по возможности, звуков, которыми выражается в живом говоре различие диалектов.

Представителями ясного монгольского письма в XIII в. являлись, повидимому, системы китайская и позднее квадратная. Обе они стремились закрепить в письме, как это пыталась сделать позднее, в XVII в., с таким же малым успехом, система ойратского, зая-пандитовского, письма,—закрепить один или несколько близких между собою южномонгольских, в современном аспекте, диалектов из группы так называемых чакающих диалектов, находившихся в стадии еще неразвившегося гласного из комплексов v+γ~g~ĭ~i+v, с резко дифференцированной, с другой стороны, артикуляцией o — ö и u — ü, с неотпавшим инициальным h и пр. Тогда как письмо древнейшей, вероятно значительно более древней, чем мы о ней знаем, письмо уйгурской или уйгуро-монгольской системы, наоборот, стремилось раскрепостить письменность от принудительной связи с диалектами, стремилось сделать его всеобщим, общемонгольским, путем искусного компромисса, путем усвоения спорным литерам факультативного чтения применительно к любому диалекту, для чего многим литерам усваивалось значение полифонов. Так, для говоров, «чакающих» литера *c* могла давать в чтении нужный им русский «ч»; для «цокающих» — русский «ц»; для диалектов с недоразвившимся долгим гласным служил полифон-комплекс v+γ+v; придыхание в начале слов, начинающихся с гласного, свойственное и ныне в живом произношении немногим лишь диалектам, поэтому и не нуждалось в особом выражении в письме этой системы; гласные o — ö и u — ü могли произноситься факультативно, получая общее начертание; и даже многоразличные суффиксы глагольных форм, как -mui, -suγai, -tuγai, -γtun, -tχun и т. п., могли произноситься применительно к диалектам, хотя при общей для всех письменности, на ряду с местным чтением, вырабаты-

валось, естественно, и общее традиционное чтение, чтение, так сказать, литературное.

Изложенными основными особенностями двух противоположных по методу и целям систем монгольского письма и объясняется невозможность полного перетранскрибирования «ясного» письма в «неясное».

Не говоря уже об отсутствии в «неясной» письменности некоторых знаков «ясной», как, например, знака для начального h, неясное письмо закрепляет в себе, в свою очередь, некоторое явление более теоретического порядка, нежели существующее в практике живых диалектов явление так называемого сингармонизма, подобие правила, по которому в словах, имеющих гуттуральный слог, нельзя иметь еще и слог из звуков, свойственных палатальному слогу, и наоборот, тогда как письменность ясных систем это вполне допускает. Так, например, невозможно передать неясным письмом такие слова ясного, как kemeba, mergan, nikan, так как их все равно надо будет читать: kemebe, mergen, nigen, в силу сингармонизма письма и общей традиции чтения, которые могут быть отчасти преодолеваемы лишь позднейшим особым монгольским алфавитом, созданным исключительно для транскрипции иностранных слов.

В виду изложенного, процесс перетранскрибирования из одной системы письма в другую перерастал бы уже, в нашем представлении, в процесс перевода с одного языка или диалекта на другой, как, например, перевод слов и фразы с украинского на русский: «hбрел, стiл; ой як крикне старый hбрел, що под хмари вьеться» — «в орёл, стол; гей как крикнет старый орёл, что под тучей вьётся».

Но в монгольском понимании транскрипции этот процесс гораздо более ограничен и закономерен и не является собственно переводом с языка на язык или с диалекта на диалект хотя бы уже потому, что обе системы монгольского письма (и письма универсальной, унифицированной системы как по форме, так и по существу — системы уйгуро-монгольской, и системы китайской и квадратной, частной, дифференцированной по существу и стремившейся стать универсальной по форме), — обе эти системы существовали исторически одновременно и параллельно и в той или иной степени являлись достоянием если не монгольского народа, то монгольской государственности.

Можно заключить, поэтому, что системы так называемого ясного письма, todo bičig, начиная с китайской и продолжая квадратной и ойратской, только потому не имели успеха, что в эпоху их введения панмонгольские стремления преобладали в мире монгольских племен, и наоборот, имели соответственный успех и долгое существование у тех монгольских народностей, которые искони отличались наибольшим и последовательным сепаратизмом, как, например, группа племен ойратских. То же явление происходит и теперь на наших глазах, когда резко обострившиеся стремления к национальному самоопределению реализовались все большей дифференциацией в начале более или менее общего латинизированного письма и приспособлением его к потребностям возможно более близкого выражения фонетических особенностей живых диалектов.

EB_1941_AKS_221

Таким образом все существовавшие у монголов системы письма распадаются на две принципиально различные группы, из коих системы todo bičig можно бы назвать монофоническими, а системы уйгурские — полифоническими.

II. СПОСОБЫ ПЕРЕТРАНСКРИБИРОВАНИЯ ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ, НАПИСАННОГО МОНГОЛЬСКИМ ПИСЬМОМ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ, В СИСТЕМЫ УЙГУРО-МОНГОЛЬСКОГО ПИСЬМА

Прежде чем перейти к обсуждению поставленного вопроса, необходимо высказать несколько общих соображений, относящихся к происхождению и истории памятника, который, как выше упомянуто, состоит из трех частей: a) транскрипция китайскими знаками, b) подстрочный монголо-китайский словарь и c) сокращенный китайский перевод-пересказ. Кроме того, по свидетельству китайских источников, существовала некогда при «транскрипции», но утрачена, еще и четвертая часть: d) текст памятника, написанный письмом уйгурской системы, список которого ныне, как полагают некоторые исследователи, в значительной своей части обнаружен в составе вновь открытого текста летописи «Altan tobči nova».

Если бы мы даже и не имели многих свидетельств китайских источников, относящихся к истории текстов Юань чао би ши,[1] все же мы, путем непосредственного изучения и сопоставления их, должны были бы притти к заключению, что все они составлены разновременно и что дата колофона (1240) относится только к тексту *a* (транскрипции) или *d* (проблематическому уйгуро-монгольскому тексту), или к ним обоим вместе. К такому именно заключению приводит, во-первых, отсутствие всяких показаний в подстрочном словаре для многих слов, которые являлись, быть может, провинциализмами или же как в настоящее время, так возможно уже и во время составления словаря стали архаизмами и были поэтому непонятными для истолкователей текста, чего ни в коем случае не могло произойти при одновременном составлении в 1240 г. и «транскрипции» текста и словаря к нему; и во-вторых, в очень многих случаях «сокращенный перевод» явно уклоняется от передачи неясных мест не только в случаях намеренно, как будто бы, подлежавших сокращению отрывков (как, например, многочисленные стихотворения), но и в тех неясных местах, которые снабжены вполне достаточными словарными пояснениями, как и стихотворения, но ни по каким иным соображениям, кроме непонимания текста, не могли быть выключены из текста без его более или менее существенного искажения. Опять-таки ничего подобного, казалось бы, не могло произойти при одновременном составлении текстов, когда руководители по составлению «транскрипции» (выполненной в общем прекрасно, если не считать искажений, несомненно происшедших в дальнейшем при многочисленных переписках заведомо непонятного текста), те же руководители и с такими же хорошими

[1] См.: П. Кафаров. Предисловие к «Старинному Монгольскому сказанию о Чингис-Хане».

БИБЛИОТЕКА

результатами должны были консультировать и при составлении других частей работы — словаря и перевода. И действительно, уже П. Кафаровым, хотя и по несколько сбивчивым показаниям китайских ученых, доказано, что обе последние части работы или во всяком случае последняя (перевод) выполнены около 150 лет спустя после даты колофона (1240), которую П. Кафаров, вслед за китайскими учеными, относит лишь к проблематической, в действительности не существующей рукописи, выполненной уйгурским письмом, а следовательно, берет под сомнение дату 1240 и для китайской транскрипции, без достаточной критики принимая на веру показания довольно темных китайских источников. Для нас же принять на веру эти сообщения представляется крайне затруднительным, так как не сообщается, с какой же именно системы монгольского письма в 1382—1388 гг. сделана китайская транскрипция? Если с квадратной, то в это время она уже фактически не существовала, сведений же о предварительном переложении памятника на квадратное письмо никогда нигде не приводилось. Если эта работа выполнена по уйгурскому тексту, то откуда взялись особенности транскрипции, несвойственные никакому периоду письма уйгурской системы? Наконец, неприемлемо также и предположение о первоначальном написании памятника квадратным письмом, так как в 1240 г. такой письменности не могло существовать. Итак, квадратное письмо неприемлемо для 1240 г., так как его тогда *еще не* существовало, и для 1382—1388 гг., так как его тогда *уже не* существовало. Остается только одно предположение, что китайская «транскрипция», если только она не является для нашего памятника и единственной версией, современна его не существующей ныне уйгуро-монгольской версии. Как видно будет из дальнейшего изложения, все факты становятся на свои места, как только мы сделаем предположение, что наш памятник был написан (монголом, знавшим китайский язык и письмо, или китайцем, обладавшим такими же познаниями в монгольском, — безразлично) при помощи практиковавшейся тогда у монголов и вполне при этом сложившейся[1] системы китайско-монгольского письма, единственным крупным текстом на котором он пока и является.

Однако это все же пока предположение, основанное лишь на косвенных показаниях, добытых из самого памятника и не подкрепленных прямыми и определенными историческими свидетельствами. Тогда как, быть может, и мнимый факт существования первоначального уйгуро-монгольского письма, наоборот, опирается не только на такой крупный научный авторитет, каким является П. Кафаров, но и на прямые, определенные, в большей или меньшей степени, исторические показания.

Поэтому, не отвергая совсем и этого предположения, я пытаюсь даже подыскать и для него сколь возможно достаточные внутренние обоснования.

Но здесь вполне закономерным и своевременным представляется поставить вопрос о том, не даст ли исчерпывающего решения этой проблемы вновь отысканный текст монгольской летописи «Altan tobči nova»,

[1] П. Кафаров, op. cit., предисл. стр. 5.

куда, по заключению P. Pelliot и Б. Я. Владимирцова, вошло около половины оригинального монгольского текста «Сокровенного сказания».[1] Необходимо, прежде всего, внести поправку: включена не половина, а 233 (1—176 и 208—265) параграфа из общего количества 282 параграфов, т. е. 83% всего текста. Есть, однако, подозрение, что 30 параграфов (с 177 по 208) в данном списке пропущены при переписке случайно[2] и что найдется список, в котором они окажутся налицо. Тогда процент включенных частей окажется значительно выше.

В дальнейшем, в примечаниях к текстам, даны подробные сопоставления и сравнительный разбор обоих текстов — китайской транскрипции и монголо-уйгурской версии по «Altan tobči» Лубсан Дандзана. Поэтому здесь достаточно ограничиться общими выводами, вытекающими из такого сравнительного изучения этих двух текстов. Текст «Altan tobči nova»[3] отличается следующими главнейшими особенностями: 1) он достаточно насыщен интерполяциями, выполнение которых просто и непритязательно до того, что не возникает ни затруднений, ни колебаний при их выделе. При том же и явно буддийская тенденция большинства из них свидетельствует, с полной несомненностью, о позднем их появлении; 2) в именах собственных наблюдается явная тенденция сколько возможно придерживаться текста китайской транскрипции; 3) решительно во всех случаях архаизмов, испорченных или неясных мест в китайской транскрипции и монгольский текст, и именно в этих самых местах, оставляет нас в том же затруднении, в каком находится его автор, прибегая в этих случаях или к простому пропуску неясных мест, или к возможно более близкому перетранскрибированию слов, хотя бы при этом получилось и непонятное и даже никак не могущее быть поясненным слово или выражение, или к перефразировке, совершенно произвольной; 4) часто вносятся такие поправки в китайскую транскрипцию, при этом явно неудачные поправки, которые выдают существовавшее у автора подозрение, будто бы та транскрипция, с которой они делают свою, исходила из монголо-уйгурского письма, причем авторы ее, китайцы, по незнанию языка, не умели верно прочесть недиакритизированное n и принимали его за коронку или наоборот; 5) архаические или диалектические формы, например формы склонения личного местоимения 3-го лица, встречающиеся в памятнике почти во всех падежах и числах, а не только в родительном, а также форма с описательным суффиксом -t, полностью опущены и заменены соответствующими формами и словами общемонгольского письменного языка и при том более позднего периода; 6) последовательность изложения текста китайской транскрипции, и притом буквально в тех же выражениях, сохранена полностью, если не считать некоторой синтаксической переработки, приближающей текст к более позднему монгольскому литературному стилю, и 7) инкорпорированный текст Юань чао би ши так же снабжен, как и его китайский прототип, подстрочным словарем, но уже не монголо-китайским,

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 16.

[2] По сходству фраз, заканчивающих § 176 и начинающих § 208.

[3] Кроме фотокопии рукописи мы располагаем теперь и Улан-баторским ее изданием 1958 года, в двух томах.

а монголо-монгольским, с предельной ясностью обнаруживающим как весьма слабую степень познаний автора в старописьменном монгольском языке, так и самое время его составления. Так, нуждаются в пояснении и получают их такие, например, слова: ayisui, переводящееся 'iremüi' (далеко не точно); negüri ~ negüdel (§ 118); χoriłałduju ~ esergü tesergü (§ 8); širołγa ~ irekü-eče; ečine ~ dałda (18); daγuliχu ~ dobtułχu (§ 35), и т. п.

Все это заставляет в отношении текста «Altan tobči nova» сделать два заключения различной, по-моему, степени достоверности: или этот текст составлен по одному из списков, сделанных с первоначального уйгуро-монгольского текста, написанного некогда трудно читаемым уставным письмом, или же он восходит непосредственно к переложениям на уйгуро-монгольское письмо рукописей или ксилографов китайской транскрипции. Со своей стороны, я считаю более приемлемым второе допущение, склоняясь к тому, чтобы рассматривать работу по включению текста Юань чао би ши в текст монгольской летописи XVII в. как самостоятельную попытку монгольских буддийских схоластов XVII в. восстановить монгольский текст памятника по китайской его транскрипции, попытку, равнозначущую с таковыми же попытками европейской науки, причем и самые методы этой работы на первых порах оказываются тождественными, исходя из единого уйгурско-монгольского письма и письменного языка и не учитывая диалектов и систем письма.[1]

Для иллюстрации изложенного выше приведу здесь всего один параграф из китайской транскрипции и параллельное ей место из «Altan tobči», сравнение которых вскрывает многое во взаимозависимости этих двух текстов.

§ 79 китайской транскрипции: Tedüi atała Tayici'ud-un Targutai-Kiriltug Turγa'ud-iyen uduridcu: «Xoluχad xo'ojiju'u! Shilüged shiberijü'ü!» ke'en irejü.[2] В подстрочном словаре (китайском) дано:

Xoluχad ~ χorugat ~ mo: χurγad — 'ягнята-однолетки, кургашки'; χo'ojiχu ~ mo: γuujiχu — 'линять, облинять'; turγaχ — 'стража, гвардия'; shilüged — 'слюни'; mo: šilüsün — 'idem'; shiberigü — 'убрать'; mo: šiberikü — 'загородить'. Едва ли можно ошибиться, предположив, что китайский подстрочный словарь, написанный особым китайским стилем — диалектом XIII—XIV вв.,[3] был недоступен уже монголам в XVII в. Ошибки же монгольского переложения, повидимому, и объясняются, главным образом, недоступностью этого словаря. В «Altan tobči» это место изложено так: Tedüi atała Tayičiγud-un Targutai-Kiriltuγ turaχad-iyen uduridudču ire jü, χułaγun sočiju, šilügen šiberčijü irejüküi».

По китайской транскрипции это место должно быть переведено так: «Тайчиудский Таргутай-Кириltух нагрянул к ним во главе своей стражи — Турхаутов. Он думал:

[1] Такой же точно характер имеет и приобретенная недавно Институтом востоковедения монгольская рукопись Цендe-гуна (монгольский текст Юэбши с монгольским же пересказом), относящаяся к 1910—1915 гг. и связанная, несомненно, с китайским изданием 1908 г., с которого выполнялась транскрипция.

[2] Транскрибировано по системе акад. Б. Я. Владимирцова (см. ниже).

[3] См. П. Кафаров, op. cit., предисл., стр. 17, 18.

«Овечки-то должно быть облиняли,
Слюни свои с возрастом подобрали».

Текст «Altan tobči» пытается слово в слово воспроизвести эту не совсем ясную фразу и опускает одно только слово в конце: перед irejükü опускает kemen. Имя Targutai-Kiriltuγ воспроизводится в точности, хотя kiriltuγ и звучит не по-монгольски, вызывая ассоциацию χaγaltuγ — 'завистник, ненавистник', как это прозвище и пояснено у Рашид-Эддина.[1] Древнее слово turχa'ud воспроизведено turaχaγud, вероятно механически, без понимания его, и с лишним вставным a. Слово uduridcu переделано в uduridudču по ошибке ли, или с целью изменить залог. Слову χoluχad соответствует в «Altan tobči» слово χulaγun — 'крадучи(сь)', тогда как в китайской транскрипции, что ясно по китайскому переводу, стоит plur. от слова χurγan — 'кургашек, ягненок однолетка', причем χulγad вышло от того, что у китайского переписчика перед знаком l оказался пропущенным, как это часто в тексте, знак «шэ» — 'язык', превращающий l в r. Слово χo'ojiju'u ~ mo: γuuǰiǰuχui — 'слиняли, облиняли', переиначено в «Altan tobči» в слово sočiju, допускающее также чтение χoǰiju, т. е. 'испугавшись или опоздав', за неимением китайского словаря, показывающего здесь значение 'линять', и трудностью узнать сразу в транскрипции χo'ojiju'u монгольское литературное γuuǰiǰuχui.

Таким образом во фразе текста «Altan tobči» почти утрачен всякий смысл, и она, примерно, может обозначать: «Тайчиудский Таргутай Кириltух, заставив своих Турахахов вести себя, прибыл крадучись, со страхом подобрав слюни». Далее в тексте Юань чао би ши значится: «Ayuju ekes kō'üd aχa-nar de'ü-ner shiġui hoi χorġolaju, Belgütai modud χuġuru tatalaju shibe'e bariju, Xasar χarbulalduju, Xaci'un, Temüge, Temülün ġurban-i jaba-ja'ura dürüjü bulχaldun büküi-tür, Tajici'ud ungshiju ügülerün: Aχaban Temüjin-i ile! busud-i tano kereg ugai! ke'en ungshiġdaju, Temüjin-i morila'ulju buru'udχan hoi-tur duta'aju odχui-i Taiici'ud üjejü hüldejü Tergüne'ündür-ün shiġui-tur shirġuju orobasu, Taiici'ud oron yadaju, shiġui-tur horcin sakiji, . . .».

Этому месту в «Altan tobči» соответствует следующий текст: «Tedüi ayuju, Ögelen-üjin-eke köbegüd aχa-nar degüüner Onan-u šiγui oi-dur širγulju, Belgetei modun χuγura tatałaju sibege (küriye) bariba. Xasar χarbułałduju, Xačuχun, Temüge, Temüjin γurban-i jaba jaγura dürüjü, bułχałdun (dayiłun) büküi-dür, Tayičiγud daγudaju ögülerün: Aχayuγan Tömujin-i ilege! Busud tanu kereg ügei!' kemegdejü, Temüjin-i moriłaγułju sem-iyer buruγudχan oi dutaχun ilegekü yi Tayičijud üjejü üldeküi-dür, Tegün-e öndür-ün šiγui dur orobasu, Tayičiγud orun yadaju, šiγui orčin-a sakiba».

Здесь над текстом проделана такая работа. При дословном почти порядке изложения разорван в двух местах период при помощи окончательных форм (bariba, sakiba). В эпизод борьбы произвольно включена мать Ögelen-üjin. Для уточнения прибавлено к слову «лес» слово «Ононский».

[1] Собрание летописей, ч. I, стр. 25.

Вероятно, по ошибке переписчиков Temülün превратилось в Temüjin, отчего получилось, что с малышами вместе в ущелье запрятали и Темучина. Слово bulγaldun над строкой пояснено dayilun, т. е., вместо 'оказывал сопротивление', переведено не совсем точно 'сражаясь'. Непонятное более в значении 'кричать' слово ungšiju дважды заменено словом dayudaju. В противоречие со словом üjejü вставлено слово sem-iyer, так как, видимо, смысл всей фразы был неясен и т. п.

Таким образом «Altan tobči nova», за исключением интерполяций и новых текстов, написанных вполне четким и местами очень хорошим языком XVII ст., в текстах, параллельных Юань чао би ши представляет, возможно, не более как довольно слабую попытку восстановления нашего памятника по китайской его версии, а потому лишь в незначительной степени может содействовать текстологической работе над ним. Тем не менее, и самые ее ошибки, не говоря уже о встречающихся удачных толкованиях, могут давать очень ценные указания и приводить к важным выводам. Поэтому я считал в особенности целесообразным полностью привести, в виде особого текста, все параллельные места «Altan tobči», исключив лишь из текста новейшие напластования летописи во второй части, а также и все крупные, особняком стоящие вставки в первой ее части, с тем, однако, чтобы отметить их в той части работы, где излагаются результаты сравнительного изучения текстов этих памятников по главам и параграфам, сведенным к единой нумерации.

Переходя затем к вопросу о способах передачи китайской транскрипции, необходимо, прежде всего, установить, какие именно правила и с какими целями положены в основание китайской транскрипции, назначавшейся для фонетического выражения настолько чуждой языковой системы, что для этого в китайском во многих случаях не имеется ни фонетических, ни графических соответствий и средств. В этом отношении надо иметь в виду следующие коренные несходства. Китайское письмо и язык — моносиллабические, в то время как монгольские — полисиллабические. Количество и звуковой состав китайских слогов, по сравнению с монгольскими, чрезвычайно ограничены. Качество составляющих слог гласных и согласных звуков в китайском и монгольском различны, причем способы диакритизации, по самой природе китайского письма, очень ограничены. В виду этого выражение монгольских фонем при помощи китайского письма иногда крайне затруднительно, вследствие чего китайская транскрипция, в значительно большей степени, чем, например, наша, является условной, выражая только тенденцию к адэкватной передаче монгольских фонем, а не самую их передачу. Однако в той мере, в какой мы обнаруживаем ее тенденции, они полностью совпадают с таковыми же и в наших транскрипциях, а следовательно, как правило, не должны будут и вызывать надобности в каких-либо новых знаках, кроме тех, которые для тех же целей применяем и мы. Сказанное станет более ясным на тех примерах, которые приводятся ниже при анализе китайской транскрипции. Так, слово Mongγol-un состоит из трех монгольских слогов: Mong-γol-un, но ни один из них по своему составу

не имеет соответственных в ограниченном фонде китайских слогов. Поэтому в китайской транскрипции необходимо применить иную разбивку на слоги: Mong-γo-ɬun. Но и при этом все же слог Mong не находит полного соответствия в китайском. В этом случае для слога Mong используются фонетически близкие к нему слоги mang или meng, где e приближается к русскому «о». Монгольские смычные χ и γ в китайской транскрипции, как часто и в монгольском письме, не различаются или различаются непоследовательно, при явной же тенденции китайской транскрипции нет надобности передавать это слово в китайской транскрипции как-нибудь иначе, чем это передаем мы в своих транскрипциях. Например: Mangγoɬ-un.

Состав гласных звуков монгольского языка представлен в китайской транскрипции следующим образом.

a. Одинаково слыша и фиксируя его там же, где и мы, транскрипция, кроме того, улавливает и закрепляет его во всех эмфатически повышенных конечных слогах, независимо от ряда, к которому слово относится. Это в особенности касается суффиксов = tai ‖ tei, -dai ‖ dei; -γai ‖ gei; -ya ‖ ye; ba ‖ be; -ɬuγa; ‖ lüge.

Примечание. По общему правилу китайской диакритизации монгольских гласных, таковъя не обозначается в тех случаях, когда по другим признакам очевидна принадлежность слова к данному ряду. Например: Ogodai. Наличие в слове смычного заднеязычного g, соответствующего монголо-уйгурской литере g, свойственной словам переднего ряда, показывает, что в первом слоге o = ö, второй слог go = gö; третий — dai ~ däi ~ dei.

e. Для слогов, начинающихся с согласной, кроме k, č, j, китайская транскрипция находит соответствие лишь в дифтонге ye, а для слогов, начинающихся с k, č, j, — в гласном, среднем между русским «э» и «о». Нет поэтому надобности передавать литерально: dye-myei, Dyei-Syečen, а так же, как и мы: demei, Dei-Sečen.

i. Этот гласный имеет полное фонетическое и графическое соответствие.

o — ö. Различие между ними не выражается, а только подразумевается по принадлежности слова к переднему или заднему ряду.

u и ü. Различаются таким же способом, однако в некоторых, преимущественно двухсложных, словах иногда различаются, так же как и в монгольском письме, посредством приставки сзади i или e. Например: sueni ~ süni ~ mo: söni; kuiluk ~ külük ~ mo: külüg. Наблюдающееся смешение o и u, ö и ü — возможно мнимое смешение, в действительности же точная передача диалекта.

Согласные:

n и ng — последовательно и строго различаются; однако n служит также и для выражения m в конце слога. Например: tendek ~ temdek ~ temdeg; embüle ~ embüle; dunda ~ dumda; Senggün ~ Senggüm и т. д. Так как n и m и в монгольских живых диалектах, а иногда и в письме, также смешиваются, то предпочтительнее последовательно сохранить китайскую транскрипцию.

χ, γ и h без различия передаются звуком χ, явно носящим следы более древнего q. При этом наблюдается некоторая тенденция различать χ и γ,

но крайне непоследовательно; в отношении же h таковой не наблюдается вовсе, а, следовательно, ему усваивается особое качество, которому и должен при перетранскрибировании соответствовать h. Таким образом, при последовательном проведении китайской транскрипции, имели бы соответствие:

χ	γ	h
q	ġ	h.

Здесь же необходимо отметить, что при передаче монгольских слов китайская транскрипция, как правило, считает пустыми, непроизносящимися, нулевыми и потому не подлежащими никакому изображению γ, g, m и b, когда они находятся в положении между двумя гласными, почему изображаются только эти последние. Исключение составляют те монгольские слова, в произношении которых стяжения не происходит. Вслед за китайской транскрипцией я не вижу оснований прибегать к гиатусу, точно так же как и в нашей же транскрипции не пользуются этим знаком в таких, например, многочисленных и принципиально тожественных случаях, как при транскрипции слов: taułai, teüke, χauli и т. п. Поэтому и такие слова, как oede, maou~mau, deere, и следовало бы воспроизводить с китайской транскрипции без всяких изменений.

b. Этот согласный не дает расхождений, кроме, например, случаев положения его между двумя гласными, когда он, наравне с γ, g, и m, часто подвергается закону стяжения, т. е. в китайской транскрипции трактуется как «пустая» буква. Например: keeesu, keeed ~ kemebesü, kemeged, iree ~ irebe.

s и š. Эти звуки находят себе полное выражение в китайской транскрипции, причем, однако, знак s нередко служит и для выражения монгольского č, когда оно соответствует русскому «ц». Например: sotan ~ čotan.

t и d. В случаях последовательного смешения их возможно усматривать подлинное отражение диалекта памятника.

m. Случаи выпадения или замены его звуком n пояснены выше.

l и ł. Изображаются, как и в монгольском письме, одним знаком, причем ł подразумевается в словах заднего ряда. Кроме того, этим же знаком, с особой диакритической отметкой, изображается и знак r, причем отметка часто пропускается, отчего происходит путаница в транскрипции, иногда крайне затемняющая текст. Например γar — 'рука'; без отметки читается γał — 'огонь'.

č. В китайской транскрипции во всех случаях звучит как русское «ч».

ǰ — всегда как русское «дж» или «чж», причем č и ǰ нередко смешиваются, что может объясняться как влиянием диалекта, так и сходным начертанием этих литер в монгольском письме древнего периода.

yod. В китайской транскрипции находит полное соответствие, но почти никогда не удваивается в середине слов, в противоречие с монгольским правописанием, что̀ нуждается в своем отражении при перетранскрибировании.

kāph (k) разумеется в древнем его фонетическом значении, сближающемся с русским «к», и никогда не имеется в виду возможность его теперешнего халхасского произношения, близкого к русскому «х».

v. Употребляется в китайской транскрипции только для передачи немонгольских слов.

Таким образом при оценке приемов и методов китайской транскрипции, очень часто надлежит принимать не те звуки, которые в действительности показывают их знаки, но те звуки и знаки монгольского языка, которые она стремится изобразить. Иными словами, китайская транскрипция имела в виду тот же самый, известный нам, уйгуро-монгольский алфавит, полифонам которого она придавала, по сравнению с нами, несколько иное значение и применяла несколько иные методы транскрипции. А именно $\bar{a}leph$, различаемый нами как $\bar{a}leph_1$ (a) и $\bar{a}leph_2$ (e), китайская транскрипция различает как $\bar{a}leph_1$, $aleph_2$ и $aleph_3$, что при переводе, так сказать, к одному алфавитному знаменателю дает соответствие:

наша транскрипция	a	—	e
китайская транскрипция	a	ä	e

yod_1 и yod_2 дадут подобное же соответствие:

наша транскрипция	ĭ	i	ǰ	y
китайская транскрипция	—	i	—	y

waw_1 и waw_2 дают соответствие:

наша транскрипция	o	u	ö	ü
китайская транскрипция	o	u	—	ü

nūn и nūn + kaph дают соответствие:

наша транскрипция	n	ng
китайская транскрипция	n	ŋ

В соответствии с китайской транскрипцией, мне кажется, предпочтительнее передавать, так же как это принято в некоторых наших транскрипциях, одним знаком ŋ.

$hēth_1$ и $heth_2$ дают соответствие:

наша транскрипция	q > χ	γ	g	ġ	
китайская транскрипция	q	q̇	—	q	(пустая буква)

pē дает соответствие:

наша транскрипция	p	b	w
китайская транскрипция	p	b	w

šin дает соответствие:

наша транскрипция	s	š
китайская транскрипция	s	š

taw, daleth дают соответствие:

наша транскрипция	t	d	
китайская транскрипция	t	d	t (конечное)

Повидимому, китайская транскрипция последовательно учитывает существовавшую в XIII в. уйгурскую традицию письма и чтения в конце знака taw, что могло бы давать некоторое основание для предположения, что китайская транскрипция имела дело с соответствующей рукописью на уйгуро-монгольском алфавите.

Lāmedh дает полное соответствие:

наша транскрипция	ɬ	l
китайская транскрипция	ɬ	l

причем китайская транскрипция не применяет особой литеры ɬ, так как китайский слог и без того ее показывает при помощи своего гласного.

Mēm дает соответствие:

наша транскрипция	m	—	
китайская транскрипция	m	m > w	(пустая буква)

sādhē дает соответствие:

наша транскрипция	č	ǰ
китайская транскрипция	č	ǰ

kāph дает соответствие:

наша транскрипция	k	g	—	
китайская транскрипция	k	k	k	(пустая буква)

т. е., по аналогии с некоторыми монгольскими рукописями, единый знак для k и g диакритируется знаком над k:

rēš дает соответствие:

наша транскрипция	r	—
китайская транскрипция	l_1	l_2

bēth дает соответствие:

наша транскрипция	v	w
китайская транскрипция	v	w

Монгольский слог ju передается в китайской транскрипции слогом jou. Слог oa нередко передает монгольский слог a. Например: oloan ~ olan.

В отношении транскрипций я решил, в общем, воспользоваться любезно сообщенными мне замечаниями проф. Н. Н. Поппе о необходимости выполнения в данном случае трех транскрипций: 1) транскрипции, приближающейся, по возможности, к транскрипциям китайского письма памятника, с наименьшим при этом количеством надстрочных диакритических знаков, как это и свойственно китайскому письму текста; 2) транскрипции типа, принятого для текстов квадратного письма, и 3) принятой у монголистов транскрипции для текстов монголо-уйгурской письменности вообще.

Давая в настоящем издании две из указанных транскрипций, а именно первую и третью, я по недостатку времени отложил пока во вторую очередь транскрипцию типа, принятого для квадратного письма, имея при этом в виду, что система этой транскрипции применена уже в ряде работ проф. Н. Н. Поппе, а в отношении Юань чао би ши — проф. Б. Я. Владимирцовым в его посмертной работе «Общественный строй монголов», где цитирован в этой именно транскрипции целый ряд мест из текстов памятника с несовсем понятным, к сожалению, изменением многих транскрипционных знаков, едва ли дающим в результате «более упрощенную и облегченную транскрипцию на основе латинского алфавита, чем та, которою пользуются в последнее время русские ориенталисты».[1]

Из всех суждений по вопросам транскрипции наименее приемлемыми, с моей точки зрения, представлялись те, которые сводились к желательности и даже необходимости полностью отразить в транскрипции памятника все те фонетические особенности, которые свойственны китайским идеограммам вообще и их звучанию в китайских диалектах (или диалекте) XIII в. в частности.

Не говоря уже о том, что этой темы хватило бы на совершенно специальное задание группы специалистов и притом на весьма продолжительный период времени, необходимо заметить лишь, что, на мой взгляд, подобная постановка вопроса могла бы иметь место лишь в отношении какого-либо фонетически закрепленного китайского разговорного текста, а не в отношении тех китайских знаков, которые при этом адоптированы, вероятнее всего, самими же монголами в качестве условных звуковых символов, имеющих лишь т е н д е н ц и ю к изображению на письме звуков монгольской речи, с ее совершенно чуждой фонетической системой. Такое направление работы повело бы лишь к углублению тех фонетических извращений, которые и без того, по самой природе китайского письма, в изобилии искажают, подчас до неузнаваемости, монгольскую речь памятника, и внесло бы в дело невероятные осложнения и путаницу, едва ли при этом возместив ее сколько-нибудь ценными эквивалентами.

С другой стороны, поскольку мы, монголисты, уже на основе далекой от совершенства русской транскрипции П. Кафарова, а также капитальных работ A. Mostaert'a по «архаическим» монгольским диалектам, в громадном и потому решающем большинстве случаев распознаем не только монгольскую речь памятника, но и прослеживаем полностью его архаические фонемы, постольку именно эти самые, воспроизводимые нами, монгольские фонемы XIII в. сами могут служить базой и источником для фонетических исследований в области современной им китайской диалектологии.

Само собою разумеется, что только что высказанным отнюдь не имеется в виду отрицать большую важность и интерес специальной работы, которая могла бы быть посвящена вопросам китайско-монгольской фонетики по данным китайской транскрипции такого большого и важного текста, каким является Юань чао би ши.

[1] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 4.

В данном же случае, при восстановлении монгольского текста памятника, я предпочел итти по следам всех работавших в этой области ученых, а именно П. Кафарова, Dr. Kotwicz'a, проф. P. Pelliot, Б. Я. Владимирцова, E. Haenisch, из которых никто, для подобной же цели, не делал попыток точного воспроизведения совокупности китайских фонем (в роде цин-цзи-сы, хэ-хань, то-ча-ань, дунь-да, хэ-ча и т. п.), для чего пришлось бы, прежде всего, изобрести специальную транскрипционную систему, так как существующими в настоящее время в монголистике совершенно не покрывались бы вновь выдвигаемые потребности.

За всем тем необходимо сделать еще несколько добавлений к вышеприведенным объяснениям по вопросу транскрипций.

На мой взгляд нет никаких затруднений рассматривать Юань чао би ши как памятник монгольского национального письма (XIII ст.) при помощи китайских знаков, письма, существовавшего у монголов одновременно и параллельно с другим письмом при помощи уйгурских знаков. Эта гипотеза, как по соображениям исторического характера, так и по причине относительного совершенства и внутренней устойчивости, последовательности этого вида письма, достижимых не иначе, как в условиях монгольской национальной среды и долговременной практики, — эта гипотеза представляется мне достовернее, во всяком случае, гипотезы о перетранскрибировании китайцами текста памятника, написанного первоначально уйгуро-монгольским письмом.

В непреодолимом противоречии с этой последней гипотезой, помимо целого ряда других фактов, находится хотя бы наличие в китайской транскрипции таких чисто диалектических моментов, как употребление h инициального, замещение некоторых слогов (gür вместо обычного kür), резкое различие в письме ö и ü, а также систематическое нарушение сингармонизма (Ögedai, ireba) — моментов, не могущих найти своего выражения в письме уйгуро-монгольском по причине его «несовершенства», обусловленного целым рядом полифонов в его алфавите. Однако это кажущееся несовершенство и было причиною торжества этой именно письменности, по самому принципу своему наиболее пригодного для тех объединительных целей, которые ставила себе монгольская имперская власть в XIV ст.

С этой точки зрения и наша транскрипция текстов уйгуро-монгольского письма, будь то даже и так называемые транслитерации, является, в сущности, не чем иным, как интерпретацией монгольского письма применительно к звуковому составу какого-либо в данное время господствующего диалекта (например халха-монгольского) или так называемого «грамотного чтения». Так, различение в письме двузначных символов может означать не что иное, как раскрытие, интерпретацию монгольского письма, т. е. отмену и нарушение всей его системы, сущностью которой именно и является двузнаменательность символов, как единственный способ сделать эту письменность пригодной для всех монгольских диалектов и говоров. Для транскрипции иноязычных слов позднее введен монофонный уже галик. Инициальное h не получило в уйгуро-монгольском письме особого знака по той, очевидно, причине, что наличие его вело бы часто к извращению

смысла речи (например hauɬχu, χauɬχu, aγuɬχu), между тем как отсутствие этого знака, имеющего значение придыхания, маловажно, так как легко может подразумеваться теми читающими, в диалекте которых это придыхание имеется.

По этой причине, вслед за проф. Владимирцовым,[1] я счел необходимым отразить в «транслитерации» китайско-монгольского письма h инициальное, хотя таковое, по самому свойству китайского письма или еще и другим причинам, в тексте трактуется одинаково с q > x, а в переложении текстов на современную транскрипцию — отразить также и упомянутые диалектические моменты памятника и его орфографические особенности (в особенности имен собственных). Далее, для звуков k и g в транслитерации приняты сходные k и k̇ в виду постоянного диалектического их взаимосмещения, а для звуков q и q̇ ~ χ и γ, почти не различающихся[2] в основном тексте, приняты написания q и q̇. В общем же, как в той, так и в другой транскрипциях я придерживался транскрипционных систем проф. Б. Я. Владимирцова, видоизменив лишь некоторые знаки и устранив изображение гиатуса. Самые же транскрипции названы, в виду изложенных соображений: первая — «транскрипция китайско-монгольского письма» и вторая — «транскрипция китайско-монгольского письма, переложенная на уйгуро-монгольское».

В отношении текста русского перевода необходимо пояснить, что, в связи с пересмотром вопроса о примечаниях и для большей наглядности, я решил поместить дословный прозаический перевод в самом тексте вслед за переводом, сделанным ритмической речью.

Наконец, примечания, собственно предназначавшиеся для второго выпуска, я свернул до минимальных размеров, предполагая в дальнейшем восполнить недостающее в этом отношении.

III. ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ КАК ПАМЯТНИК МОНГОЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Недостаточно обоснованное мнение П. Кафарова о том, что заглавие нашего памятника придумано китайскими его переводчиками, могло бы быть подкреплено отсутствием его в кратком колофоне, содержащем только дату и место его составления, и необычайным расположением заглавия в начале рукописи и притом в терминах, нигде более в монгольской летописной литературе не встречающихся: «Mongγoɬ-un niγuča tobčiyan». Необычным здесь является слово niγuča — 'тайный, секретный'. Между тем как слово tobčiyan, отождествленное проф. О. Ковалевским[3] со словом tobči, — обычная составная часть заглавных формул в монгольских летописях-хрониках. Сближение значений tobčiyan ~ tobči 'сокращение, резюме, извод, изборник'

[1] Op. cit., стр. 37, 39, 52, 54, 61.
[2] Кафаров в своей транскрипции применяет x и ẋ.
[3] Словарь, стр. 1821, 1822.

со значением 'пуговица', независимо от источников, на которых основывается проф. Ковалевский, может быть выведено и этимологически из единого √ tobči — 'сокращать, стягивать', откуда tobčiγa ~ tobčiya ~ tobčo ~ tobči — 'всё, что стягивает, сокращает, собирает, в том числе и пуговица, как то, что сокращает, собирает разошедшееся, распахнувшееся'. Niγuča не значит ничего другого, как 'секретный, скрываемый от всех (например скрываемые органы), келейный, потайной'. Но ни о каких тайнах, сокровенных заветных преданиях или наказах и ни о чем подобном в самом памятнике нет речи. А потому, быть может, было бы правильнее понимать это слово в одном из тех значений, какие могут быть даны соответственным словам китайского перевода — 'пи ши' т. е. 'неофициальная история, неофициальный исторический изборник'.[1]

Впрочем, вопрос о заглавии памятника, дошедшего до нас в удивительной сохранности, может иметь лишь второстепенное значение, так как характеризует его содержание лишь с некоторых сторон, предоставляя ближайшее его определение из него самого. Из заглавия мы должны сделать лишь два вывода: о том, что данная хроника не является подлинным историческим документом, а только кратким извлечением, изборником, составленным притом не для официального применения, а для удовлетворения обыденных потребностей в чтении для возможно широких масс народа, а быть может, и для начального обучения юношества. Памятники официального значения, повидимому по традиции, идущей от глубокой древности, обозначались термином defter ~ debter, а позднее — teüke, с таким же древним определением altan или köke, т. е. 'золотой или синий', а позднее — šira или čaγan, т. е. 'желтый или белый', причем altan и köke восходят, возможно, к шаманской цветовой символике («Вечное Синее Небо, Животворящий Эфир и Золотая поверхность Мать-Земля Этуген») точно так же, как могут выявлять позднейшую буддийскую символику цветов (šira — 'желтая вера' и čaγan — 'белые добродетели, как ее необходимые спутники'). Остается добавить к этому, что в широком народном употреблении эпитет altan очень близок семасиологически с таковым же русским «красный».

Общеизвестны определения, дававшиеся нашему памятнику начиная с П. Кафарова, который озаглавил его «Старинным Монгольским сказанием о Чингис-хане», а позднее[2] — «Анекдотическими сказаниями о Чингис-хане». Березин, по мнению акад. Бартольда,[3] неудачно назвал его «Монголо-китайской летописью», между тем как сам В. В. Бартольд предпочитал сохранить за памятником название сказания и относить его к произведениям богатырского эпоса, в котором «выдающиеся богатыри прославляются автором гораздо больше, чем Чингис-хан и его род», что видно из нескрываемого автором эпопеи братоубийства Чингиса и «вероломного уничтожения одного из своих верных слуг». Речь, впрочем, идет об убий-

[1] Мою догадку в этом смысле относительно слов niγuča tobčiyan вполне подтвердил акад. В. М. Алексеев, задолго до работы E. Haenisch'a толковавший термин «пи ши» как 'неофициальная история'.

[2] В 1872 г., в пометке карандашом на полях манускрипта транскрипции.

[3] Туркестан, 1900, стр. 43, 44.

стве Бури-Боко, который не был слугою Чингиса, а представителем могучего враждебного племени. О создании нашей эпопеи именно в среде монгольской военной аристократии акад. Бартольд заключает из того факта, что самому Чингис-хану влагается в уста завет относиться с уважением к ханской гвардии, т. е. к военной аристократии. Юань чао би ши представляется В. В. Бартольду поэмой, в которой «рельефно очерчен идеал степного богатыря с его неукротимой храбростью, непоколебимой верностью главе народа и безграничным гостеприимством». В дальнейших своих исторических концепциях, в связи с данными нашего памятника, В. В. Бартольд первый обратил внимание на изображенную в нем упорную борьбу Чжамухи с Чингис-ханом, причем, на основании усмотренных В. В. Бартольдом демократических тенденций в некоторых высказываниях Чжамухи (гл. III, § 118), о которых будет сказано ниже, он пришел к выводу о том, что Чжамуха стоял во главе демократического движения против руководимой Чингисом аристократической партии.[1] Б. Я. Владимирцов, который вначале всецело поддерживал и развивал все эти предположения, впоследствии отказался от них, оставаясь все же при взгляде на памятник как на «эпическую хронику», и особенно настаивал на переводе ее заглавия — «Сокровенное сказание», так как цель ее — «сделаться заветным преданием дома Чингис-хана, его историей, так как это сказание действительно сокровенный источник рассказов о мрачных событиях, происшедших внутри одного рода, одной семьи, одной кости».[2] Б. Я. Владимирцов доказал, что и Чжамуха также опирался на аристократическую знать, и обратил при этом внимание на его характеристику как человека, который «хотя и имел демократические тенденции, но в жизнь их проводить не мог за неимением подходящей среды и соответствующих условий, который сам не знает, чего хочет, и мечется из одной стороны в другую».[3]

Все же надо отдать должное названным ученым, которые сумели сделать так много плодотворных обобщений и выводов как историко-литературного, так и социально-исторического характера из памятника в том его китайском сокращенном и искаженном пересказе, каким в значительной мере признавалась китайская его версия и самим ее блестящим переводчиком, П. Кафаровым, называвшим китайский перевод и «сокращенным» и «неполным» и «не совсем точным».[4] Насколько этот перевод неточен — можно судить уже по отрывку, касающемуся монгольской письменности. Китайские ученые, а за ним и П. Кафаров, весьма непоследовательно настаивают на существовании ныне затерянного списка летописи, выполненного монгольскими письменами, полностью отрицая в то же время существование монгольской литературы и даже письменности во время Чингис-хана или почти полностью.[5]

[1] В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана. Зап. Вост. отд. Росс. археол. общ., т. X, 1896, стр. 111.
[2] Общественный строй, 1934, стр. 7, 62, 83 и др.
[3] Ibid., стр. 84, 85.
[4] См. предварительное примечание к манускрипту транскрипции.
[5] Ср. стр. 207, 223 и 224 Старинного сказания.

«Передавать (посольские речи) на словах было в обычае у монголов, не знавших письменности. Китайские писатели удивляются точности, с какою монголы передавали речи других по пальцам». Чингис сказал Шиги-хутуху:... «Решенные дела записывай на черные дщицы, дабы после другие не изменяли». К этому отрывку китайского перевода летописи П. Кафаров делает замечание о деревянных таблицах sambar, и ныне ведущихся у монголов в качестве записных книжек из дощечек, пропитанных маслом, натертых золою аргала, сшитых ремнем, и вспоминает при этом старинный китайский стих: «Монголы, рассекая дщицы, писали на них историю».

Все это говорится об эпохе 1206—1240 гг., т. е. за 60 лет до перевода на вполне развитой монгольский литературный язык целого буддийского канона, много ранее которого нам известен целый ряд памятников этой литературы, вполне удостоверяющих уже достаточно высокое развитие этого языка, на котором, несомненно, имелась в соответственном объеме и литература, не дошедшая до нас, а может быть, только еще пока не открытая нами.

Что же касается вышеприведенной цитаты из Юань чао би ши в китайском переводе,[1] то в действительности она основана на грубом искажении текста, возможно что и вполне сознательном искажении следующего замечательного места из нашей летописи, где совершенно ничего не говорится ни о каких дщицах, а содержится следующее повеление императора (записанное под 1206 г.), обращенное к Sigi-χutuχu:

«Müngke Tenggeri-de ihe'egdeǰü, gür uĺus-i jügle'üljü bükü-tür, či üjegü-in nidün, sonosχu-in cikin bolju, gür ulus-i Eke-de Bidano de'ü-ner kö'üd-te χubi irgenö ńere'er ishiġai tu'urχatan-i iriceüljü, χabdasun e'üdeten-i χaġaja'ulju χubilaju ög! Ken ber cino üge bushi bu bolġatuġai! ke'en jarliġ bolba. Basa šhiġiχutuχu-i: Gür ulus-un χulaġai-i kese'eǰü, χudal-i moχa'aju, ükü'üldekün yosutan-i ükü'ül, alda'uldaχun yosutan-i alda'ul! ke'en Gür De'ere-in jarġu tüshiba. Basa gür irgen-ö χubi χubiyalaġsan-i Kökö Debter bicig bicijü debterleǰü, uruġ-un uruġ-a gürtele Shigi-χutuχu-in Natur eyetüljü yosulaju kökö bicig caġa'an ca'arsun-tur debterlegsen-i bu ye'üdketügai! Ye'üdkekün haran aldaltan boltuġai! ke'en jarliġ bolba», т. е.:

«В теперешнем с помощью Вечного Неба преобразовании всенародного государства будь ты оком смотрения и ухом слушания. Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и царевичам выдели их долю, состоящую из людей, проживающих в войлочных стенах, так называемых подданных-irgen, а затем выдели население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения».

Кроме того, на Shigi-χutuχu он возложил заведывание Всегосударственным верховным трибуналом, повелевая так: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всем государстве. Повинных смерти — казни, повинных штрафу — штрафуй».

[1] См.: Юань чао би ши, текст и прим. П. Кафарова, стр. 115, прим. 311 и 441.

Затем он издал такой указ: «Пусть записывают в Синюю книгу, брошируя ее затем в томы, и вносят в нее реестры по районированию всесословного и всеязычного населения (gür irgen-i), а также все судебные решения и приговоры. И на веки веков да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Shigi-χutuχu и внесено затем в книги синим письмом на белой бумаге. Подлежит наказанию всякий виновный в изменении таковых» (текст, § 203).

Переходя к исследованию состава памятника, необходимо, прежде всего, отметить, что все его стихотворные части полностью исключены из китайского перевода и лишь изредка представлены в самом сжатом схематическом изложении. Для примера возьмем перевод § 106, как он представлен в китайском переводе по П. Кафарову и как его следует передать в точном соответствии с подлинником.

§ 106 (по П. Кафарову, стр. 53). «Чжамуха говорил еще: „Ты скажи Темучжину и Ван-ханю, что я уже снарядил свое войско. Брат Ван-хань, тронувшись в поход, пусть пройдет и т. д.“».

§ 106 (по монгольскому тексту в моем переводе). «Чжамуха продолжал: „Вот что еще прошу вас передать анде Темучжину и старшему брату Тоорил-хану: обо мне скажите, что я

Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он крепкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой одел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил.
В битву — скажите — готов я теперь,
В битву с Меркитом-Хаа́тай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревущий ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцырь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.
К смертному бою готов я — скажите —
К бою с Меркит-Удуи́том.

Пусть Тоорил-хан, следуя южным склоном и т. д.“». Таких стихотворений, вместе с 2—3—4-стишиями, в произведении насчитывается 122. Если сопоставить это количество с общим числом звеньев (282), на которые более или менее искусственно разбито все произведение, то на каждые два звена или параграфа придется по одному стихотворению, учитывая при этом, что одно из больших подразделений или глав (числом 12) представляет

EB_1941_AKS_221

сплошной эпический отрывок, наполовину составленный в стихах (с аллитерацией) и на половину ритмической прозой.

Уже из обзора памятника с этой, чисто технической стороны необходимо заключить, что авторами или автором ему придавалось, прежде всего, литературное значение. Что касается характера этих стихотворений, которые по своему обилию, разнообразию сюжетов, жанров и конструктивным особенностям должны явиться предметом специального исследования, то лишь меньшинство их по форме и содержанию может быть отнесено к разряду так называемый народной лирики. Таковы, например, сватальная Унгиратская песня (§ 64), о которой в другом месте почти прямо и сказано, что это — народная песня (§ 176): Чингис велит своему полководцу напомнить Унгиратам эту их народную песню. Или сатирическая народная песенка на неудачливого Дон-Жуана (§ 111, песня о Чильгире, охотнике до великосветских дам). Эпическим складом отличается вся глава VII, в которую включены отрывки исторических песен или сказаний о монгольских героях, сокрушивших Найманское царство (§§ 186—197). Далее — эпический отрывок из исторической песни о снаряжении Чингисом своего знаменитого полководца Субеетая в дальний поход за Урал (§ 199). Народная сатирическая песенка на оседлый Тангутский народ (§ 265). Прочие стихотворения распадаются на две группы, из коих одна, несомненно, представляет образцы монгольской литературной лирики, а другая, возможно, является результатом литературной обработки народной поэзии. Так, все стихотворения типа позднейших yöröl'ей, maγtał'ов, surγał'ов, ǰoriγ'ов[1] должны быть отнесены к этому излюбленному жанру монгольской книжной поэзии, хотя и восходят к таковым же прототипам народной поэзии, утратив лишь специальные народные черты и элементы чудесного, сверхнатурального. Таковы: maγtał'ы вроде «Похвалы добродетельной вдове» (§ 74), «Кочевая загадка Чжамухи» (§ 118), «О Чжиргинских богатырях». Наконец, все прочие стихотворения носят все признаки искусственного их составления придворными поэтами и певцами или для «посольских слов», заменявших послания в стихах, но почти всегда с примесью изящной прозы (§§ 126, 179, 180, 181, 200, 201), или для так называемых присяг, т. е. формул феодальных клятв (§§ 123, 124, 164 и др.), или для «похвальных слов» (§§ 208—214) и т. п. Особняком стоят, несомненно, искусственные лирические стихотворения, включенные в посольские речи, так сказать в «переписку», например, между Чингис-ханом и Чжамухой (§§ 105, 200, 201). В общем же, по самой грубой классификации, вся масса стихотворений распадается, примерно, на следующие группы: эпические отрывки — 24 [§§ 139, 149, 170, 186—197, 199, 254 (2), 255 (6), 260]; посольские слова-письма — 5 (§§ 105, 106, 108, 265, 266); maγtał'ы — 9 (§§ 74, 75, 146, 208, 209, 210—214); surγał'ы — 5 (§§ 78, 126, 174, 276, 277); обрядовые — 3 (§§ 96, 102, 164); сатирические — 3 (§§ 111, 174, 265); сватальные песни — 1 (§ 64); кочевые — 1 (§ 118); присяжные, обетные речи — 3 (§§ 123, 137, 147); элегии: предсмертное слово Чжамухи, предсмертное

[1] О них cf. A. Mostaert. L'ouverture de sceau et les adresses chez les Ordos. Monumenta Serica, vol. I, 1935, fasc. 2, p. 317.

слово Толуя — 2 (§ 201, 272); сетование — 1 (§ 203); гимн гвардии — 1 (§ 230); увещательные слова цариц к царю — 2 (§§ 245, 254); мелкие стихотворения — пословицы, поговорки, гномы.

Независимо от того, что многие стихотворения носят все признаки индивидуального литературного творчества определенного дарования и вкуса, резко бросается в глаза еще одна общая всем разительная черта: все они, как будто бы, прошли единую цензуру отбора и оценки, будучи лишены обычных в подобных произведениях элементов сказочного, чудесного или даже чрезмерно гиперболического, которыми так ярко отмечены произведения монгольской народной словесности позднейшего периода. Исключение могли бы представлять несколько эпических отрывков главы VII (§§ 186—197), в которых с чисто народной меткостью и яркостью изображены герои Найманского побоища. Но, во-первых, по замыслу, все это — лишь «дружественные шаржи» на простых героев сражения, преподносимые при этом Чжамухою Таян-хану, чтобы поглумиться над ним и напугать, о чем Чжамуха в ту же ночь и сообщает тайно Чингису, рассказывая со смехом, как он одурачил Найманского хана и еще до сражения «убил его ртом своим». Самые отрывки также мало вызывают сомнения в их народно-эпическом происхождении, как несомненно и явно ироническое отношение автора памятника к этим наивным созданиям народной поэзии. Все это с предельной ясностью показано при помощи искусного конструктивного приема зарисовки всей сцены Найманского побоища, несколько напоминающей прием описания в песне III «Илиады».

Надо со многих сторон всматриваться в этот крайне своеобразный и крайне сложный памятник монгольской литературы, чтобы охарактеризовать его хотя бы со стороны конструктивной. Так, по общему типу двухчленной конструкции византийских вульгарных хроник и таких, находящихся под их непосредственным влиянием, творений как, например, русская, так называемая Начальная или Несторова летопись, и наш памятник содержит, в основном, две части, из коих первая по преданиям реализует народную память о своем прошлом, примерно, за 4—5 протекших веков, и так же, как и Начальная русская летопись, с определенной великодержавной тенденцией пытается связать единым родством многоразличные монгольские племена, как бы они ни были далеки друг от друга и по языку, и территориально и даже этнически. Вторая часть также имеет тенденцию к погодной записи происшествий, иногда быть может и далеким задним числом включая их в искусственную хронологическую сетку, несмотря на то, что эта последняя часть обнимает всего сорок лет жизни летописца и главнейших героев его повести Чингиса и Чжамухи, так что, скажем, 65-летний автор хроники (возможно Коко-Цос) мог не особенно затрудняться установлением и более точной хронологической сетки как по собственным воспоминаниям, так и на основании местных и общегосударственных летописных сводов и документов, по показаниям самовидцев и прочим многоразличным источникам. Что автор хроники таковыми широко пользовался, в этом едва-ли может быть сомнение хотя бы по наличию в тексте подлинных указов и распоряжений, а также недоступных простому запоминанию таких актов, каким,

например, является акт о назначении 95 тысячников, с точным перечислением их имен и происхождения, достаточно точный и обширный перечень географических названий по Средней Азии, Южной Руси и т. п.

Далее необходимо отметить, что в хронику искусно вплетено множество сцен, с художественным драматизмом передающих выдающиеся события изображаемой эпохи. Сцены эти ярко вырисовываются своими выпуклыми художественными формами на фоне обычно сухого повествования хроники. Наконец, через весь памятник сквозною красною нитью проходит вплетенное в него с большим мастерством изображение трагической борьбы между двумя великими личностями, вызывающими преклонение и восхищение автора, борьбы между Чингис-ханом и Чжамухой. Изображение этой трагедии, как и самые портреты героев, представляют, правда, лишь подобие набросков карандашом, но своим чувством меры и удивительной яркостью обнаруживают гениальную руку художника. Беглость и схематичность рисунка, а также присущий монгольской манере письма лаконизм с трудом позволяют усмотреть сущность развивающейся трагедии и отношение автора произведения к своим героям.

При всем том мне представляется, что движущие идеи той и другой борющейся стороны вырисовываются достаточно ясно. Уже под 1206 г., после разгрома основных противников Чингиса — Татар, Меркитов, Кереитов и Найманов, — записаны слова Чингис-хана: «Ныне, когда я пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в мощи своей небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел под единые бразды свои, и вы учреждайте для меня гвардию» (§ 224). Эта основная идея Чингиса высказана им еще с большей ясностью и силой под конец жизни, в пору искания элексира бессмертия, в письмах к даосскому философу Чан-чуню: «В семь лет я совершил великое дело, я во всех странах света утвердил единодержавие... За непокорность владетелей (государей, глав) я громлю их грозно... Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов... Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в степях, не имею роскошных наклонностей и следую умеренности; у меня — одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях (по преданию, Чингис-хан носил простое холщевое платье; холщевый кафтан его хранился как драгоценность при дворе монгольских государей в Китае) и то же ем, чтб коровьи и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна; в обучении воинских сил — тем[1] (10 000) я впереди других; в ратных боях не помышляю о тыле... Прошу тебя подвигнуть святые стопы твои. Не думай о дали песчаных степей... Сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе».[2]

[1] Тьма — 10 000.

[2] П. Кафаров. Си ю цзи. Тр. Чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 370—374, прил.

В Юань чао би ши образ Чингиса как неутомимого созидателя единодержавия очерчен в следующих словах мудреца Коко-Цоса:

«Родитель твой царь,
Великий улус созидая,
Черной своей головы не щадил.
Черную кровь свою ведрами лил,
Черных очей никогда не смежал,
Тонких ушей на подушку не клал:
На рукаве он при ну́жде дремал.
Жажду слюною своей утолял,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался...»

В этом же стихотворении Коко-Цос рисует и картину степных феодальных нравов, с которыми покончил Чингис, установив единодержавие. Усовещевая Чаадая, намекнувшего в присутствии отца, матери и братьев на происхождение Чжочи от матери их во время меркитского ее пленения, он говорит: «Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас (детей Чингиса) еще на свете не было:

Небо звездное бывало
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложилися,
Всё добычей поживлялися.
Мать широкая Земля
Содрагалася —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переведывались.
Друг на друга всяк посягал,
Вольной-волею никто не живал.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать.
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы матери.
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною.
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало,
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?»

Таким образом в приведенных документах мы находим и автопортрет Чингиса и сходную с ним зарисовку, сделанную придворным поэтом; присутствуем также при его собственных высказываниях о главной задаче своей жизни и о главных препятствиях, стоявших на пути ее выполнения. Задача эта — установление всемирного единодержавия, как миссии, «внушенной ему самим небом». Главные препятствия на пути к ее выполнению — многочисленные властители, т. е. крупные и мелкие феодалы, владетельные князья. Против них-то малым еще нервным ребенком затаил непримиримую ненависть Чингис и уверовал на всю жизнь, что само небо внушило ему борьбу против их неистощимых кровавых неистовств. Это они, князьки-феодалы соседнего племени Татар, отравили его отца в цвете сил, оставив на руках матери-вдовы пятерых детей, старшим среди которых был девятилетний Чингис. Это они, родичи Тайчиудские феодалы, бросили на произвол судьбы его мать-вдову, отобрав предварительно всех крепостных. Из-за них же ребенка Чингиса отдали под опеку и в ученье в чужие люди, к знатному побратиму покойного отца, Кереитскому владетельному хану Тоорилу, где он своими глазами видел все ужасы кровавых междоусобий при этом дворе. Подростком его похищает князь Таргутай-Кирилтух Тайчиудский и, боясь в нем подрастающего мстителя, держит его в кандалах и позорном ошейнике-к а н г а, пока счастливый случай не помог ему бежать с великими трудностями. Далее, не успел юноша Чингис ввести в дом свою невесту Борте, как меркитские князья, из-за старинных феодальных счетов, налетают на его дом, разоряют его, похищают жену и мачеху и много дней и ночей облавят его, словно дикого зверя, укрывшегося в непроходимые дебри и ущелья горы Бурхан-халдун. Наконец, путем длительных усилий и хитроумных дипломатических комбинаций и, главным образом, путем использования влияния и силы кереитского Ван-хана, покровительствовавшего ему как по личной приязни, так и по долгу побратимства с отцом его Есугай-Баатыром, Темучжин добивается положения, приблизительно равного положению своего покойного отца: целый ряд феодалов монгольского племени из потомков Бодончара провозглашают его племенным ханом, т. е. вождем своим, с династическим именем Чингис, а гиньский государь удостаивает его почетного титула чжао-хури (пограничный военный комиссар). Но тут его постигают наибольшие разочарования и злоключения феодальной смуты. Сначала ему изменяют наиболее сильные из признававших его племен, Чжуркинцы, с крупнейшими феодалами Сача-беки и Тайчу во главе. Когда же ему удалось со всею строгостью наказать изменников, со строгостью, не лишенною впрочем и коварства, то против него объединяются в грозный союз не признававшие его остальные монгольские феодалы, во главе с другом детства Чингисовым — Чжамухою, которого те провозглашают в самом высоком звании степного феодала, в звании Гур-хана, и толкают на борьбу с Чингисом. Воспользовавшись самым пустым поводом, Чжамуха открывает военные действия и на голову разбивает армию Чингиса, который вынужден скрываться в ущельях от мести своего присяжного друга-анды и нежного друга своей юности. Оба они клялись многократно друг другу в вер-

ности еще в детстве, когда вместе играли в бабки или в «альчики» на льду реки Онона, когда вместе воспитывались при дворе кереитского Ван-хана и пили «из синей чаши» названного отца-хана или пировали первые победы в урочище Хорхонах-чжубур.

Этих одареннейших людей своего племени, а может быть, и своей эпохи, разделяли, прежде всего, складывавшиеся условия современного им феодального быта с его беспрерывным соперничеством и борьбой феодальных владельцев. По обычаю избирать союзного монгольского хана, всесоюзного вождя, правда только по имени, монгольские князья после Хутулы-хана не могли сойтись в этот раз на единой личности. Выбор одной части, видимо, останавливался на даровитом и знатном по происхождению Темучжине, а другой — на Чжамухе, также родовитом и в своем роде, быть может, не менее одаренном. Дружба не выдержала этого испытания честолюбием. Чжамуха, в пору этих выборных колебаний, жил под одной кровлей с Чингисом, в глубокой приязни к нему, к своему анде, скрепленной уже не детскими клятвами, и, по обычаю анды, бывало, и ночевал с другом «под одним одеялом». Юань чао би ши рисует нам прекрасный портрет этого вечно скучающего изящного барина с ног до головы, рыцаря и поэта, острого и насмешливого, щеголяющего стихотворными импровизациями, то сатирическими, то простонародно-меткими и хлесткими, то загадочными присказками-прибаутками, то прекрасными элегиями. Всё почти, что говорит Чжамуха, представлено в памятнике стихотворной речью. Сказанного выше о трезвом, расчетливом, настойчивом, но уравновешенном Чингис-хане, с неослабевающей последовательностью, и притом всякими средствами и путями, стремившегося воплотить идею своего призвания, а не только грезившего о торжестве всемирного единодержавия над хаосом феодальных смут, стремившегося «во главе воинов и колесниц сокрушить всех феодальных господ силою призывавших его небес», поставить народы «на правый путь» и быть «отцом народов», — сказанного об этом завоевателе мира, ходившем в рубище, достаточно, чтобы видеть, сколь различны характеры этих двух замечательных людей. Прожить с Чингисом и его семьей неразлучно более двух лет значило для Чжамухи смертельно устать и соскучиться в чуждой ему атмосфере трезвенных фанатиков деловитости и стяжания, какими были, прежде всего, Чингис с его женой и матерью, которая «мудрой вдовой родилась». К тому же явно назревала пора, когда путям их трудно было не разойтись: обе стороны, конечно, прекрасно знали о той предвыборной борьбе, которая шла около их имен. А честолюбием едва ли кто из них превосходил другого. Разве только настойчивость в достижении целей да уменье удержать и укрепить за собою достигнутое, несомненно, были на стороне Чингиса. Этот момент расхождения друзей описан в хронике так:

«В полном мире и согласии прожили Темучжин с Чжамухою один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутука, в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухою вместе ехали верхами впереди телег.

И говорит Чжамуха: Друг, друг Темучжин!

Или в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют.
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут.

Не понимая смысла этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга, и как только те подошли, говорит матери Оэлун: Вот что мне сказал анда Чжамуха:

В горы что ли покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют.
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут.

Не понимая, что он этим хочет сказать, я ему ничего не ответил и думаю себе, спрошу-ка у матушки. Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается. Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами. Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет. Так-то будет лучше. Одобрив совет Борте-учжин, ехали всю ночь без сна...» (§ 118, 119).

Едва ли в этих загадочных словах Чжамухи, доставивших столько затруднений не одному только простому сердцем и умом Чингису, но впоследствии и ученым исследователям памятника, едва ли в них содержалось что-либо, кроме того, что в них тотчас открыла жена Чингиса — Борте: наскучив семьею Чингиса и тяготясь неусыпным надзором своих слишком внимательных и неотступных друзей, Чжамуха, в виду предстоявшего избрания его в Гур-ханы сильнейшей монгольской партией феодалов, вдвойне тяготился теперь гостеприимством Чингисовой семьи, тяготился как пленом. Поэтому он подчеркнуто проявляет глубокое безразличие и равнодушие скучающего человека даже в таком животрепещущем в степной жизни вопросе своих друзей, как выбор общего кочевья в то время, как от него ждут дружеской инициативы, по крайней мере хоть интереса к общему делу, к общей жизни. При этом нарочито подчеркнутое равнодушие граничит с явным желанием отделаться от надоевшей опеки друзей. Чуткая женщина сразу поняла и разъяснила Чингису, что общие пути ее мужа и скучающего барина Чжамухи разошлись и что чем скорее они расстанутся, тем лучше. И Чингис и мать его не стали оспаривать правильности заключения Борте, и с той же ночи пути друзей действительно разошлись. Чингис все же опередил своего соперника и ранее его добился у своей партии провозглашения ханом. Чжамуху также избирают его сторонники в Гур-

ханы, т. е. предоставляют ему титул и положение выше Чингисовых. Однако Чжамуха не умеет по-новому, по-чингисовски объединить вокруг себя своих самовластных феодальных князей, и после первых же неудачных или нерешительных столкновений со своим противником борьба его с Чингисом принимает какой-то странный, непонятный, даже иногда непоследовательный характер. Между тем Чингис громит феодалов одного за другим, не давая им соединяться, и шаг за шагом укрепляет лишь свое единодержавие. Он привлекает на свою сторону племя за племенем, переманивая их от Чжамухи щедростью и высокими пожалованиями талантливых и нужных людей, к какому бы классу они не принадлежали по своему происхождению. Так, например, награждая Сорган-Шира с сыновьями и Бадая с Кшиликом, спасших когда-то его в смертельной опасности, Чингис-хан говорит: «Кто был Сорган-Шира? Крепостной холоп, арат у Тайчиудского Тодеге. А кем были Бадай с Кшиликом? Цереновскими конюхами. Ныне же вы мои приближенные. Благоденствуйте же в дархатстве вашем, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток». (§ 219). И это — не исключительный случай, а норма, принцип. Видимо, этот замечательный человек, одетый в «холщевый кафтан», также выдвигал нечто вроде лицемерного лозунга: «Долой средостение между царем и народом, долой бояр-феодалов». И в этом только смысле он тоже был за «демократию» без удельных бояр, но и без народа, не считая «приближенных», «излюбленных» покорных людей. Чжамуха же стоял, видимо, за «демократию» для князей без самодержавного деспота. В этом и заключалась мнимая «противоположность» их политических и социальных взглядов. Сближала же их одинаковая классовая ненависть и жестокость по отношению к простому народу, к этим холопам-аратам, которые подлежали казни за всяческое «поднятие рук» на своих господ, если даже подчас таковое производилось и в интересах этих самых господ. Случаи подобных расправ настолько часто показаны в памятнике, что создают впечатление неписанного закона, существовавшего в отношении крепостных у феодалов всех направлений.

С момента своего избрания в Гур-ханы (1201) и до своей трагической гибели (1206) мы видим Чжамуху в стане всех врагов, которые только ополчились на Чингиса: он на стороне Сангума и Ван-хана в кереитских войнах, он с полками Таян-хана в найманском походе. Но поведение его в этой распре трудно разгадать: или он понял, что исход этих войн предрешен энергией накопившейся мощи великого вождя монголов, или он, по рыцарству своего характера, даже и разойдясь с Чингисом, не находит в себе, однако, сил на прямую измену своей нации и своему другу-анде, или он колеблется и мечется из стороны в сторону «просто по неустойчивости своего характера».[1] Как бы то ни было, он тайно открывает Чингису, в ночь перед боем, диспозицию его врагов, грубыми баснями сеет панику в найманском войске и, сообщая Чингису о настроении и местонахождении неприятеля, призывает его «дерзать». С другой стороны, он недостойно клевещет на своего друга перед Ван-ханом, заведомо ложно приписывая Чингису тайную связь с общим врагом (§ 160).

[1] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 85.

Найманская битва изображена посредством диалога между Таян-ханом и Чжамухой, которые наблюдают за ее развитием с пункта на горе. Этот отрывок дан в нарочито сказочно-былинных тонах и обрисовывает известных читателю простых сподвижников Чингиса сказочно-богатырскими чертами с единственной целью напугать панического неженку Таян-хана.

В 1206 г. наступает конец борьбы этих двух «друзей»: все враги Чингиса разгромлены, и он в простоте своей уверен, что, покончив с царьками меркитскими, кереитскими и найманскими, он стал уже «единодержавцем народов», не зная еще, на какую высоту величия вознесут его походы в дальние западные земли по пятам бежавших остатков вражеских сил. Выданный своими же стражниками, Чжамуха попадает в руки Чингиса. И вот как описан конец его в нашей хронике, между прочими важными обстоятельствами вскрывающей здесь, на мой взгляд, один из существеннейших моментов в психологии Чжамухи (§§ 200, 201).

(§ 200) «Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Взобравшись на гору Танну, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами! Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингис-хану. Приведенный к Чингис-хану, Чжамуха сказал им: Приказываю вам доложить государю вот как:

Собралася галка,
Загадала черная
Селезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой.
Чем же наградишь?
Мышеловка[1] серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?

На эти слова Чжамухи Чингис-хан изволил ответить: Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного

[1] Хулду — лепивый заевшийся коршун (калм. сарыч).

хана? И кому нужна дружба подобных людей"? И тотчас же повелел: „Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их". И тут же, на глазах у Чжамухи, предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингис-хан: Передайте вы Чжамухе вот что:

Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
Станем в одной колеснице оглоблями.
Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
Напоминать мы забытое станем друг другу,
Будем друг друга будить, кто заспится.
Пусть ты иными путями ходил,
Все же ты другом священным мне был.
Если и бились подчас не на шутку,
Дружеским сердцем ты горько скорбел.
Пусть иногда не со мною ты был,
Все же в дни битв роковых
Сердцем, душой ты жестоко болел.
Вспомним, когда это было меж нами.
В ночь перед битвой в песках Харгалчжит,
Мне предстоявшей со всем Керентом,
Ты мне Ван-хановы речи сполна
Передал, сил расстановку раскрыл мне.
Но и другая услуга твоя первой не меньше была.
Помнишь, как образно ты извещал:
Наймана словом своим уморил я,
На смерть его своим ртом напугал.

(§ 201) Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:

Некогда в юные дни,
В счастливом Чжубур-хорханаке,
Братство свое мы скрепили.
Трáпезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться!
Помнишь одним одеялом с тобой
Ночью мы дружно делились.
Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
„Мы же от сердца ведь клятвы твердили!"
Другу в глаза я не мог посмотреть —
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадной рукою коснулся.
Думал я: Клятвой ведь мы незабвенной клялись!
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд проницательных глаз,

Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня, государь:
В путь проводи поскорее,
В путь невозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрест замирив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С краю до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие ж братья и витязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлука
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой.
Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалуешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоим
Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.

Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем,
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы —
Буду просить — не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний.

Выслушав эти слова, Чингис-хан сказал: Как ни различны были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребьем то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую причину. Скажите ему: Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Дзеренево ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном угоне табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-балчжут. А теперь — скажите — ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его прах, но с подобающей почестью предайте погребению. Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, подняли кости его».

Итак, Чжамуха — сам конечно, а не жена только его, — был «сказителем былей», т. е. поклонником феодальной старины и убежденным, следовательно, противником нового дела Чингиса, который именно этой самой «старине» объявил беспощадную войну до конца. При этом, по собственному признанию Чжамухи, он «дальше анды своей мыслью стремился», т. е. был не менее его честолюбив, не менее его стремился к господству, к власти, но только к обычной власти степных царьков, роскоществующих и прожигающих жизнь «по старинке». В числе преимуществ Чингиса, которыми он «превзошел и раздавил» Чжамуху и всех своих соперников, от внимания Чжамухи не ускользнуло, конечно, и еще одно важнейшее обстоятельство:

Семьдесят три на конях орлука́
Служат в дружине твоей.

Это тот самый институт орлуков, который впоследствии вошел в эпические сказания монголов под сакраментальным термином «девяти орлуков» и о котором я высказал свои соображения в другой работе.[2] К этим соображениям необходимо добавить, что в эпоху расцвета могущества Чингиса кадры орлуков, этой охранной стражи или гвардии Чингиса, были развер-

[2] См. Уч. зап. Филфака ЛГУ за 1939 г., № 20, вып. 1.

нуты в 10 000-й корпус личной императорской гвардии, главное назначение которой, как видно из приведенных в памятнике многочисленных указов о принципах и формировании ее, состояло в осуществлении охраны внутреннего порядка, т. е. в подавлении внутренних смут и народных восстаний. Гвардия могла, по статуту, участвовать во внешних войнах и действовать лишь в исключительных обстоятельствах, когда на фронт выступал лично сам император и находил при этом ее присутствие в походе необходимым.

Само собою разумеется, эта гвардия являлась главной опорой единодержавной диктатуры, которую установил Чингис-хан в своей империи. При этом необходимо отметить, что как институт орлуков, так и весь состав гвардии далеко не были пополнены одними «аристократами». По статуту, основными кадрами ее, конечно, должны были явиться те люди «свободного состояния» (urtu dura-in — 'длинной воли'), привлечение коих в гвардию прямо предусматривается указами (§ 224).

Судя по статутам, внутренний режим этой военной корпорации, несмотря на суровую дисциплину, был проникнут таким своеобразным «демократизмом», такою относительной свободой и независимостью низших чинов от высших, входившие в состав ее воины облечены такими исключительными правами и преимуществами, что преданность верховному главе корпуса, казалось, была весьма прочно обеспечена.

Подводя итоги характеристики памятника, необходимо притти к заключению, что вышеизложенные замечания позволяют считать эту монгольскую хронику XIII ст. резко отличающейся от общего типа подобных же произведений мировой литературы. Она является в некотором роде универсальным по своему синкретизму произведением монгольской литературы, включая в себя многоразличные элементы: и документально-исторические и эпические, и элементы литературной лирики, и повести, и даже зачатки драмы и трагедии. При благоприятном развитии монгольской государственности и культуры неизбежно должны были вырасти из этих зачатков соответствующие формы литературного творчества. Однако послеюаньский упадочный период заморозил эти молодые побеги монгольской литературы, которая в эпоху возрождения в XVII в. пошла уже по бесплодному руслу буддийской схоластики. В светской же литературе жанр эпической хроники надолго остался преобладающим.

Со стороны языка памятник отличается такою яркостью, полнотой форм и изяществом, которые предполагают уже установившуюся традицию. Трудно поэтому рассматривать его как первобытное творение только еще начинающей складываться литературы. Возможно, что мы еще будем свидетелями открытия многих подобных памятников эпохи расцвета юаньской династии в бездонных тайниках китайской литературы, которая вобрала в себя памятники литератур многих соседних культур, пользовавшихся китайскою письменностью.

IV. ХРОНИКА 1240 г. И ПОЗДНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСА

Всеми исследователями монгольской литературы отмечены, как господствующие вершины, три выдающиеся самобытные произведения — это так называемое «Сокровенное сказание», которое, с некоторыми оговорками, может быть названо поэмой о Чингис-хане; западномонгольская или ойратско-калмыцкая поэма о Джангаре и монголо-ойратская поэма о Гесер-хане.

В той мере, в какой трудно и даже невозможно изучать исторические и историко-литературные факты и явления монгольского мира без учета их движения и развития среди отдельных его составлявших народов, в той же мере невозможно рассмотрение и этих трех главнейших литературных памятников вне исторического аспекта и вне взаимной связи и соотношения их между собою.

Всем известно, что «Сокровенное сказание», как и «Гесериада», являются памятниками литературными и вместе с тем памятниками монгольского письменного языка, между тем как «Джангариада» есть произведение устного народного творчества. Поэтому может показаться методологически не совсем правильным рассмотрение этих памятников в одном ряду. Однако, в дальнейшем изложении я хотел бы оправдать такую возможность.

С самого начала XIII ст., т. е. с самого выхода своего на историческую арену, в течение 700 слишком лет затем монголы говорят о себе письменными документами. Таковы для древнего периода монгольской литературы: «Чингисов камень» 1219 г., огромная поэма-хроника 1240 г., дипломатические документы персидских иль-ханов 1260—1305 гг., памятники квадратного письма второй половины XIII и первой половины XIV ст., грандиозная философская поэма «Бодичарьяватара» в монгольской версии 1305 г., трактат по грамматике и истории монгольской письменности того же времени.

Имея в виду принятые в монголоведении даты 1204 г. для введения у монголов уйгурского письма, 1210—1219 гг. для введения китайского письма и 1269 г. — для квадратного письма, а также учитывая одни лишь обнаруженные до сего времени памятники, мы должны притти к заключению, что XIII в. принес монголам, вместе с рядом письменностей, и свою национальную литературу и выработанный письменный язык. Обширный памятник этого языка, каким является «Сокровенное сказание», уже в 1240 г. представляет нам этот язык во всей силе и красоте настолько сформировавшегося письменного, литературного языка, что невольно сам собою возникает вопрос: где же его предшественники? Но вопрос этот упирается в немой тупик даты 1204 г. о первом появлении у монголов уйгурской письменности. Нетрудно, конечно, было бы опрокинуть эту шаткую дату, основанную на дате покорения Найманского государства и о пленении мифического найманского канцлера Тата-тунга — мифического праотца уйгуро-монгольской письменности, нетрудно было бы отодвинуть эту дату хоть на столетие назад, как, вероятно, в действительности и обстояло дело с возникновением у монголов письма, но этим еще отнюдь не был бы

снят с очереди вопрос: где же литературные прототипы «Сокровенного сказания», которое не могло же возникнуть из пепла первоначальной пустоты? А между тем нет, повидимому, никакой надежды когда-либо найти монгольский литературный памятник древнее «Сокровенного сказания», так как трудно допустить даже и самую возможность существования литературы в дочингисовых патриархальных родовых объединениях. И вдруг в XII ст., как deus ex machina, сразу и несколько активизированных письменностей и развитой литературный язык.

Попытка преодоления этого весьма серьезного затруднения принадлежит инициативе акад. Б. Я. Владимирцова, который остроумно использовал миф о найманском Тата-тунгае и развил теорию о найманском происхождении уже не письма только, но и самого монгольского письменного языка. Теория эта дала возможность решить многие узловые вопросы монголоведения.

Исходя из предположения о том, что по наследию от найманов и монголо-уйгурская письменность и литературный язык монгольский явились, вне всякого сомнения, достоянием господствующего в монгольском обществе класса степной аристократии, естественно было заключить, что источники всякого литературного творчества у монголов надобно искать для XIII в. в ставке степного феодала — «черного феодала», а для более поздних периодов — еще и в монастырях, среди князей церкви, или «желтых феодалов».

Далее, установив с полным и глубоким знанием дела «литературность» устного языка монголо-ойратского эпоса, равно как и дружинный характер этого эпоса, Б. Я. Владимирцов объяснял это явление созданием самого эпоса монгольского в среде «проникнутого эпическими настроениями» класса монгольской аристократии, которая одна и владела традицией монгольского литературного языка. Отсюда и все другие вопросы монгольской исторической поэтики, как, например, о классовой принадлежности рапсодов, об эпических персонажах, об иноязычных влияниях, — все эти вопросы решались в свете основных предположений о происхождении монгольского письменного языка.

Само собою разумеется при этом, что изложенная система предположений была выдвинута и принята в монголоведении не больше, как рабочая гипотеза, и что в качестве таковой она настоятельно требует скорейшего обновления, так как застойное ее положение в дальнейшем не только уже не сможет помогать постановке и разрешению важнейших вопросов монгольского литературоведения, а скорее будет тормозить их.

В этом отношении мне представляется, что некоторые давно установленные факты не привлекли к себе всего внимания, какого они заслуживают по своему значению в истории монгольского письменного языка и литературы, Один из таких хорошо установленных фактов обнаружен еще Рашид-Эддином и сформулирован им в следующем замечании по поводу своеобразных «устных» писем у монголов: «Монгольский обычай в древние времена был таков, что по большей части известия передавались словами (т. е. изустно), словами, искусственно рифмованными

и трудно понятными». И еще об обычаях и языке найманов и кереитов: «Государи их были древлеславные. Они имели сродство с племенами монгольскими; и обыкновения, обычаи, речь и слова близки у одних с другими».[1] В этих словах Рашид-Эддин отмечает, в сущности, тот же самый факт искусственности т. е. «литературности» некоторых видов устного творчества монголов, который шесть веков спустя был установлен Б. Я. Владимирцовым путем тщательного изучения языка монгольского эпоса. Далее, Рашид-Эддин устанавливает существование у монголов этого устно-письменного языка в дописьменный период и, следовательно, в некоторой мере указывает на один из источников современного ему письменного монгольского языка. Наконец, у Рашид-Эддина не находится сведений, которые бы свидетельствовали об исключительно высокой степени культурного развития названных монгольских племен.

Рашид-Эддин, писавший в XIV в., под «монгольским обычаем в д р е в н и е в р е м е н а» не мог разуметь ничего иного, кроме письменных и устных сообщений из эпохи XIII и частью XII ст., которыми он пользовался при составлении своего исторического труда. При этом не замечалось, что эти самые «устные известия», в виде рифмованных устных посольских наказов и легенд, приводятся им же самим чуть не в каждой главе его литературного труда частью по современным ему письменным монгольским источникам, частью по устным сказаниям монгольских старцев-«эмиров» и в отношении событий не так давно минувших времен: настолько традиция «устных писем» представляется ему отжившей и сугубо «древней» по сравнению с близким ему дипломатическим аппаратом и канцеляриями современных ему персидских иль-ханов. Он забывает, что приводимые им «устные письма» имеют «древность» немногим больше или немногим меньше всего лишь одного столетия. Ему представляется уже, что по своим письменным источникам он приводит не те же самые устные письма, а какие то иные, в свое время, века за два до Чингис-хана, уже принявшие письменные формы.

А между тем, «Сокровенное сказание», содержа в себе очень много таких же «устных писем», которыми обменивались между собою и Чингисхан с Чжамухой, и Ван-хан кереитский и Таян-хан найманский с Чингисханом и т. п., во всех случаях поясняет, что такое-то «слово» было «сказано» такому-то или таким то, и в дальнейшем рассказывается, как и при каких обстоятельствах послы «с к а з ы в а л и» это слово кому надлежало и какое «слово» было сказано в ответ и при каких обстоятельствах было, наконец, передано пославшему.

Таким образом, обычай сообщаться «устными письмами» широко практиковался не только в бесписьменный период монгольской истории, но и, на ряду с существованием письменности, в XIII в. Из бурятской же летописи усматриваем, что обычай этот сохранился как пережиток еще и в XVII ст. в виде своего рода шифрованных депеш, посылавшихся

[1] Р а ш и д - Э д д и н. Собрание летописей, в переводе И. Н. Березина, Тр. Вост. отд. Археол. общ., ч. XII, 1868, стр. 119.

в исключительных случаях и именно «словами, искусственно рифмованными и трудно понятными». Так, одна бурятская летопись[1] со скорбью рассказывает, как одна такая «шифрованная депеша», устное письмо-стихотворение, в котором аллегорически указывалось место и время встречи бурятов с их монгольскими соплеменниками, была слишком буквально, т. е. неверно понята, что повлекло за собою трагические последствия.

Изучая эти «устные письма» в составе «Сокровенного сказания» или параллельных ему записей Рашид-Эддина, мы приходим к заключению, что они принадлежат к специфически-кочевым жанрам монгольского народного творчества, различные элементы которого проникают всю ткань «Сокровенного сказания», как и позднейшей монгольской летописи, унаследовавшей все основные черты этой начальной монгольской хроники. Устные письма эти представляют такое же устное народное творчество, как и включенные в памятник многочисленные пословицы, поговорки, изречения и гномы, лирические народные песни, отрывки исторических песен, былин, фрагменты эпических циклов и т. п.

Таким образом уже Рашид-Эддин констатировал существование у монголов устного литературного языка, относя лишь это своеобразное явление к древнему, дописьменному периоду, мы же должны добавить, что этот устный литературный язык существовал и существует еще на ряду с письменным литературным языком: типичный пример обусловленности всех надстроечных явлений культуры экономическим базисом.

Необходимым условием кочевого хозяйства является размещение примитивного экстенсивного животноводства на огромных пространствах, для обеспечения его содержания на подножном прокорме, путем беспрерывного передвижения поголовья скота с пастбища на пастбище вместе со своими хозяевами. При таких условиях все орудия хозяйственного производства должны обладать максимальной простотой и мобильностью. В соответствии с этим и литературные ценности, создаваемые в этой среде, в значительно меньшей степени реализуются в памятниках письма, нежели сохраняются в памяти, передаваясь из поколения в поколение, передвигаясь по большим торговым и стратегическим путям и приобретая в процессе этого движения значение устно-литературного сверхдиалекта, общепонятного литературного языка, κοινὴ. Этот-то устно-литературный κοινὴ и берется главным творящим элементом в основу письменного монгольского языка, а из письменных форм, при ограниченности и малой сохранности и подвижности их, снова возвращается в устную среду для того, чтобы отсюда снова отлиться в письменные памятники.

Таким мне представляется процесс первоначального сложения монгольского письменного языка, лишь в позднейшую пору своего развития осложняющийся иноязычными литературными влияниями, элементы которых уже без особого труда поддаются точному учету и выяснению.

Анализируя простейший повествовательный, иногда погодный, текст «Сокровенного сказания» или Начальной монгольской летописи 1240 г.,

[1] Dam sonostaγsan üliger öge imu (А. М. Позднеев. Монгольская хрестоматия, 1900, стр. 54, 55).

мы находим, что вся его большая вводная часть есть не что иное, как положенная на письмо «словесная устная наука родословий», о которой Рашид-Эддин пишет: «Каждому новорожденному дитяти, так как у них нет религии и веры, в которой они наставляли бы детей, подобно другим, отец и мать объясняют колено и растолковывают род. Таковое правило всегда они хранили, и ныне то правило в уважении у них. У арабов означен и утвержден такой же приведенный путь».[1]

В дальнейшем в этот повествовательный текст включено, не считая многочисленных пословиц, поговорок и гномов, много отрывков исторических песен, былин и т. п.

Отсюда ясно, что и первый памятник монгольской литературы, слагаясь из элементов местного фольклора, поднявшегося в своем развитии до общеплеменного устно-литературного языка, κοινή, представляет не что иное, как положенный на письмо, уже сложившийся, устный литературный язык.

Совершенно теми же чертами устного литературного языка характеризуются и два другие позднейшие памятника монгольского эпоса, «Джангариада», и «Гесериада», с теми лишь особенностями, что и «Сокровенное сказание», и «Гесериада» носят на себе отчетливые следы отбора и редакционной работы над текстами народного творчества, тогда как «Джангариада» свободна от такого рода посторонних влияний, поскольку она непосредственно записана со слов сказителей-джангарчинов только в середине XIX и начале XX ст.

«Сокровенное сказание», при всем синкретизме его содержания, все же можно назвать эпическим произведением (со многими, конечно, оговорками) и именно эпической поэмой о Чингис-хане точно так же, как две другие поэмы, посвященные мифическим кесарям Джангару и Гесеру, называем «Джангариадой» и «Гесериадой».

Эти три крупнейших произведения монгольского народного творчества относятся к трем узловым этапам исторического развития монгольских народов, то объединявшихся, то вновь распадавшихся, и, тая в себе основные идеи своих эпох, выражают собою те чаяния монгольских народных масс, которые свойственны были каждой из этих эпох. Таким образом с этих трех вершин, созданных монгольским эпосом, мы можем проследить весь путь развития истории монголов, как он выражается в процессе развития социально-политического сознания монгольских народных масс — творцов трех эпопей о кесарях Чингисе, Джангаре и Гесере.

С другой стороны, народное сознание, свойственное данной эпохе, настолько ясно отражено во всех этих памятниках, что приурочение каждого из них, по крайней мере в отношении основных элементов сложения, не представляло бы особых трудностей даже при отсутствии датировки у всех этих памятников.

Основная политическая идея поэмы о Чингис-хане вложена поэтом в уста самого Чингис-хана. Уже под 1206 г., т. е. после разгрома основ-

[1] Рашид-Эддин, там же, стр. 28.

тянули к более широкому обмену и делали далее невыносимыми узкие рамки феодально-племенных хозяйственных автаркий. Прорыв же этих преград, выводивший на большие исторические пути движения, был сопряжен с величайшими опасностями беспрерывных грабежей и разбоев или грабительских обложений на многочисленных заставах, в свою очередь обусловленных удельно-родовым дроблением. С другой стороны, в монгольских племенных объединениях или княжествах — Меркитском, Татарском, Кереитском, Найманском и других — наблюдаем уже сложноразвитые системы административного аппарата в виде различных ведомств, сходных с нашими средневековыми ведомствами или «путями»: дворцовым, конюшенным, столовым, чашничьим, сокольничьим и т. п.

Чингис-хан понял, в какую сторону растет развитие исторических потребностей и сил современного ему монгольского общества и направил всю свою энергию на борьбу с отживающими остатками родового строя, рассеивая наиболее сплоченные родовые группы по другим инородным объединениям и находя себе мощную опору в организованном им десятитысячном охранном корпусе. Корпус этот, или гвардия, был укомплектован при содействии и из состава класса средних собственников крестьян-аратов, «людей длинной воли» (utu duri-yin güün), как они называются в памятнике. Во главе корпуса стояли семьдесят два ӧрлюка: так назывались «излюбленные люди», сотрудники Чингис-хана из людей того же класса «длинной воли», а частично и из «аристократов», разделявших убеждения Чингис-хана.

В китайском переводе разряд людей «utu duri-yin güün» назван «бай шень», т. е. 'белотелые', а в русской трактовке П. Кафарова — 'люди свободного состояния'.[1] Из приведенных в «Сокровенном сказании» фрагментов положения об охранном корпусе (§§ 191, 224, 225 и далее) необходимо заключить, что представители этого формировавшегося класса, вместе с простыми аратами, т. е. бывшими крепостными людьми, составляли основной контингент этого корпуса. Наблюдаем, следовательно, удачную попытку организовать эти группы сверху, пока они сами не начали организовываться снизу. Чингис-хан явно стремился опереться на эти сословия в своей борьбе с крепостническим боярством или аристократией, яростно отстаивавшей свои местноудельные интересы, против попыток ликвидации и поглощения ее организующимся надплеменным государством. Приходится поэтому признать, что делавшиеся ранее предположения (В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов) об аристократической базе чингисханового единодержавия не так близки к действительности.

Несомненно далее, что в происходившей дифференциации монгольского общества XIII ст. расслоение шло по линии наибольшего сосредоточения капитала, т. е. в данном случае поголовья скота в руках, главным образом, «людей свободного состояния», а также и на периферии этого возникавшего класса: в руках отдельных крепостных владельцев и простых аратов. Эти группы одинаково уже осуществляли экономическую эксплоа-

[1] П. Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Тр. членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 215.

тацию ниже и рядом стоящих общественных групп, как и одинаково были заинтересованы в должной организации сбыта излишков своего скотоводческого хозяйства. Они-то и тянули в сторону ликвидации удельно-родового дробления и связанных с ним смут и беспорядков на торговых путях.

Биография Чингис-хана начинается описанием разгрома, который учинило родственное племя тайджиутов, угнав скот и крепостных у матери его, вдовы Огелен, оставшейся после мужа с пятерыми детьми. Чингису тогда было всего девять лет. Затем, еще в юности он много пострадал от феодальных смут, пока сам, с подобранной дружиной молодцов из зажиточных аратов, не добыл себе состояния силою оружия. И чисто личные и имущественные интересы заглушали в Чингисе его родовые симпатии наследственного боярина и повелительно толкали его навстречу интересам возникающего прототипа класса сельской буржуази, которая сама, вместе с другими экономически близкими группами, стремилась к объединению, «под сильной рукой» для наилучшей защиты своих экономических интересов.

Надо при этом добавить, что социальный термин «utu duri-yin güün», трижды засвидетельствованный в Юань чао би ши, доселе никем, кроме Кафарова, не был отмечен, в работе Б. Я. Владимирцова не принят во внимание и, вообще, в монголоведении не учтен и не исследован. В словаре Erich Haenisch'a (стр. 39 и 167) «utu duri-yin güün» или «duri-yin güün» поясняется как 'люди из простого народа', 'простонародье'.

Эпоха Чингис-хана прекрасно характеризуется в монгольском народном сознании любопытной легендой, записанной в поздней монгольской летописи. Брат Чингиса, Бельгутай, в бою спас его, усадив на чужого коня. Однако за то, что Бельгутай подсаживал государя левой, а не правой рукой, Чингис-хан приказал запречь Бельгутая, вместо лошади или осла, в арбу, а простого человека, на чьей лошади он спасся, пожаловал дархатством. Услыхав, что братья Бельгутай и Хасар резко осуждают такое его неправосудие, Чингис-хан решил «смирить их гордость» (omoγ-i daruγulɨuya) и явился к ним под видом убогого странника, предлагая купить у него старинный лук. Те поиздевались и над стариком и над его луком, однако не сумели даже и тетивы этого лука натянуть, а старик на их глазах так пустил из него стрелу, что насквозь пронзил скалу. И уходя проворчал: «Yeke ögületele — yeke ömkü, gelē!» Братья тотчас сообразили, что это был sülde (дух-покровитель Чингиса) и с той поры прекратили свои пересуды. Иносказание легенды прозрачно. Никто, кроме Чингиса, не в состоянии был так натянуть тугие бразды единодержавия, чтобы пробить скалу удельного многовластия путем обуздания прежде всего знатнейших князей, вроде братьев самого кагана. Их непочтительность к своему кагану, по мысли легенды, наказана справедливым уничижением их боярской спеси: «Чем больно величаться — побольше жуй».[1]

Таким образом поэма о Чингис-хане и Чжамухе, как ни синкретична она по своему содержанию и композиции, все же является точным отра-

[1] Altan tobči, текст Г. Гомбаева. Тр. Вост. отд. Археол. общ., т. VI, СПб., 1858, стр. 19—20.

жением современных ей социально-политических отношений в зарождавшихся исторических классах монгольского общества XIII в. Мы должны быть уверены, что и две другие монгольские эпопеи также отражают современные им исторические условия и по ним могут быть, следовательно, достаточно точно приурочены к определенным историческим периодам.

Монгольские летописцы единогласно объясняют падение Юаньской династии денационализацией правивших в Китае слоев монгольского общества. В действительности, это явление было, конечно, только одной из многих причин, хотя, возможно, и главнейшей. Денационализацию эту монгольские историки приписывают влиянию подавляющей китайской среды, упуская из виду при этом, что в этом же направлении должны были действовать и суровые насильственные меры по искусственному разложению родо-племенных объединений, так энергично начатые еще во времена Чингис-хана.

Единственным оазисом монгольского мира, где разноплеменные объединения не подверглись разгрому, являлся в начале XV в. Ойратский союз, или Джунгария, добровольно, на правах федерации, входившая в состав Юаньского государства. Однако для детального изучения исторического развития Джунгарии мы не располагаем даже и таким самобытным источником, каким для восточных монголов является Начальная летопись 1240 г. Поэтому весьма ограниченные сведения наши о внутреннем строе ойратства почерпываются, главным образом, из монгольских источников, достаточно бедных и притом нередко тенденциозно враждебных.

Основные факты, которые мы здесь можем установить, таковы. Развитие феодального строя у ойратов шло не на развалинах разбитых и разрушенных родоплеменных объединений, как у восточных монголов, а путем врастания в них. К началу XV ст. ойратство представляет мощный союз четырех крупных объединений — «Dörbön χarï uĺus», в то время как восточная Монголия лежит во прахе насильственно распыленных еще при Чингис-хане родоплеменных групп с номинальным ханом-изгоем во главе; власть этого кагана редко простирается за пределы своего родового удела. У ойратов же народное сознание своего племенного единства настолько действенно и сильно, что уже в XV в. они выдвигают таких предводителей, как Тогон-тайши и Эсень-хан, которые оказываются в силах не только установить гегемонию ойратства в Монголии, но поднять соединенные силы на борьбу с Китаем. О крепости родового строя у ойратов с особой разительностью свидетельствует факт родового строя, существовавшего у поволжских калмыков до самой Октябрьской революции.

Обращаясь к рассмотрению «Джангариады», этого замечательнейшего памятника ойратско-калмыцкого эпоса, мы прежде всего наблюдаем в нем высоко развитое национальное сознание и готовность сознательной борьбы за национальное самоутверждение. С другой стороны, поэма в таких ярких красках разворачивает картину степного феодального строя и свежих пережитков родового быта, что историческая среда ее возникновения вызывала бы мало сомнений.

Однако первые тексты поэмы, хотя и далекие от точности, впервые открыты лишь в самом начале XIX ст. Вениамином Бергманном в приволжских степях калмыков, и с этим обстоятельством приходится серьезно считаться при разрешении вопроса о месте и времени сложения поэмы о Джангаре.

Первые исследователи памятника, основываясь на калмыцком народном предании, связывали возникновение поэмы с эпохой обратного ухода части поволжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. Таким образом выходило бы, что достаточно было всего около четверти века для того, чтобы сложилось и сциклевалось огромное устно-народное эпическое произведение и глубочайшим образом внедрилось в широкие народные массы. Однако, независимо от малой вероятности подобного допущения, необходимо было бы также предположить, что эпоха разгрома и угасания Ойратского государства, как раз выпадающая на вторую половину XVIII ст., психологически могла быть благоприятной для сложения этой жизнерадостной, полной силы и блеска эпопеи. А такое предположение представлялось бы еще менее правдоподобным.

С другой стороны, наши сведения о зоне распространения «Джангариады», охватывающей всех ойратов как приволжских так и джунгарских, относятся только к началу XX ст., и мы не имеем возможности, с неоспоримыми документами в руках, ответить на вопрос, существовала ли эта поэма у ойратов в Джунгарии до 1630 г. т. е. до переселения торгутского племени ойратов в Приволжье. Не можем оттого еще, что обнаружение поэмы в Джунгарии только теперь — может свидетельствовать и о перенесении ее туда из Приволжья одновременно с возвращением торгутов.

По этим соображениям вопрос о месте и времени сложения поэмы приходится решать путем ближайшего изучения элементов самой поэмы, результаты же этого изучения дают следующие показания:

1) Язык поэмы есть тот самый устно-письменный общеойратский эпический язык, который представлен в эпопеях джунгарских ойратов и который за 300-летнее изолированное пребывание калмыков в Приволжье, среди мощных иноязычных влияний, должен бы был уже значительно деформироваться. Однако обнаруживаемые в «Джангариаде» русские лексические заимствования настолько незначительны да к тому же еще и вызывают сомнение в непосредственном заимствовании (ура, князь, джулукбашмак, ведер), что не могут серьезно учитываться.

2) В поэме исчерпаны главнейшие топонимические элементы Джунгарии: Алтай, Тянь-шань, бассейн верхнего Иртыша, хр. Минрох и т. д.), и при этом замечательно, что в текст не просочилось ни одного географического названия из Приволжья или Приуралья.

3) Вся совокупность эпических персонажей, как то: ханы, нойоны, старшие и младшие богатыри ханской дружины, конюшие, дворецкие, придворные певцы, ткачи, вышивальщицы, шумные поселки «челяди» (цахар) при ставках вельмож — представляют живой сколок феодального быта эпохи его расцвета в Джунгарии.

4) Волшебное царство Бумбайское, страна счастливого богатства и вечной молодости, воспроизводит идеализированную картину Джунгарии с такою свежестью впечатлений и такою полнотою социально-бытовых черт, какие недоступны далеким воспоминаниям на чужбине.

5) Политически поэт мыслит себе Джунгарию как Ойратское четырехцарствие (Dörbön χari uĸus), употребляя при этом именно послеюаньскую государственно-правовую формулу для обозначения ойратства, какая принята и в монгольской летописи. При этом ойратство, при внутренней самостоятельности четырех его племенных слагаемых, внешне мыслится настолько единым, что его составные части нигде в поэме не получают конкретного изображения. Совершенно так же, как в позднейшей исторической песне ойратов 1587 г. об отроке ойратском, положившем жизнь свою за родину:

Словно зубья пилы или иглы ежа,
Сомкнутым строем в четыре угла
Вечно ойраты стоят.

Параллельные названия Бумбайской страны (Тангад-Бумбайская, сорок два нойона, семьдесят два далай-хана, четыре правительствующих хана, четыре независимых ойрата) только лишь упоминаются в поэме и привлечены для того только, чтобы подчеркнуть единство ойратского народа при многосоставности его политического строя.

6) Большинство эпических трафаретов «Джангариады» совершенно сближает ее с композицией героических поэм кобдосских ойратов, однако целый ряд трафаретов, чуждых кобдосскому эпосу (например феодально-дружинные присяги, изображения битв) роднит «Джангариаду», с одной стороны, с «Сокровенным сказанием», т. е. с монгольской народной поэзией XIII в., а с другой стороны, и с исторической песнью ойратов конца XVI в.

7) Циклование поэмы, как это показал акад. Б. Я. Владимирцов, прошло, по крайней мере, три стадии, которые, несомненно, предполагают длительные периоды развития, а стало быть, и значительную древность основных элементов поэмы.

Переходя к обсуждению поэзии Джангара со стороны идеологического ее содержания, необходимо, прежде всего, отметить чувство восторженной любви поэта к свой стране и глубокое сознание народного единства ойратства. Этими чувствами в наивысшей мере наделен и воспеваемый в поэме предводитель ойратства мифический хан Джангар, который, во главе дружины своих богатырей, ведет многочисленные и упорные войны в защиту народной независимости ойратства. Все войны Джангара представлены как войны исключительно оборонительные, как войны народные. В свете этой идеи поэмы самое имя героя ее — Джангар — не нуждалось бы более в истолковании его в качестве иранского заимствования («джехан-гир», т. е. 'завоеватель мира'), легко раскрываемое этимологически и на монгольской почве в смысле, приблизительно соответствующем русским: 'колокольчик мой звонкий', 'дорогой', 'любимый', 'родной' от √jingnaχu 'звучать, гре-

мять'. Тем более, что такое понимание, трудно оспоримое этимологически, в то же время раскрывало бы и замысел поэта изобразить именно идеального народного предводителя, близкого народу и родного; не «исторических» Тогона-тайши и не Эсеня, например, а идеального хана с народным прозваньем «Джангар».

Из самой же «Джангариады» усматриваем, что песни ее исполняются рапсодами или джангарчинами на пирах и народных собраниях и что даже вдали от певцов народ слышит их песни, «как будто бы пели возле него и для него».

Таким образом не остается никаких сомнений в том, что «Джангариада» является великим эпическим произведением калмыцкого народа поднявшегося до высоты осознания своего национального единства и необходимости борьбы за национальное самоутверждение. Вместе с тем исследование элементов поэмы приводит к результатам, вполне достаточным для приурочения ее сложения к эпохе наивысшего развития Ойратского союзного государства, которое наблюдаем в эпоху хана Эсеня около 1440 г., т. е. ровно пять веков до нашего времени. Однако древнейшие элементы поэмы, сближающие ее с «Сокровенным сказанием», восходят к эпохе этого памятника, т. е. к первой половине XIII ст.

Остается сказать несколько слов о третьем замечательном памятнике монголо-ойратского творчества — о «Гесериаде», разумея в данном случае не разнообразные и многоязычные народноэпические поэмы о Гесере,[1] как, например, сказания тибетские, монголо-бурятские и пр., а письменный памятник, впервые опубликованный в Китае в 1716 г. и переизданный у нас акад. Я. Шмидтом в 1839 г., а также и параллельные калмыцкие рукописи, представляющие ту же версию «Гесериады». Факт параллельного существования памятника в монголо-уйгурской и калмыцко-заяпандитовской версиях не может не представляться многозначительным даже в том случае, если бы было установлено, что калмыцкая версия является простым переводом с монгольского или тибетского.[2] Во всяком случае, факт литературной традиции памятника на монгольском и калмыцком языках дает основание считать его принадлежностью как монгольской, так и калмыцкой литератур.

Издавая в 1935 г. впервые на русском языке перевод и исследование памятника, я имел в виду показать, что литературная версия памятника представляет искусственную обработку народного эпоса с такой группировкой и концентрацией сюжетов, которая сгущает и подчеркивает его сатирическую направленность против господствующего класса нойоната и высшего ламства или, по современной монгольской терминологии, против черных и желтых феодалов. Как и в «Сокровенном сказании» и в «Джангариаде», здесь также воспевается идеальный предводитель, но уже не грозный единодержец, не борец за национальное самоутверждение, но Гесер — кесарь-каратель социальных неправд, борец за народную социаль-

[1] В особенности рукописи так называемого продолжения поэмы о Гесере, поддельного в буддийском стиле монахами знаменитого Джанджа-хутухты (песни VIII—XV).

[2] Б. Я. Владимирцов, Монгольская литература. Литература востока, вып. II. Изд. «Всемирная литература», СПб., 1920, стр. 118.

ную правду. Воцариться на земле его посылает тэнгрий Хормуста-Ормузд для того, чтобы уничтожить на земле звериный закон пожирания слабых сильными. Поэтому-то он ведет борьбу то с обобщенным в лице Цотонойона феодальным крепостничеством, то с ламами-кудесниками, которые откусывают у младенцев языки, то с демонами, засевшими на высоких башнях и заслоняющими от народа свет солнечный, то с осами и вшами социального насилия и политического бесправия.

Мы знаем, что XVII в. является веком торжества и победного шествия по всем монгольским странам самума ламайско-буддийской религии, оседавшего многотысячными монастырями. В восточной Монголии, на ряду с поглощающим наступлением манчжурской династии и китайским колонизационным движением, мы наблюдаем бурный процесс распада и разложения феодализма, который, в союзе с буддийской церковью, изобретает соломинку спасения в подновлении чингисова культа, культа «восьми белых дворцов» (naiman čaγan ordo) в качестве религиозного обоснования державных прав его выродившихся наследников, т. е. тайджиев-крепостников.

Манчжурская династия искусными мерами дробления уделов, усиления влияния буддийской церкви и через нее упрочения своего влияния в Халхе, эффективно содействовала разложению халхасского феодализма. Вместе с тем, объединяя халхасцев под своей гегемонией, манчжурская династия направляла их силы против ойратства.

Джунгария XVII в., еще более сплотившись против надвигающегося национального и политического поглощения манчжуро-китайским деспотизмом при помощи Халхи, обратившейся в вассала манчжурского дома, выдвинула в 40-х годах крупнейших политических и военных деятелей в лице Батур-хун-тайджи, Хо-Ёрлёка и буддийского схоласта Зая-пандиты. В 1640 г. Батур-хун-тайджи попытался заключить с большинством халхасских чингисханидов договор, который мы назвали бы теперь договором о ненападении и взаимной помощи, но скоро же убедился, что предприятие это не имеет никаких перспектив, так как вслед за первенствующим аймаком Дзасакту-хана и верховным главою халхасской церкви все халхасские князья один за другим впрягаются в колесницу манчжурской династии.

Желая обеспечить себе глубокий тыл, Батур-хун-тайджи двинул сильное ойратское племя торгутов, во главе с ханом Хо-Ёрлёком, через казахаские степи в пределы Приуралья и Приволжья, а сам стал подготовлять силы для военной борьбы с халха-манчжурами. Зая-пандита становится во главе ойратского националистического движения и в 1648 г. создает на базе уйгурской свою особую ойратскую письменность и в короткий срок, при помощи большой группы своих фанатических сотрудников, кладет начало своей национальной ойратской литературе. С этого времени ойратство как бы отмежевывается от халхасцев и других монгольских народов.

Вторая половина XVII ст. открывается длиннейшей почти столетней цепью войн ойратства с халха-манчжурами, начатых ойратским предводителем Галдан-Бошокту, сыном Батура-хун-тайджия, за независимость Джунгарии; однако ойратские феодалы, руководившие этими войнами,

внесли в дело национальной борьбы своекорыстные цели и задачи и превратили их в кровавые междуусобия, бросая массы народа то на взаимное истребление внутри самой Джунгарии, то на братоубийственную бойню с халхасами из-за личных интересов феодалов, которые они пытались прикрыть лозунгами народного дела. Поглощение Халхи и полный разгром Джунгарии были плодом этих войн, который достался в руки третьего радующегося, т. е. манчжурской династии. Но плодом этих же феодальных смут и войн явилась поэма о герое социальной правды Гесере, которая созрела в сознании широких монголо-ойратских масс, до конца постигших социальную природу господствующих классов и тогда уже начинавших прозревать приближение социальной правды и приход ее вождей.

Таким образом, переходя от вершины к вершине этих мощных творений гения монгольских народов, от идеи предводителя единодержца, Чингисхана, к идее Джангара как героического борца за национальную независимость и, наконец, к идее Гесера как прозреваемого вождя социальной правды, мы можем с высоты этих прекрасных произведений монгольского народного искусства ясно обозревать во всей их социально-политической среде пути развития исторического процесса, как равно и пути развития литературы монгольских народов.

После того как установлена в общих чертах историческая обстановка сложения своеобразной монгольской эпической трилогии о Темучжине, Джангаре и Гесере, создавшейся монгольскими народами в течение 700 лет, становится ясным, что все эти три поэмы могут и должны быть рассматриваемы во взаимной связи по следующим основаниям.

Во-первых, все три памятника являются произведениями единой вначале монгольской литературы, несмотря на то, что поэма о Джангаре есть произведение устного народного творчества. Во-вторых, все они представляют живые сколки с современной им исторической действительности и, следовательно, отражают отдельные моменты единого исторического процесса, так или иначе связавшего воедино судьбы различных монгольских народов. В-третьих, все эти памятники, независимо от случайного факта заключения двух из них в письменную форму и «бесписьменного», так сказать, пребывания третьего, являются, прежде всего, именно памятниками устного народного творчества, равно реализованными сначала в «неписанном литературном» языке монгольского эпоса. В-четвертых, памятники эти генетически связаны между собою не только родством, так сказать, историческим, но и родством чисто литературным. Наконец, в-пятых, художественная пластичность и законченность образов этой эпической трилогии ярко и сознательно выражает основные народные идеи эпох сложения отдельных памятников.

Отдавая себе полный отчет в том, что художественная характеристика этих произведений, в меру их исключительного значения, должна бы служить для каждого из них предметом большого исследования, в дальнейшем изложении я должен буду, по необходимости, свести эту характеристику

к самой общей схеме с тем, чтобы показать, что и анализ художественных образов трилогии, как и анализ отражаемых в ней исторических моментов, приводит к тем же самым выводам, а именно: в поэме о Темучжине-Чингисхане выражена монгольская народная идея XIII в. о предводителе-единодержце, в Джангаре — народные чаяния ойратства XV в. о герое-борце за национальное самоутверждение, и, наконец, в Гесере — порожденная смутами и междоусобиями XVII в. идея о народном герое, борющемся за социальную правду.

Необходимо, однако, еще раз коснуться общей характеристики монгольских источников, имея в виду, с одной стороны, «литературность» монгольского эпоса и, с другой стороны, «эпичность» самобытной монгольской литературы.

Монгольский народный эпос сложился и окреп задолго, разумеется, до образования Монгольского государства и, вместе с ним, монгольской письменности и литературы. Однако, при изолированности и разобщенности монгольских родовых и племенных объединений, эпос этот первоначально должен был носить все черты эпоса местного, родо-племенного, и реализоваться только в местных же диалектах. Выйдя с созданием общемонгольского государства на обновленные, упорядоченные и охраняемые исторические пути, связывавшие центральноазиатские нагорья и гобийские степи с Китаем, Туркестаном, Тибетом и Сибирью, монгольский народный эпос неизбежно должен был в процессе этого движения нивелироваться, утрачивать свои местные диалектические черты и принимать характер надплеменного эпоса, создавая при этом, в путях бессознательного языкового творчества, особый сверхдиалект, специфический общемонгольский κοινὴ, обработанный до степени общемонгольского «литературного» языка, который был готов уже влиться в письменные, «литературные» формы. В первом же памятнике монгольской литературы, каким является «Сокровенное сказание 1240 г.», мы и присутствуем при самом процессе этого оформления эпоса в литературу, так как уже при самом поверхностном анализе памятника наблюдаем, что слагается он едва ли не целиком и полностью из фрагментов устного народного творчества, начиная с пословиц и поговорок и кончая историческими песнями и былинами.

Навстречу этому бессознательному процессу сложения общемонгольского эпоса и общемонгольского сверхдиалекта, с полной в данном случае очевидностью принимаемого в основу письменно-литературного языка, идет уже вполне сознательный процесс, обусловленный при этом различными причинами социально-политического порядка, процесс создания такой общемонгольской письменности, которая удобнее всего могла бы стать таким же письменным общеплеменным κοινὴ, каким явился и созданный устно-эпический общеплеменной сверхдиалект.

В длительной, более чем 100-летней борьбе за утверждение диалектного («ясного») или сверхдиалектного («неясного», т. е. условного) письма одержала верх письменность κοινὴ — уйгуро-монгольская письменность. «Худшая» из всех конкурировавших письменностей (китайской, квадратной и уйгурской), худшая в смысле отсутствия в ней должной фонетической

локализации графем, письменность эта, по своей полифонности и условности произношения письменных знаков, являлась наиболее приемлемой для всех монгольских диалектов, так как только она открывала возможность каждому диалекту фонетически оформлять чтение по-своему при единой графической системе для всех монгольских народов. Эта единая письменность, в свою очередь, питала, поддерживала и укрепляла процесс создания единого эпического языка устной народной поэзии. Таким образом элемент сознательности в выборе графической системы выступает с полной ясностью.

В итоге исследования социально-исторической обстановки, отраженной в монгольском эпосе, необходимо было притти к заключению, что «Сокровенное сказание», как эпическая поэма о Темучжине-Чингис-хане отображает борьбу нарождавшегося в восточной Монголии уже в начале XIII ст. прототипа класса деревенской буржуазии (ütu duriyin güün) с родовыми князьями и пережитками родового строя, борьбу за сплочение родоплеменных групп в единое государственное целое и за создание сильной централизованной власти прежде всего для организации военной охраны путей, необходимых для развивавшейся торговли.

Поэма о Джангаре, во всех своих элементах, представляет яркое и живое отображение расцвета и силы ойратского феодального строя первой половины XV ст., когда Ойратское четырехцарствие сложилось уже в крепкое кочевое государство и, осознав свое национальное единство и силу свою среди раздробленных после крушения юаньской державы монгольских племен, должно было начать борьбу за свою национальную независимость. Этой независимости угрожали тогда величайшие опасности как с востока от китайско-манчжурской лавины, так и с запада от сильных казахских племен. Современные народные лозунги о национальном сплочении и стойкой борьбе за национальную независимость и нашли свое выражение в народной эпической поэме о Джангаре и его богатырях, в которой воспеваются родина ойратов и борьба за нее народных героев — богатырей во главе с идеальным ханом Джангаром.

Во второй половине XVIII ст. резко обозначились вырождение и развал ойратского феодального строя и, вместе с ними, перерастание войн, вначале освободительных национальных, в междуусобные бойни, руководимые своекорыстными интересами обособившихся феодальных деспотов. Народный монгольский эпос отразил эту эпоху в своей полународной, полукнижной поэме о Гесере — искоренителе социальных бед, из коих первым злом является звериный феодальный закон «пожирания слабых сильными».

Как «Сокровенное сказание», так и «Гесериада» несмотря на явные следы некоторой искусственности, выражающейся в концентрации и переработке сюжетов устного эпоса при письменном его оформлении, являются все же в полной мере произведениями монгольского народного эпоса.

Обращаясь к вопросу о том, в какой мере эти идеи монгольского эпоса находят должную полноту своего художественного выражения в образах главнейших его героев, а также о том, в каких именно элементах проявляется генетическое родство главнейших памятников эпоса, необходимо остановиться на следующих данных.

«Сокровенное сказание» в той редакции, которая дошла до нас, возможно представляет сокращенный извод несколько более древнего общегосударственного засекреченного свода, который был известен под именем «Altan Debter» и представлял, очевидно, официальный летописный свод юаньской династии. Кроме того, характерной особенностью этого памятника является строго ограниченный отбор из цикла народных былин, легенд и сказаний о Чингис-хане.

Внешний облик Темучжина схвачен в следующих общих чертах. Покровитель юноши Темучжина в тайджиутском плену, Сорхон-Шира, говорит ему: За то, видно, ты и не мил своим братьям, что у тебя

Во взгляде огонь,
А лицо что заря —
Nidün-dür-iyen γaltu,
Niγur-tur-iyen gere tü. (§ 82)

Или в изображении Найманского побоища: «Спрашивал тут Таян-хан найманский у Чжамухи: А кто же это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол? Отвечал ему Чжамуха:

Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин,
Снизу до верха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглою укол не грозит.
Это — мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, молодец. (§ 195)

Зато характер Темучжина обрисован в эпосе обильными и всегда существенными штрихами, раскрывающими его личность в самых разнообразных условиях и в различные поры его жизни. Так, отмечается с виду незначительный эпизод из жизни 9-летнего мальчика Темучжина, когда отец оставил его нареченным зятем в доме Дэй-Сечена. Есугей настойчиво предупреждает Дэй-Сечена о том, что мальчик очень боится собак, и просит его проявить в этом отношении особенную заботу о ребенке. Для тех, кто жил среди монголов и ежедневно наблюдал, как 4—5-летние монгольские ребята, с отцовской или материнской трубкой в зубах, без малейшего страха, одним взмахом длинного рукава своего халатика разгоняют целые стаи свирепых монгольских собак, спокойно бродят среди табунов полудиких коней или легко ставят на колени верблюда, для тех станет совершенно очевидным, что в данном случае дело шло о совершенно исключительной, болезненно повышенной нервности ребенка. Отсюда станут понятны те почти маниакальные особенности характера Темучжина, которые развились из детской болезненной нервозности и так ярко обрисованы во множестве эпизодов монгольской эпической хроники: бешеная вспыльчивость

(например: приказ казнить Аргасун-Хорчина, данный сгоряча и вскоре же отмененный; обнажение меча на брата Хасара за промах в стрельбе по «зловещей» сове; мрачная подозрительность и ревность: подозрение в измене и Аргасуна, и Хасара и Джочи; расправа с женихом ханши Есуй; заточение Хасара по подозрению в любовной интриге с ханшей Хулан) и вместе с тем ребяческий страх и ужас перед материнскими «назиданиями», подавляющий грозного Чингиса даже и в 50-летнем возрасте. Вообще наши народно-эпические источники дают удивительно яркий, обильный и обладающий всею полнотой внутренней достоверности материал для психологической биографии Чингис-хана, которая не написана как следует еще даже и в хронологическом отношении.

Среди многих других эпизодов религиозную экзальтированность Темучжина хорошо изображает цитированный выше эпизод благодарственной его молитвы горе Бурхан-Халдун за спасение от осаждавших его на этой горе меркитских феодалов.

Известно затем, как усердно замалчивает Рашид-Эддин так простодушно сообщаемый в монгольской хронике-эпосе случай братоубийства, в яростной запальчивости совершенного Чингисом еще в юношеском возрасте. Мать Огелен, почуяв беду, тут же бросает:

«Этот вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился».

И именно в назидание буйному Темучжину она

Древние речи распускала,
Старые слова развивала.

Видно, что на всю жизнь Чингис остался самым нелюбимым сыном у матери и всю жизнь трепетал перед ее гневным укоризненным словом бесстрашный на поле брани Чингис. В семье только отец Есугей больше всех любил, жалел и понимал болезненного Темучжина, называя его своим «единственным сыном» (γaγča köbegün). Но уже в 9-летнем возрасте он лишился отца, который был отравлен из мести феодалами сильнейшего монгольского племени — Татар. Мать и братья всю жизнь чуждались властного, раздражительного и неуравновешенного Темучжина, над которым тяготело семейное предание, будто он и родился-то с кровавым сгустком в руке, в чем усматривалась какая-то страшная, роковая обреченность. Легко представить себе, что творилось в душе юноши Темучжина, острая пытливая мысль которого, видимо, была надолго прикована к этому зловещему предзнаменованию и претворила его, наконец, в предопределение свыше о его особой миссии на земле. События детства и юности вскоре же дали созреть и оформиться этой вере в свое особое предназначение, показав со всею ясностью, в чем именно оно заключается и какие пути ведут к его осуществлению. Эпос-хроника рассказывает, как у праха отца

Темучжин «пал ниц на землю и горько рыдал и скорбел, а хонхотанский старец Чарха, утешая его, говорил:

Зачем, словно с грохотом ныряющая
Рыба кит, ты убиваешься?
Разве не уговорились мы об укреплении твоих
войск-тухурга?
Зачем, словно рыба налим
Потемнев, убиваешься ты?
Разве не уговорились мы об устроении
своего государства?

И от слов старца унялась его скорбь» («Altan tobči nova», § 69).

Так, значит, вот какая миссия суждена ему: организовать войско и с его помощью Монгольское государство. Но как и какими путями итти ему к этой небывало огромной цели? Старец Чарха указал ему только одно средство: укрепить и организовать тот вид охранного войска, который существовал тогда при дворах всех значительных феодалов и назывался охранным войском тухурга или турхауд.

Выполнение Чингисом этих заветов старца и составляет главное содержание деятельности Чингис-хана, как она представлена в «Сокровенном сказании»: в центре внимания его всегда стоят вопросы, связанные с набором и устроением так называемой гвардии или охранного корпуса турхаудов, и представленные в «Сокровенном сказании» целым рядом определяющих его устройство актов и документов и, наконец, гимном в честь гвардии, влагаемым в уста самого Чингис-хана. Наконец, мудрость века, олицетворенная поэтом в старце Чарха, указывала на конечную цель этого, по-новому лишь устрояемого, института турхаудов — создание единодержавного Монгольского государства, а сама жизнь указала Чингису, по какому пути следует итти для достижения этой цели.

Родичи, тайджиутские князья-феодалы, чуя в необыкновенном мальчике Темучжине птенца высокого полета и не дожидаясь поэтому пока он оперится, разграбили все имущество вдовы Есугея, а потом и его самого, юношу лет 15, угнали в неволю и заковали в кандалы. При помощи простых людей, так же как и он сам томившихся в неволе у тайджиутских феодалов, Темучжин удачно бежит из плена и тотчас же принимается за поиски добрых молодцев в свою дружину. Пути устроения личной судьбы и выполнения вынашенной в себе «особой миссии» вдруг совпали: надо вести борьбу не на жизнь, а на смерть с боярами-феодалами, которые одновременно, в лице сильных племен Тайджиутов и Татар, являются и его личными смертельными врагами и врагами устроения единого и единовластного Монгольского государства; надо разгромить и уничтожить анархию разложившегося феодально-родового строя путем истребления сильнейших его представителей и вместе с тем и личных врагов и подчинить единой власти всех остальных.

Темучжин женился на девушке, с которой еще в детстве соединил его отец. Снова — налет на его дом, на этот раз со стороны меркитских фео-

далов, которые разоряют его имущество и забирают в плен жену и мачеху. И опять и опять нападают то Тайджиуты, то Меркиты, облавой охотясь за Темучжином, словно за диким зверем. Ужасы личной жизни, связанные с разрухой вырождающегося общественного строя, как будто бы действительно по некоему «изволению свыше», обрушиваются с особой силой именно на голову умного и впечатлительного Темучжина, который лучше и скорее всех других был в состоянии понять причину нестроений и найти средства к замене их лучшими порядками, которых жаждут многие и многие из окружающих людей и на него возлагают свои надежды. Но эти люди не из князей и не из бояр, а из среды, главным образом, простых людей, людей «длинной воли», нуждавшихся в защите и охране своих накопленных личных имуществ и не уживавшихся уже с бесправием феодально-родового многовластия. Эти ужасы личной судьбы закаляют к боям сильную натуру Темучжина и усиливают его веру в помощь и водительство «Вечного синего неба» и «Матери сырой земли Этуген».

При первых же успехах своего оружия, добытых с помощью организованной им дружины турхаудов, Чингис-хан прилагает все усилия к развертыванию ее в особый охранный корпус, который, при возведении его в ханы, достигает уже 10 тыс. человек и, оставаясь, в основном, силой для охраны внутреннего порядка, в то же время является основным ядром построения настоящей армии. При этом Чингис-хану явилась счастливая мысль связать армию, выраставшую в его руках из старого института турхаудов, с другим древнейшим родо-племенным институтом — с родовыми облавами на дикого зверя, который он и на самом деле смелыми, последовательными и энергичными действиями превращает именно в государственный военный институт, так же строго и точно регламентированный, как и самая армия и ее главнейшая часть — корпус турхаудов. Эта идея и твердое ее проведение в жизнь в дальнейшем и явилась основным фактором его победоносного шествия по всем странам тогдашнего мира, из которых громадное большинство даже и в чисто военной культуре стояло значительно выше монголов. Превращенные в военно-государственный институт облавы на дикого зверя, предвосхищая идею маневров, осуществляли их не «потешными» войсками и не с воображаемым «потешным» врагом, а подлинно вооруженной борьбой с подлинным врагом, притом врагом даже более сильным и более опасным, чем сам человек. Мы имеем точные и ясные свидетельства о военных облавах на зверя целыми армейскими соединениями кавалерии и пехоты, которые в труднейших условиях гобийских пустынь и дремучей горной тайги производили операции охвата и окружения зверя на пространстве нескольких сот и даже тысяч километров.[1] В инструкциях Чингис-хана, которые он давал армейской группе Субеетая, отправлявшейся в дальний поход на Россию, содержатся, как это мы видим из полуэпического рассказа «Сокровенного сказания» (§ 199), прежде всего указания на облавные охоты войск, которые, таким образом, с первого же дня похода переходят в наступление на зверя, прежде чем встретят и вступят в бой с войсками настоящего неприятеля. Такое обу-

[1] Г. В. Вернадский. О составе Великой Ясы Чингис-хана. Брюссель, 1939.

чение войска на подлинной и полной всяких опасностей и лишений войне со зверем, прежде всего, почти исключало всякую необходимость в интендантских частях и, следовательно, придавало армии никем не превосходимую подвижность и в то же время закаляло армию наилучшим образом во всех отношениях. Только организованность и строжайшая дисциплина в состоянии принести успех в облавах на дикого зверя. И эти именно качества, отмечавшиеся в монгольском войске всеми современниками, воспитывались в нем сочетанием военного обучения с облавной охотой.

Направление деятельности Чингис-хана на создание сильной, сплоченной и хорошо организованной армии преимущественно из верхних слоев крестьянства, прежде всего, для борьбы с феодалами, для подавления феодалов всех рангов и для создания в своем лице единой независимой, государственной власти с полной ясностью отражено в целом ряде картин и кадров монгольского эпоса. Таковы, например: расправа с крупнейшими феодалами в лице родных братьев Хасара и Бельгутая и наместника ханского, племянника Аргасун-Хорчина («Altan tobči» — Гомбоев), разгром феодально-племенных объединений Тайджиутов, Меркитов, Татар, Кереитов и Найманов; обращение к народу о создании охранного корпуса («Сокровенное сказание»), легенда о ниспослании Чингису чаши с расаяной — питьем могучих («Altan tobči» — Гомбоев) и т. д. Горячее сочувствие поэта в этой титанической борьбе всецело на стороне Чингиса и его «народных», по тогдашним понятиям и обстановке, армий. Поэт саркастически высмеивает при этом неудачливое бунтарство феодальных братьев и собратьев Чингиса, которым не по вкусу пришлась чаша с расаяной («в рот-то попадает, да в глотке застревает»), этим символом высшей власти, пожалованной от народа только ему одному. Со всею душевной теплотой поэт неоднократно в различных образах возвращается к прославлению державных трудов Чингис-хана по созданию Монгольского государства. Таковы, например, приведенные выше «похвалы» Коко-Цоса («Сокровенное сказание»), посмертное слово Чингиса и надгробная ода-мактал Хелегудуя Сунитского («Altan tobči» — Гомбоев).

«В городе Турмегей Богдо-Эдзен тяжело занемог горячкою, и говорил он на исходе своей золотой жизни: слушайте четверо братьев моих, подобные кабарге; слушайте четверо моих сыновей, подобные боевым аргамакам; слушай ты, народ пяти одноцветных и четверых иноплеменных. С великими трудами и скорбями я собирал и поселял свой великий народ. До того я доезживался, что ремни в стременах растягивались, а железо в них распаивалось. И тогда не испытывал я теперешних мук. С великим трудом и скорбями я собирал и поселял свой великий народ, сидя верхом на белой своей ядовой кобыле, с козьей дохой в торбоках. И тогда не испытывал я теперешних мук».

В уста Хелегудуя Сунитского эпос влагает такую народную память — плач о Чингисе:

Обернувшись крыльями парящего ястреба,
Отшел ты, государь мой.

Ужели стать и тебе, государь мой,
Добычей гремучей телеги?
. . . . . .
Обернувшись крыльями щебечущей птицы,
Отшел ты, государь мой,
Став поклажей скрипучей телеги.
О рожденный по воле Вечного синего неба,
О государь мой, священный аргамак,
Достиг ты верховных обителей,
Покинув всеязычный великий народ свой.
Там (на севере) на равенстве основанная
державa твоя;
Там на главенстве твоем основанное
государство твое;
Там родная царица и царевичи твои,
Там родная царственная отчизна твоя.
Там держава твоя, воздвигнутая на чистоте,
Там царство твое, воздвигнутое служением.
. . . . . .
Ужели и прах твой так вот восхочет[1]
Покинуть старых монголов своих
Из-за теплой погоды на Харугун-хане,
Из-за многолюдья Тангутского царства,
Из-за красы ханши Гурбелджин?

В образе щебечущей птицы (jirgekü šibaγun) содержится намек на самое имя Чингиса, которое, по преданию монгольскому, было дано ему оттого, что при рождении появилась какая-то волшебная птица и щебетала над ним так, как будто бы произносила звуки, похожие на jinggis jinggis.

В филологической дискуссии о происхождении этого имени Б. Я. Владимирцов уже давно указал на тибетскую версию этого имени в форме jinggir, встречающуюся также в памятниках квадратного письма и перешедшую в Европу именно в этой форме с начальным j.[2]

Это обстоятельство, на которое обратил мое внимание К. М. Черемисов, позволяет сближать восточномонгольское jinggir с калмыцко-ойратским jangγar с тем большим основанием и достоверностью, что сама ойратская поэма о Джангаре и во многих поэтических образах и сюжетах и в самом замысле своем сближает образы этих двух народных героев, хотя один из них является мифическим по имени. И у Джангара сиротское детство, и Джангара, как и Чингиса, хотят извести опекуны бояре, и Джангар идет к единодержавию, но только без тяжелой борьбы с феодалами:

[1] Однажды Чингис-хан на три года покинул царство, увлеченный солонгодской царевной. Другой раз, незадолго до смерти, прельстился южным урочищем Мона, отчего, по поверью монголов, и телега с гробом увязла на этом урочище и нельзя ее было сдвинуть с места.

[2] О прозвище «Dayan»-qaγan (Даян-хан). Докл. Акад. Наук, 1924, стр. 119—121. Ср. также: Dr. Georg Huth. Geschichte des Buddhismus, Bd. I, p. 10; Bd. II, p. 16.

последние сами решают покориться ему, как скоро убеждены в бесполезности сопротивления этому отмеченному судьбою юноше в виде всяческих внешних и внутренних примет совершенства.

Сама мудрость народная, в лице богатыря и волхва Алтан-Цэджия, подсказывает князьям-феодалам ойратским добровольно покориться главенству Джангара, рожденного со всеми приметами покорителя мира, чтобы не вынудить его прибегнуть к силе. В эпическом иносказании хорошо отражен исторический факт естественного перерастания ойратского родо-племенного феодализма в феодализм централизованный с сохранением известной автономности за крупнейшими родо-племенными объединениями при военном единовластии стоящего надо всеми хана. При таких условиях устраняются все поводы для междоусобных войн, и хану (Джангару) самим союзом предоставляются заботы об укреплении «державы и веры», разумея под последней простую функцию единой государственной власти.

И когда вступил нойон
В пятое лето жизни своей,
Захватил его в плен Шикширгей,
Завидущий Мэнгун-Шикширгей,
Заложником сделал его.[1]

По приметам мальчика Шикширгей дознается через прорицателей, что Джангару, единственному из всех людей, суждено стать великим ханом, и он решает уничтожить мальчика. Для этого посылает его угнать табун у могучего, вещего Алтан-Цэджия с тем умыслом, что в этом опасном деле Джангар неминуемо погибнет от руки Цэджия. Но Джангар вернулся, хотя и тяжело раненый стрелою Цэджия. Тогда Шикширгей велит жене изрубить мальчика, а сам уезжает из дому. Сын Шикширгея, мальчик Хонгор, упрашивает мать пощадить товарища его игр, и ребята, отправившись по следу Шикширгея, застают его уже в руках Алтан-Цэджия. Хитрый Цэджи, видя неминуемую гибель свою, уговаривает Шикширгея примириться с Джангаром и сообща признать верховенство Джангара, чтобы в качестве первых признавших его получить при дворе Джангара высшие должности:

Только вот этому Джангару богдо
Семь исполнится юных лет,
С ним сравниться не сможет никто,
Силой своей удивит он свет.
Сонмы врагов подавит он.
Имя свое прославит он.
Станут пред ним трепетать враги.
Счастливы станут народы его.
Слушайте, Мэнген-Шикширги:
В эти прекрасные годы его
Пожените на ханше вы,

[1] С. И. Липкин. Джангар, Вступление. Москва, 1940.

Обручите с Ага-Шавдал,
Перейдите пораньше вы,
Первым пойдите в подданство к нему.
Передайте все ханство ему,
Все мирские свои дела,
Все святые свои дела.
И когда великий нойон
Даст блаженство мира стране,
В радости вечной пребудет он,
В изобилии пира в стране, —
Мне тогда поручит нойон,
Мне, Алтан-Цэджи, возглавлять
Правую сторону богатырей.
Сорок мы покорим держав.
В руки свои навеки взяв
Все дела вселенной всей,
В красоте нетленной всей
Бумбы величие распространив —
Воссияет из рода в род.
И в золотом совершенстве тогда, —
В мире, в довольстве, в блаженстве тогда
Заживет могучий народ.[1]

Как видим, изображение первой поры жизни Джангара довольно сходно с эпической биографией юного Темучжина. И там и здесь сиротство и обиды от князей-феодалов, вынужденных, наконец, признать над собою единую ханскую власть свыше одаренного юноши.

В дальнейшем жизненные пути героев расходятся. Темучжин вступает в борьбу с яростно восставшими против его единовластия многочисленными монгольскими феодалами, которые не хотят новых порядков, тогда как Джангар без ропота и борьбы признан всеми и, сплотив вокруг себя пятьдесят два круга дружины богатырей из сыновей ханов, а не так, как чингисов охранный корпус из людей «длинной воли», обращает эту силу не на межплеменные войны, как Темучжин, а на мирное устроение своего цветущего царства и на защиту его от внешних врагов. Любовь к родине, к своей счастливой Бумбайской стране, настолько переполняет душу поэта, что нет песни в поэме, где бы по многу раз не выступали в многочисленных вариантах все те же похвалы Бумбайской стране и ее хану Джангару с дружиной, верным ее стражам и защитникам. Возьмем трафарет вступительного запева к дербетской версии, в переводе С. И. Липкина:

Про землю Джангара так говорят:
Это была Бумбы страна,
Искони так звалась она.
Из коней находились там
Аранзалы одни, говорят.

[1] С. И. Липкин. Джангар, песнь I. Москва, 1940.

Из людей находились там
Исполины одни, говорят,
Сорокаханная это страна,
Обетованная это страна.
После двадцати пяти лет
Не прибавлялись там года,
Не умирали там никогда.
Родина вечной юности там,
Жили до бесконечности там.
Осень была незнакома им
И совсем не знали зим.
Морозов не знали, чтоб холодать
И зим не знали, чтобы страдать.
Ветер слабым веяньем был,
Дождь благоуханьем был.
Рассказывают, было там
Разных людей пятьсот тём,
Размещались они с трудом.
Расстоянье длиной
В пятимесячный трудный путь
Узким было для тьмы такой.
Выпукло, как пуп земли,
Высилась лысая там гора,
Видимая издали.
Там океан Орген-Шартак,
Подобно синему кругу, лежал.
К северу и к югу бежал,
Потоки навстречу друг другу шли.

Или торгутский вариант (песнь I, 1,2): «Гора Орок-ёндон-орза, где полдник полдничают тьмы тем будд. Средоточие земли и неба, сверкает серебробелый Алтай у подножия восхода желтого солнца. Навстречу друг другу струятся воды широкого моря Шартак. Волны его плещут серебром, кораллы и жемчуга у него на поверхности. Цветет оно водяными лилиями-бадма. Кто испил от воды того моря — тот навеки бессмертен, ибо возрождается в стране тридцати трех тэнгриев в тот самый час, когда надлежало б ему умереть.

«От того моря пошло восемь тысяч рек. И бегут они и журчат у каждой двери сорока миллионов подданных песчано-голышевыми реками, испокон веков никогда не замерзая во все четыре времени года. Всем водопой разносят. Студеная река Домбо, водопой самого государя Джангара, подмывая с боку красный яр асуриев, вовек не замерзает во все четыре времени года.

«Коричнево-сизые берега у нее. Тут пускают на волю коней своих его богатыри. Ни летом, ни зимой не вянут, не блекнут там травы. В такт своему колыханью творят они молитву м ā н и».

Джангара, точно так же, как и Темучжина, с дружиною связывает чувство личной приязни и дружбы, а возведение Джангара на ханский престол, вернее собственно в родоплеменные каганы, делает Джангара всего лишь только «первым среди равных». Точно так же и первое возведение Чингиса в каганы (1206) сопровождается взаимной присягой в верности и помощи, связывающей одинаково обе стороны: и кагана и его избирателей — вассалов. Мы и наблюдаем поэтому, что когда, например, витязь Хонгор признается Джангару в тоске бессемейного одиночества, то этим вынуждает самого хана Джангара тотчас же седлать коня и лично отправляться на поиски невесты для Хонгора. В более позднюю пору, уже при окрепшей ханской власти, Джангар все же обязан лично выступить на помощь своим богатырям, попавшим в трудное положение. Этими чертами хорошо обрисовывается характер и значение ханской власти в Ойратском четырехцарствии, напоминающей именно раннюю пору Чингисова единовластия, еще до образования Монгольского государства, когда власть ханская покоилась более на древнем обычае взаимных феодальных присяг между сеньером и подчиненными ему феодальными владельцами, нежели на личном единовластном авторитете кагана и его военной силе.

Хотя поэт «Джангариады» и наделяет своего героя некоторыми сверхчеловеческими свойствами (способность превращений, вечная юность и мощь, неземное величие), однако мало где он дает этим свойствам проявляться в действительности и этим приемом сводит их до значения обычных эпических гипербол. Напротив, показывая своих героев в живом повседневном действии, поэт на самом деле, а не средствами реплик, отступлений и рассуждений, раскрывает образы героев в таких правдивых, живых и подлинно индивидуальных чертах, что, несмотря на трафаретность некоторых внешних линий, образы героев приобретают всю полноту художественной убедительности, законченности и пластичности.

В Джангаре, как и во всякой живой личности, сочетаются и величие, и слабость, и самоотверженное служение долгу, и отступничество, и мужество и малодушие. «Вечный сирота», или «сирота у веков» (üyeyin öčin), т. е. и в прямом смысле — круглый сирота, и в аллегорическом — единственный во всем монгольском мире борец за национальное утверждение своего бумбайского народа, Джангар однажды покидает свое царство на произвол судьбы и уходит неизвестно куда в поисках за недостающим ему личным счастьем отцовства. Замечательно, что этот сюжет является общим для всех трех монгольских эпических поэм. Таковы: трехлетнее оставление державы Темучжином ради прелестей солонгосской царевны «Altan tobči» — Гомбоев) и отступничество Гесера под очарованием «забвенных» напитков красавицы Аралго-гоа. Из гордости и ложного стыда Джангар не открывает своей личной тайны даже ближним своим богатырям и тем навлекает гибель и порабощение своего народа и любимого народного героя Хонгора. «В некотором царстве, в некотором государстве» у Джангара родился сын-богатырь, и через него бумбайский ясновидец Алтан-Цэджи сумел вывести Джангара из «забвенных» личных утех и напомнить ему о долге защиты родины и спасения ее богатыря. С удвоенной энергией Джангар бросается

на поиски Хонгора даже в самую «седьмую преисподнюю земли» и воскрешает его «зельем» самоотверженного подвига. В блужданьях своих по преисподним могучий и незнающий страха герой Джангар впадает в такую нищету духовную, что и «воробья принимает за помощь», в такое малодушие, что «мышь врагом ему стала».

В изображении героя социальной правды народный поэт прибегает к общечеловеческому сказочному трафарету в виде своего рода дружественного шаржа на подлинного народного героя, иначе говоря дружественного шаржа на себя самого. Однако за гротескным изображением внешнего облика героя ярко выступают и подлинное величие героя и искренняя народная любовь к своему герою. Гесер, этот кесарь социальной правды, который должен родиться по суждению высшей воли для упразднения на земле звериного закона пожирания «слабых сильными», этот Гесер, под именем Дзуру — страдалец, появляется на свет настолько невзрачным и даже уродливым, что и родная мать едва удерживается от искушения живым зарыть в землю «чортово отродье». В дальнейшем не без основания зовется он у друзей ласкательным прозвищем «соплячок», которое в устах вельможных его врагов близко к господскому «хам». Все его шутки и выходки в грубом «простонародном» духе всюду и везде встречают восторженно сочувственный смех толп народных. Эти внешние черты сближают образ Гесера с любимым богатырем Джангара Хонгором — хмельным. Неприглядная бедность — вот удел Гесера в детстве, точно так же как и Темучжина и Джангара. Последних с малолетства пытаются извести князья и бояре, а Гесера — даже и сама мать родная, а потом и ее покровители ламы и нойоны.

Направляя богатырскую энергию Темучжина и Джангара по пути вооруженной борьбы с внешними врагами, поэт использует все силы Гесера именно на борьбу и словом и хитростью, а подчас и оружием, на борьбу с внутренней социальной нечистью в образе всевозможных гадов и паразитов, и ведет его в этой борьбе от победы к победе. Когда же Гесер, поддавшись «забвенным» чарам, надолго уходит с поля брани, гении-сестрицы пробуждают его и ведут на новые подвиги. Иногда Гесер впадает в слабость потворства прихотям жены — любительницы бесед со «святыми» старцами-ламами, и даже сам решается однажды, по настоятельной просьбе жены, пойти под благословение ламы. Но за это поэт подвергает Гесера жестокой каре: лама превращает Гесера в осла, употребляемого специально для перевозки нечистот.

Гесеровы «хождения по мукам» в различных адских ямах китайского богдохана по сюжету сходны с подобными же пытками Хонгора у мангусова хана и со скитаньями Джангара по преисподним земли.

Можно, наконец, отметить еще целый ряд сюжетных параллелей в обрисовке главных героев всех трех памятников, а также указать на легко сближаемые персонажи и композиционные сходства. Таковы: женитьба Джангара и Гесера с умыканием и даже убийством; молодеческие подвиги

этих героев в виде угонов чужих табунов; типы мудрецов-богатырей Коко-Цоса (в «Сокровенном сказании»), Алтан-Цэджи (в «Джангариаде») и Буйдона-вещего (в «Гесериаде»); богатыри-исполины: Хасар («цепной пес» — в «Сокровенном сказании»), Сабар («звериная лапа» — в «Джангариаде»), Шумар (в «Гесериаде»); богатырские племена: Урууд и Мангуд (в «Сокровенном сказании») и Хонгор Ородский, т. е. Уруудский (в «Джангариаде»); описание найманского побоища (в «Сокровенном сказании») и битвы Санала (в третьей песне «Джангариады» торгутской версии); богатырь «избавитель» Темучжина Сорхон-Шира (в «Сокровенном сказании») и такой же «избавитель» Джангара — богатырь Хонгор (в «Джангариаде»).

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо притти к следующим заключениям: 1) три главнейших памятника монгольского народного эпоса, а именно поэмы о Темучжине, Джангаре и Гесере, с достаточной полнотой отражая в себе современную каждому из них социально-политическую обстановку, непременно обусловлены ею и, следовательно, в полной мере историчны; 2) близкое сходство сюжетов и композиции этих памятников указывают на известную историко-литературную преемственность в монгольском народном эпосе; 3) в художественной целенаправленности образов этих произведений видна сознательная воля поэта-народа выразить господствующие идеи своей поры: в поэме о Чингисе — идею единого Монгольского государства; в «Джангариаде» — идею народно-национального единства ойратов и в «Гесериаде» — народно-демократическую идею об установлении социальной справедливости во всем мире.

ПЕРЕВОД ТЕКСТА

МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

I. РОДОСЛОВНАЯ И ДЕТСТВО ТЕМУЧЖИНА (ЧИНГИСА)[1]

§ 1. Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган.

§ 2. Сын Бата-Чигана — Тамача. Сын Тамачи — Хоричар-Мерган. Сын Хоричар-Мергана — Аучжам-Бороул. Сын Аучжам-Бороула — Сали-Хачау. Сын Сали-Хачау — Еке-Нидун. Сын Еке-Нидуна — Сим-Сочи. Сим-Сочиев сын — Харчу.

§ 3. Сын Харчу — Борчжигидай-Мерган — был женат на Монголчжин-гоа. Сын Борчжигидай-Мергана — Тороголчжин-Баян — был женат на Борохчин-гоа, имел отрока-слугу, по имени Боролдай-Суялби, да двух скаковых меринов — Дайир и Боро. У Тороголчжина было двое сыновей: Дува-Сохор и Добун-Мерган.

§ 4. У Дува-Сохора был один-единственный глаз, посреди лба, которым он мог видеть на целых три кочевки.

§ 5. Однажды Дува-Сохор, вместе со своим младшим братом Добун-Мерганом, взобрался на Бурхан-халдун. Наблюдая с высоты Бурхан-халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению речки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей.

§ 6. И говорит: «Хороша молодица в кибитке крытой повозки среди этих подкочевывающих людей!» И он послал своего младшего брата Добун-Мергана разузнать, намереваясь сосватать ее Добун-Мергану, если окажется, что она незамужняя.

§ 7. Добун-Мерган побывал у тех людей, и в самом деле там оказалась молодица, по имени Алан-гоа, красивая, очень знатного рода и еще даже ни за кого не просватанная.

§ 8. А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергана, владетеля Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана, нойона Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности Арих-усун.

§ 9. По той причине, что на родине, в Хори-Туматской земле шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями,

[1] Оглавления всех двенадцати разделов даны мною. Родо-племенные названия, следуя П. Кафарову и Б. Я. Владимирцову, в тексте перевода пишутся с большой буквы, если даже они и в форме прилагательных, соответствующих родительному падежу имен.
С. А. К.

Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род-обок, под названием Хорилар. Прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях, он теперь и пододвигался, оказывается, кочевьями своими к Шинчи-баян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владетели Бурхан-халдуна. Здесь-то Добун-Мерган и просил руки Алангоа, дочери Хори-Туматского Хорилартай-Мергана, родившейся в Арихусуне, и таким-то образом Добун-Мерган женился.

§ 10. Войдя в дом к Добун-Мергану, Алан-гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай.

§ 11. У старшего же брата, Дува-Сохора, было четыре сына. Тем временем старший его брат Дува-Сохор скончался. После кончины Дува-Сохора, четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мергана и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплеменье Дорбен-ирген.

§ 12. Однажды, затем, Добун-Мерган взошел поохотиться на возвышенность Тогоцах-ундур. В лесу ему повстречался какой-то Урянхаец, который, зарезав трехлетку-оленя, готовил жаркое из его ребер, из верхних коротких ребер.

§ 13. Добун-Мерган и говорит: «Дружище, дай на жаркое!» «Дам и тебе!» — отвечал тот и, оставив себе шкуру и легочную часть животного, остальное мясо трехлетки-оленя отдал Добун-Мергану.

§ 14. Завьючив оленину Добун-Мерган уехал. По дороге встречается ему какой-то бедняк, который ведет за собою своего сынишку.

§ 15. На вопрос Добун-Мергана, кто он такой, тот отвечал: «Я — Маалих, Баяудаец («богатей»), а живу, как нищий. Удели мне из этой дичины, а я отдам тебе вот этого своего паренька».

§ 16. Тогда Добун-Мерган отделил и отдал ему половину оленьего стегна, а того мальчика увел к себе домой; он-то и стал у него домашним работником.

§ 17. Долго-ли, коротко-ли — Добун-Мерган скончался. После смерти Добун-Мергана, Алан-гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак.

§ 18. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: «Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме — это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына». Алан-гоа узнала об этих их тайных пересудах.

§ 19. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака, и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили. По одной без труда переломили. Тогда она опять дала им, с просьбой переломить, уже штук по пяти хворостинок, связанных вместе. Все пятеро и хватали сообща и зажимали в кулаках, а сломать все же не смогли.

§ 20. Тогда мать их, Алан-гоа, говорит: «Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай да Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: „Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?“ Подозрения-то ваши основательны.

§ 21. «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло),[1] входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится,[2] процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!»

§ 22. И стала потом Алан-гоа так наставлять своих сыновей: «Вы все пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?» Долго ли, коротко ли — мать их, Алан-гоа, скончалась.

§ 23. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата — Бельгунотай, Бугунотай, Бугу-Хадаги и Бухату-Салчжи — забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника.

§ 24. «Раз меня и родней не признают, что мне тут делать?» — сказал Бодончар. Оседлал он Орок-шинхула, со ссадинами на спине, с жидким хвостом, наподобие свистун-стрелы, и пустил его куда глаза глядят вниз по течению Онон-реки. «Умереть, так умереть! Живу быть, так быть живу!» — сказал он. Ехал-ехал и добрался до урочища Балчжун-арал. Тут построил он себе из травы балаган и стал жить-поживать.

§ 25. Стал он тут примечать, как сизая самка сокола ловит и пожирает куропаток. Сделал ловушку из волос хвоста своего голохвостого, со ссадинами на спине, Орок-шинхула, заманил, поймал птицу и стал приручать.

§ 26. Не имея другого пропитания, он стрелял по ущельям загнанных туда волками зверей, а нет — так питался и волчьими объедками. Так он благополучно перезимовал тот год, прокормив и себя и своего сокола.

§ 27. Пришла весна. С прилетом уток он стал запускать на них своего сокола, сперва проморив его голодом. Диких уток и гусей понасадил он: на каждый пень — задние части (хоншиут), а на каждый сук — срадные части (хуншиут), и столько понавешал, что запах шел.[3]

§ 28. По северному склону гор, из-за темного бора, подкочевало, продвигаясь вниз по течению речки Тунгелик, какое-то родовое колено[4]

[1] Солнце закатилось, а луна еще не взошла.
[2] Луна закатилась, а солнце еще не взошло.
[3] Он — «гуанами на сучки, смердящими — на шестки, так что дух пошел.»
[4] Положение народца (ср.: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй, стр. 66).

болюк. Днем Бодончар стал заходить к ним напиться кумысу, когда случалось пускать своего сокола в их сторону. Ночью же уходил, бывало, на ночлег к себе в травяной шалаш.

§ 29. Когда, случалось, люди те просили у Бодончара его сокола, он никак не давал. А жили между собою так, что у Бодончара не спрашивали, откуда и кто он, а тот взаимно не пытался узнавать, что они за люди.

§ 30. Старший брат его, Бугу-Хадаги, зная, что младший брат, Бодончар-простак, отправился вниз по течению реки Онона, пришел сюда поискать брата. Стал он распрашивать тех людей, что прибыли сюда, кочуя вниз по речке Тунгелик: не бывал-ли тут такой-то и такой-то человек, на таком-то и таком-то коне?

§ 31. Люди те отвечали: «Тут есть и человек и конь, как раз такие, как ты спрашиваешь. Он соколиный охотник. Каждый день заходит к нам: угостится кумысом и уходит. А ночами где-то ночует. При северо-западном ветре летят сюда, словно снежные хлопья по ветру, пух и перья гусей и уток, пойманных соколом. Должно быть, он здесь недалеко: сейчас подходит время его обычного прихода. Подожди минутку». Так говорили они.

§ 32. Тем часом подъезжает какой-то человек, следуя вверх по течению речки Тунгелик. То и был Бодончар. Как увидел, так сейчас же и признал его старший брат, Бугу-Хадаги. Забрал он брата с собою и пустился рысью вверх по реке Онону.

§ 33. Труся рысцой за братом своим, Бугу-Хадаги, говорит ему Бодончар: «Брат, а брат! Добро человеку быть с головой, а шубе — с воротником». Брат его, Бугу-Хадаги, не понял, к чему эти его слова.

§ 34. Когда он повторил те же самые слова, брат его все же ничего не понял и ничего не сказал ему в ответ. А Бодончар ехал и все повторял одно и то же. Тогда старший его брат говорит: «Что это ты все твердишь одно и то же?»

§ 35. Тогда Бодончар говорит: «Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут — все равны: нет у них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта. Ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим!»

§ 36. «Ладно! — отвечал старший брат. — Но только сначала съездим домой да посоветуемся со всеми братьями, а тогда и пойдем полонить тех людей». Так они беседовали.

§ 37. Воротясь домой, посовещались они с братьями и выступили в поход. Передовым-наводчиком пустили самого же Бодончара.

§ 38. Идя лобовым, захватил Бодончар в половину беременную женщину: «Кто ты такая?» — спросил он. — «Я, — говорит она, — я из племени Чжарчиут, по имени Аданхан-Урянхачжина».

§ 39. Тогда братья вчетвером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопами, при табуне и кухне.[1]

§ 40. Бывшая в половине беременности женщина, войдя к Бодончару, родила сына. Так как его считали сыном чужого племени, то и назвали его Чжадарадай. Он и стал предком рода Чжадаран. У того Чжадарана был сын, по имени Тухуудай. Сыном Тухуудая был Бури-Бульчиру, сын Бури-

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 68.

Бульчиру — Хара-Хадаан. Сыном Хара-Хадаана был Чжамуха. Таково происхождение рода Чжадаран.

§ 41. Эта женщина родила еще одного сына, уже от Бодончара. И оттого, что происходил он от пленницы, — и сына прозвали Бааридай. Он стал предком рода Бааринцев. Сын Бааридая — Чидухул-Боко. У Чидухул-Боко было много жен. Родилось у него и сынов что-то около этого. Они-то и стали родоначальниками племени Менен-Баарин.

§ 42. Бельгунотай стал родоначальником племени Бельгунот. Бугунотай стал родоначальником племени Бугунот. Бугу-Хатаги стал родоначальником племени Хатаги. Бухуту-Салчжи стал родоначальником племени Салчжиут. Бодончар стал родоначальником поколения Борчжигин.

§ 43. Тот потомок Бодончара, который родился от первой, старшей жены,[1] носил имя Барин-Ширату-Хабичи. Бодончар же еще имел наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданым матери этого самого Хабичи-Баатура. И она произвела на свет одного сына. Имя ему было Чжоуредай. Сначала Чжоуредай пользовался правом участия в родовом жертвоприношении чжугели.

§ 44. Однако по смерти Бодончара этого Чжоуредая отстранили от участия в родовых жертвоприношениях чжугели под тем предлогом, что-де некий Аданха-Урянхадаец был домашним завсегдатаем и что, должно быть, от него-то он и произошел. Он и образовал особое родовое подразделение-обох, под наименованием Чжоуреид и таким образом стал родоначальником Чжоуредцев.

§ 45. Сын Хабичи-Баатура был Менен-Тудун. У Менен-Тудуна было семеро сыновей: Хачи-Кулюк, Хачин, Хачиу, Хачула, Хачиун, Харандай и Начин-Баатур.

§ 46. Сын Хачи-Кулюка, Хайду, по матери происходил от Намолуны. Хачинову же сыну дали имя Ноягидай. Из-за его крайнего чванства (noyanšiγ aburitu)[2] и род его стал прозываться Ноякин. Сына Хачиу звали Барулатай. Ростом он был велик и горазд до еды. Род его прозвали Барулас. Сыновья Хачулы также образовали род Барулас, и из-за жадности обоих братьев к еде пошли родовые прозвища Еке-Барула и Учуган-Барула, а отсюда пошли уже и родовые подразделения Баруласов: Эрдемту Барулас, Тодоен-Барулас и др. Дети Харандая стали родоначальниками племени Будаад-кашников, которое назвали так по той причине, что у них, наподобие перемешанной каши, не было ни старшего, ни главы. У Хачиуна был сын, по имени Адаркидай. Он стал родоначальником племени, прозванного Адаркин-сутяги из-за тех распрей, которые он заводил между братьями. Сыновья Начин-Баатура прозывались Уруудай и Мангутай. От них пошли племена Урууд и Мангуд. У Начин-Баатура от первой, старшей жены родились еще Шичжуудай и Дохолодай.

§ 47. У Хайду было три сына: Байшингор-Докшин, Чарахай-Линху и Чаочжин-Ортегай. Сын Байшингор-Докшина — Тумбинай-Сечен. Сыновья Чарахай-Линху — Сенгун-Билге, Амбагай и другие — образовали племя

[1] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 48, прим. 8: aburin eme.
[2] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 78.

Тайчиудов. Потомка Чарахай Линху, происшедшего от его снохи, звали Бесутай. Отсюда идет род Бесуд. От сыновей Чаочжин-Ортегая пошли племена: Оронар, Хонхотан, Арулад, Сёнид, Хабтурхас и Генигес.

§ 48. У Тумбинай-Сечена было два сына: Хабул-хаган и Сим-Сечуле. Сим-Сечулеев сын — Бультегу-Баатур. А у Хабул-хагана было семеро сыновей, а именно: самый старший — Окин-Бархаг, далее Бартан-Баатур, Хутухту-Мунгур, Хутула-хаган, Хулан, Хадаан и самый младший — Тодоен-отчигин.

§ 49. У Окин-Бархага — сын Хутухту-Юрки. У Хутухту-Юрки было два сына: Сече-беки и Тайчу. От них пошло поколение Юркинцев.

§ 50. У Бартан-Баатура было четверо сыновей: Мангету-Киян, Некун-тайчжи, Есугай-Баатур, Даритай-отчигин. Хутухту-Мангуров сын был Бури-Боко. Это он-то и рассек Бельгутаю плечо на пиру в Ононской Дубраве.

§ 51. Сыновья Хутула-хагана — Чжочи, Гирмау и Алтан. У Хулан-Баатура — сын Еке-Церен. Это он был нойоном Бадая и Кишлика (сделавшихся впоследствии свободными из рабов), дарханами. Ни Хадаан, ни Тодоен потомства не имели.

§ 52. Всеми Монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми Монголами стал ведать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей.

§ 53. Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому. Тогда Амбагай через посланника своего Балагачи, человека из Бесудского рода, велел передать среднему из семи сыновей Хабул-хагана, Хутуле, с тем, чтобы он, в свою очередь, передал следующее Хадаан-тайчжию из всех десятерых сыновей: «Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет».

§ 54. В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-Баатур повстречал Меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из Олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой старшего своего брата, Некун-тайчжия, и младшего — Даритай-отчигина.

§ 55. В виду их приближения, Чиледу испугался, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно следуют за ним по пятам. В то время когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун-учжин говорит ему: «Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты

жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а девицу-жену найдешь. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!» С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, то из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону.

§ 56. Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-Баатур повел за поводья лошадь Оэлун-учжин, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун-учжин приговаривает: «Батюшка мой, Чиледу!

Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал
В пустынной земле никогда ты не голодал.

Каково-то теперь?» И роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад так громко она причитала «каково-то теперь уезжаешь?» так громко, что

Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.

Уж близко к дому, стал унимать ее плач Даритай-отчигин:

«Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси, — он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи, — его и след простыл.

Замолчи уже». Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун-учжин в дом свой. Вот как произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжины.

§ 57. Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили ханом Хутулу. И пошло у Монголов веселие с пирами и плясками. Возведя Хутулу на ханский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорхонахе. До того доплясались, что, как говорится, «выбоины образовались по бедро, а кучи пыли — по колено».

§ 58. Когда Хутула стал ханом, Хадаан-тайчжи пошел на обоих Татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжили-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмщением отмстить, воздаянием воздать.

§ 59. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен Татарских Темучжин-Уге, Хори-Буха и других. Тогда-то ходила на последних беременности Оэлун-учжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величи-

ною в альчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином.

§ 60. От Оэлун-учжины родилось у Есугай-Баатура четверо сыновей: Темучжин, Хасар, Хачиун и Темуге. Родилась и одна дочь, по имени Темулун. Когда Темучжину было девять лет, то Чжочи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчию — пять лет, Темуге-отчигин был по третьему году, а Темулун — еще в люльке.

§ 61. Когда Темучжину было девять лет, Есугай-Баатур собрался сватать ему невесту у дядей по матери его Оэлун, у ее родни из Олхонутского рода, куда и отправился вместе со своим сыном Темучжином. По дороге, между урочищами Цекцер и Чихургу, повстречал он Хонхирадского Дэй-Сечена.

§ 62. «Куда держишь путь, сват Есугай?» — спрашивает его Дэй-Сечен. — «Я еду, — говорит Есугай-Баатур, — еду сватать невесту вот этому своему сыну у его дядей по матери, у Олхонутского племени». Дэй-Сечен и говорит: «У твоего сынка взгляд — что огонь, а лицо — что заря».

§ 63. «Снился мне, сват Есугай, снился мне этою ночью сон, будто снисшел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: Солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снисшел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? — подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случиться такому сну? Не иначе, что это вы — духом своего Киятского племени — являлись во сне моем и предрекали!

§ 64. Мы, Унгиратское племя,
С древних времен знамениты
Красою и статностью дев от жены-унгиратки.
Брани не любим, но дев своих милых
К вашим ханам в подруги везем.
В одноколку казачью[1] верблюд вороной
Запряжен, и рысью пустили его...
К вам на царское место усадим ее.
Браней не ищем мы. Только,
Вырастив славных девиц,
В крытый возок уместим,
С сивым верблюдом в упряжке...
Замуж проводим. К вам на высокое место
Дорогой половиной усадим.
Искони унгиратские жены
Как щит неприступны, а девы — смиренны.
Красотою же дев от жены-унгиратки
Издревле мы знамениты.

§ 65. Отроки наши за степью глядят,
Девы у нас красотой взор пленят.

[1] Казачья телега — арба.

[«Унгиратское племя, с давних времен мы славимся, не имея в том соперников, красотою наших внучек и пригожестью дочерей. Мы к вашему царственному роду своих прекрасноланитных девиц, поместивши в арбу (казачью телегу), запряженную черно-бурым верблюдом и пуская его рысью, доставляем к вам, на ханское ложе. С племенами-народами не спорим. Прекраснолицых дев своих вырастив, в крытый возок поместив и увозя на запряженном сизом верблюде, пристраиваем на высокое ложе, (дражайшей) половиною пристраиваем. С давних времен у нас, Унгиратского племени, жены славны щитом, а девы — кротостью. Славны мы прелестью внучек и красою дочерей. Ребята у нас за кочевьем глядят, а девушки наши на свою красу обращают взоры всех...»]

Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя — малютка, да свату надо посмотреть». С этими словами Дэй-Сечен проводил его к себе и под локоть ссадил с коня.

§ 66. Взглянул он на дочь его, а лицо у нее — заря, очи — огонь. Увидал он девочку, и запала она ему в душу. Десятилетняя на один год была она старше Темучжина. Звали Борте. Переночевали ночь. На утро стал он сватать дочь. Тогда Дэй-Сечен говорит: «В том ли честь, чтоб отдать после долгих сговоров, да и бесчестье ль в том, чтоб по первому слову отдать? То не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятьях-женихах». Когда дело покончили, Есугай-Баатур говорит: «Страсть боится собак мой малыш! Ты уж, сват, побереги моего мальчика от собак!» С этими словами подарил ему Есугай своего заводного коня, оставил Темучжина в зятьях и поехал.

§ 67. По дороге, в Цекцерской степи — Шира-кеере, пировали Татары. Повстречавшись с ними, Есугай-Баатур решил задержаться на празднике, так как томился жаждой. Татары же, оказывается, его знали. «Это Есугай-Киян явился», — рассуждали они и вспомнили свои старые обиды и счеты. И вот, с умыслом тайно его извести отравой, они подмешали ему яду. Уезжая от них он почувствовал себя дурно, и через трое суток, добравшись домой, сильно занемог.

§ 68. Говорит тогда Есугай-Баатур: «Мне дурно. Есть тут поблизости кто-нибудь?» Ему сказали, что неподалеку находится Мунлик, сын Хонхотанского старца Чарахая. Позвав его к себе, Есугай-Баатур сказал ему: «Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно Татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятья своего Темучжина. Дурно мне. Прими же ты под свое попечение всех своих: и малюток и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези ты поскорей моего Темучжина!» Тут он и скончался.

II. ЮНОСТЬ ЧИНГИСА

§ 69. В точности исполняя распоряжение Есугай-Баатура, Мунлик отправился и сказал Дэй-Сечену: «Старший брат Есугай-Баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Приехал взять его!» Дэй-Сечен отвечал: «Раз сват так горюет по своем мальчике, то пусть себе съездит, повидается, да и скорехонько сюда». Тогда отец-Мунлик и доставил Темучжина домой.

§ 70. В ту весну обе супруги Амбагай-хагана, Орбай и Сохатай, ездили на кладбище, в «Землю Предков». Оэлун-учжин тоже поехала, но приехала поздно, опоздав при этом не по своей вине. Тогда Оэлун-учжин, обращаясь к Орбай и Сохатай, сказала: «Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам и тризну с мясом и вином? Не потому ли, что Есугай-Баатур умер, рассуждаете вы, а дети его и вырасти не смогут? Да, видно, вы способны есть на глазах у людей, способны и укочевать без предупреждения!»

§ 71. Ханши же Орбай и Сохатай ей ответили так:

«Хоть бы и позвали, так не стоит давать:
Ешь, что найдется!
Хоть бы и просила, так не стоит давать:
Ешь, что придется!

[«Ты и заслуживаешь того, чтобы тебя не звали (или: позвав, ничего не дали). Тебе и следует есть то, что найдешь (что попадется). Ты и заслуживаешь того, чтобы тебе отказывали даже в просимом. Видно, из-за того, что умер Амбагай-хан, нас может оговаривать даже Оэлун».]

Не потому ли, что скончался Амбагай-хаган, даже и Оэлун смеет с нами так говорить?»

§ 72. Согласно уговору — откочевать, бросив в нутуке этих (Есугаевских) матерей с детьми и уйти, никого из них не взяв с собой, — Таргутай-Кирилтух, Тодоен-Гиртай и прочие Тайчиудцы на другой же день тронулись вниз по реке Онону. Когда они покинули, таким образом, Оэлун-учжин, матерей с детьми и откочевали, Хонхотанский Чарха-ебуген поехал их уговаривать. Но Тодоен отвечал ему: «Тут

Ключевые воды пропали,
Бел-камень треснул!

А ты-то как смеешь отговаривать людей?» — сказал ему Тодоен-Гиртай и при этом сзади кольнул его в спину копьем.

§ 73. Тяжело раненый Чарха-ебуген лежал у себя дома. Когда Темучжин приехал его проведать, Хонхотанский Чарха-ебуген сказал ему: «Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собою весь наш улус, улус собранный твоим благородным родителем». Темучжин уехал от него в слезах. Оэлун-учжин, покинутая народом, сама подняла знамя и выступила. Многих ей удалось воротить, однако и тот возвращенный народ не устоял и снова ушел вслед за Тайчиудцами.

§ 74. Когда же укочевали Тайчиудские братья, покинув в старом кочевьи вдову Оэлун-учжин с малыми детьми, вот как пошло:

Мудрой женой родилась Оэлун.
Малых детей своих вот как растила:
Буденную шапочку покрепче приладит,
Поясом платье повыше подберет,
По Онон-реке вниз и вверх пробежит,

По зернышку с черемухи да яблонь-дичков сберет
И день и ночь своих деток пестует.

* * *

Смелой родилась наша мать-Учжин.
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корней накопает,
Корней судун да корней кичигина.

* * *

Черемухой да луком вскормленные
Доросли до ханского величия.
Корнем чжаухасуна вспоенные
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми.

* * *

§ 75. Голым чесноком у матери вскормлены
Поднялись отважными сынами,
Вознеслись высокими сайдами,
Из всех выдались и мужеством и отвагою.

* * *

А обетом себе поставили — мать кормить.
На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку негожую притравливают,
Ленков да хайрюзов выуживают,
Невода ли сплетут, плотву неводят.
С сыновней любовию матушку напитают.

[Озлун-фужень мудрой женой родилась. Воспитывая своих малых детей, крепко прилаживала рабочую вдовью шапочку, коротко поясом платье подбирала, бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи, день и ночь кормила.

Смелая (возможно и счастливая, не простая, причастная миру духов) от роду мать-Учжин, пестуя своих благословенных (счастливо-блаженных, августейших) детей, брала с собой лыковое лукошко, копала коренья судуна и кичигине и кормила.

У матери-Учжин черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства. У праведной матери-Учжин корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми.

Те, которых голым чесноком вскормила прекрасная Учжин, стали отважными сынами, стали высоко вознесенными сайдами-сановниками. А как стали мужами-сайдами, выдавались они мужеством и отвагою.

И дали друг другу слово прокармливать свою мать. Стали сиживать на крутом берегу Онон-матушки, друг для друга стали ладить крючья-удочки. Наживляя негодную рыбешку, стали удить. Притравляя негодные крючья-удочки, стали выуживать ленков да хайрюзов. Сплетая сети-невода, стали вылавливать рыбку-плотвичку. В знак сыновней почтительности стали и сами кормить свою мать.].

§ 76. Таким-то образом сидели однажды на берегу Онона Темучжин, Хасар, Бектер и Бельгутай. И вот на один из закинутых крючьев попалась блестящая рыбка-сохосун. Бектер с Бельгутаем отняли ее у Тему-

чжина с Хасаром. Те пошли домой и стали жаловаться матери, Учжин-эхе: «Братья Бектер с Бельгутаем насильно отобрали у нас блестящую рыбку, которая клюнула на крюк». — «Ах, что мне с вами делать? — говорит им мать Учжин-эхе. — Что это так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится,

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Нам надо думать о том, как бы отплатить за обиду Тайчиудским братьям, а вы в это время так же не согласны между собою, как некогда пятеро сыновей прематери вашей Алан-эхэ. Не смейте так поступать!»

§ 77. Не по вкусу пришлись эти слова Темучжину с Хасаром, и стали они роптать: «Ведь совсем недавно они точно таким же образом отняли у нас жаворонка, подстреленного детской стрелой-г о д о л и; а теперь вот опять отняли! Как же нам быть в согласии?» И, хлопнув дверью, они поспешно ушли. Бектер в это время стерег на холме девять соловых меринов. Темучжин подкрался к нему сзади, а Хасар — спереди. Когда они приблизились, держа наготове свои стрелы, Бектер обратился к ним с такими словами: «Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные Тайчиудскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас

Ресница в глазу
Иль заноза в зубах.

Чего же стоят такие рассуждения, когда у нас

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Не разоряйте же моего очага, не губите Бельгутая!» С этими словами он покорно присел на корточки. Темучжин же с Хасаром тут же в упор пронзили его выстрелами спереди и сзади и ушли.

§ 78. Как только они вернулись домой, мать-Учжин сразу же поняла все по лицам обоих своих сыновей: «Душегубцы! — сказала она. — Не даром этот-вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови!

Этот-вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!
Темное дело свое вы свершили
Словно дикие псы,
Что лоно у матки своей прогрызают.
Словно свирепый хаблан,
На скалу налетающий.
Львам вы подобны,

Чью ярость ничто не уймет.
Демонам-змеям, мангусам,[1]
Живьем, говорят, пожирающим.
Или же — кречеты вы:
Те свою тень поражают.
Щуки коварные вы:
Из засады вы жертву глотаете.
Или — верблюжьи самцы:
Верблюженку лодыжки грызете.
Волкам подобны голодным:
Те за добычей в ненастье следят.
Птица турпан пожирает птенцов своих,
Если увлечь за собой их не может.
Смел на защиту трусливый шакал,
Если гнездо его кто потревожит.
Барс не замедлит схватить.
Зря нападает дворняга.
Вот с кем вы сходны в злодействе своем!

[«Вы сгубили его, словно дикие псы, прогрызающие материнскую утробу; словно хаблон (птица ?), бросающийся на скалы даже; словно львы, не могущие унять свою ярость; словно демон-м а н г у с, глотающий живьем; словно кречет, бросающийся на свою собственную тень; словно щука, хватающая исподтишка; словно верблюд, кусающий сгиб задней ноги у своего же одногодовалого верблюженка; словно волк, заглядывающий в ненастный день; словно турпан, пожирающий своих птенцов, когда он не в силах увести их за собой; словно обороняющийся шакал, когда потревожили его логово; словно тигр, не мешкающий в своей хватке; словно дворняга, кидающаяся без разбору... Нет у вас друзей, кроме собственной тени; нет у вас плети, кроме (конского) хвоста...»]

Речь ведь о том, кто вам поможет отмстить Тайчиудцам, раз вы не в силах сами с обидой покончить. У вас же сейчас

Нет дружеской сени, кроме собственной тени,
Нет другого хлыста, кроме хвоста.

О чем же вы думаете, так поступая?» И долго она с великим гневом говорила им,

Древние речи распускала,
Старые слова развивала.

[Вскрывала она, разъясняла (распарывала) старые слова, распространяла древние слова.]

§ 79. Тогда является во главе своей охранной (турхаут) стражи Таргутай-Кирилтух. Он сообразил теперь:

Видно овечки-то, кургашки, облиняли,
Слюни свои подобрали.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Бельгутай построил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар пере-

[1] П. Кафаров переводит — удав; E. Haenisch (p. 16) — исполинский змей.

стреливался с неприятелем. Хачиуна, Темугея и Темулуну спрятали в ущелье, а сами вступили в бой. Тогда Тайчиудцы стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата, Темучжина! Другого нам ничего не надо!» Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство. Заметив, что Темучжин пустился в лес, Тайчиудцы бросились за ним в погоню, но он уже успел пробраться в густую чащу на вершине Тергуне. Не умея туда проникнуть, Тайчиудцы окружили этот бор и стали его сторожить.

§ 80. Проночевал Темучжин трое суток в тайге и решил, наконец, выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг — неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Стал он рассматривать — и видит: седло сползло при туго подтянутой подпруге и нагруднике. Вот так причина задержки. Тогда стал он раздумывать: «Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также и подгрудная шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает». И он вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги, у самого выхода лежит белый валун-кремень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. «Не ясно ли, — подумал он, — не ясно ли, что само небо меня удерживает». Провел он в лесу еще девять суток, без всякой пищи, и думает: «Ужели довести себя до бесславной смерти? Выйду теперь!» И принялся срезать своим ножом для очинки стрел, срезать деревья, которые не давали прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, что свалился откуда-то и заслонил проход. Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стал было выходить на прогалину. А Тайчиудцы тут-как-тут, сторожат. Схватили его и повели с собой.

§ 81. Таргутай-Кирилтух привез Темучжина к себе в улус и там подверг его законному наказанию. На ночлег при этом он должен был скитаться из юрты в юрту. 16-го числа Первого летнего месяца, по случаю праздничного дня полнолуния, Тайчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце. На это празднество Темучжина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все праздновавшие разошлись, Темучжин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил плыть вниз по течению.

§ 82. Между тем упустивший его человек громко вопил: «Упустил колодника!» На его крики со всех сторон стали собираться Тайчиудцы. Они тотчас же принялись обыскивать рощу Ононскую: светил месяц, и было светло, как днем. Сулдусский Сорган-Шира проходил как раз мимо того места, где Темучжин лежал в заводи. Он заметил его и говорит: «Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер; что —

Во взгляде — огонь,
А лицо — что заря.

Но не робей, так и лежи, а я не выдам!» и проехал дальше. Когда стали уговариваться о дальнейших поисках, Сорган-Шира посоветовал: «Давайте

снова хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем». Все согласились и пошли каждый обратно тем же своим путем, снова тщательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шира: «Лежи себе. Неподалеку тут твои братцы точат на тебя свои зубы и языки. Но не робей!», — и поехал дальше.

§ 83. И опять уговариваются они о новых поисках, и опять советует Сорган-Шира: «Сынки Тайчиудцы![1] Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы найти его темною ночью? Давайте напоследок хорошенько просмотрим, на обратном пути, каждый свою долю, да и по домам; а завтра утром опять сойдемся на поиски. Куда может уйти этот человек, с колодкой на шее?» Все согласились и пошли снова повторным поиском. Опять подъехал к нему Сорган-Шира и говорит: «Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разойдемся, да и беги домой. Если же тебя кто увидит, смотри не проговорись, что я тебя видел». И с этими словами уехал.

§ 84. Выждав пока они разошлись, Темучжин пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Ширая. Он размышлял так: «Еще позавчера, когда мне пришла очередь ночевать тут, ночую я в юрте Сорган-Ширая. Сыновья его Чимбай с Чилауном жалеют меня. Ночью, видя мои мученья, ослабляют колодку и дают возможность прилечь. А теперь вот и Сорган-Шира хоть и заметил меня, а проехал мимо. Не донес. Не спасут ли они меня также и в настоящем положении?»

§ 85. Юрта Сорган-Ширая была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета — на слух. Идя поэтому на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: «Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего ты пришел?» Тогда оба его сына, Чимбай и Чилаун стали говорить: «Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?» Не одобряя слов своего отца, они сняли с него колодку и сожгли ее на огне, а самого поместили в телегу, нагруженную овечьей шерстью и стоявшую за юртой. Они поручили его заботам своей младшей сестры, по имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ни одной живой душе.

§ 86. На третий день, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Ширая обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уж добираться до дна, как Сорган-Шира говорит: «В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?» Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли.

§ 87. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: «Чуть было не развеял ты меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!» Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабдил его бурдюком и боченком,

[1] У В. Я. Владимирцова — «Сыновья Тайчиудские» (Общественный строй, стр. 70).

но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук да пару стрел. С таким снаряжением он его отпустил.

§ 88. Так выступивши, Темучжин добрался до тех мест, где они скрывались в устроенных заграждениях. Следом, по примятой траве, пошел дальше вверх по течению реки Онона. След привел к речке Кимурха, впадающей в Онон с запада. Идя далее тем же следом, он нашел своих в урочище Хорчухуй-болдак, у Кимурхинского мыса Бедер.

§ 89. Соединившись там, они тронулись дальше и расположились кочевьем в Хара-чжируханском Коконуре, у речки Сангур, в глубине урочища Гулельгу, по южному склону Бурхан-халдуна. Там промышляли ловлей тарбаганов и горной крысы-кучугур, чем и кормились.

§ 90. Однажды явились грабители и, на глазах у всех, угнали восемь соловых меринов, находившихся недалеко от юрты. И видели, да ничего не могли поделать: на куцом бегунце савраске Бельгутай уехал на охоту за тарбаганами. После заката солнца приходит Бельгутай, шажком ведя за собой куцого бегунца савраску, с навьюченными на нем тарбаганами. Когда ему рассказали об угоне соловых меринов, Бельгутай говорит: «Я еду в погоню». А Хасар говорит: «Ты не справишься, в погоню отправлюсь я». — «Вам не справиться, — говорит Темучжин. — Погонюсь-ка я». И с этими словами Темучжин сел на саврасого бегунца и поехал по следу, оставленному на траве соловыми меринами. Трижды он ночевал в пути, и вот рано утром встречает на следу, в шалаше при табуне, какого-то молодца, который в это время доил кобылу. На вопросы о соловых меринах парень отвечал: «Сегодня, рано утром, перед восходом солнца, тут действительно прогоняли восемь соловых меринов. След я отведу».[1] И с этими словами он пустил в табун куцого савраску, а Темучжина посадил на белоспинного вороного, Орох-шинхула. Сам же сел на буланого бегунца, Хурдунхуби. Не заехав даже к себе домой, он бросил в степи свои подойники и бурдюки, кое-как их прикрыв, и говорит: «Друг, ты ведь сильно измаялся в пути, а у добрых молодцев горе-то общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец прозывается Наху-Баяном. Я его единственный сын, зовусь Боорчу». И поехали они по следу. На четвертый день пути их, вечером, в ту пору, когда солнце начинает скрываться за горизонтом, они подъехали к куреню какого-то племени и тут увидели восьмерых соловых, которые паслись на краю этого большого куреня. Темучжин и говорит: «Ты, друг, постой здесь, пока я угоню вон тех соловых». — «Я, — отвечал Боорчу, — я ведь пошел с тобой в товарищах. Чего же это я буду стоять тут?» И они бросились вместе и угнали соловых меринов.

§ 91. Вслед за ними один за другим бросаются в погоню люди. Кто-то на белом коне, с укрюком в руке, уже настигает их в одиночку. «Товарищ, — говорит Боорчу, — давай мне лук и стрелы, я буду отстреливаться!» — «Нет, — отвечает Темучжин. — Недоставало, чтобы ты еще из-за меня и погиб. Я сам буду отстреливаться!» И он, обернувшись, начал пускать стрелы назад. Всадник на белом коне приостановился и стал своим укрюком подавать знаки. Тогда задние бросились было к нему вскачь. Но

[1] Специальный термин «отводить след», см. примечание в томе II.

к этому времени солнце уже закатилось и стало темнеть. Застигнутые темнотою, задние приостановились, и отстали все.

§ 92. Ехали они напролет всю ту ночь, ехали потом напролет еще три дня и три ночи, пока наконец не доехали. «Друг, — говорит Темучжин. — Разве я без тебя вернул бы этих своих лошадей? Давай разочтемся. Сколько ты хотел бы?» Но Боорчу отвечал на это: «Ведь я почему поехал с тобой? Потому что видел, как страдает мой добрый товарищ; потому что хотел оказать услугу своему доброму товарищу. Разве я за барышом гнался? Ведь мой отец не зря зовется Наху-Баяном. И я не даром его единственный сын. Я ничего не возьму. Иначе моя услуга — что же это была бы за услуга? Ничего не возьму!»

§ 93. За этим разговором подъехали к юрте Наху-Баяна. А тот уже проливал слезы по своем пропавшем сыне Боорчу. Вдруг тот является Глядя на своего сына, то плачет он, то бранится. А Боорчу говорит: «В чем дело? С горем приехал добрый товарищ, я и съездил с ним в товарищах. А вот и вернулся». С этими словами он слетал в степь и привез припрятанные там бурдюки и подойники. Затем они как следует снарядили Темучжина в дорогу: зарезали на харчи ягненка-кургашку, дали полный бурдюк питья, и говорит тогда Наху-Баян: «Вы оба — молодые ребята. Любите же друг друга и никогда друг друга не покидайте!» Простившись с ними, Темучжин в три ночи и в три дня доехал домой, на речку Сангур. Тем временем и мать Оэлун и Хасар с прочими братьями горевали, не находя себе места. За то и обрадовались, увидав теперь Темучжина.

§ 94. Потом Темучжин, вместе с Бельгутаем, поехал вниз по Келурену разыскивать Дэй-Сеченову Борте-учжину: он не видал ее с тех пор, как побывал у них еще девятилетним мальчиком. Дэй-Сечен, как и все Унгираты, попрежнему оказался между урочищами Чекчер и Чихурху. Увидав Темучжина, Дэй-Сечен очень обрадовался и говорит: «Наконец-то вижу тебя. Я уж совсем было потерял надежду и загоревал, зная, как ненавидят тебя Тайчиудские братцы». Потом, обручив его с Борте-учжин, стал снаряжать проводы. Поехал провожать и сам, воротясь домой с Келуренских Урах-чжолнудов. А жена его, мать Борте-учжины, по имени Цотан, та, провожая свою дочь, доставила ее прямо в семью мужа, когда кочевали на речке Сангур, в глубине урочища Гурелыу.

§ 95. Когда пришло время провожать домой Цотан, то он послал Бельгутая позвать в товарищи и Боорчу. Выслушав Бельгутая, Боорчу даже отцу своему не сказался: сел на своего горбатого савраску, бросил через седло свой серый армяк и явился вместе в Бельгутаем. Вот какие услуги он оказал и вот как стал другом.

§ 96. В то время когда уезжали с речки Сангур и расположились кочевьем на Келурене у подмытого водоворотом яра Бурги-ерги, то Цотан подарила черного соболя доху, в качестве свадебного подношения ее — шидкуль, свекрови своей. Эту свою доху Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, повез к Ван-хану, рассудив так: «Ведь когда-то Ван-хан Кереитский побратался, стал андой с батюшкой Есугай-ханом. А тот, кто доводится андой моему батюшке, все равно что отец мне». И он поехал

к Тульскому Темному Бору — Хара-тун, узнав, что Ван-хан находится там. Приехав к Ван-хану, Темучжин сказал: «Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду». И с этими словами он поднес ему соболью доху. Растроганный Ван-хан дал такой ответ:

«За соболью доху отплачу,
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу!
За соболью доху отплачу,
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный; челядь — там».

[«В благодарность за черную соболью доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус. Пусть лопатка пойдет к передней части (почетной), а почки — к задней части».]

§ 97. Когда, возвратясь оттуда, находились у подмытых яров, Бургиэрги, приходит с Бурхан-халдуна старик Урянхадаец, Чжарчиудай, с раздувальным мехом за плечами, и приводит своего сынишку, по имени Чжелме. «Я когда-то поднес вам, — говорил Чжарчиудай, — поднес вам в Делиунболдохе соболью пеленки по случаю рождения Темучжина. Тогда же я отдавал вам и вот этого сынка своего, Чжелме, но увел обратно, потому что сказали: маловат. Теперь же отдаю своего Чжелме вот для чего:

Вели ему коней седлать,
Вели ему дверь открывать».

§ 98. Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках реки Кедурена, чуть свет, в ту пору, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин-эмген, служанка в юрте матери Оэлун, поднялась и говорит: «Поскорее вставай, мать. Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять эти неотвязные Тайчиудцы? Тотчас вставай, мать!»

§ 99. Тотчас же встала и мать Оэлун, встала и велит поскорей разбудить ребят. Темучжин и другие ребята тоже не замедлили встать. Поймали лошадей и сели верхом: на одной лошади — Темучжин, на другой — Оэлун-эке, на третьей — Хасар, на четвертой — Хачиун, на пятой — Темуге-отчигин, на шестой — Бельгутай, на седьмой — Боорчу и на восьмой — Чжелме. Темулуну же мать Оэлун держала у себя на руках, у груди. Одну лошадь приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины не оставалось лошади.

§ 100. Темучжин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан. Спасая Борте-учжину, Хоахчин-эмген усадила ее в крытый возок, запрягла рябую в почках корову и тронулась вверх по речке Тенгели. Еще темнел бор по северным склонам. Светало. Вдруг навстречу им скачут, озираясь кругом, ратные люди. Подъехали к старухе и спраши-

вают: «Ты кто такая?» — «Я темучжиновская!» — говорит старуха Хоахчин. — «Езжу в большую юрту стричь овец. А сейчас еду домой». — «А Темучжин-то дома? Далеко ль до его юрты?» — спрашивают те. — «Юрта-то его близко, — говорит Хоахчин, — а дома ли он, нет ли, — того не знаю: я выехала с заднего двора».

§ 101. Ратники тотчас ускакали. Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась. Оставшись со сломанной осью, давай они уговариваться пешком пробраться в лес. Как вдруг подлетают к ним вскачь те самые, что и давеча ратники, а с ними Бельгутаева мать, которую вдвоем с одним из них посадили за седло: ноги ее свисали без опоры в стременах. Подлетают: «А в телеге у тебя что?» — спрашивают. — «Везу овечью шерсть!» — отвечает старуха Хоахчин. Тогда военные начальники говорят: «Слезай-ка, ребята, да посмотри!» Ребята слезли и приоткрыли дверцу крытого возка: «Да тут сама госпожа!» — говорят они и выволокли ее. Они посадили ее на коня сундлатом, вдвоем с Хоахчин, и поднялись на Бурхан, идя по следу Темучжина, по примятой траве.

§ 102. По следам Темучжина трижды они обошли Бурхан-халдун, но не могли его поймать. Метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли. Оказывается, то были люди из трех Меркитских родов: Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода. За то, что когда-то у Чиледу была отнята Оэлун-эке, теперь они, в свою очередь, пришли отомстить. «Ну, теперь мы взяли пеню за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!» — сказали Меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам.

§ 103. Тогда Темучжин велел Бельгутаю, Боорчу и Чжелме трое суток следовать по пятам за тремя Меркитами, чтобы убедиться, действительно ли они возвращаются домой, или хотят устроить ловушку. Сам же, дав Меркитам подальше углубиться в степь, сошел с Бурхана и, ударяя себя в грудь, сказал:

«А все оттого, что у доброй Хохчин
Кротовые уши видать,
У матушки доброй Хохчин
Хорьковое зренье подстать.

* * *

На тяжко-подъемном коне,
Кляня свою тяжесть вдвойне,
Бродами изюбрей бредя,
Из ивы шалаш городя,
Взошел я на гору Бурхан.

* * *

Но жизнь моя — прах ей цена!
Бурханом изблевана, мне отдана,
Бурханом одним спасена.

* * *

С одним лишь, единым конем,
Одну только жизнь возлюбя,
Бродами сохатых бредя,
Из прутьев шалаш возводя,
Взошел я на гору Халдун.

* * *

Но жизнь моя — капля она!
Халдуна щитом хранена,
Халдуном одним спасена.

* * *

Заутра хваления жертв,
По вся дни молитв он достоин
Во веки и в роды родов».

* * *

Сказал, и на солнце смотря,
С кропленьем молитву творя,
На шею он пояс, как четки, привесил,
А на руку шапку поддел,
И грудь широко распахнув,
Он трижды три крат до земли поклонился.

[«Благодаря тому, что у матушки Хоахчин слух такой, будто она обращается в крота, а зрение такое, будто она обращается в хорька, я, в бегстве ища спасенья своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне, бредя оленьими бродами, отдыхая (сооружая) в шалаше из ивовых ветвей, взобрался на (гору) Бурхан.

«На Бурхан-халдуне спас я (отсрочил) вместе с вами жизнь свою, подобную (жизни) ваши (или: Бурхан-халдуном изблевана ...)

«Жалея одну лишь (единственно) жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, отдыхая (городя) в шалаше из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя, подобная (жизни) ласточки. Великий ужас я испытал. Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!» И сказав так, он обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу (в сторону солнца) и совершил (дал) кропленье и молитву.]

III. РАЗГРОМ МЕРКИТОВ. НАРЕЧЕНИЕ ТЕМУЧЖИНА ЧИНГИС-ХАНОМ

§ 104. Вскоре после этого Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, отправился в Темный Бор на реке Тууле, к Кереитскому Тоорил Ван-хану и сказал ему: «Внезапно напали на нас три Меркита и полонили

жен и детей. Я пришел просить тебя, хан и отец, спасти моих жен и детей». — «Разве же я, — говорит Тоорил Ван-хан, — разве я в прошлом году не говорил тебе? Вот что сказал я тебе, помнишь, тогда, когда ты, в знак сыновней любви, облачал меня в соболью доху и говорил, что отцовской поры побратим-анда — все равно что отец тебе. Вот что сказал я тогда:

„За соболью доху отплачу:
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу.
За соболью доху отплачу:
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный: челядь — там".

Не так ли я сказал? А теперь и сдержу свое слово.

За соболью доху отплачу,
Всех Меркитов мечу я предам,
А Учжину твою ворочу.
За соболью доху отплачу:
Сунастатов предам я огню и мечу,
А царицу твою ворочу.

[«За твою собольюю доху я соберу для тебя твой рассеянный улус. За черную твою соболью доху я соединю для тебя разлученных людей твоих. Так я говорил и прибавил: пусть же почечная часть идет к заду, а лопаточная (почетная) — к переду. Теперь же, по этим словам своим, в благодарность за соболью доху, я истреблю для тебя всех Меркитов дотла и спасу для тебя твою Борте-учжин. За черную соболью доху, предав огню всех без исключения Меркитов, доставим мы тебе твою Борте, возвратим ее тебе...»]

Пошли ты известие Чжамухе. Младший брат Чжамуха находится сейчас в Хорхонах-чжубуре. Я с двумя тьмами выступлю отсюда и буду правым крылом, а Чжамуха со своими двумя тьмами пусть будет левым крылом. Место и время встречи назначает Чжамуха!» — Так он сказал.

§ 105. От Тоорил-хана Темучжин, Хасар и Бельгутай вернулись домой, и уже из дому Темучжин послал к Чжамухе Хасара и Бельгутая, наказав им: «Вот как скажите анде моему Чжамухе:

„Ложе мое — воздух пустой,
Мы ль не единого рода с тобой?
Как же мы кровную месть совершим?
В сердце зияет глубокая рана.
Нам ли с тобою родство не охрана?
Как же свою мы обиду отмстим?"».

[«Ложе мое обращено в пустой воздух. Принадлежа к одной большой семье (родства), разве мы чужие с тобой? Как вместим свою месть? Локо (грудь) мое ущерблено. Будучи кровной родней, чужие ли мы (друг другу)? Как же воздадим воздаяние свое?»]

Не только это наказывал он передать своему анде Чжамухе, но также и собственные слова Кереитского Тоорил-хана: «Памятуя, что я в свое время был облагодетельствован отцом Есугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступаю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не поднимется ли он со своими двумя тьмами. Место же и время встречи пусть назначит сам брат Чжамуха». Выслушав все это, Чжамуха сказал так: «Только услышал я про Темучжина,

Только услышал про друга-анду,
Что воздух пустой — его ложе,
Сердце мое заскорбело.
Только услышал про рану в груди,
Печень моя заболела.
Кровную месть мы свою совершим,
Меркит-Удуит и Увас истребим,
Милую сердцу Борте возвратим.
Правою местью своей отомстим:
Хаат-Меркитов огню предадим,
Ханшу спасем и домой возвратим.
Плещут чуть слышно попоны коней,
Гром барабанный на бой нас зовет
На Тохтоа, на зачинщика, в Бура-кеере.
Длиннотетивные луки волнуются рея.
На супостата, на Даир-усуна, — скорее.
Орхон с Селенгой где слилися, на остров Талхун.
Катится по ветру желтый бурьян.[1]
Чуть что — в тайгу, Хаатай-Дармала.
Ныне в степи Харачжи должен быть.
Двинемся ж дружно кратчайшим путем,
Бурный Хилок напрямки перейдем!
Пусть себе знатные бороды гладят...
Наши тем часом плоты свои ладят...[2]
На Тохтоа, на зачинщика-труса,
Бурей внезапною грянем.
В прах обратим и высоких и знатных,[3]
Жен и детей полоним.
Мы их святыни растопчем ногами,[4]
Целым народом в полон уведем».

[«Когда я услыхал, что ложе его обратилось в пустой воздух, сердце (внутри) у меня заболело. Когда узнах я, что лоно его ущербили, печень у меня заболела. Отмщая месть свою и истребив Удуитских и Увасских Меркитов, освободим свою Учжин-Борте. Воздавая свое возмездие, предадим огню всех Хаат-Меркитов и ханшу Борте свою воз-

[1] Перекати-поле — трава.
[2] Или иная трактовка:
Пусть только чакан (камыш) будет высок —
Свяжем плоты, перейдем мы Хилок.
[3] Разом почетный заслон сокрушим.
[4] Разом священный заслон разобьем.

вратим — спасем. Теперь, когда у нас похлопывают чепраки (попоны), когда гремят у нас барабаны, задира и трус Тогтога находится, должно быть, в стеши Буура. Теперь, когда у нас волнуются длиннотетивные луки, воява Дапр-Усун находится, должно быть, на острове Талхун-арал, у слияния Орхона и Селенги. Теперь, когда по ветру развевается желтый полынь (перекати-поле), поскорее поспешающий в лес. Хаатай-Дарнала находится, должно быть, в стеши Харачжи. Теперь, когда напрямик мы пойдем поперек реки Хилхо — пусть в это время будут богаты и благополучны их бороды! — Мы, связав плоты, перейдем. У того беспечного Тогтогая, обрушившись на него прямо через дымовое отверстие, на самое почетное у него налетим и впрах сокрушим. Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим».]

§ 106. Чжамуха продолжал: «Вот что еще прошу вас передать анде Темучжину и старшему брату Тоорил-хану: „А обо мне скажите, что я

Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он крепкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой одел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил.
В битву — скажите — готов я теперь.
В битву с Меркйтом-Хаатай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревущий ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцырь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.
К смертному бою готов я — скажите
К бою с Меркит-Удуйтом.

[«Я уже окропил издали видное знамя свое, я ударил уже в свой барабан, обтянутый кожей черного вола и издающий рассыпчатый звук. Я оседлал своего вороного скакуна, одел свой жесткий тулуп, поднял свое стальное копье. Приладил я свои дикого персика стрелы, и готов я выступить в поход на Хаатай-Меркитов — сразиться. Так скажите. Издали видное длиннодревковое знамя свое окропил я, ударил я в свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей. Черноспинного скакуна своего оседлал я, пропитый ремнями свой панцырь одел. С рукоятью меч свой я поднял, приладил я свои стрелы с зарубинами и готов смертным боем биться с Удуит-Меркитами. Так передайте...»]

Пусть Тоорил-хан, мой старший брат, следуя южным склоном Бурхан-халдуна, заедет к анде Темучжину. Местом нашего соединения пусть будет Ботоган-боорчжи, в истоках реки Онона. На пути отсюда, вверх по Онону, есть люди, принадлежащие к улусу анды. Из улуса анды составится одна тьма. Да одна тьма отсюда, всего будет две тьмы. Пойдем вверх по Онону и соединимся в условленном месте, на Ботоган-боорчжи“».

§ 107. Когда, возвратясь домой, Хасар с Белыгутаем пересказали эти слова Чжамухи Темучжину, он послал уведомление Тоорил-хану. Тоорил-хан двинулся в поход. Темучжин в это время находился в урочище Бурги-эрги, но рассчитав, что он окажется как раз на пути его следова-

ния, так как, двигаясь южным склоном Бурхан-халдуна, неминуемо попадет к Бурги-эрги, Темучжин отошел в сторону с дороги[1] и, пройдя вверх по течению речки Тунгелик, расположился по речке Тана, на южном склоне Бурхан-халдуна. Отсюда Темучжин начал поход, и в то время когда одна тьма Тоорил-хана да одна тьма его младшего брата Чжаха-Гамбу, всего две тьмы, стояли лагерем в Апл-хара-голе, на речке Кимурха, он присоединился к ним.

§ 108. Отсюда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу двинулись соединенными силами к истокам реки Онона, в Ботоган-боорчжи. Когда они прибыли туда, оказалось, что Чжамуха прибыл в условленное место тремя днями раньше. При виде этих войск Темучжина, Тоорила и Чжаха-Гамбу, он выстроил в боевой порядок свои две тьмы. Тогда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу так же выстроили и свои войска. Когда сблизились и распознали друг друга, Чжамуха стал говорить: «Разве не было у нас такого уговора, чтоб

И в бурю на свидание
И в дождь на собрание
Приходить без опоздания.

Разве отличается чем от клятвы монгольское да? И разве мы не уговаривались также, что за опоздание

Из строя вон,
Кто бы ни был он».

На эти слова Чжамухи ответил Тоорил-хан: «Волен нас судить и взыскивать с нас младший брат, Чжамуха, за то, что опоздали явкой на три дня!» Тем и покончили пререкания по поводу срока прибытия.

§ 109. Они выступили из Ботоган-боорчжи и достигли реки Килхо. На связанных плотах переправились через реку, и в степи Буура-кеере ударили на Тохтоа-беки.

Бурей внезапной нагрянули.
Разом заставу почестную сбили,
Жен и детей у него полонили.
Разом святую заставу смели, —
Для Тохтоа будет много ли, мало ли —
Целый народ мы в полон увели.

[Вторгнувшись через дымник (как снег на голову) и сокрушив главные ворота (запоры, заставы), жен и детей до последнего полонили. Священные врата (запоры, заставы) у него прочь мы снесли, весь улус его дочиста (досуха) полонили.]

Оказалось, что Тохтоа-беки мог быть захвачен во время сна, но его успели предупредить о приближении неприятеля. Предупредили же его, проскакав всю ночь напролет, находившиеся на работе его люди, которые занимались кто рыбной ловлей в реке Килхо, кто ловлей соболей или звериной охотой.

[1] Разминулся с ним.

Будучи, таким образом, предупрежден, Тохтоа, вместе с Увас-Меркитским Даир-Усуном и небольшим числом людей, поспешно бежал вниз по реке Селенге в страну Баргучжинскую.

§ 110. Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: «Борте, Борте!» А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. Прислушавшись, она узнала голос Темучжина, соскочила с возка и подбегает. Обе женщины, Борте и няня Хоахчин, сразу ухватились за знакомые оброть и поводья Темучжинова коня. Было месячно. Взглянул он на Борте-учжину — и узнал. Обняли они друг друга.[1] В ту же ночь Темучжин послал сказать Тоорил-хану и анде Чжамухе: «Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь». А относительно Меркитских беглецов надобно добавить, что и заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство. Вот как произошла встреча Темучжина с Борте-учжин и освобождение ее из Меркитского плена.

§ 111. Как перед тем было рассказано, Меркитский Тохтоа, Увас-Меркитский Даир-Усун и Хаатайский Дармала, эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугай-Баатур отбил Оэлун-эке у Еке-Чиледу, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучжина и тогда же захватили в плен Борте-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чиледуя, по имени Чильгир-Боко. В его-то воле она все время и находилась. А теперь, спасаясь бегством, он говорил так:

«Черной бы вороне падаль и клевать,
Вздумалось же черной гуся пощипать.
Дурень я, Чильгир, дурнем уродился,
К благородной, к ханше зря я прицепился:
Весь Меркитский род ликом помрачился.
Дурень я, холоп, холопом родился,
Холопской башкою своей поплатился.
Лишь бы только жизнь мне как-нибудь спасти,
Убегу в ущелья — тесные пути.
Где же мне защиту иначе найти?

* * *

Птице-мышелову мышей бы трепать.
Вздумала ж поганая лебедя щипать.
Дурень мешковатый — таким я родился —
К пресветлейшей ханше зря я прилепился:
Весь Меркитский род лицом помрачился.
Дурень я, Чильгир, никчемным родился,

[1] Другое чтение: «Обняли они и озарили друг друга».

Пустою башкою своей поплатился.
Жизнь моя не краше, чем овечий кал,
Но и ту бы надо как-нибудь спасти:
В темные ущелья! Иначе пропал!
Другое убежище где же мне найти?»

* * *

«Черной вороне положено кормиться зерном да корой, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Грубый я мужик, Чильгир! Подцепил себе ханшу Учжин — навлек беду на все Меркитское племя. Простоволосый я мужик, Чильгир! Не поплатиться бы мне своею простоволосой головой. Только бы мне спасти свою жизнь: проберусь-ка в темные ущелья. Где же еще мне найти убежище?

«Поганой птице мышелову-хулду положено кормиться мышами да полевыми грызунами, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Смердящий я, Чильгир! Прибрав к рукам священную Учжин, на всех Меркитов навлек я беду. Захудалый я (дрянь мужиченко), Чильгир. Придется, видно, мне поплатиться засохшей своей головой (засохнет). Спасая свою жизнь, такую (по цене, как) овечий помет, заберусь-ка я в зубчатые, мрачные ущелья. Где же еще мне найти убежище?»]

Так приговаривал он, озираясь и убегая во всю прыть.

§ 112. Хаатай-Дармалу поймали, надели ему шейную колодку и повезли к Бурхан-халдуну.

Из досок на шее колоду замкнули,
На гору Халдун молодца потянули.

[Колодки из досок на него надели, в Халдун-бурхан отправили.]

Бельгутаю указали аул, в котором находилась его мать, и он отправился за нею. Но она, в рваном овчинном тулупе ушла через левую половинку двери, в то время как сын входил через правую. Вышла на двор и, обращаясь к посторонним людям, говорит: «Мои сыновья поделались, говорят, ханами, а я тут маюсь около мужика. Как же мне теперь смотреть в глаза своим сыновьям?» И с этими словами она убежала и скрылась в тайге. Сколько ни искали ее, так и не нашли. Тогда Бельгутай возложил возвращение своей матери на ответственность именитых Меркитов, пригрозив костяною стрелою, а тех триста Меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхан, он предал полному истреблению со всей их родней. Оставшихся же после них жен и детей: миловидных и подходящих — забрали в наложницы, а годных стоять при дверях — поставили прислугой, дверниками.

Детей их и жен, после них что остались,
К утехе пригодных в подруги забрали;
Другим же — за дверью сидеть наказали
Затем, что к тому лишь пригодны казались.

[Оставшихся после них жен и детей: миловидных (подходящих для ложа) забрали в наложницы (поместили на ложе), а годных только в привратницы поделали привратницами.]

§ 113. И сказал Темучжин благодарственное слово Тоорил-хану и Чжамухе:

«Хан Тоорил и анда Чжамуха дружбу свою доказали.
Небо с землею нам мощь умножали,

Тенгрий могучий призвал,[1] а Земля —
Мать-Этуген — на груди пронесла.
Мужам Меркитским как должно воздав,
В руки свои их наследье приняв,
Лона их в воздух пустой обратя,
Печень и им глубоко ущербили;
Ложа и им в пустоту обратя,
Род мы их весь до конца разорили».

[При дружественной помощи моего хана-отца и Джамухи-анды, умножаемые в силе Небом и Землей, нареченные могучим Тенгрием и споспешествуемые (доставляемые) Матерью Землей (Эке-Этуген), мы, мужам Меркитским в возмездие, в воздух обратили лоно их, ущербили печень у них; в воздух обратили и ложе их, искоренили и родню их мы. А именье их мы сберегли себе».]

Затем, полагая, что довольно покарали Меркитский народ, они порешили возвращаться домой.

§ 114. Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники подобрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу. Он был в собольей шапочке, в сапогах из маральих лапок и в шубке, подобранной из беленых обрезков соболиных шкурок. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-эке.

§ 115. Соединенными силами Темучжин, Тоорил-хан и Чжамуха у Меркитов

Круговерхие юрты разбили,
Знатных красавиц пленили

[Клином сшибли замки у юрт, красавиц для себя забрали знаменитых... (Иначе. снесли их круговерхие юрты).]

и тронулись с острова Талхун-арала, что у слияния рек Орхона и Селенги. Тоорил-хан взял направление к Тульскому Черному Бору, по северным лесистым склонам Бурхан-халдуна, через урочище Хачаурату-субчит и Уляту-субчит, попутно совершая звериные облавы.

§ 116. Темучжин с Чжамухою сообща расположились на Хорхонах-чжубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу-побратимство и уговорились еще сильнее углубить свою взаимную любовь. В первый раз ведь они поклялись друг другу быть андами еще когда Темучжину было 11 лет. Чжамуха подарил тогда Темучжину альчик от козули, а Темучжин ему в знак дружбы — свинчатку, и они вместе играли в альчики на льду реки Онона. После этого, когда они весною стреляли из детских луков-алангир, Чжамуха подарил Темучжину свою свистун-стрелу-йорги, сделанную из двух склеенных рогов бычка двухлетки, с просверленными дырочками, а Темучжин отдарил его детской стрелой-годоли с кипарисовым лобком, и они поклялись друг другу в верности, как анды. Так-то они побратались вторично.

§ 117. Они слышали от старших, что закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности. Уговорившись теперь еще

[1] Нарек.

раз подтвердить свое побратимство, они обменялись подарками. Темучжин опоясал Чжамуху золотым поясом, захваченным у Меркитского Тохтоа, и посадил его на Тохтоаеву кобылу, по прозвищу Эсхель-халиун (Выдра). А Чжамуха опоясал анду Темучжина золотым поясом, добытым у Меркитского Дайр-Усуна, и посадил Темучжина на Дайр-Усунова же коня Эбертуунгун (Рогатый жеребчик). Затем, на южном склоне Хулдахаркуна, что на урочище Хорхонах-чжубур, под развесистым деревом, они устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью по обычаю спали под одним одеялом.

§ 118. В полном мире и согласии прожил Темучжин с Чжамухой один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутука, в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухою вместе ехали впереди телег. И говорит Чжамуха: «Друг, друг Темучжин!

Или в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!»

[«Покочуем-ка возле гор — для табунщиков наших шалаш готов. Покочуем-ка возле реки — для овчаров наших в глотку (еда) готова!»]

Не понимая этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга. Как только те подошли, он и говорит матери Оэлун: «Вот что мне сказал анда Чжамуха:

„В горы что ли покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!“.

Не понимая, что он хочет этим сказать, я ему ничего не ответил и думаю себе, спрошу-ка у матушки?» Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: «Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается! Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами! Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет! Так-то будет лучше».

§ 119. Одобрив совет Борте-учжины, ехали всю ночь без сна. По пути проезжали через Тайчиудские кочевья. Те перепугались и, в ту же ночь поднявшись, откочевали в сторону Чжамухи. В покинутых кочевьях Тайчиудцев и Бесудцев наши подобрали маленького мальчика, по имени Кокочу, и представили его матушке Оэлун, а та приняла его на воспитание.

§ 120. Проехали без сна всю ночь. Рассвело. Осмотрелись — и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжаланров — три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять Тархудов. Сын Мунгету-Кияна — Унгур со своими Чаншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас — Хубилай-Худус с братьями. Из племени Манхуд — братья Чжетай и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме, младший его брат, Чаурхан-Субеетай-Баатур. Из племени Бесуд пришли братья Дегай и Кучугур. Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутай-Таки со своими братьями. Еще из Чжаланров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-Бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан — Сюйкету-черби. Из племени Сукеген — Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец Цахаан-Ува. Из племени Олхонут — Кингиядай. Из племени Горлос — Сечиур. Из племени Дорбен — Мочи-Бедуун. Из племени Икирес — Буту, который состоял здесь в зятьях. Из племени Ноякин — Чжунсо. Из племени Оронар — Харачар со своими сыновьями. Кроме того, прибыли одним куренем и Бааринцы: старец Хорчи-Усун и Коко-Цос со своими Менен-Бааринцами.

§ 121. Хорчи сказал: «Мы с Чжамухой происходим от жены, которую имел священный предок Бодончар. Стало быть, у нас, как говорится,

Чрево одно
И сорочка одна.

Мне никак не следовало бы отделяться от Чжамухи. Но было мне ясное откровение. Вот вижу светлорыжая корова. Всё ходит кругом Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хочет забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит на него — мычит, говорит-приговаривает: „Отдай мой рог!“ А вот вижу комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по большому шляху,[1] а бык ревет-ревет, приговаривает: „Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство!“ Вот какое откровение явлено глазам моим! Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?» — «Если в самом деле мне будет вверен этот народ, — ответил Темучжин, — то поставлю тебя нойоном-темником!» — «Что за счастье стать нойоном-темником для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан! Мало поставить нойоном-темником, ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен. А кроме того, преклоняй ухо к моим речам». Так он сказал.

§ 122. Пришли к Темучжину еще и следующие. Один курень Генигесцев — Хунан и прочие, одним же куренем — Даритай-отчигин, один курень

[1] Проторенной дороге.

Унчжин-Сахаитов. В ту пору, когда, отделившись и уйдя от Чжамухи, стояли в Аил-харагана, на речке Кимурха, отделились также от Чжамухи и пришли на соединение с нами еще и следующие: одним куренем — Сача-беки и Тайчу, сыновья Чжуркинского Соорхату-Чжурки; одним куренем — Хучар-беки, сын Некун-тайчжия; одним куренем — Алтан-отчигин, сын Хутала-хана. Оттуда передвинулись кочевьем в глубь Гурельгу и расположились близ Коко-наура, по речке Сангур и Хара-чжуркену.

§ 123. Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как будем мы поступать:

На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять.

* * *

От охоты на зверей в горах
Половину для тебя мы станем выделять.
Тех зверей, что водятся в степях,
Брюхо к брюху будем мы сдавать.
А в норах которые живут,
Те стегно к стегну тебе пойдут.

* * *

Кто твоей руки хоть мановенья
На войне ослушаться дерзнет,
Не давай и тени снисхожденья —
От детей и жен им отлученье!
Пусть, как смерд, как твой холоп,
От тебя опалы дальней ждет.

* * *

Кто из нас твой мир нарушит,
Хоть бы мир кругом царил, —
Значит, тем очаг не мил:
От дружины их, от смердов,
От семьи нещадно отрывай,
В земли чуждые далеко отсылай!»

* * *

[«Когда же Темучжин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекрасноланитных жен и девиц, прекрасных статей меринов.

«При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна.

«В дни сеч, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу.

«В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в безхозяйной (безбожной) земле!»]

Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингис-хаганом и поставили ханом над собою.

§ 124. По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжетай и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами, так как они говорили:

«Что утром пить — не заставим ждать,
Что в обед испить — не будем зевать!»

[«Утреннего питья на заставим ждать, об обеденном питье не позабудем!»]

Дегай же сказал:

«Жирного барашка
Супу наварить
Утром не замедлю,
В ужин не забуду.
Не вместить в загоне —
Пестрого барана столько разведу.
Не вместить в хотоне —
Желтого барана столько распложу.
На еду не горд я!
Требухою сыт!»

[«Поутру не упущу я сварить [суну из отборного барана, к ужину (с едой) не опоздаю. Так буду пасти пестрых овец, что все промежутки заполню, так буду пасти бехо-желтых овец, что весь загон переполню. Я ведь плохой обжора (лакомка): на попасе овец буду кормиться и требухой!»]

Поэтому Дегаю он поручил заведывать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур сказал:

«У коляски с замком
И чеке потеряться не дам я.
Я коляску искусной работы
На шляху проведу без изъяна».

[«У замочной телеги — чеки ее не запропащу; телегу с осью на большой дороге (на шляху) не растрясу».]

Ему и было поручено заведывать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. И сказал им хан:

«Тем, кто на шею другому садится,
Шею наотмашь рубите!

Тем, кто не в меру кичлив,
Напрочь ключицу смахните!»

[«Обхватайте шею тем, кто будет насильничать; рубите ключицы тем, кто будет зазнаваться!»]

Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено:

«Вы меринов принимайте,
Актачинами ханскими будьте!»

[«Пусть эти двое примут меринов, пусть будут конюшими-актачинами!»]

Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведывать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: «Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими

Дальними стрелами-х о о р ц а х,
Ближними стрелами-одора!»

[«Вы будьте дальними стрелами-х о о р ц а х да ближними-о д о р а!»]

А Субеетай-Баатур сказал так:

«Для тебя обернуся я мышкой —
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшися черной вороной —
Все, что под руку, в дом загребать.
Обернуся я теплой попоной —
Буду тело твое согревать.
Обернусь я покровной кошмою —
Буду юрту твою покрывать».

[«Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-н е м б е, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись юртовым войлоком-г е р и с г е, попробую вместе с тобой им укрыться».]

§ 125. Взойдя на ханский престол, так сказал Чингис-хан, обращаясь со словом к этим двоим, к Боорчу и к Чжельме:

«Было ведь время, что кроме теней
Не имели иных мы друзей.
Тут-то вы тенью моею и стали!
Думам моим вы покой принесли,
Быть же вам в думах моих навсегда!
Было ведь время, что, кроме хвоста,
Не имел я другого хлыста.
Тут-то хвостом у меня вы и стали!
Сердцу вы дали тихий покой,
В сердце и быть вам всегда у меня!

[«Да пребудете вы в сердце моем, ибо когда у меня не было иных друзей, кроме (собственной) тени, вы оба стали тенью моей и успокоили мою душу. Да пребудете вы на лоне моем, ибо когда у меня не было иной плети, кроме (конского) хвоста, хвостом моим стали вы и успокоили мое сердце».]

Вы пришли ко мне и пребывали со мной прежде всех. Не вам ли и подобает быть старшими над всеми здесь находящимися». И затем, обратясь ко всем, Чингис-хан продолжал: «Благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли от анды Чжамухи, душою стремясь ко мне и вступая в мои дружины. И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!»

§ 126. К Кереитскому Тоорил-хану были отправлены послами Тахай и Сукегай, чтобы уведомить его об избрании Чингис-хана на ханский престол. И пришел от Тоорил-хана такой ответ: «Зело справедливо, что посадили на ханство сына моего, Темучжина! Как можно монголам быть без хана?

Мир учредивши взаимный,
Никому не давайте нарушить!
Мира свой узел надежный
Никому не давайте распутать!
Так воротник своей шубы
Никому не дают оборвать».

[«Не разрушайте же этого своего согласия, не развязывайте того узла единодушия, который вы завязали; не обрезайте своего собственного ворота».]

IV. БОРЬБА С ЧЖАМУХОЙ И ТАЙЧИУДЦАМИ

§ 127. С таким же сообщением к Чжамухе были посланы Архай-Хасар и Чаурхан. Чжамуха дал такой ответ: «Передайте от меня Алтану и Хучару: „Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела,

Одного в живот бодая,
А другого — под ребро.

И почему это вы не возводили в ханы моего друга-анду Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? И с каким умыслом поставили его на ханство теперь? Блюдите ж теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему, анде моему!“».

§ 128. Вскоре после того вышло такое дело. Младший брат Чжамухи, Тайчар, находясь в Олегай-булахе, что по южному склону Чжалама, вздумал отогнать у нашего Чжочи-Дармалы табун с урочища Саари-кеере. Он отправился туда и действительно угнал у Чжочи-Дармалы табун. Ограбленный Чжочи-Дармала вынужден был отправиться в погоню один, так как его товарищи не осмеливались. Ночью же он догнал свой табун. Затем, припав к луке своего коня, он настиг Тайчара и наповал убил его, простреляв ему спину. Захватив свой табун, Чжочи-Дармала тою же ночью вернулся домой.

§ 129. Затем к Чингис-хану на урочище Гулелгу пришло такое известие от Мулке-Тотаха и Бородлая из племени Икирес: «За убийство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингис-ханом. Чжадаранцы, во главе с Чжамухою, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска, которое переправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чингис-хана». При получении этого известия с Чингис-ханом было тоже тринадцать куреней, и он так же составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил Чингис-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!» — сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос,[1] а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту.

§ 130. Тогда Уруудский Чжурчедай и Мангудский Хуюлдар, выждав время, когда Чжамуха отступил оттуда, отстали от него и явились к Чингис-хану во главе своих Уруудцев и Мангудцев. Тогда же отстал от Чжамухи и присоединился со своими семью сыновьями к Чингис-хану и Хонхотанский Мунлик-эцге, который в это время, оказывается, был с Чжамухой. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингис-хан, вместе с Оэлун-учжин, Хасаром, Чжуркинскими Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пиру первую чару наливали, по порядку, Чингис-хану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий стал наливать чару по очереди, начиная с молодой жены[2] Сача-беки по имени Эбегай. Тогда ханши Хорочжинхатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами: «Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегай?» Побитый кравчий громко заплакал, причитая: «Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некун-тайчжия?»

§ 131. От нас на этом пиру был распорядителем Бельгутай. Он находился при Чингис-хановых конях. А от Чжуркинцев был распорядителем празднества Бури-Боко. Какой-то Хадагидаец покушался украсть оброть с нашей коновязи. Вора задержали. Бури-Боко стал вступаться за этого своего человека, а Бельгутай, по привычке к борьбе, спустил правый рукав и обнажил плечо. Тут Бури-Боко и рубнул его мечом по голому плечу. А Бельгутай никак не ответил на этот удар и не обратил внимания на рану, хотя истекал кровью. Все это видел Чингис-хан из-под сени деревьев, где он сидел, пируя с гостями. Он выскакивает из-за стола, подходит к Бельгутаю и говорит: «Как мы можем допустить подобные поступки?» — «Пустяки! — говорит Бельгутай. — Сущие пустяки! Опасного ничего со мной нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только и боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые

[1] Юношей царской крови из рода Чонос. Ср. у ойратов кость Чонос и Чорос.
[2] См.: П. Кафаров. Старинное сказание, стр. 65.

только что примирились и соединились. Братец, подожди-же, оставь, удержись!» — просил он.

§ 132. Сколько ни уговаривал его Бельгутай, Чингис-хан остался непреклонен. Обе стороны наломали дубин, похватали бурдюки и колотушки, и началась драка. Чжуркинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун. После того Чжуркинцы просили нас о примирении, и мы, возвратив им обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун, известили их о своем согласии помириться. Как раз в это время Алтан-хан Китадский, как о том стало известно, приказал Вангин-чинсяну немедленно выступить с войском против Мегучжин-Сеульту с его союзниками за то, что те не соблюдали мирных договоров. В виду этого Вангин-чинсян наступал вверх по Ульчже, гоня перед собою Мегучжин-Сеульту и прочих Татар, уходивших вместе со своим скотом и домашним скарбом. Осведомившись об этом,

§ 133. Чингис-хан сказал: «Татары — наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии». И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульчже, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил». На это известие, Тоорил-хан отвечал: «Твоя правда, сын мой. Соединимся!» На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение Чжуркинцам Сача-беки, Тайчу и всем Чжуркинцам: «Приглашаем вас ополчиться вместе с нами для истребления Татар, которые испокон века были убийцами наших дедов и отцов». И они прождали Чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в который тем следовало явиться. Более не имея возможности ждать, Чингис-хан с Тоорил-ханом соединенными силами двинулись вниз по Ульчже. В виду продвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Вангин-чинсяном, Мегучжин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеульту тут же и убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутрами.

§ 134. Чингис-хан и Тоорил-хан послали известие о том, что Мегучжин-Сеульту ими убит. Узнав о смерти Мегучжин-Сеульту, Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Чингис-хану титул чаутхури, а Керентскому Тоорилу — титул вана. Со времени этого пожалования он и стал именоваться Ван-ханом. Вангин-чинсян говорил при этом: «Вы оказали Алтан-хану величайшую услугу тем, что присоединились ко мне против Мегучжин-Сеульту и убили его. Об этой вашей услуге я доложу Алтан-хану, так как ему одному принадлежит право дать Чингис-хану еще более высокий титул — титул чжао-тао». После того Вангин-чинсян отбыл, весьма довольный. А Чингис-хан с Ван-ханом, поделив между собою полоненных Татар, воротились домой, в свои кочевья.

§ 135. Когда наши воины громили и опустошали татарские стойбища в укреплении Нарату-шитуен, они нашли брошенного в стойбище маленького мальчика. На нем была надета подбитая соболем телогрейка штофной парчи, с золотыми кольцами на шнурах. Чингис-хан подарил его матери Оэлун, которая сказала: «Это, должно быть, ребенок благородных родителей, видно сразу, что он благородной крови!» И она взяла его к себе на воспитание в качестве младшего, шестого по счету, к пятерым детям своим. А назвала она его именем Шикикан-Хутуху.

§ 136. Старики и дети Чингис-ханова куреня, так называемый Аурух, находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот, из этих людей, оставленных в Аурухе, Чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили. Чингис-хану доложили о том, как Чжуркинцы поступили с нашими людьми, оставленными в Аурухе. Выслушав донесение, Чингис-хан пришел в великий гнев и сказал: «Мыслимо ли простить Чжуркинцам их дела? Ведь никто, как они же, на пиру в Ононской дубраве, избили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутею. Потом мы, в виду их извинения, любомудро вернули им обеих ханш их, Хоричжин-хатун и Хуурчин. Когда же мы предложили им участвовать в походе на Татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они не явились, и мы напрасно прождали их шесть дней. Ныне же, на глазах у врагов, они сами стали нашими врагами». С этими словами Чингис-хан выступил в поход против Чжуркинцев и совершенно разгромил их при Келуренском Долон-болдаут. Сача-беки и Тайчу с небольшим числом людей бежали, но оба были пойманы посланной им вслед погоней при устье Телету. У схваченных Сача и Тайчу Чингис-хан спросил: «Помните, что вы говорили когда-то?» — «Если мы в чем не сдержали своего слова, то докажи!» — отвечали те. Тогда он напомнил им их речи и, уличив их, тут же с ними покончил.

§ 137. Когда он возвращался домой, покончив с Сача и Тайчу и гоня перед собою пленных Чжуркинцев, то среди них оказались сыновья Чжалаирского Тергету-Баяна: Гуун-Ува, Чилаун-Хайчи и Чжебке. Гуун-Ува представил тогда Чингис-хану двух своих сыновей, Мухали и Буха, и сказал так:

«У царских ступеней твоих
Рабами пусть будут они.
Шалить-непоседничать станут —
Ты ноги им в сгибе подрежь.
Побег-ли замыслят — беда! —
Им печени вырви тогда.
У врат твоих царских они
Рабами пусть будут навек».

[«Да будут они рабами у порога твоего. Если отстанут от порога твоего, пусть перережут им подколенники. Пусть будут они собственными твоими рабами у порога твоего. Если нерадиво отлучатся от порога твоего, выброс их вон, вырвав печень».]

А Чилаун-Хайчи также представил Чингис-хану своих двух сыновей, Тунке и Хаши с такими словами:

«Золотой твой порог
Повели им стеречь.
Золотой твой порог
Коль покинут они,
Смертью лютой казни.

* * *

Им широкие врата твои
Повели открывать.
От широких от врат твоих
Если б к кому отошли, —
Сердце вырвать вели».

[«Я отдаю их с тем, чтобы они были стражей у золотого порога твоего. Если отстанут от золотого порога твоего, выбрось их вон, лишив жизни.

«Я отдаю их для того, чтоб они поднимали (открывали) для тебя твои широкие двери. Если самовольно уйдут от широких дверей твоих, выброс их, вырвав сердце (раздавив внутренности?)».]

Чжебкея же отдали Хасару. Представляясь Оэлун-эке, Чжебке подарил ей маленького мальчика, Бороула, которого он захватил в Чжуркинских стойбищах.

§ 138. Итак, Оэлун-эке воспитывала в своем доме четверых ребят: 1) Кучу, подобранного в кочевьях у Меркитов; 2) Кокочу, взятого в кочевьях Бесудцев, находившихся у Тайчиудцев; 3) взятого из Татарских стойбищ мальчика, прозванного Шикикан-Хутуху, и 4) найденыша из Чжуркинских кочевий — Бороула. Воспитывала их она и говорила: «Кто же вам заменит ту, которая

Днем —
Недремáнное око,
Ночью —
Вся внемлющий слух?»

[«Кто же будет им оком смотрения — днем, ухом слышания — ночью?»]

И потому воспитывала их, как мать.

§ 139. Название же Чжуркинцы и образование рода-племени Чжуркин пошло вот как. Старшим из семерых сыновей Хабул-хана был Окин-Бархах. У него был сын Сорхату-Чжурки. Когда образовывалось особое Чжуркинское колено, то отец его, как старший сын Хабул-хана, отобрал из своего улуса и отдал ему вот каких людей:

Каждый из мужей искусен,
Силой — могучий борец.
Печень их желчью полна,
Пальцы далеко стрелой поражают,
Сердце их ярость съедает,
Гневом их дышат уста.

[Выбрал и отдал ему людей с печенью, полной желчи; мастеров владеть большим пальцем руки (искусных стрелков); яростных (с полными гнева легкими); отважных сердцем; с устами, исполненными гнева; во всех искусствах сведущих, силою могучих.]

Одним словом, это были все люди действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые. Вот почему их и прозвали Чжуркинцами. Таких-то знаменитых людей сокрушил Чингис-хан и уничтожил самое имя и род их. Чжуркинцев и народ их Чингис-хан сделал своими наследственными рабами.

§ 140. Однажды Чингис-хан назначил борьбу Бури-Боко с Бельгутаем. Бури-Боко был между Чжуркинцами. Он обладал такою силой, что мог повалить Бельгутая, действуя только одною рукою и одной ногой. Был он борец на весь улус. И вот Бельгутаю велено бороться с Бури-Боко. Бури-Боко, притворяясь, будто не в силах сладить с Бельгутаем, упал. Бельгутай же, будучи не в силах его притиснуть к земле и держа его за плечи, взобрался на кожаную повязку на его крупе и дал условный знак Чингис-хану, а тот взглянул на него и прикусил нижнюю губу. Бельгутай понял. Он оседлал Бури-Боко, перехватил и зажал оба его вóрота, изо всей силы рванул, упираясь коленями, и переломил ему позвонок. Уже с переломленной спиной, Бури-Боко успел сказать перед тем как испустил последний вздох: «Нет, не Бельгутай меня победил! Я боялся ханского гнева, я нарочно, в шутку упал, и вот поплатился за это жизнью». Переломив противнику позвонок, Бельгутай уволок его труп и выбросил. Из семи сыновей Хабул-хана старший был Окин-Бархах. Следующий за ним по старшинству — Бартан-Баатур, у которого сын — Есугай-Баатур. А следующим по старшинству был Хутухту-Мунлер. Его-то сыном и был Бури-Боко. В борьбе он далеко превосходил сыновей Бартан-Баатура и был в содружестве с отважными сыновьями Бархаха. Так Бельгутай погубил улусного борца Бури-Боко, переломив ему позвонок.

§ 141. После того, в год Курицы (1201), в урочище Алхуй-булах, собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами, Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана — Гучуут: Найманский Буирух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур, и прочие Тайчиудцы. Уговорившись возвести Чжачжирадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по течению реки Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда возведения в Гур-ханы они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана. Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда прибыл Горлосский Хоридай и сообщил ему об их уговоре воевать. Получив это известие, Чингис-хан передал его Ван-хану, а тот немедля поднял войско и прибыл к Чингис-хану.

§ 142. По прибытии Ван-хана решили соединенными силами итти навстречу Чжамухе и тронулись вниз по течению реки Келурена. В передовую разведку Чингис-хан отрядил Алтана, Хучара и Даритая, а Ван-

хан — Сангума, Чжаха-Гамбу и Билге-беки. Эти разведчики выставили от себя постоянный караул, подальше вперед, на урочище Энегенгуйлету. Еще дальше — другой постоянный караул на Гекчере. И еще дальше, на урочище Чихурху, — третий постоянный караул. Как только наши разведчики Алтан, Хучар, Сангум и прочие, дойдя до урочища Уткил, собрались было здесь расположиться, с караула на урочище Чихурху прибежал вестовой и сообщил о приближении неприятеля. Тогда наши решили не останавливаясь ехать навстречу, чтобы взять языка. Сблизившись, захватив языка и допросив его, узнали, что у Чжамухи передовой разведкой идут четверо: Монгольский Аучу-Баатур, Найманский Буирух-хан, сын Меркитского Тохтоа-беки, Хуту, и Ойратский Худуха-беки. Пока наши разведчики перекликались с неприятельскими, наступил вечер, и наши, в ожидании завтрашнего боя, отступили на ночлег к главным силам.

§ 143. Утром наше войско двинулось и, сблизившись с неприятелем, вступило в бой при урочище Койтен. Теснили друг друга, поднимаясь в гору и спускаясь в долину. С боем перестраивались. Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худуха могут волшебством вызывать ненастье. Принялись они за свое волшебство, но ненастье-то обернулось наоборот и разразилось над ними самими ливнем и ураганом. Стали они тут сами, спотыкаясь и скользя, валиться в пропасти. И рассыпались все кто куда, говоря: «Видно мы прогневали небеса».

§ 144. Найманский Буирух-хан отделился от Чжамухи и направился по южному Алтаю к Улух-таху. Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки, двинулся к Селенге, а Ойратский Худуху-беки поспешил к лесам в направлении Шисгиса. Тайчиудский Аучу-Баатур пошел вниз по реке Онону. А Чжамуха, разграбив его же возводивший в ханы народ, стал отступать вниз по течению Эргуне. При таком их разброде Ван-хан обратился к преследованию Чжамухи вниз по течению Эргуне, а Чингис-хан к Онону, на Аучу-Баатура. Тайчиудцы Аучу-Баатур и Ходун-Орчин, построив на другой стороне Онона своих отборных смельчаков, ждали готовые к бою. Подойдя к ним, Чингис-хан вступил в бой. Сражались с переменным успехом и с наступлением темноты заночевали на месте боя. Бежавший народ расположился на ночлег тут же в куренях, вместе со своими ратными людьми.

§ 145. В этом сражении Чингис-хан получил ранение в шейную артерию.[1] Кровь невозможно было остановить, и его трясла лихорадка. С заходом солнца расположились на ночлег на виду у неприятеля, на месте боя. Чжельме все время отсасывал запекавшуюся кровь. С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полон рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингис-хан пришел в себя и говорит: «Пить хочу, совсем пересохла кровь». Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку и сапоги, и верхнюю одежду. Оставаясь в одних исподниках, он почти голый пускается бегом прямо в неприятельский стан, напротив. В напрасных поисках кумыса он взбирается на телеги

[1] Далее (§ 147) говорится о саврасом беломордом, который был в этой битве ранен Чжебеем в шейный позвонок. Очевидно, эпизод ранения Чингиса скрывают.

Тайчиудцев, окружавших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял, однако, с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его. Само небо хранило его: никто не заметил ни того, как он уходил, ни того, как он вернулся. Принеся рог с кислым молоком, тот же Чжельме сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану. Трижды переводя дух, испил он и говорит: «Прозрело мое внутреннее око!» Между тем стало светло, и осмотревшись, Чингис-хан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась от того, что Чжельме во все стороны отхаркивал отсосанную кровь. «Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?» — сказал он. Тогда Чжельме говорит ему: «Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях всяко приходилось: глотать — так сглотнешь, плевать — так сплюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо». — «А зачем это ты, — продолжал Чингис-хан, — зачем это ты, голый, побежал к неприятелю, в то время как я лежал в таком состоянии? Будучи схвачен, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот положении?» — «Вот что я придумал, — говорит Чжельме. — Вот что я придумал, голый убегая к неприятелю. Если меня поймают, то я им (врагам) скажу: «Я задумал бежать к вам. Но те (наши) догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали было стягивать последние штаны, как мне удалось бежать к вам. Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади? „Только так я смогу утолить жажду моего государя!“ — подумал я. Подумал и во мгновенье ока решился». Тогда говорит ему Чингис-хан: «Что скажу я теперь? Некогда, когда нагрянувшие Меркиты трижды облагали Бурхан, ты в первый раз тогда спас мою жизнь. Теперь снова ты спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, во мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни. Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!» Так он соизволил сказать.

§ 146. С наступлением дня оказалось, что противостоявшее нам войско разбежалось за ночь. А стоявший возле него народ не тронулся еще с места, не будучи, видимо, в состоянии поспеть за войском, бежавшим налегке. Чингис-хан выступил из места кочевки, чтобы задержать беглецов. В это время Чингис-хан заметил какую-то женщину в красном халате, которая стояла на перевале и громким голосом, со слезами, вопила: «Сюда, Темучжин!» Сам слыша ее вопли, Чингис-хан послал человека спросить, что это за женщина так голосит. Посланный отправился, и на его вопросы женщина эта сказала: «Я дочь Сорган-Ширая — Хадаан. Ратники схватили моего мужа и хотели убить. В такой опасности я громко звала Темучжина, чтобы он спас моего мужа». Когда посланный вернулся и передал ее слова Темучжину, тот поскакал к ней. Около Хадаан Чингис-хан слез с коня, и они обнялись. Оказалось же, что ее мужа наши ратники перед тем уже убили. Возвратив беженцев, Чингис-хан с главными силами расположился на ночлег

в том же самом месте. Он пригласил к себе Хадаану и посадил ее рядом с собою. На следующее утро является Сорган-Шира и Чжебе, которые состояли крепостными у Тайчиудского Тодоге. Тогда, обратясь к Сорган-Шира, Чингис-хан говорит:

«С шеи моей
Тяжкое древо
Под ноги сбросили вы.
С ворота ж
Древо позорное
Прочь удалили.
Ваше добро —
Благость отцов иль детей.[1]
Что же так поздно пришли?»

[«Вы те, кто сбросил наземь шейное тяжкое древо (мое), кто удалил на вороте висевшее древо-д ж а р б и я л (колодку). Такой добрый поступок свойствен лишь отцам или детям. Но почему же так поздно пришли ко мне?»]

На это Сорган-Шира ответил: «Уж давно я втайне был предан тебе. Но как мне было спешить? Поторопись я перейти к тебе раньше, Тайчиудские нойоны непременно прахом пустили бы по ветру все, что осталось бы после меня: и семью и скот, и имущество мое. Вот почему я не мог торопиться. А вот теперь-то я поторопился наверстать упущенное, и вот являюсь воссоединиться со своим ханом». Чингис-хан одобрил его речь.

§ 147. Потом Чингис-хан говорит: «Во время сражения при Койтене, когда мы, тесня друг друга, перестраивались, с горного кряжа летели в нас стрелы. Не знаете ли, кто это прострелил тогда шейный позвонок моему беломордому саврасому боевому коню? С горы-то». На эти слова так отвечал Чжебе: «Это я стрелял с горы! Если хан повелит казнить меня, то останется от меня только мокрое место в ладонь. Если же хан на то соизволит, то вот как послужу ему:

Трясины и топи пройду,
С налету бел-камень пробью,
Мне молвишь: громи, на врага!
Синь-камень я в прах сокрушу.
Назад-ли прикажешь подать,
Я черный кремень разнесу».

[«Перескочу тинистые воды, с налету разобью бел-камень. По приказу «вперед» — синь-камень сокрушу. По приказу «отбой» — черный камень в прах разнесу».]

Тогда Чингис-хан сказал: «Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он придерживает свой язык. Что же сказать об этом вот? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает головой. Он достоин быть това-

[1] То есть, вы поступили по-отечески или по-сыновнему, по-родственному (ср. § 149: eciges-kŏŭt — 'родные').

рищем. Прозывался он Чжиргоадай, а мы прозовем его Чжебе за то, что он прострелил моего Чжебельгу, моего саврасого, беломордого. Ну, Чжебе, мы еще повоюем пиками-чжебе! Называйся ты теперь Чжебе и будь при мне!» Вот как перешел к нам от Тайчиудцев Чжебе и вступил в Чингис-ханову дружину.

V. РАЗГРОМ ТАТАР. РАЗРЫВ С ВАН-ХАНОМ

§ 148. Чингис-хан покарал Тайчиудцев: перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха.

§ 149. Ничугут-Бааринец Ширгуету-эбуген, со своими сыновьями Алахом и Наяа, поймали Тайчиудского нойона Таргутай-Кирилтуха, который не мог ездить верхом и, по их мнению, собирался скрыться в лесах, чтобы спастись от возмездия; поймали они Таргутая Толстого и посадили в телегу. Когда же Ширгуету-эбуген со своими сыновьями Алахом и Наяа повезли Таргутай-Кирилтуха, то их стали нагонять дети и младшие братья Таргутай-Кирилтуха, с намерением его отбить. Вот настигают они, а Таргутай Толстый, не сумевши соскочить, растянулся на телеге ничком. Тогда Ширгуету-эбуген вскочил на него сзади и, оседлав, выхватил нож и говорит: «Твои сыновья и братья собираются отбить тебя. Мне все равно пропадать. Не убью тебя из страха поднять руку на своего природного хана, так меня убьют все же за поднятие руки на своего хана. А убью — так мне тоже смерть. А раз все равно умирать, так умру-ка лучше на подушке!» И с этими словами он, продолжая сидеть верхом на Толстом, приставил нож к его горлу, собравшись полоснуть. Тогда Таргутай-Кирилтух громким голосом закричал своим братьям и сыновьям: «Ширгуету зарежет меня! Для чего вы собираетесь отбивать мое мертвое, бездыханное тело? Сейчас же поворачивайте назад! Ведь Темучжин не может, не должен меня убить! Когда он был малышом, я привозил его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца, и что у него

Во взгляде — огонь,
А лицо — как заря.

Привез я его к себе —

К науке способен — я знал.
И вот пестовал, обучал.
Так учат у нас жеребят,
Двухлеток, коль стоят того.
Меня он сгубить не решится,
Хотя бы сгубить и хотел.
Ведь слышно, что в разум он входит,
И мыслию крепнет своей.

[«Полагая, что он в состоянии выучиться, если его учить, я и учил-наставлял его, наподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли он меня? Нет, он не может, не должен убить меня: говорят, ныне он входит в разум и мысль его проясняется...»]

Нет, Темучжин не погубит меня. Поворачивайте же детки и братцы, поворачивайте сейчас же назад, а то не убил бы меня Ширгуету!» Стали тогда они совещаться: «Ведь мы затем и поехали, что бы спасти жизнь отцу. Если же Ширгуету лишит его жизни, то к чему нам одно лишь его бездыханное тело? Не лучше ли поскорее повернуть назад, пока его еще не убили?» И они вернулись домой. Тогда подъезжают и сыновья Ширгуету-эбугена — Алах и Наяа, которые убежали было, настигаемые Тайчиудами. Когда же они подъехали, все тронулись дальше своею дорогой. Доехали до Хутхулноутов. Тут Наяа и говорит: «Если мы приедем с этим захваченным нами Таргутаем-Толстым, то Чингис-хан присудит нас к смертной казни. „Они — скажет он — наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие, скажет он, какое может быть доверие к холопам, которые наложили руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов же, нарушивших верность, холопов, наложивших руки на своего природного хана, только и следует, что укорачивать на голову!“ — скажет он. И вы думаете он не снесет нам головы? Давайте-ка лучше поступим не так. Давайте отпустим отсюда Таргутая, поедем и скажем, что мы пришли с тем, чтобы отдать себя целиком на служение Чингис-хану. Что мы схватили было Таргутая и везли сюда, но видим, что не в силах погубить своего природного государя. И мы отпустили его. Как могли мы предать его на смерть? И вот мы, с полною верой в тебя, пришли отдать свои силы. Вот как давайте мы скажем!» Родные согласились с предложением Наяа, и с Хутхулноутов же отпустили Таргутай-Кириltуха. Когда этот самый Ширгуету-эбуген прибыл со своими сыновьями к Чингис-хану и тот спросил его, зачем он прибыл, Ширгуету-эбуген говорит Чингис-хану: «Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кириltуха. Но, памятуя, что он нам природный государь, и не решаясь предать его на смерть и погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои силы Чингис-хану». — «Правильно вы поступили, что не предали своего природного хана! — сказал Чингис-хан. — Ибо я должен бы был вас казнить, со всем родом вашим, как холопов, наложивших руки на своего природного хана, т. е. если бы вы вздумали явиться ко мне после того, как наложили руки на Таргутая». И он принял с особою милостью Наяая.

§ 150. После того, когда Чингис-хан находился в урочище Терсут, к нему в сотоварищи прибыл Кереитский Чжаха-Гамбу. Общими силами они отразили нападение Меркитов. Тогда они привели в покорность Чингис-хану Тумен-Тубеган, Дунхаит, а также и бывший в расселении Кереитский народ. Что же касается до Кереитского Ван-хана, то необходимо пояснить следующее. Прежде, во времена Есугай-хана, живя с ним во взаимном мире, Ван-хан побратался с Есугай-ханом, и они стали андами. И вот по какому случаю они сделались андами. Ван-хан убил младших братьев отца своего Хурчахус-Буируха. Из-за этого он вступил в борьбу со своим дядей Гур-ханом, который принудил его бежать и скрываться в ущелье Хараун-

хабчал. Он выбрался оттуда с сотнею людей и явился к Есугай-Баатуру. Есугай-Баатур, по его личной просьбе, сам выступил в поход и прогнал Гур-хана в Хашин, а отбитых людей и имущество его отдал Ван-хану. Это и было поводом для заключения ими договора о братстве.

§ 151. После этого Ван-ханов младший брат Эрке-Хара, под угрозой убийства со стороны Ван-хана, бежал и передался на сторону Найманского Инанча-хана. А когда тот послал против Ван-хана свое войско, Ван-хан ушел к Хара-Китадскому Гур-хану, пробравшись к нему через Гурбан-балахат (Троеградие). Оттуда, из-за неурядиц, он пошел через Уйгурские и Тангутские города, и в полном оскудении пришел к озеру Гусеур-наур, так как всю дорогу кормился тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда. Чингис-хан же, в силу братского договора с Есугай-ханом, выслал к нему двух послов,- Тахай-Баатура и Сукегай-Чжеуна, а потом и сам вышел к нему навстречу с истоков Келурена. Видя, что Ван-хан прибыл в полном изнеможении от голода, он произвел для него особую разверстку по улусу, ввел его в свой курень и содержал на свой счет. На эту зиму Чингис-хан расположился в урочище Хубахэн, куда постепенно подкочевывал.

§ 152. Между тем Ван-хановы младшие братья и нойоны рассуждали так: «Этот наш хан и старший брат — негодный человек, бродяга, он поступает как человек со смердящею печенью.[1] Погубил своих братьев. То переметывается к Харакитадам, то истязает свой народ. Что нам с ним делать теперь? Если же поминать прошлое, то вот он каков. В семилетнем возрасте его угнали в плен Меркиты, и там он, в кожухе из черно-рябого козленка, в Селенгинской пустыне Буури-кеере толок ведь просо в Меркитских ступах. Хурчахус-Буирух хан, отец его, разгромил, однако, Меркитов и спас из плена своего сына. Но вскоре же, когда ему минуло тринадцать лет, его опять увел в плен, вместе с его матерью, Татарский хан Ачжа, увел и заставил пасти своих верблюдов. Прихватив с собой Ачжа-ханова чабана, пастуха овец, он спасся оттуда бегством и вернулся домой. Потом опять должен был бежать из страха перед Найманцами. Бежал же он к Гур-хану Хара-Китадскому, на реку Чуй, в Сартаульскую землю. Там он не усидел и года, как поднял смуту и ушел. Скитался он по Уйгурским и Тангутским землям, пришел в совершенное убожество и кормился только тем, что кое-как выдаивал досуха пять штук коз да вытачивал верблюжью кровь. Является он к сынку Темучжину, как нищий, на единственном своем чернохвостом буланом коне. Тот собрал для него оброк и содержит на свой счет. Но он и теперь позабудет о том, как к нему отнесся сынок Темучжин, и поступит обязательно так, как поступает человек со смердящей печенью. Что нам делать?» — совещались они. Обо всех этих разговорах взял да и доложил Ван-хану Алтун-Ашух. Он сказал также: «Я и сам был участником этих совещаний, но не решился на измену тебе, своему хану». По причине этого доноса Ван-хан тотчас взял под стражу участников этих разговоров Эльхутура, Хулбари, Арин-тайчжия и других младших своих братьев и нойонов. При этом оказалось, что из всех его младших братьев

[1] Злобен и злопамятен.

один только Чжаха-Гамбу успел бежать и передаться на сторону Найманцев. Ван-хан приказал привести к себе взятых под стражу, в кандалах, и говорит им: «А что мы говорили друг другу, когда шли по Тангутским землям? И что мне после этого думать о таких, как вы?» И с этими словами, наплевав им в лицо, приказал снять с них кандалы. Тогда, по примеру хана, поднялись и все находившиеся в юрте араты и стали плевать им в лицо.

§ 153. Перезимовали ту зиму, а на осень в год Собаки Чингис-хан положил воевать с Татарами: Чааан-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. Прежде чем вступить в битву при урочище Далан-нэмургес, Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления[1] все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!» В сражении при Далан-нэмургесе мы погнали Татар. Тесня их, мы вынудили Татар соединиться в их улусе при урочище Улхуй-шилугельчжит и там полонили их. Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. В нарушение указа задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение приказа у них отобрано, через посланных для этого Чжебе и Хубилая, отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи.

§ 154. Покончив с казнями главарей и сбором пленных Татар, Чингис-хан созвал в уединенной юрте Великий семейный совет, для решения вопроса о том, как поступить с полоненным Татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим делом так:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

[Татарское племя — это исконные губители дедов и отцов (наших). Истребим же их полностью, равняя ростом к тележной чеке, в отмщение и в воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей, ростом ниже тележной чеки) обратим в рабство и раздадим по разным местам.]

Когда, по окончании совета, выходили из юрты, татарин Еке-Церен спросил у Бельгутая: «На чем же порешил совет?» А Бельгутай говорит: «Решено всех вас предать мечу, равняя по концу тележной оси». Оказалось потом, что Еке-Церен оповестил об этих словах Бельгутая всех своих

[1] Если (не)приятель вынудит к отступлению.

Татар, и те собрались в возведенном ими укреплении. При взятии этих укреплений наши войска понесли очень большие потери. Перед тем же как наши войска, с трудом взяв Татарские укрепления, приступили к уничтожению Татар, примеривая их по росту к концу тележной оси, — перед тем Татары уговорились между собою так: «Пусть каждый спрячет в рукаве нож. Умирать, так умрем по крайней мере на подушках (из вражеских тел)». Вследствие этого наши опять понесли очень много потерь. Тогда, по окончании расправы с Татарами, которых примерили-таки к тележной оси и перерезали, Чингис-хан распорядился так: «Вследствие того, что Бельгутей разгласил постановление Великого семейного совета, наши войска понесли очень большие потери. А потому в дальнейшем он лишается права участия в Великом совете. Вплоть до окончания заседаний совета он обязуется наблюдать за порядком близ места заседаний, а именно: улаживать ссоры и драки, разбирать дела о воровстве, обманах и т. п. Бельгутай с Даритаем имеют право доступа в совет лишь по окончании его заседаний, после того как выпита чара-оток».

§ 155. В ту именно пору Чингис-хан принял к себе Есуган-хатуну, дочь татарина Еке-Церена. Войдя у него в милость, Есуган-хатун говорила ему: «Каган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его каганская милость.[1] Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра, по имени Есуй. Она только что вышла замуж. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?» На эти слова Чингис-хан заметил: «Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?» — «С каганского дозволения, — отвечала Есуган-хатун — с каганского дозволения, я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу». Тогда Чингис-хан отдал приказ о розыске, и ее, вместе с нареченным зятем, наши ратники перехватили при попытке скрыться в лесах и доставили. Есуган-хатун, увидав свою сестру, тотчас же встала и, как и сказала хану раньше, посадила ее на свое место, а сама села ниже. Она очень понравилась Чингис-хану, так как была именно такой, как ее описала Есуган-хатун, и он принял к себе Есуй-хатуну и возвел ее в супружеский сан.

§ 156. Однажды, уже после окончания Татарской кампании, Чингис-хан сидел на дворе за выпивкой. Тут же, по обе стороны, сидели ханши Есуй и Есуган. Вдруг Есуй-хатун глубоко со стоном вздохнула. Чингис-хан сообразил в чем дело и тотчас вызвал Боорчу и Мухали. «Расставьте-ка, — приказал он, — расставьте-ка по аймакам всех вот этих собравшихся здесь аратов. Людей, посторонних для своего аймака, выделяйте особо». Все стали по своим аймакам, а отдельно от аймаков остался стоять всего один человек. Это был молодой человек с волосами, заплетенными в косу, как у благородных людей. Когда этого человека спросили, кто он такой, он отвечал: «Я нареченный зять дочери Татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал. Сейчас же ведь, как будто бы, успокоилось, и я пришел. Я был уверен, что меня не

[1] Ханское величество соизволяете возводить меня в (ханскую) особу для хана.

опознают среди такой массы народа». Когда Чингис-хану доложили эти его слова, он сказал: «Что ему еще здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Ведь подобных ему мы уже примерили к тележной оси. Чего тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой!» И ему не замедлили снести голову.

§ 157. Пока Чингис-хан был занят Татарским походом, Ван-хан ходил на Меркитов, причем прогнал Тохтоа-беки в сторону Баргучжин-токума, убил его старшего сына Тогус-беки, захватил двух его дочерей и жен его, а двух его сыновей, Хуту и Чилауна, полонил вместе с народом их. Из этой добычи он не дал Чингис-хану ничего.

§ 158. Потом Чингис-хан с Ван-ханом вдвоем пошли на Гучугудун-Буйруха Найманского. Не будучи в силах им противостоять, Буйрух-хан двинулся через Алтай из местности Сохох-усун на Улух-тахе, где они его настигли. Отсюда они и начали его преследовать. Дали перевалить через Алтай и погнали вниз по течению Хумшигирской реки Урунгу. Здесь наши захватили его нойона, Едитублуха, который шел в караульном охранении. Теснимый нашим караульным отрядом, он пытался было бежать в горы, но у коня его лопнула подпруга. Прогнав Буйрух-хана вниз по Урунгу, настигли его у озера Кишилбаш-наур и тут прикончили его.

§ 159. Когда Чингис-хан с Ван-ханом тронулись в обратный путь, то оказалось, что Найманский храбрец Коксеу-Сабрах на урочище Байдарах-бельчир приготовил войско и готовится дать им бой. Решив принять бой, Чингис-хан с Ван-ханом построили войско и подошли к расположению противника, но так как уже наступил вечер, они условились переночевать в строю, чтобы утром вступить в бой. Тогда Ван-хан приказал зажечь на своей стоянке огни, а сам в ту же ночь, как это потом выяснилось, ушел вверх по Хара-сеулу.

§ 160. Тогда вместе с Ван-ханом двинулся и Чжамуха. По дороге он стал говорить Ван-хану: «Известное дело, что анда мой, Темучжин, издавна обменивается послами с Найманом. Вот почему он не подтянулся к нам теперь.

О хан, о добрейший мой хан!
Выходит, что верная чайка-то я.
Зато перелетная пташка —[1]
Мой друг, мой анда.

[«Хан, хан! Я-то вот оказываюсь постоянно пребывающей чайкой, а мой анда — перелетной пташкой-жаворонком».]

Ясно, что он переметнулся к Найману. Вот и опоздал!» На эти слова Чжамухи возразил Убчихтаев Гурин-Баатур: «Зачем же ты из угодничества так бесчестишь и поносишь своих честных братьев?»

§ 161. А Чингис-хан переночевал ночь на том самом месте. Рано утром, готовый уже к бою, он увидел, что Ван-хана нет на его стоянке. Тогда Чингис-хан тоже двинулся оттуда, сказав только: «Оказывается,

[1] Жалующийся небесам жаворонок (кит.).

они-то задумали вовлечь нас в беду-пожарище». Он перешел через Эдер-Алтайский расстанок-бельчир и, все время двигаясь в этом направлении, остановился и расположился лагерем в Саари-кеере. Вскоре Чингис-хан с Хасаром узнали, каких хлопот наделали Найманцы, но никому об этом не говорили.

§ 162. Дело в том, что Коксеу-Сабрах пустился преследовать Ван-хана. Он захватил Сангумову семью вместе с народом и юртом их, а также угнал с собою и добрую половину тех Ван-хановых людей и скота, которые находились в падях Телегету. Пользуясь таким их несчастьем, сыновья Меркитского Тохтоа, Хуту и Чилаун, забрав людей, отделились от Ван-хана и пошли вниз по течению Селенги на соединение со своим отцом.

§ 163. Разоренный Коксеу-Сабрахом, Ван-хан отправил к Чингис-хану посла, сообщая: «Найманы полонили у меня жен и детей. Почему и посылаю просить у тебя, сына своего, твоих богатырей-кулюков. Да спасут они мой народ!» Тогда Чингис-хан снарядил войско и послал четырех своих богатырей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилауна. Но еще до прибытия этих четырех кулюков Сангум уже вступил в битву при Улаан-хуте. Под ним уже пала его лошадь с простреленной голенью, когда подоспели четыре кулюка и спасли его. Спасли они и народ Ван-ханов и Сангумов и семьи их. Тогда Ван-хан сказал: «Некогда его благородный родитель точно так же вот спас мне мой окончательно потерянный было народ. Теперь я снова принимаю дар от своего сына, который послал своих четырех богатырей-кулюков и спас мой утраченный было навсегда народ. Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности!»

§ 164. И еще говорил Ван-хан: «Итак, один раз мой утраченный улус спас мне мой анда Есугай-Баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучжин. Эти отец с сыном, собирая мне утраченный улус, для кого же трудились они собирать и отдавать? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус? Младшие братья мои — негодные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжина старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, и тогда — на покой». После этих речей Ван-хан сошелся с Чингис-ханом в Тульском Темном Бору, и они дали друг другу обеты отцовства и сыновства. Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, так же и теперь обряд усыновления состоял в произнесении таких слов:

На врага ли поспешно ударить —
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить —
Как один общей лавой облавим.

[Ратуя с многочисленным врагом, будем ратовать вместе, как один. Ведя облаву на дикого зверя, будем вести облаву вместе, как один.]

Затем Чингис-хан и Ван-хан дали друг другу вот какое слово: Будем уповать только друг на друга, а потому

Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят, —
Мы клевете не поверим.
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.
Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам, —
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

[Когда будет терзать нас зубастая змея клеветы, не будем доверять клевете: будем верить только тогда, когда лицом к лицу объяснимся. Когда будет терзать нас клыкастая змея злобы, не будем предаваться злобе: будем верить только тогда, когда в личной беседе удостоверимся.]

Произнеся эти обрядные речи, стали жить они во взаимном дружелюбии.

§ 165. Чингис-хан же задумал еще усугубить их взаимную приязнь. Для этого он решил попросить для Чжочи руки Сангумовой младшей сестры, Чаур-беки, и в свою очередь, выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума. С этим предложением он и обратился. Тут Сангум, вздумав повеличаться своею знатностью, сказал такие слова: «Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да глядеть в сторону порога». Эти слова говорил он с явным умыслом почваниться собой и унизить нас. Видимо, вовсе не соглашаясь на брак Чаур-беки, они не хотели связать себя словом. Во время этих переговоров Чингис-хан внутренно охладел и к Ван-хану и к Нилха-Сангуму.

§ 166. Об этом охлаждении Чингис-хана проведал Чжамуха, и вот, в год Свиньи (1202), отправились к Нилха-Сангуму на урочище Беркеэлет, что на лесистом склоне Чжечжеерских высот, отправились следующие лица: Чжамуха, Алтан, Хучар, Харакидаец Эбугечжин-Ноякин, Сюйгеетай-Тоорил и Хачиун-беки. Тут Чжамуха первый повел хулительные речи. Он говорил: «Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с Найманским Таян-ханом.

На словах Темучжин
Все отцом вас чествт
На душе ж у него
Знать, иное лежит.

[«С языка у него не сходят слова отец и сын, но в душе у него — совсем другое, он таков только на словах».]

Ужели вы доверяете ему? Что с вами станется, если только вы не опередите его? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединюсь к вам и ударю ему на перерез».[1]

[1] Во фланг.

Алтан же с Хучаром высказались так: «А мы для вас — Оэлуновых сынков:

Старших —
Перебьем,
Младших —
Изведем».

[А мы для вас убьем старших, прикончим младших сыновей Оэлен-эхэ».]

Эбугечжин-Ноякин Хартаат говорил: «Для тебя я ему

Руки руками заплету,
Ноги ногами пригнету».

Сказал тогда Тоорил: «Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останется он без улуса?» Так, оказывается, говорили эти люди. Наконец, Хачиун-беки говорил: «Что бы ты ни задумал, сын мой, Нилха Сангум, а я пойду с тобой

До края далекого,
До дна глубокого».

§ 167. Выслушав эти предложения, Нилха-Сангум послал Сайхан-Тодеена сообщить о них отцу своему Ван-хану. Ван-хан же, известясь об этом, прислал такой неодобрительный ответ: «Зачем вы так судите-рядите о моем сыне, Темучжине? Ведь он доселе служит нам опорой, и не будет к нам благоволения Неба за подобные злые умыслы на сына моего. Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду ли, небылицы ли плетет он — не разобрать!» Тогда Сангум опять послал сказать ему: «Как можно не верить тому, о чем болтает уже теперь всякий, у кого только есть рот и язык?» В таком роде еще и еще посылал он к отцу, но все безуспешно. Тогда он самолично, без свидетелей, отправился к отцу и говорит ему: «Уже и теперь, когда ты таков, каков есть, нам ничего не позволяется. Когда же на самом деле ты, государь мой и родитель „белому покропишь, черному запретишь“, нам ли будет вверен улус твой — улус, с такими трудами собранный твоим родителем, Хурчахус-Буирух-ханом? Кому же и как будет передан улус?» На это Ван-хан ответил: «Как могу я покинуть своего сына, свое родное детище? Но ведь в нем доселе была опора наша, возможно ли злоумышлять на него? Ведь мы заслужим гнев небесный». Рассерженный этими его словами, сын его Нилха-Сангум, хлопнул дверьми и вышел вон. Тогда стало ему жаль Сангума, и Ван-хан велел его опять позвать и говорит: «Я ведь думаю только о том, как бы чего добраго не прогневить нам Неба, но сына-то своего, как же мне оставить своего сына? Это — ваше дело: делайте что только вам под силу!»

§ 168. Тогда Сангум говорит: «Они же ведь просят у нас руки Чаур-беки. Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить». На этом решении они и остановились и послали извещение

о своем согласии на брак Чаур-беки, вместе с приглашением на сговорный пир. Получив приглашение, Чингис-хан поехал к ним с десятком людей. На дороге остановились переночевать у отца Мунлика; отец Мунлик и говорит: «Сами же они только что нас унижали и отказывались выдавать Чаур-беки. Как же это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг соглашались отдавать и сами еще и приглашали? Чистое ли тут дело? Вникнув в это дело, неужели ты, сын, поедешь? Давай-ка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней». В виду этих советов, Чингис-хан сам не поехал, а послал присутствовать на угощении Бухатая и Киртая. Сам же из дому отца Мунлика повернул назад. Как только Бухатай и Киртай приехали, у Ван-хана решили: «Мы провалились! Давайте завтра же, рано утром, окружим и схватим его!»

§ 169. Пришел к себе домой Алтанов младший брат, Еке-Церен, и стал рассказывать о принятом, таким образом, решении окружить и схватить. «Решено, — говорил он, — решено завтра рано утром окружить его и схватить. Воображаю, чего бы только не дал Темучжин тому человеку, который отправился бы да передал ему эту весть?» Тогда жена его Алахчит, и говорит: «К чему ведет эта твоя вздорная болтовня? Ведь крепостные, чего доброго, примут твою болтовню за правду». Как раз при этом разговоре заходил в юрту подать молоко их табунщик Бадай, который, уходя, слышал эти слова. Бадай пошел сейчас же к своему товарищу, табунщику Кишлиху, и передал ему Цереновы слова. «Пойду-ка и я! — сказал тот. — Авось что-нибудь смекну!» И он пошел к господской юрте. На дворе у дверей сидел Церенов сын, Нарин-Кеень, и тряпугом очищал свои стрелы. Сидит он и говорит: «О чем давеча шла у нас речь? Кому бы это завязать болтливый язык?» После этого он обратился к Кишлиху: «Поймай-ка да приведи сюда обоих Меркитских коней: Беломордого и Белогнедого. Привяжите их, ночью чуть свет надо ехать». Кишлих пошел тотчас и говорит Бадаю: «А ведь твоя правда, все подтвердилось. Теперь давай-ка мы поедем дать знать Темучжину!» Так они и уговорились. Поймали они, привели и привязали Меркитских Беломордого и Белогнедого, поздно вечером зарезали у себя в хошe ягненка-кургашку, сварили его на дровах из своей кровати, оседлали стоявших на привязи и готовых к езде Меркитских коней Беломордого и Белогнедого и ночью же уехали. Тою же ночью прибыли они к Чингис-хану. Стоя у задней стены юрты,[1] Бадай с Кишлихом по-порядку рассказали ему все: и слова Еке-Церена и разговор его сына, Нарин-Кееня, за правкой стрел, и приказ его поймать и держать на привязи Меркитских меринов Беломордого и Белогнедого. Речь свою Бадай с Кишлихом кончили так: «С позволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить!»

---

[1] По правилу.

§ 170. Так он был предупрежден. Вполне доверяя Бадаю с Кишлихом, он в ту же ночь спешно поставил в известность самых надежных и близких людей своих, а сам в эту же ночь бежал, побросав все, что было при себе тяжелого. Направился он северным лесистым склоном Мау-ундурских гор. В Мау-ундурском бору он оставил позади себя заслон и расположил караул под начальством Урянхадайского Чжельме-гоа, на которого полагался вполне, а сам двинулся далее. Идя все в том же направлении, на другой день, когда солнце склонялось уже за полдень, он доехал до Харахалчжин-элет, где и остановился отдохнуть и покормить лошадей. На стоянке табунщик при Алчидайских меринах, Чикитай-Ядир, выпасывая своих меринов, бродил с места на место в поисках лучших кормов. Он-то и заметил пыль неприятеля, который подходил следуя через урочище Улаан-бурхат. Убежденный, что это подходит неприятель, он тотчас пригнал своих меринов. Узнав от него о приближении неприятеля, стали всматриваться.[1] Оказалось, что это за ними по пятам следует с погоней Ван-хан, стеля пыль по северному лесистому склону Мау-ундурских высот, через урочище Улаан-бурхат. Чингис-хан же, едва увидав пыль, поймал своего мерина, завьючил и уехал. Еще немного — и было бы поздно. Подъехал, оказывается, Чжамуха, который успел присоединиться к Ван-хану. Тут Ван-хан спросил Чжамуху: «А кто у сынка Темучжина в состоянии принять с нами бой?» Чжамуха и говорит: «У него, говорят, Уруудцы с Мангудцами. Эти, пожалуй что, примут бой.

Окружить-забрать
Им одним подстать.
А подстилку слать —
В пору помощь звать.
Привыкать ли им?
С малых лет друзья
Для меча, копья.
Береженый сам,
Чорно-пестрый стяг
Их хранит в боях».

[«Окружить кого — это им как раз подобает; подстилку стлать — помощь им подобает. Люди — с малых лет привычные к мечу да копью. Знамена у них — черно-пестрые. Этих, пожалуй, не взять врасплох: осторожны.]

«В таком случае, — говорит Ван-хан, — мы бросим против них Хадаги с его Чжиргинскими богатырями. В помощь[2] Чжиргинцам бросим Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь Тубегенцам бросим Олан-Дунхаитов. В помощь Дунхаитам пусть скачет Хорчилемун-тайчжи, во главе тысячи Ван-хановских гвардейцев-турхаудов. А в помощь тысяче турхаудов пойдем уж мы, Великий средний полк». Потом Ван-хан говорит: «Управляй ты, брат Чжамуха, нашим войском!» Чжамуха отъехал немного

[1] Послали разведку.
[2] В затылок.

в сторону и, обращаясь к своим товарищам, говорит: «Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни прыток был Ван-хан, а оказался-то позади меня. Значит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде — пусть анда воспрянет духом!» И Чжамуха тайно послал Чингис-хану такое уведомление: «Спрашивал меня Ван-хан, кто у сынка Темучжина в состоянии принять бой. А я ответил ему, что передовым отрядом „туму“ пойдут Урууды и Манхуды. В виду этого и они тоже порешили сделать передовым отрядом своих Чжиргинцев и пустить их впереди всех. За Чжиргинцами по уговору назначили Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь к Дунхайтам назначили Хоришилемун-тайчжия, начальника Ванхановской тысячи турхаудов. В тылу же его будет стоять, согласно этому уговору, Ван-ханов Великий средний полк. Потом Ван-хан сказал мне: „Управляй этим войском ты, брат Чжамуха!“ и таким образом возлагал управление на меня. Если в это дело вникнуть, то выходит, что друг-то он на час. Как можно вместе с ним править своим войском? Я и раньше не мог сражаться с андой. Но Ван-хан, пошел, видно, дальше меня. Не бойся же, анда, дерзай!»

§ 171. Получив это известие, Чингис-хан сказал: «Что скажешь ты, дядюшка Чжурчедай Урууд ский, если тебя назначим передовым?» Не успел еще Чжурчедай и рта раскрыть, как Манхудский Хуилдар-Сечен говорит: «Я сражусь перед очами анды! Воля анды — позаботиться потом о моих сиротах!» — «Нет, — говорит Чжурчедай, — перед лицом Чингис-хана будем сражаться мы оба: и Урууд и Манхуд!» И с этими словами Чжурчедай и Хуилдар выстроили перед лицом Чингис-хана своих Урууд цев и Манхудцев. Не успели они выстроиться, как подошел неприятель, имея во главе Чжуркинцев. Подошел он, и Урууд с Манхудом ударили на него и смяли Чжуркинцев. Смяли и несутся вперед. Тут ударил на них Тумен-Тубегенский Ачих-Ширун. Ударил и сбил копьем Хуилдара Ачих-Ширун. Отступили Манхудцы и окружили Хуилдара. Чжурчедай же со своим Урууд ом несется вперед и сбивает Тумен-Тубегенцев. Сбивает и, устремившись, далее, встречает встречный удар Олан-Дунхаита. Поразил Чжурчедай и Дунхаитов. Поразил и принимает встречный удар Хоришилемунова полка турхаудов. Потеснил Чжурчедай и Хоришилемун-тайчжия, потеснил, разбил — и вперед. Тут Сангум, не посоветовавшись даже с Ванханом, ударил, было, навстречу, но, пораженный в румяную щеку, тут же упал Сангум. Видя паденье Сангума, повернули назад все Кереиты и обступили Сангума. Мы все продолжаем теснить, а солнце уже заходит за горные кряжи. Тогда наши повернули назад, взяли Хуилдара, упавшего от раны Хуилдара, и отступили на прежние места. Когда наши отошли от Ван-хана, с места боя, Чингис-хан, продвинувшись несколько в темноте, заночевал на новых местах.

§ 172. Стали и расположились на ночлег. С наступлением дня стали считать своих. Оказалось, что нет Огодая, нет Борохула, нет Боорчу. «Вместе с Огодаем, — говорит Чингис-хан, — вместе с Огодаем остались и верные Боорчу и Борохул. Почему же все они отстали: живы ли, или

погибли?» Наши провели ночь при своих конях, и Чингис-хан, стоя в боевой готовности, сказал: «Если вздумают преследовать, примем бой». Вдруг, при полном свете дня, видим, подъезжает какой-то человек с тыла. Подъехал — и видим Боорчу. «О, Вечное Небо, твоя воля!»[1] воскликнул Чингис-хан, подозвав Боорчу и обнажая грудь свою. Тут Боорчу стал рассказывать: «Во время боя подо мною был убит конь, и я бежал пеший. Как раз в это время Кереиты обступили Сангума. Тут в суматохе вижу вьючную лошадь, которая стоит с покосившимся своим вьюком. Я срезал у нее вьюк, вскочил на ее вьючное седло и выбрался. Долго я шел по следу нашего отходившего войска. Наконец-то нашел вот!»

§ 173. Прошло немного времени, как опять подъезжает какой-то человек; едет, а ноги у него навесу болтаются. Издали глядеть — будто один, а как подъехали близко, оказывается это — Борохул, а сзади него «сундлатом» (вдвоем) сидит и Огодай. Подъехали. У Борохула по углам рта струится кровь. Оказывается, Огодай ранен стрелою в шейный позвонок, а Борохул все время отсасывал у него запекавшуюся кровь, и оттого-то по углам его рта стекала спертая кровь. Как увидал все это Чингис-хан, заскорбел душой и слезы полились из глаз его. Он приказал тотчас же развести огонь, прижечь рану и напоить Огодая. Сам же стоял наготове на случай наступления врага. Тут Борохул и говорит ему: «А неприятельская-то пыль назад стелется. Далеко назад расстилается его пыль по южному склону Мау-удурских высот, в сторону Улаан-бурхатов. Он подался туда!» Когда Борохул дошел до этих слов, он все продолжал стоять наготове к бою. Потом он тронулся, говоря: «Раз неприятель бежит, мы нападем на него в обход!» Двинулись затем, пошли вверх по Улхуй-шилугельчжит и вступили в Далан-нэмургес.

§ 174. Но тут с тылу, от Ван-хана, в половину перешел к нам, т. е. без жены и детей, перешел на нашу сторону Хадаан-Далдурхан. Он сейчас же рассказал о Ван-хане вот что: «Когда Ван-ханов сын Сангум упал, пораженный стрелой в румяную щеку, и войско обступило его, Ван-хан и говорит:

Большого задиру
Много и дерут.
Зачинщику в драке
Первый кнут дают!
За то и сыночку
В румяную щечку
Вбили-таки гвоздь!

[«Тем, кто чересчур занозист, — чересчур и попадает. Тем, кто занозист, — заноза и попала: вот и милому сынку моему в щеку занозу (гвоздь) загнали».]

Кинемся же выручать сынка!» Тут Ачих-Ширун и говорит ему: «Полно-те хан, государь мой!

[1] Да будет воля Вечного Неба!

Втайне о сыне — ты помнишь? — мечтал,
Жертвы-курения духам ты слал,
Слезно молитвы святые творил
Да неотступно ты „Авва“ твердил.

[«Все мы, втайне домогаясь сына, моления и жертвы приносим, „абай-бабай“ твердим, вознося усердные молитвы...»]

Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь по молитвам твоим он родился на свет. При том же ведь с нами большинство Монголов, с Чжамухой, с Алтаном и Хучаром. А те, Темучжиновцы — в леса ведь загнали мы их; и потому вот каковы они теперь:

Вся их тяга — конь,
Вся защита — лес!

[«Средством передвижения у них — конь; покровом-плащом — лес...»]

Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем!» После этих слов Ачих-Шируна Ван-хан молвил: «Ладно. Пусть будет так! Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло!» Сказал и начал отступать с поля сражения.

§ 175. Между тем Чингис-хан, двинувшись с Далан-Нэмургеса вниз по течению Халхи, произвел подсчет войска. По подсчету оказалось всего 2600 человек. Тогда 1300 человек он отрядил по западному берегу Халхи, а 1300 человек Уруудцев и Манхудцев — по восточному берегу реки. По дороге продовольствовались облавами на дикого зверя. У Хуилдара еще не зажила рана, и сколько Чингис-хан его не удерживал, он все продолжал скакать за зверем. Тут рана его снова открылась, и он скончался. Тогда Чингис-хан тут же и предал его прах погребению при реке Халхе на Орнаунском полугорье, в скалах.

§ 176. Зная, что в низовьях Халхи, в том месте, где она впадает в Буюр-наур, кочует племя Терге-Амельтен-Унгират, он отрядил к ним Чжурчедая с Уруудцами и дал такой наказ: «Если они помнят свою песнь:

Мы Унгиратское племя
С давних времен знамениты
Красою и статностью дев...

если помнят, то обойдемся с ними по-хорошему. Если же они выкажут непокорство, то будем биться!» Мирно вступил к ним Чжурчедай и мирно был принят. А потому Чингис-хан никого и ничего у них не тронул.

§ 177. После замирения Унгиратов Чингис-хан ушел и расположился стойбищем по восточному берегу речки Тунге. Здесь он стал готовить нижеследующие посольские речи для послов своих Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна: «Стою на восточном берегу речки Тунге. Травы здесь — прекрасные. Кони наши блаженствуют. А хану, отцу моему, говорите так:

Что это ты, хан и отец мой, вздумал пугать нас во гневе своем? Если уж нужно было кого напугать, так что бы тебе не потревожить сладких снов у дурных ребят своих да у дурных невесток? С чего это ты так пугаешь, что под сиденьем скамьи оседают, а кверху идущий дым в стороны разлетается?

Под сиденьем скамейка разселася,
Кверху дым шел — по ветру развеялся.

то с тобою, батюшка мой, хан?

Иль мутят тебя лукавые,
Иль расстроили неправые?
Иль мутят тебя неистовые,
Иль науськали завистливые?

Помнишь ли, о чем мы говорили с тобой, хан и отец мой?

Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят, —
Мы клевете не поверим,
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.

Разве не было такого уговора? А ныне, хан и отец мой, разве ты объяснился со мною лицом к лицу, прежде чем разойтись вот так?

Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам, —
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

Разве не было такого уговора? А теперь разве, хан и отец мой, разве ты переговорил со мною с глазу на глаз прежде, чем расходиться со мною? Хан и отец мой! Тебе ведь известен я:

Как ни мал я числом,
Многолюдных не стану молить.
Как я родом ни худ,
Благородных не буду просить.

[«Хоть я и мал числом, а не занимать мне многолюдства. Хоть и низок я родом, а не занимать мне благородства...»]

Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля, — и волу ее не свезти. Не так ли и я был твоею второю оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо, — нельзя на ней ехать. Не так ли и я был у тебя вторым колесом? Начнем с самого начала нашу повесть. После родителя твоего, хана Хурчахус-Буируха, ты, как старший из его сорока

сыновей, стал ханом, и утвердившись на ханстве, ты убил двух своих младших братьев, Тай-Темур-тайчжия и Буха-Темура. Опасаясь за жизнь свою от руки твоей, брат твой Эрхе-Хара бежал и поддался Найманскому Инанча-Билге-хану. Дядя твой Гур-хан ополчился на тебя за твое братоубийство и подошел к твоим пределам. Тогда ты, с сотнею своих людей, искал спасения в бегстве. Ты бросился убегать вниз по Селенге и схоронился в ущелье Хараун-хабчал. Затем, чтобы как-нибудь оттуда выбраться, ты подольстился к Меркитскому Тохтоа, отдав ему свою дочь Хучжаур-учжин. Когда же ты выбрался из Хараун-хабчала, ты явился к родителю моему, Есугай-хану, и говорил ему: „Спаси мой улус из рук дяди моего, Гур-хана". Приняв тебя и выслушав тебя, находившегося в таком бедственном положении, отец мой, Есугай-хан, снарядил войско и выступил во главе двух отрядов под командою Хунана и Бахарчжи, из Тайчиудцев. Я спасу для тебя твой улус! — сказал он. И, действительно, он спас твой улус и возвратил тебе, прогнав Гур-хана, всего с 20—30 его людьми, из Гурбан-телесутов, где он тогда находился, в страну Хашин. По возвращении из похода вы побратались с отцом моим, Есугай-ханом, в Тульском Темном Бору. И тогда, хан и отец мой, ты так выразил свои чувства признательности и почтения к отцу моему: да помогут мне Всевышнее Небо и Земля воздать благодеянием за твое благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их! Далее, Эрке-хара выпросил у Найманского Инанчи-Билге-хана войско, ополчился против тебя и подступил к твоим пределам. Ты же, спасая свою жизнь, покинул свой улус и бежал в Сартаульскую землю, на реку Чуй, к Хара-Китадскому Гурхану. Не усидев там и одного года, ты поднял вражду с Гурханом и, убежав от него, скитался по Уйгурским и Тангутским землям. В это время ты кормился тем, что до капли отдаивал пять коз да вытачивал из верблюда кровь. И вот ты опять явился к отцу на единственном кривом кауром. Узнав о столь бедственном прибытии твоем, хан и отец, я, ради прежнего братского соглашения твоего с отцом моим Есугай-Баатуром, выслал навстречу тебе Тахая и Сюкегая, а потом и сам вышел к тебе навстречу с Келуренского Бурги-эрги и свиделся с тобой на озере Гусеур-науре. В виду твоего бедственного положения, я произвел сбор с народа и вручил тебе. И разве в то время не состоялся у нас обряд усыновления, в Тульском Темном Бору, по примеру прежнего твоего братания с моим родителем? В ту зиму я включил тебя в свой курень и содержал на свой счет. Минули зима и лето, а осенью мы пошли на Меркитов, на Меркитского Тохтоа-беки. Битва произошла при Муруче-сеуле, у горного кряжа Хадыхлих. Мы прогнали Тохтоа-беки в страну Баргучжинскую и захватили у Меркитов все: и многочисленные табуны и княжеские юрты, и хлебные запасы. И все это я отдал своему отцу хану.

Не давал я тебе голодать
И до полудня.
Не давал я тебе бедовать.
И с полмесяца.

Потом мы с тобой загнали за Алтай из Улух-тахского Сохох-Усуна, загнали Гучугуртай-Буирух-хана. Преследуя его, мы спустились вниз по реке Урунгу, и у озера Кичил-баши захватили и уничтожили его. На обратном пути, в Байдарик-бельчире, поджидал нас, с войском наготове, Найманский Коксеу-Сабрах. Из-за вечернего времени мы отложили сражение на утро и ночевали в строю. Но ты, мой хан и отец, велел зажечь огни на своей стоянке и тою же ночью тронулся вверх по Хара-сеулу. Поутру, убедившись, что на твоей стоянке никого нет и что ты, таким образом, покинул нас, я тоже ушел, промолвив лишь: „Они-то, оказывается, хотели вовлечь нас в беду!“ Пройдя затем Эдер-Алтайским Бельчиром, я расположился лагерем в Саари-кеере. Тебя же Коксеу-Сабрах стал преследовать. Он захватил Сангумову семью и весь его народ, да и у тебя, хан и отец, он полонил добрую половину людей и скота, которые находились в Телегетуйских падях. Забрал и ушел. При этом случае, находившиеся у тебя, с народом их, сыновья Меркитского Тохтоа — Худу и Чилаун — поднялись и ушли от тебя в страну Баргучжинскую на соединение со своим отцом. Тогда ты, отец и государь мой, прислал ко мне такую весть: „Найманский Коксеу-Собрах полонил мой народ. Сын мой, пришли мне на помощь своих четырех витязей-кулюков“. Не мысля так, как ты, я тотчас же по твоей просьбе послал к тебе с войском четырех своих витязей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилаун-Баатура. Еще до прибытия этих четырех витязей, Сангум завязал было бой в урочище Улан-хуте. Лошадь под ним была ранена в бедро, и его самого уже схватили, когда подоспели эти мои четыре витязя. Они отбили Сангума, отбили его семью и народ и все это вручили тебе. Тут, хан и отец мой, ты стал выражать свою глубокую признательность. Ты говорил: Вот я получаю в дар от сына своего Темучжина свой утраченный народ, который спасли присланные им его четыре витязя. За какую же вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения твоего неудовольствия. Если пошлешь, то посылай Хулбари-Хури и Идургена. Если нельзя двоих, то посылай последнего».

§ 178. Выслушав эту речь, Ван-хан сказал: «О, погибнуть мне!

Сына ли только забыл я?
Правды закон я забыл.
Сына ли только отверг я?
Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу своего сына да умыслю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!» и с этими словами он, в знак клятвы, уколол свой мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел и, выточив из ранки берестяной бурачок крови, попросил передать его своему сыну.

§ 179. Чжамухе же, анде своему, Чингис-хан наказывал сказать так: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало тому

из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши хана и отца. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!» А Алтану с Хучаром он велел сказать: «Открыто ли вы хотите покинуть меня, или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжия, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: „Хутула-хан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как и отец твой!“ — говорили мы. Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим из более высоких по происхождению: „Будьте ханами вы, Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-Баатура“. Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом и вот правил вами. Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов ваших я стремился бы в первых рядах, как алгинчи-передовой. И если бы, с божьей помощью, полонил врагов, то вот как я поступал бы:

Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статей высоких
Вам послушный доставлял бы.
При охотничьих облавах
Зверя горного добычу
Я, стегно к стегну прижав,
Вам почтительно сдавал бы.
Зверя, что живет в берлогах,
Я, бедро к бедру прижав,
Вам бы полностью сдавал.
Зверя дикого степного,
Брюхо к брюху приложив,
Вам сдавал бы без изъяна.

* * *

Ныне ж хану и отцу
Верой правдой вам служить!
Вам, как будто, не к лицу
Нерадивыми прослыть.
Рот заткните болтовне,
Будто суть тут вся во мне.
А Трехречье, у истока,
Стерегите пуще ока».

[«Я предоставлял бы вам прекрасноланитных дев и жен, прекрасных статей меринов. Когда бы вы посылали передовым в облаву на тенетного зверя, то я предоставлял бы вам горного зверя стегно к стегну; пещерного зверя — предоставлял бы ляжка в ляжку; степного зверя — доставлял бы, притиснув брюхо к брюху.

«Ныне служите хорошенько отцу моему — хану. Поговаривают о вашей нерадивости. Не допускайте подобных толков: ведь вы родственники джаотхури (т. е. мои). Никому не позволяйте стоять (располагаться кочевьем) у истоков Трех рек».]

Такие слова он приказал сказать им.

на круп Итургенову лошадь с золотым седлом. Тогда Хариудар с Чахурханом схватили Итургена и доставили к Чингис-хану. Но тот не пожелал с ним разговаривать, а только молвил: «Это — дело Хасара, отведите его к нему!» Отвели к Хасару, и тот, не проронив ни слова, тут же на месте изрубил его.

§ 185. Хариудар же и Чахурхан сказали Чингис-хану: «Ван-хан, в совершенной беспечности, пирует и веселится в золотом терему. Двигаясь без остановки день и ночь, мы можем накрыть его внезапным налетом». Одобрив это предложение, он послал с передовым отрядом Чжаурчедая и Архая. Не делая даже ночных остановок, подошли и окружили Ван-хана в Чжер-кабчигайской пади Чжечжеерских высот. Три дня и три ночи шел бой. Наконец, окруженный со всех сторон, неприятель на третий день сдался. Недоумевали, каким образом Ван-хану с Сангумом ночью удалось спастись бегством. Оказалось, что это — дело рук известного храбреца, Чжиргинца Хадах-Баатура. Сдавшись, Хадах-Баатур явился к Чингис-хану и сказал: «Мы бились три дня и три ночи. Увидав своего природного государя, я подумал: „Возможно ли схватить его и предать на смерть?“ Нет! сказал я себе. Я не могу покинуть своего государя. Буду биться еще, чтобы дать ему возможность прорваться, налегке бежать и спасти свою жизнь. Теперь же, если повелишь умереть — умру, а помилуешь — послужу». Чингис-хану понравилась речь Хадах-Баатура, и он соизволил сказать в ответ следующее: «Разве не настоящий муж-воин тот, кто не мог покинуть своего природного государя, кто сражался для того, чтобы дать ему возможность налегке уйти и спасти свою жизнь? Это — человек, достойный дружбы». И не дозволил его казнить, но милостиво соизволил повелеть: «За жизнь Хуилдара пусть Хадах-Баатур и сто Чжиргинцев служат его семье. И сыновья их пусть служат детям и внукам Хуилдара. А дочерей своих родители, Чжиргинцы, не должны выдавать замуж по своей воле. Пусть они служат членам семьи Хуилдаровой, как предваряя, так и сопровождая их». И повелел при этом Чингис-хан, жалуя семью Хуилдара: «За то, что Хуилдар-Сечен раньше всех произнес слова преданности, повеливаю сиротам его, из поколения в поколение, потомственно пользоваться сиротским жалованьем-абулиха за службу Хуилдара».

VII. КЕРЕИТЫ И ИХ МОНГОЛЬСКИЕ СОЮЗНИКИ, ВО ГЛАВЕ С ЧЖАМУХОЙ ПЕРЕДАЮТСЯ НАЙМАНАМ. СМЕРТЬ ВАН-ХАНА. РАЗГРОМ НАЙМАНОВ И МЕРКИТОВ.

§ 186. Ниспровергнув таким образом Кереитский народ, он приказал раздавать его во все концы. Одну сотню Чжиргинцев он пожаловал за службу Сулдесцу Тахай-Баатуру. Отдавая дальнейшие распоряжения, Чингис-хан отдал Толую Сорхахтани-беки, младшую из двух дочерей Ванханова брата Чжаха-Гамбу, а старшую, по имени Ибаха-беки, взял себе. По этой-то причине он не только не позволил разорить Чжаха-Гамбу,

но милостиво позволил ему, со всеми его наследственными крепостными, служить как бы второю оглоблей своей колесницы.

§ 187. И еще изволил повелеть Чингис-хан: «В награду за подвиг Бадая с Кишлыхом пусть будут у них сменной стражей, кешиктенами, Ванхановы Кереиты, вместе с золотым теремом, в котором жил Ван-хан, с Винницей, утварью и прислугой при них. И пусть Бадай с Кишлыхом, в роды родов их, пользуются свободным дарханством, повелевая своим подданным носить свой сайдак и провозглашать чару на пирах. Во всяком военном деле пусть они пользуются тою военной добычей, какую только нашли!» И присовокупил: «Благодаря подвигу Бадая с Кишлихом, подвигу, который спас мне жизнь, я, с помощью Вечного Неба, ниспроверг Кереитский народ и сел на высокий престол. Пусть же наследники мои на троне вечно, из рода в род, преемственно хранят память о тех, кто совершил подобный подвиг!» Всех вдоволь оделил он Кереитскими пленниками. Тумен-Тубегенцев разобрали дочиста. Целый день разоряли и разбирали Олон-Дунхаитов и все еще не покончили с ними. А кровавых разбойников Чжиргинских богатырей так и не могли полностью размельчить и разобрать. По таковом истреблении Кереитского племени, зазимовали в ту зиму на урочище Абчжя-кодегери.

§ 188. Непокорные же Ван-хан с Сангумом спасались бегством. Ван-хан, намереваясь напиться, подошел к речке Некун-усун в урочище Дидик-сахал и как раз наткнулся на караул Найманов под командой Хорису-бечи. Хорису-бечи схватил Ван-хана. Тот стал уверять его, что он Ван-хан, но Хорису-бечи, не зная его в лицо, не поверил и тут же убил. Чтобы не попасть в Дидик-сахальский Некун-усун, Сангум пошел в обход и забрел в пустыню. В поисках за водой, Сангум увидал хуланов, которые стояли, отбиваясь хвостами от оводов. Он стал подбираться к ним. При Сангуме же был только его конюший Кокочу с женой. Только трое их и было всего. Тут-то Кокочу вдруг вскачь повернул домой, уводя с собою и Сангумова мерина. А жена говорит ему:

«Что ж от хана ты бежал?
„Мой Кокчу“ тебя он звал.
Сладко ел ты, сладко пил,
Шитый золотом ходил!»

И стала, было, жена его отставать. «Уж не собралась ли ты спутаться с Сангумом?» — говорит ей Кокочу. — «Пусть же, — говорит она, — пусть я буду по вашему баба с собачьей мордой, но ты должен вернуть ему хоть золотую чашку его, в чем бы ему воды-то хоть напиться». Тогда Кокочу швырнул назад золотую чашку и поскакал дальше, крикнув лишь: «Получай свою золотую чашку!» Вскоре же они вернулись домой. Явившись к Чингис-хану, конюший Кокочу первым делом похвалился, что вот-де я вернулся, бросив Сангума в пустыне. Потом он рассказал все, как было. Государь же, взыскав своею милостью жену его, самого Кокочу приказал зарубить и выбросить. «Этот самый конюх Кокочу явился ко мне, предав

так, как он рассказывал, своего природного хана! Кто же теперь может верить его преданности?» — сказал Чингис-хан.

§ 189. Гурбесу, мать Найманского Таян-хана, говорила: «Ван-хан ведь был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ей жертву». Послали к Хорису-бечи, и тот отрезал и доставил его голову, которую и опознали. Разослали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать пред нею жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуки лютни-хура. Как вдруг голова при этом жертвоприношении рассмеялась: «Смеешься!» — сказал Таян-хан и приказал вдребезги растоптать голову ногами. Тогда Коксеу-Сабрах и говорит: «Вы же ведь приказывали отрезать голову покойного хана и доставить ее сюда; с чем же это сообразно самим же и попирать ее ногами? Недаром наша собака что-то не к добру начала лаять. Говаривал, бывало, Инанча-Билге-хан:

„Жена молода,
А я уж старик.
Таян же, мой сын,
Мне даром чудесным
Молитвы ниспослан.
Увы! Благодетельным духом
Торлуком ниспосланный сын мой!
И сонмом вельмож знаменитых
И смердов несметной семьею
Тебе ли, нездешнему, править?“

[«Жена молода, а я состарился. Этого Таяна родила по молитвам. Ах, сын мой, которого произвел на свет Торлук (гений-хранитель). Сможешь ли ты пещись и править благородными, а также и многочисленными холопами-чернью моего улуса?»]

Не к добру что-то стала лаять у нас собака. Прозорливо правит наша государыня Гурбесу. Но ты, хан мой Торлук-Таян, ты больно изнежен. Нет у тебя других ни забот, ни сноровки, кроме птичьей охоты да звериных облав!» Стерпев эти слова, Таян-хан говорит: «Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали своими сайдаками древлеславного великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я вот выступлю и доставлю сюда этих, как их там, Монголов!» Тут мать его, Гурбесу, и говорит: «Еще чего не хватало!

Костюм у Монголов невзрачен на вид,
От них же самих нестермимо смердит.

Пожалуйста, подальше от них! Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них которые получше да велеть им вымыть руки и ноги!» — «Ну, хорошо! — говорит Таян-хан. —

Каковы бы там ни были эти Монголы, мы пойдем и доставим сюда их сайдаки».

§ 190. На эти слова Коксеу-Сабрах заметил: «Очень уже надменно вы говорите! Ах, Торлух-хан! Надо бы воздержаться. Приличны ли такие речи?» И долго еще отговаривал его Коксеу-Сабрах, но он отправил к Онгудскому Алахуш-дигитхури посла, по имени Горбидата, с таким сообщением: «Сказывают, что там на севере есть какие-то ничтожные Монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступлю отсюда, и мы соединимся. Отберем-ка у этих, как их там, Монголов их сайдаки!» Алахуш-дигитхури ответил: «Я не могу быть твоею правой рукой». Дав ему такой ответ, Алахуш-дигитхури отправил к Чингис-хану посла, по имени Ю-Хунана, и сообщил: «Найманский Таян-хан собирается притти и отобрать у тебя сайдаки. Он присылал просить меня быть у него правой рукою, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить. А то, чего доброго, явится он, и не остаться бы тебе без сайдаков!» Как раз в это время Чингис-хан охотился в степи Темен-кеере. Когда пришел с вестями от Алахуш-дигитхури его посол Ю-Хунань, облавы шли вокруг урочища Тулкин-чеуд. Тут же на охоте стали совещаться, как быть, причем многие указывали на отощалость наших коней и недоумевали, что теперь делать. Тогда Отчигин-нойон говорит: «Так неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони тощи? У меня кони — жирны! Ужели спокойно выслушивать подобные речи?» Затем слово взял Бельгутай-нойон. Он сказал вот что:

«Жизнь мне нужна ли, если с живого
Снял неприятель сайдак у меня?
Разве не лучше для воина-мужа
В битве погибнуть и кости сложить свои
Рядом с сайдаком и луком своим?
„Царство великое, подданных множество“:
Найманов дерзость вот чем питается!
Если ж на эти надменные речи
Мы им ответим внезапным ударом,
Трудно ли нам их сайдаки отнять?
Выхолить надо несметный табун им:
Где же тут в срок к выступленью успеть?
Нужно дворцы да хоромы грузить:
Как же им срока не пропустить?
Разве спасаться в горы высокие
Толпы Найманские не побегут?
Раз попустили мы дерзкие речи,
Что же тут думать, что тут гадать?
Тотчас же на-конь, Монгольская рать!»

[«Если, заживо, попустить „товарищу“ отнять свой сайдак, то какая польза и живу быть? Не добро ли рожденному мужем лечь костьми рядом со своим луком и прахом витязей? Найманцы хвастают, уповая на то, что улус их велик и многолюден. А трудно ли нам у них у самих позабирать сайдаки, выступив в поход не мешкая. Если же выступят

они, то не пристанут ли у них кони и не опоздятся ль они? Не опоздятся ль они, взваливая себе на плечи свои юрты-дворцы? Не побежит ли многолюдье их спасаться в высокие (горные) страны? Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней не медля!»]

§ 191. Понравилось это слово Бельгутая Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочище Орноуйн-кельтегай-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов, — ночной охраны, и 70 человек турхаудов, — дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (уту-дурайн). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: «Стрельцы, турхауты, кешиктены, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства, они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными кебтеулами и несут караульную службу вокруг». Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенов в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе.

§ 193. Выступив, по окроплении знамени, 16-го числа первого летнего месяца, в красный день полнолуния года Мыши (1204), он послал передовыми-алхумчинами Чжебе и Хубилая вверх по реке Келурену. Достигли Саари-кеере, где в истоках Канхархи оказался уже Найманский караул. Начались столкновения караулов, причем Найманам удалось захватить у нашего караула одну пегую лошаденку с плохоньким на ней седлом. Тогда у Найманов пошли разговоры, что-де кони у Монголов совсем тощие. Наши же, задержавшись в степи Саари-кеере, стали совещаться, как быть дальше. Тут Додай-черби внес Чингис-хану такое предложение: «Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело

кони. А тем временем пусть по ночам у нас, у каждой живой души, у каждого ратника, зажигается по пяти костров сразу в различных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров! Найманов-то, как слышно, много. Но для хана их, который еще никуда из дому не выходил, для хана их и малого довольно. Так мы и Найманов вгоним в пот кострами да и коней своих откормим. А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмем к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них. Что скажете на это?» Чингис-хан одобрил это предложение и тотчас отдал по войску приказ зажигать костры. Тотчас армия широко развернулась по степи Саари-кеере, и каждый человек зажег костры в пяти различных местах. Ночью, с высоты у истоков Канхархи, Найманские дозорные увидали множество огней и говорят: «Не сказывали ль нам, что Монголов мало? А костров-то у них больше, чем звезд!» Представили они тогда к Таян-хану пегую лошаденку с плохоньким седлом и докладывают: «Монгольское войско запрудило уже всю степь Саари-кеере. Не прибывает ли их с каждым днем? Огней у них больше звезд!»

§ 194. Таян-хан находился в Канхайском Хачир-усуне, когда пришло это донесение. Получив его, он послал сообщить своему сыну, Кучулук-хану: «Монгольские кони, как видно, плохи. Но огней у них, доносят, больше звезд. Стало быть, Монголов-то много.

Если с Монголом сейчас нам связаться,
Просто ли будет от них отвязаться?
Если теперь же сойтись и сразиться,
Глазом ведь те не мигнут уклониться:
В щеку коли ты их острым копьем,
Черная кровь потечет с них ручьем —
С места, однако, Монгол не сойдет.
Стоит ли нам в настоящую пору
С диким Монголом в сраженье ввязаться?

[«Если мы теперь же с ними сойдемся, то не будет ли трудно отступить? Стоит ли сейчас связываться с этими свирепыми Монголами, которые глазом не моргнут, когда их рубят в щеку; которые непоколебимы даже и тогда, когда струится их черная кровь?..»]

Известно, что кони у Монголов тощи. Давайте мы сделаем вот что: переправим свой народ на ту сторону Алтая, а сами, подтянувшись и двигаясь налегке,[1] будем продвигать войска слева направо и завлекать их в засаду. Так, вовлекая их в мелкие стычки, мы дойдем до высот южного склона Алтая. За это время наши табуны откормятся. Тогда-то мы, изнурив таким образом Монголов и еще больше истощив их коней, тогда-то мы и ударим[2] им прямо в лицо!» Ознакомившись с этим планом, Кучулук-хан и говорит: «Ну, так и есть![3] Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда это у него появилось множество Монголов? Ведь большинство Монголов,

[1] Подсучившись.
[2] Плеснём.
[3] Неисправим, опять за свое!

с Чжамухой вместе, здесь, у нас!» И велел он через посла ответить отцу такою язвительной и обидной речью:

«Разве не трусости ради своей
Так разглагольствует баба Таян,
Та, что подальше еще не ходила,
Нежели до-ветру баба брюхатая.
Дальше еще и не хаживал он,
Нежели в поле теленок кружоный».[1]

[«Не из трусости ли прислал ты такое предложение, баба Таян, который не выходил из дому даже на расстояние отхожего места для беременной бабы; не доходил даже на расстояние бега кружоного теленка».]

Выслушав, как его обзывают бабой, Таян-хан и говорит:

«О мой могучий отважный Кучлук!
Пусть он отваги своей не покинет
В день, когда в битве сойдемся с врагом.

Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся!» Тут вступился подчиненный Таян-хана, великий нойон Хорису-бечи, и говорит: «Твой родитель, Инанча-Билге-хан, равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тылу. Что же ты-то нынче теряешь голову перед завтрашним днем? Если б только знали, что ты такой трус, так лучше бы привезли сюда твою мать, — даром, что она женщина! Разве не управилась бы она с войском? Устарел у тебя бедняга Коксеу-Сабрах, и что за негодное управление стало у нашего войска! Разве не видно, что пробил час счастливой судьбы для Монголов? Ах ты, Торлук-хан, никчемный ты, видно, человек!» И он ударил по своему сайдаку и, показав тыл, ускакал.

§ 195. Разгневался на эти слова Таян-хан и говорит:

«Что смерть,
Что страданья,
Не все ли равно?

Итак — в бой!» И он тронулся с Хачир-усуна, прошел вниз по Тамиру, переправился через Орхон и, следуя нижним склоном Наху-гуна, подошел к Чахирмаутам. Тут приближение Найманов заметил Чингис-ханов дозор и тотчас послал ему извещение. Чингис-хан выступил против Найманов со словами: «Ведь и вреда же бывает от многих так много; а от немногих — немного!» Наши погнали неприятельский караул. Строясь в боевой порядок, наши ратники говорили друг другу:

«Бегом пробежим хоть по терниям,
А строем построимся хоть и в озере,
Битву же пробьемся хоть долотами!»

[«Будем биться, хотя бы пришлось пролезать по тропам через заросли дикой акации — харагана; хотя бы пришлось строиться среди озера; хотя бы пришлось наносить удары долотом».]

[1] Телячья «кружоная болезнь» или «вертячка».

Сам Чингис-хан пошел в передовом отряде, Хасару поручил главные силы центра, а Отчигину поручил тыл с заводными конями. Отойдя от Чахир-маудов, Найманы расположились по южному полугорью Наху-гуна. Наш караул, гоня перед собою Найманский караул, вплотную прижал его к их главным силам на полугорье Наху-гуна. Таян-хан, наблюдая за этим преследованием, обратился к Чжамухе, который принимал участие в походе на стороне Найманов: «Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне многочисленное стадо овец. Что это за люди, которые так подгоняют?» На это Чжамуха, ответил: «Мой анда Темучжин собрался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собою наш караул. Вот они, эти четыре пса:

Лбы их — из бронзы,
А рыла — стальные долота.
Шило — язык их,
А сердце — железное.
Плетью им служат мечи,
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское — походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустили их. Разве не радость?
Долго на привязи ждали они!
Да, то они, подбегая, глотают слюну.
Спросишь, как имя тем псам четырем?
Первая пара — Чжебе с Хубилаем.
Пара вторая — Чжельме с Субетаем».

[«У этих четырех псов лбы—бронзовые, морды — как долото, языки — что шила, сердца — железные, а плети — мечи. Питаются росою, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиной. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликуют и подбегают, брызжа слюной. Это они!» — «Кто же они, эти четыре пса?» — спросил хан. — «Это две пары: Джебе с Хубилаем, да Джельме с Субетаем».]

— «Ну, так подальше, — говорит Таян-хан, — подальше от этих презренных тварей!» и, поднявшись выше, остановился на полугорье. Тут заметил Таян-хан, что вслед за ними, ликуя, мчатся и окружают их витязи. И спросил Таян-хан Чжамуху:

«Кто же вон те и зачем окружают?
Будто с зарей сосунков-жеребят
К маткам своим припустили.
Маток они обегают кругом,
Жадно к сосцам приникая».

[«А кто эти и зачем окружают их, наподобие жеребят, которые выпущены рано поутру и теснятся вокруг своих маток, приникая к сосцам их».]

И Чжамуха отвечал так:

«То по прозванью Манхуд-Уруд.
Страшной грозой для злодея слывут.
Витязя, мужа с тяжелым копьем,
Им, заарканив, поймать нипочем.
Витязя ль, мужа с булатным мечом,
Или в крови своих жертв палача
Свалят, нагнав, и порубят с плеча.
Это с восторгом они обступают,
Это, ликуя, они подлетают».

[«Это — так называемые Урудцы и Манхудцы, которые, настигая, валят с ног, убивают и грабят носящих мечи кровавых грабителей, которые осыпают проклятьями носящих копья: то приближаются они, ликуя и блистая».]

— «Лучше всего, — говорит Таян-хан, — лучше сего подальше от этих презренных! И поднимается еще выше на гору. И спрашивает тут Таян-хан у Чжамухи: «А кто же это позади них? Кто это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол?» Чжамуха же сказал ему в ответ:

«Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин.
Снизу доверха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглою укол не грозит.
Это мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, молодец.

[«Это подъезжает мой анда Темучжин. Все тело его залито бронзой: негде шилом кольнуть; железом окована: негде иглою кольнуть. Разве не видите вы, что это он, что это подлетает мой друг Темучжин, глотая слюну, словно голодный сокол...»]

Смотрите же, друзья Найманы. Не вы ль говорили, что только бы увидать вам Монголов, как от козленка останутся рожки да ножки?» Тогда Таян-хан говорит: «А ну, взберемся-ка по этой пади на гору». И взбирается повыше на гору и опять спрашивает Чжамуху: «А кто это так грузно двигается позади него?» Чжамуха отвечает:

«Мать Оэлун одного из сынков
Мясом людским откормила.
Ростом в три сажени будет,
Трехгодовалого сразу быка он съедает,
Панцырь тройной на себя надевает,
Трое волов без кнута не поднимут.
Вместе с сайдаком людей он глотает:
В глотке у витязя не застревает.
Доброго молодца съест он зараз:
Только раздразнит охоту.

Если ж во гневе — не к часу сказать! —
Пустит, наладив стрелу-анхуа он —
Насквозь пройдя через гору, к тому ж
Десять иль двадцать пронзит человек.
Если ж повздорит он с другом каким —
Будь между ними хоть целая степь —
К е й б у р-стрелу, ветряницу, наладив,
Все ж на стре́лу он нанижет его.
Сильно натянет — на девять сотен алданов сшибет,
Слабо натянет — на пять он сотен достанет.
Чжочи-Хасар прозывается он.
То не обычных людей порожденье:
Сущий он демон — мангус Гурельгу».

[«Мать Оэлун откормила одного своего сына человеческим мясом. Ростом он в три алдана, моховых сажени. Съедает трехлетнюю корову. Одет в тройной панцырь. Трех быков понукают везти его. Глотнет целого человека вместе с колчаном — в глотке не застрянет; съест целого мужика — не утолит сердца. Осердится, пустит стрелу свою, стрелу а н х у а, через гору — десяток-другой людей на стрелу нанижет. Поссорится с приятелем, живущим по ту сторону степи, пустит стрелу свою к е й б у р-ветряницу, так и нанижет того на стрелу. Сильно потянет тетиву — на 900 алданов стрельнет. Слегка натянет тетиву — на 500 алданов стрельнет. Не человеком он порожден, а демоном Гурельгу-мангусом. По прозванью — Хасар. То, должно быть, он!»]

— «Раз так, — говорит Таян-хан, — давай-ка поспешим мы еще выше в гору!» Поднялся выше и спрашивает у Чжамухи: «А кто же это идет позади всех?» На это говорит ему Чжамуха:

«Будет, наверное, то Отчигин:
У Оэлуны он на́именьший сын.
Смелым бойцом у Монголов слывет,
Рано ложится да поздно встает.
Из-за ненастия не подкачает,
А на стоянку — глядишь — опоздает!»

[«А это — Отчигин, малыш матушки Оэлун. Слывет он смельчаком. Из-за непогоды не опоздает, из-за стоянки отстанет!»]

— «Ну, так давайте, мы взойдем на самый верх горы!» сказал Таян-хан.

§ 196. Наговорив таких слов Таян-хану, Чжамуха отделился от Найманов и, отойдя на особую стоянку, послал передать Чингис-хану следующее известие:

«Почти уморил я Таяна словами:
Все выше со страху он лез,
Покуда, до смерти напуган устами,
Он на гору все же не влез.
Дерзай же, анда мой! Ведь тут
Все в горы спасаться бегут.

[«От слов моих падал в обморок, а потом спешил лезть повыше на гору. Разговорами до смерти напуган, на гору лезет. Дерзай анда! Они на гору лезут...»].

Никакой стыд не вынудит их больше к сопротивлению, почему я ныне и отделился от Найманов!» Тогда Чингис-хан, в виду позднего вечера, ограничился оцеплением горы Наху-гун. Между тем Найманы тою же ночью вздумали бежать, но, срываясь и соскальзывая с Наху-гунских высот, они стали давить и колоть друг друга на смерть: летели волосы и трещали, ломаясь, кости, словно сухие сучья. Наутро захватили совершенно изнемогавшего Таян-хана, а Кучулук-хан, который стоял отдельно, с небольшим числом людей успел бежать. Настигаемый нашей погоней, он построился куренем у Тамира, но не смог там удержаться и бросился бежать дальше. На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоянии полного расстройства. Тут же сдались нам и все бывшие с Чжамухой: Чжадаранцы, Хатагинцы, Салчжиуты, Дорбены, Тайчиудцы и Унгираты. Когда же к Чингис-хану доставили Таян-ханову мать Гурбесу, он сказал ей: «Не ты ли это говоришь, что от Монголов дурно пахнет? Чего же теперь-то явилась?» Гурбесу Чингис-хан взял себе.

§ 197. В том же году Мыши (1204), осенью, Чингис-хан вступил в бой с Меркитским Тохтоа-беки при урочище Харадал-хучжаур. Он потеснил Тохтоая, и в Сара-кеере захватил весь улус его, со всеми подданными и жильем их. Но Тохтоа, вместе со своими сыновьями Худу и Чилауном, а также с небольшим числом людей, спасся бегством. Когда, таким образом, Меркитский народ был покорен, Хаас-Меркитский Даир-Усун повез показать Чингис-хану свою дочь, по имени Хулан-хатун. Встречая на пути всякие препятствия от ратных людей и увидав случайно нойона Бааридайца Наяа, Даир-Усун сообщил ему, что везет показать свою дочь Чингис-хану. Тогда нойон Наяа и говорит ему: «Едем вместе и покажем твою дочь Чингис-хану». Задержал он их и продержал у себя три дня и три ночи. При этом задержку эту объяснял Даир-Усуну так: «Если ты поедешь как есть один, то в дороге, в такое-то смутное военное время, не только тебя самого в живых не оставят, но так же и с дочерью твоею может случиться недоброе». Когда же, потом, Даир-Усун, вместе с Хулан-хатун и нойоном Наяа, прибыли к Чингис-хану, он в страшном гневе обратился прямо к Наяа и сказал: «Как ты смел задержать их? Тотчас же подвергнуть его самому строгому допросу и предать суду!» Когда же его стали было допрашивать, Хулан-хатун говорит: «Наяа сказал нам, что состоит у Чингис-хана в больших нойонах. А задерживал нас объясняя, что поедем, мол, показать свою дочь хагану вместе. Потому что на дороге, говорит, неспокойно. Попадись мы в руки не нойона Наяа, а к другим каким военным, не иначе, что вышло бы недоброе. Кто знает? Может быть, встреча с Наяа нас и спасла. Если бы теперь, государь, пока опрашивают Наяа-нойона, соизволил вопросить ту часть тела, которая по небесному изволению от родителей прирождена»[1]... Наяа же на допросе показал:

«Хану всегда я служил от души.
Жен ли прекрасных, иль дев у врага

[1] Cocli voluntate a parentibus nata epiderma tota conservata est. Interroga pubito epidermam! (П. Кафаров, op. cit., стр. 218).

Только завидев, я к хану их мчу.
Если иное что было в уме,
Я умереть тут всечасно готов».

[«Что говорил при хане, то и сейчас скажу: нет у меня другого лица против того, что было при хане! Когда попадаются иноплеменные красавицы или добрых статей мерина, я всегда мыслю, что они хановские. Если есть что другое, кроме этого, в мыслях моих, то пусть умру я».]

Чингис-хану понравились слова Хулан-хатуны. Ее освидетельствовали тотчас же, и все оказалось, как она говорила намеком. Очень пожаловал Чингис-хан Хулан-хатуну и полюбил ее. А так как и слова Наяа-нойона оказались справедливыми, то Чингис-хан милостиво сказал ему: «За правдивость твою я поручу тебе большое дело».

VIII. КУЧУЛУК БЕЖИТ К ГУР-ХАНУ ХАРА-КИТАДСКОМУ НА РЕКУ ЧУЙ, А ТОХТОА — К КИПЧАКАМ. ЧЖЕБЕ ПОСЛАН ПРЕСЛЕДОВАТЬ КУЧУЛУКА, А СУБЕЕТАЙ — ТОХТОАЯ. СМЕРТЬ ЧЖАМУХИ. ВОЦАРЕНИЕ ЧИНГИСА. НАГРАДЫ И ПОЖАЛОВАНИЯ СПОДВИЖНИКАМ

§ 198. При покорении Меркитов Огодаю была отдана Дорегене, дочь Худу, старшего сына Тохтоа-беки. У Худу было две дочери: Тугай и Дорегене. Половина же Меркитского улуса, засев в укреплении Тайхая, не сдавалась. Тогда Чингис-хан приказал осадить засевших в крепости Меркитов войском Левой руки под командою Чимбо, сына Сорган-Ширая. Сам же Чингис-хан выступил преследовать Тохтоа-беки, который бежал со своими сыновьями Худу и Чилауном и небольшим числом людей. Зимовал Чингис-хан на южном склоне Алтая. Затем, когда весною, в год Коровы (1205), он перевалил через Алтай и двинулся далее, то у истоков Эрдышской Бухдурмы оказалось стоящим наготове соединенное войско Тохтоа и Кучулука: Найманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингис-хан завязал бой, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой-ш и б а й н - с у м у н. Сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе через Эрдыш они потеряли утонувшими в реке бо́льшую часть людей. Закончив переправу через Эрдыш, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Найманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов. А Меркитские Тохтоаевы сыновья, Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие Меркиты, взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов. Возвратясь оттуда через тот же Арайский перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ауруутах. Тем временем Чимбо выну-

дил к сдаче Меркитов, сидевших в крепости Тайхал. Этих Меркитов, по повелению Чингис-хана, частью истребили, а частью роздали в добычу ратникам. Но тут попытались восстать и бежать из Ауруутов также и те Меркиты, которые ранее добровольно покорились. Находившиеся в Ауруутах наши кетченеры-домочадцы подавили это восстание. Тогда Чингис-хан приказал поразда̀вать всех этих Меркитов до единого в разные стороны. «Это им за то, — говорил он, — за то, что мы, ради покорности их, позволили им жить как раньше жили; а они еще вздумали поднимать восстание!»

§ 199. В том же, Воловьем, году Чингис-хан
Отдал приказ воеводе Субе́таю
Всех сыновей Тохтоая Меркитского —
Гала, Худу с Чилауном — поймать.
Слал он его в колеснице окованной,
Требовал всех беглецов отыскать.
Слово ж в напутствие так говорил:
«Выйдя из боя бежали Меркиты.
Так иногда и с арканом хулан,
Так и олень со стрелою уйдет.
Пусть же хоть с крыльями будут они,
Пусть в поднебесье высоко летят,
Ты оберни́сь тогда соколом ясным,
С неба на них, Субетай, ты ударь.
Пусть обернутся они тарбаганами,
В землю глубоко когтями зароются.
Ты оберни́ся тут острой пешнёй,[1]
Выбей из нор их и мне их добудь.
В море ль уйдут они рыбой проворной,
Сетью ты сделайся, неводом стань,
Частою мрежей слови их, достань.
Ты перережь мне и горы высокие,
Вплавь перейди мне и реки широкие.
Но береги ты коней у служивых,
Помни о дальней дороге-пути.
Так же и харч сберегай им разумно.
Конь обезножит — так поздно жалеть,
Кончится харч — его поздно беречь.
Зверь в изобилии будет в пути.
Ты ж понапрасну народ не томи
И на облавы их зря не гони,
Чаще умом ты вперед забегай.
В меру такую должна быть облава,
К общим котлам чтоб была лишь приправа.
Кроме ж законных облав, не вели

[1] Дос. дирка.

Коням подхвостник к седлу ты вязать:
Люди пусть вольною рысью идут,
Оброти скинув, узду опустив.
Как же иначе ты сможешь скакать?
Если ж такой распорядок уставишь,
То виноватых нещадно ты бей.
Тех же, кто наши указы нарушит,
К нам ты и шли, коли знаем их мы.
Тех же, кто явственно нам неизвестен,
Там же на месте ты казнью казни.
Так поступайте, как будто бы вас
Только река от меня отделяет.
Вы и помыслить не смейте о том,
Будто бы горные дали меж нами.
Если же Вечное Синее Небо,
Силу и мощь вам умножа,
В руки предаст вам сынов Тохтоа,
К нам посылать их не стоит труда,
Там же на месте прикончить их».
Лично к Субе́таю вновь обратясь,
Молвил ему государь Чингис-хан:
«Вот почему посылаю тебя.
Есть три Меркитские рода. Из них
В детстве напуган я был Удуитским:
Трижды он гору Бурхан облагал.
Ныне же враг ненавистный бежал,
Клятвой поклявшись о мщеньи.
Пусть далеко — до конца достигай,
Пусть глубоко он — до дна доставай!
Вот для чего я, в поход снаряжая,
Всю из железа коляску сковал;
Вот для чего я, людей ободряя,
Строгий наказ сего года вам дал.
Так поступай ты у нас за глазами,
Как поступал пред моими очами.
Так же служи ты, отъехав далеко,
Как и вблизи ты служил без упрека.
Будет тогда вам удачлив поход:
Помощь придет к вам с небесных высот!»

[В том же году Коровы (1205) отдавал Чингис-хан приказ. Посылал он Субеетая-посылал в железной колеснице преследовать Тогтогаевых сынов, Худу, Гал, Чилауна и прочих. Посылая же, наказывал Чингис-хан Субеетаю: «Тогтогаевы сыны, Худу, Гал, Чилаун и прочие, в смятении бежали, отстреливаясь. Подобны они заарканенным диким коням-хуланам или изюбрям, убегающим со стрелой в теле. Если бы к небу поднялись, то разве ты, Субеетай, не настиг бы, обернувшись соколом, летя как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты, Субеетай, не поймаешь их, сбернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловишь их, обернувшись

сетью-неводом и ловя их. Велю тебе, потом, перевалить через высокие перевалы, переправиться через широкие реки. Памятуя о дальней дороге, берегите у ратников коней их, пока они еще не изнурены. Берегите дорожные припасы, пока они еще не вышли. Поздно беречь коней, когда те пришли в негодность; поздно беречь припасы, когда они вышли. На пути у вас будет много зверя. Заглядывая подальше в будущее, не загоняйте служивых людей на звериных облавах. Пусть дичина идет лишь на прибавку и улучшение продовольствия людей. Не охотьтесь без меры и срока. Иначе, как для своевременных облав, не понуждайте ратных людей надевать коням подхвостные шлеи. Пусть себе ездят они, не взнуздывая коней. Ведь в противном случае как смогут у вас ратные люди скакать? Сделав потребные распоряжения, наказывайте нарушителей поркою. А нарушителей наших повелений, тех кто известен нам, высылайте к нам, а неизвестных нам — на месте же и подвергайте пранежу. Поступайте так, будто бы нас разделяет только река. Но не мыслите инако и особо, будто бы вас отделяют горные хребты (будто бы вы «за горами — за долами»). Не мыслите один одно, другой — другое. Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки ваши Тоггогаевых сыновей. К чему непременно хлопотать о доставке их к нам? Вы сами прикончите их на месте». И еще наказывал Чингис-хан Субеетаю: «Посылаю тебя в поход ради того, что в детстве еще я трижды был устрашаем, будучи обложен на горе Бурхан-халдун Удуитами, из трех Меркитов. Эти столь ненавистные люди ушли опять, произнося клятвы. Достигайте же до конца далекого, до дна глубокого». Так, возбуждая дух его к преследованию, приказал он выковать ему железную колесницу и в год Коровы напутствовал его в поход словами: «Если вы будете поступать и мыслить за глазами у нас так, как бы на глазах наших вдали — как будто бы вблизи, то Вечное Небо будет вам покровительствовать!»]

§ 200. Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Убили как-то, взобравшись на гору Таилу, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: «Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами!» Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингис-хану. Приведенный к Чингис-хану, Чжамуха сказал им: «Приказываю вам доложить государю вот как:

Собралася галка,
Загадала черная
Сéлезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой.
Чем же наградишь?
Мышеловка[1] серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?»

[1] Хулду — ленивый, заевшийся коршун.

[«Черные вороны вздумали поймать селезня. Рабы-холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать, осилить, схватить. У хана, анды моего, что за это дают?»]

На эти слова Чжамухи, Чингис-хан изволил ответить: «Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» И тотчас же повелел: «Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!» И тут же на глазах у Чжамухи предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингис-хан: «Передайте вы Чжамухе вот что:

Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
Станем в одной колеснице оглоблями.
Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
Напоминать мы забытое станем друг другу,
Будем друг друга будить, кто заспится.
Пусть ты иными путями ходил,
Все же ты другом священным мне был.
Если и бились подчас не на шутку,
Дружеским сердцем ты горько скорбел.
Пусть иногда не со мною ты был,
Все же в дни битв роковых
Сердцем, душой ты жестоко болел.
Вспомним, когда это было меж нами.
В ночь перед битвой в песках Харгальчжит,
Мне предстоявшей со всем Кереитом,
Ты мне Ван-хановы речи сполна
Передал, сил расстановку раскрыл мне.
Но и другая услуга твоя — первой не меньше была.
Помнишь, как образно ты извещал:
Наймана словом своим уморил я,
На смерть его своим ртом напугал!».

[«Вот мы сошлись с тобою. Будем же друзьями. Сделавшись снова второю оглоблей у меня, ужели снова будешь мыслить инако со мною? Объединившись ныне, будем приводить в память забывшегося из нас, будить — заспавшегося. Как ни расходились наши пути, всегда все же был ты счастливым, священным другом моим. В дни поистине смертных битв болел ты за меня и сердцем и душой. Как ни инако мыслили мы, но в дни жестоких боев ты страдал за меня всем сердцем. Напомню, когда это было. Во-первых, ты оказал мне услугу во время битвы с Кереитами при Харахалджит-элетах, послав предупредить меня о распоряжениях (перед боем) Ван-хана; во-вторых, ты оказал мне услугу, образно уведомив меня о том, как ты напугал наймана, умерщвляя словом, убивая ртом».]

§ 201. Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:

«Некогда в юные дни,
В счастливом Чжубур-хорхонаке,
Братство свое мы скрепили.
Трапезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться!
Помнишь одним одеялом с тобой

Ночью мы дружно делились.
Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
„Мы же от сердца ведь клятвы твердили!“
Другу в глаза я не мог посмотреть —
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадный рукою коснулся.
Думал я: „Клятвой ведь мы незабвенной клялись!“
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд проницательных глаз,
Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня государь:
В путь проводи поскорее,
В путь невозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрéст замирив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С краю до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие ж братья и витязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлукá
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой,

Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалуешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоих
Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.
Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем,
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы, —
Буду просить — не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний».

[«В далекой юности, на урочище Хорхонах-джубур, в ту пору, когда братались мы с ханом, другом моим, ели мы пищу, которой не свариться, говорили речи, которым не забыться, делились одним одеялом. Но вот подстрекнули нас противники, наусьгали двоедушные, и мы навсегда разошлись. „Мы ж говорили друг другу задушевные речи!“ — думал я, и будто бы кожу содрали с темного лица моего, я не терпел к нему прикосновенья, я не мог выносить горячего взгляда хана, анды моего. „Говорили друг другу незабвенные слова!“ — думал я, и будто бы содрана была кожа с моего кроваво-красного лица, я не мог выносить правдивого взгляда проницательного друга моего. Ныне, хан мой, анда, ты милостиво призываешь меня к дружбе. Но ведь не сдружился же я с тобою тогда, когда было время сдружиться. А теперь, друг, теперь ты замирил все окрестные царства, ты объединил разноплеменные народы, тебе присудили и царский престол. К чему ж тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир? Ведь я буду сниться тебе в сновидениях темных ночей; ведь я буду тяготить твою мысль среди белого дня. Я ведь стал вошью у тебя за воротом или колючкой в подоле. Болтлива больно старуха у меня, и в тягость я стал, стремясь мыслью дальше анды. Теперь по всему свету разнеслась слава наших имен, от восхода до захода солнца. У друга моего — умная мать, сам он — витязь от роду; братья — с талантами; да стало у тебя в дружине 73 орлюка — 73 мерина: вот чем ты победил меня. А я, я остался круглым сиротой с одной лишь женой, которая у меня сказительница старины. Вот почему ты победил меня. Сделай же милость, анда, поскорей «проводи» меня, и ты успокоишь свое сердце. Если можно, мой друг, то, предавая меня смерти, казни без пролития крови. Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю это. Моя жизнь одинока с самого рождения, и вот я подавлен Великим Духом (Счастливым Духом) многосемейного друга моего. Не забывайте же сказанных мною слов, вспоминайте и повторяйте их и вечером и утром. Ныне поскорей отпустите меня».]

Выслушав эти слова, Чингис-хан сказал: «Как ни различны были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребьем то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую

причину. Скажите ему: «Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Цзереново ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном угоне табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-бальчжут. А теперь — скажите — ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его праха, но с подобающей почестью предайте погребению». Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, «подняли кости его».

§ 202. Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составился сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингис-хана. Тут же и Мухалия нарекли Го-ваном. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства». И нарек он и поставил нойонами-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять нойонов-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай; 12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хуилдар; 21) Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Наяа; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Даир; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутай; 49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчахус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58) Кетай; 59) Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дори-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Тунгуйдай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Сечавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиядай; 81) Буха-гурген; 82) Курил; 83) Ашихгурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген; 87—89, (три тысячника на) три тысячи икиресов; 90) Онгудский Алахушдигитхури-гурген и 91—95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего. таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) нойонов-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов.

§ 203. Однако в этом числе полагаются и ханские зятья. Учредив тысячи и назначив нойонов-тысячников, тут же Чингис-хан повелеть соизволил: «Пусть позовут ко мне нойонов Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги!» В юрте же оказался при этом

случае один Шиги-Хутуху. Чингис-хан и говорит ему: «Сходи, позови!» Тогда Шиги-Хутуху ответил: «А эти Боорчу с Мухалием и прочие

Больше кого потрудились.
Больше кого заслужили они?
Чем же и я недостоин награды,
В чем недостаточно я послужил?

* * *

Кажется, я с колыбели
Вот до такой бороды
Рос у тебя за порогом высоким
И своего никогда не помыслил.

* * *

Помню в штаны еще крошкой пускал,
Но уж стоял у тебя за порогом златым.
Вот и усами закрылись уста —
Разве роптал на усталость когда?

* * *

Ведь на коленях баюкая,
Сыном растили меня.
Рядом постель постилали,
Братом считая родным.

[«Больше кого же они потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я в чем-либо не довольно потрудился?

«С колыбели я возрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется, я не мыслил инако с тобою.

«С той поры еще, как я пускал в штаны, состоял я у золотого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, я не тяготился трудами (заботами).

«На коленях укачивая, вырастили ведь меня здесь, как сына. Рядом спать постилали; вырастили ведь здесь меня, как брата...»]

Итак, какую же награду пожалуешь ты мне?» На эти слова Чингис-хан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай же в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!» — сказал он и продолжал: «Когда же, с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!» Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-дзаргу, указав при этом: «Искореняй воровство, уничто-

жай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй». И затем повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись „Коко Дефтер-Бичик", связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных „гурирген", а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности». Говорил ему Шиги-Хутуху: «Как же может приемный брат, как, например, я сам, получать наследственную долю наравне с единокровными младшими братьями? Не благоугодно ли будет кагану выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?» — «Сам будешь производить исчисление, сам и сделай это по своему усмотрению!» — ответил на это государь. Добившись для себя таких милостей. Шиги-Хутуху вышел, позвал и ввел нойонов Боорчи, Мухали и прочих.

§ 204. Тогда Чингис-хан, обратясь к Мунлику-отцу, сказал:

«У тебя на глазах я родился,
У тебя на глазах я и рос.
Сколько раз ты покровом мне был,
Благовещий, святой, мой Мунлик.

[«Тот, с которым я, рождаясь, будто бы вместе родился; тот, при котором, возрастая будто бы, вместе возрастал, — благовещий, блаженный ты...»]

Напомню же. Не удержи меня ты, Мунлик-отец, когда я заночевал у тебя по дороге к заманившим меня хитростью отцу Ван-хану и другу Сангуму, не отговори меня ты, отец Мунлик, попал бы я, как говорится, в полую воду да в жаркое полымя. И одну помянутую услугу как забыть и потомкам потомков? В память этой-то заслуги буду сажать тебя на самом высоком месте, вот в этом углу, и усердно буду думать о том, какою бы милостью или наградой взыскать тебя сообразно времени года или месяца. Многая лета тебе, исполать!»[1]

§ 205. Потом, обращаясь к Боорчи, Чингис-хан сказал: «Ты повстречался мне на дороге после трехдневного преследования ограбивших у нас восьми соловых меринов. Ты сказал тогда: „Я поеду в товарищах, ты ведь и так намучился один". И, не сказавшись даже отцу, ты спрятал в степи свои подойники и кадки, которые служили тебе при подое кобыл, пустил на пастьбу моего куцего светлосолового, посадил меня на своего черногривого белого, сам сел на своего быстрого буланого и, оставив на произвол судьбы свой табун, поспешил со мною. Вместе мы тронулись из степи и еще трое суток шли по следам, пока не подъехали к куреню похитителей соловых и не увидали их на краю куреня. Мы отбили их тут же, грабежом, с тобою вдвоем. Ведь отец твой — богач Наху, а ты у него единственный сын. Что такое знал ты обо мне, что поехал со мною в товарищах? Нет, ты оказывал мне услугу, как рыцарь, как герой. Когда же потом, помня

[1] Εἰς πολλὰ ἔτη!

все времена об этом, я послал к тебе Бельгутая с предложением моей дружбы, ты и явился ко мне как друг:

На горбуна ты буланого сел,
Серый армяк за седло перекинул.

Как раз в это время пожаловали к нам и три Меркита. Трижды они облагали Бурхан, и ты был в осаде со мною. И еще. Ночевали мы в Даланнэмургесе, стоя против Татар. День и ночь шел проливной дождь. И вот ночью, чтобы дать мне уснуть, ты, прикрывая меня своим плащом и не давая дождю попадать на меня, как вкопанный простоял до утра и только единственный раз ты переменил ногу. Это ли не доказательство твоего рыцарства! И стоит ли после того перечислять другие твои рыцарские поступки? Боорчу с Мухалием так и влекли меня вперед, лишь только я склонялся к правому делу, так и тянули назад, когда я упорствовал в несправедливости своей: это они привели меня к нынешнему сану моему. Сиди же ныне всех выше, и да не вменятся тебе девять проступков. Пусть Боорчу ведает тьмою Правого корпуса, прилегающей к Алтаю».

§ 206. Затем, обратясь к Мухали, Чингис-хан сказал ему: «Когда-то, в Хорхонак-чжубуре, мы расположились под тем развесистым деревом, где некогда плясал хан Хутула. По той печати Перста Небесного, которою были запечатлены в ту пору слова Мухали, я вспомнил отца его Гуун-гоа, и вот полностью сбываются слова Мухали. Потому при восшествии на престол и дан ему титул го-ван с тем, чтобы это звание го-вана, т. е. князя языков, усвоялось и потомкам потомков Мухали. Пусть же Мухали Го-ван ведает тьмою Левого корпуса, примыкающей к Хараун-чжидуну».

§ 207. Сказал Чингис-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, и с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: „Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен“. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покорившихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиноспами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!»

§ 208. Затем обратился Чингис-хан к Чжурчедаю: «Вот главная заслуга твоя. Перед битвой с Кереитами при Харахалчжит-элетах друг Хуилдар произнес обет. Исполнение же его принадлежит тебе, Чжурчедай. Исполняя его, ты, Чжурчедай, ударил на врага. Ты опрокинул всех: и Чжиргинцев, и Тубеганцев, и Дунхаитов, и тысячу отборной охраны Хори-Шилемуна. Когда же ты продвинулся до Главного среднего полка, то стрелою-учумах ты ранил в щеку румяного Сангума. Вот почему Вечное Небо открыло нам двери и путь. Ведь неизвестно, как поверну-

лось бы дело, если бы Сангум не был ранен. Вот это и есть главная заслуга Чжурчедая. После того, как мы, отступая оттуда, шли вниз по течению Халхи, я чувствовал себя с Чжурчедаем, как за сенью высокой горы. Далее пришли мы к водопою на озере Бальчжуна-наур. Потом, выступая в поход с Бальчжуна-наура, я выслал Чжурчедая с передовым отрядом. В Кереитском походе, мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили Кереитский народ. Когда же мы, таким образом, выключили из объединения главнейший улус, то Найманы и Меркиты пали духом и не́ смогли уже оказать нам сопротивления. Они были полностью рассеяны и разорены. В погибельной судьбе Меркитов и Найманов уцелел Кереитский Чжаха-Гамбу с улусом своим, благодаря двум своим дочерям. Но он вторично возмутился и ушел. Чжурчедай же заманил его, искусным движением захватил его и прикончил. Таким образом улус Чжаха-Гамбу был отвоеван. Вот это — другая заслуга Чжурчедая.

Жизнью он жертвовал в сечах кровавых,
Изнемогал он в боях роковых».

[«За то, что он в смертном бою жертвовал жизнью своей; за то, что в кровавых сечах изнемогал (не щадил живота»).]

И в воздаяние за эти заслуги Чингис-хан отдавая ему супругу Ибаха-беки, сказал ей: «Я не пренебрегал ни разумом твоим, ни красотою. И если я от сонма находящихся у лона моего и подножия ног моих отдаю тебя, как высшую милость мою к нему, отдаю тебя Чжурчедаю, то это потому, что я памятую о великом долге благодарности. Ведь Чжурчедай

В дни боевые
Щитом мне служил,
А для врагов
Невидимкою был.
Разъединенный народ
Он воедино собрал,
А раздробленный народ
Он в одно тело спаял.

[«В дни битв был щитом моим, был щитом моим против врагов; разделенное царство соединил, разъединенное царство собрал...»]

И вот за эти-то заслуги и памятуя о законе долга, я и отдаю тебя ему. В грядущие дни сядут на престол мой потомки мои. Пусть же помнят они об этих заслугах, пусть помнят о законе долга и да будут нерушимы мои слова! Сан Ибахи никогда не должен пресекаться!» Потом Чингис-хан обратился лично к Ибахе: «Твой отец, Чжаха-Гамбу, дал тебе в приданое двух поваров — Ашик-Темура-бавурчи и Алчих-бавурчи, да две сотни крепостных-инчжес. Теперь ты уходишь к Уруутам. Подари ж мне на память своего Ашик-Темура и сотню людей!» И он принял этот подарок. Потом Чингис-хан сказал Чжурчедаю: «Вот я отдал тебе свою Ибаху. Не тебе ли и начальствовать над четырьмя тысячами своих Уруутов?» И он соизволил отдать об этом приказ.

§ 209. Потом говорил Чингис-хан, обратясь к Хубилаю:

«Сильным ты шею сгибал,
Борцов на лопатки ты клал.

[«Сильным ты пригнетал выю, борцам пригнетал ягодицы...»]

А этих вот четверых моих дворовых псов — Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, когда бывало отправлял в поход, то

Им молвишь: „Вперед, на врага!“
И кремень они сокрушат.
Назад ли прикажешь подать —
Хоть скалы раздвинут они,
Бел-камень с налету пробьют,
Трясины и топи пройдут.

[«Скажешь: „кюр!“ (вперед, нападай) — кремень сокрушали. Скажешь „гар!“ (выходи, отбой) — скалы разделяли, бел-камень дробили, топи пересекали...»]

И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы, когда в надлежащее место я посылал вас, четырех моих дворовых псов Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, или когда в день битвы около меня четыре моих витязя-кулюка Боорчу с Мухали да Борохул с Чилаун-Баатыром, а впереди, со своими Урутами и Мангутами, — Чжурчедай с Хуилдаром. Не тебе ль, Хубилай, и стать во главе всего военного дела?» — сказал он и дал повеление. «А Бедууном, — продолжал он, — Бедууном я недоволен за его упрямство, и потому не дал ему тысячи. Вразуми его ты сам, и пусть под твоим руководством начальствует над тысячью, а потом мы посмотрим!»

§ 210. Генигесскому же Хунану Чингис-хан сказал так: «Я скажу, чем был для вас этот Хунан. Для вас Боорчу с Мухалием и прочими нойонами, как и для вас Додай с Дохолху и прочими чербиями:

В черную ночь обернется он волком,
Белым же днем — черным вороном станет.
Коли стоянка — не тронется с места,
Коли поход — остановок не знает.
Перед высоким — не знал лицемерья,
Как откровенности — перед врагом.

[«Черною ночью — черным вороном; белым днем — волчьим кобелем оборачивался. Кочевать — так не отдыхал; отдыхать — так не кочевал. С гордым (знатным) человеком — в другую личину не рядился (не менял лица). С человеком врагом — лица не ронял...»].

А потому ничего не предпринимайте, не посоветовавшись с Хунаном и Коко-Цосом!» — сказал он и продолжал: «Чжочи — мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности

нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо — Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном — из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят».

§ 211. Обратился тогда Чингис-хан к Чжельмею и сказал: «При самом моем рождении спустился к нам с Бурхан-халдуна Чжардчиудай-Евген, с кузнечным мехом за плечами и со своим Чжелмеем, малюткой от колыбели. Он подарил для меня собольи пеленки. Вступив в дружину мою вот с каких пор, Чжельме,

Рабом при пороге,
Моим вратарем ты служил.

И много заслуг у Чжельме!

О счастья предвестник святой,
В собольих пеленках рожден.
Родиться — со мной ты родился,
Расти — так со мною ты рос.
За девять проступков взысканья
Минуют тебя, мой Чжельме!»

[«О блаженный счастливый Чжелме, родившийся в собольих пеленках! Когда родился я — и ты родился; я рос — и ты рос вместе. Будь же ты свободен от взысканий за девять проступков!»]

§ 212. Затем, обращаясь к Тулуну, Чингис-хан сказал: «Зачем вам, отцу с сыном, ведать отдельными тысячами? Ведь в собирании государства ты трудился словно второе крыло у отца твоего. За собирание царства ты и получил сан чербия. Ныне из тех людей, что стяжал ты своими трудами, составилась тысяча. Тебе и править ею общим советом с Туруханом». Сказал и отдал повеление.

§ 213. Потом сказал Чингис-хан Онгуру-кравчему: «Ты ведь был со мною одним куренем. Ты, Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чаншиутами и Баяутами, да еще три Тохураута да пять Тархутов. Ты, мой Онгур,

В туман не терял ты дороги,
А в смуту был верен ты мне.
Со мною ты мокнул в ненастье,
Со мною в мороз коченел.

[«В туман — не терял дороги, в схватках не отставал ты. В мокроть — мокнул вместе со мной, в стужу — мерз вместе со мной...»]

Какую же ныне награду ты хочешь?» — «Если мне дозволено, — отвечал Онгур, — если мне дозволено выбирать, то дозволь мне собрать воедино братьев моих Баяутов, которые разбросаны и разметаны по всем концам». — «Хорошо — изволил он повелеть, — разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником». И еще сказал Чингис-хан: «Когда вы, двое моих кравчих Онгур и Бороул, так раздаете яства

направо и налево, что не обнесены ни те, что сидят направо, ни те, кто сидит налево, тогда я спокоен душой и не першит у меня в горле. Теперь вы будете распределять всем пищу и в походное время. Занимая положенное вам место, внимательно наблюдайте за раздачею яств направо и налево от Великой винницы, сами же помещайтесь прямо напротив Толуна с его помощниками». И он сам указал им место.

§ 214. Обратился потом Чингис-хан к Борохулу: «Четверо вас у матери моей: Шиги-Хутуху с Борохулом да Кучу с Кокочуем.

Вас четверых на полу подобрали.
Мать же баюкала вас на коленях,
Словно родных сыновей пестовала.
За ворот каждого кверху тянула —
К людям равнять все старалась, родная.
За плечи каждого кверху тащила —
К мужам равнять все старалась, болезная.

[«С полу поднятых на коленях своих няньчила; как родных детей пестовала. За шею тянула — с людьми равняла; за плечи тащила с мужами равняла...»]

Воспитывала же вас она с надеждою, что станете вы для ее сыновей дружеской сенью. За то и отблагодарили же вы мою мать! И вот каким другом был ты мне, Борохул:

В дальних походах ли,
В ночи ль ненастные
Лечь натощак не давал.
Враг ли напротив нас —
Супу не выпивши
Ты мне уснуть не давал.

[«В спешных походах, в ненастные ночи не оставлял меня на ночь голодным. Стояли лицом к лицу с неприятелем, и ты не оставлял меня на ночь без похлебки-толюна...»]

Потом, когда мы сокрушили ненавистных врагов Татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяния, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси, тогда спасся и скитался одиноким бродягой татарин Харгил-Шира. Но и его голод загнал к нам. Вошел он в материнскую юрту и говорит: „Лишь подаянья прошу я". А мать говорит ему: „Раз ты просишь подаянья, то сядь там". И по ее указанию он сел на край скамьи, стоявшей направо, у дверей. В это время вошел со двора пятилетний Толуй. Когда же потом он стал опять выбегать на двор, Харгил-Шира встал, схватил ребенка под мышку, выскочил и, пошарив на ходу, выхватил нож. А Борохулова жена Алтани в ту пору сидела в материнской юрте, слева. Не успела мать вскрикнуть «погубит ребенка», как Алтани выскочила, бросилась за Харгил-Шираем, догнала и, ухватив его сзади за косу, другою рукой так рванула его за руку, заносившую нож, что нож выпал. В это время Чжетай с Чжельмеем

за юртой резали, распялив, черную комолую корову. Услыхав крики Алтани, Чжетай с Чжельмеем бросились к ней на помощь с топорами в окровавленных руках. Тут же топорами и ножами своими они прикончили Харгил-Ширая. И заспорили тут все трое — Алтани да Чжетай с Чжельмеем. Заспорили о том, кто главный виновник спасения ребенка. Чжетай с Чжельме говорят: „Не будь нас да не подоспей мы прибежать и уложить его, что могла бы поделать с ним одна женщина, одна Алтани? Ясно, что он успел бы сгубить ребенка. Заслуга-то, выходит, наша!“ Алтани же и говорит им: „Не услышь вы моего крика о помощи, чего бы вам и бежать было? А вот если бы я не догнала его да не вцепилась ему в косу, да не рванула за руку, так что выпал уже занесенный нож, то он непременно успел бы погубить ребенка раньше, чем подоспели бы Чжетай с Чжельмеем“. В конце концов заслугу спасения ребенка оставили за Алтани. Итак, Борохулова жена, его вторая оглобля, спасла жизнь Толую. Далее, в битве с Кереитами при песках Хара-халчжит упал раненый в шейную артерию Огодай. Спешившись около него с отрядом, Борохул стал отсасывать у него из раны запекавшуюся кровь. Он провел ночь около раненого, а утром, так как Огодая невозможно было посадить на коня одного, он сел с ним вместе сундлатом. Обнимая Огодая сзади, он все время отсасывал запекавшуюся кровь, пока благополучно не доставил его на место, издали краснея окровавленными углами своего рта. Так, в благодарность за труды и заботы моей матери, он спас жизнь двоим моим сыновьям! И был он мне таким другом, который не медлил откликнуться на призыв или вопль о помощи. Пусть же не вменяются в вину Борохулу девять проступков!»

§ 215. Затем он обещал пожаловать награды также и женщинам, членам ханского рода.

§ 216. Потом сказал Чингис-хан, обратясь к старцу Усуну: «Усун, Хунан, Коко-Цос и Дегай — из таких людей, которые не скрывают и не таят слышанного и виденного и говорят то, что думают. По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки. В таковой возводятся потомки старшего сына Бодончара, Баарина. Сан беки идет у нас от самого старшего в роде. Пусть же примет сан беки — старец Усун. По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освещает нам годы и месяцы!»

§ 217. Потом Чингис-хан повелел: «За то, что друг Хуилдар на бранях живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки потомков его!»

§ 218. Сказал затем Чингис-хан Нарин-Тоорилу, сыну Чаган-гоа: «Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-балчжутах от руки Чжамухи, пал, ревностно сражаясь пред моими очами. Пусть же теперь Тоорил, за службу своего отца, получает сиротское пособие». Тогда Тоорил и говорит: «Как изволит то ведать государь, мои братья — племя Негус — рассеяны по всем концам. Не будет ли мне оказана милость — собрать воедино моих братьев — племя Негус?» — «Быть по сему» —

отвечал Чингис-хан. «Не подобает ли тебе и править наследственно собранными воедино твоими братьями, племенем Негус?» — сказал и отдал повеление.

§ 219. Потом Чингис-хан обратился к Сорхан-Ширау и сказал ему: «В юности моей я был схвачен братоненавистником Таргутай-Кирилтухом. Зная, что я схвачен из-за братской зависти и ненависти, Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, спрятал меня, поручив заботам своей дочери Хадаан. Об этой услуге, об этом вашем благодеянии я не забываю ни темною ночью — во сне, ни белым днем — наяву. Вы же поздновато перешли ко мне от Тайчиудов. Какая же награда вам будет теперь по душе?» Тогда Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, сказал: «Не благоволишь ли разрешить, пожаловать нам дарханное кочевье? Не предоставишь ли нам в дарханное кочевье Меркитские земли по Селенге? Если же и другая какая милость будет, — на то воля государя Чингис-хана». На это Чингис-хан сказал: «Занимайте же вы своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными, дарханными пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших и приказывайте носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток. Будьте свободны от взысканий за девять проступков». И затем Чингис-хан обратился с милостивым словом к Чилауну и Чимбо: «Как мне отблагодарить вас, Чилаун и Чимбо, за те незабвенные слова, которые вы сказали когда-то, Чилаун и Чимбо! Если когда вам понадобится высказать мне свои пожелания, если когда вам придется попросить меня о какой нужде своей, никогда не обращайтесь ко мне через посредников. Сами лично приходите ко мне и сами лично с глазу на глаз высказывайте мне желания свои и просите о нуждах своих!» Так он повелел и присовокупил: «Дарханствуйте же вы Сорхан-Шира, как и Бадай с Кишлихом, а посему получайте в свое единоличное и нераздельное пользование всю ту добычу, которую найдете в походе ли на врага, или в облавах на дикого зверя. Кто был Сорхан-Шира? Крепостной холоп, арат, у Тайчиудского Тодеге. А кем были Бадай с Кишлыком? Цереновскими конюхами. Ныне же вы — мои приближенные. Благоденствуйте же в вашем дарханстве, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток».

§ 220. Потом обратился Чингис-хан к Наяа и сказал: «Когда Ширгету-Евген схватил, вместе со своими сыновьями Алахом и Наяа, схватил Таргутай-Кирилтуха и вез его к нам, то по дороге, в Кутухулноудах, Наяа сказал: „Как можно ехать со схваченным нами же природным своим ханом?“ И вот, по его совету, отпустили Таргутая, не причинив ему никакого зла. А когда затем Ширгету-Евген явился ко мне со своими сыновьями, Наяа-бильчиур сказал: „Мы наложили, было, руки на своего хана Таргутая-Кирилтуха и везли его к тебе, но потом отпустили его, не смея причинить ему зла, а сами вот пришли предложить свою службу государю Чингис-хану“. Тогда я сказал ему: „Если бы только вы пришли ко мне со своим ханом, на которого сами же наложили руки, то что бы иное можно было сказать про вас, кроме следующего: какое может быть доверие к крепостным людям после того, как они сами наложили руки на своего природ-

ного государя? Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Еке-Торе". И я обещал тогда поручить тебе какое-нибудь дело. Теперь я поручил тьму Правого корпуса ведению Боорчу, а тьму Левого корпуса — Мухалию, коему присвоил звание го-ван. Ведай же ты, Наяа, Центральною тьмою». И он отдал повеление.

§ 221. «Пусть равно также и Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которое они стяжали своими собственными трудами» — сказал он.

§ 222. Тысячу же поручил также и в ведение овечьего пастуха Дегая, приказав набрать ее с разных концов.

§ 223. Потом недоставало людей для плотника Гучугура. Тогда собрали по разверстке с разных концов и просто присоединили их к Мулхалху из племени Чжадаран. «Пусть Гучугур начальствует тысячей общим советом с Мулхалху» — приказал он.

§ 224. Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть соизволил: «В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулсунов и 70 турхах-кешиктенов. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора изо всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10 000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов и турхахов». К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктенов: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах, по разверстке, отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников,

вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющихся на службу также в сопровождении трех товарищей». Так гласил указ, и далее: «Нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем указе до всеобщего сведения. После же надлежащего обнародования сего указа все виновные в его нарушении подлежат строгой ответственности. Буде окажутся люди, проявляющие нерадение в деле пополнения состоящей при нас гвардейской стражи или даже выражающие несогласие состоять при нас, то в таковых случаях надлежит командировать к нам, вместо них, других людей, а тех подвергать правежу и ссылать с глаз долой в места отдаленные». Так повелевалось с присовокуплением: «Никоим образом не удерживать направляющихся к нам крепостных — аратов, которые хотели бы обучаться во дворце и состоять при нас».

§ 225. Во исполнение указа Чингис-хана произвели набор от тысяч, отобрали также, согласно указу, сыновей сотников и десятников и откомандировали их. Раньше, как известно, было 80 человек кебтеулов — ночной стражи. Теперь их число довели до 800, а затем повелено было пополнить их до 1000. При этом повелено никому не возбранять вступления в кебтеулы. Командующим гвардейским полком кешиктенов ночной стражи был назначен Еке-Неурин. Еще прежде было набрано 400 кешиктенов-стрельцов, хорчи-кешиктен. По сформировании их, командующим стрельцами был назначен Есунтее, Чжельмеев сын, совместно с Тугаевым сыном, Букидаем. При этом было повелено: «Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов — Есунтее; во вторую — Бугидай; в третью — Хорхудак, и в четвертую — Лаблаха. Под своим же начальством они вводят в каждую очередь и смену турхаутов, носящих сайдаки. Отряд стрельцов пополнить до 1000 и передать под команду Есунтее».

§ 226. «Прежний отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк торхаутов передать под команду Мухалиева родича — Буха; другую тысячу турхаутов передать под команду Алчидая, из родичей Илугая; третью — чербию Додаю; четвертую — чербию Дохолху; пятую — родичу Чжурчедая — Чанаю; шестую — Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Хасара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком — гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей». Итак, командированные по избранию от тысяч гвардейцы турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи — кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2000. И всего — отряд в 10 000 человек — тьма кешиктенов. Чингис-хан повелеть соизво-

лил: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком».

§ 227. Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингис-хан назначил следующих лиц и установил следующий порядок дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими — Буха; во вторую — Алчидай, в третью — Додай-черби и в четвертую — Дохолху-черби. По назначении старейшин очередей был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы: «Вступив в дежурство, дежурный начальник делает перекличку дежурным кешиктенам и сменяется затем по истечении трех суток с момента вступления в дежурство. За пропуск дежурства пропустившего оное дежурство наказывать тремя палочными ударами. Того же дежурного за вторичный пропуск дежурства наказывать семью палочными ударами. Того же дежурного за пропуск дежурства в третий раз, если при этом он был здоров и не испросил разрешения на отлучку у дежурного начальника, наказать тридцатью и семью палочными ударами и, по признании его не желающим состоять при нас, сослать в места отдаленные. Дежурные старейшины обязуются объявлять этот приказ каждой трехдневной смене. Если приказ не объявлялся, ответственность за последствия будут нести дежурные старейшины. Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства вопреки объявленному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особого нашего на то разрешения, над теми моими кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками моими по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволят себе пускать в ход руки или ноги, такие лица получат возмездие: за палки — палки, а за кулаки — кулаки же!»

§ 228. И еще повелел государь Чингис-хан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников».

§ 229. И еще повелел государь Чингис-хан: «Ко всеобщему сведению дежурных офицеров. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем посту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы — свои сайдаки; а повара-бавурчины — свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара-бавурчины, пока мы кушаем бульон-шилюн, размещаются сидя у коновязи и договариваются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы — к своим сайдакам, турхауты — к своим помещениям, бавурчины — к своей посуде. По этому пра-

вилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спереди дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу. Кебтеулы, сменяя друг друга, вступают в дежурство по сдаче своих значков. По сдаче же таковых они и уходят, сменяясь с дежурства. На ночь кебтеулы размещаются на своих постах вокруг дворца. Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи и плечи на-отвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец. Если кто явится ночью с экстренным сообщением, обязан сказаться об этом кебтеулам и затем, вместе с кебтеулом же, передавать сообщение, стоя у задней стены юрты. Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам. Никто не должен ходить мимо постов кебтеулов. Никто не должен ходить и возле кебтеулов. Не дозволяется также расспрашивать о числе кебтеулов. Проходящего мимо кебтеулов последние обязаны задержать, равно как и того, кто ходил возле кебтеулов. У того, кто расспрашивал о числе кебтеулов, кебтеулы должны отобрать лошадь, на которой тот ехал в тот день, вместе со всей сбруей и одетым на нем платьем. Помните, как был задержан за хождение ночью мимо кебтеулов даже и сам верный наш Элчжигидай».

X. ГВАРДИЯ ЧИНГИС-ХАНА. ПОХВАЛА ГВАРДИИ. ПОКОРЕНИЕ УЙГУРОВ И ЛЕСНЫХ НАРОДОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УДЕЛОВ. РАСПРАВА С ВОЛХВОМ ТЕБ-ТЕНГРИЕМ

§ 230. «Тучами небо ночное закрыто,
Ты ж на посту, моя верная стража:
С дымником юрту мою стережешь ты,
Плотным ее облегаешь ты кругом —
Сон навеваешь на вежды мне крепкий.
Ты ведь и в сан возвела меня царский.

* * *

Звездами небо ночное горит.
Ты же мой сон безмятежный в постели
Чутко блюдешь, моя стража ночная,
Юрту-дворец мой кругом обступая.
К сану высокому ныне меня
Ты, благовещая стража, взнесла!

* * *

Сетью ль сплетутся дожди в непогоду,
Иль все живое мороз цепенит,
Ливень ли льет непрерывным потоком —
Ты ж — все вокруг моей юрты сетчатой,

О благоверная стража ночная.
Сердцу ты радость, моя легкокрылая,
Стража ночная моя, Кебтеу́л!
В радостный сан ты меня вознесла.

* * *

В бурю-невзгоду военную
Юрту с подбо́лом мою окружала
Ты, во мгновение ока встающая,
Верная стража моя, Кебтеу́л!

* * *

Берестяного сайдака
Только рукою коснись —
Вся во мгновение ока встает
Бодрая стража моя, Кебтеу́л.

* * *

Звучным колчаном из ивы
Только ударь еле слышно —
Медлить не станешь ты,
Быстрая стража моя,
О благовещий ты мой, Кебтеу́л!

* * *

Славьте же старою стражей ее!
И турхаутом великим зовите
Семьдесят тех турхаутов, что вместе
С чербием Оголе в службу вступили.

* * *

Славьте же старыми богатырями
Богатырей под началом Архая!
Также Хорчином Великим зовите
Есунтеѐ с Бугидаем стрельцов!»

[«В пасмурнооблачные ночи юрты мои, имеющие дымники, кругом облегала ты крепко убаюкивала меня во дворце, старая стража моя. Ты и на этот трон возвела меня.

«В звездные ночи дворцы мои кругом облегала, на постели моей не давала метаться в тревоге, благословенная стража моя. На высокий престол возвела меня ты!

«В переплетающиеся дожди, в трескучие морозы, в проливные дожди решетчатые юрты мои окружала ты, во мгновение ока поднималась, верная стража моя, успокоившая сердце. Ты и на радостный трон возвела меня.

«Среди коварных врагов, окружая юрты мои с подолами, ты во мгновение ока поднималась на защиту, верная стража моя!

«На малейший стук берестяного колчана немедлительно откликавшаяся стража моя!

«На едва заметный стук березовых луков не запаздывавшая, быстроходная стража моя, благословенная стража моя!

«Называйте ж ее старою стражей, называйте Великим Турхаутом — тех 70 турхаутов, которые вступили в службу вместе с Оголе-чербием.

«Называйте же старыми богатырями Архаевых богатырей. Зовите великими стрельцами Есунтеевых и Бугидаевых стрельцов!»]

Так он изволил говорить.

§ 231. «Пусть же и потомки потомков моих, которые некогда будут занимать мой престол, пусть они берегут как память обо мне от всяких забот и горя тот десятитысячный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны от девяноста и пяти тысяч, чтобы состоять лично при мне. Разве не превыше добрых гениев хранителей были мне эти десять тысяч кешиктенов!» Так он изволил говорить.

§ 232. Еще говорил Чингис-хан: «В ведении кебтеулов состоят придворные дамы-чербин и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи — темечины и коровьи пастухи — хукерчины; на попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят кебтеулы. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом кебтеулы имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми кебтеулов. При раздаче питья и кушаний, стрельцы-хорчины обязаны начинать раздачу с кебтеулов, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению кебтеулов. Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул, около самой юрты. Двое из кебтеулов состоят при Великой винице. От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятиях принимают участие и кебтеулы, оставляя, однако, известную часть кебтеулов, соображаясь с обстоятельствами и временем, при юртовых телегах».

§ 233. И еще говорил Чингис-хан: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таковом нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление. Вы спросите, почему же не подлежат посылке на войну кебтеулы? Прежде всего потому, что именно кебтеулы пекутся о нашей златой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу? Легко ли попечение о Великом Аурухе и во время кочевок и на стоянках? Итак, без нас самих не отправлять на войну людей, обремененных столь сложными и многоразличными обязанностями. Быть по сему!»

§ 234. И еще повелеть соизволил государь Чингис-хан: «Кебтеулы принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцырей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-хорчинов и дневной стражи турхаутов,

с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Букидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву Дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются турхауты Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны занимать пост перед дворцом. Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец кешиктенами-турхаутами, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведуя всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, „отбросом питается, конским пометом отопляется“».

§ 235. Нойону Хубилаю было повелено отправиться к Харлуутам. Харлуутский хан Арслан явился к Хубилаю с выражением покорности. Взяв с собою Арслан-хана, Хубилай-нойон представил его государю Чингис-хану. Во внимание к его добровольной покорности, Чингис-хан милостиво принял его и обещал выдать за него дочь.

§ 236. Преследуя по повелению государя сыновей Тохтоа Меркитского — Худу, Чилауна и других, Субеетай, в своей кованой из железа колеснице, настиг их на реке Чуй, уничтожил и возвратился.

§ 237. Чжебе, преследовавший Найманского Кучулук-хана, настиг его в Сарик-хуне, уничтожил и возвратился.

§ 238. Уйгурский Идуут прислал к Чингис-хану посольство. Через послов Аткираха и Дадая он извещал: «С великой радостью слышу я о славе Чингис-ханова имени! Так ликуем мы, когда рассеются тучи и явит себя матерь всего — солнце. Так радуемся мы, когда пройдет лед и откроются вновь воды реки. Не пожалует ли меня государь Чингис-хан. Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей багряницы. Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!» На эти речи послов Чингис-хан милостиво соизволил передать такой ответ: «Дочь за него отдам, и быть ему пятым сыном моим. Пусть Идуут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей». Обрадованный такою милостью к нему, Идуут набрал золота, серебра, жемчугов, перламутров, шелков, златотканной парчи, штофов узорчатых и, явившись, представился Чингис-хану. Чингис-хан пожаловал Идуута и выдал за него Ал-Алтуну.

§ 239. В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-Ойратами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим Тумен-Ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная оттуда по направле-

нию к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги. Взял он с собою Киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов Лесных народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами да белыми ж меринами, да белыми ж соболями. За то, что Ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности, вместе со своими Ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его, Инальчи, царевну Чечейген. Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата — Торельчи, а царевну Алаха-беки отдали в замужество к Онгудцам. Милостиво обратясь к Чжочи, Чингис-хан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство». И повелел так.

§ 240. Борохул же был послан против Хори-Туматского племени. Хори-Туматами правила, по смерти своего мужа, Дайдухул-Сохора, — Ботохой-Толстая. Достигнув их пределов, Борохул-нойон, с тремя людьми, пошел вперед своего войска. Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной тропинке, Туматские дозорные в тылу у него устроили засаду на этой самой тропе, захватили его и убили. Узнав об убийстве Борохула, Чингис-хан очень разгневался и стал сам собираться в поход на Туматов. Насилу его отговорили Боорчу с Мухалием. Тогда он послал Дорбетского Дорбо-Докшина и наказал ему: «В строгости держи войско и попробуй, молясь Вечному Небу, покорить Туматское племя». Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся Туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, обманув неприятеля этим ложным движением, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами. Когда же и лучшие из ратников стали колебаться, он приказал отборным ратникам нести наготове по десяти прутьев для понукания отстающих. Вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом, он приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно Туматов и полонил их.

§ 241. Тут же, у Ботохой-Толстой, в плену у Туматов находились и Хорчи-нойон с Худуха-беки. Пленение же Хорчи произошло при следующих обстоятельствах. Чингис-хан разрешил ему взять себе в жены тридцать самых красивых Туматских девушек. Он и поехал за Туматскими девушками. Тогда покорившиеся было перед тем Туматы восстали и захватили нойона Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чингис-хан послал к Туматам Худуху, как хорошего знатока Лесных народов. Но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно Туматский народ, Дорбо отдал сотню Туматов семейству Борохула в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худуха-беки.

§ 242. Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созиданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев». В виду этого

он, выделяя уделы, дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодаю — 5000, Толую — 5000, Хасару — 4000, Алчидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт. Потом говорит: «А Даритай (-отчигин) был на стороне Кереитов. Долой его с глаз моих! Истребить». Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали говорить ему: «Это ли не значило бы угашать свой собственный очаг или разрушать свой собственный дом! Ведь он единственный дядя твой и заветная память твоего блаженного родителя. Уничтожить его — как можно допустить подобное? Прости же неразумному, и пусть вьется дымок над детским кочевьем твоего блаженного родителя!» Долго они уговаривали его, один за другим, и так горячились и сокрушались, что дым шел из ноздрей. Наконец, вспомнил он своего блаженного родителя и, успокоенный речами Боорчу с Мухалием, сказал: «Ну пусть будет так!»

§ 243. Чингис-хан продолжал: «Отдавая в удел матери с Отчигином 10 000 юрт, я приставляю к ним четырех нойонов: Гучу, Кокочу, Чжунсая и Аргасуна. К Чжочию приставляю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю — троих: Харачара, Мунке и Идохудая». И еще говорил Чингис-хан: «Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Коко-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его и утром и вечером». К Огодаю он приставил двоих: Илугея и Дегея. К Толую — Чжедая и Бала и к Алчидаю — Чаурхана.

§ 244. У Хонхотанского Мунлик-эчиге было семеро сыновей. Старший из семерых, по имени Кокочу, был Теб-Тенгри, волхв. Эти семеро Хонхотанцев стакнулись как-то и избили Хасара. Тот пал на колени перед Чингис-ханом и стал ему жаловаться. Но попал он как раз под сердитую руку, и говорит ему Чингис-хан: «Слывешь непобедимым, а вот и оказался побежденным». Роняя слезы, Хасар поднялся и ушел. В сердцах он три дня не был у Чингис-хана, а тем временем Теб-Тенгри говорит Чингис-хану: «Вечный Тенгрий вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться». Под влиянием этих наговоров, Чингис-хан в ту же ночь выехал, чтобы схватить Хасара. Но Гучу с Кокочуем предупредили об этом мать, и она тотчас же, следом за ним, выехала в крытом возке, запряженном белым верблюдом. Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингис-хана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него шапку и пояс, подвергал его допросу. Будучи так накрыт матерью, Чингис-хан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава, отдала ему шапку с поясом и, не в силах унять своего раздражения, присела на корточки, растегнулась и, выложив обе груди на колени свои, говорит: «Видите? Вот груди, которые сосали вы. О пожиратели материнской утробы, о братоубийцы! Что сделал вам Хасар? Темучжин опорожнил когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар — меткой стрельбой и силой.

Кто в перестрелку вступал,
Тех покорял он стрельбою.
Тех, кто робел перед битвой,
Выстрелом вверх забирал!

Не за то ли и возненавидели вы Хасара, что это он раздавил врагов!» Успокоив мать, Чингис-хан сказал: «Страшно и стыдно мне материнского гнева. Давай уедем!» И они уехали. Однако потом он, тайно от матери, отобрал у Хасара людей, оставив ему только 1400 юрт. Но мать узнала, и огорчение этим поступком ускорило ее кончину. А Чжалаирский Чжебке с испугу бежал в страну Баргузинскую.

§ 245. После этого случая стали собираться к Теб-Тенгрию поддавные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуге-Отчигина в таковом народном движении. Тогда Отчигин отправил своего посла Сохора потребовать обратно своих беглых холопов. Но Теб-Тенгрий, всячески надругавшись над послом Сохором, отослал его обратно пешком, заставив нести на спине свое седло, и сказал при этом: «Будешь послом как раз под пару Отчигину!»[1] Вынужденный принять обратно своего посла в таком уничижении, Отчигин на другой же день отправился к Теб-Тенгрию сам и сказал: «Посла Сохора вы с поношением отправили обратно пешим. Требую своих крепостных!» При этих его словах семеро Хонхотанцев обступили его со всех сторон и говорят: «А в праве ты был посылать своего посла Сохора?» В страхе, как бы они чего над ним не сделали, Отчигин-нойон ответил: «Да, я тут поступил неправильно, виноват!» — «А раз виноват, то проси прощения на коленях!» И велели ему стать на колени сзади Теб-Тенгрия. Крепостных, конечно, ему не отдали, и Отчигин на следующее утро чуть свет отправился к Чингис-хану. Когда он вошел, Чингис-хан еще лежал в постели. Отчигин пал на колени и со слезами сказал: «К Теб-Тенгрию стали стекаться крепостные всех девяти языков. И вот я послал к Теб-Тенгрию своего посла Сохора потребовать обратно своих собственных крепостных. Когда же он, всячески оскорбив моего посла Сохора, выслал его обратно пешим с седлом на спине, я сам отправился требовать их. Но семеро Хонхотанцев обступили меня со всех сторон и заставили просить прощения у Теб-Тенгрия, стоя сзади него на коленях». Рассказывая все это, он рыдал. Чингис-хан не успел еще произнести ни слова, как Борте-учжин привстала на постели и села, прикрывая грудь свою концом одеяла. Слезы закапали у нее из глаз, как только увидала она, что Отчигин в самом деле плачет. И она заговорила: «Что же это они делают, эти Хонхотанцы! Только на днях стакнулись и избили Хасара, а теперь опять. Как смеют они ставить позади себя на колени Отчигина? Что это за порядки такие? Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, подобных лиственницам или соснам. Ведь несомненно, что долго ли, коротко ли:

Падет как увядшее древо
Тело твое, государь.

[1] Трудно передаваемая игра слов.

Кому же дадут они править
Царством смятенным твоим?
Столпом сокрушенным падет
Тело твое, государь.
Кому же дадут они править
Царством разбитым твоим?

[«Когда, подобно высохшему дереву, падает твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится разметанной конопле? Когда, подобно колонне, обрушится твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится стае птиц»].

Как дадут они мне, худо-бедно, вырастить трех-четырех малюток моих, эти люди, способные извести даже и братьев твоих, подобных лиственницам или соснам? Что же это такое творят Хонтотанцы! И как можешь ты спокойно смотреть на такое обращение с своими же братьями?» После этих слов Борте-учжины Чингис-хан сказал Отчигину: «Теб-Тенгрий ужо явится. Я разрешаю тебе поступить с ним по своему усмотрению». Тогда Отчигин встал, отер слезы и, выйдя, поставил наготове трех борцов-силачей. Вскоре же является Мунлик-отец со своими семерыми сыновьями. Все входят, причем Теб-Тенгрий усаживается справа от Винницы. Но тут же Отчигин хватает его за ворот: «Вчера ты, — говорит он, — вчера ты заставлял меня молить о прощении. Давай же попытаем жребия!» И, держа его за ворот, поволок к дверям. Теб-Тенгри, в свою очередь, схватил его за ворот, и началась борьба. Во время борьбы Теб-Тенгриева шапка упала перед самым очагом. Мунлик-отец поднял шапку, поцеловал и сунул к себе за пазуху. Тут Чингис-хан и говорит: «Ступайте меряться силами на дворе!» Отчигин потащил Теб-Тенгрия, а тем временем стоявшие наготове, в сенях за порогом, трое борцов переняли у него Теб-Тенгрия, выволокли на двор и разом переломив ему хребет, бросили у края телег на левой стороне двора. Отчигин же вернулся в юрту и говорит: «Теб-Тенгрий заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать моего приглашения попытать жребья: притворяется лежачим. Видно, что друг он на час!» Сразу понял Мунлик-отец, в чем дело, слезы покапали из глаз его, и он говорит: «Нет у Великой Матери Земли-Этуген столько камьев, нет у моря и рек столько ручьев, сколько было моих дружеских услуг!» При этих словах шестеро его сыновей, Хонхотанцев, загородив дверь, стали кругом очага, засучив рукава. Все более теснимый ими Чингис-хан, со словами «Дай дорогу, расступись!», вышел вон. Тут Чингис-хана обступили стрельцы и дневной караул гвардии. Он увидал Теб-Тенгрия, который валялся с переломленным хребтом с краю телег. Приказав принести с заднего двора запасную серую юрту, он велел поставить ее над Теб-Тенгрием, а затем, приказав заложить подводы, укочевал с этого места.

§ 246. Людям было приказано сторожить юрту, поставленную над Теб-Тенгрием, закрыв дымник и заперев двери. И вот в третью ночь, на рассвете, дымник раскрылся, и он вознесся телесно. Стали дознаваться по приметам, и дознались, что тут дело в его волховстве. Чингис-хан сказал при этом: «Теб-Тенгрий пускал в ход руки и ноги на братьев моих. Он распускал между ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что

Тенгрий не взлюбил его и унес не только душу его, но и самое тело!» Потом Чингис-хан гневно стал выговаривать отцу Мунлику: «Ты не удерживал нрава своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплатились головой Теб-Тенгрия. Давно бы с вами было поступлено по образу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!» Долго бранил он отца Мунлика, а под конец и говорит: «Было бы недостойно и стыдно утреннее слово менять вечером, а вечернее слово менять утром. Так уж и быть: данное слово крепко!» И уже милостиво присовокупил: «Кто мог бы равняться с Мунликовой породой, не будь у нее таких широких замашек». Когда не стало Теб-Тенгрия, Хонхотанцы присмирéли.

XI. ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО КИТАЯ, СИ-СЯ, ТУРКЕСТАНА, БАГДАДСКОГО ХАЛИФАТА и РУСИ

§ 247. Затем, в год Овцы, Чингис-хан выступил в поход против народа Китад. После занятия Фу-чжоу и переправы через Хунегенский перевал (Ехулин, в 30 ли к западу от Калгана) он занял Сюнь-дэ-фу и выслал далее передовой отряд под командою Чжебе и Гунгунека. Достигнув Чабчияла (Цзюй-юн-гуань), который оказался сильно укрепленным, Чжебе отступил с намерением вызвать этим способом выступление неприятеля и дать ему бой. Заметив его отступление, Китадское войско на самом деле двинулось его преследовать, выступив из крепости и запрудив до самой горы всю долину реки. Между тем Чжебе, дойдя до Сюнь-дэ-фуского мыса, повернул обратно и стремительной лавиной обрушился на рассыпавшегося в беспорядке неприятеля. В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингис-хан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска, состоявшие из Хара-Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев. Тут до самого Чабчияла пошло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья. Когда Чжебе взял крепость Чабчиял и перешел перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ширадеке (совр. Нанькоу). Он осадил Чжунду (совр. Пекин или Бей-пин), а для осады других городов послал особые отряды. Чжебе был отряжен для осады Дун-чана (Дун-цзин, т. е. Восточная столица). Подойдя к Дун-чану и осадив его, Чжебе в виду невозможности его прямого захвата, отступил на расстояние в шесть суток пути, внезапно повернул назад и, пройдя это расстояние ускоренным ходом, при заводных конях, захватил город Дун-чан внезапным нападением.

§ 248. По взятии города Дун-чана, Чжебе возвратился обратно и присоединился к Чингис-хану. Во время осады Чжунду Алтан-хановский вельможа, Вангин-чинсян, представил своему государю такой доклад: «Не пробил ли час падения династии соизволением на то неба и земли? Монголы, чрезвычайно усилившись, разбили наши главные части Хара-Китадские, Чжурчедские и Чжуинские и полностью их истребили. Они захватили и наш опорный пункт Чабчиял. Если теперь мы вновь соберем и снарядим войско

и оно опять будет разбито Монголами, то несомненно рассеется по своим городам и деревням. Дальнейшие сборы окажутся невозможными в такой же мере, в какой невозможным станет и заключение мира с неприятелем. Не соблаговолит ли посему Алтан-хан согласиться на временное перемирие с Монголами. А когда Монголы примут наши мирные предложения и уйдут, тогда мы поведем с ними иные речи. Кстати же у Монголов, как слышно, и люди и лошади сильно страдают от непривычно жаркого климата. Дадим же их хану царевну, а военоначальникам и ратным людям золота, серебра, тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся ли они на такие мирные предложения?» Одобрив и утвердив этот доклад Вангин-чинсяна резолюцией «быть по сему», Алтан-хан вступил с Чингис-ханом в мирные переговоры. Он отправил к Чингис-хану для ведения переговоров Вангин-чинсяна, выслав с ним из Чжунду царевну, или гун-чжу, для Чингис-хана, а также золота, серебра, тканей и всяких товаров для войска в таком количестве, какое только им было под силу увезти с собою. Согласившись на эти мирные предложения, Чингис-хан снял осаду городов и, отозвав войска, ушел, причем Вангин-чинсян провожал его до мыса, называемого Мочжоу-Фучжоу. Наши солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже вьюки перевязывали шелковыми кипами.

§ 249. В этот же поход побывали и у народа Хашин (Хэ-син, Си-ся). Когда подступали к его пределам, Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингис-хана царевну, по имени Чаха, и предложил свои услуги быть у Чингис-хана правой рукой. Кроме этого, Бурхан сообщал: «Ужасались мы слухом о славном имени Чингис-хана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдать? Кочуем мы недалеко,[1] а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоем
Явно врага не нагнать нам;
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно.

[«Когда случатся спешные походы или жаркие боевые схватки, то мы в спешном походе — не в силах угнаться, а в жарких схватках не в силах противостоять...»]

А потому вот о чем мы, Тангуты, просили бы соизволения государя Чингис-хана:

Сделай-ка нас ты своею прислугою.
Много верблюдов тебе мы пригоним,
Вырастив их на ковыльных просторах.
Сукон и тканей тебе мы доставим,

[1] То есть, живем мы оседло.

Сбколов будем прилежно учить мы,
Лучшую птицу к тебе высылая».

[«Среди высоких дересунов-ковылей откормим и пригоним тебе множество верблюдов; будем служить у тебя оруженосцами — хя, будем ткать для тебя сукна и прочие ткани; будем добывать ловчих птиц, обучать их и наилучших поставлять тебе».]

Так докладывал Бурхан. И он сдержал свое слово: собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам.

§ 250. В один поход были приведены к покорности Китадский Алтан-хан, с которого взято множество тканей, и Хашинский Бурхан, доставивший нам множество верблюдов. Итак, в год Овцы (1211) Чингис-хан, покорив Китадского Алтан-хана, по имени Ахутая, и Тангутского Илахубурхана, расположился кочевьем в Саари-кеер.

§ 251. Затем, Чингис-хан вторично выступил в поход против Китадского Алтан-хана Ахутая за то, что он учинил препятствия нашему посольству во главе с Чжубханом, посланному для мирных переговоров с Чжао-Гуанем (т. е. государем династии Сун, по фамилии Чжао). Он говорил: «Как смели они, находясь с нами в мире, не пропускать нашего мирного посольства к Чжао-Гуаню?» Выступив в поход, Чингис-хан направился к Тунгуаньскому проходу, а Чжебея отрядил через Чабчиял. Узнав, что Чингис-хан намерен пройти через Тунгуаньскую заставу, Алтан-хан возложил командование войсками на трех военачальников: Иле, Хада и Хобегетура. Выслав передовой заслон под командою Улаан-дегиленя, он приказал Иле, Хадаю и Хобегетуру итти спешным походом и, таким образом, не допустить взятия Тунгуаньского прохода и перехода Монголов через его перевал. Китадские войска подоспели как раз к тому времени, как мы подходили к Тунгуаньскому проходу. Тогда Чингис-хан вступил в бой с войсками Хадая, Иле и Хобегетура и потеснил Иле и Хадая. Тулуй же с Чугу-кургеном ударили наперерез (с фланга) и вынудили к отступлению Улаан-дегиленя. Тесня войска Иле и Хадая, наши разбили их, и началось такое истребление Китадцев, как будто бы мы ломали сухие сучья. Узнав о полном поражении своих войск, Алтан-хан бежал из Чжунду в Наньгин (Бянь-лян, т. е. Южная столица). Уцелевшие Китадские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо. «Толуй с Чугу-кургеном действовали прекрасно!» — сказал Чингис-хан и оказал обоим великие милости.

§ 252. Остановившись в Хэ-си-ву,[1] Чингис-хан расположил войска в Шара-кеере, близ Чжунду, Чжебе же, разрушив Чабчияльские укрепления и взяв Чабчиял, отвел войска и присоединился к Чингис-хану. Оказалось, что, покидая Чжунду, Алтан-хан оставил в нем своим наместником «Лю-шоу» вельможу Хадая. Чингис-хан отправил в Чжунду Онгурабавурчи, Архай-Хасара и Шиги-Хутуху, поручив им подсчитать наличность золота и серебра, а также поштучно проверить наличность тканей. Когда они подъезжали, Хада вышел к ним навстречу, захватив с собою из Чжундуских кладовых шитые золотом узорчатые ткани для встречных подношений. Тут Шиги-Хутуху сказал Хадаю: «Раньше эти вещи, как

[1] По П. Кафарову, местечко между современным Пекином и Тяньцзинем.

и самый Чжунду, были ведь Алтан-хановы. А ныне Чжунду — Чингис-ханов. Как же ты смеешь, крадучись как вор, раздавать Чингис-ханово добро?» И сказав так, Шиги-Хутуху не принял подарков, а Онгур-бавурчи с Архай-Хасаром приняли. Проверив поштучно наличность запасов, все трое вернулись, и когда Чингис-хан стал спрашивать у Онгура, Архая и Хутуху, не дарил ли им чего Хада, то Шиги-Хутуху и говорит: «Он принес и одаривал нас златотканными травчатыми шелками. Но я сказал ему: „Прежде этот Чжунду был Алтан-ханов, а теперь — Чингис-ханов. Зачем же ты, Хада, крадучись как вор, раздаешь Чингис-ханово добро?“ И я не принял подарков, но Онгур с Хасаром приняли его подношения». Тогда Чингис-хан сделал очень строгий выговор Онгуру с Архаем, а Шиги-Хутуху милостивейше соизволил сказать: «Ты держишь в мыслях твоих Великую Ясу — Еке-Йосу. Не ты ли, Шиги-Хутуху, — око смотрения моего и ухо слышания моего!»

§ 253. Вступив в Наньгин, Алтан-хан отправил к Чингис-хану посольство, униженно прося мира и выслав своего сына с сотнею дружины его для службы в гвардии Чингис-хана. Приняв его мирные предложения, Чингис-хан, предполагая сам возвратиться через Чабчиял, отрядил Хасара с войском Левого корпуса, дав ему такое поручение: «Следуя вдоль по берегу моря, привести к покорности город Бегин (Да-дин-фу, т. е. Северная столица). Далеё следовать через земли Чжурчедского Фухано и, в случае его сопротивления, покарать, а в случае миролюбивого приема пройти мимо его пограничных городов, направиться по берегу рек Ула и Нау, затем перейти в ее верхнем течении реку Таоур и присоединиться к главным силам, в Великом Ауруxе». Вместе с Хасаром из нойонов были отряжены Чжурчедай, Толун-черби и Алчи. Приведя к покорности город Бегин, замирив Чжурчедского Фухано путем переговоров, Хасар, покорив попутные города, перешел в верховьях реку Таоур и соединился на стоянке с Великим Аурухом.

§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингис-хановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: «Пойду войною на Сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшенья моих златоцарственных поводьев?» Перед тем как ему выступить в поход, ханша Есуй обратилась к нему с таким словом: «Государь, каган!

О благе народном все мысли твои:
Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широкие ль реки ты вплавь переходишь,
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.

Но в мире не вечно ведь все, что родилось.

Как семя, народ твой развеется,
Когда упадешь ты, владыко,

Как падает в бурю высокое древо.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Как стая испуганных птиц, разлетится
Народ твой, когда, попятнувшись,
Падет его царственный столп и опора.
Кому же ты царство свое завещаешь?

[«Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышлял ты заботливо о многолюдном царстве своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц?..»]

Чье имя назовешь ты из четверых твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоем для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас недостойных. Да будет на то твое царское изволение!» Когда она так представила государю, Чингис-хан соизволил сказать: «Даром что Есуй — женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!

Сам же я видно забылся.
Будто за предками мне не итти!
Сам же я видно заспался.
Будто бы смерть и меня не возьмет!

[«А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть!..»]

Итак, — продолжал он, — итак старший мой сын — это Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай!» Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?»[1] При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадая за ворот, говорит: «Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за вороты, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали — Чаадая, и разнимают. А Чингис-хан — ни слова. Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки: «Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было:

Небо звездное бывало
Поворачивалось —

[1] Трудно передаваемый намек иносказанием.

Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложилися,
Все добычей поживлялися.
Мать широкая земля
Содрогалася —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переведывались.
Друг на друга всяк посягал
Вольной волею никто не живал.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать?
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы-матери!
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною!
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало?
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?
Вас под сердцем своим она выносила!
Коли мать прогневишь,
То ничем не согреть
Охладевшей души.
Всех вас чревом своим породила она!
Коли мать огорчишь,
Не развеять ничем
Материнского горя.
Родитель твой, царь,
Великий улус созидая,
Черной своей головы не щадил,
Черную кровь свою ведрами лил;
Черных очей никогда не смежая,
Тонких ушей на подушку не клал,
На рукаве он при нужде дремал,
Жажду слюною своей утоляя,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался.
В те поры как государь подвизался,
Вместе трудилась и мать ваша с ним.
Высоко бывало причешется,
Пояс повыше подтянет.
Плотно бывало причешется,

Пояс потуже затянет.
Вот как бывало растит она вас:
Что взглотнуть бы самой —
В рот половину вам сунет.
В рот положить бы себе —
Все вам одним отдаст.
Голодом ходит бывало.
Дума-забота одна у нее:
Как бы за плечи вас вытянуть,
С мужами в ровень поставить,
Как бы за шею вас вытянуть,
Людям в обиду не дать вас.
Мыла все вас она, чистила,
Крепко вас на ноги ставила.
До молодецких плечей дотянула,
К конской стати пригнала.
Наша священная мать и царица
Светлому солнцу душою подобна,
Мыслью ж, как море, она широка».

[«Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда. Некогда было раздумывать — надо было вместе дело делать. Некогда было бежать — надо было вместе биться. Некогда было миловáться — приходилось смертным боем биться. Ты же так говоришь, что у своей матери убавляешь масло ее благоволения; так говоришь, что у священной государыни сквашиваешь молоко ее сердца. Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладеет к вам, и никогда того не исправить. Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда уж не развеять. Государь ваш родитель вот как созидал всенародное царство: черной головы своей не щадил (?), черную кровь свою щедро лил (?), черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки, полу подстилал; слюной своей жажду утолял, десной между зубов голод унимал, со лба его пот лил до самых подошв, а от подошв до лба поднимался. В упорных трудах его, с подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же ваша: плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-нàсильно подпоясывалась и вот как растила вас: что самой проглотить — половину вам отдаст; что кусок откусить — то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как бы вас за плечи вытянуть да с мужами поровнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала-обчищала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мериновых статей. Разве не помышляет она: теперь только и нагляжусь на своих деток. Священная государыня наша светла душой — словно солнце, широка мыслию — словно озеро».]

Так сказал Коко-Цос.

§ 255. Тогда обратился к сыновьям Чингис-хан: «Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!» Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: «Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья. Вот и будем мы парою служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить,

пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодая бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!» На эти слова Чингис-хан заметил: «А ты, Чжочи, что скажешь?» Чжочи, говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!» — «К чему же, — говорит Чингис-хан, — к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам — для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними сталось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!» Так сказав, он обратился к Огодаю: «А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!» Огодай сказал: «Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится „хоть ты их травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом обложи — собаки есть не станут!“ Не выйдет ли тогда дело по пословице: „Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!“ Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!» «Вот это дело говорит Огодай — сказал Чингис-хан. — Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!» Толуй отвечал: «А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!» Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один — и наследием Отчигина, один же — и наследием Бельгутая. В таковом-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление — неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?» Так он соизволил повелеть.

§ 256. Собираясь в поход, Чингис-хан отправил к Тангутскому Бурхану посла с такою просьбой: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои златые бразды». Не успел еще Бурхан дать ответа, как Аша-Гамбу и говорит: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!» И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом. Тогда Чингис-хан сказал: «Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-

Гамбу? За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!»

§ 257. Вслед затем, в год Зайца (1219), Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский народ. С собою в этот поход он взял из ханш Хулан-хатуну, а управление Великим Аурухом возложил на младшего брата, Отчигин-нойона. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая, а за Субеетаем — отряд Тохучара. Отправляя этих трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана, так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его земледельцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и в свою очередь нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин. Чингис-хан же, пройдя вверх по течению реки Шин и разорив Баткесен, ушел. Достигнув речек Эке-горохан и Геун-горохан, он раскинул стан в степи Баруан-кеер. Преследовать Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика он послал Чжалаирского Бала. Всемилостивейше он похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: «Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе-Пикой!» Тохучара же за то, что он самочинным разорением городов втянул в войну Хан-Мелика, Чингис-хан совсем уж было приговорил к смертной казни, но потом, сделав ему строжайший выговор, отставил от командных должностей и тем ограничил его наказание.

§ 258. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингис-хан отправил Чжочи, Чаадая и Огодая, приказав им переправиться через реку Амуй и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города. Когда Чжочи, Чаадай и Огодай, донося Чингис-хану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командою им состоять, Чингис-хан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая.

§ 259. Тем временем, покорив город Отрар, Чингис-хан двинулся оттуда и осадил город Семисгяб. А отсюда пошел осаждать город Бухар. Затем, в ожидании прибытия Бала, он проводил лето в летней резиденции Солтана, в горах у речки Алтан-горохан. Оттуда он послал Толую извещение: «Время жаркое. Расположи должным образом войска, а сам присоединяйся к нам». Как раз в эту пору Толуй взял города Иру, Исепур и другие. Разгромив город Систен, он громил город Чухчерен, когда прибыл посол с этим известием. Разрушив город Чухчерен, он вернулся на стоянку и присоединился к Чингис-хану.

§ 260. Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингис-хана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингис-хан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадая, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингис-ханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившиеся царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь сознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить воли царевичей. Не признаешь ли ты за благо, государь, принять теперь царевичей!» Когда они так доложили, Чингис-хан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принялся их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих. До того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингис-хану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: «Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житью, наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, натравил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть, говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!» Когда они так докладывали, государь все возражал, но при этих последних словах смягчился Чингис-хан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и повелел Адаркидайцу Хонхаю и Долунгирцу Хонтохору оставаться при нем, а Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана.

§ 261. Затем, он отправил в поход и Дорбетца Дорбо-Докшина на город Абту, принадлежащий народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад.

§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжи-

гит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура.

§ 263. После окончательного покорения Сартаульского народа Чингис-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов. В это время явились к нему из города Урунгечи двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингис-ханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Йосун. Посему он и поручил сыну его, Масхут Харумшию, совместно с нашими даругачинами, ведать городами Бухар, Семисген, Урунгечи, Удан, Кисхар, Уриян, Гусендарил и прочими. А Ялавачия увез с собою и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом.

§ 264. Среди Сартаульского народа Чингис-хан провел семь лет. Тут он дождался возвращения Чжалаиртайского Бала, который, переправясь через реку Шин, преследовал Чжалалдин-Солтана и Хан-Мелика до самой Хиндусской земли. Потеряв с ними соприкосновение, в поисках беглецов он дошел даже до середины Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный Хиндусский народ и набрав множество верблюдов и легченых козлов, прибыл к Чингис-хану. Тогда государь Чингис-хан вернулся на родину, проведя на пути одно лето на Эрдиши, и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах, в Тульском Темном Бору — Хара-тун.

XII. СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА. ЦАРСТВОВАНИЕ ОГОДАЯ

§ 265. Порешив итти на Тангутов по окончании зимнего периода того же года, Чингис-хан провел новый переучет войска и осенью года Собаки (1226) выступил в поход на Тангутов. Из ханш за государем последовала Есуй-хатун. По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингис-хан сидел верхом на коричнево-сером коне. При налете хуланов, его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделали остановку в урочище Цоорхат. Прошла ночь, а на утро Есуй-хатун сказала царевичам и нойонам: «У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение». Тогда царевичи и нойоны собрались на совет, и Хонхотайский Толун-черби подал такое мнение: «Тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища? Ужели они решатся бросить свои насиженные места? Поэтому нам следовало бы отступить, а по излечении

государя от недуга, снова выступить в поход». Все царевичи и нойоны одобрили это мнение. Когда же представили его на усмотрение государя, Чингис-хан сказал: «Тангуты чего-доброго подумают, что мы ушли из трусости. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее, чем пошлем к Тангутам посла и тут же в Цоорхатах дождемся от них ответа и сообразим его». Тут же он продиктовал послу следующее: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими Тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на Сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и, с помощью Вечного Неба, обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета». На это послание Бурхан отвечал послу: «Оскорбительных слов я не произносил!» Но тут вмешался Аша-Гамбу и говорит: «Это я произнес оскорбительные слова! А теперь, если вы, Монголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне. Там и сразимся мы. Если же вам нужны золото с серебром да ткани с товарами, то идите в Эрихай (Нин-ся), в Эричжоу (Си-лян)». Такой ответ он дал послу. Когда этот ответ доложили Чингис-хану, он, все еще больной, сказал: «Довольно! Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи? Меня и мертвого стали бы преследовать эти надменные слова! За них и идем. Да будет воля Вечного Неба!» Стремительно двинувшись на Алашай, он разбил в сражении Аша-Гамбу, загнал в Алашайские горы и там захватил его самого и в прах развеял и полонил его народ с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами. Истребив Тангутских витязей и Бинсайдов их, он отдал всех прочих Тангутов на поток и разграбление войску.

§ 266. Проводя лето в снежных горах, Чингис-хан, разослав отряды, приказал до конца выловить тех Тангутов с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами, которые при отступлении Аша-Гамбу вместе с ним забрались в горы. Боорчу с Мухалием он при этом милостиво разрешил брать, сколько хватит сил. Сверх того повелеть соизволил: «Я жаловал Боорчу с Мухалием, но еще не давал им доли из Китадской добычи. Разделите же вы между собою пополам Китадских Чжуинцев. Их благородных юношей берите себе в сокольничие и в свиту свою. А благородных девиц приучайте служить сенными девушками при женах ваших. Ведь Харакиданьские Чжуинцы были излюбленными и доверенными людьми у Китайского Алтан-хана. Ну, а у меня излюбленными и доверенными людьми состоите вы, Боорчу с Мухалием!»

§ 267. Из снежных гор Часуту Чингис-хан двинулся к городу Урахай и осадил его. Выступив же из Урахая, он предпринял осаду города Дормехай (Лин-чжоу), когда явился к нему просить аудиенции Бурхан. Готовясь к представлению Чингис-хану, Бурхан подобрал для подношения государю, подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей

в девятикратном числе, как то: золота с серебром, посуды с утварью, юношей с девушками, меринов с верблюдами и, во главе всего этого, золотые кумирни. И вот, разрешив ему представиться, государь принял Бурхана в сенях, за дверьми. Во время же этой аудиенции Чингис-хан почувствовал себя дурно. На третий день после аудиенции Чингис-хан соизволил повелеть: «Переименовать Илуху-Бурхана в Шидургу-Честного. А так как вместо Илуху-Бурхана будет теперь на свете Шидургу-Честный, то Чингис-хан и повелевает проводить на тот свет Илуху. Проводить же его на тот свет повелевается лично Толун-чербию!» Когда Толун-черби доложил государю, что он наложил руки на Илуху и покончил с ним, Чингис-хан соизволил повелеть: «Когда я шел потребовать отчета у Тангутского народа и по дороге предпринял известную облаву на Арбухайских хуланов, то никто иной, как Толун-черби, подал мнение о необходимости прежде всего излечить мою болезнь. Так он болел душою о моем здоровье! Ныне Вечное Небо умножило мои силы и предало в руки мои такого друга, который прислал мне яду в речах своих. Мы совершили свое отмщение. Пусть же возьмет Толун себе в дар тот походный дворец, вместе со всею утварью, который доставил сюда Илуху».

§ 268. Разгромив Тангутский народ и покончив с Илуху-Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: «Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — мухули-мусхули угай болган, то пусть напоминают мне о таковом поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: «Мухули-мусхули угай!» Дважды ополчаясь на Тангутский народ за нарушение данного слова, Чингис-хан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и воспел на небеса в год Свиньи (1227). Из Тангутской добычи он особо щедро наградил Есуй-хатун при самом отшествии своем.

§ 269. В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арал'е собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичи Левой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингис-хан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего — кебтеулов, стрельцов и 8000 турхаутов: «Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов». Точно таким же образом он передал во власть Огодая и Голун улус (удел центра).

§ 270. Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешиктенов и Центральною частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно также он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетаю, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было

поручено еще при Чингис-хане, а именно — народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кеибе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья». При этом Огодай-хан присовокуплял: «Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю. По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том, чтобы нам, со всею ревностию к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие».

§ 271. Затем, Огодай-хан послал испросить совета у старшего своего брата Чаадая, которому сообщал: «Воспринял я все уготованное родителем Чингис-ханом. И спрашивается: ради каких же достоинств своих? Посему я испрашивал бы совета и согласия у брата своего Чаадая, не выступить ли мне в поход на Китай, так как государь наш батюшка оставил незаконченным дело покорения Алтан-хана Китадского». Одобряя это намерение, Чаадай отвечал: «Зачем откладывать дело в долгий ящик? Поставьте хорошего человека в Ауруке и выступайте, а я пошлю войско отсюда». Тогда Огодай-хан оставил Олдахара правителем Великой орды—Еке Ордос.

§ 272. Сам же Огодай-хан, в год Зайца (1231), выступил в поход на Китай. Чжебе был отправлен передовым. Огодай-хан сразу же разгромил Китадскую рать и, ломая ее как сухие сучья, перешел через Чабчияльский перевал и разослал в разные стороны отряды для осады различных Китадских городов. Но тут Огодай-хана постигла болезнь: у него отнялся язык. В великом беспокойстве созвали китадских шаманов и приказали им ворожить. Ворожба показала, что это жестоко неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод, неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ, а также вследствие разрушения принадлежащих им городов и деревень. Пробовали посредством гадания по внутренностям животных вопрошать духов, не желают ли они принять в качестве выкупа-

дзолик — золота с серебром, или скота и всякого съестного. Но было отвечено, что на этих условиях не только не успокоятся, но еще сильнее будут неистовствовать день и ночь. Когда же затем, посредством того же гадания, поставили вопрос, не примут ли духи в качестве выкупа родственника больного, то в это самое время хан открыл глаза и попросил воды. Выпил он и спрашивает: «Ну, что же вышло?» Тогда шаманы доложили ему: «Духи, владыки Китадских земель и вод, жестоко неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ. Мы предложили им в качестве выкупа все, что только они могли бы пожелать. Но они соглашаются перестать только за выкуп родным человеком, а иначе угрожают поднять еще более свирепое неистовство. Докладываем об этом на усмотрение его величества». Когда они так доложили, государь спросил: «А кто при мне из царевичей?» Был же при нем Толуй, который и сказал ему: «Блаженной памяти родитель наш, государь, Чингис-хан, выбрав тебя, старший брат мой и царь, выбрав, как выбирают мерина, и ощупав, как ощупывают барана, тебе лично указал на великий царский престол и на твое величество возложил всенародное бремя. А мне ведь повелено только быть возле хана, старшего брата, чтобы будить его от сна и напоминать позабытое. И если б теперь я не уберег тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним еще ничего не случилось, но все Монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы — ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом. Читайте ж, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!» Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинания, заговорили воду, а царевич Толуй вышел и говорит, посидев немного молча: «Опьянел я сразу! Побереги же, государь и старший брат мой, побереги до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата и вдову его Беруде, побереги до тех пор, пока я не приду в себя. Все, что хотел сказать, я сказал. Опьянел!» И проговорив эти слова, он вышел вон. Дело же обстояло так, что в действительности (кончины Толуя) не последовало.

§ 273. Вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана и дал ему новую кличку — Сяосы, т. е. половой, прислужник. Набрав золота, серебра, златотканных узорчатых штофов, тканей и товаров, коней и прислуги, поставив всюду разведчиков — алгинчинов и воевод — баскаков-танмачинов, а в столичных городах, Наньгин и Чжунду, поставив даругачинов, Огодай-хан благополучно возвратился на родину и поселился в Харахоруме.

§ 274. Между тем Чормахан-хорчи привел к покорности Багдадский народ. Получив известия, что тамошняя земля хороша и славится хорошими товарами, Огодай-хан повелел Чормахан-хорчину оставаться там в должности баскака-танмачи и ежегодно поставлять ему следующие местные произведения: желтое и литое золото, златотканные парчи и штофы с золотыми вышивками, жемчуга, перламутры, длинношеих и длинноногих западных коней, темногнедых верблюдов-элеут, павлинов, верблюдов-кичидут,

вьючных мулов-хачидут и обыкновенных мулов-луусут. Посланные в помощь Субеетаю царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы Канлин, Кипчаут и Бачжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мегет, а также совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину. Относительно Есудер-хорчина, который был послан в помощь Чжалаиртай-хорчину, уже давно находившемуся в походе против Чжурчжетских Солонгосцев, относительно Есудер-хорчина последовало повеление о назначении его тамошним баскаком танма.

§ 275. Из Кипчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!» Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: «Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!» Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди».

§ 276. Из-за этого Батыева доклада государь до того сильно разгневался, что не допустил (старшего своего сына) Гуюка к себе на прием. Он говорил: «У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата.[1] Вот поставлю-ка тебя разведчиком-алгинчином да велю тебе карабкаться на городские стены, словно на горы, пока ты не облупишь себе ногтей на всех десяти пальцах! Вот возьму да поставлю тебя танмачином-воеводой да велю взбираться на стены крепко кованые, пока ты под корень не сточишь себе ногтей со всей пятерни! Наглый ты негодяй! А Аргасун у кого выучился дерзить нашему родственнику и оскорблять его? Сошлю обоих: и Гуюка и Аргасуна. Хотя Аргасуна просто следовало бы предать смертной казни. Да, скажете вы, что я не ко всем одинаков в суде своем. Что касается до Бури, то сообщить Батыю, что он отправится объясняться к (своему отцу) Чаадаю, нашему старшему брату. Пусть его рассудит брат Чаадай!»

[1] Бату — старший сын Чжочи, старший двоюродный брат Гуюка.

§ 277. Тогда приступили к нему с докладом царевич Мангай, нойон Алчидай-Хонхортай-цзанги и другие нойоны, и сказали: «По указу твоего родителя, государя Чингис-хана, полагалось: полевые дела и решать в поле, а домашние дела дома и решать. С вашего ханского дозволения сказать, хан изволил прогневаться на Гуюка. А между тем дело это полевое. Так не благоугодно-ли будет и передать его Батыю? Выслушав этот доклад, государь одобрил его и, несколько смягчившись, позвал Гуюка и принялся его отчитывать: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингис-хана, что множество — страшно, а глубина — смертоносна? То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком у Субеетая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодари ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхотай-цзангина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!» И с этими словами, он отослал его, а Бури передал в распоряжение старшего брата Чаадая.

§ 278. Затем, Огодай-хан изволил повелеть: «Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана относительно состоявших при его особе кебтеулах, хорчинах, турхаутах и всей гвардии кешиктенов, а именно: хорчины и турхауты попрежнему несут свою дневную службу на установленных постах, каковые передают еще засветло кебтеулам и кочуют вне дворца. Ночью кебтеулы занимают посты вокруг нашего дворца. После заката солнца кебтеулы задерживают на всю ночь всех прохожих. Кебтеулы, которые остановят человека, пытающегося проникнуть самовольно за ограду дворца в то время, когда все люди уже разошлись по домам, обязаны срубить тому человеку голову по самые плечи. Если кто придет ночью по спешному делу, то обязан, сказавшись предварительно кебтеулам, говорить свое дело в присутствии их, стоя с задней стороны юрты. За входом и выходом из дворца наблюдают, совместно с кебтеулами, ясаулы Хонхортай и Ширахан с товарищами. Надежен только тот кебтеул, который ни на шаг не отступает от слов приказа. Как ни был верен Эльчжигидай, но все же был схвачен кебтеулами за то, что вечером проходил мимо кебтеулов! Не дозволяется расспрашивать о числе кебтеулов. Не дозволяется проходить мимо кебтеулов или между ними. Подлежит задержанию всякий, кто попытается пройти мимо

или через кебтеулов. У того, кто будет расспрашивать о числе кебтеулов, отбирается Кебтеулами лошадь с седлом и обротью, а также и платье. Никто не смеет помещаться выше кебтеульских постов. Кебтеулы заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распоряжаются мясом для поминальных тризн. Они же хранят дворцовые юрты-телеги. Когда мы не выступаем в поход, то без нас не должны выступать и кебтеулы. Когда мы отправляемся на соколиную охоту или звериную облаву, с нами отправляется и известная часть кебтеулов, оставляя при дворцовых юртах-телегах потребное количество кебтеулов, смотря по обстоятельствам. Распорядители кочевьями, из числа кебтеулов, отводят места для стоянки Двора государева. У дверей дворца дежурят кебтеулы-дверники. Все кебтеулы находятся под ведением Хадаана-тысячника. Порядок кебтеульских очередей устанавливается следующий: в первую очередь вступают на дежурство и располагаются равными частями, справа и слева от дворца, Хадаан с Булхадаром, во вторую очередь — Амал с Чанаром, которые располагаются так же, в третью — Хадай с Хори-Хачаром, располагаясь в том же порядке, в четвертую — Ялбах с Хариударом — в том же порядке. Первые две очереди — Хадаана с Булхадаром и Амала с Чанаром — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся слева от дворца, а вторые две очереди — Хадая с Хори-Хачаром и Ялбаха с Хариударом — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся справа от дворца. Всеми этими четырьмя очередями кебтеулов ведает Хадаан. Располагаясь постами вокруг дворца, кебтеулы имеют особое наблюдение за дверьми. Хорчины-стрельцы Есунтеея, Бугидая, Хорхудаха и Лаблахая, также составляя четыре очереди, вступают в дежурство совместно с подлежащими четырьмя командами турхаудов для ношения сайдаков. Точно так же попрежнему распределяются и очереди назначенных на прежних основаниях из принцев крови старейшин турхаудских дежурств, а именно: в первую очередь вступают в дежурство со своими турхаудами старые командиры Алчидай с Хонгор-Тахаем, по взаимному соглашению; во вторую очередь, в таком же порядке, — Темудер с Гучжеем. Мангутай, имея в своем подчинении запасную команду, вступает со своими турхаудами в третью очередь. Во главе всех нойонов стоит Эльчжигидай, распоряжениям которого подчиняются все. Дежурный, пропустивший дежурство, согласно прежнему указу, наказуется тремя палочными ударами. Тот же дежурный, пропустивший дежурство во второй раз, наказуется семью палочными ударами. Тот же дежурный, в третий раз пропустивший дежурство без разрешения старейшины или не по болезни, а по другим не заслуживающим уважения причинам, признается нежелающим служить у нас и, по отбытии наказания в тридцать и семь палочных ударов, подлежит высылке в места отдаленные, с глаз долой. Если пропуск дежурства произошел вследствие несоблюдения дежурными старейшинами правила об обязательной перекличке, то ответственность падает на старейшину. Старейшины обязаны в каждую третью очередь, при смене, объявлять кешиктенам настоящий приказ. Законному взысканию подлежат лишь те провинившиеся кешиктены, которые слушали приказ.

За необъявление же приказа несут ответственность старейшины. Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить каких-либо самоуправств по отношению к ровесникам нашим кешиктенам, не доложив нам. О привлечении виновных к ответственности они обязаны представлять нам. Мы сами покараем смертною казнью тех, кто повинен смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил. Но те лица, которые, уповая на свое высокое положение, вместо доклада нам, будут прибегать к рукоприкладству, те получат должное возмездие: за кулак — кулак, и за палки — палки. Мой кешиктен по положению своему выше армейского нойона-тысячника, а котчин-оруженосец кешиктена—выше армейских нойонов-сотников и десятников. Поэтому подлежит ответственности всякий тысячник, который вздумает тягаться с моим кешиктеном».

§ 279. Затем Огодай-хан сообщил на одобрение брата Чаадая о нижеследующем: «Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингис-ханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки — на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки необременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность — ш у л е н — будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог в пользу неимущих и бедных. Затем, как можно допускать такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае, взимается и питьевая натуральная повинность — у н д а н — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подой; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядителей кочевьями, нунтукчинов, которые одновременно будут и унгучинами, заведующими конским молодняком. Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями, серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих — балагачинов и интендантских смотрителей — амучинов. В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нунтуучинов — землеустроителей по отводу кочевий. Затем, в нашем гобийском районе — Цоль гачжар — ныне никто, кроме диких зверей, не обитает. Между тем там на широком просторе могли бы селиться и люди. Посему следовало бы, по надлежащем изыскании, устроить в гобийском районе колодцы, обложенные кирпичом, возложив это дело на нунтуучинов, во главе с Чанаем и Уйгуртаем. Далее, при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — ямчины и верховые почтари — улаачины; в определенных

местах устанавливаются станции — ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу. Я полагал бы правильным возложить доклады нам по этому делу на Чаная и Болхадара, как на людей, понимающих это дело, представляя об изложенном на усмотрение старшего брата Чаадая и на его одобрение в случае признания им предложенных мероприятий целесообразными». Все эти предложения брат Чаадай, после надлежащих вопросов, одобрил и ответил: «Так именно и сделайте». При этом он присовокупил с своей стороны: «Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов».

§ 280. Тогда Огодай-хан издал следующий указ: «Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князья Левой руки; царевны и зятья Центра, а также нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники. Слушали и полностью одобрили вопросы: относительно целесообразности выдела по одной двухлетней овце с каждого стада в год в натуральную повинность — шулен — для государя, Далай-хагана; о желательности сбора по одной годовалой овце с каждой сотни овец в качестве налога в пользу неимущих и бедных; об ускорении движения послов а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления ямов и выдела ямчинов и улаачинов. В виду этого, высочайшим указом моим, по соглашению с братом Чаадаем и с его одобрения, вводится ежегодная натуральная повинность, со всего народа, со всех тысяч, по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие и по одной годовалой овце с каждой сотни овец в пользу неимущих и бедных. Учреждается выдел кобыльего стада и прикрепление к нему унгучинов — надсмотрщиков за молодняком. Учреждаются должности унгучинов, балагачинов и амучинов. Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами. При этом на каждом яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого недостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа».

§ 281. Огодай-хан говорил: «Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство) — это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрейшей доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности

алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя. Но вот и погрешности мои. Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприяв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые проистекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впадать в беззаконные упущения и пороки. Вы спросите затем, что за вина такая известна, как я извел тайно, Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предварять всех, указуя путь, на глазах моих? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе. Наконец, есть и еще вина. Из жадности я все боялся, как бы дикий зверь, который плодится изволением Неба и Земли, как бы этот зверь не перебежал к моим братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев. Итак, я прибавил четыре дела к деяниям государя-отца и в четырех же делах погрешил».

§ 282. Написано во время пребывания Двора в урочище Долоан-болдах Келуренского Кодее-арал'а, что между двумя урочищами (?) Шильгим и Цек, в седьмой месяц Хуран-сара, года Мыши (1240), во время происходившего там Великого сейма — Хурил.

ТЕКСТЫ

Moŋq̇olun Niuča Tobčaan

I

§ 1. Čiŋkis-qaq̇an-no huǰaur Deere Teŋkeri-eče jayaatu toreksen Borte-Cino aǰuu. Ḱerḱai ino Qoai-Maral aǰiai. Teŋkis ḱetulǰu ireba. Onan-muren-no teriune Burqan-qaldun-na nuntuqlaǰu, toreksen Bata-Čiqan aǰuu.

§ 2. Bata-Čiqan-no koun Tamača. Tamača-in koun Qoričar-Merḱan. Qoričar-Merḱan-no koun Auǰan-Boroul. Auǰan-Boroulun koun Sali-Qačau. Sali-Qačau-in koun Yeke-Nidun. Yeke-Nidun-no koun Sin-Soči. Sin-Soči-in koun Qarču.

§ 3. Qarču-in koun, Borǰiq̇idai-Merḱan, Moŋq̇olǰin-q̇oa ḱerḱaitu aǰuu. Borǰiq̇idai-Merḱan-no koun, Toroq̇olǰin-Bayan, Boroqčin-q̇oa ḱerḱaitu, Boroldai-Suyalbi ǰalautu, Dair Boro qoyar küluut aqtas tū bulee. Toroq̇olǰin-no koun Duwa-Soqor, Dobun-Merḱan qoyar bulee.

§ 4. Duwa-Soqor maŋlai dunda q̇aqča nidutu, q̇urban neurit q̇aǰar-a qaraqu bulee.

§ 5. Nikan udur Duwa-Soqor Dobun-Merḱaŋ deu-lue-been Burqan-qaldun deere q̇arba. Duwa-Soqor Burqan-qaldun deereče qaraǰu, Tuŋkelik-q̇oroqan huruu nikan bölek irḱan nouǰu oroǰu aisuqui qaraǰu uǰeǰu,

§ 6. ukulerun: «Tede nouǰu aisuqun irḱen-no dotora, nikan qarautai terge-no olǰiḱe-de, nikan okin sain biyu! Ḱuun-ne ese okdeksen boesu, Dobun-Merḱan deu-deen čimada q̇uyuya!» keeǰu, Dobun-Merḱan deu-yüen uǰere ilebe.

§ 7. Dobun-Merḱan tede irḱen-dur ḱuruesu, unen-ḱu q̇oa sain, aldar nere yeke tai, Alan-q̇oa neretai, ḱuun-ne ber okdeai-uduui okin aǰuu.

§ 8. Tede bölek irḱen ber, Kol-Barq̇uǰin toḱum-un Eǰen Barqudai-Merḱan-no okin, Barq̇uǰin-q̇oa neretai okin ni, Qori-Tumad-un noyan Qorilartai-Merḱan-ne okdeksen aǰuu. Qori-Tumadun q̇aǰara Ariq-usun-na Qorilartai-Merḱan-no Barq̇uǰin-q̇oača toreksen, Alan-q̇oa neretai okin tere.

§ 9. Qorilartai-Merḱan Qori-Tumadun q̇aǰar-turiyan buluq̇an keremun ḱoree-tai q̇aǰar-iyan qorilalduǰu maoulalduǰu, Qorilar oboqtu bolǰu, Burqan-qaldun-no ḱoreesun ḱoruuli saitu, q̇aǰar sain, keen, Burqan-qaldun-no Eǰet Burqan bosqaqsan Šinči-bayan-uriyaŋqai-tur nouǰu aisun aǰuu. Qori-

Tumadun Qorilartai-Merkan-no okin, Ariq-usun-na toreksen, Alan-ġoa-i, tende ġuyuju, Dobun-Merkan-no abuqsan yosun teyimu.

§ 10. Alan-ġoa Dobun-Merkan-tur ireju, ġoyar koun toreulbi. Bukunotai, Belkunotai nereten bulee.

§ 11. Duwa-Soqor aqa ino dorben koutu bulee. Tedui atala, Duwa-Soqor aqa ino ukai boluba. Duwa-Soqor ukai boluqsano qoina, dorben kout ino, Dobun-Merkan abuġa-yüan uruqa ulu bolġan doromjilaju, qaġačaju keju nouuba. Dorben oboqtan bolju, Dorben irgen tede bolba.

§ 12. Teuno qoina nikan udur Dobun-Merkan Toqočaq-undur deere koreelere ġarba. Hoai dotora Urijaəqadai kuun jao buġu alaju, qabirġar ino abit ino širaju bukuy-i joluġaju;

§ 13. Dobun-Merkan ukulerun: «Nokor, širolġa da!» keeju, «Oksu!» keeju, aušiqitu jildu arasun ino abču, jao buġu-in miqa kubčini Dobun-Merkan-ne okba.

§ 14. Dobun-Merkan tere jao buġu-i ačiju, aisuqa jaura, nikan yadau kuun, koun-been kotolju yabuqu-i jolġaju;

§ 15. Dobun-Merkan: «Yaun kuun či?» keen asaġuasu, tere kuun ukulerun: «Bi Maaliq-Bayaudai, yadaju yabulai! Tere korcesuno miqanača nada ok, bi ene koun-been čimada oksu!» keejuu.

§ 16. Dobun-Merkan tere uke-tur jao buġu-in orele ġuya ino ququlju okču, tere koun-ni ino ačiraju, ker dotora jaruju aqu bulee.

§ 17. Tein atara, Dobun-Merkan ukai bolba. Dobun-Merkan-i ukai boluqsano qoina, Alan-ġoa, ere ukaiui boet, ġurban kout toreulbi. Buġu-Qadaġi, Buqatu-Salji, Bodončar-munəqaq nere ten bulee.

§ 18. Urida Dobun-Merkan-eče toreksen Belkunotai, Bukunotai qoyar kout ino eke-yüen Alan-ġoa-in ečine ukuleldurun: «Ene eke bidano, aqa-deu uye-qaya kuun ukai, ere ukaiui boetele, ede ġurban kout toreulbi. Ker dotora ġaqča Maaliq-Bayaudai kuun biyu. Ede ġurban kout teunoai bi je!» keen, eke-yüen ečine keleldukui-i eke ano Alan-ġoa uqaju;

§ 19. qabur nikan udur, konšilemel qonin činaju, Belkunotai, Bukunotai, Buġu-Qataki, Buqatu-Salji, Bodončar-munəqaq, ede tabun koudiyen jerkelen saulju, nijiel musut ququlutqun, keeju okba. Nijieli yau baiunqun? quġučiju oorba. Basa tabun musut qantu čuqlaju: ququlutqun! keeju okba. Tabuula tabun čuqtai musut kuuleldun bariju bituulju, ququlun yadaba.

§ 20. Tende Alan-ġoa eke ino ukuleba: «Ta, Belkunotai, Bukunotai, qoyar kout mino, nama-i — Ede ġurban koud-i toreulbi; keno yauno kout biyu? — keen sereldun keleldumui. Serekui ber tano job!

§ 21. «Sünit buri čaoken šira kuun kerun eruke dotoġa-in kekeer oroju, keeli mino wiliju, kekeen ino keeli-tur mino šinəkeku bulee. Qarurun,

naran sarain kiriyer, šira noqai metu šičabaljaǰu ǫarqu bulee. Deleme yekin ukulet ta? Teou-ber uqaasu, temdek ino Teөkiri-in kout biyu je. Qara teri-utu kuun-tur qanitqan yekin ukulet ta? Qamuq-un qat boluasu, qaračus tende uqat je!» keeba.

§ 22. Basa Alan-ǫoa kout-teen süyuer uke ukulerun: «Ta, tabun kout mino, ǫaqča keeli-eče toreba. Ta, tuǫarun musut metu ǫaqča ǫaqča boluasu, tere nijiel sumut (musut) metu, kene-ber qilbara ququldaqun ta. Tere čuqtai musut mete qantu, nikan eye ten boluasu, kene-ber qilbara yekin bolqun ta?» keebi. Atara Alan-ǫoa, eke ano, ukai bolbi.

§ 23. Eke-yüen Alan-ǫoa ukai boluqsan-no qoina aqa-nar deu-ner tabuula adusun idee-ben qubiyaldurun, Belkunotai, Bukunotai, Buqa-Qadaǫi, Buqatu-Salji dorbeule abulčaba. Bodončar-a-munqaq, budawu biyu, keen, uruq-a ulu toan, qubi ese okba.

§ 24. Bodončar, uruq-a ese toaqdaǰu: Ende atara yaun? keeǰu, ǫol daaritu, ǫodoli seultu oroq-šinǫula-i unoǰu: Ukuesu ino ukusukai. Aasu ino asuǫai! keeǰu, Onan muren huruu yorčiǰu talbiba. Yorčiǰu, Balǰun-aral kurču, tende ebesun embule ker kiju, tende aba sauba.

§ 25. Teyin aqui-duriyen boroqčin qarčiǫai qarqiru bariǰu iden bukui-i uǰeǰu, ǫol daaritu ǫodoli seultu oroq-šinǫula-in qilǫasun-bar huraǫalaǰu bariǰu asaraba.

§ 26. Idekui ideen ukai arun, čina-in kun-dur qorǫaqsan koreesun mariyaǰu qarbuǰu alaǰu idelduet, čina-in ideksen-ni teөkulduǰu ideed, oerun qoolai-daan, qarčiǫai-baan ber teǰiyeldun tere hon ǫarba.

§ 27. Qabur boluba. Naqod irekui caq-tur, qarčiǫai-baan teileulǰu oorba. Naqod ǫalaout —

Qoǰiulas tutun qoanšiut,
Hunǰiules tutun qunšiut
Hünistele talbiba.

§ 28. Tuiren keru-dača, Tunkelik-ǫoroqan huruu, bölek irken nouuǰu ireba. Bodončar tede irken-tur qarčiǫai-baan ooruat otču, udur esuk čileǰu, süni ebesun embule ker-duriyen ireǰu qonaqu bulee.

§ 29. Tede irken Bodončar-un qarčiǫai quyuasu, ese okba. Tede irken Bodončar-i «Kenoai ba yaunoai be?» keen asaqqu ukai, Bodončar ber tede irgen-i «Yaun irken?» keen asaulčaqu ukai yabulduba.

§ 30. Buǫu-Qadaǫi, aqa ino, Bodončar-munqaq deu-yüen, ene Onan-muren huruu odulaa, keen, erin ireǰu, Tunkelik-ǫoroqan huruu nouǰu ireksel irken-tur teyimu teyimu kuun, teyimu morin tu bulee, keen suraasu,

§ 31. tede irken ukulerun: «Kuun ber, morin ber čino suraqu-tur adali biyu. Qarčiǫai tu biyu. Udur buri man tur ireǰu, esuk čileǰu,

odumu. Sūni maqa qaa qonoaǰuu. Horene umere-eče kei boluasu, qarčiqai-bar bariylnqsan naqut ġalaoudun odun hüsun ano burġaliq časun metu butaraǰu keisču iremu. Ende oire biyu je! Edoe ireku čaq bolba. Qorumut kuliče!» keeba.

§ 32. Qoram atara Tuнkeli-ġoroqan oede nikan kuun aisun biyu. Kurču ireasu, Bodončar mun aǰuu. Buġu-Qataqi, aqa ino, uǰeed taniǰu abuat, uduritču Onan-muren oede qataraǰu yorčiǰu talbiba.

§ 33. Bodončar Buqu-Qadaġi aqa-yuan,qoinača daġaǰu qataraǰu yabuǰu, ukulerun: «Aqa, aqa! Beye teriku tu, deel ǰaqa tu sain», keeba. Aqa ino Buġu-Qadaqi tere uke ino yauna ber ese bolġaba.

§ 34. Basa mun uke ukuleesu, aqa ino yauna ber ulu bolġan, qariu ino ese doonqotba. Bodončar yabuǰu basa mun-ku uke ukuleba. Tere uketur aqa ino ukulerun; «Tuġarača mun mun yaun uke ukulemu či?» keeba.

§ 35. Tendeče Bodončar ukulerun: «Tuqarun Tuнkelik-ġoroqan-a bukun irken yeke učukan, maoui sain, teriu šira ukaiun: sačaun bi. Qilbar irken bi. Bida teden-i qauliya!» keeba.

§ 36. Tendeče aqa ino ukulerun: «Je, teyin boesu, kerturiyen kurču, aqa-nar deu-ner eyetulduǰu, tede irken-i qauluya!» keelduǰu,

§ 37. ker-turiyen kuruet, aqa-nar deu-ner kelelduǰu morilaǰu, mun Bodončar-i alġinči haulġaba.

§ 38. Bodončar alġinči haulju, dunda keeli tai eme-i bariǰu, «Yauǰin kuun či?» keen hasaqba. Tere eme ukulerun: «J̌arčiut Adanqan-Uriyanqaǰin bi!» keeba.

§ 39. Tede irken-i aqa-nar deu-ner tabuula daouliǰu, aduun, ideen-e, haran tutqara aqui sauqui-a kurba.

§ 40. Tere dunda keeli tai eme Bodončar-tur ireǰu kou torebi. J̌ad irkeno koun bulee, keen, J̌adaradai nere okba. J̌adarano ebuke tere boluba. Tere J̌adaradai-in koun Tukundai neretu bulee. Tukundai-in koun Buri-Bulčiru bulee. Buri-Bulčiru-in koun Qara-Qadaan bulee. Qara-Qadaano koun J̌amuqa bulee. J̌adaran oboqtan tede boluba.

§ 41. Tere eme basa Bodončar-ača nikan koun toreulbi. Bariǰu abuqsan eme bulee, keen, tere koun-i Baaridai nereitba. Baarino ebuke tere boluba. Baaridai-in koun Čiduqul-boko. Čiduqul-boko emes olotu bulee. Koun ino mene metu toreba. Menen-Baarin oboqtan tede boluba.

§ 42. Belkunotai Belkunot oboqtan boluba. Bukunotai Bukunot oboq tan boluba. Buġu-Qataqi Qataqin oboqtan boluba. Buqutu-Salji Saljiut oboq tan boluba. Bodončar Borǰiqin oboqtan boluba.

§ 43. Bodončar-un aburin eme-deče toreksen Barin-Siiratu-Qabiči neretu bulee. Tere Qabiči-Baaturun eke-in inje ireksen Bodončar tataǰu

bulee. Nikan koun toreba. J̌aouredai neretu bulee. J̌aouredai urida ǰukeli-tu orun bulee.

§ 44. Bodončar ukai boluqsano qoina tere J̌aoureḍai-i ker darua Adaŋga Uriyaŋqadai kuun alua, teunoai bi je, keeju, ǰukeli-deče qarqaju, J̌aoureit oboqtu boluqaju, J̌aoured-un ebuke tere boluba.

§ 45. Qabiči-Baatur-un koun Menen-Tudun bulee. Menen-Tudun-no koun Qači-Kuluk, Qačin, Qačiu, Qačula, Qačiun, Qalandai, Način-Baatur, doloan bulee.

§ 46. Qači-Kuluk-un koun Qaidu Namolun eke-deče toreksen bulee. Qačin-no koun Noyaqidai neretei bulee. Noyanšiq aburitu tula Noyaqin oboqtan boluba. Qačiu-in koun Barulatai neretu bulee. Yeke beyetu, ideen-e baruq bulee. Barulas oboqtan boluba. Qačula-in koun ideen-e baruq tula Yeke-Barula, Učukan-Barula nereitču, Barulas oboqtan bolqaju, Erdentu-Barula, Todoen-Barula teriuten Barulas tede boluba. — Qarandain kout budaan qutqulaqu eki teriu ukeun tula Budaat oboq tan tede boluba. — Qačiun-no koun Adarqidai neretu bulee. Aqa deu jaura adaruqči tula Adarqin oboqtan bolba. — Način-Baatur-un kout Uruudai, Maŋqutai nereten bulee. Uruut, Maŋqut oboqtan tede boluba. — Način-Baatur-un aburin eme-dece toreksen Šijuudai, Doqoladai nereten bulee.

§ 47. Qaidu-in koun Baišiŋqor-Doqšin, Čaraqai-Liŋqu, Čaojin-Orte-kai, qurban bulee. Baišiŋqor-Doqšin-o koun Tunbinai-Sečen. Čaraqai-Liŋqu-in koun Seŋkun-Bilge, Anbaqai tan Taičiu oboq tan boluba. Čaraqai-Liŋquin beriken eme-deče toreksen Besutai neretu bulee. Besut oboq tan tede boluba. Čaojin-Ortekai-in kout Oronar, Qoŋqotan, Arulat, Soenit, Qabturqas, Kenikes oboq tan tede boluba.

§ 48. Tunbinai-Sečen-no koun Qabul-qaqan, Sin-Sečule qoyar bulee. Sin-Sečule-in koun Bulteču-Baatur bulee. Qabul-qaqan-no kout doloan bulee. Aŋqa yeke ino Okin-Barqaq, Bartan-Baatur, Qutuqtu-Muŋkur, Qutula-qaqan, Qulan, Qadaan, Todoen-otčiqin, — ede doloan bulee.

§ 49. Okin-Barqaq-un koun Qutuqtu-Yürki bulee. Qutuqtu-Yürki-in kout Seče-beki, Taiču qoyar bulee. Yürki oboq tan tede boluba.

§ 50. Bartan-Baaturun kout Maŋketu-kiyan, Nekun-taiji, Yesukai-Baatur, Daritai-otčiqin, — ede dorben bulee. Qutuqtu-Maŋqur-un koun Buri-boko bulee. Onan-na tun-tur qulinlaqui-tur Belkutai-in muru qanqas čabčiqsan tere bulee.

§ 51. Qutula-qaqan-no kout Joči, Qirmau, Altan, — qurban bulee. Qulan-Baatur-on koun Yeke-Ceren bulee; Badai, Kišilik, qoyar darqan-dun, noyan tere bulee. — Qadaan, Todoen qoyar uruq ukeun bulee.

§ 52. Qamuq Mongqoli Qabul-qaqan meden aba. Qabul-qaqan-no qoina, Qabul-qaqan-no uke-ber, doloan koudiyan boetele, Senkun-Bilke-in koun, Anbaqai-qaqan qamuq Mongqoli meden aba.

§ 53. Buyür-naur, Kolen-naur qoyar jaura Uršiun-murenne bukun Airiut Buiruut Tatar irkene Anbaqai-qaqan okin okču, oesun okinien hüdeju otqu bolun, Tatar Juin irken Anbaqai-qaqan-ni bariju, Qitadun Altan-qaqan-na abču otqui-tur, Anbaqai-qaqan Besutai kuun Balaqači elčiniyer ukuleju ilerun, Qabul-qaqan-no doloan koudun dundadu, Qutula-da, ukulerun: «Harban koudun dotora Qadaan-taiji-da ukule, keen ukuleju ilerun: Qamuqun qaqan, Ulusun Ejen boluju, oki-ben oesun hüdekui-ben namaar kesetkun! Tatar irkene bariqdaa bi. Tabun quruudiyen qimul tamutala, harban quruudiyen qimul tamutala, harban quruudiyen qauttala hači mino aburan soritqun!» keeju ilejuu.

§ 54. Tere čaq-tur Yesukai-Baatur Onan-muren-ne šibaoulan yabuqui-tur, Merkidun Yeke-Čiledu Olqonout irgen-eče oki abču euskeju aisuqun-i joluqaju, onkeiju ujeesu, onke jisu buši tai oki qatu ujeju, ker-turiyen qarin haoulju, Nekun-taiji aqa-yüan, Daritai-otčiqin deu-ben uduritču irejuui.

§ 55. Kurkui-lue Čiledu ayüju, qurdun qubi tu ajuu. Qubi-yüan quya ino deletču, quburi dabalis (nambalis) burutqui-lua, qoinača ino qurbaula udaaralduba. Čiledu qošiun qučilis qariju tergen-duriyen irekui-lue, tende Hoelun-ujin ukulerun: «Tede qurban harani uqaba-u či? Čirai čirai-ača busut bi. Amin-tur čino kurkui čirai-tan bi! Amin ele čino boesu, oljaike tutun okit, qarau tutun qatut bi! Amin ele čino boesu, oki qatu olui je! Či busu nerete-i Hoelun taqi nereiduyu je! Či amin-iyen qoroq! Hunar mino hunasču yabu!» keen, čanča-ban multulju, mori deereče naruitču abuqui-lua, qurbaula qošiun qučilduju kurču aisuqu-lua, Čiledu qurdun qubi-in quya ino deletču juqus dutaaju, Onan-muren oede dutaaba.

§ 56. Qurbaula qoinača nekeju, doloan quburi dabatala huldeju qariju ireju, Hoelun-ujin-i Yesukai-Baatur delbeke-deče kotolju, Nekun-taiji, aqa ino uduritču, Daritai-otčiqin deu ino qili ku derkečeju aisuqui-tur, Hoelun-ujin ukulerun: «Aqa minu, Ciledu!

Kei oede kokul-iyen keisumuser,
Keer qajar-a keeli-ben olosumuser

bulii! Edoe ker-ele?» — Qoyar šiburked-iyen nikan-te aru deereen oorču, nikan-te eburan deere oorču, nikan-te uruqši-da, nikan-te qoinaqši-da — «Ker-ele kiju odumui?» keeet,

Onan-muren-ni tolqistala,
Hoai ǰubur daouristala,

yeke dau-ber uilaǰu aisuqui-tur, Daritai-otčiqin derkečeǰu yabuǰu ukulerun:

«Teberiku čino dabaat oloan dababa,
Uilaqdaqu čino usut oloan ketulba.
Qailaasu, qaraiǰu ulu uǰeku čimayi,
Qaibasu, hauluqa ino ulu oluqu či!

Sin boli!» keeǰu itqaba. — Hoelun-uǰini Yesukai tedui ker-duriyen abčiraba. Hoelun-uǰini Yesukai-in abčiraqsan yosun teimu.

§ 57. Anbaqai-qaqan-no (ni?) Qadaan, Qutula qoyari nereitču ilekseer, qamuq Monqol Taičiut Onan-no Qorqonaq-ǰubur quriyaǰu, Qutula-i qaqan bolqaba. Monqolun ǰirqalan debsen qurimlan ǰirqaqu bulee. Qutula-i qan erkuet, Qorqonaqun saqlaqar modun horčin «qabirqa-ta — hauluqa, ebuduk-te — olkek bolutala» debseba.

§ 58. Qutula qaqan boluad, Qadaan-taiǰi qoyar Tatar irken-tur morilaba. Tatar-un Kotoan-Baraqa, J̌ili-buqa qoyar-tur harban qurban-ta qatqulduǰu, Anbaqai-qaqan-no osül osün, kisal kisan yadaba.

§ 59. Tende Yesukai-Baatur Tatar-un Temuǰin-Uke, Qori-Buqua teriuten Tatar daouliǰu ireasu, tende Hoelun-uǰin keelitai burun, Onan-no Deliun-boldaq-a bukui-tur, ǰob tende Cinkis-qaqan toreǰuui. Torekui-tur baraun qar-turiyen šia-in tedui nodun qatqun toreǰuui. Tatar-un Temuǰin-Uke-i abčiraqsan-tur toreba, keen, Temuǰin nere okkui teimu.

§ 60. Yesukai-Baatur-un Hoelun-uǰineče Temuǰin, Qasar, Qačiun, Temuke — ede dorben kout toreba. Temulun nere tai nikan oki torebi. Temuǰin-ni yesun nasutu bukui-tur, J̌oči-Qasar doloan nasutu bulee. Qačiun-Elči tabun nasutu bulee. Temuke-otčiqin qunan nasutu bulee. Temulun oleketai bulee.

§ 61. Yesukai-Baatur, Temuǰin ni yesun nasutu bukuitur, Hoelun-eke-in torkut, Olqunout irken-tur, naqaču-nar-ača ino oki quyusu, keen, Temuǰin-i abuat yorčiba. Otqui-tur, Čekčer Čiqurqu qoyar-un ǰaura, Unqiradai Dei-Sečen-i ǰolqaba.

§ 62. Dei-Sečen ukulerun: «Yesukai quda ken-tur ǰoriǰu aisulaa?» keeǰuu. Yesukai-Baatur ukulerun: «Ene koun-no mino naqaču-nar Olqunout irkentur oki quyusu, keen, aisulaa!» keeǰuu. Dei-Sečen ukulerun: «Ene koun čino nidun-turiyen qaltu, niurturiyen keretu koun bi».

§ 63. Yesukai-quda, bi ene süni ǰaoudun ǰaoudulebe bi. Čaqan šinqor naran sara qoyar-i atqun niscu ireǰu, qar deere mino tuuba. Ene ǰaoudun-

niyen kuun-e ukulerun: Naran sara-i qaraǰu uǰekden bulee. Edoe ene šinqor atquǰu abčiraǰu qar-tur mino tuuba. Čaqan baouba. Yambar ele sai uǰeulumu, keeǰu, Yesukai quda ene ǰaoudun mino čimayi ele kou-been uduritču irekui uǰeksen aǰuu. J̌aoudun sain ǰaoudulebe. Yaun ǰaoudun aqu? Ta, Qiyat irken-o sulder ireǰu ǰaaqaqsan aǰuu».

§ 64. «Ba Uɔqirat irken

Erte udur-eče ǰee-in ǰisun okin-o
Oɔketen; ulus ulu temečet;
Qačar qoa okid-i
Qaqan boluqsan-a tano,
Qasaq terken-tur unoulǰu,
Qara buura kolkeǰu,
Qataraulǰu otču,
Qatun saurin-tur
Qamtu saulumu ba!
Ulus iɴken ulu temečet ba
Oɔke sait okid-iyen oskeǰu,
Olǰike tai terken-tur unoulǰu,
Ole buura kolkeǰu
Euskeǰu otču,
Undur saurin-tur
Oreele etet saulqui ba!
Erteneče Uɔqirat irken
Qatun qalqa tan, okit očil ten;
J̌ee-in ǰisun okin-o
Oɔke-ber bulee ba!

§ 65. «Noun kout mano
Nuntuq qarayu,
Okin kou mano
Oɔke uǰekdeyu!

Yesukai quda, ker-tur mino oduya! Okin mino učuuken biyu, quda uǰetukai!» keeǰu, Dei-Sečen ker-tur-iyen uduritču baoulba.

§ 66. Oki ino uǰebesu, niur-tur-iyen gere tai, nidun-tur-iyen qaltai. Okin-i uǰeǰu, oin-tur-iyen oroulba. Temuǰin-eče nikan nasun yeke, harban tai aǰuu. Borte nere tai. Sūni qonaǰu, manaqaši oki ino quyūbasu, Dei-Sečen ukulerun: «Oloan-taou quyūulǰu okbesu, deeǰilekdeku, čoen-taou quyūulǰu okbesu doranǰilaqdaqu. Okin kuun-no ǰayaan toreksen euden-tur otolku ukai. Okin-iyen be oksu, kouniyen be kureket-te talbiǰu ot!» keeba. J̌e bolul-

čaju, Yesukai-Baatar ukulerun: «Kou-ben kurekete talbisu! Kou mino noqai-yača čočimtaou bulee. Quda, kou mino noqai-yača bu čočiun!» keeet, kotual morin-iyen belke okču, Temujin-i kureket-te talbiju otču,

§ 67. Yesukai-Baatur jaura Čekčerun Šira-keere Tatar irken qurinlan bukui-tur joluqaju, undasču qurin-tur ano baouba. Tede Tatar tanin ajuu. «Yesukai Qiyan ireai!» keeet, uridano daouliqdaqsan kekelen-ben duratču, oisuladun qujirju, qoro qoliju okčiui. Jaura maoui otču, qurban qonoq yabuju, ker-tur iyen kuruet maoui bolju,

§ 68. Yesukai-Baatur ukulerun: «Dotora mino maoui bi. Derkede ken bi?» keeju, Qonqotadai Čaraqa ebukeno kou Munlik oira bi, keeju, uriju ireulju ukulerun: «Čaqa mino, Munlik! Kout učuketu bulee bi. Kou-ben Temujin-i kuriket-te talbiju irerun, jaura Tatar irken-e oisulaqdaa bi. Dotora mino maoui biyu. Učuket qočoruqsat deu-ner-iyen, belbisun, berken-iyen asaraqu-i či mede! Kou mino Temujin-i otorkan otču abču ire, čaqa mino Munliq! «keeet nokčiba.

II

§ 69. Yesukai-Baatur-un uke-i buši ulu bolqan, Munlik otču, Dei-Sečen-ne ukulerun: «Yesukai aqa Temujin-i maši morelju ore-ben ebedumu. Temujin-i abura ireba!» keeju, Dei-Sečen ukulerun: «Quda kou-ben morelku boesu, ottuqai! Ujeju, otor iretukai!» keeju, Munlik ečike Temujin-i abču ireba.

§ 70. Tere qabur Anbaqai-qaqan-no qatut Orbai Soqatai jirin yekes-e qajaru ineru qaruqsan-tur, Hoelun-ujin otču, qojit kurču qojidauuldaju, Hoelun-ujin Orbai Soqatai jirin-e ukulerun: «Yesukai-Baatur-i ukubeu? keeju, koudi mino yeke ulu boluqui-yača yekes-un kešikeče, bileur-eče, sarqud-ača yekin qojidaulumui ta? Ujeet idekui ulu serkuulun noukun bolba ta!» keeju,

§ 71. tere uke-tur Orbai Soqatai jirin qatut ukulerun:

Uriju ulu oktekui mor tai či,
Učiraasu ideku yosutai či,
Kureju ulu okteku či,
Kurteesu ideku yosutai či!

Anbaqai-qaqan-ni ukuleu či, keeju, Hoelun-ne kurtele ein keekdekui bolbi!»

§ 72. Arqa-eče: «Eden-i ekes, koud-i nuntuq-tur keju noutqun, ta ber bu abču yabutqun!» keeet manaqarši udureče Taičiud-un Tarqutai-Qiriltuq, Todoen-Kirte tan Taičiut Onan-muren huruu kodolba. Hoelun-ujin-ni ekes

koud-i keǰu noukderun, Qoaŋqotadai Čaraqa-ebuken otču itqaqu-tur, Todoen-Kirte ukulerun:

«Čeel usuu niduralua,
Čaoken čilaoun čaourelua!»

keeet nouuǰeai. Čaraqa-ebuken-i «Ker itqaqu či?» keen qoinača ǰida-bar ǰoqudus qatquǰuu.

§ 73. Čaraqa-ebukan, yaratu bolǰu, ker-tur-iyen ireǰu berke kebdekui-tur, Temuǰin uǰere otču, tende Qoaŋqotan Čaraqa-ebukau ukulerun: «Sain Ečike-in čino ġuriyaqtaqsan ulus-i mano burino ulus abču noukderun, itqaqu bolun ein kikdebe!» keeǰu, teun-tur Temuǰin uilaat qarču yorčiba. Hoelun-uǰin keǰu noukderun, tuqlaǰu beye-ber morilaǰu, ǰarimut irken-i ičuġaba. Tede ber ičuġaqdaqsan irken ulu toqtan, Taičiud-un qoinača nouǰuui.

§ 74. Taičiud aqa deu Hoelun-uǰin-ni belbisun kout učuket, ekes koud-i nuntuq-tur keǰu noukdeǰu, —

Hoelun-uǰin eme merkan toreǰu,
Učuket koud-iyen teǰierun,
Uqitala boqtalaǰu, qoǰitala buseleǰu,
Onan-muren oede irada kuiyiǰu,
Olirsun moilsun teŋkuǰu,
Udur sueni qoolai teǰiebe.
Suelsu tai toreksen uǰin-eke,
Sutan koud-iyen teǰierun,
Čikorsun širo bariǰu, sudun,
Čičiġina uquǰu teǰiebe.
Eke Uǰin-no
Qaliyarsun maŋqirsun-iyar teǰiekset kout
Qat bolura kurbei.
J̌arčintai Uǰin-eke-in
J̌auqasu-bar teǰiekset kout
J̌asaq tan sečet bolba.
§ 75. Qoa-uǰin-no
Qoqosun maŋqirsuar teǰiekset
Hauluqat kout
Hoilaut sait bolba.
Eres sait bolun baraǰu,
Erekun omoqun ele boldaba.
Eke-yüen teǰieya keeelduǰu,

Eke-onan-no erki deere sauju,
Elkuur kouki jasalduju,
Erendek jendek jiqasu
Elkuju keukileju
Jeu-ber keuki ekeulju,
Jebke qadara keukileju;
Čilume qubčiur huyaju,
Jiramut jiqasu šiuju,
Jiči eke-yüen hači tejiebe.

§ 76. Nikan udur Temujin, Qasar, Bekter, Belkutai dorben qantu sauju kouki tataqui dotora nikan kekeen soqosun orojuui. Temujin Qasar qoyar-ača Bekter Belkutai qoyar buliju abuba. Temujin Qasar qoyar kertur ireju, Ujin-eke du ukulerun: «Nikan kekeen soqosun keuki jauqsan-i Bekter Belkutai aqa deu qoyar-a buliju abdaba ba!» keeesu, Ujin-eke ukulerun: «Yekuujeai? Aqa-nar deu-ner yekin tein kildumui ta?

Seuder-eče busu nokor ukai,
Seul-eče busu čičua ukai bi bida!

Taičiut aqa-deu-yeen qašiu ker aburaqun bida? keeju bukui-tur, Erte Alan-eke-in tabun kout metu yekin eye ukeun bi ta? Butukai!» keebai.

§ 77. Tendeče Temujin Qasar qoyar ulu taalan ukulerun: «Očiken nikante biljiur qodoliduqsan-i tein-ku buliju abulaa. Edoe basa tein-ku buliba. Qantu ker alduqun bida?» keeet, euden oorču qarču yorčiba. Bekter hulqun deere širqa aqtatan yesun mori qaraju sau bukui-tur, Temujin umereče daldatču, Qasar emuneče daldatču sumu-ban sambaju kurkui-tur, Bekter ujeet ukulerun: «Taičiut aqa deu-in qašiun daousun yadan hači ken-e aburan čidaqun-o? keeju bukui-tur, nama-i yekin —

Niduno surimusun
Amano qaqasun —

bolqamui ta?

Seuder-eče busu nokor ukai,
Seul-eče busu čičua ukai-tur,

yekin tein setkiba ta? Qolumta minu bu burelketkun, Belkutai-i bu tebčitkun!» keeet, jabilan sauju kuličaba. Temujin, Qasar qoyar emuneče umereče otermeleju otba.

§ 78. Ker-tur ireju oroqui-lua, Ujin-eke qoyar kouked-uen čirai uqaju ukulerun: «Baraqsat!

Qalaunača mino
Qalat q̇arurun,
Q̇ar-tur-iyen qara nodun
Qatqun toreliḱi, ene!
Qarbisu-ban qaǰaqu
Qasar noq̇ai metu,
Qada-tur dobtulqu
Aur-iyen darun yadaqu
Arslan metu;
Amidu ǰalq̇isu keeḱu
Maŋq̇us metu;
Seuder-tur-iyen dobtulqu šiŋqor metu;
Semiyer ǰalq̇iqu čuraq̇a metu;
Botoq̇an-iyen borbi qaǰaqu buura metu;
Boroq̇an-tur šiqaqu čino metu;
Koud-iyen ḱelin yadaǰu,
Koud-iyen ideḱu aŋq̇ir metu;
Kebteši-en koandeesu omerḱu ǰoeburi metu;
Bariǰu ulu saaraqu bars metu;
Balamut dobtulqu baru (q) metu —
Baraba!
Seudereče busu nokor uḱai-tur,
Seuleče busu čičua uḱai-tur,

Taičiut aqa deu-in q̇ašiun daousun yadan bukui-tur, hači kene aburaqun-o?» keeǰu bukui-tur, «Ker aya, keen, ein kildumui ta?» keen koudiyen

Qaučin uḱes qadarun,
Otoḱus uḱes orḱidun,

maši maouilabai.

§ 79. Tedui atala, Taičiud-un Tarq̇utai-Qiriltuq Turqaud-iyen uduritču, «Qoruq̇at qooǰiǰuu. Šiluḱet šiberiǰuu!» keen ireǰuu. Ayüǰu, ekes kout aqa-nar deu-ner šiq̇ui hoai-tur qorq̇olaǰu, Belḱutai mudut quq̇uru tatalaǰu šibee bariǰu, Qasar qarbulalduǰu, Qačiun, Temuḱe, Temulun q̇urban-ni ǰaba ǰaura duruǰu bulqaldun bukui-tur, Taičiut uŋšiǰu uḱulerun: «Aqa-ban, Temuǰin-i ile, busud-i tan-o kerek uḱai!» keen uŋšiqdaǰu, Temuǰin-i morilaulǰu buruutqan, hoai-tur dutaaǰu otqui-i Taičiut uǰeǰu huldeǰu, Terḱune undur-un šiq̇ui hoai-tur širquǰu orobasu, Taičiut oroan yadaǰu, šiq̇ui hoai-tur horčin saqiǰu.

§ 80. Temuǰin šiqui dotora qurban qonoǰu, qarsu keen moriyen kotolǰu aisuqui-tur, morin-ača emeel ino multureǰu qočorčuu. Qariǰu uǰeesu emeel komuldurkelekseer olaлlaqsaar multureǰu qočorčuu. «Olaл či boltuqai! komuldurke basa ker multureku bulee? Teлkri itqan aquyu?» keeǰu, qariǰu, basa qurban qonoba. Basa qarču aisuqui-tur, šiqui-in amsar-a qošiliq-un tedui čaqan kuru amasar-a boklen unaǰuu. «Teлkeri itqan aquyu?» keeǰu, basa qurban qonaba. Basa yesun qonoq ideen ukai aǰu: «Nere ukai ker ukukdekui? Qarsu!» keeǰu, tere amasar boklen unaqsan qošiliq-un tedui čaqan kuru horčin qarbasu ulu bolqu modudi sumuči qituqaiyer-iyen hoqturiat moriyan qaltariuluat, qarqui-lua, Taičiut saqin aǰuu. Bariǰu abču otba.

§ 81. Temuǰin-i Tarqutai-Qiriltuq abču otču, ulus irkenduriyen ǰasaqlaǰu, ail-tur nikan qonaulun qonaulun bituulun yabuqui-tur, ǰun-o teriun sara-in harban ǰirwuan-a hulaan terkel udur, Taičiut Onan-na erki deere qurinlalduǰu, naran šiлkeesu tarqaba. Temuǰin-i tere qurin-tur kelbure koun kuun abčiraǰu bulee. Qurin-un haran-i tarqaulun, tere kelbure koun-eče buqau tataǰu abču, heki ino nikante deleduet kuiǰu, Onan-no tun dotora kebteesu, uǰekdeke, keeǰu, usun-o qarqi-tur kederku kebteǰu, buqauban usun huruu urusqan, niur ile kebtebe.

§ 82. Tere aldaqsan kuun yeke dawu-bar: «Bariya kuun aldaba!» Keen, qailaqui-tur, tarqaqsat Taičiut quriǰu ireǰu, udur metu saraul-a Onan-no tun-ni bederebe. Qarqi-tur kebteǰu bukui-i Sorqan-Sira ǰob daariǰu uǰeǰu ukuleryn: «J̌ob ele eimu arqatu-in tula nidun-duriyen qaltu, niur-turiyen keretu, keen, Taičiut aqa deudeen tein ele naidaqdan aǰuu. Ci tein ču kebte! Ulu ǰaaqu bi!» keeet nokčibe. Basa qarin bedereye! Keeldukui-tur, Sorqan-Šira ukulerun: «Mun mun morieren ese uǰeksen qaǰariyen uǰeet, qarin bedereye!» Keeba. J̌e ku!» keelduba. Mun mun moriyer qarin bedereǰu, basa Sorqan-Šira daariǰu, ukulerun: «Aqa deu čino amaan šidu-ben bileuden aisu. Tein kebte, qadauǰi-ku!» keeet nokčiba.

§ 83. Basa qarin bedereye keeldukui-tur, Sorqan-Sira basa ukulerun: «Taičiut kout, ta kekeen čaqaan udur kubčin kuu aldaba. Edoe qaraлqui sūni (sueni) ker olqun bida? Basa mun mun mor-iyer ese uǰeksen qaǰariyen uǰeet, qarin bedereet tarqaǰu, manaqar udur čiulǰu eriye! Qaa otqu, tere buqautu kuun?» keebe. J̌e keelduǰu, qarin bedereǰu, Sorqan-Sira basa daariǰu ukulerun; «Edui bedereet, qariǰu, manaqar eriye keelduba. Edoe mani tarqaulun baraǰu, eke-ben, deu-ner-iyen erin ot! Nama-i uǰeba, keen kuun-e uǰekdeesu, uǰekdebe, keen, bu kelele!» Keeet nokčiba.

§ 84. Ani tarqaulun baraǰu, dotora-ban setkiǰu: Očikan ail bituulǰu qonaulqui-tur, Sorqan-Šira-in ker-tur qonabasu, Činbai, Čilaun, qoyar kout

ino, oro ǰiruke-ben ebetču, sueni nama-i uǰeǰu, buqau mino abču sularaǰu qonaaulubai. Edoe basa Sorqan-Šira nama-i uǰeǰu, ulu ǰaan nokčin aba. Edoe mun-ku tede nama-i aburamu ǰe!» keeǰu, Sorqan-Šira-in ker erin, Onan-muren huruu yorčiba.

§ 85. Ker-un belke sün tusuruet, esuk-iyen sueni-de udur čaitala buleku bulee. Tere belke sonasču yabubasu, buleur-un daou sonasču kurču, ker-tur ino orobasu, Sorqan-Šira: «Eke-ben, deu-ner-iyen erin ot eseu kelelue bi? Yekin ireba či?» Keeba. Činbai, Čilaun, qoyar kout ino ukulerun: Šibaouqan-i turintai buta-tur qorqobasu, buta mun aburaǰuui. Edoe bidantur ireksen-i yekin tein kemu či?» keen, ečike-yüen uke ulu taalan, buqau-qi ino čučalǰu, qal-tur tuliyeǰu, qoitu (n)unqasutu terken-tur unoulǰu, Qadaan neretai duiiben: «Amitu kuun-e bu kelele!» keeǰu asaraulba.

§ 86. Qutuar udur «kuun niuba ǰe!» keelduǰu, «Oer ǰaura nenǰilelduya!» keelduǰu nenǰilelduba. Sorqan-Šira-in ker-tur terkan-tur iseri-in doro kurtele nenǰiǰu, qoitu (n)unqasutu terkan-tur unoǰu, amasara bukui (n)unqasu taťalaǰu, kol-tur kurkui-tur, Sorqan-Šira: «Ene basa eimu qalaun-a (n)unqasun dotora ker dausqu?» keeesu, nenǰiulsun baouǰu yorčiba.

§ 87. Nenǰiul-i oduqsan-o qoina Sorqan-Šira ukulerum: «Nama-i hunesu-er keiskan aldaba! Edoe eke-ben deuner-ijen erin ot!» keeǰu, aman čaqan eremuk hulaqči-ni unoulǰu, tel quriqan bolqaǰu, kour nanbuqa ǰasaǰu, emeel ulu okun, kete ulu okun, qoyar sumu okbe. Tedui ǰasaǰu ileba.

§ 88. Temuǰin tein oduat, šibeeleǰu qorqolaqsan qaǰar-duriyen kurču, ebesuno alurqai-bar Onan-muren oede močikiǰu (morkiǰu), horoneče Qimurqa-qoroqan oroǰu, iren aǰuu. Tere oede močikied (morkiet), Qimurqaqoroqan-no Beder qošiun-a Qorčuqui-boldaq-a bukui-tur ǰoluqalduba.

§ 89. Tende neileldu ǰu otču, Burqan-qaldun-o ebur-e Kulelku dotora, Sankur-qoroqan-no Qara-ǰirukeno Koko-naur nuntuqlaǰu aqui-tur, tarabaqat kučukur alaǰu iden bulee.

§ 90. Nikan ndur širqa aqtatan naiman morit ker-un dergede baiǰu bukui-i deerme ireǰu, uǰetele deermetču yorčiba. Yabuqat uǰeǰu qočorba. Belkutai oqodur darki qonqor-i unoǰu tarbaqačilara odču bulee. Udeši, naran šinkeksen-o qoina, Belkutai darqi oqodur qonqor-tur tarbaqat ačiǰu niqsaqaljatala yabuqan kotolǰu ireba. Sirqa aqtatan-i deerme abču otba keeesu, Belkutai ukulerun: «Bi nekesu!» keeba. Qasar ukulerun: «Či ulu čidaqu, bi nekesu!» keeba. Temuǰin ukulerun: «Ta ulu čidaqu, bi nekesu!» keeǰu, darqi qonqor-i Temuǰin unoǰu, širqa aqtatan-i ebesun-o alurqai bar močikiǰu (morkiǰu), qurban qonaǰu, manaqar erte mor-tur oloan aduun-tur, nikan kurumel-e, koun kuun keu saan aqu-i ǰolqaǰu,

širqa aqtatan-i surabasu, tere koun ukulerun: «Ene manaqar, naran urququ-in urida širqa aqta tan naiman morit euber huldeju yorčiba. Mor ino bi jaaju oksu!» keeet, oqodur qonqor-i talbiulju, Temujin-ni oroq šinqula-i unoulba. Mun oesun qurdun qubi-i unoba. Ker-turiyen ba ulu odun, nanbuqa sauluqa-ban keere buquju talbiba. «Nokor, či burun munqaniju aisu ajuu. Ere-in mun nikan bi je! Bi čima-tur nokočesu! Ečike mino Naqu-Bayan keekdeyu. Bi qaqča koun ino bi, Boorču neretu bi!» keeet, širqa aqta tano mor-iyar ino močikiju (morkiju), qurban qonaju, udešinaran quburi tašin bukui-tur, nikan kuriyen irken-tur kurba. Širqa aqtatan naiman morit tere yeke kuriyen-o qijaar-a ebesulen baiju buqui-i ujeba. Temujin ukulerun: «Nokor, či ende baii! Bi širqa aqta tan, tende bi, huldeju qarsuqai! keeba. Boorču ukulerun: «Nokočesu keen irelee bi; ende yekin baiqu?» keeet, qantu dobtulju oroat, širqa aqta tan-i huldeju qarba.

§ 91. Qoinača haran ubur-subur nekeju aisu. Nikan čaqaan moritu kuun uurqa bariju qaqčaar kuyičeju aisu. Boorču ukulerun: Nokor, numu sumu nada ača, bi qarbulaldusu!» keeba. Temujin ukulerun: «Mino tula či erusteujei, bi qarbulaldusu!» keeju, eserku qarin qarbulalduba. Tere čaqaan moritu kuun uurqa-bar-iyen doqiju bayiba. Qoitus nokot kuyičeju ireba. Naran šinkeju otba. Duušin bolju aisu. Qoitu tede haran baruan boldaju baiju qočorba.

§ 92. Tere sueni duliet, qurban udur, qurban sueni duliju kurba. Temujin ukulerun: «Nokor, bi čimadača anqida ede morid-iyen abuqu-u bulee? Qubiyalduya, kedui-i abqu keemu?» keebe. Boorču ukulerun: «Bi sain nokor-i čima-i munqaniju aisu, keen, sain nokor-e tusa bolsu, keen, nokočaju ireba bi: oljeu keeju abqu bi? Ečike mino Naqu-Bayan neretu biyu. Naqu-Bayan-no qaqča koun ino bi bei-u? Ečike-in mino jueksen nadatuketele bi. Bi ulu abqu! Tusa boluqsan mino yaun tusa bolqu? Ulu abqu!» keeba.

§ 93. Naqu-Bayan-no ker-tur kurba. Naqu-Bayan kou-ben Boorču-i jabqaju, nisun nilbusu-iyer ajuu. Kenete kurteju, kou-ben ujeju, nikan-te uilamu, nikan-te donqodumu. Koun ino Boorču ukulerun: «Yaun bolba? Sain nokor munqaniju aisun ajuu. Nokočeju odulaa bi. Edoe ireba!» keeet, haulju otču, buquqsan nanbuqa sauluqaban ačiraba. Temujin-ne telquriqan alaju, kunesu okuet, nanbuqa deurke(n)jasaju kunesuleulba. Naqu-Bayan ukulerun: «Qoyar jalaus bei ta. Ujelduktut, mona qoina bu tebčilduktut!» keeba. Temujin otču, qurban sueni, qurban udur yorčiju, Sankur-qoroqan-a ker-tur-iyen kurba. Hoelun-eke, Qasar kiet deu-ner ino keruju aju, ujeju bayasba.

§ 94. Tendeče Temuǰin, Belkutai qoyar Dei-Sečen-no Borte-uǰin-i yesun nasutu bukui-tur uǰeǰu irekseer qaqačaǰu bulee. Keluren-muren huruu erin otba. Čekčer-Čiqurqu qoyar ǰaura Dei-Sučen Unɑqirat tende aǰuu. Dei-Sečen Temuǰin-i uǰeǰu maši yeke bayasču ukulerun: «Taičiut aqa deu činu naitamu, keen, medeǰu, maši keruǰu ǰokoleai. Aran uǰebe ǰe, čima-i!» keeet, Borte-uǰin-i neileuleet euskeba. Eusken aisurun, Dei-Sečen ǰaura Keluren-o Uraq-ǰol-nudača qariba. Kerkai ino, Borte-uǰin-o eke, Sotan neretei bulii. Sotan oki-yen hüdeǰu, Kurelku dotora Sanɑqur-qoroqan-a bukui-tur kurkeǰu ireba.

§ 95. Sotan-ni qariuluat, Belkutai-i, Boorču-i nokočeye keen, uriǰu ileba. Boorču, Belkutai-i kurkeuluet, ečike-duriyen ulu kelelen, Bokotur-qonqor-i unoat, boro ormuke-ben bekturuet, Belkutai-lue ireba. Tere nokočekseer nokočekui yosun teimu.

§ 96. Sanɑqur-qoroqan-ača nouuǰu, Keluren-muren-o teriun, Burqi-erki-de, nuntuqlan baouǰu, Sotan-eke-in šitkul, keen, qara buluqan daqu abčiraǰu bulee. Tere daqu-an Temuǰin, Qasar, Belkutai qurban abču otču: «Erte udur Yesukai-qan ečike-lue Kereit irken-o Van-qan anda keelduksen aǰuu; ečike-lue mino anda keelduksen ečike metu bei ǰe!» keen, Van-qan-i Tuula-in Qara-tun-ne bei-yu, keen medeǰu, otba. Van-qan-tur Temuǰin kurču ukulerun: «Erte udur ečike-lue mino anda keelduksen aǰuu. Ečike-ku metu beiyu ǰe!» keeǰu, Kerkai baoulǰu emuskel čimada awčiraba!» keen, buluqan daqu okba. Van-qan maši bayasču ukulerun:

«Qara buluqan daqu-in qariu
Qaqačaqsan ulus-i čino
Qantutqaǰu oksu!
Buluqan daqu-in qariu
Butaraqsan ulus-i čino
Bukutkelduǰu oksu!
Bokere-in bokse tur,
Čekere-in čeeǰi-tur —
atuqai!» keeba.

§ 97. Tendeče qariǰu, Burqi-erki-de bukui-tur, Burqan-qaldunača Uryanqadai kuun, J̌arčiuadai- ebukan kuurke-ben urču, J̌elme neretu kouniyen uduritču ireǰu, J̌arčiudai ukulerun: Onan-no Deliun-boldaq-a bukui-tur, Temuǰin-i torokui-tur buluqan nelke okulee bi. Ene kou-ben J̌elme-i okulee-ku bi. Učukan, keen, abču odulua.» Edoe J̌elme-i:

«Emeel-iyen toquul,
Eude-iyen nekuul!»

keeju okba.

§ 98. Keluren-muren-no teriun-e, Burqi-erki-de, baouju bukui-tur, nikan manaqar, erde kerel širal (an) udur kein bukui-tur, Hoelun-eke-in ker dotora kodolkui Qoaqčin-emeken boscu ukulerun: «Eke, oter bos! Qajar derbelumui, tuburiun sonastamui! Jalqanšiq tan Taičiut aqun-o? Eke, oter bos!» keebi.

§ 99. Hoelun-eke ukulerun: «Koudi oter seriulutkun!» keeet, Hoelun-eke oter-ku bosbi. Temüjin tan kout oterlen-ku bosuat, moridiyen bariju, Temujin nikan mori unoba. Hoelun-eke nikan mori unoba. Qasar nikan mori unoba. Qačiun nikan mori unoba. Boorču nikan mori unoba. Jelme nikan mori unoba. Temulun-ni Hoelun-eke ebur-turiyen deurba. Nikan mori kotol jasaba. Borte-ujin-e mori dutaba.

§ 100. Temujin aqa-nar deu-ner morilaju, erte boet, Burqan juk qarba. Qoaqčin-emeken, Borte-ujin-i niusu keen, bokan qarautai terken-tur unoulju, boere alaq huker kolju, Tenkeli-qoroqan oede kodolju anisun bukui-tur heru-baru-da, udur kein bukui-tur, eserkuneče čerik haran qataraju herkiju kurču ireju: «Yaun kuun či?» keen hasaqba. Qoaqčin-emeken ukulerun: «Bi Temujinoai bi! Yeke ker-tur qonin qirqara irelee. Ker-turiyen qariju aiši!» keeba. Tendeče ukulerun: «Temujin ker-tur biyu-u, ker kejie biyu?» Qoaqčin-emeken ukulerun: «Ker-či oira biyu! «Temujin-i bukui-i ukai ese uqabai. Qoinača bosuat irebi bi!» keebi.

§ 101. Tede čeriut tedui, qatariba. Qoaqcin-emeken boere alaq huker-iyen deleduet, oterlen neuku bolun, terken-o tenkeli ququs otba. Tenkeli-ben ququraqdaju, yabuqadiyar hoai-tur kuyiju oroya keeldun bukui-tur, daruča mut čerikut Belkutai-in eke-i sundalaulduju qoyar kol ino čerbe-kelduulju; qataraju kurču ireet: «Ene terken dotora yaun teeju amu!» keeba. Qoaqčin-emeken ukulerun: «Unqasun teeju amu!» keebi. Tede čeriudun aqa-nar ino ukulerun: «Deu-ner, koudiyen baouju ujetkun!» keeba. Deu-ner kout ino baouju, qaatai terken-o qaalqa abqui-lua, dotora qatun(q) je kuun saquju, ima-i terkeneče čirču, baoulju, Qoaqčin jirin-i sundalaulju abuat, Temujin-o qoinača ebesun-o alurqai-bar močikiju (morkiju), Burqan juk qarba.

§ 102. Temujino qoinača Burqan-qaldun-ni qurbanta qučiulju, erusun yadaba. Ein-tein boljiasu, umubu šibar berke hoai ino čatqulan moqai-a širquasu ulu bolqu berke šiqui qoinača ino daqaju, erusun yadajuui. — Tede qurban Merkit aju. Uduit-Merkidun Toqtoa, Uwas-Merkidun Dair-Usun, Qaat-Merkidun Qaatai-Darmala. Ede qurban Merkit erten-o Hoelun-eke-i

Čiledu-daca buliǰu abtalaai, keen, edoe tere osuel osuen irekse(n) aǰuu. Tede Merkit ukuleldurun: «Hoelun-no hači aburan, edoe emes-i ano abuba. Hači-yen aburaba bida!» keelduǰu, Burqan-qaldun-nača baouǰu, keit-turiyen aǰiraba.

§ 103. Temuǰin: «Tede qurban Merkit maqat keyjt-tur-iyen aǰirabayu, bukču-u amui?» keen, Belkutai, Boorču, J̌elme, qurban-i, Merkid-un qoinača uqauta qurban qonoq daqaulǰu, Merkid-i kunkeulǰu, Temuǰin Burqan deereče baouǰu, ebčeu-ben moeletču, ukulerun: «Qoaqčin-eke-i

Solonqa bolǰu
Sonosqu-in tula,
Unen bolǰu
Uǰeku-in tula,
Budun beye-en buruudun,
Buqiya moritu,
Buqu-in horin horinlaǰu,
Burqasun ker kerlen,
Burqan deere qarulaa.
Burqan-qalduna
Boesuno tedui amin-iyen
Bulǰiuldaba bi!
Qaqčaqan aminiyen qairalan,
Qaqča moritu,
Qandaqai horin horinlaǰu,
Qalqasun ker kerlen,
Qaldun-deere qarulaa bi!
Qaldun-burqan-na
Qarča-in tedui amin-iyen
Qalqalaqdaba ǰe bi,
Maši ayuuldaba bi!
Burqan-qaldun-i
Manaqar buri maliyasuqai,
Udur buri očisukai!
Uruq-un uruq mino uqatuqai!.»

keen, naran eserku buse-ben kuǰuun-duriyen erikeleǰu, malaqai-ban qarturiyen seeǰikeleǰu, qar-iyen ebčeun-duriyen moeletču, naran ǰuk yesunte soketču, sačuli očiuli okba.

III

§ 104. Tcuni keleleju, Temujin, Qasar, Belkutai qurban Kereidun Van-qan-tur, Tuula-muren-no Qara-tun-na bukui-tur, otču ukulerun: «Qurban Merkit-te kenen bukui-tur ireju, eme kou-ben daoliju abdaba. Qan ečike mino, eme kou aburaju oktukai, keen, ireba bi!» keeba. Tere uke-in qarin Tooril Van-qan ukulerun: «Bi nidoni čimada eseu ukulelee? Buluqan daqu nada ačilarun, ečike-in čaq-un anda keelduksen ečike metu biyu je, keen, emuskekdeesu, tende bi ukulerun:

Buluqan daqu-in qariu
Butaraqsan ulus-i čino
Bukutkelduju oksu!
Qara buluqan daqu-in qariu
Qaqačaqsan ulus-i čino
Qantutqalduju oksu! keen,
Cekerai-in čeeji-tur atuqai,
Bokorai-in bokse-tur atuqai!
eseu keelee bi? Edoe tere uken-duriyen kurun:
Buluqan daqu-in qariu
Bukude Merkidi bureltele,
Borte-ujini čino aburaju oksu bi!
Qara buluqan daqu-in qariu
Qamuq Merkidi qaltačiju,
Qatun Borte-i čino
Qariulju abčiraya bida!

Ci Jamuqa deu-de kelen kiju ile. Jamuqa deu Qorqonaq-jubur-a bi je. Bi endeče qoyar tumet morilasu, baraun qar bolun, Jamuqa deu qoyar tumet bolju, jaoun qar bolun morilatuqai! Bidan-o boljaan Jamuqa-dača boltuqai!» keeba.

§ 105. Temujin, Qasar, Belkutai qurban Tooril-qan-nača qariju, kerturyen kurču, Temujin, Jamuqa-tur Qasar Belkutai qoyr-i ilerun, Jamuqa anda-da ukule, keen, ukuleju ilerun:

«Oro-ban hoqtorqu bolqaqdaa bi!
Onar nikan tan busut-u bida?
Osüeliyen ker osuekun?
Ebur-iyen hentuldee bi.
Helikeno uruq busut-u bida?
Hači-iyen ker hačilaqun bida?»

keeǰu ileba. — J̌amuqa anda-da ukuleǰu ileksen uke edui, basa Kereid-un Tooril-qan-no ukuleksen ukes-i J̌amuqa-da ukuleǰu ilerun: «Erde udur Yesukai-qan ečike-de mino tusa sayi kikdeksen-i setkiǰu, nokočesu bi! Qoyar tumet bolǰu, baraun qar bolun, morilasu! J̌amuqa deu-de keleleǰu ile. J̌amuqa deu qoyar tumet morilatuqai; qantutqu bolǰaan J̌amuqa deu-deče boltuqai!» keeba. Ede ukes-i dausqan baraǰu, J̌amuqa ukulerun: «Temuǰin-anda-i

Oro hoqtorqu bolba, keen medeǰu,
Ore mino ebetba.
Ebur henterebe, keen medeǰu,
Helike mino ebetba.
Osuel-iyen osuen,
Uduit, Uwas Mernid-i ulutkeǰu,
Uǰin-Borte-yuen aburaya!
Hači-yen aburan,
Qamuq Qaad-Merkid-i qaltačiǰu,
Qatun Borte-yuen
Qariulun aburaya! Edoe tere
Ǩolme dabšiqui-tur,
Kourke-in daqu bolqaǰu,
Kokidek Toqtoa Buura-keere bei je.
Dabčitu qor darbaljaqui- tur,
Daiǰiqči Dair- usun edoe
Orqon Selenke qoyar-un (ǰaura)
Talqun aral-a bei je.
Qamqaulsun keiskui-tur,
Qara hoai temečekči
Qaatai-Darmala edoe
Qaraǰi-keere bei je.
Edoe bida dotelen,
Qilqo-muren-ni kinkus, —
Saqal bayan esen atuqai —
Sal huyaǰu oroya!
Tere kokidek Toqtoa-in
Eruke deere ino oroǰu,
Erkin oede ino
Anburu daariǰu,
Eme-koun ino
Ečultele qaoulуa!

Qutūq oede ino
Quqŭru daarijŭ,
Qotola ulus-i ino
Qoosun boltala qaouluya!»

§ 106. J̌amūqa basa ukulerun: «Temujin-anda, Tooril-qan-aqa, qoyara, ukule keen ukulerun: Bi burun,

Qaraatu tuq-iyen sačuba bi.
Qara buqa-in arasun-niyer
Buriksen burkiren bukŭi
Daoutu kourke-ben deletba bi.
Qara qurdun-iyen unoba bi.
Qatanqu deel-iyen emusba bi.
Qatan ǰida-ban bariba bi.
Qatqŭrasutu sumun-iyen onolaba bi.
Qaatai-Merkit-tur
Qatqŭldun morilaya boet keen ukule!
Urtu qaraatu tuq-iyen sačuba bi.
Huker-un arasu-bar buriksen
Otkan daoutu kourke-ben deletbe bi.
Oroq qŭrdun-iyen unoba bi.
Hudesutu quyaqiyen emusba bi.
Onqitu uldu- been bariba bi.
Onatu sumuniyen onalaba bi.
Uduit-Merkit-tur
Ukuldŭya boet keen ukule.»

Tooril-qan-aqa morilarun; «Burqan-qaldun-o eburiyer Temujin-anda-i daariat, ireǰu, Onan-muren-no terĭun-e, Botoqan-boorǰi-da, bolǰalduya. Endeče morilarun, Onan-muren oede, anda-in ulus bi. Anda-in ulus-ača nikan tumen bi. Endeče nikan tumen, qoyar tumen bolǰu, Onan-muren oede otču, Botoqan-boorǰi-da, bolǰal qaǰar-a, neilelduya!» keen ukuleǰu ileba.

§ 107. J̌amūqa-in ede ukes ino Qasar, Belkŭtai qoyar ireǰu, Temujin-ne ukuleǰu, Tooril-qan-na (kelen) kurkeba. Tooril-qan J̌amūqa-in ede ukes kurukeluet, qoyar tumet morilaba. Tooril-qan morilarun, Burqan-qalduno ebur Kelureno Burqi-erki, ǰorin aiši, keen, Temujin, Burqi-erki-de burun, mor-tur bi, keen, ǰailan, Terkelik oede nouuju, Tana-qorqon-a Burqan-qalduno ebur baouju, Temujin tendeče čerik euskeǰu, Tooril-qan nikan tumen, Tooril-qan-no deu, J̌aqa-Kanbu nikan tumen-diyer Qimurqa-qoroqono, Ail-qara-qol-da baouju bukui-tur, neilen baouba.

§ 108. Temuǰin, Tooril-qan, J̌aqa-Ḱanbu, qurban qamtutču, tendeče ḳodolǰu, Onan-no teriun, Botoqan-Boorǰi-da kurbesu, J̌amuqa bolǰal qaǰar-a qurban udur urida kurčuui. J̌amuqa, ede Temuǰin, Tooril, J̌aqa-Ḱanbu tan-o čeriud-i uǰeet, J̌amuqa qoyar tumet čeriudiyen ǰasaǰu baiǰuui. Ede ber Temuǰin, Tooril-qan, J̌aqa-Ḱanbu tan čeriudiyen ǰasaat-ku, kurulceǰu, ǰiči tanilduǰu, J̌amuqa ukulerun:

«Boroan ber boluasu,—
Bolǰal-tur,
Qura ber boluasu,—
Qurul-tur bu qoǰidaya!

Eseu keelduleai bida? Monqol je andaqar tan busut-u?

Je-ǰeče qoǰidaqsan-i
Jerḱe-deče qarqaya!

keelduleai!» keeba. J̌amuqa-in uḱe-tur Tooril-qan ukulerun: «Bolǰal qaǰar-a qurban udur qoǰit baiba, keen, qodulaqu-i čimarlaqu-i J̌amuqa-deu medetukai!» keeba. Bolǰal-un čimar edui ukulelduǰu,

§ 109. Botoqan-boorǰinača ḳodolǰu; Qilqo-muren-ne kurču, sal huyaǰu ketuluet, Buura-keer-e, Toqtoa-beki-in—

Eruke deereče
Erkin oede anburu daarin oroǰu,
Eme-kou ino
Ečultele daoliba.
Qutuq oede ino
Quqaru daariǰu
Qotola ulus ino
Qoqiratala daoliba.

Toqtoa-beki-i kebtee boetere kurku-i Qilqo-muren-ne bukun ǰiqačin, buluqačin koreulnčin talbiqsat dain iši, keen, sueni dulin kelen kurḱen otčuui. Tere kelen kurḱeuluet, Toqtoa, Uwas-Merkidun Dair-Usun qoyar qantutču, Selanke huruu Barqujin oron čoen beyes-iyen dutaan buruutčuui.

§ 110. Merkidun ulus Selanke huruu sueni-de durbeǰu yabuqui-tur, bidan-o čeriut durbeǰu yabuqun Merkid-i sueni-de-ku daruǰu durbeǰu daoulin talan yabuqui-tur, Temuǰin durbeǰu aisuqun irḱen-tur: Borte, Borte! keen unšiǰu yabuqui-tur, učiraǰu, Borte-uǰin tede durbekun irḱen-tur buǰuui. Temuǰin-no daou sonosču, taniǰu, terḱen- eče baouat, kuyiǰu ireǰu, Borte-uǰin, Qoaqčin, ǰirin, Temuǰin-o ǰilua ilbur sueni taniǰu bariǰuui.

Saraul bulee. Ujebesu, Borte-ujin-i taniju teberildun tuyalčaba. Tendeče Temujin, Tooril-qan Jamuqa-anda, qoyar-a mun sueni boet ukuleju ilerun: «Eriku kerekiyen olba bi. Sueni bu duliya! Ende baouya bida!» keeju ilebe. Merkidun ulus durbeju aisuqu-yi sueni-de sandurču aisuqui jaura mun tende baouju qonoba. Borte-ujin-ni tein joluqalduju Merkid-eče aburaqsan yosun eimu.

§ 111. Turun urida Uduit-Merkidun Toqtoa-beki, Uwas-Markidun Dair-Usun, Qaatai-Darmala, ede qurban Merkit qurban jaut haran: «Udur-un erte Toqtoa-beki-in deu, Yeke-Čiledu-deče, Yesukai-baatur-a Hoelun-eke-i buliju abtalai», keen, teun-i osuen hačilan otčuni. Temujin-i Burqan-qaldun-ni qurban ta qučiulqui-tur, Borte-ujin-i tende erusču. Čiledu-in deu, Čilker-boko-de asarauluqsan aju. Tere asaraqsan-ar aju, Čilker-boko, daičiju qarurun ukulerun:

«Qara keree
Qalisu korisu ideku
Jayaatu boetele,
Qalaoun tokuraun-i
Idesu! keen
Ješin aju.
Qatar maoui Čilker, bi
Qatun Ujin-tur
Qalqu bolun,
Qamuq Merkit-te huntaou!
Qaraču maou Čilker
Qara teriun-duriyen
Kurteku bolba.
Qaqčaqan aminiyen qoroqun,
Qaranqu qabčal širkusu,
Qalqa ken-e
Boldaquyu bi?

* * *

Quladu, maou šibaoun,
Quluqana kučulune
Ideku jayaatu boetele,
Qun toquraun-i
Idesu, keen ješin aju.
Hunar maoui Čilqer bi

Qutuqtai sutai Uǰin-i
Quriyaǰu ireku bolun,
Qotola Merkit-te
Huntaou bolba.
Qoġir maou Čilker
Qoqimai teriun-duriyen
Ḳurteku bolba bi.
Qorġosun-o tedui amin-iyen
Qoroġun haratu qaraəġu qabčal-a širġusu!
Qorġosun-o tedui amin-a mino
Qoriyaan ken-e boldaquyu bi?»
keet ḍaiǰin dutaaǰuu.

§ 112. Qaatai-Darmala-i erusba. Abčiraǰu,
Qabtasun buqau emuskeǰu,
Qaldun-burqan-na ǰoriulba.

Belkutai-in eke tere ail-tur beiyu, keen ǰaaqdaǰu, Belkutai eke-yueu otču, ker-tur ino Belġutai baraun euden-ber oroqu-lua, eke ino nabtarqai nekei ḍeeltai ǰaoun euden ber ġaruat, qadana busu kuun-ne ukulerun: «Kout mino qat bolǰuu! keekdemui. Bi ende maoui kuun-tur tubeǰu, edoe koudiyen niur ker uǰekui bi? keeet kuyiǰu, šiqui hoai-tur širquǰu, tedui eriǰu ese oldalai. Belkutai-noyan Merkidai ele yasutu kuun-ni «Eke-i mino abčira!» keeǰu ġodolitqu bulee. Burqan-ni qučilduqsat ġurban ǰaut Merkidi uruqun uruqa kurtele hunesuer keistele ulitkeba.

Hülekset (huilekset) eme koun ano
Eburitkun medus-i
Eburitba,
Euden-tur orouldaqun medus-i
Euden-duriyen oroulba!

§ 113. Tooril-qan J̌amuqa, qoyar-i, Temuǰin buširen ukulerun:

«Qan ečike mino, J̌amuqa-anda qoyara nokočekdeǰu,
Teəkeri Ġaǰar-a kuču nemekdeǰu,
Erketu Teəġeri-de nereitču,
Eke Etuken-e kurkeǰu,
Ere hačitu Merkit irken-i
Ebur ba ano hoqtorġui bolġaba,
Helike ba ano hemtelbe bida.

Oro ba ano hoqtorġui bolġaba,
Uruqun ba kuun-ni ulutkebe bida,
Huileksedi ba ano arbilaba je bida!» .

Merkit irken-i tedui busaəqaju, ičuya keeldüba.

§ 114. Uduit-Merkit durberun, buluġan maqalaitu, maralun ġodun ġudusutu, ičiduə jarġaġusun-o buluġan jalġaqsan deeltu, tabun nasutu. Kuiču (Küču) neretu, nidun-duriyen ġaltu kouken-i bidan-o čeriut nuntuqtur qočoruqsan-i olju abčiraju, Hoelun-eke-de saoqua abču okču otba.

§ 115. Temujin, Tooril-qan, Jamuqa, ġurban qantutču, Merkidun

Čorġan ker čoġoriulju,
Coqtai eme-i arbilaju,

Orqan, Selaəke qoyar-un Talqun-aral-ača ičurun, Temujin, Jamuqa, qoyar qantutču, Qorqonaq-jubur jorin ičuba. Tooril-qan ičurun, Burqan-qaldun-no keru-ber Hokortu-jubur daarin, Qačauratu-subčit, Huliyatu-subčit daarin, koruen ino abalaat, Tuula-in Qara-tun-ni jorin ičuba.

§ 116. Temujin Jamuqa qoyar Qorqonaq-jubur-a neilen baouju, erten-o anda bolulčaqsan-iyen duradulčan, anda tuəqulduju, amaralduya keelduba. Aəqa urida anda bolulčarun, Temujin harban nikan nasutu bukui-tur, Jamuqa quraltuq šia Temujin-e okču, Temujin-o činəqultuqtu šia anda bolulčaju, anda keelduksen; Onan-no molsun-tur šialjaqui-tur, tende anda keelduleai. Teuno qoina qabur alaəġir numutan qarbiyaldun bukui-tur, Jamuqa burau-in qoyar eber niaju nukeleju daoutu qoriyen Temujin okču, Temujin-no arča maəlaitu ġodoli araljiju andačilalduba. Nokote anda keelduksen yosuu teimu.

§ 117. Uridus otokus-un uke sonosču, anda kuun amin nikan ulu tebčildun, amin-o ariči (~aburaqči) boluya, keen amaralduqui yosun teimu. Edoe basa tuəqulduju amaraya keelduju, Temujin Merkidun Toqtoa-i arbilaju abuqsan altan buse Jamuqa-anda-da buseleulba. Toqtoa-in eskel qaliuni Jamuqa-anda-da unoulba. Jamuqa Uwas-Merkidun Dair-Usuni arbilaju abuqsan altan buse Temujin-anda-da buseleulba. Dair-usun-o-ku Ebertu-unokun-čaġaani Temujin-e unoulba. Qorġonaq-jubur-un Quldaġarkun-no ebur-e saqlaġar moḍun-a anda keelduju amaralduju, qurinlan toilan jirġalduju, sueni (süni) konjile-deen ġaqča qonolduqun bulee.

§ 118. Temujin Jamuqa qoyar amaraldurun, nikan hon nokoe hon-o jarin amaralduju, tere aqsan nuntuq-ača nikan udur nouuye keelduju nouurun, jun-o teriun sara-in harban jirġoan-a Hulaan-terkel udur nouuba. Temujin, Jamuqa, qoyar ġantu, terkedun urida yabuju aisurun, Jamuqa ukulerun: Temujin anda, anda!

Aula-šiqan baouya,
Aduučin bidan-o
Alačuq-a kurtukai!
Qol-tur-šiqan baouya,
Qoničit quriqačit bidan-o
Qoolai-a kurtukai!»

keebe. Temujin Ǯamuqa-in ene uke-i uqan yadaju, semiyer baiju, qočorcu, (ne)uri dunda terket kuličeju, neuri boet Temujin Hoelun-eke-de: «Ǯamuqa-anda ukulemu:

Aula-tur šiqan baouya,
Aduučin bidan-o
Alačuqa kurtukai!
Qol-tur šiqan baouya,
Qoničit quriqačit bidan-o
Qoolai-a kurtukai!

keen ukulemu. Bi ene uke ino uqan yadaju, qariu ino yauba ese ukuleba bi. Eke-deče asaqsu, keen ireba bi!» keeba. Hoelun-eke-i dunqodua-eduuye Borte-ujin ukulerun: «Ǯamuqa-anda uidanqa keekden bulee. Edoe bidanača uitqu čaq bolba! Tuqarun Ǯamuqa-anda-in keleleksen kelen bida-tur boet ǯešiku uke beyu. Bida bu baouya! Ene kodolukseer šiliu-ya, qaqačan, sueni (sūni) dulin kodoluya boet!» keeba.

§ 119. Borte-ujin-o uke-ber ǯobšiyeju, ulu baoun sueni dulin kodolju aisuqui-tur, ǯaura mor-tur Taičiud-i daariba. Taičiut ber kokiju, mun sueni boet ǯoričan, Ǯamuqa juk kodolba-ku. Taičiudun-Besudun nuntuq-tur nikan učukan Kokočū neretu kouni nuntuq-tur qočoruqsani bidanoai abuat, ireju Hoelun-eke-de okba. Hoelun-eke teǰiyeba.

§ 120. Tere sueni duliju, udur keiesu ujeesu, Ǯalairun Qačiun-Toquraun, Qaraqai-Toquraun, Qaraldai-Toquraun, ede qurban Toquraun aqa-nar deuner sueni dulilduju aisun aǰuu. Basa Tarqudun Qadaan Daldurqan aqa-nar deu-ner tabun Tarqut aisun-ku aǰuu. Basa Munketu-Qiyan-o koun Unkur tan Čanšiut, Bayaudiyaran-ku aǰuu. Barulas-ača Qubilai-Qudus aqa-nar deu-ner irebe. Manqudača Ǯetai, Doqolqu-čerbi aqa deu qoyar ireba. Boorcu-in deu, Okelen-čerbi, Aruladača qaqačaju, aqaduriyen neilen, Boorču-tur, ireba-ku. Ǯelme-in deu, Čaurqan, Subeetai-Baatur, Uryanqanača qaqačaju, Ǯelme-tur neilen ireba. Besudeče Dekai, Kučukur aqa deu qoyar ireba-ku. — Suldusača Čilkutai-Taki, Taičiudai aqa-nar deu-ner ireba-ku-ǰalair-un Seče-Domoq, Arqai-Qasar-Bala, qoyar, koudiyeren ireba-ku.

Qonqotan-ača Süiketu-ʻčerbi ireba-ku. Sukeken-o J̌ekai Qondoqorun koun Sukekai J̌eun ireba-ku. — Neudai Čaqaan-uwa ireba-ku. Olqonudun Qinqiyadai, Qorlos-ača — Sečiur, Dorben-eče — Moči-Beduun ireba-ku. Ikires-un Butu, ende kurekete yabuqsaar ireba ku. Noyaqin-ača J̌unso ireba-ku. Oronar-ača J̌irqoan irebe ku. Barulas-ača Suqu-Sečen, Qaračar koun-bue-ben ireba-ku. Basa Baarin-o Qorči-Usun-obuken, Koko-Čos, Menen-Baariniyeren, nikan kuriyen ireba-ku.

§ 121. Qorči ireǰu ukulerun: «Bodončar-boqdo-in bariǰu abuqsan emedeče toreksen ba J̌amuqa-lua

Keeli nike ten,
Keke qaqča tan

huleai ba. J̌amuqa-dača ulu qaqačaqun bulee ba. J̌aarin ireǰu, nadur nidunduriyen uǰeulba. Qoaqčin uniyen ireǰu, J̌amuqa-i horčiǰu yabuǰu, ker terkan ino murkuleet, J̌amuqa-i murkuǰu, oreele eber-iyen ququraǰu, soljir-ebertu bolǰu: Eber mino ača! Keen-keen, J̌amuqa-in ǰuk mooren-mooren, široai sačun-sačun baimu. Muqular qoa huker yeke kerluke deere erkuǰu kolǰu ǰiktuǰu (ǰidkuǰu), Temuǰin-o qoinača yeke terkeur-iyer mooren-mooren aisurun: Tenkeri Qaǰar eyetulduǰu, Temuǰin-i Ulus-un Eǰen boltuqai! Keen, Ulus teeǰu abču aisu! keen, ǰaarit nidun-dur uǰeulǰu, nadur ǰiana. Temuǰin, či Ulus-un Eǰen boluasu, nama-i ǰiaqsan-o tula, ker ǰirqaulqu či?» keeba. Temujin ukulerun: «Unen tere Ulus medeuluesu, Tumen-o Noyan bolqasu!» keeba. «Ele edu Tore-i ǰiaqsan kuun-ni nama-i Tumen-o Noyan bolqa(ba)su, yaun ǰirqalan bei? Tumen-o Noyan bolqaat, ulus-un qoas sait okit darqalan abqaulǰu, qučin ba emestu bolqa! Basa yau keleleksen-i mino eserku sonos!» keeba.

§ 122. Qunan teriuten Kenikes nikan kureyen ireba-uk. Basa Daritaiotčiqin nikan kureyen ireba-ku. J̌adaranača Mulqalqu ireba-ku. Basa Unǰin Saqait nikan kureyen ireba-ku. J̌amuqa-dača tedui qaqačan kodoluet, Qimurqa-qoroqon-a, Ail-Qaraqana, baouǰu bukui-tur, basa J̌amuqa-dača qaqačaǰu, J̌urkin-o Soorqatu-J̌urki-in koun, Sača-beki, Taiču, qoyar, nikan kureyen; basa Nekun-Taiji-in koun, Qučar-beki, nikan kureyen; basa Qutala-qan-o koun, Altan-otčiqin, nikan kureyen — ede, basa J̌amuqa-dača qaqačan kodelǰu, Temuǰini Qimurqa-qoroqan-o Ail-qaraqanada baouǰu bukui-tur, neilen baouba. Tendeče nouuǰu, Kurelku dotora Sanqur-qoroqan-o Qaraǰuruken-o Koko-naur baouba.

§ 123. Altan, Qučar, Sača-beki bulun eyetulduǰu, Temuǰin-e ukulerun: «Čima-i qan bolqaya!» Temuǰin-i qan boluasu, ba —

Olon dain-tur alqinči haulǰu,
Onke sain
Okin qatun,
Ordo ker qari irkeno
Qačar qoa qatun oki,
Qarqan sain aqta
Qataraulǰu ačiraǰu oksu ba!

* * *

Oroa korėesun abalaasu,
Uturaǰu oksu ba.
Keerun koreesun-o
Keeli ino niketele šiqaǰu oksu.
Qun-o koreesun-o
Quya ino niketele šiqaǰu oksu ba!

* * *

Qatqulduqui udur
Qala čino buši bolqaasu,
Qari-širi-deče,
Qatun eme-deče mino
Qaqačaulǰu,
Qara teriu mano
Qaǰar-kosuer-tur keǰu ot!

* * *

Enke udur
Eye čino ebdeesu,
Eres haradača,
Eme koudeče mano
Hėričeulǰu (erisleulǰu)
Eǰeukai qaǰar-a keǰu ot!»

Edui uke baralduǰu, ein aman-aldaǰu, Temuǰin-i Činkis-qaqan keen nereitču, qan bolqaba.

§ 124. Činkis qaqan boluat, Boorču-in deu Okolai-čerbi qor aqsaba. Qačiun-Toquraun qor aqsaba. J̌etai, Doqulqu čerbi, aqa deu qoyar, qor aqsaba. Onkur, Süiketu-čerbi, Qadaan-Daldurqan qurban akulerun:

«Manaqar-un undan
Bu mekusdeulsukai!
Ude-in undan
Bu osoldosukai!»

keen, baurčin bolba. — Dekai ukulerun:

Šileku irke,
Šulen bolqaju,
Manaqar bu mekudesu,
Qonoq-tur bu qojidasu,
Alaqčiut qonid-i aduulaju,
Alan duurkesu,
Qoaəqoqčiut qonid-i aduulaju
Qotan duurkesu!
Qoolančar maoui bilee bi:
Qonit aduulaju
Qonjyasun idesu bi!»

Dekai qonit aduulaba. Deu ino Kučukur ukulerun:

«Čoorqatai terken-i
Čiu ino bu čiudeulsu.
Tenkisketai terken-i
Terkeur deere bu teuleulsu!»

keeju, «ker-terken jasasu!» keeba.
Dodai-čerbi ker dotora kerken tutqar-i basaalasuqai! keebe. Qubilai, Čilqutai, Harqai-Toquraun qurban-ni Qasar-lua bolun uldus aqsaju:

Kučurkekun-i —
Kujuut ano kinkuritkun!
Omorqaqun-i —
Omoriut onlajitqun!»

keeba. — Belkutai, Qaraldai-Toquraun qoyar-i:

«Aqta barituqai,
Aqtačin boltuqai!»

keeba. — Taičiudai Qutu, Moriči, Mulqalqu qarbau-ni:

«Aduu adulatuqai!» keeba. Arqai-Qasar, Taqai, Sukekai, Čaurqan dorben-ni:

«Qola-in hoorčaq,
Oira-in odola —

boltuqai!» keeba. — Subeetai-Baadur ukulerun:

«Quluqana bolju,
Quriyaldusu!
Qara-kerie bolju,
Qadaun bukun-i
Qarmaldusu!
Nenbe isekai bolju,
Nemurleldun sorisu!
Keriske isekai bolju,
Ker juk keriskeleldun sorisu!»

keeba.

§ 125. Tende Činkis-qaqan, qan bolju, Boorču, Jelme qoyara ukulerun:

«Seuder-eče busu nokor-ukai-tur,
Seuder boljju,
Setkil mino amuulba je ta.
Setkil-tur atuqai! keeba.
Seul-eče busu čičua-ukai-tur,
Seul bolju,
Jiruke mino amuulba je ta.
Ceeji dotora mino atuqai!»

keeba. «Ta qoyar, urida baiqsaar, ede bukun-i aqalaju uluu aqun ta?» keeba. Basa Činkis-qaqan ukulerun: «Tenkeri Qajar-a kuču nemeju iheekdeesu, ta Jamuqa-anda-ača nama-i keen setkiju, nokočesu keen irekset otokus oljeten nokot mino uluu boluujai ta!» keeba «Juk-juk tušiba tani!»

§ 126. Činkis-qaqan-ni qan balqaba, keen, Kereidun Tooril-qan-tur Taqai, Sukekai qoyar-i elči ileba. Tooril-qan: «Temujin koun-i mino qan bolqaju — nai job! Monqol qat ukeun ker aqun ta?

Ene eye-ben
Bu obdetkun!
Eye janqi-ben
Bu talutqun!

J̌aqa-ban
Bu tantulutqun!»

keeǰu ileǰu;

IV

§ 127. Arqai-Qasar, Čaurqan qoyar-i J̌amuqa-tur elči ileesu, J̌amuqa ukulernn: «Altan, Qučar qoyar-a ukule, keen, ukuleǰu ilerun: Altan, Qučar! Ta qoyar Temuǰin-anda ba qoyar ǰaura anda-in

Subee seči̇ǰu,
Qabirġa qatquǰu,

yekin qaġačaulba ta? Anda ba qoyar-i ulu qaġačaulun qantu bukui-tur, Temuǰin-anda-i qan yekin ese bolġaba ta? Edoe yambar-ele setkil setkiǰu, qan bolġaba ta! Altan, Qučar! Ta qoyar ukuleqsen ukes-turiyen kurun, anda-in setkil amuulǰu, anda-da mino saiqatur-ku nokočeǰu okutkun!» keeǰu ileǰu;

§ 128. Teuno qoina J̌amuqa-in deu, Taičar, J̌alama-in ebur Olekai-bulaq-a burun, bidan-o Saari-keer-e buku, J̌oči-Darmala-in aduun deermedure otčuui. Taičar, J̌oči-Darmala-in aduun deermetču, abču otčuui. J̌oči-Darmala, aduu-ban deermetču otdaǰu, nokodiyen ǰuruke yadaqdaǰu, mun J̌oči-Darmala nekeǰu odču, sueni (sūni) aduunoan qiǰiar-a kurču, morinoan del deere helike-beriyen kebteǰu kurču, Taičarun niruu ino quġuru qarbuǰu alaat, aduu-ban abuat ireǰuu.

§ 129. «Deu-ben Taičar-i alaqdaba, keen, J̌amuqa teriuten J̌adaran, harban ġurban qarin nokočeǰu, ġurban tumet bolǰu, Alauut turġaut-iyar dabaǰu, Činəkis-qaġan-tur morilaǰu aisai!» keen, Ikires-eče Mulke-totaq, Boroldai qoyar Činəkis-qaġan-ni, Kurelku-de bukui-tur, kelen kurken ireǰuui. Ene kelen medeet, Činəkis-qaġan harban ġurban kureet buleai. Ġurban-ku tumet bolǰu, J̌amuqa-in eserku ino morilaǰu, Dalan-baljut bailduǰu, Činəkis-qaġan J̌amuqa-da tende kodolkekdeǰu, Onan-o J̌erene-qabčiqaya qorba. J̌amuqa ukulerun: «Onan-o J̌erene-de qorqaba bida!» keeǰu qarirun, Činas-un koudi dalan toġoot bučalġaǰu, Neudai-Caqaan-ua-in teriu ino hoqtolǰu, morino seul-tur čirču otčuui.

§ 130. Tende J̌amuqa-i tendeče qariūluat, Uruud-un J̌určedai, Uruudiyen uduriduat, Manəqud-un Quyüldar, Manəqudiyen uduriduat, J̌amuqadača qaqačaǰu, Činəkis-qaġan-tur ireba. Qonqodadai Munəlik-ečike, tende J̌amuqa-tur aǰu, Munəlik-ečike doloan qout-lue-ben J̌amuqa-dača qaqačaǰu, tende, Činəkis-qaġan-tur neilen ireba. J̌amuqa-dača edun irken ireba, keen, Činəkis-qaqan orturiyen ulus ireba, keen bayasču, Činəkis-qaqan, Hoelunuǰin, Qasar, J̌urkin-o Sača-beki, Taičutan bolun, Onan-o tuntur qurimlaya

keelduǰu qurimlarun, Činəkis-qaqan-na Hoelun-uǰin-ne, Qasar-a, Sača-beki-de kiet teriulen nikan tusurke tusurčuui. Basa Sača-beki-in učuuken-eke Ebekai-i teriulen nikan tusurke tusurqu-in tula, Qoriǰin-qatun, Quurčin-qatun ǰirin: «Nama ulu teriulen, Ebekai-i teriulen ker tusuruyu?» keen, baourči Šikiur-i ašiqiǰuui. Ačiqiqdaǰu baourči ukulerun: «Yesukai-Baadur Nekun-taiǰe qoyar-i ukuku-in tula, ein ašiqiqdaqui mino yaun?» keeet yeke daou-bar uilaǰuui.

§ 131. Tere qurin bidanača Belkutai ǰasaat, Činəkis-qaqan-no aqta bariǰu bain bulee. J̌urkin-eče Buri-boko tere qurin ǰasan bulee. Bidan-o kilues-eče Qadaqidai kuun čilbur qulaquqsan-i qulaqai bariǰuui. Buri-boko tere kuuben hoimasču, (hömosču) Belkutai nasuda abaldurun, baraun qančuban multuǰu ničukun yabuqu bulee. Tere multuluksen ničukun muru ino Buri-boko ilduer qanqas čabčiǰu, Belkutai tein čabčiqdaǰu boet yaunaba ulu bolqan, ulu senkeren, čisun čuburiqulǰu yabuqui-i Činəkis-qaqan seudertur sauǰu qurin dotorača uǰeǰu, qarču ireǰu ukulerun: «Ker ein kikden buleai bida?» keekui-tur, Belkutai ukulerun: «Mer uduui bulee! Mino tula aqa deu-tur maouqalin bolulčauǰai! Bi ulu aljaqu bi. Ilaari biyu: aqa deu-tur sai iǰilidulčan bukui-tur, aqa butukai, qorumut bai!» keeba.

§ 132. Činəkis-qaqan, Belkutai tedui itqaasu, ulu bolun: modun-o kešiut ququru tatalaǰu, itukesun buleut suqučiǰu abču ašiqilalduǰu, J̌urkin-i ilaǰu, Qoriǰin-qadun Quurčin-qadun ǰirin-i buliǰu abuba. J̌iči mut ǰoqilduya keekdeǰu, Qoriǰin-qadun, Quurčin-qadun ǰirin-i ičuaǰu ǰoqilduya keen ebčileldun bukui-tur, Qitat irken-o Altan-qan Mekuǰin-Seultu ten eye-duriyen ulu oroqdarun, Vanqin-činsyan-a: «Čeriut ǰasaǰu bu saara boet!» keeju ileǰuui. «Vanqin-činsyan Mekuǰin-Seultu teriuten Tatar-i Ulǰa oede, aduu ideen salte, turiǰu aiši!» keen kelen medeba. Tere kelen medeet,

§ 133. Činəkis-qaqan ukulerun: «Erte udureče Tatar irken ebukes ečikes-i baraqsat ošiten irken bulee. Edoe ene qanalqa-tur qansaya bida!» keeet, Tooril-qan-tur: «Altan-qan-o Vanqin-činsyan Tatar-un Mekuǰin-Seultu teriuten Tatar-i Ulǰa oede turiǰu aiši, keemui. Ebukes ečikes-i bidan-o baraqsat Tatar-i qansaya bida. Tooril-qan-ečike, oter iretukai!» keen, ene kelen kurken elčin ileba. Ene kelen kurkeuluet, Tooril-qan ukulerun: «Koun mino ǰob keleleǰu ileǰuu. Qansaya bida!» keeet qutuar udur čerikiyen čiulqaǰu, čerik euskeǰu, Tooril-qan oterlen uqtun (ir)eǰu; Činəkis-qaqan Tooril-qan qoyar Sača-beki, Taicu teriuten J̌urkin-e keleleǰu ilerun: «Erte edureče ebukes-i bidano baraqsat Tatar-i edoe ene qanalqa-tur qansaya, qantu morilaya!» keeju ileba. J̌urkin-e irekdekui-eče ǰirqoan udut kuličeǰu yadaǰu, Činəkis-qaqan, Tooril-qan, qoyar qantu, čerik eusču, Ulǰa hurun Vanqin-Činsyan-lua qansan aisuqui-tur, Ulǰa-in Qusutu-šituen,

Naratu-šituen-e, Tatar-un Mekuǰin teriuten Tatar tende qorqa barǰuui. Činɔkis-qaġan. Tooril-qan qoyar tein qorqalaqsad-i Mekuǰin-Seultu-i qoranača ino barǰu, Mekuǰin-Seultu-i tende alaǰu, munɔkun olekai, tana tu konǰile ino Činɔkis-qaġan tende abulaai.

§ 134. Mekuǰin-Seultu-i alaba, keen, Činɔkis-qaġan, Tooril-qan qoyar ireba. Vanɔqin-činɔsyanɔ Mekuǰin-Seultu-i alaǰuui, keen medeet, maši bayasču, Činɔkis-qaġan-a Čautquri nere okba. Kereid-un Tooril-a Vanɔ nere tende okba. Vanɔ-qan nere Vanɔqin-činɔsyanɔ-un nereidukseer tendeče bolba. — Vanɔqin-činɔsyanɔ ukulerun: «Mekuǰin-Seultu-i qansaǰu alaqsan tano Altan-qan-e maši yeke tusa kiba ta. Ene tusa-i tano Altan-qan-a očisu bi. Činɔkis-qaġan-a euneče yeke nere nemekui-i J̌ao-tao nere okku-i Altan-qan medetukai!» keeba. Vanɔqin-činɔsyan tendeče tedui bayasču ičuba. Činɔkis-qaġan, Vanɔ-qan qoyar tende Tatar-i daulǰu, qubiyalduǰu abulčaǰu, kerturiyen qariǰu baouba.

§ 135. Tatar-un qorġalaqsan Naratu-šituen-e baouqsan nuntuq-tur talaqui-tur, nikan učukan kouken-i keksen-i bidano čeriut nuntuq-ača olǰuui. Altan eemek dorebčitu da-ǰe torġan buluġaar dotorlaqsan helikebčitu učuukan koukeni abčiraǰu, Činɔkis-qaġan, Hoelun-eke-de saoqoa, keen, okba. Hoelun-eke ukulerun: «Sain kuun-o koun aǰuu ǰe! Huǰaur saitu kuun-o uruq beiyu ǰe!» Tabun koudiyen deu ǰirġoduar koun bolġan, Šikikan-Quduqu keen nereitču, eke asaraba.

§ 136. Činɔkis-qaġan-no auruq Qariltu-naur-a buleai. Auruut-tur qočoruqsan-i J̌urkin tabin haran-o qubčan tonoǰuui. Harban haran-i alaǰuui. J̌urkin-e tein kikdeba, keen, bidan-o auruut-tur qočoruqsat Činɔkis-qaġan-a ǰaabasu, ene kelen sonosuat, Činɔkis-qaġan maši kilinɔlaǰu ukulerun: «J̌urkin-e ker ein kikden buleai bida? Onan-no tun-tur qurinlaqui-tur, baourči Šikiur-i mut-ku ašiġiba. Belkutai-in muru mut-ku cabčiba. J̌oqilduya keekdeǰu, Qurijin-qadun, Quurčin ǰirin-i ičuaǰu okba bida. Teuno qoino erteno ošiten kisten ebuke ečikes-i bidan-o baraqsat Tatar-i qansan morilaya, keen, J̌urkin-i ǰirqoan udut kuličeǰu ese-ku irekdeba. Edoe basa daisun-tur šiqan daisun mut-ku bolui!» keeet, Činɔkis-qaġan J̌urkin-tur morilaba, J̌urkin-i, Keluren-o Doloan-boldaut-ta bukui-tur, irken ino daouliba. Sača-beki, Taiču qoyar ǰoen beyesiyen dutaaba. Qoinača ano nekeǰu, Teletu amasar-a kuičeǰu, Sača-beki Taiču qoyari bariba. Bariǰu Činɔkis-qaġan Sača, Taiču qoyar-a ukulerun: «Erte udur bida yau keelduleai?» keekdeǰu, Sača, Taiču ukulerun: Ukuleksen uke-duriyen ba ese kurba, ukes-tur mano kurke! keeet, ukesiyen medereulǰu, tušiǰu okba. Ukes-tur ano kurken buteeǰu, mun tende keba.

§ 137. Sača, Taiču qoyar-i buteet, qariǰu ireǰu, J̌urkin-o irke kodolkekui-tur, J̌alair-un Teleketu-Bayan-o koun, Kuun-ua, Čilaun-Qaiči, J̌ebke,

q̇urban tede J̌urkin-tur aǰuui. K̇uun-ua Muqali, Buq̇a qoyar koud-iyer-iyen aulǰaǰu, ukulerun:

«Bosoqa-in čino
Bool boltuq̇ai!
Bosoqa-dača čino
Bulǰiasu,
Borbi ino hoqtol!
Euden-o čino
Enəču bool boltuqai!
Euden-eče čino
Heiluesu,
Eliket ano
Etkeǰu ketkun!»

keeǰu okba. — Čilaun-Qaiči Tunke, Qaši qoyar koudiyen basa Činəkis-qaq̇an-tur aulǰaǰu ukulerun:

«Altan bosoqa čino saqiǰu
Atuqai, keen, okba bi.
Altan bosqa-dača čino
Anəq̇ida oduasu,
Ami ino tasulǰu ketkun!

* * *

Orken euden erkuǰu
Oktukai, keen, okba bi
Orken euden-neče čino
Oere oduasu,
Ore ino midereǰu ketkun!» (mekeǰileǰu, cf. 140)

keeba, J̌ebke-i Qasar-a okba. J̌ebke J̌urkin-o nuntuq-ača Boroul neretu učukan kouken-i abčiraǰu Hoelun-ekede aulčan okba.

§ 138. Hoelun-eke Merkid-un nuntuq-ača oldaqsan K̇uču neretu kouken-i; Tayičiudun dotora Besudun nuntuq-ača oldaqsan Kokoču neretu kouken-i; Tatarun nuntuq-ača oldaqsan Šikikan-Qutuqu neretu kouken-i, — J̌urkin-o nuntuq̇-ača oldaqsan Boroul neretu kouken-i ede dorben-i ker dotora teǰierun, Hoelun-eke kout-teen:

«Udur —
Uǰeku-in nidun,

Sueni —
Sonosqu-in čikin

ken-e bolqaquyu?» keen, ker dotora tejieba.

§ 139. Ede Ǯurkin irken-o yosun. Ǯurkin bolurun, Qabul-qano doloan koudun anəqa aqa Okin-Barqaq bulee. Kou ino Sorqatu-ǯurki bulee. Ǯurkin bolurun, Qabul-qano koud-un, aqa keeǯu, irkenoen dotorača ilqaǯu,

Helike-tur suelsutu,
Herekai-tur hončitan,
Aušiqi duuren ǯiruketu,
Aman duurən aurtan
Ere tutun erdemutten,
Bokos kučuten-i ilqaǯu okču, —

aurtan, suelsutan, omoqtan, ǯorkimes tula, Ǯurkin keekdeku yosun teimu. Teimun omoqtan irken-i doraitaulǯu, Ǯurkin oboqtu-i ulitkeba. Irken-i ulus-i ino Činəkis-qaqan oerun enču irken bolqaba.

§ 140. Činəkis-qaqan nikan udur Buri-boko Belkutai qoyar-i abalduulıya keeba. Buri-boko Ǯurkin-tur bulee. Buri-boko Belkutai-i oroele qariyar bariǯu, oroele koliyer tuitču unaqaǯu ulu kodolken daruqu bulee. Buri-boko ulus-un boko. Tende Belkutai Buri-boko qoyar-i abalduulba. Buri-boko ulu ilaqdaqu kuun unoǯu okba. Belkutai darun yadan murudeǯu, saari deere qarču, kinčas-kiǯu Činəkis-qaqan-ni uǯeku-lue, qaqan ilukai-iyen ǯauba. Belkutai uqa olǯu, deere ino aqtalaǯu, qoyar ǯaqas ino solbin mekeǯilen tataǯu, niruu ino ebudukleǯu ququǯu ireba. Buri-boko niruu-ban ququraǯu ukulerun: «Belkutai-e ulu ilaqdaqu bulee bi! Qaqan-nača ayüǯu arqadan unaqu aliyaqu bolun, amin-duriyen kurteba bi!» keeet, ukuǯu ireba. Belkutai niruu ino ququru tataat, čirču oorqiǯu yorčiba. Qabul-qano doloan koudun aqa Okin-Barqaq bulee. Udaadu Bartan-Baatur bulee. Koun ino Yesukai-Baatur bulee. Teun-o udaadu Qutuqtu-Munəler bulee. Koun ino Buri bulee. Barildua Bartan-Baaturun koun-eče alus Barqaq-un omoqtan kout-tur nokočekun bolun, Buri-boko, ulus-un boko, Belkutai-e niruu-ban ququldaǯu ukuba.

§ 141. Teun-o qoina, Taqiya ǯil, Qadaqin, Salǯiut qantutču, Qadaqin-o Baqu-Coroqi teriuten; Qadaqin Salǯiudun Čirkidai-Baatur teriuten; Dorben Tatar tur ǯoqilduǯu Dorben-o Qaǯiun-beki teriuten; Tatarun Alči, Tatar-un Ǯalin-Buqa teriuten; Ikires-un Tuke-Maqa teriuten; Unəiradun Derkek-Emel-Alqui tan; Qorolas-un Čoyoq-Čaqaan teriuten; Naiman-ača Kučuut, Naiman-o Buiruq-qan, Merkidun Toqtoa-beki-in koun, Qutu; Oiradun Quduqa-beki; Taičiudun Tarqutai-Kiriltuq, Qodun-Orčan, Auču-Baatur tan

Taičiut, — edun qarin, Alqui-bulaa čiulǰu; J̌aǰiradai J̌amuqa-i qa erkuye. keen, aǰirqa keun keus čabčilalduǰu, andaqalduǰu; tendeče, Erkune-muren huruu nouuǰu, Kan-muren Erkune-de čitququ Šinaa-in aunou-da, J̌amuqa-i tende Kur-qa erkuba. Kur-qa erkuet, Činəkis-qaqan, Vaə-qan qoyar tur morilaya keelduba. Morilaya keelduksen-i Qorolas-un Qoridai Činəkis-qaqan-ni, Kurelku-de bukui-tur, ene kele kurkeǰu ireǰu, ene kele ireuluet, Činəkis-qaqan Vaə-qantur ene kele kurkeǰu ileesu, Vaə-qan kele kurkeuluet, čerik eusču, otorlen Činəkis-qaqan-tur Vaə-qan kurču ireba.

§ 142. Vaə-qan-ni ireuluet, Činəkis-qaqan, Vaə-qan, qoyar qantutču, J̌amuqa-in eserku ino morilaya keelduǰu, Keluren-muren huruu morilarun, Činəkis-qaqan Altan, Qučar, Daritai qurban-i manəlai yabuulba. Vaə-qan Sanqun, J̌aqa-Kanbu, Bilke-beki qurban-i manəlai yabuulba. Ede manəlanača uruqši basa qaraul ilerun, Eneken-kuiletu-de nikan saurin qaraul talbiba. Teun-o činana, Čekčer-e, nikan saurin qaraul talbiulba. Teun-o činana, Čiqurqu-da, nikan saurin qaraul talbiba. Bidan-o manəlan, — Altan, Qučar, Sanqun tan, — Utqiya kurču, baouya keeldun bukui-tur, Čiqurqu-da talbiqsan qaraul-ača kuun haulǰu ireǰu, dain aiši, keen, kele kurken ireba. Tere kele ireet, ulu baoun dain-o eserku kele abuya, keen, yabuǰu, qurulčeǰu kele abču, ket bi? keen asaquasu, J̌amuqa-in manəlan Monəqol-ača Auču-Baatur, Naiman-o Buiruq-qan, Merkidun Toqtoa-beki-in koun Qutu, Oiradun Quduqa-beki, ede dorben J̌amuqa-in manəlan yabuǰuui. Bidan-o manəlan teden-tur unəšilalduǰu unəšiǰu, ǰilda boldaǰu, manaqar qatqulduya keeǰu, ičuǰu, qol-tur neilen qonoba.

§ 143. Manaqarši yabuulǰu kurulčeǰu, Koiten bailduǰu, doroqši deekši iquriqaldun ǰibšierulčan bukuitur, mut Buiruq-qan, Quduqa qoyar ǰada medekun aǰuui. J̌adalaqun bolun, ǰada hurbaǰu, mut ano deere ǰada bolǰuui. Mut yabun yadaǰu noras-tur huladuat: «Tenkeri-de ese talaqdaba bida!» keelduet butaraǰuui.

§ 144. Naiman-o Buiruq-qan Altai-in ebur Uluq-taq ǰorin qaqačan kodolǰuui. Merkidun Toqtoa-in koun Qutu Selanke ǰorin kodolǰuui. Oiradun Quduqa-beki hoai temečen Šiskis ǰorin kodolǰuui. Taičiudun Auču-Baatur Onan ǰorin kodolǰuui. J̌amuqa oeriyen qa erkukset irkeń-i daouliet, Erkune huruu J̌amuqa qarin kodolǰuui. Ani, tein butaraqdaǰu, Vaə-qan Erkune huruu J̌amuqa-i nekeba. Činəkis-qaqan Onan ǰuk Taičiudun Auču-Baatur-i nekeba. Auču-Baatur ulus-tur-iyen kuruet, ulus-iyen durbeulun kodolkeet, Auču-Baatur, Qodun-Orčaə Taičiut, Onan-o činaǰi eteet, hüleut turastan čeriudiyen ǰasaǰu, qatqulduya keen, ǰasaǰu baiǰuui. Činəkis-qaqan kuruet Taičiut-lua qatqulduǰu, ǰilda boldaǰu, mun qatqulduqsan qaǰar-a šitul-

duǰu qonoba. Ulus ba durbeǰu aisurun munku tende čeriut-lue-ben qantu kureeleǰu qonolduba.

§ 145. Činəkis-qaqan tere qatquldnan-tur sujiasu-ban šilurteǰu, čisun toritkeesu ulu bolun, yanduriqdarun, naran šinəkeulun, mun tende šitulduǰu baouǰu; bokleksen čisun-i J̌elme šimin-šimin, amaan čisudaǰu; J̌elme busu kuun ulu iteken saqilduǰu sauǰu, sueni duli boltala bokleksen čisun-i amaar duurem ǰalqiat-asqaat, sueni duli nokčiesu, Činəkis-qaqan dotoraan serkuju ukulerun: «Čisun qaqču baraba, undaasumu bi!» keeba. Tendeče J̌elme malaqai, qudusun, deel-qubčasuniyen bukude-i talǰu, qaqča dotoaǰitu čurama ničukun šitulduǰu baiqun dain dotoraun kuyiǰu, činana kureleksen irken-o terken-tur ano unoǰu, esuut eriǰu yadaǰu: durberun keudiyen ulu saan talbiqsat aǰuu. Esuk olun yadaǰu nikan yeke burietai taraq terkeneče ino abuat, erkuǰu ireba. J̌aura, odurun-ba, irerun-ba kuun-ne ese uǰekdeba. Tenəkeri-ku iheeba je! Taraq burietu-i abčirat, mun J̌elme oesun-ku usun eriǰu abčiraǰu, taraq ǰiuraǰu, qaan-a uulba. Qurban-ta amuǰu uǰu, ukulerun: «Dotora nidun mino keiba!» Keken bolǰu, uǰeesu — tere sauqsan horčin J̌elme-in šimin-šimin bokleksen čisun asqaqsan horčin namurqan bolǰuu. Činəkis-qaqan uǰeǰu ukulerun: «Ene yaun bolumu? Qolo asqaasu yanbar aǰuu?» keeba. Tendeče J̌elme ukulerun: «Čimai, yanduriqdarun, qolo odnasu, čimadača alǰiyaqui-ača ayüǰu, yaaraǰu ǰalqiqu-i ǰalqiat, asqaqu-i asqaat anduriǰu keeli-tur mino teki kedui oroba!» keeba. Činəkis-qaqan basa ukulerun: «Nama-i eimu bolǰu kebten boetele ničukun yekin kuyiǰu oroba či? Bariqdaasu, nama-i eimu-i uluu ǰiaqu bulee či?» keeba. J̌elme ukulerun: «Mino setkil: Ničukun odurun kerber bariqdaasu, bi: dan-tur oroqu duratu bulee! Uqaǰu bariǰu alaya keen, qubčasun mino bukude-i talǰu, qaqča omudun talua-uduuy-e multus aldaulǰu, dan-tur edui iduraǰu ireba bi! keeku bulee. Nama-i unen bolqaǰu, qubčasun nada okču, asaraqu bulee bi. Morin unoat uǰetele edui ǰaura uluu ireku bulee bi? Tein setkiǰu, qaan-o qanəqaqsan setkil erussukai, keen, nidun-qara ein setkiǰu odulua bi!» keebe. Činəkis-qaqan ukulerun: «Edoe yaun keeku? Erte udur Merkit ireǰu, Burqan-ni qurban-da qučiulqui-tur, amin mino nikan-te abcu qaruluqa či. Edoe basa qaliǰu (qaqču) bukui čisun-i amaar šiminǰu, amin mino sentelba či. Basa kanəqaǰu yanturin bukui-tur, amin-niyen oreǰu, daisun kuun-tur nidun-qara oroǰu, undan qanəqaǰu amin mino oroulba či. Ede qurban tusas-i čino setkil dotora mino atuqai!» keen ǰarliq bolba.

§ 146. Udur kein baraasu, šitulduǰu qonoqsat čeriut sueni boet butaraǰuui. Kyreelekset irken kunəken ulu čidaqun, keen, kureelekset qaǰar-ača ese kodoljuui. Durbekset ulus-i ičuqaya keen, Činəkis-qaqan qonoqsan qaǰar-

ača morilaǰu, durbekun irken-i ičuan yabuqui-tur, dabaan deere nikan hulaan deeltu eme kuun: «Temuǰin ǰe!» yeke daouar qailan uilan baiqu-i Činɔkis-qaqan oesun sonosču: «Yaun kuun-no eme tein qailan biyu?» keen, asaura kuun ileba. Tere kuun otču asaqbasu, tere eme kuun ukulerun: «Sorqan-Šira-in okin bi, Qadaan neretai! Ere-i mino ende čeriut bariǰu alan biyu. Ere-yüen alaqdarun, Temuǰin-i ere-i mino aburatuqai! keen unɔšiǰu qailaǰu uilaba bi!» keeba. Tere kuun ireǰu, Činɔkis-qaqan-a ene uke ukuleesu, Činɔkis-qaqan ene uke sonosdaǰu, (sonosuat) qataraǰu kurču, Činɔkis-qaqan Qadaan-tur baouǰu teberilduba. Ere-i ino bidan-o čeriut urida alaǰuui. Tede irken ičuqaat, Činɔkis-qaqan yeke čerik mun tende baouǰu qonoba. Qadaan-i uriǰu ireulǰu derkečan saulba. Manaqarši udur Sorqan-Šira, J̌ebe qoyar, Taičiud-un Todokein haran aqsat, tede qoyar-ber ireba-ku. Činɔqis-qaqan Sorqan-Šira-i ukulerun:

«Kuǰukun-deki
Kundu modun-i
Koser-e ooruqsan;
J̌aqa-daqi
J̌arbiyal modun-i
J̌ailauluqsan, ta!
Ečikes koudun tusa
Aǰuui ǰe ta!
Yekin udaba ta?»

keeba. Sorqan-Šira ukulerun: «Bi dotoraan belen itkel setkiǰu buleai. Yekin yaaraqu bi? Yaaraǰu urit ireesu, Taičiut, Noyat mino, qočoruqsan eme-koun adunn-ideen-i mino hunesuer keiskekun tede! keeǰu, ulu yaaran, edoe qaqan-duriyen neilen idureǰu ireba bi!» keeba. Kelelen baraasu, ǰob! keeba.

§ 147. Basa Činɔkis-qaqan ukulerun: «Koiten bailduǰu, iquriqaldun-ǰibčiyerulčan bukui-tur, tede niruun deereče sumun ireǰu, mino ǰebeleku aman čaqan Qula-in aman-niruu ino ququs ken qarbulaa? Aula deereče!» keeba. Tere uke-tur J̌ebe ukulerun: «Aula deereče bi qarbulaa! Edoe qaan-a ukuuldeesu, halaqano tedui qaǰar koeǰu qočorsu! Soyürqaqdaasu, qaan-o emune

Čoel usun-i hoqtoru,
Čaoken čilaoun čaoru
Dobtulǰu oksu!
Kur keeksen qaǰar-a
Koko kuru keuru,

Qar keekṣen-tur
Qara kuru qanqaru
Dobtulju oksu!»

keeba. Činəkis-qaġan ukulerun: «Daisun yabuqsan kuun alaqsan-iyen, daisurqaqsan-iyen beye-en niuju, kele-ben bučaju ayu. Ene burun, keeesu, munda alaqsan-iyen, daisurqaqsan-iyen ulu bučan, munda jian biyu! Nokočeltu kuun biyu. Jirqoadai neretu ajuu. Mun jebeleku aman čaqan Qula-i mino aman-niruu qarbuqsano tula Jebe nereitču; jebelee imai! keen, Jebe nereitču, derkede mino yabu!» keen jarliq bolba. Jebe Taičiudača ireju nokočekšen yosun teimu.

V

§ 148. Činəkis-qaġan tende Taičiudi daouliju (dawuliju) Taičiutai yasutu kuun-i Auču-Baatur, Qotan-Orčaə, Qudunudar tan Taičiudi uruqun uruqa kurtele hunesuer keisken qiduba. Ulus irken-i ano kodolkeju ireju, Činəkis-qaġan Qubaqay-a ubuljeba.

§ 149. Ničukut-Baarino Širkuetu-ebuken, Alaq, Nayaa kout-lue-ben, Tarġutai Qiriltuġ, hoailaju bukui-i ošitu kuun bulee, keen, morilan ulu čidaqu Tarġutai-i bariju, terken-tur unoulju, Širkuetu ebuken, Alaq, Nayaa kout-lue-ben, Tarġutai-Qiriltuġi bariju aisuqui-tur, Tarġutai-Qiriltuġun kout deuner ino buliju abuya, keen, kuyičeju irejuui. Kout deuuer (i) ino kuyičeju irekui-lue, Širkuetu-ebuken bosun yadaqu Tarqutai-i terken deere unoju, kederku deere ino aqtalan sauju, qituġai ġarġaju ukulerun: «Koun deuner čino čimai buliju abura ireba. Čimai qan-iyen ġardaba, keen, eseteqi alaasu, qaniyen ġardaba, keen, alaqu-ku. Alaasu-teqi, mun-ku alaqdaqu-ku bi! Mun-ele ukukui-dur-iyen, dere abun ukusu!» keeet, aqtalaju, yeke qituġai-yaran qoolai ino ququlura kurkui-tur, Tarġutai-Qiriltuq yeke daouar deuner koudiyen qailaju kelelerun: «Širkuetu namai alan biyu! Alan baraasu, ukuksen amin ukai beye mino abču otču yekiujei ta? Namai alaai-uduuy-e oter qaritqun! Temujin namai ulu alaqu. Temujin-i, učukan čaq-tur:

Nidun-duriyen ġaltu,
niur-duriyen keryetu

bulee, keen, ejen ukai nuntuq-tur qočorču amui, keen, abura otču; abčiraju,

Surġaasu — surqu metu buyu keen
Sonin ure daaġan
Surtaqu metu

Surqan suein yabulaa!
Ukuulsu keeesu,
Ukuulun yadaquyu bulee bi.
Edoe Oi ino
Oroǰu amu,
Setkil ino
Senteleǰu (seɔkereǰu) amu!

keekdemui! Temuǰin namai ulu ukuulku! Ta, kout deuner mino, oter qaritqun, Širkuetu namai alaǰu ireuǰei!» keen, ukuleldurun: «Ečike-in amin ino aburaya keen, ireba bida. Širkuetu amin ino ukuulun baraasu, qoosun aminukai beye ino yekikun bida? Munda alaai-uduuye oter qariya!» keelduǰu qariba. Teden-i irekui-tur, Alaq Nayaa tan Širkuetu-ebuken-o kout ino heilukset ireba. Teden-i ireulueт, kodolǰu aisurun, ǰaura, Qutuqul-nouda kuruesu, tende Nayaa ukulerun: «Bida ene Tarqutai-i bariǰu kuruesu, Ćinɔkis-qaqan bidan-i: tus qaniyen qardaǰu ireǰuui! keen, Činɔkis-qaqan bidan-i tus-iyen qardaǰu irekset yaun itekelten haran? Ede bidantur basa ker nokočekun? Nokocel ukeun haran, tus qan-iyen qardaqsat haran-i mokoriuldekun! keeǰu, mokoriuldekun-ou bida? Munda Tarqutai-i endeče talbiǰu ireǰu: Bida beyes-iyen Činɔkis-qaqan-a kuču okura ireba ba! keeǰu oduya. Tarqutai-i bariǰu aisulaa. Tus qan-iyen tebčin yadaǰu uǰeet, ker ukuulqun? keeǰu, talbiǰu ileǰu ba buširen kuču oksu keeń ireba ba! keeye!» keeba. Nayaa-in ene uke ečikes-kout ǰobšiyelduǰu, Tarqutai-Qiriltuq-i Quduqul-noudača talbiǰu ileǰu, mut Širkuetu-ebuken Alaq Nayaa kout-lueben ireesu: Yekin ireǰu? keeba. Širkuetu-ebuken Činɔkis-qaqan-a ukulerun: «Tarqutai-Qiriltuq-i bariǰu aisurun, ǰiči: tus qan-iyen uǰeet, ker ukuulku? keeǰu, tebčin yadaǰu, talbiǰu ileǰu, Činɔkis-qaqan-a kuču oksu, keen, ireba!» keeba. Teun-tur Činɔkis-qaqan ukulerun: «Qan-iyen Tarqutai-i qardaǰu irekset boesu, tus qan-iyen qardaqsat haran-i tan-i uruq-iyar mokoriuldekun bulee ta! Tus qaniyen tebčin yadaqsan setkil tano ǰob bi!» keen Nayaa-i soyürqaba.

§ 150. Teun-o qoina Činɔkis-qaqan-tur Kereidun J̌aqa-Ġanbu, Tersut-te bukui-tur, nokočere ireba. Tere ireksen-tur, Merkit qatquldura ireesu, Činɔkis-qaqan, J̌aqa-Ġanbu kiet qatquldu ǰu ičuaba. Tende Tumen-Tubekan, olan Duɔqait, butaraqsan Kereit irken ber Činɔkis-qaqan-tur oroǰu ireuleai. — Kereidun Vaɔ-qan burun, urida Yesukai-qaano čaq-tur, saibar, el alduqsan tur, Yesukai-qan-lua anda keelduksen aǰuu. Anda keeldukui yosun ino: Vaɔqan ečikeyüen Qurčaqus-Buiruq-qan-o deuneriyen alaqu-in tula Ġur-qan abaqa-lua-ban bulqa bolulčaǰu, Qaraun-qabčal širquuldaǰu ǰaun kuun qarču

Yesukai-qan-tur ireesu, Yesukai-qan imai oer-duriyen irekdeju, oesun čerik morilaju, Ḱur-qan-i Qašin-juk huldeju, irke-orqa ino Van-qan-na abču okuksen-o tula anda bolulčaqu tere.

§ 151. Teun-o qoina Van-qan-no deu, Erke-Qara, Van-qan aqa-daan alaqdarun, buruutču otcu, Naimano Inanča-qan-tur orojuui. Inanča-qan čeriut ileju, jiči Van-qan qurban balaqat bitun yorčiju, Qara-Qitadun Ḱur-qan-tur oduqsan ajuu. Tendeče, bulqa bolun, Uiqudun Tanqudun balaqat daariat, tabun imaat širkueleju saalduju, temeen-o čisun qanaju ideet, yadaju Ḱuseur-naur-a ireesu, Činkis-qaqan, uridu Yesukai-qan-lua anda keelduksen yosuar, Taqai-Baatur, Sukekai-Jeun qoyar-i elči ileet, Keluren-o teriun-eče Činkis-qaqan oesun eserku otču, olesču turuju ireba, keen, Van-qan-na qubčir-i qubčiju okču, kureen dotora oroulju tejieba. Tere ubul jerkeer nouuju, Činkis-qaqan Qubqaya-i ubuljeba.

§ 152. Tende Van-qan-no deuner noyat kiet ukulerun: «Ene qan aqa bidan-o

Ukeu aburitu
Humekai helike
Eburitču yabuyu!

Aqa deu-i baraba. Qara-Qitat-tur ba oroba-ku, ulus ba jobaamu. Edoe euniker kikun bida? Erte udur keeesu, doloan nasutu-i Merkit irken daoulïju otču, qara alaq ešike daqu emuskeju, otču, Selanke-in Buura-keer-e Merkidun aur nodube-ku! Qurčaqus-Buiruq-qan, ečike ino, jiči Merkit irke qaulju, kou-ben tende aburaju ireesu, basa, Tatarun Aje-qan harban qurban nasuta-i, eke selte, basa daouliju otču, temeedi-yen adulaulun yabuqui tur, Aje-qan-o qoniči ubauat horquju irebe je. Basa teuno qoina, Naiman-ača ayüju, buruutču, Sartaul-un qajar-a, Čui-muren-e Qara-Qitadun Ḱur-qan-tur otba je. Tende nikan hon ulu dausun jiči daijin kodolju, Ui-ud-un Tan-ud-un qajar-iyar bituju yaburun, yadaju, tabun imaat širkueleju saaju, temeeno čisun qanaju ideju, qaqča čoqor qariun moritu yadaju, Temujin koun-tur ireesu, qubčir-i qubčiju tejiebe je. Edoe Temujin koun-tur ireesu, tein yabuqsan-iyen umartaju, humekai helike eburitču yabumu. Ker kikun bida?» keelduba. Tein ukulelduksen ukes-i Altun- Ašuq Van-qan-a ailatqajuu. Altun-Ašuq ukulerun: «Bi ber ene eye-tur oroldulaa-ku! jiči qanien, čimai, tebčin yadaba!» keeju, tande Van-qan ein ukuleldukset Elkutur, Qulbari, Arin-taije tan deuneriyen noyadiyen bariuljuui. Deuner-eče Jaqa-Ḱanbu buruutču, Naiman-tur orojuu. Tedeni barias selte ker-tur oroulju, Van-qan ukulerun: «Bida Ui-udun, Tan-udun qajariyar aisuqui-tur, yau keelduleai? Tano metu yau setkiku bi?» keeet, niur-tur ano nilbuju, barias ano talbi-

ulba. Qan-a ele nilbuqdaǰu, ker-tur bukun baran bukudeer bosču nilbuǰuui.

§ 153. Tere ubul ubulǰeǰu, Noqai ǰil, namur ino, Činɔkis-qaġan Čaaan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaut (Tatar), Aluqai-Tatar, tede Tatar-tur, Dalan-nemurkes bailduǰu qatqulduqui-in urida Činɔkis-qaġan ǰasaq ukuleldurun: «Daisun kuu daruasu, olǰa-tur bu baiya! Darun baraasu, tere olǰa bida-noai bi ǰe, qubiyaldut ǰe bida! Nokor kuun-e ičuaqdaasu, turun-o dobtuluqsan ġaǰar-duriyen ekeuruye. Turun-o dobtulġan-tur ese ekeeruksen kuun-i mokoriuluye!» keen ǰasaqlalduba. Dalan-nemurkes qatqulduǰu, Tatar-i kodolkeba. Daruǰu, Ulqui-šilukelǰit-te, ulus-tur ano neileulǰu, daouliba. Čaġan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaut-Tatar, Aluqai-Tatar erkit irke tende muqutqaǰu, ǰasaq ukulelduksen ukes-tur (ulu kurun) Altan, Qučar, Daritai qurban ukes-tur ulu kurun olǰa-tur baiǰuui. Ukes-tur ese kurbe, keen, J̌ebe Qubilai qoyar-i ileǰu, olǰalaqsat aduun yauke abuqsadi bukude-i abqaulba.

§ 154. Tatar-i muqutqaǰu daolin baraǰu, ulus irken ano ker kikun? keen, Činɔkis-qaġan Yeke Eye uruq-iyar-iyan, ġaqča ker-tur oroǰu, eyetulduba. Eyetuldurun: «Erde udur-eče Tatar-irken

Ebukes-ečikes baraqsan bulee.
Ebukes-ečikes-un
Osuel osueǰu
Kisal kisaǰu,
Čiun-tur uliǰu
Qiduǰu alaǰu okuya!
Ulittele qiduya,
Hüleksedi booliduya,
J̌uk-ǰuk qubiyalduya!»

keen, eye baralduǰu, kerteče ġaruasu, Tatar-un Yeke-Čeren Belkutai-eče: Yambar eye eyetulduba? keen asaqǰuu. Belkutai ukulerun: «Tani bukude-i čiuntur uliǰu kiduǰa» keelduba, keeǰuu. Belkutai-in ene uke-tur Yeke-Čeren Tatar-duriyen tuɔqaq talbiǰu, qorqaqlaǰuu. Qorqaqsat Tatar-tur bidan-o čeriut eerekun bolun, maši sanšiǰuu. Qorqalaqsat Tatar-i ǰoboǰu ulutkan čiun-tur uliǰu qiduquitur, Tatar ukuleldurun: «Kuun tutun qančun-duriyen qituġai qančulaǰu, dere abun ukuye!» keelduǰu, basa maši-ku sanšiǰuu. Tedui Tatar-i čiun-tur uliǰu qidun baraǰu, Činɔkis-qaġan ǰarliq bolurun: «Bida uruq-iyar-iyen Yeke Eye baralduqsan-i Belkutai-in ǰaaqu-in tula, bidan-o čeriut maši sanšiyaba. Eun-o qoina Yeke Eyetur Belkutai bu orotuqai! Eye baratala qadana bukuni ǰasatuqai! J̌asaat kereur-i qulaġai quda!

uyileten-i jarqulatuqai. Eye baraasu, otoq uqsan-o qoina Belkutai Daritai qoyar tende orutuqai!» keen jarliq bolba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čeren-o okin Yesukan-qatun-i Činkis-qaqan tende abuba. Taalaqdarun, Yesukan-qatun ukulerun: «Qaqan soyürqaasu, nama-i kuun-e bodada bolqaju asaramu. Nadača ekeči, Yesui nere tei, nadača deere, qan kuun-e joqiqui ajiai je. Sai kurekan kurekelen buliki. Edoe maqa ene bodulqan-tur qaaqši jorčibi!» keebi. Ene uke-tur Činkis-qaqan ukulerun: «Ekeči čino čimadača sain buksen boesu, eriuluye! Ekeči-en ireesu, jailaju okkuyu či?» keeba. Yesukan-qatun ukulerun: «Qaqan soyürqaasu, ekečien-ele ujeesu, ekeči-deen jailasu!» keeba. Ene uke-tur Činkis-qaqan jarliq tunqaaju eriuluesu, okteksen kurekan-lue qantu hoailaju yabuqu-i bidan-o čeriut jolqajuui. Ere ino tudaaju, Yesui-qatun-i tende abčiraba. Yesukan-qadun ekečien ujeet, urida ukuleksen uke-tur kurun, bosču sauqsan saurin-duriyen saulju, mun oesun doro saubi. Yesukan-qatun-o uke-tur adali bolqaju, Činkis-qaqan oin-duriyen oroulju, Yesui-qatun-i abcu, jerke-tur saulba.

§ 156. Tatar-irken-i daolin baraju, nikan udur Činkis-qaqan qada sauju undalaldurun, Yesui-qatun Yesukan-qatun jirin-o dunda sauju undalaldun bukui-tur, Yesui-qadun yekede seourelbei. Tende Činkis-qaqan dotoraan setkiju, Boorču Muqali tan noyadi uriju ireulju, ukulerun: «Ta endeele čiuluqsat haran bukudeer aimaq aimaq saitqun! Oereče busu aimaqun kuun-i oere boldeitketkun!» keen jarliq bolba. Tedui aimaq aimaqiyer-iyen baiasu, nikan jalaui sain kurumele kuun aimaudača oere baiba. «Či yaun kuun bi?» keeesu, tere kuun ukulerun: «Tatar-un Yeke-Čeren-o Yesui neretai okin okdeksen kurekan kuun bulee bi. Daisun-a daouliqdarun, ayüju buruutču yabuju, edoe amurliba je, keen, ireju, oloan haran dotora yau taniqdaqu keeju yabulaa!» keeba. Ene uke-i Činkis-qaqan-a očiesu, jarliq bolurun: «Mun-ku daisu setkiju oorčaq bolju yabuju, edoe yau korure irejuu? Ino metus-i čiun-tur uliba! Yau saaramui? Nidun-o ečine ketkun!» keeba. Tedui-ku mokoriulba.

§ 157. Mun Noqai jil Činkis-qaqan ni Tatar-irken tur morilaqsan-tur, Van-qan Merkit-irken-tur morilaju, Toqtoa-beki-i Barqujin-tokum juk huldeju, Toqtoa-in yeke koun Toqus-beki-i alaju, Toqtoa-in Qutuqtai Čaarun jirin okit ino qatut ino abču, Qutu, Čilaun qoyar koudi ino, irke selte, daouliju, Činkis-qaqan-a yau ber ese okba.

§ 158. Teun-o qoina Činkis-qaqan Van-qan qoyar Naiman-o Kučukudun Buiriq-qan-tur morilaju, Uluq-taq-un Soqoq-usun-a bukui-tur, kurču, Buiruq-qan baildun yadaju, Altai-daban kodolba. Soqoq-usun-ača Buiruqqan-ni nekeju. Altai dabanlun, Qumšiqir-un Urunku huruu huldeju yabu-

qui-tur, Yedi-tubluq neretu, noyan ino, qaraul yabuju, bidan-o qaraul-a uldekdeju, aula oede tutaaqu bolun, olan-niyan tasuraqdaju, tende bariqdalua. Urunku huruu huldeet, Kišil-baši-naura kuičeju, Buiruq-qan-ni tende muqutqaba.

§ 159. Tendeče Činkis-qaqan Van-qan qoyar qariju aisuqui-tur, Naiman-o qatqulduqči, Kokseu-Sabraq, Baidaraq-beljir-e čerik jasaju, qatqulduqu bolun aju. Činkis-qaqan Van-qan qoyar qatqulduya keen, čerik jasaju kurču, jilda boldaju, manaqaru qatqulduya keen, jerkeer qonoba. Tende Van-qan baidal-duriyen qalnout tuleulju, sueni boet Qara-seul oede kodoljuui.

§ 160. Tende Jamuqa, Van-qan-lua qantu kodolulčeju yaburun, Van-qan-na Jamuqa ukulerun: «Temujin, anda mino, uridača Naiman-tur elčitu bulee. Edoe ese irebe.

Qan(a)-qan(a)!
Aqu qairuqana bi buyu je.
Ajiraqu bilduur —
Anda mino buyu!

Naiman-tur otčuui je! Oroqu bolun qočorba!» keejuui. Jamuqa-in tere uketur Ubčiqtai Kurin-Baatur ukulerun: «Jusuritču yekin tein šiliun aqa deuyüen ulqin jinkun ukuleyu?» keeba.

§ 161. Činkis-qaqan sueni mun tende qonoju, qatqulduya keen, manaqar erte udur keiulun, Van-qan-no baidaltur ujeesu, ukai boldaju: «Ede či bidan-i tulešilen aju!» keeet, tendeče Činkis-qaqan kodolju, Eder-Altai-in beljiriyer ketulju, tere kodolukseer kodolju, Saari-keer baouba. Tendeče Činkis-qaqan Qasar qoyar, Naiman-o tubuudi uqaju, haran-a ese toolai.

§ 162. Kokseu-Sabraq Van-qan-no qoinača nekeju, Sankumun emekou, irke-orqa selte daouliju abču, Van-qan-no Teleketu-amsar-a bukun jarimut irke, aduun, idee daouliju abuat qarijuui. Tere soor-tur Merkidun Toqtoa-in Qutu Čilaun qoyar kout tende burun, irke-ben abuat qaqačaju ečike-duriyen neilen Selanke huruu kodoljuui.

§ 163. Kokseu-Sabraq-a daouliqdaju, Van-qan Činkis-qaqan-tur elči ilejuui. Elči ilerun: «Naiman-a irke-orqo-ban, eme-kou-ben daouliqdaba bi. Koun-neče-iyen dorben küluudi čino quyüju ileba bi. Irke-orqo mino (irke-orko mino) aburaju oktukai!» keeju ilejuui. Činkis-qaqan tende Boorču, Muqari, Boroqul, Čilaun-Baatur, ede dorben külunt-iyan čerik jasaju ileba. Ede dorben küluud-i kurku-in urida, Hulaanqut-da, Sankun bailduqu bolun, morin-oan quya qaqdaju abdaqu bolju bukui-tur,

ede dorben küluut kurču aburaat, irke-orqo (orko), eme-kou bukude-i abu raju okba. Tende Van-qan ukulerun: «Erde Sain Ečike-de ino, ene metu odun baraqsan ulusiyen aburaju oktelee. Edoe basa kounoen odun baraqsan ulus-i mino, dorben küluudiyen ireju (ileju), aburaju okteba. Hači qariulqu-i Tenkeri Qajarun Iheel medetukai!» keeba.

§ 164. Basa Van-qan ukulerun: «Yesukai-Baatur, anda mino, odun baraqsan ulus mino nikante aburaju okba. Temujin-koun basa oduqsan ulus mino aburaju okba. Ede ečike koun qoyar odun baraqsan ulus nada quriyaju okurun, keno emune quriyaju okun jobomui? Bi ber edoe otolba. Namai otolju undut-te qaruasu, qaučitba bi. Qaučiju qaldut-ta qaruasu, qamuq ulus ken medeku? Deu-ner mino aburi ukaiun bi. Qaqča koun mino ukai metu. Sanqun qaqča biyu. Temujin-koun-i Sanqum-un aqa bolqaju, qoyar koutu bolju amusuqai» keeju, Činkis-qaqan-lua Van-qan, Tuula-in Qara-tun-ne quriju, ečike kou keelduba. Ečike koun keeldukui yosun. Urida erte udur Yesukai-qan ečike-lue Van-qan anda keelduksen yosuar ečike metu keeju, ečike koun keeldukui yosu teimu. Uke ukuleldurun:

«Oloan dayisun-tur haulurun,
Qantu niken-e hauluya!
Oroa korekesun-tur abalarun,
Niken-e ku qantu abalaya!»

keelduba. Basa Činkis-qaqan Van-qan qoyar ukuleldurun: «Bida qoyar-i naidaju,

Sudutu moqay-a
Suedurteesu,
Suedurken-tur bu oroya!
Suduer-amaar ukulelduju bušireya!
Araatu moqaya
Adarqaasu, (Atarqaqdaasu)
Adarqani ino bu abulčaya!
Amaar-keleer olulčaju bušireya!»

keen, tein uke baralduju amaaralin alduba.

§ 165. Amaraq deere dabqur amaraq boluya, keen, Činkis-qaqan setkiju, Joči-de Sankumun do-i, Čaurbeki-i, quirun, Sankumun koun, Tusaqa-da, bidan-o Qojin-beki-i araljin okuye, keen quiasu, tende Sankun ore-en yekejilen setkiju, ukulerun: «Bidan-o uruq an-dur oduasu, alaun-a baiju, eenekče qoimar qaraqu ajuu. Ano uruq bidan-tur ireesu, qoimara sauju, alaun-a qaran ajuu!» keen, oeriyen yekejilen setkiju, bidan-i doranjilan

ukuleju, Čaur-beki-i ulu okun ese taalajuui. Tere uke-tur Činkis-qaqan dotoraan Van-qan, Nilqa-Sankun qoyar-tur dura qočorčuu.

§ 166. Tein dura qočoruqsan-i Jamuqa uqaju, Qaqai jil qabur, Jamuqa, Altan, Qučar, Qardaqidai Ebukejin Nobuqin, Süekeetai-Tooril, Qačiun-beki, tede bolun, nikan eyeten bolju, nouju otču Jejeer-undur-un kerude, Berkeelet-te, Nilqa-Sankun-tur otču, Jamuqa ulqin ukulerun: «Temujin, anda mino, Naiman-o Tayan-qantur keletu elčitu buyu.

Aman ino
Ečike kou keeju amu.
Aburi ino
Oere buyu!

Itekeju-u amui ta? Ese nendeesu, tan-a yau bolqu? Tamujin anda-tur morilaasu, bi kuedelen- eče oroldusu!» keejuui. Altan, Qučar qoyar ukulerun: «Ba Hoelun-eke-in koun-i

Aqa-i —
Alaju
Deu-i —
Tebčiju oksukai!»

keejuui. Ebuke in Noyaqin Hartaat ukulerun:

«Qar ino
Qardaju,
Kol ino
Koldeju oksukai!»

keejuui. Tooril ukulerun: «Arkača otču Temujin-i ulus ino abuya! Ulusiyen abdaasu, ulus ukaiu boluasu yekikun tede?» keejuui. Qačiun-beki ukulerun: Nilqa-Sanqun-koun, čima-i-yan setkiesu, —

Urtu-in — ujuur-e,
Kun-o — hiraur-a —

kurulčesu!» keeju;

§ 167. Ede ukes ukulekdeju, Nilqa-Sankun ečike-duriyen, Van-qantur tedeer ukes, Saiqan-Todee-niyer, ukuleju ilejuui. Edeer ukes ukulekdeju, Van-qan ukulerun: «Koun-i mino Temujin-tur yekin tein setkin biyu ta? Ejiye turuq imaar-i bolju boet, edoe koun-tur mino tein maoui setkiesu, Tenkeri-de ulu taalaqdaqun bida! Jamuqa yabudaq keletu bulee! Job-nu

tab-uu ukulen buyu?» keen ese taalaju ilejuui. Basa Sanɔkun ukuleju ilerun: «Amatu, keletu kuun ukulen boetele, yekin ulu buširekdeku?» keen, jiči-quči ukuleju ileet, yadaju oesun beyen kedun otču, ukulerun: «Bol, čima-i edui bukui čaq-tur, bidan-i yaunaber ulu bolqan buyu! Unen-ber qan ečike-yen čima-i

Čaqaan-a čačaasu,
Qara-da qaqaasu,

Qurčaqus-Buiruq qan-ečike-in čino joban edui quriyaju aqsan ulus-i čino man-a-uu medeulku? Kene-ber, yekin medeulku?» keejuui. Tere uke-tur Vanɔ-qan ukulerun: «Čaqa-yan, kou-ben, ker tebčiku? Ejie tuluq imaar-i bolju, maoui setkiesu jokiqu-yu? Tenɔkeri-de ulu taalaqdaqun bida!» keejuui. Tere uke-tur koun ino Nilqa-Sanɔkun maouilaju enden oorču qarčuu. Jiči kounoen Sanɔkumun duran qairalaju uriju ireulju. Vanɔ-qan ukulerun: «Tenɔkeri-de maqa taalaqdaqun-o bida? koun-i ker tebčisu? keemui. Ta čidan-ele uiledutkun! Ta medetkun!» keejuui.

§ 168. Tendeče Sanɔkun ukulerun: «Mut-lu bidan-o Čaur-beki-i quyui bulee. Edoe buuljar idere iretkun, keen, udur boljaju, uriju ireulju, tende bariya keelduju, je keen, eye baralduju: Čaur-beki-i okuye, buuljar idere uretkun! keen ileba. Uriqdaju, Činɔkis-qaqan harban haran aisurun, jaura Munɔlik-ečike-in ker-tur qonoasu, tende Munɔliq ečike ukulerun: Čaur-beki-i quyūasu, mut-lu bidan-i doranjilaju ulu okun bulee. Edoe ker buruuya buuljar idere urijuu? Oed-iyen yekejilekun buruuya yekin oksu, keen uriqun buleai? job-uu,tab-uu — setkil bi! Koun uqaju otdaqu? Qabur bolba, aduun bidan-o turuqat bi; aduuban tejiye! keen šiltaju ileye! keeju, ulu odun, Buqatai, Qiratai qoyar-i buuljar idetkun keeju, ileju, Činɔkis-qaqan Munlik-ečike-in ker-teče qariba. Buqatai, Qiratai qoyar-i kurqui-lue: Serakdeba bida; manaqar erte bučiju bariya!» keelduba.

§ 169. Tein bučiju bariya, keen, uke barilduqsan-i Altan-o deu Yeke-Čeren ker-tur-iyen ireju ukulerun: «Manaqar erte Temujin-i bariya!» keelduba. Ene uke-i Temujin-e kelen kurken otqu kuun-i yanbar-ele bol-qaqdayu keejuui. Tein ukulekui-tur, eme ino Alaqit ukulerun: «Tere deleme uke čino yaun bolumui? Haran ba umen mikeujei (unemšikeujei).» keejuui. Tein kelelekui-tur, aduuči ino Badai sün kurkere ireju, ene uke-i sonosču qariba. Badai yorčiju, nokor aduuči Qišliq-a Čeren-o ukuleksen ukes ukulejuu. Qišliq ukulerun: «Bi basa otču uqasuqai!» keeju ker-tur otčuui. Čeren-o koun, Narin-Keen, qada sauju, sumudiyan hurun sauju, ukulerun: «Duqar bida yau keelduleai? Kele-ben abdaqun keno ama itqa-qun?» keejuui. Tein keeet, Narin-Keen basa aduuči-daan Qišliq-a ukulerun:

«Merkidai Čaqaan-Aman, Čaqaan-keer, qoyar-i bariǰu abčira! Huyaǰu, sueni erte morilaqu (morilasu)!» keeǰuui. Qisliq yorčiǰu Badaya ukulerun: «Tuqarun kelen čino bolqaaba, maqat bolba! Edoe bida qoyar Temuǰin-e kelen kurken yorčiya!» keen uke baralduǰu, Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan Keer qoyari bariǰu ireǰu, huyaǰu, udeši boet qoš-duriyan nikan quriqa-ban alaǰu, iseri-iyeren bolqaǰu, Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan-keer qoyar belen huyaqsad-i unoǰu, sueni-de yorčiǰu, Činkis-qaqan-tur sueni kurču, ker-un umereče Badai Qišliq qoyar ukulerun; Yeke-Čereno ukuleksen ukes, kouni ino Narin-Keen-no sumudiyan hurun sauǰu ukuleksen-i: «Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan Keer qoyar aqtas bariǰu huya!» keeksen ukes, — bukude-i ukuleǰu okba. Basa Badai Qišliq qoyar ukulerun: «Činkis-qaqan-ni, Soyurqaasu, ariya! ukai bui, bučiǰu bariya keen uke baralduba!» keeba.

VI

§ 170. Tein ukulekdeǰu, Činkis-qaqan, Badai Qisliq qoyar-un ukes bušireǰu, sueni boet, derkedeun bukun itekelten-e kelen kiet, koankelen, yauke-ben keet, buruilan, sueni boet kodolba. Maou-undur-un keru-er kodolurun, keru-de Uryanqadai J̌elme-qoa-i itekeǰu, qoina-an čaqduulsun bolqan, qaraulsun talbiǰu kodoǰu; tere kodolukseer manaqarši udur duli naran kelweriulun, Qara-qaljit-elet kurču uderin bauba. Uderitču bukui-tur, Alčidai-in aqtas aduulaulsun Čikitai-Yadir ǰuile-ǰuile noqoan-tur aqtas-iyan aduulan yabuqui-tur, qoinača Mao-undur-un eburier Hulaan-buruqat daarin aisuqui dain-o toosun-i uǰeǰu: dayin kurba! keeǰu, aqtas-iyan huldeet, ireǰu-daiyn kurba! — keekdeǰu uǰeesu: Mao-undur-un eburier Hulaan-buruqat daarin, toosun qarqaǰu; Van-qan tere nekeǰu aisun aǰuui! keeǰu, tendeče Činkis-qaqan toosun uǰeet, aqtasiyan bariuluat, ačaalaǰu morilaba. Tedui ese uǰeesu, kenet buleai. Tere aisuqui-tur, J̌amuqa Van-qan-lua qantu aisulčaǰu aisun aǰuui. Tende Van-qan J̌amuqadača asaqčuu: «Temuǰin-kountur qatqulduqun-metus ket bi?» keen asaqčuu. J̌amuqa ukulerun: «Tende Uruut Manqut, keen, irken ano bi. Tede irken ino qatquldumui ǰe!

Tooriqui tutum —
Tob ǰoqiyu!
Derelku-ku tutum — (dekelku-ku tutum)
Dem ǰoqiyu!
Učuken-eče
Uldu-ǰida-tur
Daduqsan irken!
Tede qaraqčiut-alaqčiut tuqtan bi,
Tede serelten irken bi ǰe!»

keejuui. Tere uke-tur Vaə-qan ukulerun: «Tein boesu, bida teden-tur Jirkin-baatudiyan Qadaqi tušiyaldun, Jirkin baatudiyan dobtulqaya. Jirkino kejike Tumen-Tubeken-o Ašiq-Širun-i dobtulqaya. Tubeken-i kejike Olon-Duəqait-baatudi dobtulqaya. Duəqaidun kejike Vaə-qan-no Miəqan Turqaud-i uduridun, Qori-Šilemun-taije dobtultuqai! Miəqan Turqaudun kejike bida, Yeke Qol, dobtulai je!» keejuui. Basa Vaə-qan ukulerun: «Jamuqa-deu, bidan-o čerik či jasa!»keejuui. Tere uke-tur Jamuqa, ore boldeitču qarču, nokodiyen ukulerun: «Vaə-qan ene čerik-iyan nama-i jasa keemu! Anda-tur bi qatqulduqun yadan yabulaa! Vaə-qan dulet nadača činaru ajuu. Čaqtu nokor biyu. Anda-tur kele orouluya. Anda qadaučituqai!» keeju, Jamuqa doloun Čiəkis-qaqan-tur kele oroulju ukuleju ilerun: «Vaə-qan nadača asaqba — Temujin-koun-tur qatqulduqun metus ket bi? — keen asaquasu, bi ukulerun: Uruut Maəqudi tumubulan ukuleba bi. Mino uketur mut Jirkin-iyan tumbulaju (tumulaju, tumubulaju) maəlailan jasalduba. Jirkino kejike Tumen-Tubeken-o Ačiq-Širuni keelduba. Duəqaidun kejike Vaə-qan-no Miəqan Turqaudun Noyan Qori-Šilemun-taije-i keelduba. Teuno kejike mun Vaəqan-no Yeke Qol čerikiyer baisu keelduba. Basa Vaə-qan ukulerun: Jamuqa deu, ene čerik či jasa! keen namai tušin ukulemui. Euber uqaasu, čaqtu nokor biyu. Čerikiyen jasaldun yau čidaqun? Erte bi anda-tur qatquldun yadaju yabulua. Vaə-qan nadača činaru ajuu. Anda, bu ayu, qadauji!» keeju ilejuku.

§ 171. Ene kele ireuluet, Čiəkis-qaqan ukulerun: «Uruudun Jurčedai-ebin či yau keemu? Čimai maəlailaya!» keeba. Jurčede-i duəqatqu-in urida Maəqudun Quildar-Sečen ukulerun: «Anda-in emune bi qatquldusu! Mona qoina onečit koudi mino asaraqu-i anda medetuqai!» keeba. Jurčedai ukulerun: «Ciəkis-qaano emune ba Uruut Maəqut maəlailan qatquldusu!» keejuui. Tein keeet, Jurčedai Quildar qoyar Uruut Maəqndiyar-iyan Čiəkis-qaano emune jasaju baiba. Baiqui-lua dain Jirkin-i maəlailaju kurču ireba. Irekui-lue Urunt Maəqut eserku dobtulju, Jirkin-i daruba. Daruju aisuqui-tur, Tumen-Tubeken-o Ačiq-Širun dobtulba. Dobtulju, Ačiq-Sirun Quildar-i qatquju, — baoulju, Maəqut Quildarun deere ekeerčuui. Jurčedai Uruu-diyeryen dobtulju, Tumen-Tubeken-i daruba. Daruju kodolkeju aisuqui-tur, Oloan-Duəqait eserku dobtulba. Jurčedai basa Duəqaidi daruba. Daruju aisuqui-tur, Qori-Šilemun-taije Miəqan Turqaudiyar dobtulba. Jurčedai basa Qori Čilemun-taiji ičuaju daruju aisuqui-tur, Vaə-qan-nača eye ukai-u Saəkun eserku dobtulqu bolun, aəkeske qačariyan qaqdaju Saəqun mun tende unaju. Saəkumi unaqdaju, Kereit bukudeer Saəkumun deere ekeerču baiba. Ani daruju, šiəkekui naran quburi deere tašin bukui-tur, bidanoai ekeerču, Quildari unaqsan yaratu-i abuat, qariju

Činəkis-qaqan bidanoai Vaŋ-qan-ača qatqulduqsan ǧaǰar-ača qaqačaǰu, udeši-de kodolǰu, qaqačan qonoba.

§ 172. Baiǰu qonoǰu, udur keiulun bukutkeesu, Okodai, Boroqul, Boorču, ǧurban ukai aǰuu. Činəkis-qaqan ukulerun: «Okodai-lue itekelten Boorču, Boroqul qoyar qočorčuu! Aǰu ber, ukuǰu ber yau qaqačaqum tede» keeba. Bidanoai sucni-de aqtas-iyen bariǰu qonoǰu, Činəkis-qaqan ukulerun: «Qoinača bidano nekeǰu ireesu, qatqulduya!» keen ǰasaǰu baiba. Udur kekeen bolǧaǰu uǰeesu, qoinača nikan kuun aisu. Kurču ireesu, Boorču aǰuu. Boorču kurču ireuluet, Činəkis-qaqan ukulerun: «Munke Tenkeri medetukai!» keeǰu, ebčeu-ben mokoeletba (mökŏritba). Boorču ukulerun: «Dobtulqui-tur, moriniyan unatala qaqdaǰu, yabuǧan kuyiju yabuqui-tur, mun Kereit Sankumun deere ekeer baiqui soor čolo-tur ačiatu morin ačiaban kelweriulǰu bain bukui-i ača ino hoqtolǰu inəǧirčaq-tur unoǰu ǧarču, bidano qaqačaqu ǧaruqsan mor mutkin yabuǰu olǰu edui ireba bi!» keeba.

§ 173. Basa qorumut atala basa nikan kuun aisu. Kurču aisuqui-tur, doro ino kolien unǰilǰaǰu aisu. Uǰeesu, qaqča kuun metu biyu. Iren baraasu, Okodai-in qoinača Boroqul sundulaǰu, amano ǰabaǰiu-iyar čisum čuburiulǰu, kurču ireba. Okodai suǰiyasu-ban sumun-a tusdaǰu, čisun ino qaqdarun, Boroqul amaariyen šimiǰu, bokleksen čisun ǰabaǰiniyar-en čuburiulǰu ireba. Činəkis-qaqan uǰeesu, niduneče-en nilbusun čuburiulǰu, duran alǰaat; «Qal otor tuleulnet, qalaun daauluat, Okodeye undan eriulǰu okekeulǰu, daisun ireesu qatqulduya» keeǰu buleai. Boroqul ukulerun: «Daisuno toosun činaqši Mao-undurun eburiyer Hulaan-boluqat (buruqat) ǰuk toosun urtuda ǧarču, činaqši yorčiba!» keeba. Boroqul tere uke-tur ireesu, qatqulduqun buleai. «Dain-a burunilan kodoldeesu, bida čerikiyen ǰibšierču, qatquldut ǰe!» keeǰu kodolba. Kodolurun, Ulqui-šilukelǰit oede kodoluet, Dalan-nemurkes oroba.

§ 174. Tende qoinača Qadaan-Daldurqan eme-koun-eče qaǧas irebe. Ireǰu Qadaan-Daldurqan Vaŋ-qan-o uke keen ukulerun: «Vaŋ-qan kou-ben Sankum-i učumaar ankeske qačar unatala qaǧdaǰu, deere ino ekeerču, tende ukuleǰuui:

«Hilu qatqutan metu-tur
Hilu qat(qu)ba!
Qalqutan metu-tur
Qalqun bolun,
Qairan kouno mino
Qačar-tur
Qadaasun qadaulba!

Kouno ami erusun dobtulduya! Keeesu, teun-tur Ačiq-Širun ukulerun: Qan, qan! Butukai!

Ečine buku, kou erirun,
Elbiesun ǰalama kiju,
Abi-Babi! keen,
Erin ǰalbarimui bida,
Edun-torun-baraqsan.

kou Sanǩumi asaraya! Monġolun oloankin, J̌amuqa-lua, Altan, Qučar-lua bidan-tur bi! Temuǰin-lue daičiǰu ġaruqsan Monġol qaa otqun tede?

Morin unoa tan
Modun nemure ten

bolba tede! Ani ese ireesu, otču,— morino junduul metu qormailaju ačirat je bida tedeer-il» keeba. Ačiq-Širuno ene uke-tur Van-qan ukulerun: «Je, tein boesu, koun alǰauǰai! Kouni ulu denselken asaratqun! keeet, qatquldnqsan ġaǰarača qarin ičuba». Keeba.

§ 175. Tendeče Činǩis-qaġan, Dalan-nemurkes-eče Qalqa huruu kodolurun, too tooalaldnba. Tooalaldubasu, qoyar minġan ġurban ǰaut ǰirwaan ǰaut bolba. Nikan minġan ġurban ǰaut Činǩis-qaġan Qalqa-in horoneǰi eteediyer nouuba. Nikan minġan ġurban ǰaut Qalqa-in doronoǰi eteediyer Uruut Manqut nouuba. Tein nouuju aisuqui-tur, kunesun-e abalan yabuquitur. Quildar, yarasiyan anaai-uduuye, Činġis-qaġan itqaasu ulu bolun, koreesun-tur dobtulqu bolun. lukdereju nokčiba. Tende Činǩis-qaġan Qalqa-in Ornau-in keltekai qada-da yasun ino talbiulba.

§ 176. Qalqa-in Buyür-naur-tur čitququ huǰaur-a Terke-Amelten-Unqirat bi, keen medeju, J̌určede-i Uruudiyar ileba. Ilerun: «Unqirat-irken erte udur-eče ǰein ǰisuer, okino onkeer... keeesu, elset je! Mut bulqa ino keeesu, qatquldut je bida!» keeju ilebesu, J̌určedai-tur elsen oroǰuui. Elsen oroqdaju, Činǩis- qaġan yau-ber ano ese kondeba.

§ 177. Tende Unqiradi orouluat, otču, Tunqe-qoroqano doron-a baouju, Činǩis-qaġan Arqai-Qasar-a Sukekai-J̌eun qoyar-a daou bariulurun: «Tunkeqorqano dorona baouba. Ebesun ber ino sain boljuui. Aqtas mano uyeleba. Qan-ečike-de mino ukule, keen, ukulerun: Qan-ečike mino! Yaun čimar-tur nama ayünlba či? Ayüulqu boesu, maoun koudiyen, maou berinediyen noirqanqan yekin ulu ayüulu(m) či?

Din (den) sauqui iseri boqunitqaju,
Deekši qarqui huni doluskeju,

yekin tein ayüulba či? Qan-ečike mino

Ġalǰirġu-yu kuun-e
Qatquqdaba či?
Kondeleduku-yu kuun-e
Kokiuldeba či?

Qan-ečike mino, bida qoyar yau keelduleai? J̌orqalqun-o Hulaa-nout Bolqaut-ta (Burqaut-ta) bida ese-u ukuleldulnai?

Sudutu moġaya suedurteesu,
Suederken-tur bu oroya!
Sudner amaar olulčaǰu bušireya!

Ese-u keeldulekai? Edoe, qan-ečike mino, suduer amaar-u olulčaǰu qaqačaba-či?

Araatu moġaya adartaasu,
Adarqan-tur bu oroya,
Amaar keleer olulčuǰu bušireya!

ese-u keeldulekai? Edoe, qan-ečike mino, amaar keleer olulčaǰu anġičiraba či? Qan ečike mino! Bi

Čoen ber boesu,
Oloan-ni ulu eriulku bulee.
Maoui-ber boesu,
Saini ulu eriulku bulee bi.
Qoyar kilukutai terken
Nokoe kiluku-ben ququraasu,
Huker ino ǰikdun yadayu.

Tere metu nokoe kilukun činu bi ese-u aǰuu?

Qoyar kurdutai terken
Nokoe kurdu-ben ququraasu,
Nouun yadaǰu.

Tere metu nokoe kurdun čino bi ese-u aǰuu? Erte udur keeesu Qurčaqus-Buiruq, qan-ečike-yüen, qoina dočin koudun aqa keeǰu, qan bolǰuu ǰe či. Qan bolun baraǰu, deuner-iyen Tai-Temur-taiǰe, Buqa-Temur qoyar-i alaba ǰe či. Erke-Qara deu čino alaqdarun, ami-en qoroqču ġarču, Naimano Inanča-Bilke-qan-tur buruntču oroǰuu ǰe. Deuner-iyen alaqči bolba keeǰu, Kur-

qan abaġa čino čimadur morilaju ireesu, či jaun kuun ami-en qoroqun buruutču, Selaŋke huruu tutaaju, Qaraun-qabčal širġuldaba je či. Jiči tendeče ġarurun, Merkidun Toqtoa-da Huǰaur-Ujin okiniyen niurqan okču. Qaraun-qabčal-ača ġarču, Yesukai, qan-ečike-tur mino, ireesu, či tende ukulerun: Ḱur-qan abaġa-dača ulus mino aburaju ok! keekdeju, Yesukai qan-ečike mino čimada tein keen irekdeju Taičiud-ača Qunan, Baqaji qoyar-i uduritču, ulus čino aburaju oksu, keen, čerik jasaju otču, Qurban-telesut-te bukun Ḱur-qani qorin ġučin kuun-i Qašin juk huldeju, ulus čino aburaju okba je. Tendeče ireju Tuula-in Qara-tune qan-ečike mino Yesukai-qan-lua anda bolulčaju, tende Vaŋ-qan ečike mino buširen ukulerun: Ene tusa-in čino hači uruqun uruqa čino hači, qariulqu-i Deere Teŋkeri, Ġaǰarun Iheel medetukai! keen bušireksen aǰuu je či. Teuno qoina Erke-Qara Naimano Inanča-Bilke-qan-nača čeriut ġuyüju čima-tur morilaju ireesu, či ami-an qoroqan, ulusiyen keju joeen kuun tutaaju ġarču, Qara-Qitadun Ḱur-qan-tur Čui-muren-e Sartaulun ġaǰara otba je či. Nikan hoau ulu daousun, basa Ḱur-qan-nača daijiju ġarču, Ui-udun, Taŋ-udun ġaǰariyar yadaju aisurun, tabun imaat širkoleju saaju ideju, temeen-o čisun qanaju ideju, qaqča soqor qaliun moritu ireba je či. Qan-ečike-in čimai tein yadaju aisu keen medeju, Yesukai qan-ečike-lue mino anda keelduksen-o tula, setkiju, Toqai Sukekai qoyar-i eserku čino elči ileet, basa bi oesun Kelureno Burki-erki-deče uqtun ẏorčiju, Ḱuseur-naur-a joluġalduba je bida. Čimai yadaju ireba keen, qubčiri qubčiju čimada okuet, uridu ečike-tur mino anda keeldukser yosuar Tuula-in Qara-tun-ne bida qoyarum ečike koun keelduksen yosun tere ulu-u bi? Tere ubul čimai kuryeen dotora oroulju teǰieba je. Ubul ubuljeju, jasaju namur ino Merkit-irkeno Toqtoa-beki-tur morilaju, Qadiqliq-niruun-o Muruče-seul qatqulduju, Toqtoa-beki-i Barqujin-tokum juk huldeju, Merkit irke daouliju, oloan aduu, ordo-ker ano, tariyat ano bukude-i abču, qan-ečike-de okba je bi.

Oleksen-i čino
Udur duli-de
Ese kurkeba je bi!
Turuqsan-i čino
Sara-in jarim-a
Ese kurkeba je bi!

Basa bida Ḱučukurtai-Buiruq-qani Uluq-taġ-un Soqoq-usunača Altai dabaulun huldeju, Urunġu huruu oduat, Qičil-haši-naur-a muqutqaju abuai je bida. Tendeče qariju aisuqui-tur, Naimano Kokseu-Sabraq Baidariq-belčire čeriudiyen jasaju bailduqui-tur, udeši jilda boldaju, manaqaru erde qatqulduya

keen jasalduju qonoasu, qan ečike mino, či baidal-duriyan qalnaut tuleulju, suenide Qara-seul oede kodolba je či. Manaqar erde ujeesu, baidal-duriyan ukai boldarun, čimai kodoldeju: ede-či bidan-i tulešilen ajuu! keeju, bi ber kodolju, Eder-Alta-in Belčiriyer ketulju, ireju, Saari-keer-e baouba je. Tende čimai Kokseu-Sabraq nekeju, Sankumun eme-kou irke-orqa bukude-i abuat, qan-ečike-in čino Teleketu-amasar-a bukun jarimut irken aduun-ideen čino daouliju oduasu, Merkidun Toqtoa-in koun, Qudu Čilaun qoyar, irke-orqa-bar-iyan čima-tur burun, tere soor-tur ečike-duriyen neilen Barqujin oroan, čima-dača dayijin kodoljuui je. [Tende, qan-ečike mino, či: Naimano Kokseu-Sabraq-a irke-orqa-ban daouliqdaba bi. Koun mino, Dorben Küluudien okču ile! keeju ileesu, čino metu ulu setkin, tende bi Boorču. Muqali, Boroqul, Čilaun-Baatur, ede Dorben Küluudien, čeriut jasaju ileesu, ede Dorben Küluudun mino urida Hulaan-qut-da Sankun bailduqu bolun, morino-an quya qaqdaju aldaqu bolju bukui-tur, ede Dorben Küluut mino kurču, Sankumi aburaat, eme-kou irke-orqa selte bukude-i aburaju okuesu, tende qan-ečike mino buširen ukulerun: Kouno-en Temujin-e odun baraqsan irke orqo-ban Dorben Küluudien ileju aburaju okteba! keeju bulee či. Edoe, qan-ečike mino yanbar čimar-tur mino čimatba či? Čimarun yosun-tur elčin ile. Ilerun, Qubariquri, Idurken qoyar-i ile. Qoyari ese ileesu nokoji-i ile!» keeju ileesu;

§ 178. Ede ukes-tur Van-qan ukulerun: «Ai soiluq!

Kouneče-en qaqačaquyu?
Tore-deče qaqačaba!
Hiričeku-yu?
Uyile-deče hiričeba bi!»

keen, dura aljaat ukulerun: «Edoe kou-ben ujeju, maoui setkiesu, ene metu čisu-ban qarqaqdasu!» keen, andaqaju šiki quruunoan toli onubči qituqai-bar qatquju, čisun čiburiulju učuukan daqtai-tur kiju: koun-e mino ok! keeju ileba.

§ 179. Basa Činkis-qaqan Jamuqa-anda-da ukule keen ukulerun: «Qan-ečike-deče mino ujen yadaju qaqačaulba či. Urida bosuqsan bidan-o qan-ečike-in Koko Čun uuju bulee. Nada urida bosču uqdarun, naidaba je či. Edoe qan-ečike-in Koko Čun baratqun! Kedui je qoroqun ta!» keeju ileba. Basa Činkis-qaqan Altan Qučar qoyar-a ukule keen ukulerun; «Ta qoyar nama tebčiju ileu-u kesu keeleai ta? Juqajuu kesu keeleai ta? Qučar-i čima-i Nekun-taije-ini koun keeju bidanača: či qan bol! keeesu, ese bolba je či. Altan-i čima-i: Qutula-qan-lu meden yabulua; ečike-yüen meden aqsaar — či qan bol! keeesu, ese ku bolba je či. Deere-eče Bartan-Baatur-ni

koun keeǰu Sača, Taiču qoyar-i: ta qat bolutqun! keeǰu yadaba ǰe bi! Tan-i qat bolutqun keeǰu yadaǰu, tan-a: či qan bol! keekdeǰu, meden yabuba ǰe bi. Tan-i qat boluqsan boesu, oloan dain-tur alqinči haulqaqdaasu, Tenkeri-de iheekedesu, daisun kuun-i daouliqui-tur,

Qačar qoa oki qatun eme-i,
Qarqan sain aqta abčiraǰu,
Okuai bulee ǰe bi.
Oroa koreesun-tur uturauldaasu,
Qada-in koreesun
Qa ino niketele šiqaǰu
Okuai bulee ǰe bi.
Kun-no koreesu
Quya ino niketele šiqaǰu
Okuai bulee ǰe bi.
Keer-un koreesu
Keeli ino niketele šiqaǰu
Okuai bulee ǰe bi.
Edoe qan-ečike-de mino
Saitur nokočeǰu okutkun!
Uidanqa keekdeu ǰe ta.
Čautquri-in turuq-ele aǰuui —
Bu keelutkun!
Qurban mured-un teriun
Ken-e ber bu baoulutqun!»

keeǰu ileba.

§ 180. Basa Činkis-qaqan Tooril-deu-de ukule keen ukulerun! «Deu keeku yosun. Tumbinai, Čaraqai-Linqu qoyar-un Oqda-bool-iyar bilaǰu ireba ǰe. Oqda-bool-un koun Subekai-bool bulee. Subekai-bool-un koun Kokoču-Qirsan bulee. Kokoču-Qirsan-o koun Yekai-Qoantaqar bulee. Yekai-Qoantaqarun koun-Tooril, či: Ken-o ulus-ut oksu, keen, ǰusuridun ǰabuyu či? Mino ulus Altan Qučar qoyar kene-ber ulu medeulkun buyu ǰe! Čima-i deu keeku yosun:

Borqai-in mino
Bosoqa-in bool,
Elinčuk-un mino
Eudeno enču bool!

keeǰu ilekui mino eimu.»

§ 181. Basa Činəkis-qaqan Sanəkun-anda-da ukule keen ukulerun:

«Dekeltu toreksen koun —
Bi ajuu je.
Ničukun toreksen koun —
Či ajuu je».

«Qan-ečike bidan-o bida qoyar-i sačau asaraun bulee. Jaura oroqdaquiača Sanəkun-anda nama naidaju huldeba je či. Edoe qan-ečike-in bidan-o juruke ino ulu joboan ude manaqari oroju qarču serkueju yabu! Uyen-o setkil-iyen ulu talbin, qan-ečike-i amitu boetele qan bolsu keen, qan-ečike-in bidan-o setkil joboaju bu alqasaul!» keeet: «Sanəkun-anda elči ile! Ilerun, Bilke-beki Todoen qoyar-un nokod-i ile!» keeju ileba. «Nadur elčin ilerun, qan-ečike qoyar elčin ile! Sanəkun-anda qoyar-ku elčin ile. Jamuqa-anda qoyar-ku elčin ile. Altan qoyar-ku elčin ile. Qučar qoyar-ku elčin ile. Ačiq-Širun qoyar-ku elčin ile. Qačiun qoyar-ku elčin ile!» keen, Arqai-Qasar Sukeqai-Jeun qoyari, edui ukes daou bariulju, ileba. Ede ukes ein ukulekdeju, Sanəkun ukulerun: «Keli qan-ečike keeku bulee? Qiduači-ebuken ese-u keeku bulee? Nama keli anda keen bulee? Toqtoa-boe Sartaqčin qonino seul jubčiju yabuyu ese-u keeku bulee? Edeer ukes-un arqas uqaqdaba. Qatqulduano teriut ukes bi. Bilke-beki Todoen qoyar qatqulduqui tuq bosqatqun! Aqtas tarqulaulutqun, ariyal ukai bi je!» keeba. Tedui Vaə-qan-nača Arqai-Qasar qariqui-tur, Sukekai-Jeuno eme- koun tende, Tooril-tur, ajuu. Otqu juruke yadaju, Sukekai-Jeun Arqaiača qočorčuui. Arqai ireju, ede ukes Činəkis-qaqan-na ukuleba.

§ 182. Tedui Činəkis-qaqan oduat, Baljuna-naur baouba. Tende baouquitur, Čoos-Čaqan Qorulas job tende učiralduba. Tende Qorulas ulu bulqan elsen ireba. Onqudun Alaquš-diqitquri-dača Asan Sartaqtai čaqan temeetu minəqan irkes tauju, Erkune-muren huruu buluqat keremun qudalduju abura aisurun, Baljuna usulan oroqui-tur, učiraba.

§ 183. Činəkis-qaqan mun Baljuna usulan bukui-tur, Qasar, eme kouben Yeku, Yesunke, Tuqu tan qurban koudiyen Vaə-qan-tur keju, čoen beyes nokod-iyer iyen qarču, aqa-yüan keen Činəkis-qaqan-i erin Qaraunjiduno niruut kiqurilju, olun yadan, yadaju širi širbusun ideju yabuat, Baljuna-da Činəkis-qaqan-tur neileba. Qasari ireuluat, bayasču Činəkis-qaqan Vaə-qan-tur elčin ileya keen eyetuju, Jaouriedai Qariudar, Uryanqadai Čaqurqan qoyariyar ukuleju ilerun, qan-ečike-de Qasarun uke / keen ukuletkun, keen ukulerun: «Aqa-an qaraju, — qaraa ino jabqaba. Qaiju — hauluqa ino olun yadaba. Qailaju — daou-ban ese sonosdaba. Hot qaraju, urbaə deretu bolju, kebtemu bi. Eme-koun mino qan-ečike-tur bi. Itekenji

ereen oluasu, qan ečike-tur otqu bi! keeju ileba», keen ukuletkun. Basa ukulerun: «Ba tan-i udaarin kodolju, Kelureno Arqal-keoki-de boljalduya! Ta tende iretkun!» keen boljalduju, tedui Qariudar, Čaqurqan qoyar-i ileet, Jurčedai, Arqai qoyar-i alqinčilaju, Baljuna-naurača Činəkis-qaqan udaarin eusulčeju, qarun morilaqsaar, Kelureno Arqal-kouki-de kurba.

§ 184. Qariudar, Čaqurqan qoyar Vaə-qan-tur kurču, Qasarun uke keen, endeče ukuleju ileksen ukes ukulejuui. Vaə-qan altan terme bosqaju, kenet qurinlan ajuui. Qariudar Čaqurqan qoyarun uke-tur Vaə-qan ukulerun: «Tein boesu, Qasar iretukai!» keeju «Itekenji Iturken-i ilcye!» keen ilelduјuui. Tedui ireet, boljal qajar-a Arqal- kouki-de kurkui-lue, barua yeke-i ujeju, Iturken-elčin qarin dutaaju, Qariudarun morin qurdun ajuu. Qariudar kuyičeju, bariqu juruke yadaju, uridaun-qoinaun ino hoqtoriqan yabuqui-tur, Čaqurqano morin udaan ajuu. Qoinača sumun-o kurkui ujuur-a Iturken-o altan emeeltu qara aqta-in quyaə hujaur sautala qarbujuu. Tende Iturken-i Qariudar, Čaqurqan qoyar bariju, Činəkis-qaqan-tur abčiraba. Činəkis-qaqan Iturken-tur ulu keleldun: «Qasar-tur abču odutqun! Qasar medetukai!» keeba. Abču oduasu, Qasar Iturken-tur ulu kelelеldun, mun tende čabčiju keba.

§ 185. Qariudar Čaqurqan qoyar Činəkis-qaqan-a ukulerun: «Vaə-qan kenet bi. Altan terme bosqaju qurinlamui. Oterlen iqulju, suenit duliličeju nesden bučiye!» keeba. Ene uke-i jobšiyeju, Jurčedai Arqai qoyar-i alqinčilaulju, suenit duliet kurču, Jejeer-undurun Jer-qabčiqai-in amasara bukuitur, bučiba. Qurban sueni, qurban udut bulqaldarun, bučiju baibasu, qutuar udur yadaju mut oroba. Vaə-qan Sanəkun qoyar-i ker-ber qaruqsan-i ese medekdeba. Ene bulqalduqsan Jirkin-o Qadaq-Baatur ajuu. Qadaq-Baatur oroju ireju ukulerun: «Qurban sueni, qurban udut bulqaldurun, tus qaniyan ujeet bariju ker alaulqu? keen tebčin yadaju, amiyan qoroqun kunəketukai, keen, suoraulun bulqaldulua bi. Edoe ukuulduesu — ukusu! Činəkis-qaqan-a soyürqaqdaasu — kuču oksu!» keeba. Činəkis-qaqan Qadaq-Baaturun uke-i jobšiyeju, jarliq bolurun: «Tus qaniyan tebčin yadaju, amin qoroqun kunəketukai, keen, bulqalduqu ere tere ulu-u-bi? Nokočekdeku kuun bulee!» keeet, soyürqaju ulu ukuulun, «Quildarun amino tula, Qadaq-Baatur-i jaun Jirkin-i Quildarun eme-koun-e ino kuču oktukai! Noun-koun toreesu, Quildarun uruq-un uruq-a kurtele daqaju, kuču oktukai! Okin-noun toreesu, ečike eke ano oerun duraar bu qudalatuqai! Quildarun eme-koun-o emune umere-en jarutuqai!» keen soürqan jarliq bolba. Quildar-Sečeno aman urida nekeksen-o tula, Činəkis-qaqan soyürqaju jarliq bulurun: «Quildarun uruqun uruqa kurtele, Quildarun tusa-in tula, onečidun abuliqa abun atuqai!» keen jarliq bolba.

VII

§ 186. Tedui Kereit-irke doraitaulǰu, ǰuk-ǰuk qubiyaǰu talaulba. Suldudai Taqai-Baaturun tusa-in ino tula nikan ǰaun J̌irkin-i okba. Basa Činɔkis-qaqan ǰarliq bolurun, Vaɔ-qan-no deu J̌aqa-Ḱanbu ǰirin okit aǰuu. Ekečimet ino Ibaqa-beki-i Činɔkis-qaqan oesun aburun, doimet (dočimet, doimet) Sorqaqtani-beki-i Toluya okba. Tere šiltaaniyar J̌aqa-Ḱanbu-i: «Imada qariyatan enču irke ber tumdaa, nokoe qilq̇un bol!» keeǰu soyürqaǰu ese talaulba.

§ 187. Basa Činɔkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Badai Qisliq qoyarun tusa-in ano tula, Vaɔ-qan-no altan terme sauqsaat, altan kurue, ayaq̇a-saba asaraqsat haran selte, Vaɔqoǰit Kereidi: kešikten ano boltuq̇ai! Qorčilaulǰu, otokleulǰu, uruqun uruqa ḱurtele darqalan ǰirq̇atqun!

Oloan dain-tur haulυasu
Olǰa oluasu,
Oluqsaar abutqun!»

keen ǰarliq bolba. Basa Činɔkis-qaq̇an ǰarbiq bolurun: «Badai Qišliq qoyarun amin ǰaura tusa ḱurḱeksen-o tula, Munɔke Tenɔkeri-de iheekdeǰu, Kereit-irke ḍoraidaulǰu, Undurun Oroan-tur ḱurba je. Monaqoina uruqun uruqa mino Oroan-tur sauǰu ene metu tusa ḱurḱeksed-i ulam-ulam uqatuq̇ai!» keen ǰarliq bolba.

Kereit-irke ḍaouliǰu, kene ber ese dutatala tuḱeelḍuba. Tumen-tubeen-i tuḱeelḍuǰu tuketele abulčaba. Oloan Dunɔqait oq̇uq̇a udur-e ulu ḱurken talaulba je. Čisutu tonaq abuqči J̌irkin baatud-i ǰisuǰu qubiyaǰu ḱurkeldun yadaba. Kereit irke tedui qoruaǰu, tere ubul Abǰya-kodekeri ubuljeba.

§ 188. Vaɔ-qan Sanɔkun qoyar beyes-iyen daičiǰu q̇arču oḍuat, Didiq-saqal-un Nekun-usun-a Vaɔ-qan qanɔq̇aǰu oroqu bolun, Naiman-o qaraul Qorisu-beči-tur oroǰuui. Qorisu-beči Vaɔ-qan-ni bariǰu, «Bi Vaɔ-qan biyu!» keeesu, ulu tanin ese bušireǰu tende alaǰuu. Sanɔkun Didiq-saqal-un Nekun-usun-a ulu oroan, q̇adaun yorčiǰu, čül-tur (čöl) oroǰu usurqarun qulat hiluatuǰu baiqun-i, Sanɔkun baouǰu mariyaǰu, Sanɔkumun nokor Kokoču-aqtači emetu Sanɔkun-lue qurbaula aǰuu. Kokoču-aqtači aqta ino kotoluet, qarin qatarǰuui. Eme ino ukulerun:

«Altata-i emuskui-tur,
Antata-i idekui-tur,
Kokoču mino keeku bulee!

Qaniyan Sanɔkum-i yekin tein tebčiǰu keǰu odun biyu či?» keeǰu, eme ino baiǰu qočorčuu. Kokoču ukulerun: «Sanɔkumi erelesu, keen, biyu je či!»

keejuui. Tere uke-tur eme ino ukulerun: «Eme kuun noqai niurtai keekdeei je bi. Altan jan-taou ber ino ok! Usun ber utquju uutuqai!» keejuui. Tendeče Kokoču-aqtači: «Altan-jan-taou ab!» keen qoinaqši oruat qatarajuu. Tedui ireet, Činkis-qaqan-tur Kokoču-aqtači ireju: «Sankumi tein cöl-tur keju ireba bi!» keen, tende ukuleksen ukes-iyen bukude-i tekus ukuleju okuesu, Činkis-qaqan jarliq bolurun, eme-i ino soyürqaju, mun Kokoču-aqtači-i: «Tus qaniyan ein tebčiju irejuui. Eimu kuun edoe ken-tur nokočeesu itekekdeku?» Čabčiju keba.

§ 189. Naiman-o Tayan-qan-no eke Kurbesu ukulerun: «Van-qan erten-o otoku yeke qan bulee. Teriu ino abčiratqun! Mun boesu taiya bida!» keeju, Qorisu-beči-tur elči ileju, teriu ino hoqtolju abčiraulju, taniju, čaqan toloq deere talbiju berinediyen berileulju otokleulju quurdaulju, ayaqa bariju taijuui. Tende teriun, tein taiqdarun, iniyeju iniyeba, keen, Tayan-qan kemkeru kečikileuljuui. Tende Kokseu-Sabraq ukulejuu: «Ukuksen qan-kuuno teriun ino ta-ku hoqtolju abčirat, nokoete ta-ku kemkerit yaun jeqiqui? Noqano bidano qučiqui daoun maoui bolbi. Inanča-Bilke-qan ukulelee:

Eme jalaui,
Ere bi otolba.
Ene Tayan-i
Elbesuer toreulelue. Ayi!
Torluq toreksen, koun mino
Torulmiši, oloan
Doromjin maoui ulus mino
Asaraju barin čidaqu-yu?»

keelee. «Edoe noqano daoun idurekui qučal qučamui. Qatun-no bidano Kurbesu-in jasaq qurča bolbi. Qan mino, Torluq-Tayan joolen biyu či. Šibaoulaqu abalaqu qoyaraca buši setkil erden ukai bi!» keekdeju, tende Tayan-qan ukulerun: «Ene dorona jueeket Monqol bi keekdemui. Tede irken otoku yeke erteno Van-qan-ni qoriyariyan ayüulju daijiulju ukuulba. Edoe mun qan bolsu, keen, aqun-o tede? Tenkeri deere naran saran qoyar keryeten kekeen boltuqai, keen, naran sara qoyar bi je. Qajar deere qoyar qat ker bolqu bida? Otču, tede ket Monqol-i abčiraya!» keejuui. Teuñ-tur eke ino Kurbesu ukulerun: «Yekiuje(i)! Tedeer-i Monqol-irken

Hunor maoutan,
Qubčasu baratutan

buleai! Anqida qolo buju butukai! Šiliun berinet okidi ano maqa abčiraulju, qar-kol ano uqiyaulju, uniet qonidiyan maqa saaulqun ele!» keejuui.

Teun-tur Tayaŋ-qan ukulerun: «Tein boesu, yautan aqun tede Moŋǵol-tur otču, qor ino abčiraya! keejuui».

§ 190. Edeer ukes-tur Kokseu-Sabraq ukulerun: «Ayi! Yeke uke ukulet ta! Ayi, Torluq-qan, joqiquyu bi? Niutqun!» keejuui. Kokseu-Sabraq-a itqauluat burun, Torbidaš neretu elči Oŋǵudun Alaquš-diǵitquri-da ukuleju ilerun: «Ene dorona jueekan Moŋǵol bi keekdemui. Či baraun ǵar bol, bi endeče qansaji, tede-ket Moŋǵolun qor ano abuya!» keeju ilejuui. Tere uke-tur Alaquš-diǵitquri qariu ukulerun: «Baraun ǵar bolun ulu čidaqu bi!» keeju ileet, Alaquš-diǵitquri Yue-Qunan neretu elči-iyer-iyen Činǩis-qaǵan-a ukuleju ilerun: «Naimano Tayaŋ-qan qor čino abura iremui. Nama-i: baraun ǵar bol! keeju ileju, bi eṣe bolba. Edoe bi čimada sereulju ileba. Ireju, qoriyan abdauje či!» keeju ilejuui. Job tende Činǩis-qaǵan Temeen-keer-i abalaju, Tulkin-ceu-i qomorču bukui-tur, Alaquš-diǵitquri-in ileksen Yue-Qunan-elči ene kelen kurken ireba. Ene kelen-tur, aba deere boet, kerkikun keelduesu, oloan kuun ukulerun: «Aqtas bidano turuqat bi. Edoe yekikun bida?» keelduǰuui. Teun-tur Otčiǵin Noyan ukulerun: «Aqtas turuqat bi, eimu ukes sonosču yekin sauqdaqu?» keeba. Basa Belkutai Noyan ukulerun:

«Amidui boetele
Nokor-e qor-iyan abdaasu,
Aqsan yaun tusa bi?»

«Toreksen ere-de ukuesu, taqi qor-numun-lua-ben, yasun-lua nikan-e kebteesu uluu sain bi? Naiman-irken

Ulus yeke-tu
Irke olotu

keen yeke uke ukulen ajuu. Bida ene ano yeke uke-tur šiqan(m) morilaju otcu, ano qor abuasu berkeduu ajuu? Oduasu, oloan aduun ano joqsaju uluu qočoruujei? Ordo-ker ano eureju uluu qočoruujei? Oloan ulus ano undur etuket-tur qorura uluu qaruujei? Mut ene eimu yeke uke ukuleulju, ker sauqdaqu? Morilaya boet!» keeba.

§ 191. Belkutai-Noyano ene uke-i jobšiyeju, Činǩis-qaǵan aba baouat, Abjiqa-koteker-eče kodolju, Qalqa-in Ornou-in Keltekai-qada baouju, toaban toolalduju, minjan tende miŋǵalaju, Miŋǵano-Noyan, Jauno Noyan, Harbano Noyan tende tušiba. Čerbini tende-ku tušiba. Dodai-čerbi, Doǵolqu-čerbi, Okele-čerbi, Tolun-čerbi, Sūiketu-čerbi, Bučaran-čerbi, ede jirwaan-čerbi tende tušiba. Miŋǵan miŋǵalan, jau jaulan, harban harbalan baraju, nayan

kebteut, dalan turqaut tende kešikten ilqaju oroulurun, Minəqad-un, Jaud-un Noyad-un koud-i deuner-i utu duru-in kuun-o koud-i deuner-i oroulurun, erdemten beyešil saitan ilqaju oroulba. Tende Arqai-Qasar-i soyürqaju, baatudi ilqaju minəqalatuqai! Qatquldnan udur emune mino baiju qatquldutuqai! Oloan udur turqaq kešikten mino boltuqai! keen jarliq bolba. Dalan turqaudi Okole-čerbi aqalaju atuqai! Qudus-Qalčan-lua eyetulduju atqun!» keeba.

§ 192. Basa Činəkis-qaqan jarliq bolurun: «Qorčin, turqaut, kešikten, baourči, eudenči, aqtači udur kešik oroju, naran šinəkeku-in urida kebteul-e jailaju, aqtas-turiyan qarun qonotuqai! Kebteul sueni ker horčin kebtekuniyan kebteulju, euden-tur baiquniyan kešiklen baiultuqai! Qorčin turqaut manaqari ino bidani šulen ideesu, kebteultur keleleju, qorčin turqaut baourčin eudečin mun-mun mor-duriyan yabutuqai, saurin-duriyan sautuqai! Qurban sueni, qurban udur kešik uduriyan daousču, mun-ku yosuar qurban sueni qonolduju yeutkelduju sueni kebteul atuqai! Qorčin kebteju qonatuqai!» Keen jarliq bolba. Tedui minəqan minəqalan baraju, čerbi tušiju, nayan kebteul dalan turqaut kešikten oroulju, Arqai-Qasar-a baatut ilqaju, Qalqa-in Ornou-in Keltekai-qada-dača Naiman-irken-tur morilarun;

§ 193. Quluqana jil jaun-no teriun sara-in harban jirwaan udur hulaan terkel-e tuq sačuat morilarun, Keluren oede Jebe Qubilai qoyar-i alqinjilaju yabuat, Saari-keer-i kuruesu, Kanəqarqa-no teriut-e Naimano qaraul tende ajuu. Bidano qaraul-a huldelduju, bidano qaraulača nikan šinəqula morin maouqan emeltu-i Naimano qaraul-a abtajuui. Naimano qaraul tere morin abču ukuleldurun: «Monəqolun aqtas turuqat ajuu!» keeldujuui. Bidanoai Saari-keer-i kurču, tende toritču, ker kikun keelduesu, tende Dodai-čerbi Činəkis-qaqan-a duratqarun: «Bidan-lu joen bi, joen deere čileju ireba. Ein-ku toritču, aqtasiyan čattala, ene Saari-keer-i delken baouju, amitu-ele kuun tutun ere-in tabun anəqida qalnout tuleju, qaliyar oqjatqaya! Naiman-irken oloan keekdemui. Qan ano ker-teče ese qaruqsan tanəqi keekdemui. Qal-iyar hulurikeultele (kulurikeultele), bidano aqtas ber čadumuje: Aqtasiyan čatqan, Naimano qaraul-i huldeet, daručaju, qol-tur ano neileulun, tere samaoui-tur qatquldnasu bolqu-yu?» keen duratqaasu, ene uke-i jobšiyeju, Činəkis-qaqan jarliq bolurun: «Tein boet qal-nout tuleulutkun!» keen, čeriut-te jasaq tunqaba. Tedui Saari-keeri delken baouju, amitu-ele kuun tabun anəqida qal-nout tuleulba. Sueni Naimano qaraul Qanəqarqano teriun-eče sueni oloan qal ujeju: «Monəqol-i joekan ese-ku keen buleai? Hod-un-nača oloan qaltan bi!» keen. Tayan-qan-tur maouqan emeltu šinəqulaqan morin okču ileet «Monəqol-un čeriut Saari-keeri butetele baoulua. Udur-tur undur-un aqun-o? oloan qaltan bi!» keeju ilejuui.

§ 194. Qaraul-un ene kele kurteǰu, Tayaŋ-qan Qaŋqai-in Qačirusun-a aǰuui. Ene kele kurkeuluet, Ḳučuluk-qan koun-duriyan keleleǰu ilerun: «Moŋġol-un aqtas turuqat aǰuui. Hod-un-nača oloan qaltan! keemui. Moŋġol oloan aǰuui. Edoe bida

Qantudun baraasu,
Qaqačaqui berke bolquno?
Qantudun baraasu,
Qara niduniyan
Kirmes ulu kikun tede.
Qačariyan qatquldaasu,
Qara čisun qaruasu,
Qaltaril ukai,
Qataŋġin Moŋqol-tur
Qantuduasu bolqu-yu?

Moŋqol-un aqtas turuqat keekdemui. Bida ulusiyan Altai dabaulun, sekuulun kodoloǰu, čerikiyen ǰibšierču, ani uduǰu yabuǰu, Altain olkes kurtele noqai kerel kereǰu yabuǰu, bidano aqtas tarqut bi. Keeli sekuulun, Moŋġólun aqtas čaŋqardaulun, niur deere ano asqaya bidal» keeǰu ileǰuui. Tere uke-tur Ḳučuluk-qan ukulerun: «Anaai in, eme Tayaŋ ǰiruke yadarun ene ukes ukuleǰuui! Moŋġol-un oloan qaača ireǰuui? Moŋġol-un oluŋqin J̌amuqalua ende bidan-tur bi.

Kundu eme-in seekui qaǰar-a
Ese qaruqsan,
Ḳurdun-o tuġul-un belǰiel-tur
Ese kuruksen,
Eme Tayaŋ ǰiruke yadarun
Ese-u ede ukes ukuleǰu ileǰuui?»

keen, elčin-eče ečike-yüen eberetele bertetele ukuleǰu ileǰuui. Ene uke-tur Tayaŋ-qan oerien emečilekden ukulekdeǰu, Tayaŋ-qan ukulerun:

«Kučutu, omoqtu Ḳučuluk
Ḳurulčekui alalduqui udur
Maġa ene omoġiyan bu talbituqai!

Ḳurulčan qantudun baraasu, qaqačaqui maġa berke bi ǰe!» keeba. Tere uketur Tayaŋ-qano doro medeku Yeke Noyan Qorisu-beči ukulerun: «Inanča-Bilke-qan, ečike čino, sača nokor-e

Ere-in aru
Aqta-in qarqan(m)

ese ujeululee! Edoe či manaqar erte boet yekin jiruke yadamu či? Čimai ein jiruke yadaqui-i medeksen boesu, qadun ber kuun boesu, eke-i čino kurbesu-i abčiraju, čerik ulu-u jasaulqu bulee? Čima qairan Kokseu-Sabraq-a otoldekui, yaun čerikun bidano jasaq sulberkui bolbi. Monqolun čaq-jayaan bi je ese bolbi. Ayi, Turluq Tayan, yadaqu metu ele biyu či!» keeet qoriyan deleduet, buruu qataraba.

§ 195. Teun-tur Tayan-qan qilinlaju ukulerun:

«Ukuku amin,
Joboqu beye —
Bukude nikan bi je!

Tein boesu qatqulduya!» keeju, Qačir-usunača kodolju, Tamir huruu yabuat, Orqon-i ketulju, Naqu-kun-no doronaji qormai daarin, Čaqirmaut kurču aisuqui-tur, Činkis- qaqano qaraul ujeju: Naiman kurču aisai! keen kelen kurkeesu, ene kelen kurkeuluet, Činkis-qaqan jarbiq bolurun:

«Oloan-nača —
Oloan,
Joen-neče —
Joen qor bolumu je!»

keeet, eserku ano morilaju, qarauli ano huldeet, čerik jasarun:

Qaraqana yorčil yorčiju,
Naur baidua bailduju,
Šiuči qatquldua qatqulduya!

keelduba. Tein keeet, Činkis-qaqan, oesun alqinjilaju, Qasar-i qol jasaulba. Otčiqin-Noyan-i kotot jasaulba. Naiman Čaqirmaudača ičuju, Naqu-kun-no ebur aulain qormai qijin baijuui. Tedui Naimano qaraul-i bidano qaraul huldeet, Naqu-kun-no ebur Yeke-Qol-tur ano neiletele huldeet kurčuui. Tein huldeju kurkui-i Tayan-qan ujeju, Jamuqa tende Naiman-lua čerik morilaju irelduju, tende ajuu. Tayan-qan Jamuqa-dača asaqčuui: «Tede yaut oloan qonit čina huldeju, qotoan-tur kurtele huldeju, ireku metu, ede haran tein huldeju aisai?» keen asaqba. Jamuqa ukulerun: «Temujin-anda mino dorben noqaisi kuun-no miqaar tejiyeju, kinjileju huyaju aqu bulee. Tede qaraul-i bidano huldeju aisuqun tede bi je! Tede dorben noqais

Širemun manlaitan,
Šiuči qošiutan,
Šibuke keleten,
Temur oreten,
Uldu minaatan,
Šiuder-i ideju,
Kei unoju yabut tede!
Alalduqui udur
Harano miqa idet tede!
Ḱurulčeju udur
Ḱuun-o miqa
Ḱunesulet tede!

Ḱinji-ben multuldeju, odoe ese-u buqsaju aqsat bayasču tein šilemeljen aisai tede!» keejuui. «Tede dorben noqais ket tede?» keeesu:

«J̌ebe, Qubilai qoyar,
J̌elme, Subeetai qoyar, —

tede dorben bi!» keejuui. Tayan-qan ukulerun: «Ele tede doromji-ača qolo baiya!» keeju, qoinaqši ihuriju, aula asan baiba. Teun-o qoinača duyalju tooriqaju aisuqun-i ujeju, basa Tayan-qan J̌amuqa-dača asaqčuu: «Tede yaut

Erte talbiqsat unoqan,
Eke-yüen sün kokoju,
Eke-yüen horčin torolun
Ḱuyiku unoqat metu,
Yekin tede tooriqan aisai tede?

keen asaqčuu. J̌amuqa ukulerun:
«Tede —

J̌idatu ere-i ǰiuju,
Čisutu tonoq tonoqčin,
Uldutu ere-i huldeju,
Unaqaju alaju,
Ub tonoq abuqčin
Uruut, Manqut keekdet tede!
Edoe ese-u bayasču tede,
Duyalun aisai tede?»

keejuu. Tendeče Tayaŋ-qan ukulerun: «Ele tein boesu, tede doromji-ača qolo baiya!» keeju, basa qoinaqši aula abarin baiba. «Teuno qoinača aisuqun oeseksen šibaoun metu šilemelčeju qušiuraju aisuqun ken biyu?» keen. Tayaŋ-qan Jamuqa-dača asaqčuu. Jamuqa ukulerun:

«Ene aisuqu — Temujin anda mino!
Ġubčin beye ino
Širemuer širekdeksen,
Šibuke-de qatququya čolo ukaiu.
Temuriyer dabtaqsan,
Tebene-de qatququya čolo ukaiu.
Temujin anda mino,
Oeseksen šibaoun metu,
Ein šilemelǰan aisu lu!

Naiman-nokot: «Moŋġoli uǰeesu, ešike-in ġodu huleulkui-eče buleai ta. Ujektun!» keeba. Ene uke-tur Tayaŋ-qan ukulerun: «Ele amusaari aula abarin baya!» keeju, aula abariju baiju, basa Tayaŋ-qan Jamuqa-dača asaġurun: «Basa tere qoinača ǰuǰaana aisuqun ken biyu?» keen asaqba. Jamuqa ukulerun:

«Hoelun-eke nikan kou-ben
Ġuuno miqabar teǰiyeju bulee.
Ġurban alda beyetu,
Ġunaǰin bodo idešitu,
Ġurban dabqur quyaq emusču,
Ġurban buqa ǰitkuulju aisu je.
Qortu kuun-i
Qotola-i ǰalġiasu,
Qoolai-duriyan ulu tordayu.
Ġubčin ere-i emkuesu,
Ore ulu ǰasayu.
Aurlaasu,
Aŋqua sumuban deliju talbiasu,
Aula alus bukun
Harban-qorin haran-i
Ulketele qarbuyu,
Kerelduksen nokor-i
Keer ketus bukun-i
Keibur-sumu-ban deliju talbiasu,

Kelkitele-ulketele qarbuyu.
Yeke-de deliǰu qarbuasu,
Yesun ǰaut alda ġaǰara qarbuyu.
Tatan deliǰu qarbuasu,
Tabun ǰaut alda ġaǰara qarbuyu.
Ḱuun kuun-neče busu,
Ḱurelku-manġus toreksen,
J̌oči-Qasar keekdeyu!

Tere biyu je!» keejuui. Tendeče Tayaŋ-qan ukulerun: «Ele tein boesu, aula-in undur temečeye! Deekši abaritqun!» keeju, aula abarin baiba. Basa Tayaŋ-qan J̌amuqa-dača asaġurun: «Teuno qoinača aisuqun ken biyu?» keejuui. J̌amuqa ukulerun: «Tere —

Hoelun-eke-in nilqa-koun, Otčiġin!
Heliketu keekdeyu.
Erte untaqči,
Oraya bosuqči,
Boruanača ber ulu qočoruyu,
Baidalača-ber (ulu) qočodayu!»

keejuui. Tayaŋ-qan ukulerun: «Tein boesu, aula-in horġil deere ġaruya!» keejuui.

§ 196. J̌amuġa Tayaŋ-qan-a ede ukes ein ukuleet, Naimanača qaġačan bolteitču ġarču Činǝkis-qaqan-a kele oroulǰu ilerun, anda-da ukule, keen, ukuleǰu ilerun:
«Tayaŋ-qan —

Uḱe-tur mino ukutkuǰu
Oede temečen urġuǰu ġarba.
Amaar alaqdaǰu ayüǰu,
Aula abarin ġarba.
Anda, qadauči! Mut
Aula-tur ġarba!

Ede eserkuleku čirai ukaiun bi. Bi burun Naimanača qaġačaba!» keeju ileǰuui. Činǝkis-qaġan, naran ǰilda boldaǰu Naqu-kun-no au'a-i buselkun, baiǰu qonoba. Tere sueni Naiman buruulan kodolkun bolun, Naqu deereče qulalču (qulġuǰu, qulġulčaǰu), deere deereen qutaqlalduǰu (qotaġalalduǰu), yasu hüsu-ben kenkeru unalduǰu qunǰiu (quǰiula) baitala daručaju, ukuldujuui. Manaqaši ino Tayaŋ-qan-i muqutqaǰu abuba. Ḱučuluk-qan oere

aqsaar, joen kuun daijin kodolju kuičekderun, Tamir-a kureeleju, tere kureen-duriyen bain yadaju, kodolju tutaaju qarču otba. Naiman-irken-o ulus-i Altai-in olke-de muqutqaju quriyaba. Jamuqa-lua aqsat Jadarin. Qataqin, Saljiut, Dorben, Taičiut, Unəqirat kiet tende ku oroba. Tayan-un eke Kurbesu-i Činəkis-qaqan abčiraulju ukulerun: «Či Monəqolun hunir maoui keeju ese-u bulee? Edoe yekin irebe či?» keeju, Činəkis-qaqan abulaa.

§ 197. Mun Quluqana jil namur Qara-dal hujaur-a Merkidun Toqtoabeki-lue Činəkis-qaqan bailduju, Toqtoa-i kodolkeju, Saari-keer-e irkeorqa ulus ino daouliba. Toqtoa Qudu Čilaun kout-lue-ben, joen kuun beyesiyen, tutaaju qarba. Tedui Merkit-irken daoliqdarun, Hoas-Merkidun Dair-Usun oki-en Qulan-qatun-i Činəkis-qaqan-na ujeulsu keen abču aisurun, jaura čeriut-te jetkukdeju, Baaridai Naya-Noyan-tur učiraju, Dair-Usun ukulerun: «Ene oki-en Činəkis- qaqan-na ujeulsu keen aisu bi!» keejuui. Tende Naya-Noyan ukulerun: «Okini čino bida qantu ujeuluya!» keen toritkejuui. Toritkerun, Dair-Usuni: «Či qaqčaar oduasu, jaura čeriut samaoui čaq-tur čimaiber ulu aulqu, oki taki čino samaouraqu!» keeju, qurban udur, qurban sūeni toritkejuui. Tendeče Qulan-qadun-lua Dair-Usuni abuat qantu Naya-Noyan Činəkis-qaqan-tur kurkeba. Tendeče Činəkis-qaqan Naya-i: «Yekin todeeju aba či?» keen, maši qilinlaju: «Qatanquya maraan asaqču, jasaq bolqaya!» keen asaqun bukui-tur, Qulan-qadun ukulerun: «Nayaa ukulelee: Činəkis-qaqan-no Yeke Noyan biyu bi! Bida qantu oki čino qaqan na ujeuluye! Jaura čeriut samaouraqu! keen itqalua. Edoe Nayaa-dača busut čeriut-tur učiraasu, samaou-tur oroquyu ajuu. Qai, ene Nayaa-tur učiraqui mano sain bolba. Edoe Nayaa-dača asaqtala, Qaqan soyürqaasu, Tenkeri-in jayaar ečike eke toreuluksen mariyan-nača asaquasu...» keen očiuljuui. Nayaa asaqdarun:

«Qaqan-nača busu niur mino ukai bi je!
Qari irkeno qačar qoa oki qadun,
Qarqa(m) sain aqta učiraasu,
Qaqan-noan ku keeju amu je bi!
Eun-eče busu setkil mino boesu,
Ukusu bi!»

keejuui. Činəkis-qaqan Qulan-qadun-no očil jobšiyeju, mun udur-iyer boet bolqan soriasu, Qulan-qadun-no očil adali boldaju, Činəkis-qaqan Qulan-Qadun-ni soyürqaju taalaba. Nayaa-in ukes adali boldaju jobšiyeju: «Unen uketu ajuu! keen, yeke uile tušisu!» keen soyürqaba.

VIII

§ 198. Merkid-irken daoliǰu, Toqtoa-beki-in yeke koun Qudu-in qatut. Tuqai Dorekene ǰirin-eče Dorekene-i tende Okodai-qan-na okba. Merkidun ǰarimut ulus daiǰiǰu, taiqal qorqa qorqalaǰuui. Tende Činkis-qaqan ǰarliq bolurun, — Sorqan-šira-in koun Činbo-i noyalaǰu, ǰaoun qarun čeriudiyer qorqalaqsad Merkidi eereulun ileba. Toqtoa, Qudu, Čilaun koudiyeriyen ǰoen beyes daičiǰu qaruqsan-i Činkis-qaqan nekeǰu, Altai-in ebur-e ubulǰeǰu, Huker ǰil qabur Araiyar dabaǰu oduasu, Naimano Kučuluk-qan ulusiyan abqaulǰu, tere daiǰiǰu qaruqsaar ǰoen kuun Merkidun Toqtoa qoyar neileǰu, Erdiš-un Buqdurma huǰaura qantutču, čerikiyen ǰasaǰu aǰuui. Činkis-qaqan kurču bailduasu, Toqtoa tende šiba-in sumun-a tusdaǰu unaǰuu. Kout ino yasu ino barin yadaǰu, beye-i ino abču odun yadaǰu, teriu ino hoqtolǰu, abču yorčiǰuu. Tende Naiman Merkit bolun qantutču baildun yadaǰu, buruuilan kodolurun, Erdiši kotulurun čubtusču oloanqi-yen usuntur ukuulǰuui. J̌oen qaruqsat Naiman Merkit Erdiši ketulun baraǰu, qaqačan kodolǰuui. Naimano Kučuluk-qan Ui-urtai Qarluudi daarin Sartaulun qaǰar-a Čui-muren-e bukun Qara-Qitadun Kur-qan-tur neilen otčuui. Merkidun Toqtoa-in kout, Qudu, Qal, Čilaun teriuten Merkit Qanlin-i Qibčaud-i daarin yorčiǰuui. Tendeče Činkis-qaqan qariǰu, Araiyar dabaǰu, auruut-tur baouba. Činbo taiqal qorqalaqsat Merkidi muqutqaǰuui. Tende Merkidi Činkis-qaqan ǰarliq bolurun, — Qiduquni ano qiduulǰu, hüleksedi ano čeriutte talaulba. Basa urida oroqsan Merkit auruudača daiǰin bosču, auruut-tur bukun kotočin bidan-o teden-i daruǰuu. Tende Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Tundaqa ba auluya! keelue; mut-ele daiǰin aǰuu!» keen, Merkidi ǰukǰuk hulittele qubiyaulba.

§ 199. Mun Huker ǰil

Činkis-qaqan ǰarliq bolurun,
Subeetai-i, temur terketu-i,
Toqtoa-in Qudu, Qal, Čilaun
Teriuten koudi ino
Nekeulun ilerun,
Subeete-i Činkis-qaqan
J̌arliq bolǰu, daou bariulurun;
«Toqtoa-in Qudu, Qal, Čilaun
Teriuten kout ino
Odun oqǰatču, qarin qarbulčaǰu,
Uqurqatu qulan, sumutu buqu
Bolǰu otba. Teden-i

J̌iurtu bolju nisču
Tenkeri-tur qaruasu,
Či, Subeetai, šinqor bolju,
Nisču ulu-u bariuǰii?
Tarbaqan bolju, qimusuariyan maltaju,
Qaǰar-tur oroasu,
Calir bolju čoqiju eriju
Ulu-u kuičeku či?
J̌iqasu bolju tenkis-dalai-tur oroasu,
Či, Subeetai, kolmi qubčiur bolju,
Šiuju-qubčiju ulu-u abqu či?
Basa undur dabaa daban,
Orken muren ketulun ileba čima-i.
Qaǰarun qola-i setkiju čerikun ulaa
Turuai-uduuya qairala(t)qun!
Kunesu-ben baraai-uduuya qučiatqun!
Aqta turun baraasu
Qairalaasu ulu bolui.
Kunesun baran baraasu,
Qučaasu ulu bolui.
Mor-tur tano koreesun oloan bi je.
Alus setkiju yabuqui-tur
Čerikun kuun-i koreesuntur
Bu haulqatqun!
Kem ukai bu abalatqun!
Čerikun kuun-e kunesun-e nemeesun
Onkeku-en boltuqai, keen,
Abalabasu, kemleju abalatqun!
Kemten abadača anqida
Čerikun kuuno emeelun qudurqa
Bu qudurqalaul!
Qadaar ulu nemurken,
Sudalbiju yabutuqai!
Tein jasalduju yabuasu,
Čerikun kuun haulun ker čidaqu?
Ein jasaqlaju boet,
Jasaq dabaqsadi bariju nišituqai!
Bidano jarliq dabagsad-i,
Bidan-a taniqdaqun metus-i,

Bidan-a okču iletkun!
Bidan-a ulu taniqdaqun olon-i
Mun tende boet mokoriulutkun!
Muren-o činaun moseldukun,
Ta mun yosuar yabutqun!
Aula-in činaun alqasalduqun,
Ta anqida oere bu setkitkun!
Munke Tenkeri-de
Kuču anqa nemekdeju,
Toqtoa-in koudi
Qar-turiyan orouluasu,
Bidan-tur abčiratala yaun bi?
Tende ta ketkun!»
Keen jarliq bolba.
Subeetai-e basa
Činkis-qaqan ukulerun:
«Čima-i ayalaulurun,
Bi učukan čaq-tur
Qurban Merkidun Uduit-ta
Burqan-qaldun-ni qurbanta
Qučiulju ayüuldalaa bi.
Teimu ošiten irken-i
Edoe basa aman kelen
Aldaju otčuui.
Urtu-in ujuur-e
Kun-o hiruar-a
Kurulčetukai!» keen,
Nekeulun ujuulen,
Temur tereke deletču,
Huker jil čauraulba.
«Bidan-i ečine-ber boesu,
Ile metu; qolo-ber boesu,
Oira metu setkiju yabuasu,
Deere Tenkeri-de ber
Iheekdemui je ta!»
Keen jarliq bolba.

§ 200. Naiman, Merkidi muqutqan baraasu, Jamuqa Naiman-lun burun tende ulusiyan abdaasu, mun tabun nokottu oorčaq bolju, Tanlu

deere ġarču, uqulja alaju širaju iderun, tende Ǯamuqa nokot-teen uġuleǯuu: «Keno kout ene udur uqulja alaju ein idemu?» keeju, tere uqulja-in miqa iden bukui ǯaura tabun nokot ino Ǯamuqa-i ġardaju bariju, Činəkis-qaqan-tur abčirajuu. Ǯamuqa nokot-teen bariju irekdeju: qaġan-anda-da ukule:

«Qara keriye
Qaranbai noqosun
Bariqu bolba.
Qaraču bool
Qan-tur-iyan
Ġar kurkeku bolba.
Qaġan-anda mino
Yau okdeku?
Boro quladu
Borčin sono
Bariqu bolba.
Bool nekun
Bodun Ejeniyen
Bosoǯu nendeju
Bariqu bolba.
Boqda anda mino
Yau okdeku?»

keen ukuleesu, Ǯamuqa-in tere uke-tur Činəkis-qaġan ǯarliq bolurun: «Tus-qan-duriyen ġar kurkeksen kuun-i ker auldaqu? Teimun kuun ken-tur nokočeku? Tus qan-duriyan ġar kurkekset haran-i uruq-a ano kurtele mokoriulutkun!» keen ǯarliq bolba. Mun Ǯamuqa-in, ile ima-i qardaqsan, haran-i mokoriulju okba. Činəkis-qaġan Ǯamuqa-da ukule keen ukulerun:

«Edoe bida qoyar qantutba. Nokočeya!
Oreele kilkun bolulčaju aasu,
Oermičilen qaġačan setkimu či.
Edoe nikene qantu aju,
Umartaqsan-iyan duratqalduju,
Untaraqsan-iyan seriulčeju aya!
Oere ber anəġida yabuasu,
Olǯeitu qutuqtu anda mino bulee.
Unen ukuldukui udur
Ore-ǯiruke-ben ebetku bulee či.
Anəġida ber oere yabuasu,

Alalduqui udur
Aušiqi ǰiruke-ben ebetku bulee či.
Keli keeesu:
Kereit-irken-lue
Qara-qalǰit elet-te
Qatqalduqui-tur,
Van-qan-ečike-de
Ukulekset ukes-iyen sereulǰu
Ileksen tusa čino bi je.
Basa Naiman-irken-i
Ukeer ukuulǰu,
Amaar alaǰu,
Ayüuluqsan-iyan
Adalitqatuġai! keeǰu
Kele ileksen čino
Tusa bolǰuui je!» keen

§ 201. ukuleesu,

J̌amuqa ukulerun:
«Erte udur, učuket čaq-tur,
Qorqonaq-J̌ubur-a
Qan-anda-lua anda keeldurun,
Ulu šinkekui idee ideldu ju,
Ulu umartaqu ukes ukulelduǰu,
Ḳoanǰile-deen
Qaqaldaǰu aqdaǰuu je.
Koandoled-e kokiuldeǰu,
Ġalǰirġud-a qatquldaǰu,
Qaġačan baraǰu,
Ġadaġatu ukes ukuleldulee, keen,
Qara niur-iyan,
Qauldaqui-ača
Qalidun yadan,
Qan-anda-iyan
Qalaun čirai uǰen yadaǰu
Yabuba je bi.
Ulu umartaqu ukes
Ukuleldulee, keen,

Hulaan niur-iyan
Ubčikdekui-eče
Urtu setkiltu anda-iyan
Unen čirai uǰen yadaju
Yabuba ǰe bi.
Edoe qan-anda mino
Soyurqaǰu nama-i
Nokočeye! keeǰuui.
Nokočekui čaq-tur
Ese nokočeldube bi.
Edoe anda
Toġoriġai ulus-i
Tubšitkeba (či).
Qari tutum-i
Qantutqaba či.
Qan oro čimadur ǰoriba.
Delekai edoe belen boluqsan-tur,
Nokočeǰu yaun tusa bolqu bi?
Munda anda-in qara sueni-no
J̌aouḍun-tur čino oroqu bi!
Kekeen udur-un setkil čino
J̌obaasu bi!
J̌aqa-in čino boesun,
J̌aqin-un čino orukesun bolqu bi!
Arbin emeketu bulee bi.
Anda-ača alus-i setkiku bolun
Alǰiyas boldaba bi.

Edoe ene torelki-tur anda ba qoyar-un urġuqui naran-nača šinekekui narantur kurtele nere mino kurbe ǰe. Anda sečen eketu torulki küluk toreǰu, erdemuten deuneritu, Orluut nokodiyariyan dalan ġurban aqtasiyariyan bolǰu, anda-da hülekdeba ǰe. Bi burun, eke-ečike-deče učukan qočorču, deuner ukai. Eme mino-domoqči. Itekel ukaiyu nokottu. Taouber Tenkerieče ǰayaatu anda-da hülekdeba ǰe.

Anda soyurqaasu
Nama-i otor nokčeesu,
Anda ǰiruke-ben
Amumu ǰe či.

Anda soyrqaǰu,
Alaurun, čisu ulu ġarqan
Alaul! Ukuǰu kebteesu,
Oluk yasun mino
Undur Etuken-tur
Euri turuq
Uruq-un uruq-a čino kurtele
Iheǰu oksu,
Hiruel(r) boluyu je bi!
Huǰaur oere torulkitu bulee bi.
Hüleu torulkitu anda-in suldere
Daruqdaba je bi.,
Ukulekṣen ukes mino
Ulu umartan
Ude manaqar duratču
Ukuleldukun ta!
Edoe nama-i
Otorletukai!

keen ukuleesu, edeer ukes-tur ino Činkis-qaġan ukulerun: «Anda mino anəġida ber yabuǰu, bidan-tur aman duuren keleleǰu, amin-tur qor setkiḳui ino ese sonosdaba je. Surdaqu kuun bulee. Mun ulu bolumui. Ukuuluya keeesu, tolke-tur ulu oromui. Šiltaan ukai amin-tur qor kiesu, ulu joqimui. Kundu mor-tu kuun bi! Ene maqa šiltaan ino ukuletkun: Erte Joči-Darmala Taičar qoyarun aduuban deermedulčeksen-o tula, J̌amuqa-anda či buruuya bulqa koitču ireǰu, Dalan-balǰut-ta qatquldu̯ǰu, J̌erene-qabčiqaya nama-i tende ese-u ayüulaa či? Edoe nokočeya keeesu, ulu boluyu. Amin čino qairaasu, ese bolba či! keen ukuletkun. Edoe, čino uke-ber, čisu ulu ġarġan nokčieǰu, yasu ino ile bu ketkun, saitur baritqun!» keen ǰarliq bolba. J̌amuqa-i tende nokčieǰu, yasu ino bariulba.

§ 202. Tedui šiskai-tourġa-tu ulus-i šidurġutqaǰu, Bars ǰil, Onan-no teriun-e quriǰu, yesun koltu čaġaan tuq baiuluat, Činəkis-qaġan-na qan nere tende okba. Muqali-da ko-van nere tende-ku okba. J̌ebe-i Naiman-o Kučuluk-qan-i nekeulun, tende-ku ǰauraulba. Monġoljin ulus-i ǰibšiyerun baraǰu, Činəkis-qaġan ǰarliq bolurun: «Ulus bayiululčan yabulduqsat-ta minəqan minəqalaǰu, Minəġadun Noyat tušiǰu, soyürqal uke ukulesu!» keen ǰarliq bolba. Minəġadun Noyat tušin nereidurun: 1) Munlik-ečike; 2) Boorču; 3) Muqali-ko-van; 4) Qorči; 5) Ilukai; 6) J̌určedai; 7) Qunan; 8) Qubilai; 9) J̌elme; 10) Tuke; 11) Dekai; 12) Toloan; 13) Onəqur; 14) Čulġetai;

15) Boroqul; 16) Šiki-Qutuqu; 17) Ḱuču; 18) Kokoču; 19) Qorġosun-Hüsun; 20) Quildar; 21) Šiluġai; 22) J̌etai; 23) Taqai; 24) Čaġaan-qoa; 25) Alaq; 26) Sorqan-Šira; 27) Buluġan; 28) Qaračar; 29) Koko-Čos; 30) Süiketu; 31) Nayaa; 32) J̌unsu; 33) Ḱučukur; 34) Bala; 35) Oronartai; 36) Dair; 37) Muke; 38) Buǰir; 39) Munkuur; 40) Doloadai; 41) Boken; 42) Qudus; 43) Maral; 44) J̌ebke; 45) Yüruqan; 46) Koko; 47) J̌ebe; 48) Udutai; 49) Bala-čerbi; 50) Kete; 51) Subeetai; 52) Munko; 53) Qalǰa; 54) Qurčaqus; 55) Ḱouki; 56) Badai; 57) Qišliq; 58) Ketai; 59) Čaurqai; 60) Unġiran; 61) Toqoan-Temur; 62) Meketu; 63) Qadaan; 64) Moroqa; 65) Dori-Buqa; 66) Iduqadai; 67) Širaqul; 68) Daoun; 69) Tamači; 70) Qauran; 71) Alči; 72) Tobsaqa; 73) Tunquidai; 74) Tobuqa; 75) Aǰinai; 76) Tuideker; 77) Sečaour; 78) J̌eder; 79) Olar-kureken; 80) Qinġiyadai; 81) Buġa-kureken; 82) Quril; 83) Ašiq-kureken; 84) Qadai-kureken; 85) Čiġu-kureken; 86) Alči-kureken; 87, 88, 89) qurban Minġat-Ikires; 90) Onġudun Alaquš-diġitquri-kurken; 91, 92, 93, 94 и 95) tabun Minġat-Onġut,-Hoairken-neče anġida, Monqol ulus-un Minġadun Noyadi Činkis-qaġan-no nereidukset yeren tabun (95) Minġadun Noyat bolba.

§ 203. Kureket-lua niken-e. Basa Činkis-daġan ǰarliq bolurun; «Ede nereidukset yeren tabun Minġadun Noyadi tušiet burun, tere dotora Činkis-qaġan ǰarliq bolurun: «Tusatan-a soyürqal oksu! «Boorču, Muqali teriuten Noyadi iretukai!» keekui-tur, ker dotora Šiġi-Qutuqu bulee. «Urira ot», keen Čiġi-Qutuqu-da ukuleesu, Šiġi-Qutuqu ukulerun: «Boorču, Muqali tan

Ken-eče hüleu tusa kilee?
Ken-eče hüleu kuču okulee?

Soyürqal okdekuya bi

Yaun dutau tusa ese bolulaa?
Yaun dutau kuču ese okulee bi?
Olekaitai bukui-eče
Undur bosoqa-tur čino
Eriun-tur edui saqal urġutala osču,
Oere ese setkiba ǰe bi.
Ala-tur šiekte eče
Altan bosoqa-tur čino aǰu
Aman-tur saqal edui urġutala osču,
Alǰiyas ese ketkiba ǰe bi.
Kol-duriyen kebteulǰu,
Koučilen oskeba ǰe nama-i;

Derkede-en kebteulǰu,
Deučilen oskeba ǰe namai!

Edoe nada yanbar soyürqal okomu?» keeǰuui. Tere uke-tur Činkis-qaġan Šiġi-Qutuqu-da ukulerun: «J̌irqoduar deu busu-u či? Oroču-deu-deen čimada soyürqal: Deuner-un qubiyar qubilaldu! Basa tusas-un čino tula, yesun aldal-tur bu aldatuġai!» keen ǰarliq bolba. Munke Tenkeri-de iheekdeǰu, kur-ulus-i ǰukleulǰu bukui-tur, či

Uǰeku-in nidun,
Sonosqu-in čikin

bolǰu, kur-ulus-i Eke-de Bidan-o deuner kout-te qubi irken-o nereer isikai tuurqatan-i iričeulǰu, qabdasun eudeten-i qaġačaulǰu, qubilaǰu ok! Ken-ber čino uke buši bu bolġatuġai! keen ǰarliq bolba. Basa Šiġi-Qutuqu-i: Kur ulusun qulaġai-i keseeǰu, qudal-i moqaaǰu, ukuuldekun yosutan-i ukuul, aldauldaqun yosutan-i aldaul! keen Kur Deere-in ǰarġu tušiba. Basa kür-irken-o qubi qubilaqsan-i, ǰarġu ǰarġulaqsan-i Koko Debter bičik bičiǰu, debterleǰu, uruqun uruqa kurtele Šiġi-Qutuqu-in Natur eyetulǰu yosulaǰu koko-bičik čaġaan čaarsun tur debterleksen-i bu yeutketukai! Yeutkekun haran aldaltan boltuġai! keen ǰarliq bolba. Šiġi-Qutuqu ukulerun: «Mino metu oroču-deu sačau denkečen qubi ker abqu? Soyürqaasu, široai yourqatu balaqasun-ača okku-i qaġan-no soyürqal medetukai!» keen očiǰuu. Ene uke-tur: «Oerun beye-ben či čaqlaba. Či mede!» keeba. Šiġi-Qutuqu oeriyen tein soürqaulun baraǰu ġarču, Boorču Muqali-tan Noyadi uriǰu oroulǰuu.

§ 204. Tende Činkis-qaġan ǰarliq bolǰu Munlik-ečike-de ukulerun:

«Toreku-lue
Toreldnksen,
Osku-lue
Osulčeksen,
Olǰeitu qutuqtu či!

Tusa iheel čino kedun ber aǰuu ǰe! Tere dotora: Van-qan ečike Sankun-anda qoyar nama-i arġadan uriqsan-tur, aisurun ǰaura Munlik-ečike-in ker-tur qonoasu, či ese itqaasu,

Huirun bukui usun-tur
Hulalun bukui ġal-tur —'

oroqdaai buleai ǰe! Tere tusa-i sai setkiǰu, uruqun uruqa kurtele ker umartaqdaqu? Tere tusa setkiǰu, edoe sauri ene nou huǰaur-a saulǰu, hon-tur sara-

tur sataǰu, oklike soyürqal čimada oksu, mariyan asuġai! Üruqun uruqa kurtele!» keen ǰarliq bolba.

§ 205. Basa Činkis-qaġan Boorču-da ukulerun: «Učukan čaqtur širġa aqtatan naiman morit deermetteǰu, ǰaura ġurban qonoǰu, nekeǰu aisuqui-tur, ǰolġalduba ǰe». Či tende ukulerun: Muntaniǰu aisuqui nokor-tur nokočel-ġusu!» keen, kertur ečike-duriyen ber kelen ukaiyu, kou-ben saan arun, nanbuqa sauluġa-ban keer-e burkuǰu, mino oġotur qoanqor-i talbiulǰu, nada oroq-šinġula-i či oesun qurdun qubi-i unoǰu, adun-ban eǰen ukai talbiǰu, yaaraǰu keereče buet nama-lua nokočeǰu, basa ġurban qonoq nekeǰu, širġa aqtatan-i deermeduksen kureen-tur kuruesu, kureen-o qiǰiar-a baiqun-i deermedun buldeǰu dutaaǰu abčiraba ǰe. Bida qoyar. Ečike čino Naqu-Bayan aǰuu. Či, ġaqča koun ino, yau medeǰu nadur nokočeku bulee? Setkil-un külukiyer nokočeba ǰe či! Teuno qoina setkiǰu yabuǰu bi Belkutai-i ileǰu nokočeya keeesu, či

Bokotur qonqor-i unoǰu,
Boro ormuke-ben bokturču,

nokočen ireesu, ġurban Merkit bidan-tur ireǰu, Burqan-ni ġurbanta qučiul-qui-tur, qučilduba ǰe či. Basa teuno qoina Tatar-irken-tur Dalan-nemur-kes-te šitneelduǰu qonoasu, qura udur sueni urkulǰi ǰuserekui-tur, sueni nama-i noir atuġai, keen, nemurke-ben nemurukseer, mino deere qura ulu čuburiulun, sueni daustala baiǰu, oreele kolien qaqčan-da yeutkeǰu bulee či! Külukun čino belke aǰuu ǰe! Teuneče busu ali külnki čino ukuleǰu dausqu? Boorču, Muqali qoyar

J̌ob mino yabutala, ǰiktuǰu,
Buruu-i mino baitala itqaǰu,

— ene Oroan-tur kurkebe! Ėdoe burino deere sauri sauǰu, yesun aldal-tur bu aldatuġai! Boorču baraun ġar-un Altai derelekun-o tumen medetukai! keen ǰarliq bolba.

§ 206. Basa Muqali-da Činkis-qaġan ukulerun: «Bida Qorqonaq-jubur-un Qutala-qan-no debseku saqlar modun-a baouasu, Muqali-da Tenkeri-in ǰaarin ǰaaqsan uke tendek-un tula, bi tende Kuun-Qoa-i setkiǰu, Muqali-da uke baralua. Teouber sauri deere sauǰu, Muqali-in uruqun uruqa kurtele Kur-irken-o Ko-van boltuqai! Qaraun-ǰidun-i derelekun-o tumen medetukai!» keen ǰarliq bolba.

§ 207. Činkis-qaġan Qorči-da ukulerun: J̌oanleǰu nama-i učukan bukui-eče ejie turuq

Noitan nošilduju
Koiten košilduju
Nendu qutuq bolju
Yabuba je či!»

Qorči, tere čaq-tur ukulerun: «Joan job boluasu, Tenkeri-de setkil-tur kurkekdeesu, nama qučin emestu bolqa! keelee či. Edoe job tula soyürqaju, ede oroqsat irken-o sain eme-i, sain oki ujeju, soonquju ab!» keen jarliq bolba. Basa: «Qorči qurban minqat Baarin-o deere, Toqai Ašiq qoyar-lua Adarqin-o Činos, Tooles, Telenkut bolun tume duurču, Qorči medeju, Erdiši qutus Hoai-in irken-tur kurtele nuntuq darqalan nuntuqlaju, Hoai-in irken-i daruulun, Qorči tumen medetukai!» keen jarliq bolba. «Qorči-dača eye ukaiyu, Hoai-in irken ein tein bu yabutuqai. Eye ukeu yau saaraqdaqu?» keen jarliq bolba.

§ 208. Basa Činkis-qaqan Jurčedaya ukulerun: «Erkin tusa čino Kereit-lua Qara-qaljid-elet qatqulduqui-tur, heruju bukui-tur, Quildar-anda aman aldaba je. Uile ino Jurčedai či uiletbe je! Uiledurun, Jurčedai či dobtulju, Jirkin-i, Tubeken-i, Dunqaid-i, Quri-Šilemun-i, minqan turqaud-i, erkit čeriudi bukude-i daruju, Yeke-Qol-tur kurču, Sankumun enkeske qačar učumaqar qarbuqsan-o tula, Munke Tenkeri-de euden jiloajnekekdeba je. Sankum-i ese širqaqsan boesu, yanbar maqa bolqun buleai bida! Jurčedai-i erkin yeke tusa tere bolba je. Tere qaqačaju, Qalqa hurun nouurun, Jurčedai-i undur aula-in nemur-a metu setkiju yabuqu bulee bi. Tere otcu, Baljuna-naur usulara kurba je. Jiči Baljuna-naur-ača morilarun, Jurčedai-i alqinčilaju, Kereit-tur morilaju, Tenkeri Qajar-a kuču nemekdeju, Kereit-irke muqutqaju daouliba. Erkit ulus ončalduju, Naiman Merkit čirai-ban ququraju, baildun yadaju busanqaqdaba je. Merkit Naimani busanqui soortur, Kereidun Jaqa-Kambu jirin okiduen šiltaqiyar oerun qariyatan ulusiyaran tumtaq-a aqsan ajuu je. Nokoete daisun bolun, qaqačaqsan-i Jurčedai uduju, arqa-bar Jaqa-Kanbu-i qaqačan baraqsan-i qartaju bariju butuejuu je. Tere Jaqa-Kanbu-in ulus-i nokoete ulutkan talaba. Jurčedai-in nokoe tusa ino ene bi je!

Alaldaqui udur
Ami-iyan orekseno tula,
Ukuldukui udur
Olumulekseno tula,

Činkis-qaqan Ibaqa-beki-i Jurčedaye soyürqaju okurun, Ibaqa-da ukulerun: «Čima-i

Ulke-čeeji čino ukeni,
Ujeskulen tala maoui!

ese keebe je bi. Ebur-tur, kol-tur oroqsan, jerke-tur jerkelen baouqsan čima-i Jurčedaye soyürqarun, Yeke Tore setkiju, Jurčedai-in

Qatqulduan udur
Qalqa boluqsano,
Daisun kuun-tur
Dalda boluqsano,
Qaqačaqsan ulus
Qantutqaqsan-o,
Butaraqsan ulus
Bukutkelduksen

tusas-un ino, Tore setkiju čima-i okbe. Monoqoino, Mino uruq, Bidano oro sauju, ene metu tusa kiksen, Tore setkiju, Mino uke buši ulu bolqan, uruqun uruqa kurtele Ibaqa-in oro bu tasultuqai!» keen jarliq bolba. Basa Činkis-qaqan Ibaqa-da ukulerun: «Jaqa-Kanbu, ečike čino, čimada qoyar jaut inje čimada Ašiq-Temur baourči, Alčiq baourči qoyar okču bulee. Edoe Uruut-irken-tur či odurun, keriyes-iyen nada inje-eče-en Ašiq-Temur baourči-iyan nikan jaun-i okču ot!» keeju abua. Basa Činkis-qaqan Jurčedei-e ukulerun: «Ibaqa-iyen čimada okbe. Dorben minqat Uruudiyen či medeju ulu-u aqu či?» keen soyürqaju jarliq bolba.

IX

§ 209. Basa Činkis-qaqan Qubilaya ukulerun:

«Kučutu-in —
Kujuun,
Boko-in —
Bokse daruju
Okbe je či!

Ede Qubilai, Jelme, Jebe, Subeetai ta dorben noqasiyan setkiksen-tur jaoriulju ileeju,

Kur keeksen-tur
Kuru kankeun,
Qar keeksen-tur
Qada qaqalun,
Čaoken čilaun čaourun,

Čeel usun-i nitulun
Aba je ta!

Qubilai, J̌elme, J̌ebe, Subeetai-ta dorben noqas-iyan ǰoriqsan qaǰar-a ileǰu, Boorču, Muqali, Boroqul, Čilaun-Baatur ede dorben külüüdiyen derkede-en aasu, qatqulduan udur boluasu, J̌určedai Quildar qoyar-i Uruut Manqudiyaran urida-an bainluasu, bukude setkiliyen amuqu bulee bi!» keeba. «Či, Qubilai, čerikun uile bukude-i aqalaǰu ulu-u aqu? keen soyürqaǰu ǰarliq bolba. Basa Beduuno moǰirqaq-un tula bi maouilaǰu yabuǰu, minġan ese okbe. Či imada ǰob bi je. Čima-lua minġalaǰu eyetulduǰu yabuqdaqu»! keeba. Basa «Mono qoina Beduuni uqat je bida!» keeba.

§ 210. Basa Činkis-qaġan Ġenikedai Qunan-a ukulerun: «Ta Boorči, Muqali teriuten Noyat-ta, Dodai, Doqolqu tan čerbin-e ene Qunan

Qara sueni
Ġendu čino,
Ġekeen udur
Qara kerie bolǰu,
Nouukui-tur
Ese unǰiksen,
Unǰikui-tur
Ese nouuksen,
Bosu kuun-lue
Buši niur
Ese ǰubčiksen,
Ošitu kuun-lue
Oere niur
Ese ǰubčiksen,

Qunan, Koko-Čos qoyar-tur eyetuǰu uiletkun!» keen ǰarliq bolba. «Koudun Mino aqa J̌oči bi je. Qunan, Ġenikes-iyen teriuleǰu, J̌oči-in doro Tumeno Noyan boltuqai!» keen ǰarliq bolba. «Qunan, Koko-Čos, Dekai, Usun-ebukan. ede dorben

Uǰekseniyen
Ulu niun,
Sonosuqsan-iyen
Ulu qabčiqun bulee,

ede dorben bi je».

§ 211. Basa Činkis-qaġan Jelme-de ukulerun: «J̌arčiudai ebuken kureke-ben urču, J̌elme oleġai-teeče, Burqan-qaldun-ača baouju irerun,

Onan-no Deliun-boldaq-a namai torekui-tur, buluġan nelke okču buleai. Tere nočekseer

Bosoqa-in
Bool
Euden-o
Enču bolba je.

Jelme-in tusa ino oloan bi je!

Torekui-lue
Torolduksen,
Oskui-lue
Osulčeksen
Buluġan nelke hujaurtu,
Oljetu qutuqtu, Jelme,
Yesun aldal aldaasu,
Ereu bu orotuġai!»

keen, jarbiq bolba.

§ 212. Bisa Činkis-qaġan Tolun-a ukulerun: «Ečike koun oere minġan ker medeku bulee či. Ulus quriyaldun ečike-deče orole jiur bolun, jiktulduju ulus quriyalduqsan tula čerbi nere okba je. Edoe oerun oluqsan joeksen-iyer-iyen oerun minġan bolju Turuqan-tur eyetulduju aqu či!» keen jarliq bolba.

§ 213. Basa Činkis-qaġan Onkur-baourči-da ukulerun: «Qurban Toquraut, tabun Tarqut, Munketu Qiyano kou či Onkur, Čanšiut, Bayaud-iyar, — ta Nadur nikan kureen bolju, či Onkur

Budan-dur
Ese tooriba je či.
Bulqa-dur
Ese qaġačaba je či.
Noitan —
Nošilduju,
Koiten —
Košilduju,

yabuba je či! Edoe yanbar soyürqal abqu či?» keeesu, Onkur ukulerun: «Soyürqal soonquuluasu, Bayaut aqa-deu mino

Qari-qari tutum-tur
Bura-tara bi!

Soyürqaasu, Bayaut aqa-ḍeu-yan čiulq̇asuq̇ai!» keeesu: «J̌e, tein! Bayaut aqa-ḍeu-yan čiulq̇aǰu, či mede, minəq̇an!» keen ǰarliq bolba. Basa Činəkis-qaq̇an ǰarliq bolurun: «Onəkur, Boroul qoyar baraun ǰaoun eteet, ta qoyar baourčin ideen tukeerun, baraun eteet baiqsan sauqsan-a ulu dutaulun, ǰaoun eteet ǰerkeleksen eseksen-e ulu dutaulun, ta qoyar tein tukeeesu, mino qoolai ulu qučin, setkil amuyu. Onəkur Boroul qoyar morilaǰu yabuǰu, idee oloan kuun-e tukeetkun!» keen ǰarliq bolba. «Sauri saurun, yeke tusurke-in baraun ǰaoun eteet idee basaalaǰu sautqun! Tolun tan-lua tublen sautuq̇ai!» keen, saurin ǰiaǰu okba.

§ 214. Basa Činəkis-qaq̇an Boroqul-a ukulerun: «Eke Mino Šiq̇i-Qutuqu, Boroqul, K̇uču, Kokoču, ta dorben-ni irkeno nuntuk-ača

Koser-eče olǰu,
Kol-duriyen duruǰu,
Končilen asaraǰu teǰierun
K̇uǰuun-eče tano tataǰu,
K̇uun-lue sačau bolq̇aǰu,
Ekem-eče tano tataǰu,
Ere-lue sačau bolq̇aǰu,

kouduen mana nokor seuder bolq̇asu! keen teǰieba ǰe. Tan-i teǰieksen hačiban eke-de maqa mino kedui hači tusa qariulba ta! K̇oroqul nadur nokočelduǰu,

Qurdun ayan-tur
Qura sueni qoosun
Ese qonoulba ǰe či.
Šituelelduǰu daisun-tur
Šulen ukai
Ese qonoulba ǰe či.

Basa ebukes ečike-i baraqsat ošiten kišiten Totar-irken-i doraidauljǔ, osuel osuen, kisal kisan, Tatar-irken-i čiun-tur uliǰu, ulitkan qiduqui-tur, alaqdarun, Tatarun Qarq̇il-Šira ourčaq bolun q̇arču, ǰiči yadaǰu oloscu ireǰu, eke-tur ker-te oroǰu; sai eriulsun biyu bi! keeǰu: Sai eriulsun boesu, tende sau! keekdeǰu, horeneǰi iseri-in alaun-a uǰuur-e sauǰu bukui-tur, Tolui tabun nasutu q̇adanača oroǰu ireǰu, ǰiči kuyiǰu q̇arču odun bukui-i, Qarq̇il-Šira bosuat, kouken-i suu-duriyan qabčiǰu, q̇arču yabuǰu aisurun, qituq̇aiban tenteleǰu, ǰuqulun yabuqui-tur, Boroqul-un kerkai Altani eke-in ker-tur dorona sauǰu bulee. Eke qailaǰu: Koun baraba! keekui-lue, Altani udaaraldun kuyiǰu q̇arulčaǰu, Qarq̇il-Šira-in qoinača kuyičeǰu, šibilker ino

bariju, nokoe qariyariyan qituqai juqulun bukui qar ino bariju tataquilua, qituqai-ban aldajuui. Ker-un umer-e Jetai, Jelme qoyar muqular qara huker telen alaju bukui-tur, Altani-in daoun-tur Jetai, Jelme qoyar suke bariju nodurqasiyan hulaadaju kuyiju ireju, Tatarun Qarqil-Šira-i suke-ber qituqai-ber mun tende alajuui. Altani, Jetai Jelme qurban kouno amin aburaqsan juldu temečelduesu, Jetai Jelme qoyar ukulerun: Mani ukai boesu, otor kuyiju kurču ese alaasu, Altani eme kuun yekin bulee? Kouno amin qor kurkeku bulee! Juldu manaai bi je! keeba. Altani ukulerun: Mino daoun ese sonasuasu, ta ker irekun buleai? Nama-i kuyiju kuyičeju, sibilker ino bariju, qituqai juquluqsan qar ino tataju, qituqai ese aldaqsan boesu, Jetai, Jelme qoyar-i kurču iretele, kouno amin-tur qor ulu-u kurkeku bulee? keeba. Ukulen baraasu, juldu Altani-in bolba. Boroqulun kerkai Boroqul-tur nokoe kilkun bolun, Tolui-in amin-tur tusa bolba. Basa Boroqul Kereit-lua Qarqaljit-elet qatqulduqui-tur, Okodai sujiasu-ban sumun-a tusdaasu, unaasu, Boroqul deere baoulduju, qaquqsan čisun ino amaariyan šimiju, sueni qonolduju, manaqârši morin-tur unoulju saun yadaqu-i sundulaju, Okodai-in qoinača teberiju, bekleksen čisun šimin-šimin amano jabajiyar hulaadaju, Okodai-in amin esen kurkeju ireju bulee. Eke-in Mino tejien jobaqsan hači qoyar koudun Mino amin-tur tusa bolba je. Boroqul Nadur nokočeju

Darbaan uriya-dača,
Daoun dem-eče

ese qojidaba je. Boroqul yesun aldal aldaasu, bu aldatuqai!» keen jarliq bolba.

§ 215. Basa: «Okin uruqiyan soyürqal okuya!» keeba.

§ 216. Basa Činkis-qaqan Usun-ebuken-e ukulerun: «Usun, Qunan, Köko-Cos, Dekai, ede dorben, ujekseniyen sonosuqsan-iyan ulu niun-qabčin, jian aqun buleai. Monqolun Tore Noyan mor — beki bolqui yosun ajuui. Baarin aqa-in uruq buleai. Beki mor bidan-o deere-ece. Beki Usun-ebuken boltuqai! Beki erkuet

Čaqan deel emusču,
Čaqan aqta unoulju,
Sauri deere saulju, takiju,

basa hon sara sataju, tein atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 217. Basa Činkis-qaqan ukulerun: «Quildar-anda qatqulduan-tur ami-yan oreju, aman neekseno tusa-in tula, uruqun uruqa kurtele onočidun abliqa abun atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 218. Basa Činkis-qaqan Čaqan-qoa-in koun Narin-Tooril-a ukulerun: «Ečike čino, Čaqan-qoa, Mino emune kičieju qatqulduqu bolun, Dalan-Baljut-ta qatquldúqui-tur, Jamuqa-da alaqdalua. Edoe Tooril ečike-yüen tusa onočidun abliqa abtuqai!» keekdeju, Tooril ukulerun: «Soyürqaasu, Nekus, aqa deu mino, qari-tutun bara-tara bi. Soyürqaasu, Nekus, aqa deu-yüen čiulqasuqai!» keeesu, Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Tein boesu, Nekus aqa deu-en čiulqaju, či uruqun uruqa kurtele medeju uluu aqu?» keen jarliq bolba.

§ 219. Basa Činkis-qaqan Sorqan-Sira-da ukulerun: «Nama-i učukan čaq-tur Taičiudun Tarqutai-Qiriltuq aqa deu-de naitaju bariasu, tende: aqa deu-deen naitaqdamu! keen, Sorqan-Šira Čilaun Činbo koudiyeriyen Qadaan-i okiniyan asaraulju niuju ajuu. Nama-i talbiju ileba je ta. Tere tusa sain-i tano setkiju,

Qara sueni — jaoudun-tur,
Kekeen udur — čeeji-tur,

setkiju yabuba je bi! Ta je Nadur Taičiud-ača udaan-a ireba je! Edoe Bi tani soyürqaasu, yanbar soyürqal taalaqun ta?» keeba. Sorqan-Šira Čilaun, Činbo koudiyeriyen bolun ukulerun: «Soyürqaasu, nuntuq darqalasu! Merkidun qajar Selanke-i nuntuqlaju darqalasu. Basa busu soyürqal Činkis-qaqan medetukai!» keeba. Teun-tur Činkis-qaqan ukulerun: «Merkidun qajar Selanke-i nuntuqlaju, nuntuq ba darqalatqun-ku, uruqun uruqa kurtele qorčilaulju, otokleulju darqalatqun! Yesun aldal-tur ereu-tur bu orotuqai!» keen jarliq bolba. Basa Činkis-qaqan Čilaun, Činbo qoyar-i soyürqarun: «Erte Čilaun, Činbo qoyar-un ukuleksen ukes setkiju, ker qandaqu ta? Čilaun Činbo, ta qoyar setkiliyen ukulekun boesu, dutaui-ban quiyun boesu, jaura kuun-e bu keleletkun! Oerun beyesiyer, amaar Nadur ta oesut setkiksen-iyen keleletkun! «Dutau-yüan oesun quitqun!» keen jarliq bolba. Basa: «Sorqan-Sira, Badai, Qišliq ta darqat basa darqalarun,

Oloan daisun-tur haoulju,
Olja oluasu,
Oluqsaar abutqun!
Oroa koreesun-tur abalaasu,
Oluqsaar abutqun!»

keen jarlq bolba. «Sorqan-Šira keeesu, Taičiudun Todeke-in haran ajuui je. Badai, Qišliq qoyar keeesu, Čeren-o aduučin ajuui je. Edoe Mino Turuq qorčilaulju, otokleulju darqalan jirqatqun!» keen jarliq bolba.

§ 220. Basa Činkis-qaqan Nayaa-da ukulerun: «Širqotu-ebuken Alaq Nayaa kout-lue-ben, tan-lua, Tarqutai-Qiriltuqi Bidan-tur bariju aisurun, jaura Qutuqul-noud-a kurču, tende Nayaa ukulerun: Tus qan-iyan ker tebčiju bariju odqun bida? keeju, tebčin yadaju talbiju ileju, Širqotu-ebuken Alaq Nayaa kout-lue-ben ireju, tende Nayaa bilčiur ukulerun: Tus qaniyan Tarqutai-Qiriltuqi qartaju aisurun, jiči tebčin yadaju talbiju ileju, ba Činkis-qaqan-a kuču okure ireba. — Qaniyan qartaju ireesu, tus qaniyan qartaqsat haran monaqoina ker itekekdekun ede? keekdekun keejuu. Qaniyan tebčin yadaba keeesu, tende tus qaniyan tebčin yadaqsan Yosu Yeke Tore-i setkijuui! keen uke ino jobšieju, nikan uile-tur tusiya!» Edoe Boorču-da baraun qar-un Tumen medetukai, Muqali-da, ko-van nere okču, jaoun qar-un Tumen medeulba. Edoe Nayaa Tub-un Tumen medetukai!» keen jarliq bolba.

§ 221. Basa Jebe Subeetai qoyar oerun oluqsat joekseer iyen minqalatuqai! keebe.

§ 222. Basa Dekai-qoniči-da bukdeur-i čiulqaju minqa medeulbe.

§ 223. Basa Kučukur-moči-da irke dutaqdaju endeče tendeče qubčiju, Jadaran-ača Mulqalqu juk-iyer nokočelue. «Kučukur Mulqalqu qoyar niken-e minqalaju eyetulduju atqun!» keeba.

§ 224. Ulus baiululčaqsat jobolduqsad-i Minqadun Noyat bolqaju, minqa minqalaju, Minqadun, Jaudun, Harbadun Noyat tušiju; tumeleju, Tumedun Noyat tušiju, Tumedun Minqadun Noyat-ta soyürqal oktekun metus soyürqal okču, soyürqal jarliq bolqun-a bolju; Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Urida nayan kebteulsutu, dalan turqaq kešiktentu bulee. Edoe, Munke Tenkeriyin Kučun-tur Tenkeri Qajar-a kuču aoqa nemekdeju, Kur-Ulus-i šidurqutqaju, qaqča jilua-duriyan oroquluqsan-tur, edoe Nadur Kešikten Turqaq minqat minqadača ilqaju oroulutqun, kebteul qorčin turqaq oroulurun, tumen duurken oroulutqun!» keen jarliq bolba. Basa Činkis-qaqan kešikten ilqaju oroulqui jarliq minqat-minqat-ta tunqarun: «Bidan-tur kešikten oroulurun, Tumedun Minqadun Jaudun Noyadun kout, duri-in kuuno kout ororun, erdemutan šil said-i, Bidan-o derkede yabuqun metus-i oroultuqai! Minqadun Noyadun koudi oroulurun, harban nokottu nikan deu ino daqaulju iretukai! Jaudun Noyadun koudi oroulurun, tabun nokot tu nikan deu-i daqaulju iretukai! Harbadun Noyadun koudi oroulurun; duri-in kuun-o koudi oroulurun, qurban nokottu nikan-ku deu-i daqaulju, hujaura-ča ulaa kuču jasaju, iletukai! Bidan-tur derkede yabuulqun-i bokelerun, Minqadun Noyadun kout-te harban nokot hujaur minqan jaun-ača qubčiju oktukai! Ečike-en okuksen qubi kešik boesu ino, qadiyar oluqsan joeksen ere aqta kedui boesu ino, enču qubi-ača anqida, Bidano kanleksen kemiyer

qubčiju, tein qubčiju jasaju oktukai! Jaudun Noyadun kout-te, duri-in kuun-o kout-te, qurban nokot mun-ku yosuar ino, enču qubi-ača anəqida, mun tein qubčiju oktukai!» keen jarliq bolba. «Minəqadun, Jaudun, Harbadun Noyat oloan kuun Bidan-o ene jarliq kurkeuluet, sonosuat burun, dabaqun haran aldaltan boltuqai! Bidan-tur kešik orouldaqun haran bultariju ulu bolqun haran, Bidano-derkede yabuqui-ban berkešieesu, busu-i oroulju, tere kuun-i ereuleju, niduno ečine qolo qajar-a ileya!» keen jarliq bolba. «Dotona Bidano derkede yabuju surulčasu, keeju, Bidan-tur irekun haran-i bu itqatuqai!» keeba.

§ 225. Činəkis-qaqan—no jarliq boluqsaar minəqad-ača ilqaju, jaudun harbadun Noyadun koudi mun-ku jarlqiyar ilqaju, qarqaju ileju urida nayan kebteul buleai, naiman jaut bolqaba. Naiman jaut deere minəqa duurketukai! keeba. Kebteul-tur oroqun-i bu itqatuqai! keen jarliq bolba. Kebteul-i Yeke-Neurin aqalaju, minəqa medeju atuqai! keen jarliq bolba. Urida dorben jaut qorčin ilqaba. Ilqaju, qorčin-i Jelme-in koun Yesunte-e aqalaju, Tuke-in koun Bukidai-lue eyetulduju atuqai! keeba. Turqaut-lua qorčin kešik kešik-tur oroldurun, Yesuntee nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai! Bukidai nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai. Qorqudaq nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai. Lablaqa nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai. Qor aqsaquya turqaudun kešik kešik qorčiniyan tein aqalaju oroultuqai. Qorčini minəqan duurkeju, Yesuntee aqalaju atuqai! keen jarliq bolba.

§ 226. «Urida Okole-čerbi-lue oroqsat turqaut deere minəqan duurkeju, Boorču-in uruq-ača Okole-čerbi medetukai! keeba. Nikan minəqan turqaud-i Muqali-in turuq-ača Buqa nikan minəqan turqaud-i medetukai! keeba. Ilukai-in uruq-ača Alčidai-i nikan minəqan turqaud-i medetukai! keeba. Nikan minəqan turqand-i Dodai-čerbi medetukai! Nikan minəqan turqaud-i Doqolqu-čerbi medetukai! keeba. Nikan minəqan turqaud-i Jurčedai-in uruq-ača Čanai medetukai! Nikan minəqan turqaud-i Alči-in uruq-ača Aqutai medetukai! Nikan minəqan turqaud-i Arqai-Qasar, Nikan Minəqan ilqaqsan baatud-i medeju, oloan udur turqaq boltuqai! Qatqulduan udur urida baiju, baatut boltuqai! keen jarliq bolba. Minəqat minəqadača ilqaju ilekset naiman minəqat turqaut bolba. Kebteul qorčin-lua qoyar-ku minəqat bolba. Tumen kešikten bolba. Činəkis-qaqan jaliq bolurun: «Bida-no čaada Tumen Kešikten-i bekeleju, Yeke Qol bolun atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 227. Basa Činəkis-qaqan jarliq bolurun; Turqaud-un dorben kešiudun otokulekun-i tuširun, Buqa nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai. Alčidai nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai. Dodai-čerbi nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai. Doqolqu-čerbi nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai!

keen, dorben kešiudun Otokus-i tušiju kešik oroqui jarliq tuməqarun, kešik ororun, kešikun Noyan oerturiyen kešiklekset kešikten-i bukutken kešik oroju, qurban qonolduju yeutkeldutukai. Kešiktu kuun kešik hoaraasu, tere kešik hoaraqsan kešiktu-i qurban beries suituqai. Mun kesiktu basa nokoete kešik hoaraasu, doloan baries suituqai. Basa mun kuun beye qat ebečin ukai, kešikun Noyat-tur eye ukeu, basa mun kešiktu qurbanta kešik hoaraasu, qučin doloan beries soyuet. Bidan-tur yabuqui-ban berkešien ajuu. Ečine qolo jajar-a ileya! keen jarliq bolba. Kešiudun Otokus qutaar qutaar kešik-tur ene jarliq kešikten-i sonosqatqun. Ese sonosqaasu, kešiudun Otokus aldaltan boltuqai. Jarliq sonosuat burun, dabaasu, jarliq-un yosuar kešik hoaraasu, kešikten aldaltan blotuqai! keen jaliq bolbai. Kešiudun Otokus aqalaqdaba ele, keen, sačaun oroqsat Mino kešikten-i, Nadača eye ukai, bu hončidutqun! Jasaq koandeesu, Nada jiatqun. Mokoriulkun yosutan boesu, Bida mokoriulu je. Nišiqdaqun yosutan boesu, kebteulju nišit je. Aqalaba ele, keeju, sačaun kešikten-i Mino oerun qar kol kurkeju beriedeesu, berie-in qarin berie-ku, nodurqa-in qarin nodurqa-ku qariultuqai!» keeba.

§ 228. Basa Činəkis-qaqan jarliq bolurun: «Qadanadus Minəqadun Noyadača, Mino kešiktu deere bi je. Qadanadus Jaoudun, Harbadun Noyadača, Mino kešiktu-in kotočin deere bi je. Mino kešikten-tur qadanadus Minəqalint sačaun bolju dənkečen Mino kešiktu-tur kerelduesu, Minəqaliudai kuun-i ereuleya!» keen jailiq bolba.

§ 229. Basa Činəkis-qaqan jarliq bolurun, kešik kešiudun Noyat-ta jarliq tuməqarun: Qorčin turqaut kešik oroju, udur-un yabudal juk juk mor mor-turiyen yabuju, narano qaltaya kebteule jailaju, qadana qarču qonotuqai. Bidan-tur sueni kebteul qonon atuqai! Qorčin qor, baourčin ayaqasaba kebteule taulju ottuqai. Qadana qonoqsat qorčin turqaut baourčin Bidan-i šilen idetele, kiluetur sauju, kebteul-tur kelečileju; šilen iden baraasu, qorčin qor-tur, turqaq saurin-turien, baourčin ayaqa-saba-durian taaraldutuqai. Kešik kešik oroqun mun mun yosuar ene qauli-bar tein kitukai! keen jarliq bolba. Naran šinəkeksen-o qoina, Ordo-in qoinaun uridaun ketukeljen yabuqu kuun-i bariju, kebteul bariju, manaqari kebteul ukes ino asaqtuqai! Kebteul kešik yeutkeldurun, belke ano taulju oroju iretukai. Yeutkeju qarqun kebteul taulju-ku qarču ottuqai! keeba. Kebteul sueni Ordo horčin kebteju, euden daruju baiqsat kebteul sueni oroqun haran-i ekit ano dalbaru murus ano bautala čabčiju oorutqun! Yaaral keleten haran sueni ireesu, kebteul-tur keleleju, ker-un umereče kebteul-lue qantu baiju keleleultukai! keeba. Kebteul-eče deere sauri ken-ber bu sautuqai. Kebteul-eče kelen ukai ken-ber bu orotuqai. Kebteulun dekeun

ken-ber bu yabutuqai. Kebteulun jaqaun bu yabutuqai. Kebteulun toa bu asaqtuqai. Kebteulun dekeun yabuqun haran-i kebteul barituqai. Jaqaun yabuqun haran-i kobteul barituqai. Toa asaquqsan kuun-i kebteul tere kuun-i tere-ku udur-un unoqsan aqta, emeeltu qadartu, emusuksen qubčasun selte kebteul abtuqai! keen jarliq bolba. Eljikedai itekeltu boetele, jilda kebteulun dekeun yabuqu bolun kebteule ker bariqdalaa?

X

§ 230. Činkis-qaqan ukulerun:

«Euletai sueni
Eruketai ker mino
Eeren kebteju,
Eruk nota untaulju,
Ene oroan-tur kurkeksen,
Etokus kebteul mino!
Hodutai sueni
Ordo ker mino
Horčin kebteju,
Oroan dotora ese oqjatqaqsan,
Oljeitan kebteul mino,
Untur oroan-tur kurkeba.
Šiljirin bukui boroan-a,
Šilkutkan bukui juen-e,
Čitqun buqui qura-da,
Šiltesutai ker mino horčin,
Jirin ulu kin baiju,
Jiruke amuuluqsan,
Čin setkilten kebteul mino,
Jirqalan oroan-tur kurkebe.
Ibulun bukui daisun dotora
Irketai ker mino horčin
Hirmes ulu kin
Itqaju baiqsat
Itekelten kebteul mino!
Uilsun qor
Ubis-kikui-tur,
Udal-ukai baidaltan,
Uriyarqun kebteul mino!
Qutan qor

Qubis-kikui-tur,
Qoǰit ese baiqsat,
Qurdun yabudaltan kebteul mino!
Olǰeiten kebteul mino,
Otoḳus kebteul keetkun!
Oḳole-čerbi-lue
Oroqsat dalan turqaġ-i
Yekes turqaut keetkun!
Arqai-in baatud-i
Otoḳus baatut keetkun!
Yesuntee Buḳidai tan qorčin-i
Yekes qorčin keetkun!»

keen ǰarliq bolba.

§ 231. Yeren tabun minəġadača mino beye čaada enčulen ilġaǰu ilekset tumen enču kešikten-i mino mona qoina oro sauqsan kout uruqun uruqa mino ede kešikten-i keries metu setḳiǰu ulu ḳemuriulun saitur asaratqun! Ede tumen kešikten-i mino nenduut qutuq keeǰu uluu aqduai? keeba.

§ 232. Basa Činəkis-qaġan uḳulerun: Ordo-in čerbin okid-i, ḳerun kout, temeečin-i, hukerčin-i kebteul basaalaǰu, Ordo-in ḳer terḳen-i asaratuqai. Tuq, ḳuurḳe, doro ǰida kebteul asaratuġai. Ayaġa-saba kebteul-ḳu asaratuqai. Bidano undan ideeni kebteul daruġalatuqai. Otkan ber miqan ideen-i kebteul daruġalaǰu bolġatuġai. Undan ideen-i qor qomsa boluasu, daruġalaqsat kebteul-eče eriya! keeba. Qorčin undan ideen tuḳeerun daruġalaqsat kebteul-eče eye uḳai bu tuḳeetuḳai. Idee tuḳeerun, urida kebteul-eče teriulen tuḳeetuḳai! keeba. Ordo ḳer-tur oroqu ġarqu-i kebteul ǰasatuġai! Euden-tur kebteulun eudečin ḳer čaada baituġai! Kebteul-eče qoyar oroǰu yeke Tusurḳe barin atuġai! Kebteul-eče Nuntuučin yabuǰu, Ordo ḳer baoultuġai! keeba. Bidani šibaoulaqui abalaqui-tur, kebteul Bidan-lua šibaoulaldun yabutuġai! Terḳen-tur ǰarimudiyan čaqlaǰu talbituġai! keeba.

§ 233. Basa Činəkis-qaġan uḳulerun: Bidano Beye čerik ese ġaruasu, kebteul Bidanača anġida čerik bu ġartuġai! keeba. Ein keeuluet, ǰarlik dabaǰu kebteuli naidaǰu čerik ġarġaqun čerik medeku čerbin aldaltan boltuqai! ḳeen ǰarbiq bolba. Kebteulun čerik ḳer ulu ġarġaqdamui? keemni ǰe ta. Kebteul-lu Mino Altan Amin saqimui. Šibaoulan, abalan yabuquitur ǰoboldumui. Ordo qadaġalauldaǰu noukui-tur, oruktur terḳe asaramui. Mino Beye saqiǰu qonoqu qilbar-u bi? Ḳer-terḳen Yeke Auruq noukui-tur asaraqui qilbar-u bi? Tein dabqur qaqas qaqas yabudaltan keeǰu, Bidanača anġida oere čerik bu yabutuġai! keekui teimn bi ǰe! keeǰuui.

§ 234. Basa jarliq bolurun: Šiki-Qutuqu-lua jarġu kebteul-eče jarġu sonosulčatuġai! keeba. Kebteul-eče qor, numu, quyaq, jebe asaraju tukeeldutukai. Aqtas-ača ačaraju hoošin ačiju yabutuqai! keeba. Kebteul-eče čerbin-lue aurasu tukeeldutukai. Qorčin turqaudun nuntuq jiarun, Yesuntee Bukidai tan qorčin Alčidai, Okole, Aqutai tan turqaut Ordo-in baraun eteet yabutuġai! keeba. Buqa, Dodai-čerbi, Doqolqu-čerbi, Canai tan turqaut Ordo-in jaoun eteet yabutuġai! keeba. Arqai-in baatut Ordo-in urida yabutuqai! keeba. Kebteul Ordo ker terke asaraat, Ordo-in derkede jaoun eteet yabutuġai! keeba. Burin kešikten turqaudi Ordo horčin Ordo-in ker-un koud-i, aduučin, qoničin, temeečin, hukerčin-i Ordo darun Dodai-čerbi uqaju atuġai! keen tušiba. «Dodai-čerbi darun aju, Ordo-in qoinača

Qoq ideju,
Qomaul tuleju,

yabutuġai!» keen jarliq bolba.

§ 235. Qubilai-Noyan-i Qarluut-tur čauraulba. Qarluud-un Arslan-qan Qubilai-tur elsen irejuui. Qubilai-Noyan Arslan-qan-i abuat ireju Činəkis-qaġan-tur auljaulba. Ese bulqaba, keen, Činəkis-qaġan Arslan-i soyürqaju, oki okuye, keen, jarliq bolba.

§ 236. Subeetai-Baatur, temur terketu, Merkidun Toqtoa-in Qutu, Čilaun teriuten koud-i ino neken čauraju, Čui-muren-e kuyičeju muqutqaju ireba.

§ 237. Jebe Naimano Kučuluk-qan-i nekeju, Sariq-qun-a kuyičeju muqutqaju irebe.

§ 238. Uiudun Iduut Činəkis-qaġan-tur elčin ilejuu. Atqiraq, Darbai qoyar elčin-iyer očiju ilerun:

«Eulen arilju,
Eke naran ujeksen metu.
Molsun arilju,
Muren usun oluqsan metu.

Činəkis-qaġano nere aldar sonoscu, maši bayasba.—
Činəkis-qaġan soyürqaasu,

Altan buse-in qorġi-dača,
Al deel hurtesun-eče

oluasu, dabtuar koun čino bolju, kuču oksu,» keen očiju ilejuui. Tere uketur Činəkis-qaġan soyürqaju, qariu ukuleju ilerun: «Oki ber okuya, dabtuar koun boltuġai! Altan munəku, subut, tanas, načit, dardas, torġat abuat,

Iduut iretukai!» keeju ileesu, Iduut, soyürqaqdaba keen bayasču, altan, munku, subut, tanas, torqot, načit, dardas, aurasun abuat, Iduut ireju, Činkis-qaqan-tur auljaba. Činkis-qaqan Iduudi soyürqaju, Alaltun-i okbe.

§ 239. Taulai jil Joči-i, baraun qar-un čeriudiyer, Hoi-in irken-tur morilaulba. Buqa qajarčilaju otba. Oiradun Quduqa-beki tumen Oiradun urida elsen oroju irebe. Ireju, Joči-i uduridutču tumen Oirat-duriyan qajarčilaju Šiqšit-tur oroulba. Joči Oirat, Buriyat, Barqun, Ursut, Qabqanas, Qanqas, Tubas-i orouluat, tumen Kirkisut-tur kuruesu, Kirkisudun Noyat Edi, Inal, Aldier, Ole-bek-dikin Kirkisudun Noyat elsen oroju, čaqaa-nout šinqot, čaqaa-nout aqtas, qaranout buluqat abuat ireju, Joči-da aulčaba. Šibir, Kesdiin, Bait, Tuqas, Tenlek, Toeles, Tas, Bajiqidača inaqši Hoai-in irken-i Joči oroulju, Kirkisud-un Tumedun, Minqad-un Noyad-i Hoai-in irkeno Noyad-i abuat ireju, Činkis-qaqan-tur čaqaanout šinqodiyar, čaqaanout aqtasiyar qara-nout buluqadiyar auljaulba. Oiradun Quduqa-beki-i uqtun urida elsen tumen Oiradiyan uduridun ireba, keen, soyürqaju, koun-e ino Inalči-da Čečeiken-i okba. Inalci-in aqa Torelči-da Joči-in oki Holuiqan-i okba. Alaqa-beki-i Onqut-da okbe. Činkis-qaqan Joči-i soyürqaju ukulerun: «Koudun Mino aqa či kerteče sai qarčou, mor saitu oduqsan qajar-a ere aqta-i ulu širqan ulu jobaan, oljeitu Hoai-in irke-i oroulju irebe či. Irke čimada oksu!» keen jarliq bolba.

§ 240. Basa Boroqul-Noyan-i Qori-Tumat irken-tur čauraulba. Tumat-irkeno Noyan Daiduqul-Soqor-i ukuesu, eme ino Botoqui-Tarqun Tumat-irken-i medeju aju. Boroqul Noyan kurču, qurban haran yeke čerikeče urida yabura otču ude jilda uqamsar berke hoai-tur orumiyar yabuqun bolun, qaraula ano qoinaun dermetteju, horum booju, Boroqul-Noyan-i bariju alajuui. Tumat Boroqul-i alajuui, keen medeju, Činkis-qaqan maši kilinlaju, oesun morilan tuurbiasu, Boorču, Muqali qayar Činnkis-qaan-i baitala itqaba. Jiči Dorbetai Dorbo-Doqšin-i tuširun: Čerik qatanquya jasaju, Munke Tenkeri-i jalbariju, Tumat-irken-i oroulun sori! keen jarliq bolba. Dorbo čerik jasarun, urida čerik-un yabuqu qaraulun saqiqu mor horum subes-tur hoqtorqui erbekeljeulju, hulaan buqa-in yabuqsan moriyer čeriut-tur jasaqlarun, čerikun tootu kuun jiruke yadaasu, nišiquya ere-tur harban musut urkeulju, suke, uqali, kirue, šiuči, ere-in jer-jebsek jasaulju, hulaan buqa-in yabuqsan moriyer mortur baiqsan modut hoqtočin, čabčiulju, kiruedeulju, mor bolqaju, aula deere qaruasu, Tumat irkeno eruke deereče kenet qurinlan sauqui-tur daouliba.

§ 241. Urida Qorči-Noyan Quduqa-beki qoyar Tumat-ta bariqdaju Botoqui-Tarqun-tur tende aju. Qorči-in bariqdaqu yosun. Tumat-irkeno okit qoastan qučin emes abtuqai, keen jarliq boluqsan-tur, Tumat-irkeno

okit abqu, keen odqu bolun, urida elsekset irken jiči bulqa bolju, Qorči-Noyan-i barijuui. Qorči Tumat-da bariqdajuu, keen Činəkis-qaqan medeju, Hoai-in irkeno yabudal Quduqa medemuje! keeju, ileesu, Quduqa-beki basa bariqdajuu. Tumat-irken-i oroulun baraasu, Boroqul-un yasuno tula jaun Tumad-i okba. Qorči qučin okidi abuba. Quduqa-beki-de Botoqui-Tarqun-i okba.

§ 242. Činəkis-qaqan jarliq bolju, eke-de, kout-te, deuner-e irke qubiyaju okuye! keen okurun, ulus quriyaan jobaqsat Eke buyu je, Koudun Mino aqa Joči bi je, Deuner-un Mino nilqa Otčiqin bi je! keeju, eke-de Otčiqino qubi kiet tumen irke okbe. Eke čimatču ese dunəqotba. Joči-de yesun minəqat irke okba. Čaadaya naiman minəqat irke okba. Okodaya tabun minəqat irke okba. Toluya tabun minəqat irke okba. Qasar-a dorben minəqat irke okba. Alčidaya qoyar minəqat irke okba. Belkutaya nikan minəqan tabun jaut irke okba. Daaritai Kereit-lua bolulčaba, keen, niduno ečine ečitkeya! keebesu, Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban ukulerun:

«Oerun qaliyan
Suenoeku metu!
Oerun keriyen
Ebdeku metu!

Sain Ečike-in Čino keries qaqča abaqa Čino qočorču amu. Ker tebčiku ino? Ese uqaqsan-tur butuqai! Sain Ečike-in Čino Nilqa Nuntuq huni butaraulčaju atuqai!» Keekdeju, qabar-ača huni kanšitala qaqas kelelekdeju: «Je, teli!» keen, Sain Ečike-i setkiju, Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban-o kelentur amurliba je.

§ 243. «Bi Eke-de, Otčiqin-a tumen irke okču, Noyad-ača Kuču, Kokoču, Junsai, Qorqasun dorben-i tušiba. Joči-da Qunan Munkeur, Kete qurban-i tušiba. Čaadai-tur Qaračar, Munke, Idoqudai qurban-i tušiba». Basa Činəkis-qaqan ukulerun: «Caadai kečeu biyu, narin aburitu biyu! Koko-Čos ude manaqar derkede aju, setkikseniyen kelelen atuqai!» keen jarliq bolba. Okodai-tur Iluke Dekai qoyar-i tušiba. Tolui-tur Jedai, Bala qoyar-i tušiba. Qasar-tur Jebke-i tušiba. Alčidai-tur Čaurqai-i tušiba.

§ 244. Qoanqotadai Munlik-ečike-in kout doloan buleai. Doloano dundadu Kokoču Teb-Tenkeri bulee. Tede doloan Qoanqotan Qasar-i omereju jančijuui. Qasar, doloan Qoandotan-a omereju jančiqdaa, keen. Činəkis-qaan-a sokoduesu, Činəkis-qaqan busut-tur kilinəlaju aqui-dunda keleleku bolun, Činəkis-qaqan kilin-duriyen Qasar-i ukulerun: «Amitu-da ulu ilaqdaqu-ača bulee či! Ker ilaqdaa či?» keekdeju, Qasar nilbusu aldaat boscu yorčiju, Qasar mauilaju, qurban udur ese irebe. Tende Teb-Tenkeri Činəkis-

qaan-a ukulerun: «Munke Tenkeri-in jarliq qan jaarit ukulemu: Nikante Temujin ulus barituqai! keemu. Nikante Qasari keemu. Qasar-i ese nendeesu, medee ukai bi je!» keekdeju, Činkis-qaqan mun sueni morilaju, Qasari barira oduasu, Kuču Kokoču qoyar Qasari barira otba, keen ekede jaajuu. Eke medeet, sueni boet udaaran čaqaan temeen kolju, qarautai terketai sueni-de dulin yorčiju, naran urququi-lua kuruesu, Činkis-qaqan Qasarun qančut huyaju, maqalai buse ino abču, uke ino asaqun bukui-tur eke-de kurteju, Činkis-qaqan keyekču (?) eke-deče emieba. Eke aurlaju kurču, terkeneče baouat, eke oesun Qasarun huyaqsat qančut dalju (tailju) talbiat, maqalai buse ino Qasar-a okču, eke kilinlaju auriyan darun yadan, jabilan sauju, qoyar kokodiyen qarqaju, qoyar ebuduk dekeun bisariylju ukulerun: «Ujebe yu? Kokoen kokan tano ene bi! Ede qadalun daun, qarbisuan qajaqsat, kui-iyen tasuluqsat! Qasar yekibe? Temujin ene nikan koko mino baraqu bulee. Qačiun, Otčiqin qoyaula bolju nikan koko ulu baraqu bulee. Qasar burun, buri kokot mino baraju, čeeji mino aui boltala amurliulju, čeeji aui bolqaqu bulee. Teuber erdentu Temujin mino — čeeji erdentu. Qasar mino — qabu kuču erdentu tula,

Qarbučaju qaruqsan-i
Qarbuju oroulqu bulee.
Oqjatču qaruqsan-i
Hontosaju oroulqu bulee.

Edoe, daisun kuun-i muqutqaba keeju, Qasar-i ujen yadamui ta!» keeba. Eke-i amurliulun baraju, Činkis-qaqan ukulerun: «Eke-i qilinlaqdaju,

Ayun ba ayuba,
Hičen ba hičeba bi!»

keeju: Ičuya bida! keeju ičuba. Eke-de ulu medeulun, ečineun Qasar-un irke ino abču, Qasar-a minqan dorben jaut irke okba. Eke medeju, teresetkil-tur otor dotoleksen yosun teimu. Jalairtai Jebke tende qulajiju Barquqin oroan buruutba.

§ 245. Teuno qoina yesun keleten irken Teb-Tenkeri-tur quriju, Činkis-qaqano kilue-deče oloan Teb-Tenkeri-tur quriqun bolba. Tein quriqui-tur, Temuke-Otčiqino qariyatan irken Teb-Tenkeri-tur otčuui. Otčiqin-Noyan oduqsan irke-ben quira Soqor neretu elči-en ilejuui. Teb-Tenkeri Soqor elči-de ukulerun: «Otčiqin ta jirin elčiten boljuui! keeju, Soqor elčin ino ašiqiju, yabuqan, emeel ino urkeju qariuljuui. Otčiqin Soqor elčin ačiqiju yabuqan ilekdeju, manaqarši Otčiqin oesun Teb-Tenkeri-tur otču ukulerun: «Soqor elči-en ileesu, ašiqiju yabuqan ilejuui. Edoe bi irke-ben quira

ireba!» keekdeǰu, doloan Qoaŋqotan Otčiqin-i endeče tendeče qaaǰu: «Soqor elčin-iyen ileku čino ǰob bi?» keeǰu, bariqu-ača tusqu-ača kikderun ayūǰu, Otčiqin-Noyan ukulerun: «Elči ileku minoai buruu!» keeǰuui. Doloan Qoaŋqotan ukulerun: «Burun boesu, namančilan sokot!» keeǰu Teb-Teŋkeri-in qoinača soketkeǰuui. Irke-ben ba ese okteǰu, Otčiqin manaqarši erte Činkis-qaqan-i bosuai-uduu-e oroan dotora bukui-tur oroǰu, uilaat soketču ukulerun: «Yesun keleten irken Teb-Teŋkeri-tur čiuldaǰu, nada qariyatan irke-ben Teb-Teŋkeri-deče quyūra Soqor neretu elči ilelue. Soqor elči-i mino ašiqiǰu yabuqan emeel urkeǰu ilekdeǰu, bi oesun quyūra oduasu, doloan Qoaŋqotan-a endeče tendeče qaaǰu namančilaulǰu, Teb-Teŋkeri-in qoinača soketkeuldeba!» keeet uilaba. Činkis-qaqan-i duŋqaduai uduu-e, Borteǰin oroan dotora oŋdeiǰu sauǰu, koanǰile-iyen ǰaqa-bar ebčeu-ben tuitču, Otčiqin-o uilaqu-i uǰeǰu, nilbusu aldaat ukulerun: «Yekikset Qoaŋqotan tede! Očiken Qasar-i omoreǰu ǰančiǰuku buleai. Edoe basa ene Otčiqin-i yekin qoinačaan soketkemui? Yanbar yosun bolumu? Bel ede čikot narat metus deuner-i čino ein oisulaldumui! Unen-ber mona qoina —

Neule metu beye čino
Nekus-oduasu,
Netkel metu ulus čino
Ken-e medeulkun tede?
Tulu(qa) metu beye čino
Tulbas-oduasu,
Tüel metu ulus čino
Ken-e medeulkun tede?

Čikot narat metu deuner-i čino ein üsutkun haran, mino qurban-dorben učuket maoun mandutula mino, yau medeulkun tede? Yekikset Qoaŋqotan buleai? Tede deuner-iyen teden-e tein kiulǰu ker uǰeǰu amu či?» keeet. Borte-uǰin nilbusun aldaba. Borte-uǰino ene uke-tur Činkis-qaqan Otčiqin-a ukulerun: «Teb-Teŋkeri edoe ireku. Čidaqui-ača kerba uiletduesu či mede!» keeba. Teun-tur Otčiqin bosuat, nilbusuan arčiat qarču, qurban bokos-i beletču baiba. Qurumut atala Munlik-ečike doloan kout-lue-ben ireǰu, doloan buri oroǰu, Teb-Teŋkeri tusurke-in baraun eteet sauqui-lua, Otčiqin Teb-Teŋkeri-in ǰaqa ino bariǰu: «Očiken udur nama-i namančilan bulee či. Sorilduya!» keeǰu, ǰaqa ino bariǰu, euden ǰuk ireba. Teb-Teŋkeri Otčiqino eserku ǰaqa bariǰu barilduba. Teb-Teŋkeri-in maqalai, barilduqui-tur, qolu(m)ta teriun-e unaba. Munlik-ečike maqalai ino abču hunosču eburturiyen talbiba. Činkis-qaqan ukulerun: «Qarču boko kuču temečeldutkun!»

keeba. Otčiqin Teb-Tenkeri-i čirču qarurun, eude bosoqa jaura, urida beleduksen qurban bokos eserku Teb-Tenkeri-i bariat čirču qarču, niruu ino ququlju, jaoun etekedun terkedun ujuur-e oorču; Otčiqin orolju ukulerun: «Teb-Tenkeri nama-i namančilan bulee. Sorilduya keeesu, ulu bolun arqalaju kebtemu. Čaqtu nokor ajuu!» keeesu, Munlik-ečike uqaju, nilbusu aldaat ukulerun:

«Dair Etuken-i
Danlasun-o tedui bukui-ece,
Dalai muren-i
Qoroqon-o tedui bukui-eče

nokočeba bi!» keekui-lue jirqoan Qoanqotan kout ino euden bosoju, qolumta toorin baiju, qančudiyan šimaliqaqdarun, Činkis-qaqan, kerelju šiqaqdaju: «Jaila, qaruya!» keeet qarqu-lua, Činkis-qaan-i horčin qorčin turqaut toorin baiba. Teb-Tenkeri-i terkedun ujuur-e nirun ququlju ooruqsan-i Činkis-qaqan ujeju qoituul-ača nikan boro qošiliq abčiraulju, Teb-Tenkeri-in deere ino talbiulju: «Kolke oroulutqun, nouya!» keeju, tendeče nouuba.

§ 246. Teb-i talbiqsan qošiliqun eruke tul(k)iju, euden daruju hara saqiulnasu, qutuar sueni, udur šira-da, ker-un eruke neeju beye selte qarcuu. Bolqaasu maqat teb ino tende bolqaqdaba. Činkis-qaqan ukulerun: «Teb-Tenkeri deunertur mino qar kol kurkeksen-o tula, deuner-un mino jaura oro ukai ulququ (jinkuku ~ yenkeku)-in tula Tenkeri-de ese taalaqdaju, ami-yan beye selte abču otba je!» keeba. Činkis-qaqan Munlik-ečike-i tende dunqadurun: «Kouduen aburi ulu itqan, denkečen setkikun bolun, Teb-Tenkeri-in teriun-tur kurba ta! Tano teimu aburi uqaqsan boesu, Jamuqa, Altan, Qučar tan-o bolqaqdaqun buleai ta!» keeju, Munlik-ečike-i dunqatču, dunqadun baraju, jiči:

«Manaqaru ukuleksen-i
Udeji hudaruasn;
Ude-in ukuleksen-i
Manaqar hudaruasu,
Hičele maqa keekdeku-ele!

Urida uke baraqdalua. Je, teli!» keen soyürqaju jiči jaliraba: «Alus aburiyan tataqsan boesu, Munlik-ečike-in uruq-tur ken denkečekun buleai!» keeba. Teb-Tenkeri ukai bolqaat, Qoanqotan čirai jibturajuui je.

XI

§ 247. Teuno qoina Činəkis-qaġan Qonin jil Qitat-irken-tur morilaba. Fu-jou-i abču Huneken daba-ar dabaju, Süan-de-fu-i abču, Jebe Kuikunek-Baatur qoyar-i manəlai ileba. Čabčiyal kurču, Čabčiyal dabaan-i bekilekdeju, tende Jebe ukulerun: «Ani uduju kodolkeju ireulun tende soriya!» keeju qariba. Qariqdaju Qitad-un ceriut nekeya! keen jolke aula butetele nekeju aiši, Süandefu-in qošiun-a kurču, Jebe qoinaqši hurban tataju dobtulju sundurču aisuqun dain-i daruba. Činəkis-qaġan qol cerik daručaju, Qitad-i kodolkeju. Qara-Qitadun, Jurčedun Juino erekun omoqun ceriudi daruju, Čabčiyal-a kurtele hunjiu baitala qiduju, Čabčiyalun qaalqa Jebe abču dabaat, buliju dabaju, Činəkis-qaġan Šira-dek-tur baouba. Junədu-i eereju qotot-qotot balaqat-tur ceriut ileju eereulba. Jebe-i Dunčan balaġasun eereulun ileba. Dunčan balaġasun-tur kurču eereju, abun yadaju qariju jirqoan qonoq qajar-a kurču, kenetkeju jiči qarin tataat, qar kotoltan sueni dulikeju, kenet bukui-tur kurču, Dunčan balaġasu abuai.

§ 248. Jebe Dunčan balqasun-i abču qariju ireju, Činəkis-qaġan tur neileba. Djunədu-i eerekderun, Altan-qano Yeke Noyan Vanəqin-činsan Altan-qana duratqarun: «Tenkeri Qajarun jayaan caq, Yeke Oro yeutkekui čaq-uu kurba? Monəqol maši kučuteye ireju, bidano erekun omoqun Qara-Qitadun Jurčedun, Juino erkit ceriudi bureltele qidujuui. Itekeltu Čabčiyal-i ber buliju abčuui. Edoe bida basa ceriut jasaju qarqaasu, basa Monəqol-a daruqdaasu qalaar balaġat balaġat-duriyan butaraqun tede. Jiči bidan-a qurauluasu ulu bolun, bidan-tur daisun bolju, ulu nokočekun tede. Altan-qan soyürqaasu Monəqolun qan-tur edoet-tur elsen eyetuye! Eye-tur oroju Monəqoli ičuasu, ičuqaqsan-o qoina basa busu setkil bida tende eyetuldut je. Monəqolun ba ere aqta qajar heušieju kolčirkemui, keekdemui. Qana ino oki okuya, altan-munəkun aurasut-et cerik kuun-e kundute qarqaju okuya! Ene eye-tur mano oroqu uluu-i ker medeku?» Keen duratqaasu, Altan-qan Vanəqin-činsanun ene uke jobšieju: Ein boet boltuqai! keen elsen, Činəkis-qaġan-a Kunəju neretai oki qarqaju, altan-munəqun aurasun et tabar cerikun kuune kučune medeulun daaqui-ača Junədu-ača qarqaju, Činəkis-qaqan-tur Vanəqin-činsan kurkeju ileba. Elsen ilekdeju, Činəkis-qaġan eye-tur ano oroju qotat qotat-tur eeret baouqsat ceriudi qariulju ičuba. Vanəqin-činsan Mojou-Fujou neretu qošiun-a kurtele Činəkis-qaġan-i hudeju qariba. Aursun-et bidano ceriut daaqui-ača ačiju kibuudiyar ačia-ban tataju yabuba.

§ 249. Tere morilaqsaar Qašin-irken-tur yorčiba. Joriju kuruasu, Qašin-irkeno Burqan elsen: Baraun qar čino bolju, kuču oksu keen, Čaqa neretai oki Činəkis-qaan-a qarqaju okba. Basa Burqan ukulerun: «Činəkis-qaano

nere aldar sonosčn ayŭju alaai ba. Edoe Suldertu Beye Čino kurčn irekdeju, Sulder-eče ayüba. Ayŭju, ba, Tanqut-irken, baraun qar Čino bolju kučn oksu!» keeba. «Ḱučn okurun,

Nunji nuntuqtan,
Noduksen balqasutan

bi je. Nokočeju,

Qurdun aya ayalaqui-tur,
Qurča bulqa bulqalduqui-tur,
Qurdun aya-tur
Ḱuyičen je yadamui je,
Qurča bulqa-tur
Bulqaldun je yadamui je ba!

Činkis-qaan-a, soyürqaasu, ba Tanu-irken

Undur deresun nemurete oskeju
Oloan temeet qarqaju
Qa bolqaju oksu!
Ormeke nekeju, aurasun bolkaju oksu!
Oorqu šibaoun surqaju quraulju
Saidi ino kurkeulun asuqai!»

keen očibo. Ukuleju uke-duriyen kurun, Tanut irken-eceen temeet qubčiju, taoun yadatala abčiraju okba.

§ 250. Činkis-qaqan tere morilaqsan-tur Qitat-irken-o Altan-qaan-i elseulju, oloan aursun abču, Qašin-irkeno Burqan-ni elseulju, oloan temeet abču, Činkis-qaqan Qonin jil tere morilaqsan-tur Qitat-irkeno Aqutai neretu Altan-qan-i elseulju, Tanut-irken-o Haqu-Burqan-ni elseulju qariju, Saari-keer baouba.

§ 251. Basa teuno qoina Jao-qoan-tur elsen ilekset Jubqan teriuten oloan elčiniyan Qitat-irkeno Altan-qaan-a jetkukdeju, Činkis-qaqan Noqai jil Qitat-irken-tur basa morilaba. «Elsen baraju, Jao-qoan-tur ilekset elčin-i yekin jetkun buleai?» keen morilarun, Činkis-qaqan Tunqoan amasar joriju, Jebe-i Čabčiyaliyar bolqaba. Činkis-qaan-i Tunqoan amasariyar bolba keen Altan-qan medeju, Ile, Qada, Hobeketur-i qurban-i ceriut medeulju, cerik bokleju, Hulaan-dekilen-i manlailan jasaju, Tunqoan amasar-i temečen dabaa bu dabaulutqun! keen, Ile, Qada, Hobeketur qurban-i ceriut qurduilan ilejuui. Tunqoan amasar-i kuruesu, Qitadun ceriut qajar keen daaju ireba. Činkis-qaqan Ile, Qada, Hobeketur qurban-lua bailduju,

Ile, Qada-i kodolkeba. Tolui Čuqu-kuriken qoyar koandelen-eče dobtulju, Hulaan-dekeleni ičuaju kurču, Ile Qada-i kodolkeju daruju, Qitad-i hunjiu baitala qiduba. Qitat čeriudiyen qiduju baraqdaba! keen Altan-qan medeju, Jundu-dača qarču buruudun, Nan-kin balaqasu orojuui. Hulekset čeriut ano turuju ukurun, oer jaura kuun-o miqa ideldujuui. Tolui, Čuqu-kuriken qoyar saitur uiletbe! keen, Činkis-qaqan Tolui Čuqu kuriken qoyar-i maši soyürqaba.

§ 252. Činkis-qaqan Qosivu-i baouat, Jundu-in Šira-keer baouba. Jebe Čabčiyal-un qalqa ebdeju, Čabčiyal-i bariqsat čeriudi kodolkeju, ireju Činkis-qaqan-tur neilebe. Altan-qan Jundu-dača qarurun, Jundu dotora Qada-i Liu-šou bolqan tušiju oduqsan aju. Činkis-qaqan Jundu-in altan-munkun et aurasun yauke ino toolaulurun, Onkur-baourči, Arqai-Qasar, Šiqi-Qutuqu qurban-i ileba. Ede qurban-i aisai keen, Qada eserku uqtun, altatai hartai aursu bariat, Jundu dotoroča qarču eserku ireba. Qada-da Šiqi-Qutuqu ukulerun: «Urida ene Jundu-in et, mun Jundu Altan-qanoai aju je. Edoe Jundu Činkis-qaqanoai bi je. Činkis-qaano et aurasu ečineun yekin qulaqču abčiraju okumu či? Bi ulu abqu!» keeju, Šiqi-Qutuqu ese abua. Onkur-baourči Arqai qoyar abuba. Ede qurban Jundu-in yauke toolaju ireba. Tende Činkis-qaqan Onkur, Arqai, Qutuqu qurban-ača: Qada yau okba? keen asaqba. Šiqi-Qutuqu ukulerun: «Altatai hartai aurasu abčiraju okulue. Bi ukulerun: Urida ene Jundu Altan-qaanoai aju je. Edoe Činkis-qaanoai bolba je. Či, Qada, Činkis-qaanoai bolba je. Či, Qada, Činkis-qaano et ečineun qulaqču yekin okumu či? keeju, bi ese abuba. Onkur Alqai qoyar okuksed-i ino abulaa!» keeba. Činkis-qaqan tende Onkur Arqai qoyar-i maši dunqatba. Šiqi-Qutuqu-i: «Yeke Yosu setkijuui či!» keen maši soyürqaju:

«Ujeku-in mino nidun,
Sonosqu-in mino čikin
bolju uluu aqu či?» keen jarliq bolba.

§ 253. Altan-qan Nan-kin oroju oerien elsen murkuju, Tenkeri neretu kou-ben jaun nokottu-i Činkis-qaqan-tur boltuqai keen ileju, imada elsekdeju, Činkis-qaqan ičuya keen Čabčiyal-iyar tende ičurun, Qasar-i jaoun qarun čeriudiyer dalai kijin ilerun, Bei-kin balaqasun-i elseulju, činana Jurčedun Fuqano-i daarin otču, Fuqano bulqa setkiesu qaulutqun! Elseesu ino, qijiar balaqat ano daarin Ula Nau muret kijin otču, Taour-muren oede dabaju, Yeke Auruq-tur neilen iretkun! keeju ileba. Qasar-lua Noyadača Jurčedai, Alči, Tolun-čerbi qurban-i ilelduba. Qasar Beikin balaqasun oroulju, Jurčedun Fuqano-i elseulju, mor-e bukun balaqasun-i oroulnat, Qasar Taour-muren oede ireju, Auruq-tur baouju ireba.

§ 254. Teuno qoina Čiŋkis-qaġan Sartaul-irken-e Uquna teriuten jaun elčiniyen jetkuju alaqdaju, Čiŋkis-qaġan ukulerun: «Altan arġamjiyan Sartaul-irken-e ker tasuldan buleai?» keen; Uquna teriuten jaun elčin-iyen osuel osuen, kisal kisan, Sartaul-irken-tur morilaya! keen, morilaquitur, tende Yesui-qatun Čiŋkis-qaan-a duratqan očirun: «Qaġan

Undur dabaa dabaan,
Orken muret ketulun
Urtu čaur čaurun,
Oloan ulus-ien
Jibšiyerun setkiba.

Toreksen ele amitan-tur munke ukai ajuu!

Neul-e metu Beye čino
Nekus-oduasu,
Netkel metu ulus-iyan
Ken-e kemu?
Tulu metu Beye čino
Tulbas-oduasu,
Tuyal metu Ulus-iyan
Ken-e kemu?

Toreksen dorben küluut kouduen ken-i ino keemu? Kout-te, deuner-e, oloan qaračus-a, mana ber maoun-a uqaju aquya duratqaqsan bolba. Jarliq medetukei!» Keen očiesu, Čiŋkis-qaġan jarliq bolurun: «Qadun ber kuun boesu, Yesuyin uke job-eče job! Ket ber, deuner, kout, ta ber Boorču Muqali tan ein ese duratqaba! Bi ber

Uridus-i ulu udaaraqui-aca
Umartaju ajuu.
Ukuleŋ-e ulu erustekui-eče
Untaraju ajuu!»

keeet: «Koudun mino aqa Joči bi je. Yau keemu? Či kelele!» keeba. Joči-i dunqatqu-in urida Čaadai ukulerun «Joči-i: kelele! keerun, Joči-yuu tušin ukulemui? Ene Merkidai čuloul jaura ker medeulkun bida?» keekui-lua Joči bosuat, Čaadai-in jaqa-tur tusču, ukulerun: «Qan Ečike-de busu ese keekdelue či! Nama-i ker ilġamui? Yanbar erdemiyer hüleu či? Qaqča kečaouberiyen maġa hüleu-ele či! Hontusaju čimada qartaasu, herekai-en hoqtolju oorusuqai! Abalduju čimada ilaqdaasu, unaqsan qajar-ača bu bossuqai! Qanečike-in jarliq medetukai!» keeba. Joči, Čaadai qoyar jaqača barilduju bain

bukui-tur, Joči-in qarača Boorču tataju, Čaadai-in qarača Muqali tataju bukui-tur, Činɤkis-qaɢan sin (sem) saun bi. Tende Koko-Cos jaoun eteet baiju ukulerun: «Čaadai, yekin yaarayu či? Qan-ečike čino koudun dotora ćimadača ereju bulee! Tani toreku-in urida

Hodutai Temkeri
Horčiju bulee.
Oloan ulus bulqa bulee.
Oroan-duriyen ulu oroan
Oljalaldun bulee.
Korisutai Etuken
Korbeju bulee.
Kur ulus bulqa bulee.
Koanjile-deen ulu kebten,
Koruleldun bulee.
Teimu čaq-tur
Kuseju ese yabuba je.
Kurulčekui-tur bolba je.
Buruutču ese yabuba,
Bulqalduqui-tur bolba je.
Amaraju ese yabuba je,
Alalduqui-tur bolba je.
Boqda Qadun, Eke-yüen,
Tosun duran qoroulju,
Sün juruken eedeulju
Ukulemui či!
Buleen-eče bulet
Mun keeli-deče
Eseu toreleai ta?
Qalaun-ača qalat
Qaqča qaqunaq-ača
Eseu qarulaa ta?
Jurkeneče toreksen Eke-yüen
Čimatqaasu,
Činar ino jekirču,
Jaliraulnasu ulu boli!
Keeli-deče toreksen Eke-yüen
Kemuliuluasu,
Kenoer ino

Ḱeskeesu ulu boli!
Qan-ečike tano
Qamuq ulus-i bayiulurun,
Qara teriu-ben qantuqalaǰu,
Qara čisu-ban nanbuqalaǰu,
Qara nidun-ben hirmes ulu kin
Qabtaqai čiki-ben dere tur ulu talbiu,
Qanču-ban dereleǰu,
Qormai-ban debusču,
Šilusuniyan undalaǰu,
Siki-en qonaqlaǰu;
Manlai-in kolesun —
Ula-tur kurtele,
Ula-in kolesun,
Manlai-tur ġartala,
Olomlen kičien yabuqui-čaq-tur.
Eke tano qantubar ǰoboldurun:
Horaitala boqtalaǰu,
Hoojitala buseleǰu,
Niitaitala boqtalaǰu,
Niduratala buseleǰu,
Taniyan oskerun:
J̌alġiqui ǰaura
J̌arim-iyan okču;
Qoolai-iyan qučiǰu,
Qotolai-iyan okču,
Qoosun yabuqui buleai.
Ekem-eče tano tataǰu
Ere-lue sačaun
Ken-e (ker) bolġaqu?
Ḱuǰuun-eče tano tataǰu,
Ḱuun-lue sačaun
Ken-e (ker) bolġaqu? keeǰu,
Bui tano arilġaǰu,
Burbi tano erkuulǰu,
Ere-in ekem-tur,
Aqta-in ġarqan-tur
Ḱurkeǰu, edoe tanoan
Sai uǰesu! keen,

Setkiǰu eseu amui?
Boqta Qatun bidano
Naran metu kekeen,
Naur metu delker setkiltu bulee!»

keeba.

§ 255. Tendeče Činǩis-qaġan uǩulerun: «J̌oči-i yekin tein keemui ta? Koud-un Mino aqa J̌oči ulu-u bi? Qoina tein bu keetkun!» keen ǰarliq bolba. Ene uǩe-tur Čaadai mučilǰeǰu uǩulerun: «J̌oči-in kučutu-i erdemun qariu ulu uǩulen,

Amaar alaqsan
Ačiasu ulu boli.
Ukeer ukuuluksen
Ubčiesu ulu boli!
Koudun aqa
Joči ba qoyar bi ǰe.
Qan-ečike-de
Qolbaran kuču oksu!
Daldariqsan-iyan
Dalbaru čabčildusu!
Qoǰidaqsan-iyan, borbiniyan
Qinġuru čabčildusu!
Oǩodai-lu oruk bi,
Oǩodai-i keelduye!
Oǩodai Qan-ečike derkede aǰu,
Baraa Yeke Maqalain
Baoliya taniuluasu bolu ǰe!»

keeba. Ene uǩe tur Činǩis-qaġan uǩulerun: «J̌oči yau keemu? Kelele!» keeba. J̌oči uǩulerun:

«Čaadaï-lu uǩuleba!
Čaadai ba qoyar
Qolbaaran kuču oksu!
Oǩodai-i keelduye!»

keeba. Činǩis-qaġan ǰarliq bolurun:

«Qolbaaratala yaun bi?
Otoǩen Eke aui bi,
Muret-usut oloan bi!

Salqu(m) šitu nuntuq aut kin
Qari daruulun salqaya! keeet,
Joči, Čaadai qoyar
Ukes-tur-iyen kurulčetkun,
Irken-e bu inieulutkun,
Haran-a bu qabqariulutqun!
Erte Altan Qučar qoyar
Ene metu uke baralduju,
Jiči ukes-tur-iyen
Ulu kurku-in tula,
Ker kikdeluai?
Yanbar bolqaqdaluai?
Edoe Altan Qučar
Qoyar-un uruud-ača
Tan-lua salqalduya.
Teden-i ujeju,
Yau osoldaqun ta?»

Keeet: «Okodai, yau keemu? Kelele!» keeba. Okodai ukulerun:

«Qaqan ečee soyürqaju,
Ukule keekdeesu,
Yau-ban ukuleku bi?
Ulu čidaqu keen ker ukuleku?
Čidaqui bar qataučisuqai-ku!
Keemuje. Monaqoina maqa
Uruq-tur mino:
Olan-tur qučiasu
Huker-e ulu idekdeku,
Oukun-tur qučiasu,
Noqaya ulu idekdeku toreesu,
Qandaqai ketus
Qulaqana sores aldaquyu-u?
Edui-yuen lu keemu!
Busu yau ukuleku bi?»

keeba. Ene uke-tur Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Okodai eimun ukes ukuleku boesu bolu je!» keeba. Basa: «Tolui, yau keemu? Kelele!» keeba. Tolui ukulerun: «Bi

Qaġan-Ečike-in nereiduksen
Aqayüan derkede aǰu,
Umartaqsan-i duratqaǰu,
Untaraqsan-i seriulǰu,
J̌e-in nokor, ǰeerde-in minaa bolǰu,
J̌e-deče ulu qoǰidan,
J̌erke-deče ulu čolaitan,
Urtu čaur čauraǰu,
Oqor bolqa bolqaǰu oksu!»

keen ukuleesu, Činəkis-qaġan ǰobšien ǰarliq bolurun:

«Qasar-un uruq
Nikan-nien medeul!
Alčidain uruq
Nikan-nien medeul!
Otčiġin-no uruq
Nikan-nien medeul!
Belkutai-in uruq
Nikenien medeul!
Tein setkiǰu, Mino uruġi
Niken-i medeulǰu,
Mino ǰarliq busu ulu bolġan
Ese hutaruasu,
Ulu endekun,
Ulu aldaqun ta!
Okodai-in uruġi:
Olaə-tur qučiasu
Huker-e ulu idekdeku,
Oukun-tur qučiasu,
Noqaya ulu idekdeku toreesu,
Mino uruq-tur niken-ou
Sain ulu toreku aǰuu?»

keen ǰarliq bolba.

§ 256. Činəkis-qaġan morilarun, Taəuut-irkeno Burqan-tur elčin ilerun: «Baraun ġar čino bolsu, keeluai či! Sartaul-irkeni altan arġamǰi-ben tasuldaǰu, olulčan morilaba bi. Baraun ġar bolun morila!» keeǰu ileesu, Burqan-ni duəqaduai uduuya urida Aša-Ǩanbu ukulerun: «Ǩuču yadan boetele Qan boltala yaun?» keeǰu, čerik ulu nemen, yeke uke ukuleǰu

ilejuui. Tende Činǩis-qaġan ukulerun: «Aša-Ḳanbu-de ker ein ukulekden buleai?» keen: «Arġača an-dur boet kelbes-joriju ireesu, yau berketu buleai? Oere maġa kuun-tur joriju bukui-tur, je teli! Munke Tenkeri-de iheekdeesu, Altan jiloa batuda tataju ireesu, tende maġa boltuġai, teli!» keeju;

§ 257. Taolai jil Sartaul-irken-tur Araiyar daban morilarun, Činǩis-qaġan qatun-ača Qulan-qatun-i abun ayalarun, deuner-eče Otčiġin-Noyan-i Yeke Auruq-tur tušiju morilaba. Jebe-i manlai ileba. Jebe-in kejike Subeetai-i ileba. — Subeetai-in kejike Toqučar-i ileba. Ede ġurbani ilerun: «Ġadaun otču, Sultano činana qarču, bidani kurkeulun qansatqun!» keeju ileba. Jebe, tere otču, Qan-Melik-kun balaġat daariju, ulu koanden, ġadaun nokčijuu. Teuno qoinača Subeetai, mun yosuar ulu koanden nokčijuu. Teuno qoinača Toqučar, Qan-Melikun qijiar balaġat qaulju, tariyajini ino daulijuui. Qan-Melik, balaġadiyan qauldaa, keen, daijin kodolju, Jalaldin-Soltan, Qan-Melik qoyar Činǩis-qaano eserku morilajuui. Činǩis-qaano urida Šiġi-Qutuqu manlai yabujuui. Šiġi-Qutuqu-lua bailduju, Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyar Šiġi-Qutuqu-i daruju, Činǩis-qaġan-tur kurtele daruju aisuqui-tur, Jebe, Subeetai Toqučar ġurban Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyarun qoinača oroju, jiči ani daruju qiduat, Buqar, Semiskyab, Otarar balaġasun-tur ani ulu neileulun daruju Šin-muren-e kurtele huldeju yabugdarun, Šin-muren-tur čub-tusču oroqun bolun, oloan Sartauliyan tende Šin-muren-tur sūeba je. Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyar amiyan qoroġun Šin-muren oede tutaaba. Činǩis-qaġan Šin-muren oede yorčiju Batkesen-i daoliju otču, Eke-ġoroqan Ḳeun-ġoroqan kurču Baruan-keeri baouju, Jaliyartai Bala-i Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyari nekeulun ileju, Jebe Subeetai qoyari maši soyürqaju: «Jebe, či Jirqoadai neretu bulee. Taičuudača ireju Jebe bolba je či! Toqučari Qan-Melikun ġijaar balaġat oerun duraar qaulju, Qan-Meliki daijiulba, jasaq bolġan mokoriuluya!» keen baraju, jiči ulu mokoriulun maši dunqatču, čerik medeku-eče ereulju baoulba.

§ 258. Tedui Činǩis-qaġan Baruan-keer-eče qariju, Joči, Čaadai, Okodai ġurban koudi baraun ġarun čeriudiyer Amui-muren ketulju, Urunkeči balaġasu baoutqun! keen ilebe. Tolui-i Ilu Isebur teriuten oloan balaġat baoutqun! keen ilebe. Činǩis-qaġan oesun Otarar balaġasu baouba. Joči, Čaadai Okodai ġurban kout očiju ilerun: «Čeriut mano bukutba. Urunkeči balaġasu kurba. Kenoen ukeer yabuqun ba?» keen očiju ileesu, Činǩis-qaġan jarliq bolurun: «Okodai-yüen ukeer yabutqun!» keeju ileba.

§ 259. Tedui Činǩis-qaqan Otarar balaġasu oroulju, Otarar balaġasunača kodolju, Semiskyab balaġasu baouba. Semiskyab-balaġasun-ača kodolju, Buqar balaġasu baouba. Tende Činǩis-qaġan Bala-i kuličen Altan-qoroqono niriun Soltano jusalan jusaju, Tolui-tur elčin ileba: «Hoan qalaun

bolba. Busut čeriut baout je. Či Bidan-tur neile!» keeju ileesu, Tolui Ilu, Isebur tan balaġat abču, Sisten balaġasu ebdeju, Čuq-čeren balaqasu ebden bukui-tur, elčin ene kelen kurkeesu, Tolui Čuq-ceren balaġasu ebdeet, qarin baouju ireet, Činəkis-qaġan-tur neileba.

§ 260. Joči Čaadai Okodai qurban kout Orunəkeči balaġasu oroulju, qurbaula balaġat irken qubiyaldulju, Činəkis-qaana qubi ese qarġajuu. Ede qurban kout baouju ireesu, Činəkis-qaġan Joči Čaadai Okodai qurban koudi čimatču, qurban udur ese auljaulba. Tende Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban očirun: «Ocin-meljen aqsat — Sartaul-irkeno Soltani — doroitdaulju, balaġat irke ano abuai bida! Qubiyaju abdaqu Orunəkeči balaġasun, qubiyalduju abqun kout — bukude Činəkis-qaanoai bi. Tenəkeri Qajar-a kuču nemekdeju, Sartaul-irkeni edui doroitdauluqsan-tur, ba oloan, ere aqta Čino, bayasču maġaiju amui! Qaan yekin ein kilinəlaju amu? Kout buruuyan uqaju ayüba je. Qoiči-yüan surtuġai! Kout aburiyan 'alġasaujei! Soyürqaasu auljauluasu bolquyu?» keen očiesu, Činəkis-qaġan jaliraju, Joči Čaadai Okodai qurban koudi auljaulju, dunəqodurun:

Otokus ukes
Orkitču,
Qaučin ukes
Qadarču,
Baiqsan qajar-a
Baqta(n) aldatala,
Manlai-in kolesun
Arčin yadatala,

badarkiju, čimaliyar sueyuer duulqan bukui-dur, Qoanqai-qorči, Qoantaqar-qorči, Sormaġan-qorči, ede qurban qorčin, Činəkis-qaana očirun: «Boro šibaoun baoliya-tur sai oroqu metu kout; sai edui ayalan surun bukui-tur, koudi šintalun, mene metu yekin ein dunqodumu? Kout ayüju setkiliyen alġasaujei! Naran šinəkeku-eče urququ-da kurtele dain irken bi. Mani, Tobodut noqodiyan tukirču ileesu, dain-irkeni ba, Tenəkeri Qajar-a kuču nemekdeju, altan-munku, aurasun-tabar, irken-orqan Čimada abčirasuġai! Ali irken keeesu, ene horone Baqtat irkeno Qaliba-Soltan keeku bi keemui. Teun-tur ba ayalasuġai!» keen očiesu, Qaġan sooraju, ede ukes-tur jaliraju, Činəkis-qaġan jobšiyeju, jarliq bolurun, Qoanqai, Qoantaqar, Sormaġan qurban qorčini soyürqaju, Adarqidai-Qoanqai, Dolunəqirdai-Qoantaqar qoyari: «Mino derkede atuġai!». Otekedai-Čormaqani Baqtat-irkentur Qalibo-Soltan-tur ayalaulba.

§ 261. Basa Hindus-irken Baqtat-irken qoyarun ǰaura Aru maru madasari irkeno Abtu balaġasun-tur Dorbetai Dorbo-Doqšini ayalaulba.

§ 262. Basa Subeetai-Baaturi: umereši — Kaлlin, Kibčaut, Baǰiġit, Orosut, Maǰarat, Asut, Sasut, Serkesut, Kešimir, Bolar, Lalat — ede harban nikan aimaq qarin irken-tur kurtele, Idil J̌ayaq usutan muret ketulun, Kiwamen kermen balaġasun-tur kurtele — Subeetai-Baaturi ayalaulba.

§ 263. Basa Sartaul-irkeni abun baraǰu, Činkis-qaġan ǰarliq bolurun: Balaqat balaqat-tur Daruġačin talbiǰu, Urunkeči balaġasun-ača Yalawači Masqut nereten ečike kout, qoyar Qurumši oboqtan Sartaul ireǰu, balaġasun-o Yosu-dore Činkis-qaana ukuleǰu, Yosun-tur adali meden kelelekdeǰu, koudi ino Masqut Qurumši-i, bidano Daruġas-lua, Buqar, Semisken Urunkeči, Udan, Kisqar, Uriyan, Qusendaril teriuten balaqadi medeulun tušiǰu ečike-i ino Yalawači-i abčiraǰu, Qitadun J̌undu balaġasu medeulun abčiraba. Sartaqtai kuun-neče Yalawači Masqut qoyarun balaġasuno Tore-yosun čidaqu-in tula, Qitat-irkeni medeulun Daruġas-lua tušiba.

§ 264. Sartaul-irken-tur doloan hoat yabuǰu, tende J̌alairtai Bala-i kuličeǰu bukui-tur, Bala Šin-mureni ketulǰu, J̌alaldin-Soltan Qan-Melik qoyari Hindusun ġaǰar-a kurtele nekeǰu, J̌alaldin-Soltan Qan-Melik qoyari jabqaǰu, Hindusun qiǰiar irken-i daoliat, oloan temeet, oloan serkes-i abuat, ireǰuui. Tende Činkis-qaġan qariǰu, ǰaura Erdiši ǰusaǰu, doloduar hoan Taqiya ǰil namur Qara-tunna Ordos-tur baouba.

XII

§ 265. Tere ubul ubuljeǰu, Tanut-irken-tur morilaya keen šini toa toulaǰu, Noqai ǰil namur Činkis-qaġan Tanut irken-tur morilaba. Qadundača Yesui-qadun-ni abču otba. J̌aura ubul Arbuqa-in oloan quladi abalaasu Činkis-qaġan ǰosotu-boro-i unoǰu bulee. Qulat daariǰu ireesu, ǰosotuboro urkuǰu, Činkis- qaan-ni morinača unaasu, mariyaban maši ebetču Čoorqat baouba. Tere sueni qonoasu, manaqar Yesui-qadun ukulerun: «Kout, Noyat kelelеldutkun! Qaġan sueni mariya qalaun qonoba!» keeba. Tende Kout Noyat quraasu, Qoanqotadai Tolun-čerbi duratqan ukulerun: «Tanut-irken

Noduksen balaġasutan
Nunǰi nuntuq tan bi!
Noduksen balaġasu-ban
Uurču ulu otqun tede!
Nunǰi nuntuġ-iyan keǰu
Ulu otqun tede!

Bida ičuǰu, Qaġan-no maraa seriuduesu, basa ǰiči morilat je bida!» keeesu, burin Kout Noyat ene uke ǰobšieǰu, Činəkis-qaan-a očiesu, Činəkis-qaġan ukulerun: «Tamut-irken Bidan-i: ǰuruke yadaǰu qariba! keekun. Bida elčin maġa ileǰu, elčini mun ene Čoorqat-ta sobilaǰu, uke ano uqaǰu ičuasu bolu je!» keeǰu, tende elčin-e dau bariulǰu ilerun: «Nidoni Burqan či ukulerun: Ba, Tamut-irken baraun ġar Čino bolsu! keelue. Čimada tein keekdeǰu, Sartaul-irkene eyeduriyen ese oroqdaǰu, merilasu! Keen ġuyūǰu ileesu, či Burqan, uke-duriyen ulu kurun, čerik ba ulu okun, ukeer daariǰu ileǰu bulee. Oere ǰoriqsan-tur, qoina olulčasu! keen, Sartaul-irken-tur morilaǰu, Munəke Tenəkeri-de iheekdeesu, Sartaul-irkeni ǰuk-tur oroulǰu, edoe ireesu, Burqan-tur uke olulčasu, keen aisai!» keeǰu ileesu, Burqan ukulerun: «Daariqu uke bi ese ukulelue!» keeǰuui. Aša-Ġanbu ukulerun: «Daariqu ukes bi ukulelua. Edoe ber boesu, ta Monġol qatquldua surču qatquldusu!» keeesu, bi burun Alašai-nuntuq-tu

Terme ker-tu,
Temeen ačiya-tu

biyu. Alašai ǰoriǰu, nadur iretkun! Tende qatqulduya! Altan-munəkun, aurasun-tabar kerektu boesu, Eriqaya Eriǰeu-i ǰoritqun!» keeǰu ileǰuui. Ene uke-i Činəkis-qaana kurkeesu, Činəkid-qaqan mariya qalaun arun, ukulerun: «Je, teli! Eimu yeke ukuleulǰu, ker ičuqdaqui? Ukurun yeke uketur šiqan yabuya!» keeǰu: «Munəke Tenəkeri, Či mede!» keen, Činəkis-qaġan Alašai ǰoriǰu kurču, Aša-Ġanbu-lue qatquldu̇ǰu, Aša-Ġanbu-i daruǰu, Alašai deere qorqalaulǰu, Aša-Ġanbu-i abču

Terme ker-tu,
Temeen ačiya-tu

irkeni ino hunesuer keistele talaulba.

«Erekun omoqun
Ere bin sait
Tamudi qiduǰu,
Eimun-teimun Tamudi
Čeriut kuun-e
Bariqsaar-oluqsaar abutqun!»

keen ǰarliq bolba.

§ 266. Činəkis-qaġan časutu deere ǰusaǰu, Aša-Ġanbu-lue aulalaqsat daiǰiqsat

Terme ker-ten
Temeen ačiya tan

Tanudi, čeriut ileǰu onoqsaar ulittele talaulba. Tendeče Boorču, Muqali qoyar-a soyürqarun: «Ḳučun-e medetele abtuqai!» keen ǰarliq bolba. Basa Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Boorču Muqali qoyar-a soyürqal okurun, Qitat irken-eče ese okulee!» keen: «Qitat-irkeno J̌uin-i, ta qoyar

Sačau qubiyalduǰu abutqun!
Sait Koudi ano
Šibaou-ban bariulǰu,
Daqaulǰu yabutqun!
Sait okidi ano
Oskeǰu, emes-iyen
Qormai ǰasaulutqun!

Qitat-irkeno Altan-qan-no itekelten inaut — Monqolun ebukes-ečikes-i baraqsan Qara-Qitat J̌uin-irken aǰuui je. Edoe Mino itekelten inaut — Boorču Muqali, ta qoyar biyu je!» keen ǰarliq bolba.

§ 267. Činkis-qaqan časutu-ača kodolǰu Uraqai-balaqasu baouǰu; Uraqai-balqasunača kodolǰu, Dormekai-balaqasu ebden bukui-tur, Burqan Činkis-qaqana aulǰara ireba. Tende Burqan aulǰarun altan sumes teriulen altan-munkun, ayaqa-saba yesun yesut; kout-okit yesun yesut; aqtas temeet-yesun yesut; eldebiyer yesun yesut ǰisuleǰu aulǰaqui-tur, Burqani euden buteun-a aulǰaulba. Tere aulǰaqui-tur, Činkis-qaqan dotore dura bulqaba. Qutaar udur Činkis-qaqan ǰarliq bolurun; Iluqu-Burqan-a Šidurqu nere okču Iluqu-Burqan Šidurqu-i irekdeǰu, tende Činkis-qaqan: Iluqu-i nokči-etkun! keen, Tolun-Čerbi-i: qarǰaǰu nokčietukai! keen ǰarliq bolba. Tende Tolun-Čerbi: Iluqu-i qardaǰu buteeba! keen očiesu, Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Tanut-irken-tur uke olulčan aisuqui-tur, ǰaura Arbuqa-in qulat abalaasu, ebeduksen mariya Mino anatuqai! keen, amin beye Mino qaira-laǰu, uke duratqaqsan Tolun bi je. Nokor kuuno qoroan uke-tur ileǰu, Munke Tenkeri-de kuču nemekdeǰu, qar-turiyan oroulǰu, ošien abuai je Bida! Iluqu-in ene abču ireksen nouuku qarši, ayaqa-saba selte, Tolun abtuqai!» keen ǰarliq bolba.

§ 268. Tanut-irkeni daouliǰu, Iluqu-Burqani Šidurqu bolqaǰu, ima-i buteeǰu: «Tanut-irkeno eke ečike-i uruqun uruqa kurtele muquli-musquli-i ukai bolqan, idee idekui ǰaura: Muquli-musquli ukai! keen ukuulun ečitkan kelelen atqun!» keen ǰarliq bolba. Tanut-irken uke ukuleǰu, uke-tur ulu kurku-in tula, Tanut-irken-tur Činkis-qaqan nokoete ayalaǰu, Tanut-

irkeni muqutqaǰu ireǰu, Qaqai ǰil Čiŋkis-qaqan Teŋkeri-tur qarba. Qarŋqsan-a Yesui-qadun-na Taŋut-irken-eče maši okba.

§ 269. Quluqana ǰil Čaadai, Batu teriuten Baraun Qarun Kout: Otčiqin-Noyan, Yeku, Yesuŋke turiuten J̌aoun Qarun Kout; Tolui teriuten Qol Kout; Okit, Kureket, Tumedun Miŋqadun Noyat burin bolqaǰu, Kelureno Kodeu-aral-a kur-iyer quriǰu, Čiŋkis-qaqan-a nereiduksen mun ǰarliqiyar, Okodai-qaqan-ni qan orkuba. Čaadai aqa Okodai-qaqan-ni deuyüen qan erkuǰu, Čiŋkis-qaqan Ečike-yüen Altan Amin saqin aqsat kebteul, qorčin, naiman miŋqat turqaut, Qan-Ečike-in mino Beye čaada yabun aqsat enču tumen kešikten ino Čaadai-aqa Tolui qoyar Okodai-qan-a qan taoulba. Qolun Ulus-i mun yosuar taoulba.

§ 270. Okodai-qaqan oriyan qan erkuulǰu, dotora yabuqun tumen kešikteni, Qolun Ulusi oer-duriyan bolqaulun baraǰu; urida Čaadai aqa-tur eyetuǰu, Čiŋkis-qaqan Ečike-yüen dorqut talbiqsat irkeno, Baqtat-irkeno, Qalibo-Soltan-tur ayalaqsan Čormaqan-qorči-in kejike Oqotur Muŋketu qoyari ayalaulba. Basa urida Subeetai-Baaturi Kaŋlin, Kibčaut, Baǰiqit, Orusut, Asut, Sesut, Maǰar, Kešimir, Serkesut, Bular, Keret-irken-tur kurtele, Adil J̌ayaq usutan muret ketulun, Meketmen, Kermen, Keibe teriuten balaqat-tur ayalaqsan Subeetai-Baatur tede irkene berkeldukdeǰu, Subeetai-in kejike Batu, Buri, Muŋke teriuten oloan Koudi morilaulba. Ede ayalaqsat burin Koudi Batu aqalatuqai! keen ǰarliq bolba. Qol-ača qaruqsadi Kuyük aqalatuqai! keen ǰarliq bolba. Ede ayalaquni ulus medekun Kout kouduen-ku yeke kou ayalaultuqai. Ulus ba ulu medekun Kout, Tumedun, Miŋqadun, J̌audun, Harbadun Noyat, oloan kuun ken ber boesu, kouduen aqa-i ayaultuqai! Okit, Kureket mun yosuar kouduen-ku aqa-i ayaultuqai! keen ǰarliq boluat, basa Okodai-qaqan ukulerun: «Ene ba koudun aqa-i ayalaulqu yosun Čaadai-aqa-ača boljuu je. Čaadai-aqa ukuleǰu ilerun: Subeetai-in kejike Kouduen aqa Buri-i ayalaulumu.» Koudun aqa ayalaasu, čerik arbin qarqu. Čerik oloan boluasu, čirai deere kučutee yabuyu. Činadu daisun kuun oloan qarin bi. Tere uǰuur-e — kečeun irken tede: qiliŋlaasu, oerun mese-duriyen ukukun irken tede! Meses qurčatar, keekdemui!» keeǰu ileǰuui. Okodai-qaqan ukulerun: «Tere uke-tur Bidano ber Čaadai-aqa-in kičiaŋku kučuer Koudun aqa-i qarqaya! keen ǰuk-ǰuk duŋqaaǰu, Batu, Buri. Kuyiik, Muŋke teriuten Koudi ayalaulqui yosun eimu bi je».

§ 271. Basa Okodai-qaqan Čaadai-aqa-tur eyetuǰu ilerun: «Čiŋkis-qaqan Ečike-yüen belen-tur sauba. Yanbar erdem-yer sauba? keen ukulekdeku-yu bi? Čaadai-aqa-i ǰobšieesu, Qaqan-Ečike Bidano Qitat-irkeno Altan-qaqan-ni dorqut talbilua. Edoe bi Qitat-irken-tur morilasu!» keen

eyetuju ileesu, Čaadai-aqa jobšieju: «Yau aljaqu (aldaqu)? Auruq-tur sain kuun tušiju, morilatqun! Bi endeče čeriut qarqaju ilesu!» keeju ilejuui. Yekes Ordos-tur Oldaqar-qorči-i tušiju;

§ 272. Taolai jil Okodai-qaqan Qitat-irken-tur morilaju, Jebe-i marlai ileba. Tedui Qitadun čeriudi daruju hunjiu baitala qiduat, Čabčiyali dabaaju, juk-juk qotot balaqat ano eereulun čeriut yabuulju, Okodai-qaqan ebetčin kurteju aman kelen jabqan aljaqdarun, boes boes tolkečin-e tolkeleulnesu, Qitat-irkeno Qajar Usuno Ejet Qat irken-orqo-ban daouliqdarun, balaqat qotodiyan ebdekderun, turkune adalamui, Irken-orqo, altanmunkun, aduusun, ideen jolia okkuya! keen abitlaasu, ulu talbiran dulet turkune adalamui. Uruq-un kuun-eče bolqu-yu? keen abitlaasu, Qaqan niduniyen neeju, usun quyüju uuju: Yaun bolbi? keen asaqtaju, boes očirun: «Qitat-irkeno Qajar Usuno Ejet Qat, qajar usuniyen ebdekderun, irken-orqo-ban daouliqdarun, turkune adalamui. Busu yaun ber jolia okuya keen abitlaasu, dulet turkun-e jiurmedemui. Uruqun kuuneče bolqu-yu? keeesu, talbiramui. Edoe jarliq medemu je!» keen očiesu, jarliq bolurun: «Derkede Koudeče ken bi?» keeesu, Tolui-Koun derkede bulee. Ukulerun:

«Sutu Činkis-qaqan
Ečike bidano,
Deere aqa-nar
Doro deu-ner boetele,
Qaqan-aqa-i čima-i
Aqta metu soonquju,
Irke metu biliju,
Yeke Oro-ban
Beye-tur Čino jiquju,
Oloan ulus-i Deere Čino
Ačiju okba je!
Nama-i burun,
Qaqan-aqa-in derkede aju,
Umartaqsan-i duratqaju,
Untaraqsan-i seriulju,
Yabu! keekdelue.
Edoe Qaqan-aqayan
Čima-i aldaasu bi,
Keno umartaqsani duratqaqu?
Keno untaraqsani seriulku?
Unen-ber Qaqan-aqa mino

J̌ob ese bolnasu,
Oloan Monġol ulus
Onečirekun,
Qitat irken
Kibkanakun!
Qaġan-aqa-yüen
Orun-a bi bolsu!
Tulu-in niruun —
Bi tulbalba,
Kileme-in niruun —
Bi kinkulba!
Ile-i — bi ilaqba,
Ġada-i — bi qatquba!
Niur ġoa,
Niruun urtu —
Bi-ku bi je!
Boes arbatqun,
J̌ukerutkun!»

keeju, boes jukereesu, jukerken usu Tolui-Koun uuba. Qoran sauju ukulerun: «Soqtaba bi! Soqtaqu-i mino serkutele onečit-učuket, deuneriyen, belbisun beriyen berude oin-a kurtele asaraqu-i Qaġan-aqa medetukai! Ali ber uke-ben ukulelee bi, soqtaba!» keeet ġarču otču job ese boluqsan yosun teimu.

§ 273. Tedui Altan-qan-ni muqutqaju, seuse nere okju, altan-munkun, altatai hartu aurasun tabar, alašas seuses-i ano daouliju, Alġinči Tanmačin talbiju, Nanġin, J̌undu juk juk-tur balaġasun-tur Daruġačin talbiju, tubsin tukel qariju, Qara-qorum-a baouba.

§ 274. Čormaqan-qorči Baqatat-irken-i elseuljuui. Tere ġajar sain, et sain keekdemui, keen medeju, Okodai-qaġan jarliq bolurun: «Čormaqan-qorči-i mun tende Tanma sauju: šira altan; širamal; altatan naqut; načidut dardas; subut; tanas; kujuku urtus kol undur tobičaut; kurin eleut; daus-i; kičidut; ačiana qačidut; laosasut—hoan-tur kurkeulju ilen atqun!» keeba.— Subeetai-Baaturun kejike aylaqsat: Batu, Buri, Kuyük, Munke, teriuten oloan Kout—Kanlin, Kibčaudi, Bajiġidi oroulju; Ejil, Jayaq, Meket-balaġasu ebdeju, Orusudi qiduju, uluttele talaba. Asut, Sesut, Bolerman, Kerman-Kiwa teriuten balaqadun irkeni daouliju elseulju, Daruqačin, Tanmačin-i talbiju qariba. Urida Jurčes Solonqäs-tur ayalaqsan Jalairtai-qorči-in kejike Yesuder-qorčini ayalaulba. Tanma sautuġai! keen jarliq bolba.

§ 275. Batu Kibčaqčin ayan deereče Okodai-qaqan-na ečineče očiju ilerun: «Munke Tenkeri-in Kučun-tur Qaqan-abaqa-in Su-tur Meket-balaqasun ebdeju, Orusut-irkeni daouliju, harban nikan qarin irkeni juk-tur oroulju, Altan jiluá ičun tataju, salulčaqui qurin qurinlaya keelduju, yeke čačar bosqaju qurinlaqui-tur, bi ede bukun Koudun aqaqan boluqsan bolju, nikan-qoyar ayaqa otok urida uuba, keen, nadur Buri Kuyük qoyar maouilaju, qurin ulu qurinlan morilaqdaba. Morilaju, Buri ukulerun: Batu sača boet bolju, urida ker uuqun bulee?

Saqaltan emeket
Sačaun bolju,
Osükei-er turiju,
Olmii-er kečikilikui!»

keejuui. Kuyük ukulerun: «Tede qortan emekedi ebčeu tano jorqaldaya-či bida! Tedeeri! keejuui. Eljikidai-in Koun Harqasun ukulerun: Modun seul jubčiya, tedeni! keejuui. Ba burun: Busu heliketu bulqa irken-tur morilauldaju, job-u tob-u bolqu bolba? keeju bukui-tur, Buri Kuyük qoyar-a ein keekdeet, eye ukai tarqaqdaba. Edoe Qaqan-Abaqa medetukai!» keen očiju ilejuui.

§ 276. Batu-in ene uke-tur, Qaqan maši kilinlaju, Kuyüki ulu auljaulun ukulerun: «Ene dormekai keno ukes-tur doluskuju aqa kuune aman duuren ukuleyu? Qaqča ondeken huutukai! Mun aqa kuuno ebčeun-tur daisurqan ajuu!

Alqinči talbiju,
Harban quruud-un
Kimul ino qautala
Aulas metu balaqat-tur
Abariuluya!
Tanma talbiju,
Tabun quruud-un
Kimul ino tamutala
Dabtamal qatanqu balaqat-tur
Abariuluya!

Či, beter maoui dormekai Harqasun, keni ankešikeju Bidano uruq-tur aman duuran yeke uke ukulen bulee? Kuyük Harqasun qoyari qantu ileye! Harqasuni mokoriuldeku bulee! Alaqčilaba — keekun ta! Buri-i burun keeesu, Batu-da ukule: Čaadai-aqa-da ukuleju iletukai — Čaadai-aqa medetukai!» keeba.

§ 277. Koud-eče Mankai, Noyadača Alčidai, Qoanqortai-janqi teriuten Noyat duratqan očirun: «Činakis-qaqan Ečike-in Čino jarliq:

Keer-un uile —
Keer-e ku noyalaqu bulee.
Ker-un uile
Ker-tur ku noyalaqu bulee.

Qaqan-ni soyürqaasu, Qaqan Kuyük-tur kilinalaju amu. Keer-un uile biyu. Batu-da tušiju ileesu bolqu-yu?» keen očiesu, ene uke-i Qaqan jobšiyen jaliraju, Kuyüki auljaulju sueyui-er uke dunqodurun: «Ayalaju odurun jaura

Boksetu kuuno —
Bokse ino ese huledeba
Keekdemu či.
Čirikun harano —
Čirai ququlju otba
Keeudemu či

Orusut-irkeni tere čino aur kilin-dur, ayüju oraqdaqsani bolqan aqu-yu či? Orusut-irkeni qaqčaar orouluqsan metu setkiju, omoq dura bariju, Aqa kuun-tur daisurqan aisu či! Činakis-qaqan Ečike-in Bidano jarliq-tur bi:

Oloan-ayüuli
Kun-ukuuli.

Keeku ese-u bulee? Qaqčaar tuniqsan metu, Subeetai Bujek qoyarun qalqa-da yabuju, oloar buriyer qansaju, Orusut Kibčaudi oroulju, nikan-qoyar Orusut Kibčaudi olju, ešike-in šira oluai-joeai-eduuye eremšiju, nikante ker-teče qarču, yauber qaqčaar tuniqsan metu, uke daou urisču ireju(u) či? Mankai, Alčidai, Qoanqortai-janqi tan-a

Dekdeksen juruken-i
Derke nokor bolju
Todeeju(u).
Debulkui toqoan-i
Delekai šinaqa bolju
Amurliuldaju(u).

Je, teli! Keer-un uile — Batu-i keeleai. Kuyuk, Harqasun qoyar-i Batu medetukai!» keeju ileba. «Buri-i Čaadai-aqa medetukai!» keeba.

§ 278. Basa Okodai-qaq̇an ǰarliq bolurun: «Čiŋkis-qaqan Ečike-tur Mino yabuqsat kebteul, qorčin, turqaut, bůrin kešikteno yabudal tuŋqun duulq̇aqui ǰarliq tuŋqaarun, Qaq̇an-Ečike-in ǰarlq-iyar urida ker yabuqun buleai, edoe mun yosuar yabutuq̇ai! keen ǰarliq bolurun: qorčin, turqaut uridu yosuar udur mor mor-duriyen yabuǰu, narataya kebteul ǰailaǰu, q̇adana qonotuqai! keen ǰarliq bolba. Sueni Bidan-tur ker-un horčin kebteul muquritu̇q̇ai! Naran šiŋkekseno qoina, sueni yabuqun haran kebteul bariǰu qonotuq̇ai. Oloan tarqaqsano qoina, qonoqsat kebteul-eče busut dotoqši ǰoričen oroqun harani bariqsat kebteul ekit ano dalbaru čabčiǰu oortuq̇ai! Sueni yaaral keletu kuun ireesu, kebteul-tur keleleǰu, ker-un umere-če kebteul-lue qantu baiǰu keleleldutukai! Ordo-ker-tur oroqu q̇arqu-i Qoaŋqortai, Širaqan tan ǰasaut kebteul-lue qantu ǰasatuq̇ai! Elǰikidai itekeltu boetele, ǰilda kebteulun dekeun yabuqu bolun kebteul-a bariqdalaa! keen ǰarliq busu ulu bolqaqu kebteul itekeltu bi ǰe! keen ǰarliq bolǰu, kebteulun toa bu asaqtuq̇ai, kebteulun saurin dekeun bu yabutuq̇ai, kebteulun ǰaqaun bu yabutuq̇ai, kebteulun dekeun yabuqun, ǰaqaun yabuqun harani kebteul barituqai! Kebteulun toa asaqqu kuun-no tere udurun unoqsan aqta emeeltu-qadaartu-i, emusuksen qubčasun selte, kebteul abtuq̇ai! Kebteulun saurino kenber deere bu sautuq̇ai! Kebteul tuq keurke doro ǰida ayaq̇a-saba asaratuq̇ai! Undan-ideeni otkan miqa kebteul daruq̇alatuqai! keen ǰarliq bolba. — Ordo ker terken asaratuq̇ai! Bidano Beye čerik ese q̇aruasu, Bidanača aŋq̇ida oere kebteul čerik bu q̇artuqai! Bidani šibaoulaqui abalaqui-tur, ǰarimudiyan Ordo ker terken-tur čaqlaǰu talbiǰu, Bidan-lua ǰarin kebteul yabutuq̇ai! Kebteul-eče Nuntuučin yabuǰu Ordo baoultuq̇ai! Euden čaada kebteul Eudečin bayituq̇ai! Burin kebteul Qadaan miŋq̇a medetukai!» keen ǰarliq bolba. — Basa kebteulun kešik kešikun Noyat tuširun Qadaan Bulqadar qoyar nikan kešik bolǰu eyetulduǰu, nikan kešik oroǰu, Ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu, ǰasatuq̇ai. Amal Čanar, qoyar eyetulduǰu, nikan kešik bolǰu, kešik oroǰu, Ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu ǰasatuq̇ai. Qadai Qoričar qoyar eyetulduǰu, nikan kešik bolǰu, kešik oroǰu, Ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu, ǰasatuq̇ai. Yalbaq Qaraudar qoyar eyetulduǰu, nikan kešik bolǰu, kešik oroǰu, ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu ǰasatuq̇ai. Basa: Qadaan Bulqadarun kešik, Amal Čanarun kešik, ede ǰirin kešiut, Ordo-in ǰaoun eteet nuntuqlaǰu kešik orotuq̇ai. Qadai Qoričar qoyarun kešik, Yalbaq Qaraudar qoyarun kešik, ede ǰirin kešiut, Ordo-in baraun eteet nuntuqlaǰu kešik orotuq̇ai! keeba. Ede dorben kešik kebteul Qadaan medetukai. Basa kebteul, Mino Beye čaada, Ordo horčin bayiǰu, euden daruǰu kebtetukai! Kebteul-eče Ordo-tur oroǰu qoyar haran Tusurke barituq̇ai! keen ǰarliq bolba. Basa:

Qorčini Yesuntoe, Bukidai, Qorqudaq, Lablaqa, dorben, kešik kešik bolun, qor aqsaquya turqaudun dorben kešik kešik-tur ačidun qorčiniyan jasaju oroldutuġai! keen jaliq bolba. Basa turqaudun kešiudun Otokus-i urida meden aqsadun Uruq-ača tuširun, urida meden aqsan Alčidai, Qoaŋqortaqai qoyar eyetulduju nikan kešik turqaudi jasaju orotuġai. Temuder Jeku qoyar eyetulduju nikan kešik turqaudi jasaju orotuqai. Maŋqutai kejikeleuri medeet, nikan kešik turqaudi jasaju orotuqai. Basa Qaġan jarliq bolurun: Burin Noyat Eljikidai-i aqalaju, Eljikidai-in uke-er yabatqun! keeet, basa jarliq bolurun: Kešiktu kuun kešik oroqui-tur hoaraasu, urida jarlik-un yosuar, ġurban beries suyütuġai. Mun kešiktu kuun basa nokoete kešik hoaraasu, doloan beries sueyütuqai. Basa mun kuun, obetčin šiltaa ukai, kešikun Otoku-tur eye ukai, ġutaarta kešik hoaraasu, Bidan-tur yabuqui-iyan berkešien ajuu. Ġučin doloan beries süeyüet, qola ġajar-a niduno ečine ileye! Basa: Kešikudun Otokus kešikleksen kešikteni ulu bukutkan kešik hoaraasu, kešiudun Otokusi ereuleye! Basa: Kešiudun Otokus ġutaar ġutaar kešik oroqui-tur, yeutkeldukui-tur, ene jarliq kešikten-e sonosqatuġai! Jarliq sonosuat burun, kešikten kešik hoaraasu, jarliġun yosuar ereuleye! Ene jarliq kešikten-e ese sonosqaasu, kešiudun Otokus aldaltan boltuġai! Basa: Kešiudun Otokus sačaun oroqsat Mino kešiktu-i, Bidanača eye ukai, aqalaqdaba-ele, keen, bu onjituġai. Jasaq koanteesu, Bidan-a jaatuġai. Ukuuldeku yosutu boesu, Bida mokoriulut je. Keseekdeku yosutu boesu, Bida süeyüt je. Aqalaqdaba, keen, Bidan-a ulu jaan, oesut ġar kol kurkeesu, nodurġa-in qarin — nodurġa, berie-in qarin—berie qariultuġai! keeba. Basa: Ġadanadus Miŋġadun Noyadača Mino Kešikten deere bi je! Ġadanadus Jaudun Harbadun Noyadača Mino Kešikteno kotočin deere bi je! Ġadanadus Miŋġaliut Mino Kešikten-tur kereldnesu, Miŋġalindai-i ereuleye! keen jarliq bolba.

§ 279. Basa Okodai-qaġan ukulerun: «Činkis-qaġan Ečike-yüen joban bayiuluqsan Ulus-i bu joboaya.

Kol ano kosere,
Ġar ano ġajara

talbiulju jirġauluya. Qaġan-Ečike-yüen belen-tur saužu, irke ulu joboan, Šulen-e ede ulus-ača surukun nikan šileku qonin hoan hoan-tur oktukai. Jaun qonidača nikan qonin qarqaju mun jaura ukeun dutaun-a oktukai. Basa: Aqa-Deu oloan ere aqta kešik čiuluasu, undan tere tudun irkeneče ker qubčiqdaqui? Juk jukun miŋġat miŋġadača keut ġarġaju, saat, saarinčin tani aduulaat, Nuntuqči tan-i orošin tolet qarġaju, Unoġučin boltuġai. Basa: Aġa-Deu čiuluasu, oklike soyürqal okuye. Aurasun, sukes,

qot-numut, quyaq, jebe čaɔ-ut tusurču, balaġat saqiuluya. J̌uk juķeče Balaġačin, Amučin ilġaju saqiultuġai. Basa: Ulus irken-e nuntuq usu qubiyaju okuye. Nuntuq nuntuqlaulquya minɔġat minɔġadača Nuntuučin ilġaju ġarġaasu bolqu-yu? Basa: Čoel ġaǰar-a koreesun-eče busu ulu amui. Irken-e auya saqut. Čanai Tuurtai qoyar Nuntuučini teriuleju, čoel-un quduut eriulju qašituqai! Basa: Elčin haulurun, Elčino ba yabudal udaan bi. Ulus irken-e ba joboloɔ bi. Edoe bida oġoata orošiulun, juk juk-un minɔġat minɔġadača J̌amčin Ulaačin ġarġaju, saurit saurit jam talbiju, Elčin-i qadaġa ukai ulusiyar ulu bituulun, jamiyar haulġaasu bolqu -yu? Ede uiles-i Čanai Bolqadar qoyar uqaju bidan-a duratqaasu job aqu-yu? keen setkiju Čaadai-aqa medetukai! Ede ukulekdekun uiles joqiqui boesu jobšieesu Čaadai-aqa-ča boltuġai! keeju ileesu, Čaadai-aqa asaqču, ileksen ede-ele uilesi bukude-i jobšieju: Tein boet kitukai! keeju ilejuui. Basa Čaadai-aqa ukuleju ilerun: Bi endeče jamut eserku barilduulsuġai. Basa endeče Batu-tur elčin ilesukai. Batu ber eserku jamudiyen barilduultuġai! keeet, basa ukuleju ilerun: Bukuden-eče jamut talbiulqu uile job-eče job duratqajuui!» keeju ilejuui.

§ 280. Tendeče Okodai-qaġan ukulerun: «Čaadai-aqa, Batu, teriuten Baraun Ġarun Kout, Aqa-nar, Deuner burin; Otčiqin-Noyan, Yeku teriuten J̌aoun Ġarun Aqanar, Deuner burin Kout; Qol-un Okit, Kuriket, Tumedun, Minɔġadun, J̌audun Harbadun Noyat buriyer jobšiejuui. Jobšierun, Dalai-in Qaġan-no Šulen-e hoan-tur surukun nikan šilekun irke ġarġaasu yaun bi? Jaun qonidača nikan jusaq ġarġaju ukeun dutaun-a okkui sain bi. Jam talbiulju, Jamučin, Ulaačin ġarġaasu, oloan ulus-a amuġuloɔ elčine ber yabuquya ilubte bi, keeesu, buriyer-ele jobšiejuui! keen, Qaġano jarliq: Čaadai-aqa-tur eyetuju, Čaadai-aqa-da jobšiekdeju, burin ulus-ača juk jukun, minɔġat minɔġadača, Qaġan-no jarliqiyar, hoan-tur Šulen-e surukeče nikan šileku irke, jaun qonidača nikan jusaq qonin ġarġaulba. Keut ġarġaulju, Unoqučin saulba. Unoqučin, Balaġačin, Amučin ġarġaulba. Jamučin, Ulaačin-i ġarġaulju; saurin sauridun, ġaǰar čaqlaulju, jam talbiulurun, Aračiyan Toqučar qoyari jasaulju, jam nikan saurin-tur ġorin Ulaačin bolġaba. Saurin tudun-tur qoriat Ulaačin bolġaba. Ulaano aqtas šiusun-no qonit, saalin keut, tereken-tur kolku, huker terket Bidanača henleksen kemeče:

Oqor buġi dutauluasu
Orġoliyar qaġas
Aldaltan boltuġai!
Qalbuġa kekesun dutauluasu,

Qabar qaġas
Aldaltan boltuqai!»

keen ǰarliq bolbai.

§ 281. Okodai-qaġan ukulerun: «Ečike-yüen Yeke Oroan-tur sauǰu, Qaġan-Ečike-in qoina uilduksen Mino: Liqudun irken muqutqaba bi. Nokoe uile Mino: Elčin Bidano ǰaura otorlen haulqui basa kerek-ǰaraq ǰoeulkuye ǰamut talbiulba. Basa nokoe uile: Usu-ukai ġaǰar-a quduut eriulǰu ġarġaulǰu, ulus irken usun ebesun-e kurkeulǰu, basa ǰuk ǰuk balaġadun irken-tur Alġinčin, Tanmačin talbiulǰu, ulus irkeno

Kol koser-e
Ġar ġaǰar-a

talbiulǰu aulba bi. Qaġan-Fčike-yüen qoina dorben uiles nemeba ǰe. Basa: Qaġan-Ečike-deen Yeke Oro ba sauldaǰu, oloan ulus-iyan deere mino ačiǰu ottaǰu (okteǰu) boet, bor(o) darasun-a ilaqdaqu Mino buruu bolba. Nokoe buruu: Yosu ukai eme kuumo uke-tur oroǰu, Otčiġin-Abaġai ulusun okit abčiraulqu alǰiyas bolba ǰe. Ulusun Ejen-Qaġan boltala, yosu ukai alǰiyas uile-tur doleskeku Mino nikan buruu ene bolba ǰe. Basa: Doġolġu-i kekesuleku nikan buruu. Ker buruu? keeesu, Qan-Ečike-in Mino tusuan emune olumuleku Doqolqu-i kekesuleku buruu alǰiyas. Edoe Mino emume ken tein olumuleǰu okku? Qaġan-Ečike Mino, burino emune, Dore kičieku kuun-e ulu uqan ösuleduksen-iyen oerien buruušibe bi. Basa: Tenkeri Qaǰar-a ǰayaatu toreksen koreesun-i aqa-deu ǰuk oduuǰi! keen qaranlaǰu. qurua yourqa noduulǰu aqu bolun, aqa deu-deče čimaliqai uke sonosba bi. Buruu-ku bolba. Qaqan-Ečike-yüen qoina dorben uiles nemeba ǰe bi. Dorben uiles buruu boljuui ǰe!» keeba.

§ 282. Yeke Qurilta quriǰu, Quluġana ǰil, Qulan sara-da, Kelureno Kodee-aralun Doloan-boldaqa Šilkinček qoyar ǰaura Ordos baouǰu bukui-tur bičiǰu daousba.

Erten-ü xad-un ündüsülegsen törü yosun-u jokiyal-i tobčilan xuriyaγsan altan tobči kemekü orošibai

I (лл. 6—28)

§ 1. Töbed-ün eng terigün Küjügün-sandalitu-χaγan-eče saluγsan Dalai-Subin Altan-sandalitu-χaγan köbegün inu γurban buyu. Aχa anu Boroču, ded anu Šibaγuči, odχon anu Börte-Činova buyu. Öber jaγuraben maγulalduju, Börte-Činova umara jüg Tenggis dalai getülju, jad-un γajar-a ireged, ere ügei γova-Maral neretü ökin-i abču, jad-un γajar-a nutuγlan, Mongγol omoγtan bolba. Degere Tngri jayaγa-ber Tenggis dalai-yi getülju iregsen Börte-Činova γova-Maral χoyar Burχan-γalduna nutuγlaju aγsan ajuγu. Tere χoyar-eče Bata-Čaγan töröbe.

§ 2. Bata-Čaγan-u köbegün Tamačin neretü bülüge. Tamačin-u köbegün Xoričar-Mergen bülüge. Xoričar-Mergen-ü köbegün Ayuǰam-Boγurul bülüge. Ayuǰam-Boγurulun köbegün Sali-γalǰaγu bülüge. Sali-γalǰaγu-yin köbegün Yeke-Nidun neretü bülüge. Yeke-Nidun-u köbegün Sem-Soči neretü bülüge. Sem-Soči-yin köbegün Xaračus neretü bülüge.

§ 3. Xaračus-un köbegün Burχan-γaldun-u ebür eteged urusχu Budaγan-boγurčin-u terigün-e törügsen, Borǰigidai-Mergen, Mongγolǰin-γova gergeitü bülüge. Mongγolǰin-γova deče törügsen, Bayan, Boroγčin-γova gergeitü, Borolдai-χubilai jalaγutu (köbegün tü), Dayir Boro χoyar külügüd moritu bülüge. Boroγčin-γova-deče törügsen Duva-Soχor, Dobu-Mergen χoyar bülüge.

§ 4. Duva-Soχor mangγai dumda γaγča nidu tu bögetele γurban negüri (negüdel) γajar-a üjen bülüge.

§ 5. Nigen edür aχa degüü χoyaγula görögeleged, Burχan-γaldun-a degere γarubasu, tüyiren kerü-deče Tonggiлang γoroχon (oi šiγui-yin kereče čünggürüg tala dögüm) uruγu nigen bölüg irgen negüju ayisuχu-yi (irekü) aχa inu Duva-Soχor üjeju,

§ 6. ögülerün: «Tere Tonggiлang γoroχon (čünggür tala dögüm) uruγu negüju ayisuχui irgen-ü dotora, nigen χárautai (sekür ~ sekügür) tergen-ü öljige-de (ködegei aral-dur) suγuγsan nigen ökin-ü öngge gere (gerel)

endeče üjegdemüi. Kümün-e ese ögdegsen bögesü, degüü-degen čimada γuγusu!» kemejü, Dobu-Mergen-i üjere (aγuɬǰara) ilegebe.

§ 7. Tede irgen-dür kürbesü, ünen-kü kümün-e ese ögdegsen, γova sayin, nere ałdar yeke tei, Ałun-γova neretü ökin aǰuγu.

§ 8. Tede irgen Baryuǰin-Tümed-ün Eǰen Xoriłdai-Mergenü Baryuǰin-γova-deče törügsen Ałun-γova tere aǰuγu.

§ 9. Xoriłdai-Mergen γaǰar-tur (-iyen) buɬaγad (buɬγa) kerem-üd görökü γaǰad χoriɬaǰu χoriɬałduǰu (esergü-tesergü) öber ǰaγuraben maγuyiłan (maγu) bołułčaǰu, Xoriłar-un omoγ tan bołba. Buryχan-γałduna görögeli (görögesün) ołan tu bui kemen, Buryχan-γałduna-eče Buryχan-Uriyangγai šing šing bayan-dur negüǰü ayisun aǰuγu. Xori-Tümed-ün Xoriłdai-Mergen-ü ökin, Ariγ-usun-a törügsen Ałungova-yi Dobu-Mergen-ü abuγsan yosun teyimü bülüge.

§ 10. Ałun-γova Dobu-Mergen-dür ireǰü, Belgünotei (Begünötei) nereten χoyar köbegün törübei.

§ 11. Duva-Soχor dörben köbegün tei bülüge. Tedui ataɬa, Duva-Soχor ügei bołuγsan-u χoyina, dörben köbegün inu Dobu-Mergen abaγayuγan uruγ-a (törül) ülü toγan doromǰiɬaǰu, χaγaǰu (orkiγad) negübe. Dörben omoγtan bołba. Dörben-ü (Dörbed) ebügen tede bülüge.

§ 12. Tegün-ü χoyina Dobu-Mergen nigen edür dobočaγ öndür degere görögelen odbasu, oi dotora nigen kümün čeü (čögü) buγu ałaǰu ałaǰu ebdeged abid (boγuni) abirγa inu širaǰu saγun aǰuγu.

§ 13. Dobu-Mergen kürčü, nökür širołγa (ireküi-eše) kemeged; «Yaγun kümün bui či?» kemebesü, tere kümün ögülerun: «Bi Uriyangχan-u kümün bui!» kemeged, aγuškitu ǰüyil-tü arasun abču, busu bügüde miχan-i inu Dobu-Mergen-e ögbe.

§ 14. Dobu-Mergen tere miχan-i abču ayisuχui-dur (ireküi), ǰaγura nigen yadangki kümün öcüken köbegün-iyen kötelǰu ayisun aǰuγui.

§ 15. Dobu-Mergen ögülerün: «Či yaγun kümün bui?» kemebesü, tere kümün ögülerün: «Maγaliγ Bayaγudai-yin kümün bui! Eyin yadaǰu yabun amu bi! Ene köbegün-iyen čimada ögsü! Tere miχan-eče-γan nada öggümü či?» kemebesü,

§ 16. Dobu-Mergen tere čeu (čögü) buγu-yin örögösun γuya inu χuγułǰu ögčü, tere köbegün-i inu ger dotora ǰaruχu bülüge.

§ 17. Tedüi ataɬa, Dobu-Mergen ügei bołba. Dobu-Mergen ügei bołuγsan-u χoyina, Ałun-γova ere ügei yabuǰu, Buγu-Xadagi, Boγuči-Saɬǰi, Bodančar-mungχaγ nereten γurban köbegün törübei.

§ 18. Belgünetei, Begünetei χoyar köbegün inu eke-yügeń ede köbegüdi törübei, kemen, ečine (daɬda) ögüleldurün: «Aχa degüü üye γaγa

kümün ügei bülüge! Ede köbegüd kenükei bolba? Ene Mayaliy Bayayudai kümün gerün daruya bülüge: tegünükei bui ja!» kemen, kemeldükü-yi (ögüleldükü) Alun-yova uxaju,

§ 19. xabur-un nigen edür ügüče kögšimel (kögšin) xonin-u mixa činaju, tabun köbegün-iyen xuriyaju jergelegüljü sayulyayad, nijeged müsün-i bariyulju; «Köbegüd xuyuluytun!» kemen ögbesü, köbegün inu xuyulju orkiba. Basa jiči tabuyad müsün xamtu čuylaju ögbesü, ese xuyulbai.

§ 20. Tendeče eke inu Alun-yova ögülerun: «Xoyar köbegüd minu, serekü tan-u ede yurban köbegüd-i törübei, kemen, ken-u yayun-u köbegüd bui, kemen seremü ja. Serekü ber tan-u jöb bui!

§ 21. «Söni büri šira čögüken kümün irejü, kegeli minu ilbijü, ger-te erüke dotoya-yin gere-lüge oroju, naran saran gilbaran (mandun) yarxu čay-tur, šira noxai bolju, šilmalčiju yarču odum bülüge. Tegüber uxabasu, temdeg inu Tngri-yin köbegün bui ja! kemen sanam bülüge bi. Xaraču kümün-dür xanidxan (adalidyan) buu ögületkün! Mön-e xoyina xari-yin xad, ulus-un Ejed bolbasu, tende uxayun ja (medekü bui) ta! Xara terigütü kümün busu bui ja! Yayun-čigi bolbasu (yambar ču bolba), ta xoyarun nökür següder tan-u boltuyai!» kemebesü, xoyar köbegüd ese dungyodba (dayun ese yarba).

§ 22. Basa Alun-yova köbegüd-tegen suryal ögülerun: «Tabun köbegüd minu! Ta yayča kebeli-eče törübei ja. Ta tabuyula eye öbereten bolbasu, duyar-un yayča müsün metü kilbar ilaygaxun ta. Tere čuy müsün metü nigen eye tü bolbasu, kene ber yakin bolxun (daruydaxu) ta?» kemebe. Tedüi atala, Alun-yova ügei bolba.

§ 23. Eke-yügen ügei boluysan-u xoyina, axa-nar degüüner aduyuniyen xubiyaju abulčaba. Belgünütei, Begünütei, Buyu-Xatagi, Boyuči-Saljи dörben axa-nar inu xubi abulčabai. Angxan-u degüü Bodančar-i mungxay bidayu (büdügün?) buyu kemen, uruy-a (törül-e) ülü toyan, xubi ese ögbe.

§ 24. Bodančar xubi ese kürteju, eyin atala-yayun? kemeju, yool dayaritu, yodoli segültü oroy šingxula-yi unuju: «Ukübesu abasu. jayayan min-u medetügei!» kemen, Onan-mören uruyu odba. Oduyad, Onan-u Belčer-aral-a kürču, ebesun embule (kürümel) gerkijü, tende aba (sayuba).

§ 25. Aysan üjügür-e (sayuysan yajar-un öndur-e), nigen edür boroyčin xarčayai xara xuru bariju idekü-yi üjeju, yool dayaritu yodoli segültü oroy šingxula-yin segül-un kilyasu-ber uryalaju bariju (xarčayai-yi) asaraba (tejiyebe).

§ 26. Tendeče idekü idegen ügei bolju, börte činva-yin xoryoluysan görögesün-i mariyaju xarbuju alayad, öberiyen ber ideged, xarčayai-yuyan ber tejiyeged, tere on yarba.

§ 27. Xoyitu on ireǰü ɣabur bołbasu, nuγud ɣałaγud irebesü, ɣarčaγai-yuγan tataǰu oγurbasu, (tałbibasu), χoǰiγuła tutum ɣongsiγud (deleddüged) üni önǰigüle (saγul-a) tutum öngšigün ünüstetele nuγud ɣałaγud-i bariγułǰu iden bükü-dür,

§ 28. Tüyir-en (oi-yin) keru-deče Tünggelig γoroχan (dögüm) uruγu nigen bölüg irgen negüǰü ayisuχui-yi Bodančar uǰeǰü, ɣarčaγai-yuγan bariγad, tede irgen-dür odču, edür bariγułuγsan nuγusun-eče ögču, ösüg umdaγsan unaǰu, söni embüle-dür-iyen(ebesün kürümel)ɣariǰu ɣonuǰu bülüge.

§ 29. Tede irgen Bodančar-un ɣarčaγai γuyibasu, ese ögbe. Tede irgen Bodančar-i kenükei bui yaγunuχai bui kemen asaγɣu ügei. Bodančar ber tede irgen-i yaγun irgen kemekü ügei yabułčabai.

§ 30. Tedüi atała, Buγu-Xatagi aχa inu: «Degüü minu Bodančar ene mören uruγu odułuγa. Esen-ü, ukube-ü? kemen erin odbasu, tede Tonggilang (čönggür) γoroχan-a (dögüm-e) bükü irgen-eče: teyimü nigen kümün, teyimü moritu bülüge», kemen surabasu,

§ 31. Tede irgen ögülerün: «Morin kümün ber činu suraχui-dur adali teyimu kümün büi. Edür byri man-dur ireǰü, nuγusun-ečegen ögču, ösüg umdaγan uγuǰu odumu. Söni maγa (manaγar) ɣamiγa ɣonumu. Nigen boroγčin ɣarčaγai-tu bui. Öröne-umara-eče kii bołbasu, tere ɣarčaγai-yuγan bariγułuγsan nuγud ɣałaγud-un ödüd buryaliγ časun metü butaraǰu keyiscü iremü. Bi ber ɣarčaγai inu γuyibasu, ese ögbe.Edöge irekü čaγ inu bołba. Xorumχan küliye!» kemebe.

§ 32. Tedüi atała Tünggelig γoroχan ögöde nigen kümün ayisun irebesü, Bodančar mön aǰuγu. Aχa inu Buγu-Xatagi degüü-yugen Bodančar-i üǰeged, daχiǰu abuγad, ülü ögüleldün ɣarin ɣataribasu,

§ 33. Bodančar aχa-yuγan xoyina-eče daγaǰu yabuǰu ögülerün: «Beye terigütei degel ǰaχatai sayin!» kemebei. Aχa inu ese dongγudba (daγun ese γarba).

§ 34. Basa χorumχan yabułčan kiǰü (yabułčaǰu)) mön ögeben ögülebe. Ese dongγudba. Basa mön öge-ben ögülebesu, aχa inu ögülerün: «Duγareče yambar öge ögülemü?» kemebesü,

§ 35. Bodančar ögülerün: «Ta aχa-nar χubi abułčaǰu nadur ülü ögküyi ker medemü? Ene öge-yi ker ese medebe?» kemeged: «Duγar-un irgen yeke öčüken ügei, ekin terigün ügei, kiłbar bui! Bida teden-i daγuliya (dobtuluya)!» kemebesü,

§ 36. Buγu-Xatagi ögülerün: «Teyin kiküi-yi aχa-nar degüü ner-lüge eyetülduye!» kemeldüǰü;

§ 37. ger-tür-iyen kürčü, aχa-nar degüü-ner-lüge eyetuldüǰü, mön Bodančar-i ɣaǰarčiłaγułǰu, tede irgen-i daγuliχui-dur;

§ 38. Bodančar nigen tomon (büdügün) kegelitü eme-yi bariba. «Yayun kümün bui?» kemebesü, tere eme ögülerün: «Angγan-u nengdegsen Ǯarčiγud Uriyangχadai-yin kümün bui!» kemebe .....

§ 40. Tere dumda kegelitü eme Bodančar-tur irejü, nuγun köbegün törübe. Ǯad irgenükei gejü Ǯurčidai kemen nereyidübe. Tere Ǯurčidai-yin köbegün Tügüdei neretü bülüge. Tügüdei-yin köbegün Büri-Buliyaχu. Büri-Buliyaχu-yin köbegün Xara-Xadaγan neretü bülüge. Ǯarčirad omoγtan bolba.

§ 41. Xoyina Bodančar-eče köbegün törübe. Bariju abuγsan eme-eče törügsen köbegün, kemen, Baγaridai gejü nereyidbe. Baγaridai-yin köbegün Čiduχul neretü bülüge. Tegün-ü köbegün inu maγa metü törübe. Maγa-Baγarin omoγtan bolba. Baγarin-u ebügen tere bülüge.

§ 42. Dobu-Mergen-ü Begüntei-yin uruγ (törül) Begünüd omoγtan bolba. Buγu-Xatagi-yin köbegün Xatagin omoγtan bolba. Xatagin-u ebügen tere bülüge. Boγuči-Salǰi-yin köbegün Salǰiγud omoγtan bolba. Salǰiγud-un ebügen tere bülüge. Bodančar-un abalin emedeče törügsen Barim-Šikertü Xabiči-Baγatur neretü bülüge. Borǰigin omoγtan bolba .....

§ 44. Bodančari ügei boluγsanu χoyina: nengdegsen Uriyangχadai kümün ger-ün daruγa bülüge; tegünükei bui ja! kemen, jügelideče γarγaluγa. Ǯegüriyed omoγtan bolba, Ǯegüriyed-ün ebügen tere bülüge.

§ 45. Barim Šiker tü Xabiči-Baγatur-un köbegün Bekir-Baγatur neretü bülüge. Bekir-Baγatur-un köbegün Maχa-Tudun neretü bülüge. Maχa-Tudun-u Nomalun-Toryun gergei-eče doluγan köbegün törüǰükü. Angχan-u aχa inu Xači-Külüg, Xačin, Xačiγu, Xačila, Xaralǰai, Xačiγun, Način-Baγatur nereten, ede doluγan bülüge.

§ 46. Xači-Külüg-ün köbegün Xayidu neretü bülüge. Ömüšig (noyamšig) aburitu-yin tula, Noyakin omoγtan bolba. Noyakin-u ebügen tere bülüge. Xačiγu-yin köbegün Barilǰai neretü bülüge. Idegen-i baruγ-un tula Barlas omoγtan bolba. Xačila-yin köbegün idegen-e baruγun-a yeke beyetü-yin tula yeke Barula kemen nereyidbe. Barulas-kü omoγtan bolba. Erdemtü Barula, Todakin terigüten Barulas-un ebügen tere bülüge. Xaralǰai-yin köbegün buda metü χudkulaγči, eki terigün ügei-yin tula Budaγun omoγtan bolba. Budaγud-un ebügen tere bülüge. Xačiγun-u köbegün Adarkidai neretü bülüge. Aχa degüü ǰaγura ende tende kelejü yenggükü-yin tula (olgiyan ögületü) omoγ ǰaγura aduruγči bui. Moχur saγurin terigüten Adarkin omoγtan bolba. Adarkin-u ebügen tere bülüge. Način-Baγatur-un köbegün Uryutai, Mangχutai nereten bülüge. Uryutai-yin köbegün Uruγud bülüge. Mangχutai-yin köbegün Mangχud bülüge. Uruγud Mangχud omoγtan bülüge. Uruγud, Mangχud-un ebüges tere bülüge. Način-Baγatur-un abalin gergei-eče törügsen Šišiγudai, Doχulγutai

χoyar bülüge. Šišiγud, Doχulγud omoγtan bołba. Teden-ü ebüges tere bülüge.

§ 47. Xayidu-yin köbegün Bai-Šingχor-doγšin, Čirχai-Lingχoa, Čaujin-Örtögei γurban bui. Bai-Šingχor-doγšin-u köbegün Tumbiχai-Sečen neretü bülüge. Čirχai-Lingχoa-yin köbegün Šinggüm-Belge neretü bülee. Šinggüm-Belge-yin köbegün Isali-χaγan terigüten Tayičiγud omoγtan bołba. Tayičiγudun ebüges teyimü bülüge. Čirχai-Lingχoa-yin köbegunükei-eče törügsen Besüd neretü bülüge. Besüd omoγtan bołba. Besüd-ün ebüges tede bülüge. Čaujin-Örtögei-yin köbegün Oronar, Xongχotan, Aruład, Sünid, Xabturχad, Keyun-Gerges-ün ebüges tede bülüge.

§ 48. Tumbiχai-Sečen-ü köbegün Sem-Sečüle, Xabuł-χaγan χoyar bülüge. Sem-Sečüle-yin köbegün Bułtaču-Baγatur neretü bülüge. Bułtaču-Baγatur-un köbegün Mergen-Sečen neretü bülüge. Xabuł-Sečen-ü doluγan köbegun-i angχan-u aχa inu Ökin-Barχaγ, Bartan-Baγatur, Xutuγtu-Münggür, Xutała-χaγan, Xulan-Baγatur, Tödegen, Xadaγan-ede doluγan bülüge.

§ 49. Ökin-Barχaγ-un köbegün J̌uryatu-Yürke neretü bülüge. Köbegün inu Sečen-beki, Tayiču χoyar bülüge. Yürkin omoγton bołba. Yürkin-ü ebüges tede bülüge.

§ 50. Bartan-u Baγatur-un köbegün Yisügei-Baγatur, Nekün-tayiji, Menggetü-Kiya, Mergen-Yeketei, Daritai-odčigin tede tabun bülüge. Šüjigel-üǰin-eče törüǰükü. Šüjigel üǰin Mongγol Taryuǰin-Tarčiγuǰin-Yisütei-yin ökin ajuγu. Xutuγtu-Münggür-ün köbegün, Büri-Böke Onan-u tün-dür Yürkin-lüge χurimłaχui-dur Belgütei-Noyan-u mörü χaγa-čabčiγsan tere bülüge.

§ 51. Xutała-χaγan-u köbegün J̌oči, Kirmaγu, Altan γurban bülüge. Noyakid omoγton bołba. Xułan-Baγatur-un köbegün Yeke-Čeren bülüge. Badai, Kisiliγ χoyar daryad-un Noyan tere bülüge. Xadaγan, Tödegen χoyar uruγ ügegün bülüge.

§ 52. Xamuγ Mongγol-i Xabuł-χaγan meden yabuba. Xabuł-χaγan-u χoyina, Xabuł-χaγan-u öge-ber, doluγan köbegün inu bögetele, Tayčiγud-un Senggüm-Belge-yin köbegün Amaγai-χaγan meden yabuba.

§ 53. Buyir-naγur, Kölen-naγur χoyarun ǰaγur-a urusχu mören-e bükün uruγ noyan Buyiruγud Tatar irgen-e Amaγai-χaγan ökin-iyen ögčü, öbesüben üdejü odχu bolγan, Tatar irgen, J̌ui-yin irgen kiyed (östen) Amaγai-χaγan-i bariǰu, Kitad-un Altan-χaγan-dur abču odχui-dur, Amaγai-χaγan Besüdei Bałγaγči neretü elči-ber-iyen ögüleǰü ilegerün: «Xabuł-χaγan-u doluγan köbegün-u dotora χotula-da (bügüde-dür) ögüle! Minu arban köbegüd-un dotora Xadaγan-a tayiši-da ögüle! kemen ögüleǰü ilege-

ıün: Xamuγ-un χaγan Ułus-un Ejen bołju bögetele, öbesūben (öber-ün) ökin-iyen ūdekū bołun Amaγai gegdekun (neretü bi), Tatar irgen-e bariγ-daba. Tabun χuruγud-iyen kimuł tamdutała, arban χuruγud-iyen χadudtała, ači-yi minu aburan χuriyatχun!» kemejū ilegejükū.

§ 54. Tere čaγ-tur Bartan-Baγatur-un köbegün, Yisügei-Bagatur, Onan-mören-e šibaγułan bükü-dur, Merkedün Yeke-Čiledü Ołχonud irgen-eče ökin-i abču egüskejū ayisuχui-dur jołγaju, tergen-dür inu önggeyijü ūjebesü, jisün bušitai (sayitai) ökin χatun-i ūjejū, ger-tür-iyen χarijju, aχa-yuγan Nekün-tayiši-yi degūū-yuγan Daritai-odčigin-i uduridču,

§ 55. Kürkü-lüge Čiledü ayuju, χurdun χuba-yuγan γuya deledduged, χuburi (γorbi) ałus buruγudułuγa, χoyina-eče inu γurbaγuła udaγaridun (daru) χataribasu, Čiledü χošiγu χušiju (öndeyin χatarijju) tergen-dür-iyen irebesü, Ögelen-ujin ögülerün: «Duγar-un γurban arad-i uχaba-u či? Tede kümün-ü čirai čirai busu bui! Amin-dur činu χoor kürgekü medege ügei irgen bui. Amin ele činu bołbasu, χaraγa (sekür tergen) tutum χatud, öljige (ködegei arał) tutum ökin bui ja. Minu metü önggetü-yi ołdaχun ja. Busu daki neretei kümün učirabasu, Ögelen nereyidduyu ja. Či amin-iyen χoriyaγad (χorin) yorči (yabu), χoroγ, ünür-i minu ünüsčü yabu!» kemen, čamča-ben öggülüge. Morin tergen-eče naruyiju (?) abχui-dur, χoyina-eče inu aχa-nar degūū-ner γurbaγuła χošiγu χučiłduju (öndeyin χatarin χučiγulju) irebesü, Čiledü ayuju χurdun χuba-yuγan deleddüged, Onan-mören ögede dutaγaju talbiba.

§ 56. Xoyina-eče inu dołuγan γurbi dabatala nekejū, güyičen yadaju χarijju ireged, Yisügei-Baγatur Ögelen-üjin-ü delbege (čiłbuγur)-eče barijju, aχa inu Nekün-tayiši uduridču, degūū inu Daritai-odčigin temegen kilijü ayisuχui-dur, ujin-eke yeke daγun ber uyiłaju ögülerün: «Aχa minu, Čiledu!

Kei ögede kekül-iyen keyisugseger
Keger γaǰar-a kegeli-ben ölüsügseger

bülüge. Edöge ker-ele kisü bi?» kemen, χoyar šibelger-iyen nigen-te aru degere, nigen-te ebčigün degere oγurču (orkiju): «Ker-ele kijü oduya?» kemeged,

Onan-mören dolkistała,
Oi büri daγuristała,

yeke daγu-ber yiłaju ayisuχui-dur, Daritai-odčigin ǰergečejū yabuγad, ögülerün:

«Dabariχu činu
Dabaγa oɬan dababa.
Uyiɬaχu činu
Usun oɬan getülbe.
Xayiɬabasu ülü sonosχu
Xarabasu ülü üjegdem!

Sem bol (daγu bun γar)!» kemen idχaba. Ögölen-üjin-i Yisugei-Baγatur-un abuγsan yosun eyimü bülüge.

§ 57. Amaγai-χaγan Xadaγan, Xutaɬa χoyar nereyidugsenber, χamuγ Mongγoɬ, Tayičiγud Onan-u Xoγoγ-jigür-tür Xutaɬa-yi χaγan boɬγaba. Xadaγan-i tayiši bolγaba. Xadaγan-tayiši ber Mongγoɬun ebüdüg-eče ülekü boɬtaɬa debsebei (dabšibai).

§ 58. Amaγai-χaγan-u ös abun (abuya kemen), Xutaɬa-χaγan, Xadaγan-tayiši χoyar Tatar irgen-dür čeriglen moriɬaju, Tatar-un Köyiten-Barχa Tömüčin-lüge Xori-Buχa, Jili-Buχa terigüten Tatar-tur χadχuɬduju, Amaγai-χaγan-u öšil öšin, kisel kisen yadaba kemebe.

§ 59. Tende Yisugei-Baγatur Tatar-un Tömüčin, Xori-Buχa terigüten Tatar-i daγuliju (dobtuɬju) irebesü, tende Ögelen-ujin kõl kündu bülüge. Onan-u Deligün-boɬdaγ-a büküi-dür, Xara Morin jil-un, jun-u terigün sara-yin, arban jiryuγan-a, uɬaγan dergel edur-ün, edür düli čaγ-tur, Činggis-χaγan törübe. Törüküi-dür-iyen baraγun γar-tur-iyen šaχai-yin tedüi χara nöjin-i adχun törübe gekü. Bayar miliyaχui-dur Tatar-un Tömüjinükei-yi abču iregsen-dur törübe kemen, temür ölögei-dür ölögeyidüjü, Tömüjin gejü nereyiddügsen yosun eyimü bülüge.

§ 60. Yisügei-Baγatur-un Ögelen-üjin-eče törügsen Tömüjin, Joči-Xasar, Xačiγu, Tömüge-odčigin, tede dörben bülüge. Tömülen neretei nigen ökin bülüge. Tömüjin yisun nasutu büküi-dür. Joči-Xasar doɬuγan nasutai bülüge. Xačuγun tabun nasutai bükui-dür, Tömüge-odčigin γurban nasutai bülüge. Tõmülün ölügei tü bülüge. Yisügei-Baγatur-un nögöge gergei Süjigel eke-eče törügsen Begter, Belgetei χoyar bülüge.

§ 61. Yisügei-Baγatur Tömüjin-i yisün nasutu büküi-dür, Ögelen-üjin-ü törgüd Olχonud irgen-eče ökin γuyisu kemejü, Tõmüjin-i abuγad yorčibai (odbai). Oduγad Čegčer Čuχuryu χoyar-un jaγura Xongkirad-un Deyi-Sečen joɬγaba.

§ 62. Deyi-Sečen ögülerün: «Yisügei χuda! Xamiγa odumu či?» kemebesü, Yisügei-Baγatur ögülerün: «Ene köbegün-degen naγaču-nar Olχonud irgen-eče ökin γuyisu kemen, irelüge bi!» kemebe. Deyi-Sečen ögülerün: «Kõbegün činu nidün-dür-iyen γaɬtu, niγur-tur-iyen gereltü köbegün buyu!

§ 63. «Yisügei χuda! Bi jegüdun jegüdülebe. Ene χoyar söni čaγan šongχor naran saran χoyar-i adχun niščų irejü, γar degere minu baγuba. Ene jegüdü-ben kümüne ülü ögülen ajuγu. Bi naran saran χoyar-i χaraju ŭjegden (ŭjen) bülüge. Edöge ene šongχor adχuju irejü, γar-tur minu gegen čaγan bołγaba. Yambar ele sayin-i ujekü? kemelüge bi. Yaγun bołbasu, šongχor anu, tan-u Kiyad irgen-ü sülde iremu jiγamu (jiγaγsan) ajuγu».

§ 64. Bida Xongkirad irgen erte edür-eče

Xari ułus ulu temečen,
Xačar γova ökin-iyen,
Xaγan bołuγsan-dur tan-u
Xasaγ tergen-dür unuγułju,
Xara buγura kölgejü.
Xatariγułju odču,
Xatud-un saγurin-dur
Xamtu saγułγan bülüge.
Ułus irgen-i ülü temečen,
Öngge sayin ökin-iyen
Öljigetei tergen-dür unuγułju,
Öle buγura kölgejü,
Egüskejü odču,
Öndür saγurin-u,
Örögelen eteged tan-u

sayułγan bülüge. Erte edür-eče bida Xongkirad irgen χačar γova χatudtai, öngge sayin ökidtü bülüge. Jige jisüten, ökin önggeten bülüge.

§ 65. «Nuγun köbegün manu
Nutug-iyen χarayu.
Ökin uruγ manu
Öngge-ben ŭjegülüyü!

Yisügei-Baγatur, χuda! Ökin min-u öcüken bui. Ger-tür minu odču ŭjetügei!» kemejü, ger-tür-iyen baγułγaba.

§ 66. Ökin-i inu ŭjebesü, . . .oyin-dur-iyen oroγułba. Tömüjin-eče inu nigen nasun (ilegüü) eke-ečegeu arban nasutu ajuγu. Söni χonuju, manaγarši anu γuyibasu, Deyi-Sečen ögülerün: «Ołan-ta γuyiłγaju ögbesü, degečilegdekü, čögükente γuyiłγaju ögbesü, doromjiłaχu. Ökin kümün-ü jayaγan törügsen egüden-dür ötelekü yosun ügei ajuγu. Ökin-iyen ögsügei bi! Köbegün-iyen kürgen-i (min-u) ta tałbiju od!» kemebesü, ja kemejü χuda bołułčaba. Yisügei-Baγatur ügulerün: «Köbegüd-iyen kürged-te

talbiju odsuγai! Kōbegün min-u noχai-eče čočimdaγai bui. Buu čočiγul!» kemeged, kōtel morin-iyen beleg ōgčü, Tōmüjin-i kürged-te talbiju odba.

§ 67. Yisügei-Baγatur χariju irekü jaγura Čegčer-šira-kegere Tatar irgen-dür umdaγasurun, χurim-dur anu baγubasu, tede: «Erte dayisun ajuγu! Yisügei-Kiyad (ōsten) irebe!» kemen, erten-ü daγuliγdaγsan-iyen kegesülen duradču, ōsleldün χoora χoliju ögčikü. Jaγura maγui (ber yabun) odurun, γurban χonoγ yabuju, ger-tür kürčü yeke-de čilegerkebe.

§ 68. Yisügei-Baγatur ögülerün: «Minu dotora maγui bui! Oyira dergede ken bui?» kemebesü, Xongotan-i Čirχa-ebügen-ü kōbegün Menglig oyira bui kemebesü, uriju iregüljü ögülerün: «Čaχa (kōbegün) Menglig! Öčügüketü bülüge bi! Kōbegün-iyen Tōmüjin-i kürged-te talbiju χariju ayisuχui-dur, jaγura Tatar irgen χurimlan ajuγu. Umdaγasurun baγuluγa bi. Ösiyelegdebe. Dotora minu maγui bi. Öčüken χočoruγsan degüü-neriyen, belbesün, berged-iyen, ger asaraχui či mede! Kōbegün-i min-u Tōmüjin-i ödterken odču abču ire, čaχa (nilχa) minu Menglig!» kemeged nögčibei.

II (лл. 29—48)

§ 69. Yisügei-Baγatur-un öge-yi busu ülü bolγan, Menglig odču Deyi-Sečen-e ögülerun: «Yisügei aχa Tōmujin-i maši mōrōgedču, ōrō-ben (jirüke) ebedümü. Tōmüjin-i abura irebe bi!» kemebe. Deyi-Sečen ögülerün: «Xuda kōbegüniyen mōrōgedkü bolbasu, odtuγai. Ödter üjejü, odter iretügei!» Menglig Tōmüjin-i abuγad irebe.

§ 70. Tere χabur Amaγai-χaγan-u χatun Örbei, Soχotai χoyar χatun Yeke Iraγu (daγu) γarču aχui-dur, Ögelen-üjin χojid odbasu, Örbei Soχatai γaruγsan (iraγu) inu idegen-eče χojidaγulbasu, Ögelen-üjin Örbei, Soχatai χoyar-a ögülerün: «Yisügei-yi minu ükübe kemen, köbegüd-i minu yeke ülü bolχui-eče, Yekes-ün kešig bilegür sarχud-eče yakin χojidaγulumui ta? Üjeged odču ülü serigülün, ölisüged negükün bolbai ta!» kemebe.

§ 71. Tere öge-dür Örbei Soχatai χoyar χatun ögülerün: «Amaγai-yi ükübe, kemen, Ögelen-e kürtele eyin kemegdekü bolba.

Uriju ülü ögdekü mörtei či,
Učirabasu idekü yosutai či!
Kürgejü ülü ögdekü mörtei či.
Kürtebesü idekü yosutai či!

§ 72. «Ede ekes kobegüd-i nutuγ-tur gegejü negütkün! Buu bōged abču yabutχun!» kemen, manaγarši edür-eče Tayičiγud Onan-mören ögede Taryutai-Kirilтuγ, Tōdegen-Kirte ten kōdülerun (ger-iyen abun kōdeljü

yabuχun), Ögelen-iyen eke köbegüd-i nutuγ-tur gegeǰü negügderün (negübei). Xongχotan-i Čirχa-ebügen odču idχan ögülekü-dur Tödegen-Kirten ögülerün:

«Čegel usun niturałuγa,
(Čegen) čilaγun čarałuγa!» (čaγuraluγa?)

kemeged negüǰükü. Čirχa-ebügen-i: «Ker idχaχu bülüge či?» kemeǰü. χoyina-eče inu ǰida-ber suγu χudus inu ǰidalaǰu;

§ 73. Čirχa-ebügen yaratu bołǰu, ger-tür-iyen ireǰü berke kebtekü-dür, Tömüǰin üǰere odbasu, tende Čirχa-ebügen ögülerün: «Sayin cčige-yin činu χuriyaγsan bida bürin ułus-i Tayičiγud, aχa degüü tan-u, abču negüderün (negükü-dür) idχabasu kemen oduluγa; eyin kigdebebi!» kemeǰükü. Tere öge-dür inu Tömüǰin uyiłaγad γarču yorčiba. Tende Ögelen-üǰin irgen-iyen abču negügderün (negürün) beye-ber-iyen moriłaǰu, ǰarim-ud irgen-i idχaǰuχu. Tede ber irgen ülü toγtan, Tayičiγud-un χoyina-eče negüǰükü.

§ 74. Tayičiγud, aχa degüü anu, Ögelen-üǰin belbesün öčüken önöčin-i eke köbegüd-i nutuγ-tur gegeǰü negüǰükü.

Ögelen-üǰin eme mergen törüǰü,
Önöčin köbegüd-iyen teǰiyerün,
Örnitele boγtałaǰu
Ögčitele büseleǰü,
Onan-mören ögede erte güyiǰü,
Ölirsün möyilsün tegüǰü
Ödur söni χoγołai-ban teǰiyebe.

Süldertei törügsen üǰin-eke
Suutan köbegüd-iyen teǰigerün,
Čögürsun široa bariǰu,
Södün gičigine uχuǰu,
Söni edur nögčiyebe.

Xatun törügsen üǰin-eke
Xad köbegün-iyen teǰiyerün,
Xayilasun široa bariǰu,
Xałdut temgün güyiǰü,
Xayiłasun (χaliyarsun) manggirsun uχuǰu
Xantała čadtała idegüljü teǰiyebe.

Jarčimtai törügsen üǰin-eke,
J̌ayaγatu törügsen köbegün-iyen teǰiyerün,
J̌aba γooɬ-i ülü üleden,
J̌adχasun tömüsün uχuǰu,
J̌arčimtai sayitur teǰiyebe.

Γova törügsen üǰin-eke
Xutuγtan törügsen köbegüd-iyen teǰiyerün,
Γooɬ ǰaba ülü üleden,
Γoγursun maggirsun-iyer teǰiyebe.
Γova üǰin eke-yin
Γoγud manggir-iyar teǰiyegsen köbegüd inu
Xutuγtan sayid boɬura kürbe.

Xatun üǰin-ü eke-yin
Xaliyarsun manggirsun-iyer teǰiyegsen köbegüd inu
Xad sayid boɬura kürbe.

Sütei üǰin-ü
Südün kičigine-ber teǰiyegsen köbegüd inu
Sülsüten seče̤d boɬura kürbei.

J̌arčimtai törügsen üǰin-eke-yin
J̌adχasun tömusün-iyer teǰiyegsen köbegüd inu
J̌ayaγatan sayid boɬura kürbei.

§ 75. Ere sayid boɬun baraǰu,
Erkün umdaγan-i eriye kemeldüǰü.
Eke-yin ači χariγuɬurun,
Elgügür geüge bariǰu
Eke-Onan-u ergi degere saγuǰu,
Eremdeg-ǰemdeg ǰiγasun geügileǰü,
J̌egü-ber elgügülǰü ǰamaγ dotora-kü
J̌edkün-geügileǰü, gölmi χubčiγur uyaǰu,
J̌irmud ǰiγasun-i šiγuǰu,
J̌iči eke-yi ačiɬan teǰiyebe.

§ 76. Nigen edür Tömüǰin, Xasar, Begter, Belgetei dörbegüle χamtu saγuǰu, geügi tataχui-dur, nigen gegegen soχosun oroǰu, Tömüǰin Xasar

χoyar-eče Begter Belgetei χoyar buliyaǰu yabuba. Tömüǰin Xasar χoyaγula ger-tur-iyen ireǰü, üǰin eke-dür ögülerün: «Öčügüdür bolǰoχui-yi (boljimur-i?) γodolidču (kereldun), mön teyin buliǰu abuɬuγa. Edöge basa gegegen soχosun geügi ǰaγuγsan-i Begter, Belgetei aχa degüü χoyar bulibai. Ker ałdaχun bida?» kemebe. Tere öge-dür üǰin-eke ögülerün; «Yegüǰi bütügei! (yaγun-u tuɬa) aχa-nar degüü-ner yakin teyin kildümü ta? Següder eče busu nökür ügei, segül-eče öbere cöčige ügei, tere Tayičiγud aχa degüügiyin γašiγun berke aǰu, ken aburaχun?» kemeǰü bülüge. «Erten-ü Ałun-γova-yin tabun kobegüd metü yakin eye tan-u öbere bołbai? Ta bütügei! (teyimü bu uyiled!)» kemebe.

§ 77. Köbegüd inu ese dongγudba. Egüden orkiγad yorčiba. Begter uɬχun degere širγa aγta tan yisün moridiyen χaraǰu saγun aǰuγu. Tömüǰin umara-eče, Xasar emüne-eče daɬduɬaɬduǰu, sumuban sołbičiǰu kürkü-lüge Begter üǰeged ögülerün: «Aχa degüü-lüge ałaɬduχui-dur nökür següder bołuɬčaya! Següder-eče nökür ügei, segül-eče busu čöčige ügei bülüge. Nökür kümün-ü γašiγun berke ese kü bülügei-üü? Edöge yakin namayi ta aman-u χaγasun (χalisun), nidun-u surmusun bołγamui? Bi yakin eyin aγdaba? γoɬumta-yi minu buu bürlegetkün, γaγča Belgütei-yi minu buu tebčitkün!» kemen, ǰabiɬaǰu külčibei. Tömüǰin Xasar ta(n) emüno-eče inu χoyina-eče inu öter meleǰü odbai.

§ 78. Ger-türiyen χariǰu irebesü, üǰin-eke köbegün-iyen čirai uχaǰu, ögülerün:

«Xani-ben baraγsad,
Xataγuǰin saγunam.
Xaɬaγun-eče minu
Xaγaɬun γarurun,
Xara čisu γar-turiyen
Adχun törügsen bülüge.
Xarbisu-ban χačiχu noχai metü.
Xadan-dur dobtuɬχu saɬbar metü,
Aγur-iyen darun yadaχu arsłan metü,
Amidu-yi ǰaɬgiχu mangγus metü!

Següder-türiyen dobluɬχu šongχor metü,
Sem-iyer ǰaɬgiχu čuraχa metü,
Botoγan-iyen borbin χaǰaχu buγura metü,
Boroγan edür dobtuɬχu čino-a metü!

J̌uljaγan-iyen kelin yadaju,
Idekü anggir metü;

Kebteši-yügen köndebesü,
Omögerikü čögübüri metü;
Bariǰu ülü sayaraχu bars metü,
Baɬamut dobtuɬχu baruγ metü
Baraba ele ta!

Següder-eče busu nökür ügei,
Segül-eče čočige ügei,

Tayičiγud aχa degüü-yin γašiγun dayusun yadan büküi-dür ker aya kemeǰü eyin kildün hui (kimü) ta?» kemen, köbegüd-iyen öteges öge öriyedkün. χayučin öges χadayuɬun maši mayuyiɬan ögülebe.

§ 79. Tedüi ataɬa Tayičiγud-un Taryutai-Kiriɬtuγ turaχaγud-iyen uduridudču ireǰü, χuɬaγun sočiǰi, šilügen šiberčikü ireǰükü. Tedüi ayuǰu. Ogelen-üǰin-eke, köbegüd aχanar degüü-ner Onan-u šiγui oi-dur širyuɬǰu, Belgetei modun χuγur-a tataɬaǰu šibege (küriye) bariba. Xasar χarbuɬaɬduǰu. Xačuχun, Temüge, Temüǰin γurban-i ǰaba ǰaγura dürüǰü büɬχaɬdun (dayiɬun) büküi-dür, Tayičiγud dayudaǰu ögülerün: «Aχa-yuγan Tömüǰin-i ilege! Busud tan-u kereg-ügei!» kemegdeǰü Tömuǰin-i moriɬaγuɬǰu, sem-iyer buruγudχan oi dotuγun ilegekü-yi Tayičiγud üǰeǰü üldeküi-dür, tegün-e öndür-ün šiγuidur orobasu, Tayičiγud orun yadaǰu, šiγui orčin-a sakiba.

§ 80. Tömüǰin šiγui-dotura γurban χonubasu γarsu (edöge) kemen mörin-ǐyen ködeljü ayisuχui-dur, morin-eče emegel inu mültürijü χočorčuχu. Xaraǰu üǰebesü, kömüldürge kömüldürgelegse-bar, oɬang oɬangɬaγsabar mültürijü χočorčuχu. Tedüi dotura-ben sedkirün: «Oɬang-čigi boɬtuγai (batu ɬoɬbasu), kömüldürge ker mültürkü bülüge? Tngri minu idχan amui-uu?» kemen sedkijü, emegel-iyen toχudχun oruǰu basa γurban χonuba. Basa γarsu kemen ayisuχui-dur, šiγui-yin amsar-a χošiliγ-un tedüi gürü (čiɬaγu) amsar-i inu böglen tusču: Tngri minu idχan amui uu? kemen, basa γurban χonuba. Yerü yisün χonoγ idegen-ügei aǰu: Nere ügei ber ker ükükü bui? kemen γarču ireǰü, tere χošiliγ-un tedüi čaγan gürü-yin orčin bükü γarbasu, ülü boɬχu modun-i sumuči kituγa-ber oγtačiju, morin-iyen kötelün χaɬtariγuɬuγad γarχui-ɬuγa, Tayičiγud sakiǰu saγun aǰuγu.

§ 81. Bariǰu abuγad odču Taryutai-Kiriɬtuγ tan uɬus irgen-dür-iyen kürčü, ǰasaγ ögüleldüǰü, Tömüǰin-i ayiɬ tutum-dur-iyen niǰeged χonoγuɬǰu, bitügülün (kešün) yabuχui-dur, ǰun-u terigün sara-yin arban ǰiryuγan-a, nɬaγan dergel edür, Tayičiγud Onan-u ergi degere χurimɬaɬduǰu, naran šinggebesü ele tarχabai. Tende Tömüǰin-i tere χurim-dur kilbara keüked kümün-iyer sakiγuɬǰu bülüge. Xurim-un aran-i tarχaγuɬuγad tere kilbara

keüked kümün-i ginji bayu-ber-iyen ekin-i inu deledüged güyijü, Onan-u tün-dür (šiyui) orobai. Oroju kebtejü üjegdekü-eče ayuju usun-u χargi-dur gedergü kebtejü, bayu-ben usun uruγu urusγaju, niγur-iyen ile kebtebe.

§ 82. Tere alдaγsan kümün yeke daγu-ber: bariya tu (ginjitu) kümün-i alдaba! kemen χayilaχui-dur, taryaγsan Tayičiγud γuraju irejü, edür metü saraγur-a Onan-u tün-i bederibei (temečebei). Bederibesü (irebesü), usun-u χargi-dur gedergü kebtejü bükui-dür Süldüdei-yin Toryan-Šira job daγarijü üjejü, ögülerün: «Usun-a čilmei ügei, oγtoryuy-a mör ügei! χamiγaši odbai? kemeged: aχa degüü činu šidun aman belegüdüjü ayisui. Jöb ele kebtejükü. Eyimü aryatu-yin tuła nidünduriyen γałtu, niγur-tur-iyen geretü bui kemen idχan ajuγu. Či teyin-kü kebte(n), bi ülü jiγaju ögkü!» kemen nögčibe (önggeregülbe). Tayičiγud bederibesü (irebesü), bederijü (irejü) yadaju;

§ 83. γariju mön möriyer γarin bedereye (ireye) kemeldüjü, mör-iyer χarin bederijü (irejü) ayisuχui-dur, basa Toryan-Šira ögülerün: «Tayičiγud noyan, bide gegen čaγan edür-iyer kübčin kümün-i alдaba. Xarangχui söni ker olχu? Möd-iyeriyen yabuγad, γajad-iyen yegüdken bederijü (γajaγum) taryaju, manaγar edür čiγułun bederibesü (irebesü), χamiγa odχu?» kemegdejü, teyin boltuγai! kemeldüjü, teyin bederikü-dür, Toryan-Šira daγarijju ögülerün: «Edüi bederiged taryaju manaγar bederiye! (kemen, kümün-e buu ögüle) kemeldüjü taryaba. Namayi üjelüge kemen, kümün-e buu ögüle! Edöge mani taryaγuluγad, eke degüü-neriyen erin od!» kemen ögülejü χaribai.

§ 84. Teden-i taryaγułuγad dotora-ben sedkirün: «Öčugen ayil bitegülün (kesün) asaraχui (tejiyekü)-dur, Toryan-Šira-yin ger-tür χonubasu, Čimbai, Čiłaγun χoyar köbegün inu örö jirüke-ben ebedču, söni ginji bayuγu-yi minu suładχaju χonoγułun bülüge. Edöge basa Toryan-Šira namayi üjejü ülü jiγan yorčiba (odba). Minu amin-i mön-kü tede aburamu-yu?» kemen Toryan-Sira-yin ger-i erin, Onan-mören ögede yorčibai.

§ 85. Ger-ün belge inu gegün-ü sün düsürügsen ösüg-iyen (ayiraγ) söni düli boltała bülikü bülüge. Tere belge-ber bayin bayin sonusču bolγoγad, kürčü ger-tür inu oroχui-łuγa, Toryan-Šira ögülerün: «Eke degüüner-iyen erin od ese kelegsen buyu esekü kemelügei-üü (ese kelegsen buyu)? Ende yakin irebe?» kemebesü, Čimbai Čiłaγun χoyar köbegün inu ögülerün: «Šibayuχan turuγun-a (?) turumtay-a üldegdejü buta-dur χoryałabasu, buta ber aburayu! Šiłyudun iregsen kümün-i yakin teyin kememü či?» kemeged, ečige-yügen ülü tayałan ginji bayuγu-yi anu čučałyu, yał-dur tülejü, χoyitu ongγasutu χara tergen-dür niyuju, kümün-dür ülü kelen, Yadayan neretü ökin degüü-düriyen asarayułba.

§ 86. Гutaγar edür Tayičiγud irejü: «Ene baγuγu tu kümün χamiγa bolbai ja! Nökur jaγura bolbai ja. Nökür jaγura-ben nengjileldüye!» kemejü, ayil büri nengjigseger kü, Toryan-Šira-yin ger, tergen, iseri-yin ałam-dur (?) kürtele üjejü ese olju, tere ongγasutu χara tergen-dür unuju (nengjijü) amsar-a büküi ongγasun tatałaju, köl-dür inu kürkui-dür Toryan-Šira ögülerün: «Yerü basa erimü! Xałaγun-a ongγasun dotora kobtegsen kümün ker dayusχu ajuγu? Sedkil-düriyen adali bołtała eri!» kemebesü, tere nengjigül baγuju irebe.

§ 87. Tere nengjigül-i oduγsan-u χoyina Toryan-Šira ögülerün: «Namayi ünesü-ber keyisken ałdaba či! Edöge ber bögesü, eke degüü-neriyen erin od!» kemejü, ama čaγan ermeg χułγačin-i unuγułju, del ekitü (χonin-u) χuraγa bołγaju kökür namaγa jasaju, emegel kete anu öggün, nigen nunu χoyar sumu ögčü tałbiju ilegebe.

§ 88. Tomüjin tere oyidun (oi šiγui) šibegeleju χoryałaγsan γajarturiyen kürčü, ebesün-i ałurχai-ber möskijü, Onan mören ögede möskiged, örüne-eče Kimurχa-γoroχan-u oroju iren ajuγu. Tere ögede möskiged, Kimurχa γoroχan-ü Beder-χošiγun-a χorčaχui bołtała(-bołdaγ-a?) jołγałduba.

§ 89. Tende neyileldüjü, tendeče odču Burχan-γałdun-u Gürelegü (görelekü) dotor-a Senggür-γoroχan-u Xara jirüken-ü Köke-naγur-a nutuγłaju büküi dür tarbaγa küčügüne ałaju iden bülüge.

§ 90. Nigen edür širγa aγta naiman mörid, ger-ün dergede bayiju büküi-dür, degeremčin irejü üjetele degermedčü odbai. Jabχaγun-iyer (yabaγad-iyer?) üjejü χočorbai. Belgütei oγotur dargi χongγor-i unuju, torbaγačiłara oduγsan ajuγu. Üdeši naran šinggegsen-ü χoyina, Belgütei dargi χongγor-tur tarbaγa ačiju nisχałajiγułun yabaγan kötelju: Širγa aγta bidan-u degerme abču odba! kemebesü, Belgütei ögülerün: Bi nekesü! kemebe. Xasar ögülerün: «Či ülü čidaχu, bi nekesü!» kemebe. Tömüjin ögülerün: «Ta χoyar ülü čidaχu, bi nekesü!» kemejü, dargi χongγor-i unuju, širγa aγta tan-i ebesün-i ałurχai-ber möskijü, γurba χonoγ yabuju, manaγar erte nigen ołan sürüg aduγun-dur nigen keüked kümün gegün-i sayan büküi-dür jołγaju, širγa aγta tan-i surabasu, tere köbegün kümün ögülerün: «Ene manaγar erte, naran γarχui-yin urida, šarγa aγtatan naiman morid-i egüber üldejü yorčiba. Mör inu bi jiγaju ögsügei!» kemeged oγotur dargi χongγor-i tałbiγułju, oroγ singχuła-yi Tömüjin-e unuγułba. Öberiyen χuba-yuγan unuju, gertüriyen ülü odun, ečige eke-düriyen ülü ögülen, namaγa (χobuγa), sayułγa-ben keger-e tałbiju: «Nökür! Či mengdejü ayisui ajuγu (iregsen). Ere-yin eril-ele bögesü, nigen bui ja! Bi čimadur nökučesü. Ečige minu Naχu-bayan kemegdemüi. Bi γaγča köbegün inu

Boγurči neretü bi!» kemeged, širγa aγta tan-i mör-iyer möskijü, γurban χonuju, üdesi naran χubar (dalda) tašin büküi-dür, nigen yeke küriye irgendür kürbesü, širγa aγta anu tere küriye-u kijaγar-a ebesün idejü bayiχui-yi üjeged, Tömüjin ögülerün: «Nökür, či ende bayi! Širγa aγta manu tere bui. Bi oroju üldejü γarγasuγai!» kemebesü, Boγurči ögülerün: «Nökučesü kemen irelüge bi. Edöge ende yakin bayiχu bi?» kemeged, χamtu dobtulju oruγad, širγa aγta tan-i üldejü γarbai.

§ 91. Xoyina-eče inu ubur-subur (ulam-sulam) nekejü ayisun, nigen singχula moritu ulaγan degeltü kümün uryа-ban bariju γaγčaγar nekejü güyičejü irebe. Boγurči Tömüjin-e ögülerün: «Nökür numu sumu nada ača! Bi χarbulaldusu!» kemebesü, Tömüjin ögülerün: «Nökür, minu tulada, či erüstegüjei! Bi χarbulaldusu!» kemebesü, χarbulalduba. Tere čaγan moritu ulaγan degeltü kümün uryа-ber-iyen dokiju χočorba. Xoyitu nököd inu ubur-subur güyičejü ireküi-lüge, naran χuburi (dalda) tašin šinggejü odba. Dügüšin (burui) bolju, χoyitu nököd inu baraγa boldaju bayiju χočorba.

§ 92. Tere söni düliged, γurban edür söni dülijü, gerün oyira bolbasu, Tömüjin ögülerün: «Nokür, bi čima-eče anggida morid-iyen ker abχui bülüge? Bi kedüi-yi anu abunam?» kemebesü, Boγurči ögulerün: «Sayin nökür mengdejü irebe kemejü, tusa bolsu kemen irelüge bi. Olјilalčaju ab(a)su kemebesu, ečige-yin minu Naχu-bayan-u jögegsen γaγča köbegündür inu nada tügetele (baraši ügei) bui! Tuša boluγsan minu yaγun bolχu?» kemejü ese abuba.

§ 93. Naχu-bayan-u ger-tür kürbe. Naχu-bayan köbegün-iyen Boγurči-yi jabχaju, nisun-nilbusun-ber aju sayuχui-dur genedte Boγurči kürbe. Naχu-bayan nigente dongγoddumui, nigente inigemüi: «Köbegün minu Boγurči ögüle, yaγun bolba?» kemebesü, Boγurči ögülerün: «Ene ken-ü sayin nökür mengdejü odun ajuγu. Nökučejü oduluγa bi. Edöge irebe!» kemeged, aγulju odču, keger-e talbiγsan namaγa-saγulγa-ben abču irebe. Tömüjin-e del-χuraγa alaju, künesü öggüged, namaγa-degürge jasaju, künesülegülbei. Naχu-bayan ögülerün: «Xoyar jalaγus bui ta, nökučeldütkün! Mön-e χoyina buu tebčileldütkün!» kemebe. Tömüjin tedü odču, γurban söni edür yorčiju, Senggür-γoroχan-a ger-türiyen kürbe. Ögeleneke Xasar kiged degüü-ner inu erüjü sayun ajuγu. Üjejü bayasba.

§ 94. Tende Tömüjin Belgütei χoyar Deyi-Sečen-ü ökin Borte-üjin-i yisün nasutai büküi-dür üjejü iregsen-ber χaγačaju bülüge. Kerülen-mören uruγu erin odbai. Čigčer Čiχurχu χoyar-un jaγura Deyi-Sečen Xongkirad tende ajuγu. Deyi-Sečen Tömüjin-i üjeged, bayasču ögülerün: «Tayičiγud aγa degüü nayidumu (eyedümü) kemen medejü, erüjü čögelei (čökürebei).

Naran-i üjebei-bi čimayi!» kemeged, Börte-üjin-i neyilegülüged egüskebei. Egüsken ayisurun (ireküi dür), Deyi-Sečen Kerülen-ü Joł-nuγudaeče, mariyan χalaγun bołju, Kerülen ögede γariba. Börte-üjin-ü eke Čotan neretei bülüge. Ökin-iyen üdejü Gürlegü dotora Senggür-γoroγan-a bükiidür kürgejü irebei.

§ 95. Čotan-i γariγułun, Belgütei-yi ilegejü, Boγurči-yi nökučeye kemen uriju ilegebe. Boγurči Belgütei-yi kürgegülüged. ečige-düriyen ülü kelen, bökötür χongγor-i unuju boro örmegen jangčin-iyen bögtörüged, Belgütei-lüge irebe. Tere nökučegsen-ber nökučegsen yosun anu teyimü buyu.

§ 96. Tendeče Senggür-γoroχan-eče negüjü. Kerülen-mören-ü terigüne Burgi-ergi-dür nutuγłan baγuju, Čotan eke-yin šidkül (emüskel) kemen χara bułγan daχu emüskejü bülüge. Tere bułγan daχu-yi Tömüjin, Xasar, Belgütei γurbaγuła abču odču: «Erte edür χaγan-ečige-lüge man-u Kereyid irgen-ü Ong-χaγan anda kemeldügsén ajuγu. Ečige-lüge man-u anda kemeldügsen ečige metü buija. Ong-χaγan tusatu buyu!» kemen medejü Toryuła-yin χara tün-e (šiγuy-a) bükü-dür odču, Ong-χaγan-dur Tömüjin köbegün ögülerün: «Erte edür ečige-lüge man-u anda kemeldügsen ajuγu. Ečige-kü buyu! kemen, gergei baγułγaju irelüge. Emüskel χara bułγan daχu ačiraba!» kemen ögülebe. Ong-χaγan maši bayasču ögülerün:

«Xara bułγan daχu-yin činu γariγu
Χaγačaγsan ułus-ičinu
Χamtudχaju ögsügei!
Bułγan daχu-yin činu γariγu
Butaraγsan ułus činu
Bütügelgejü ögsügei!

Bögere-yin bögsen, čegere-yin čegejin-dür atuγai!» kemebe.

§ 97. Tendeče γariju, ede öges-i eke-de ögülejü, bügüdeger bayasulčabai. Kerülen-ü Bürge-irge-de bükü-dür, Uriyangχadai kümün Jarčiγudaiebüge, körge-ben ögürčü, Jelme neretü köbegüd-iyen uduridču irejü ögülerün: «Terigün Onan-u Deligün-bołdaγ-a bükü-dür, Tömüjin čimayi törükü-dür bułγan öligei öggülüge bi. Ene köbegün-iyen Jelme-yi öggülüge bi. Očüken kemen abču odułuγa. Edöge Jelme-yi:

Emegel-iyen toχoγuł,
Egüden-iyen sakiγuł!

kemejü ögbe!»

§ 98. Mön tende Kerülen-ü terigün-e Bürge-ergi-de büküi-dür, mana-γar erte gerel-širal edür geyin büküi-dür (gere serge ür) Ögelen-eke-yin ger dotura ködelküi (ǰaruχui) χonoγčin-emegen ögülerün: «Eke, eke, ödtür bos, bos! γajar delberimüi, töbürige sonustamui! J̌alγamšiγtan Taγičiγud ayisun ayu (iren amui)! Eke, ödtür bos!» kemebesü,

§ 99. Ögelen-eke ögülerün: «Köbegüd-i serigülütkün!» kemeged, Ögölen-eke ödtür-kü bosbai. Tömüǰin ten köbegüd odtürlen-kü bosuγad. morin-iyen bariǰu, Tömüǰin nigen morin unuba, Boγurči nigen morin unuba, J̌elme nigen morin unuba. Temülün-i Ögelen-eke degürbe. Nigen morin kötülbe. Börte-üǰin morin-i dutaba.

§ 100. Tömüǰin aχa-nar degüü-ner erte böged Burχan-γalduna-du γarbai. Χonoγčin emegen Börte-üǰin-i χaryutai tergen-dür sayulγaǰu, ed baraγan-ben oroγulǰu, beye-ben tergen-dür saγuǰu, bögere alaγ üker-tür kölüged, aγuła-dur yorčiχui-dur, Tönggülge (čönggür)-yoroχan-a (dögüm-e) ayisun büküi-dür, erü-baru-da edür geyin büküidür, esergü-eče čerig-ün arad (kümün) χatariǰu ergijü ireǰü: «Yaγun kümün či. kenükei bui?» kemen asaγba. Χonoγčin emegen ögülerün: «Bi Tömüǰinükei bui! Yeke ger-tür γonin kiryar-a irelüge bi. Edöge ongγašun tegeǰü, ger-türiyen χariǰu ayisui!» kemeǰüküi. Tendeče tede čerig ögülerün: «Tömüǰin ger-tür buyu-uu. ügei-üü? Ker keǰige (kedüi kiri) bui?» kemebesü, χonoγčin emegen ögülerün: «Ger-či oyira bui. Temüǰin-i bui ügei-yi ese medebe bi. Χoyina-eče bosuγad irelüge bi!» kemeküi-dür;

§ 101. Tede čerigüd tedüi χatariba. Χonoγčin emegen bögere alaγ üker-iyen deledüged, ödterken negükü bolγan, tergen-ü tenggeli χuγuraǰu odbai. Tenggeli-ben χuγuraγdaǰu yabuγan-iyer oi-dur kürčü droya kemeldütele, daručan mön čerigüd Belgütei-yin eke-yi sundałaγulǰu χoyar köl-i inu čerbeǰigülǰü kürčü ireged: «Ene tergen dotura yaγun bui? kemebe. Χonoγčin ögülerün: «Ongγasun tegeǰü amu!» kemebe. Tede čerigüd-ün aχa-nar inu ögülerün: «Degüü-ner köbegüd, bayuǰu üǰetkün!» kemebe. Degüü-ner köbegüd anu bayuǰu, tergen-ü χaγałγa negebesü, dotura inu χatun kümün sayun aǰu, tergen-eče čirčü bayulγaǰu, χonoγčin emegen χoyar-i sundałaγulǰu abuγad.

§ 102. Tömüǰin-ü χoyina Burχan-γalduna γurbanta χučiγulǰu (dobtulǰu), erüsün (iłaγad) yadaba. Eyin-teyin bolǰabašu (kügebesü), embü šibar, berke oi inu čadχułang moγai širγubasu ülü bołχu berke oi-šiγui bülüge. Χoyina-eče inu daγaǰu erüsün yadaǰuχui. Tede γurban Merkid kemebesü. Uduyid-Merkid-ün Toγtoγa, Uas-Merkid-ün Dayir-Usun, Χaγad-Merkid-ün Χaγatai-Darmała, ede γurban Merkid erten-ü Ögelen-eke-yi Yeke-Čiledüeče buliyaǰu abułuγa kemen, edöge tere öšil öšin iregsen aǰuγu. Tede

Merkid ögülerün: «Ögelen-i ači aburan, edöge ami-yi anu ebüges-ečiges-ün ači-yi abubai bide!» kemeldüjü, Burχan-γalduna-eče bayuju, gertüriyen χariba. Tede Börte-üjin-i Čiledü-yin degüü, Čilgir-bökö-de asarayulba.

§ 103. Tömüjin tende: γurban Merkid mayad buyu. Gertüriuen χaribasu esebesü kemen, χoyina-eče Belgütei, Boγurči, Jelme γurban-i γurban χonoγ daχulju Merkidi kügelgejü, Tömüjin Burχan-γalduna degere-eče bayuju, ebčigü-ben mögülidčü, ögülerün: χonoγčin eke-yi

«Solongγa boljju
Sonusχu-yin tula,
Üne boljju
Üjekü-yin tula,
Büdün beye buruγudun
Bökiye mör-tü
Buγu-yin orum orumlaju
Buryasun ger gerlen
Burχan-γalduna degere γarulуγa bi.

* * *

Xaγča amin-iyen χayiralan,
Xara mörtü,
Xandaγai-yin orum orumlan
Xalγasun ger gerlen
Γalduna degere γarba bi

* * *

Burχan-γalduna
Bögesün-ü tedui amin-iyen
Boljiγuldaba.
Γalduna-Burχan-a
Xariyačin tedüi amin-iyen
Xalχalaγdaba bi.

Edöge Burχan-γaldun-i manaγar büri maniyasun, üdeši büri ujesügei! Uruγ-un uruγ-a minu uχatuγai!» kemen, naran esergü-büse-ben küjugün-degen elgüjü, malaγai-yi γat-tur-iyen segeldüjü, γar-iyen ebüdüg-tür-iyen daruju, γalduna jüg yisün-te sögüdčü, öčin sačuli sačuba.

III

§ 104. Tedüi keleleǰü (kelelčiǰü), Tömüǰin, Xasar, Belgütei γurbaγula Kereyid-ün Ong-χan-dur Tuγulan-mören-ü χara-tün-e (šiγui) büküi-dür odcu ögülerün: «Γurban Merkid genen büküi-dür ireǰü, eme köbegüd-i minu daγuliǰu odba. Xaγan ečige minu aburaǰu, eme köbegüd-i ködeljü negülgeǰü ögtügei kemen irebe bi!» kemebesü, tere öge-yin χariγu Toγorił Ong-χaγan ögülerün: «Bi urida čimadur ese-kü ögülelügei-üü? Bułγan daχu abču irerün, ečige-yin čaγ-un anda kemeldügsen ečige minu buiǰa! kemen, emüskel emüskegdebesü, tende bi ögülerün:

Bułγan daχu-yin činu χariγu
Butaraγsan ułus-i činu
Bütügeldüǰü ögsügei!
Xara bułγan daχu-yin činu χariγu
Xaγačaγsan ułus-i činu
Xamtudχaǰu ogsü, kemen
Čegere (ǰeger-e)-yin čegeǰin,
Bögere-yin (taułai) bögsen-dür atuγai!

ese-kü kemelügei-üü bi? Edöge tere ögen-dür-iyen kürčü, —

Bułγan daχu-yin činu χariγu
Bügüde Merkid-i büreltele aγułǰu,
Börte-üǰin-i činu nekegülǰü ögsü!
Xara bułγan daχu-yin činu χariγu
Xamuγ Merkid-i γałdačiju,
Xatun Börte-yi činu
Xariγułǰu abču iresü bide!

Či J̌amuχa 'degüü-de kele! geǰü ilegebe. J̌amuχa degüü (edöge) χorχoγ-jigür-e buiǰa. Bi endeče χoyar tümen bołǰu ǰegün γar bołun moriłasu. J̌amuχa degüü tendeče χoyar tümen bołǰu, baraγun γar bołun moriłatuγai Bidan-u bołǰaγa J̌amuχa degüü-deče bołtuγai!» kemebe.

§ 105. Tedüi Tömüǰin, Xasar, Toγorił-χaγan-eče χariǰu ireǰü, gertür-iyen kürčü, Tömüǰin J̌amuχa-dur Xasar Belgütei χoyar-i ilegerün, J̌amuχa anda-dur kürčü ogüle kemen ögüleǰü ilerün: «Γurban Merkid ireǰü, —

Örö-ben oγtaryu (ebedkü) bolba bi.
Ömeg nigeten bušuγu bide.
Ösil-iyen ker öšiku bide?
Ebür-iyen emteldebe bi.

Eligen-ü uruγ busuγu bide,
Ači-yuγan ker abχun bide?»

kemeǰu, J̌amuχa-da ögüleǰü ilegegsen öge edüi buyu. Basa: «Kereyid-ün Ong-χaγan-u ögülegsen öge-yi J̌umuχa-da ilegerün, erte edür Yisügei-χaγan ečige inu tusa sayin kigsen-i sedkiǰü, bi χoyar tümen bolǰu, baraγun γar bolun moriłasu. J̌amuχa degüü-de keleleǰü ilege. J̌amuχa degüü χoyar tümed ǰegün γar bolun moriłatuγai. Xamtudχu bolǰaγa J̌amuχa degüü-dece bołtuγai!» kemebe. Kemebesü, ede öges-i daγusχan baraǰu, J̌amuχa ögülerün: «Tömüǰin anda-yin—

Örö oγtaryu (ebedkü) bołba kemen medeǰü,
Örö minu ebedbe.
Ebür emteribe kemen medeǰü,
Elige minu ebedbe.
Öšil-iyen öšin,
Uduid, Uγas Merkid-i ülitkeǰü,
Üǰin-Börte-yi aburaya!
Xamuγ Asaγ-un Merkid-i γałdačiǰu,
Xatun Börte-üǰin-i
Xariγułan aburaya,
Ači-yuγan aburan, edöge
Gölme dabšiχui dur,
Kenggerge-yin daγu bołγaǰu,
Kökedeg Toγtoγa Buγura-keger-e buiǰa.
Xoi tayibalǰuχui-dur
Dayičigči Dayir-Usun
Iren Selengge χoyar-un ǰaγura
Du šiχa (ǰiχa)-da
Tałun-aral-a (ködege) buiǰa.
Xamχaγułsun geyiskui-dür
Xara oi temečegči
Xaγatai Darmała edöge
Xaraču keger-e buiǰa.
Edöge bide dötülen,
Kiłχu-mören oruǰu,
Saχał bayan ese atuγai!
Sał uyaǰu oruya!
Tere kökedeg Toγtoγa-yin
Erüke degere inu oruǰu,

Ergin egede inu
Émbürü dayariju,
Eme köbegüd-i inu
Ečültele ayuluya!
Xutuγ egede inu
Xuγuru dayariju
Xotala utus-i inu
Xoγosun bołtała ayułuya».[1]

§ 106. Jamuχa basa ögülerun: «Tömüjin anda, Toγoril-χaγan aχa χuγar-a ögüle kemen ögülejü ilegerün:

Xarayatu tuγ-iyen sacuba bi.
Xara buχa-yin arasun-iyer
Bürigsen bürkiren bükü,
Dayutu kenggerge-ben deledbe bi.
Xara χurdun-iyen unuba bi.
Xataγu degel-iyen emüsbe bi.
Xatan jida-ben bariba bi.
Xadχuratu sumu-ben ödülebe bi.
Xałaγun-Merkid-tur
Xadχułdun moriłaya
Edöge böged kemen ögüle!

* * *

Urtu χarayatu tuγ-iyen saċuba bi.
Üker arasun-iyer bürigsen
Ödken dayutu kengerge-ben deledbe bi.
Oroγ χurdun-iyen unuba bi.
Ötege sütü χuyaγ-iyen emüsbe bi.
Ükertü ildü-ben bariba bi.
Onitu sumu-ben oniłaba bi.
Uduyid-Merkid-tür
Ükülduye bi böged kemen ögüle!

* * *

«Toγorił-χaγan aχa moriłarun, Burχan-γałdun-u ebür-iyer Temüjin-anda-yi ta Onan-mören-ü terigüne, Botoγan Boγurji-da bołjaγał (bołjiya) tende bołtuγai! Bi endeče Onan-mören ögede Botoγan-boγurji-da bołjaγał γajar-a neyileldüye!» kemeü ögülejü ilegebe.

§ 107. J̌amuχa-yin ede öges-i inu Xasar Belgütei χoyar Tömüǰin-e ögüleǰü, Toγoriɬ ong-χaγan-a kürgebei. Toγoriɬ-χaγan J̌amuχa-yin ede öges-i kürgegülüged, saca χoyar tümed moriɬabai (χoyar tümen čerig-üd). Toγoriɬ-χaγan moriɬarun, Burχan-γaɬdun-u ebür Kerülen-ü Bürgi-ergi ǰorin ayisui kemen, Tömüǰin Bürgi-ergi-de bürün, mör-tür bui kemen, ǰayiɬaba. Tünggelig ögede negüǰü, Tas-γoroχan-a Burχan-γaɬdun-u ebür-e baγuǰu, Tömüǰin tende čerig egüskeǰü, Toγoriɬ-χaγan-u J̌iχa-Kambu nigen tümen, Toγoriɬ-χaγan nigen tümen Kimuryχa-γoroχan-a Ayɪɬ-χara-da baγuǰu büküi-dür, neyilen baγubai.

§ 108. Tömüǰin, Toγoriɬ-χaγan, J̌iχa-Kambu γurbaγuɬa χamtudču, tendeče ködeljü, Onan-u terigün Botoγan-baγurǰida kürbesü, J̌amuχa boɬǰaɬ γaǰar-a γurban edür urida kürčükü. J̌amuχa ede Tömüǰin, Toγoriɬ-χaγan, J̌iχa-Kambu tan-u čerig-üd-i üǰeged, J̌amuχa χoyar tümen čerig-iyen ǰasaǰu bayiǰuχui. Ede ber Tömüǰin, Toγoriɬ, J̌aχa-Kambuu tan čerigüd-iyen ǰasaγad-kü moriɬan, ǰiči neyileldüǰü taniɬduǰu J̌amuχa ögülerün:

«Boruγan ber bögesü —
Boɬǰaγaɬ (boɬǰiyan)-dur,
Xura ber bögesü
Xuraɬ-dur buu χoǰidaya!»

«Esegü kelelügei-üü (kemen ese kelebei-yu) bida? Mongγoɬ ja andaγartan busu-γu (bišiyu)? Xoǰidaγsan-i ǰerge tede γarγaya kü (kemen) esekü kemelügei-üü?» kemebe. J̌amuχa-yin ene öge-dür Toγoriɬ-χaγan ögülerün: «Boɬǰaγaɬ γaǰar-a γurban edür χoǰid boɬba! kemen γutuγuɬχu (doroyidaγuɬχu)-yi čimarɬaχu (buruγušiyaχui)-yi J̌amuχa-degüü medetügei!» kemebe. Boɬǰaγaɬ-un čimar (jime) edüi boɬγan ögüleldüǰü,

§ 109. Botoγan-boγurči-deče ködeljü, Kiɬχu-mören-e kürčü saɬ uyaǰu getülüged, Buγura-keger-e Toγtaγa-beki-yin erüke degere-eče —

Ergin egede inu embürü dayariǰu,
Eme köbegüd-i inu
Ečültele dayulibai.
Xutuγ egede inu
Xuγuru dayariǰu,
Xotaɬa uɬus-i inu
Xoγosun boɬtaɬa dayulibai.

Toγtaγa-beki-yi kebtege bögetele kürküi bülüge. Kiɬχu-mören-e bükün ǰiγasučin, buɬγačin, görügečin taɬbiγsan tere ǰisun ǰaman (edür) söni dülin odčuχui. Tere-kele kürgegülüged, Uduyid Merkid-ün Toγtaγa-beki, Uas-

Merkid-ün Dayir-Usun χoyar χamtudču, Kilengge Selengge uruγu čöken heyes-iyen dutaγan buruγudčuχui.

§ 110. Merkid ulus Kelkei uruγu söni-de dörbejü yabuχui-dur, biden-ü čerig-üd dörbejü yabuχun Merkid-i söni-de kü daγulin (dobtułun) tałan yabuχui-dur, Tömüjin dörbejü ayisuχun irgen-dür: «Börte, Börte!» kemen daγudaju yabuχuĭ-dur učiraju Börte-üjin tede dörbegüljin irgen-dür bükü, Tömüjin-i daγu sonusču taniju, tergen-eče baγuγad güyijü irejü, Börte-üjin, χonoγčin χoyar Tömüjin-i jiłuγa čułbuγur-eče barijuχui. Saraγur (edür) bülüge. Üjebesü, Börte-üjin-i taniju teberiłdün jołγałdubai. Tende Tömüjin ber Toγorił-χaγan Jamuχa χoyar-a mön söni böged, ögülejü ilerün: «Erikü kereg-iyen ołba bi. Söni buu düliye! Ende baγuya!» kemejü ilegebei. Merkid-ün dörbijü ayisuχu-yi söni-de sandurču jaγura mön tende baγuju χonubai. Börte-üjin eyin jołγałduju, Merkid-eče abuγsan yosun eyimü buyu.

§ 111. Terigün urida Uduyid-Mekid-ün Toγtaγa-beki, Uaas-Merkid-ün Dayir-Usun, Xaγad-Merkid-ün Xaγatai-Darmała ede γurba Merked ekilen γurban jaγun aran (kümün): edür-iyer Toγtaγa-yin degüü Yeke-Čiledü-eče Yisügei-Baatur Ögelen-i buliyaγdaju abdałai (buliyaju abubai) kemen, tegün-i öšil (öšiye) ačiran (abura) odču, Tömüjin-i Burχan-γałduna-da χočiyułχui (dobtułun kügeküi)-dür, Börte-üjin-i tende örüsčü (barijn), Čiledü-yin degüü Čilger-böke asaraγułuγsar ajuγu. Tere asaraγsabar anu Čilger-böke dayičiju γarun ögülerün:

«Xara keriye
Xalisu körisü
Idekü yosutu bögetele,
Xałaγun toγuruγud-i
Idesü kemen
Jasan ajuγu.
Xatar maγu Čilgir,
Xatun-üjin-dür
Xałaχu bołun
Xamuγ Merkid-e buruγu bołba.
Xaraču maγu Čilgir
Xara terigün-düriyen kürtekü bołba.
Γaγčaχan amin-iyen χorγułan,
Γarsu, χabčil-a širγusu!
Xałχa-da bołdaχuyu (bołumuyu)?
Xuładu-maγu šibaγun

Xuɫuγuna küčügüne
Idekü ǰayaγatu bögetele,
Xun-toγuraγud
Idesü kemen ǰasan aǰuγu.
Xoyar maγu bi Čilgir
Xutuγtai sutai üǰin-e
Xoričaǰu irekü boɫun,
Xotala Merkid-e buruγu boɫba.
Xokir maγu Čilgir,
Xokimai terigün-dür-iyen
Kürtekü boɫba bi.
Xoγosun-u (χuγursun-u) tedü i amin-iyen χoriγad,
Xoryatu χarangχui χabčil-a širγun daɫdalasu!
Xoγosun-u tedüi amin-i minu
Xorin ken-ele buɫχayu (buɫχamu)!»

kemeged dayiǰin dutaγaǰu;

§ 112. Xaγatai-Darmaɫa-yi erüsbe. Xoɫčirtu χabtasun baγu emüskeǰü γaɫdačaǰü yorčiγuɫbai (yabuγuɫbai). Belgütei eke-yügen abura odču, gertür inu baraγun egüde-ber oroχui-ɫuγa, eke inu nabtarχai nekei debeltei. ǰegün egüde-ber γaruγad, busu kümün-e ögülerün: «Köbegüd minu χad boɫǰuχu kemegdemüi. Bi ende maγu kümün-dür učiraǰu amu. Köbegüd-iyen čirai ker üǰekü?» kemeged, güyǰü šiγui oi-dur širγuǰuχui. Tedüi ese oɫdaɫuγa. Belgetei Noyan Merkidtei-yin kümün-i üǰebesü: Eke-yi minu abču ire! kemeǰü γodalidχu bülüge (oɫan-a dayurisχaba). Burχan-γaɫduna-dur χučiɫduγsan (dobtuɫuγsan) γurban ǰayun Merkid-i uruγ-un uruγ-a kürtele ünesü-ber keyisken ülidkebei. Ülegsen eme köbegüd-i anu ebüridkü (asaraχu) metüs-i ebüridbei. Egüden-dür saγuɫγaχun metüs-i egüden-dür-iyen oruγuɫbai.

§ 113. Teγoriɫ-χaγan J̌amuχa χoyar-i Tömüǰin biširen ögülerün: «Xaγan ečige minu J̌amuχa-anda χoyaγuɫa nökučegdeǰü, Tngri γaǰar-a küčü auγa nemegden, —

Erketü Tngri-de nereyidču,
Eke Etügen-e kürgeǰü,
Ere neretü Merkid irged-i
Ebür ba anu oγtaryu (ebečitü) boɫγabai.
Aliba (Elige?)anu emtelbei bide.
Örö ba anu oγtaryu (ebečin) boɫγabai

Üruγ-un ba kümün-i ülidkebei bide.
Üligsen-i ba anu arbiłabai bide!»

Merkid irgen-i tedüi busangγaǰu (talχa bołγaju), ičuya (χariya) kemeldübei.

§ 114. Uduyid Merkid dörberün, bułγan małaγatu, marał-un γodun γutułtu, ilgen jaryas usun-u χaliγun χaliγułuγsan (köbeglegsen) degeltü, tabun nasutu, Küčü neretü, nidündür-iyen γałtu köbegüken-i biden-ü čerig-üd nutuγ-tu χočoraγsan-i oǰu abčiraǰu (abču). Ögelen-eke-de sauxa (teǰiye) kemen ögbe.

§ 115. Tömüǰin, Toγorił-χaγan, J̌amuχa γurbaγuła χamtudču, Merkid-ün

Čoryan ger coγuriłaǰu
Čoγ eme köbegüd-i arbiłaǰu,

Orχon Selengge χoyar-un Šinei (kiχa) talχun (tała) arał (ködege)-eče ičurun (χaribai), Tömüǰin, J̌amuχa χoyar χamtudču, Xorχoγ-ǰibur ǰorin ičubai. Toγorił-χaγan ičurun, Burχan-γałdun-i γarubai. Ükertü-jibur dayarin, Nuγuratu ebe-yin Uliyatu-χabčił dayarin, göröged-i inu abałaγad, Tuγuła-yin χara-tün (šiγui) ǰorin ičubai.

§ 116. Tömüǰin J̌amuχa χoyar Xorχoγ-ǰibur-a neylen baγuǰu, erten-ü anda bołułčaγsan-iyen duradułčan, tungχuduldun (bołχuγ-a ögülen) amurałduba. Angχa urida anda bołułčarun, Tömüǰin arban nigen nasutai büküi-dur, J̌amuχa χuraltuγ šaχai Tömüǰin-e ögčü, Tömüǰin-ü činggeltügtü nayadun-dur anu) šaχai-ber anda bołułčaju, Onan-u mösün-dür šaχałčaχui-dur, tende anda kemeldülüge. Tegün-ü χoyin-a χabur alanggir numutan χarbałałdun (temečeldün) büküi-dür, buγu-yin eber-iyer egüdügsen dayutu yor-iyen (numun-iyen) Tömüǰin-e ögčü, Temüǰin-ü arča mangγai tu γoduli araǰiłduǰu andałałdubai. Nögöge-de anda kemeldügsen yosun anu.

§ 117. Urida ötöges-ün andačiłaχui öge sonusču, anda kümün amin nigen ülü tebčildün, amin-u arača (aburał) bołuyu! kemen amarałduχui yosun teyimü buyu. Edöge basa tungγusułduǰu (ögüleldüǰü) amuralduya kemeldüǰü, Tömüǰin Merkid-un Toγtaγa-yi arbiłaǰu (tegečileǰü) abuγsan ałtan büse-yi J̌amuχa-da büselegülbe. Toγtaγa-yin nekekei χaliγuni-J̌amuχa-da oruγułba (ögbe). J̌amuχa χariγu inu Uaas-Merkid-ün Dayir-Usun-i arbiłaǰu abuγsan ałtan büse-yi Tömüǰin-e büselegülbei. Dayir-Usun-i kü ebürtü önegün čaγan-i Tömuǰin-e unuγułba. Xorχoγ-ǰibur-un γooł-da Eger-gün-ü ebür-e saχałγar modun-a anda kemeldüǰü, amurałduǰu χurimłan tayiłan ǰiryałduju, sōni könǰilen-degen χamtu χonułduχun bülüge.

§ 118. Tömüǰin J̌amuχa χoyar amurałdurun, nigen on bołǰu, nögüge on-u ǰarim amurałduǰu tere aγsan nutuγ-eče nigen edür negüye kemeldüǰü

negürün, jun-u terigün sara-yin arban ǰuryan-a uɬayan dergel edür negübe. Tömüǰin J̌amuχa χoyar χamtu tergen-ü urida yabuǰu ayisurun (oduγad), J̌amuχa ögülerün: — Tömüǰin anda!

«Aγuɬa šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-u
Xaɬ čuχa kürtügei!
Ai ǰöb-üü?
Γoɬ šiχam baγuya,
Xoničin χurγačin bidan-u
Xoγoɬay-a kürtügei!
Xoriγ ügei busuγu-uu (bišiyu)?»

kemebe. Tömüǰin J̌amuχa-yin ene öge-yi uχan yadaǰu, sem-iyer bayiǰu χočorču, negüri (negüdel) dumda terged-iyen küliyeǰü, Tömüǰin ber Ögelen eke-de ögülerün: «J̌amuχa anda eyin ögülerun:

Aγuɬa šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-u
Xaɬ čuχa kürtegei!
Ai ǰöb-üü?
Γooɬ šiχam baγuya,
Xoničin χurγačin bidan-u
Xoγolay-a kürtügei!
Xoriγ ügei bušiγu un?

kemen ögülemü. Bi ene öge-yi inu uχan yadaǰu χariγu inu yaγuba ese ögülebe. Eke-deče asaγuya kemen irebe!» kemebesü, Ogelen eke-yi dunggadaγa edüi (ögülekü-yin urida), Börte-üǰin ögülerün: «J̌amuχa anda uyidamuγai kemegden bülüge. Edöge biden-eče uyidχu čaγ inu boɬba. Duγar-un J̌amuχa anda-yin kelelegsen kele biden-dür böged ǰigšikü metü ogë buyu. Bide ende buu bayuya! Ködölegsen-ber šiɬuγuya! Γaγča söni dülin ködölüye!» kemebe.

§ 119. Börte-üǰin-ü öge-yi ǰöbšiyeǰü ülü bayuu, söni dülin ködülǰü ayisuχuidur, ǰaγura mör-tür Tayičiγud-i daγariba. Tayičiγud ber kökiǰü, mön soni ǰöricen J̌amuχa ǰüg ködülbe kü. Tayičiγud-un Besüd-ün nutuγ-tur nigen öčüken Kökečü neretü köbegün-i nutuγ-tur χočoruγsan-i bidan-uχai abču ireǰü, Ögelen-eke-de ögbe. Ögelen-eke ger-tür-iyen teǰiyebe.

§ 120. Tere söni düliǰü, edür geyibesü üǰebesü, J̌aɬayirun Xačuγun-Toχuraγun, Xarχai-Toχuraγun, ede γurban Toχuraγun aχa-nar degüü-ner söni dülildüǰü ayisun aǰuγu. Basa Taryud-un Xadaγan Daɬdurχan aχa-nar

degüü-ner tabun Tarγud ayisun ajuγu. Basa Menggetü Kiyan-u köbegün Öngkür tan Čangšiγud Bayaγud-iyer ayisun ajuγu. Barłas-eče Xubilai-xudus aχa-nar degüü-ner irebei kü. Mangγud-eče J̌etei, Doχołχu-čerbi (törügüü noyan), aχa degüü χoyar irebei kü. Boγurči-yin degüü Egöle-čerbi Aralun-eče χaγačaju, aχa-dur-iyen Boγurči-da neyilen irebei kü. J̌elme-yin degüü Čurχan, Sübegetei-Baγatur Uriyangχan-eče χaγačaju J̌elme-dür neyilen irebei. Besüd-eče Degei, Küčügür aχa degüü χoyar irebei kü. Suldus-eče Čilgütei-Taχai, Tayičiγud-eče aχa-nar degüü-ner irebei kü. J̌ałayir-un Sira-Domoγ, Arχai-Xasar-Bała köbegüd-iyer-iyen irebei kü. Xongχotan-eče Süketü-čerbi irebe. Sükegen-ü J̌egei, Xongdaχar-un köbegün Sükei-ǰegün irebe. Negüdei Čaγan-γoa irebe. Olχonud Dai-Kinggetei. Xorłos-eče Sečegür. Dörben (Dörbed)-eče Moči-Bidügün irebe. Ikeres-un göriged te (görögelen) yabuγsabar irebei kü. Noyakin-eče Jünggei irebei. Oroχar-eče Jiryuγan irebei kü. Barłas-eče Γoa-Sečen, Xaračar köbegüd-lüge-ben irebe. Basa Baγarin-u Xorči-Usun ebügen, Köke-Čos Menen-Baγarin-iyer irebei.

§ 121. Xorči ireǰü ögülerün: «Bodončar Boγda-yin bariju abuγsan eme-deče törügsen ba J̌amuχa-łuγa kegeli nigeten γaγčatan (?) bülüge. J̌amuχa-deče ülü χaγačaχun bülügei bi. J̌aγarin ireǰü nadur nidün-dür üǰügülbei. Xuχuγčin (?) öngge ireǰü, J̌amuχa-yi orčiju (orčin toγorin) yabuju, ger tergen-i inu mörgülüged, J̌amuχa-yi mörgüǰü, örögelen eber-iyen χuγuraju, soljir eber-tü bolju: Eber-i minu ača! kemen, J̌amuχa-yin jüg mörgülen mörgülen, široi sačun sačun bayimu. Xuχa (?) üker yeke ber gerlüge (baraγan-i?) degere ergüǰü (ačiju) köljü jidküǰü, Tömüjin-ü χoyina-eče yeke tergegür-iyer mögüren mögüren ayisurun (iremüi): Tengri γajar neyileǰü, Tömüjin-i Ułus-un Ejen bołtuγai! kemen, Ułus tegeǰü ayisui! kemen, jiγarin nidün-dür üǰügüljü, nadur jiγamu! Tömüjin, či Ułus-un Ejen bołbasu, nama-yi jiγaγsan-u tuła kerkijü jiryaγułχu či?» kemebe. Tömüjin ögülerün: «Unen teyin Ułus medegülbesü, Tümen-ü Noyan bołγasu!» kemebe. «Eligetü (?) törü-yi jiγaγsan kümün nama-yi Tümen-ü Noyan bołγasu yaγun jiryałang bui? Tümen-ü Noyan bołγaγad, Ułus-un γoaγoγas sayin ökid-i abχaγułju, γučin ba emetü bołγa! Basa kelelegsen-i (ögülegsen-i) minu kü sonos!» kemebe.

§ 122. Γoγas (γoa) terigüten Geniges nigen küriye (ayimaγ) irebe. Basa Daritai-odčigin nigen küriye irebe kü. J̌adaran-eče Muχuła-χuχu irebe. Unjin-saγurin nigen küriye irebei kü. J̌amuχa-da-eče χaγačan ködelüged, Kimuryχa-γoroχan-u χaraγa (üǰelde) baγuju büküi-dür, Sečen-beki, Tayiču χoyar nigen küriye; basa Tayiši-yin köbegün inu Altan Xučar-beki nigen küriye; basa Xutała χaγan-u köbegün Altan-odčigin nigen küriye,—

J̌amuɣa-deče χaɣačan ködeljü, Tömüǰin-i Kimurχa-ɣoroχan-u ayilχaraɣa-da baɣuǰu bükü-dür, neyiłen baɣuǰu, tendeče negüǰü Gürelgü dotora Senggür-ɣoroχan-u Xara-ǰirüken-ü Köke-naɣur-tu baɣuǰu.

§ 123. Altan, Xučar, Sečen-beki bükün eyetüleldüǰü, Tömüǰin-e ögülerün: «Čima-yi χaɣan bołɣaya! Čima-yi χaɣan bołɣabasu, —

Ołan dayin (dayisun)-dur
Ayałaǰu aɣułǰu,
Öngge sayin ökid,
J̌indu (tere) ordo ger
Xari irgen-ü
Xačar ɣoa χatun
Xarɣam sayin aɣta
Xatariɣułaǰu abču ireǰü ögsü!

* * *

Oroɣa görögesün-i abałabasu,
Utaraǰu ögsü!
Oyin görögesün-i bederibesü,
Aru aɣudałǰu ɣarɣan ögsü!
Keger-ün görögesün-i
Kegeli inu nigedtele siχaǰu ögsü!
Xabčang šiχam dur inu
Xaɣudał ügei örgügen ögsü!

* * *

Fun-u görögesün-i
Fuya inu nigedtele šiχaǰu ögsü!
Furbi-yin görögesün-i
Xudχułǰu ɣarɣan ögsü bi!

* * *

Xadχulduχui edür anu
Xałχa činu biši bołɣabasu,
Xari-širi-eče manu
Xaɣačaɣułǰu,
Xara terigün-i manu
Xösür-tür-ber gegeǰü od!

* * *

Engke edür
Eye-yi činu ebdebesü,
Eres χara-deče.
Eme köbegüd-eče manu
Erügülǰü,
Eǰen ügei γaǰar-a gegeǰü od!»

Edüi öge barałduǰu, eyin aman ałdaǰu, Degere Möngke Tngri-dür-saċuliben saċuǰu yisün költü caγan tuγ-iyen χadχun bayiγułǰu, ... Činggis-χaγan nere ögčü χaγan bołγabai . . .

§ 124. Činggis χaγan bołuγad, Boγurċi-yin degüü Egölen-ċerbi χoor aγsaba (χorumsaγ, saγadaγ), Xačuχun-Toχuraχun χoor aγsaba. Engkür-Süyiketü-ċerbi, Xadaγan, Dałdurχan γurban ögülerün:

«Manaγar-un undan
Buu meküdegülsügei (dataγułsuγai),
Üde-yin undan
Buu osołdasuγai!».

kemen baγurčin bołba. Degei ögülerün:

«Šineken irebe.
Šilun bołγaǰu,
Manaγar buu meküdegülesü,
Xonoγ-tur buu χoǰidaγułsu?
Ałaγčiγud χonid-i aduγułaǰu,
Xotan dögürgesü,
Xoγołančar maγu bülüge bi,
Xonin adułaǰu
Čaγan miχa idesü!»

kemen, χonin aduγułabai. Degüü inu Küčügür ögülerün:

«Cögürgetei tergen-i činu
Buu cögüdegülsü,
Degesütei tergeni
Tergegür degere buu degedegülsü!»

kemejü, tereču (?) bołbai. «Dödei-ċerbi ger dotura ger-iyin tudχar-i bekelesügei! kemebe. Xubiłai, Čegülgetei, Xarχai-Toχuraχun γurbaγuła Xasarłuγa nige bołun, üldüs

Küčirkegčid-i
Küjügün-i anu kerkigdekün (oγtałutχun),
Omorχoγ-ud-i
Omoriγud-i anu öngeljitkün!»

kemebe. «Belgütei, Xarałdai Toχuraγun χoyar-i

Aγta bariχu
Aγtačin bołtuγai!»

kemebe. Arχai-Xasar, Taχai, Sükei, Čaγurχan dörbegüle-yi:

«Xoła-yin χonočaγ (χonoγ),
Oyira-yin udura (uduridχał, γajarči) bołtuγai!»

kemebe. Sübegetei-Baγatur ögürerün:

«Xułaγana bołju
Xuriyałdusu,
Xara keriye bołju
Γadaγun bükün-i
Xorimałdasu (?).
Nemüriye šejegei (šajaγai) metü
Nemüreleldün suyisuγai.
Geriske (keriye) šejegei bołju
Ger jüg gerisleldün soriyasu!»

kemebe.

§ 125. Tendeče Činggis-χaγan χaγan bołju, Boγurči, Jelme χoyar-a ögülerün: «Ta χoyar nama-yi

Següder-eče busu nökur ügei-dür,
Següder bołju,
Sedkili minu amuγułbai ja ta.
Sedkil-dür atuγai!
Segül-eče busu cüčige ügei-dür,
Segül bołju,
Jirüken-i minu amuγułbai ja ta.
Čegeji dotura minu atuγai!»

«Ta χoyaγuła urida bayiγsan ber sanaju ülekü aχun ta?» kemebe. Basa Činggis-χaγan jarliγ bołurun: Tngri γajar-a küčü nemegdejü ibegegdebesü, ta Jamuχa-anda-eče nama-yi kemen sedkijü nöküčesü kemen iregsed,

öteges öljeyiten nökür minu ülekü bolutχun ta (degedü tedeger nökücel-dügsen arad)!» kemebe. Eyin kemejü jüg jüg-eče tüšibei.

§ 126. Činggis-χaγan-i χaγan boɬγabai kemen Kereyidün Toγoriɬ-χaγan-dur Taχai Sükei χoyar-i elči ilegebe. Toγoriɬ-χaγan ögülerün: «Tömüjin köbegün-i minu χaγan boɬγaχu tanu nai jöb! Ta Mongγoɬ χaγan ügegün ker aχun ta?

Ene eye (jang-iyen)
Buu tayiɬutχun (aɬdaraγuɬuχum)!
Aχa-ben (ber-iyen)
Taryuɬutχun (?).»

kemejü ilegejükü.

IV

§ 127. Arχai-Xasar, Čaγur-χan χoyar-i Jamuχa-dur elči ilegebesü, Jamuχa ögülerün: «Aɬtan-Xučar, Sečen-beki χoyar-a ögüle kemen ögülejü ilegerün: Aɬtan-Xučar, Sečen-beki! Ta χoyar Tömüjin anda bide χoyar-un jaγura—

Sübege sejijü (čičijü),
Xabirγa χadχuju,

yakin χaγačaγuɬba ta? Anda bide χoyar-i ülü χaγačaγuɬun χamtu bükü-dür, Tömüjin anda-yi χaγan yakin ese boɬγabai ta? Edöge yambar ele sedkil sedkijü χaγan boɬγabai ta? Aɬtan-Xučar, Sečen-beki, ta χoyar, ögülegsen öges-tür-iyen kürün, anda minu sedkil-i amuγuɬju, anda-da minu sayitur nökücejü öggütkün!» kemejü ilegejükü.

§ 128. Tegün-ü χoyina Jamuχa-yin degüü Tičar Aɬma-yin ebür-e Ölgei-buɬaγ-a bürün biden-ü Saγari-kegere bükü Joči-Darmaɬa-yin aduγun degermedüre odču, Tičar Joči-Darmaɬa-yin aduγun degermedčü abču odču-χui. Joči-Darmaɬa aduγu-ben degermedčü odduju, nökūd-iyen jirüke yadaγdaju, mön Joči-Darmaɬa nekejü odču, söni aduγun-iyen kijaγar-a kürčü, morin-iyen del degere elige-ber-iyen kebtejü kürčü, Tičar-un niruγun-i χuγura χarbuju aɬaγad, aduγu-ben abuγad irejükü.

§ 129. Degüü-ben Tičar aɬaγdaɬa kemen, Jamuχa terigüten Jajiran arban γurban χari nökücejü, γurban tümen boɬju, Aɬaγud-turχaγud-iyer dabaju, Činggis-χaγan-dur moriɬaju ayisui kemen, Ikeres-eče Möleke-totoγa, Boroɬdai χoyar Činggis-χaγan-i Gürelgü-de bükü-dür kelen kürgen irejükü. Ene kelen (öge-yi) medeged, Činggis-χaγan arban γurban küriyed (ayimaγ) bülüge. Γurban-kü tümed boɬju, Jamuχa-yin esergü inu moriɬaju,

Dałan-bałǰud-a bayitduǰu, Činggis-χaγan J̌amuχa tan-i ködelgegdejü, Onan-u Čaryan-χabčiγay-a χorobai. J̌amuχa ögülerün: «Onan-u Čaryan-χabčiγaẏ-a χorobai bide!» Ergiǰü χarirun kemeged, Činos-un köbegüd dałan toγon-dur bučałaǰu, Negüdei-Čaγan-γoba-yin terigün-i inu oγtałǰu, morin-u segül-dür čirčü odbai.

§ 130. J̌amuχa-yi tendeče χariγułuγad, Uruγud-un J̌určidai Uruγud-iyen uduriduγad, Mangγud-un Xuyildur Mangγud-iyen uduriduγad, J̌amuχa-eče χaγačaǰu, Činggis-χaγan-dur irebei. Xongχatan-u Menlgig ečige J̌amuχa-da aǰu, dołuγan köbegün-lüge-ben irebei. Činggis-χaγan öber-tür-iyen ułus irebei kemen bayasču, Ögelen-üǰin, Xasar, J̌ürken-ü Sečen-beki, Tayičutan bügüde eyetüldün ǰöbsiyeldüǰü, Onan-u tün-dür χurimłaya kemeldüǰü χurimłaχui-dur, urida J̌ürken-ü Sečen-beki Tayičutan Ögelen-eke terigülen Činggis-χaγan-i jałaba. Törül törügsen biden-ü öbere bisi, nigen bile. Maγu maγu-ber yabuχu buyu? geǰü jałaχui-dur, Ögelen-eke ǰarliγ bołba: «Xoortan dayisun čöken, χooratu moγai-yi narin geǰü buu sana, itegel ügei sereltei bui!» Kemebesü, Boγda Ejen ǰarliγ bołba: «Xabutu Xasar, či saγadaγ χadaγałan, Böke Belgetei či ǰasaγuł bai! Xačuχu či mori χadaγała, oyitu Odčigin či minu dergede saγu! Yambar ba üyile medege-ügei buyu!» Geǰü ǰarliγ bołba. J̌urken maγu sedkiǰü nüke uχuǰu, degere inu esegei debisügsen aǰuγu. Ejen esegei-yin dumda saγuχuya ǰabduγsan-dur, Odčigin Ejen-ü beye-eče tataγad, debisker-ün ǰiχa-du saγułγaba. Činggis-χaγan-a, Ögelen-üǰin-e, Xasar γurban-a Sečen-beki nigen düsürge düsürčüküi. Basa Sečen-beki-yin öčüken eke Ebegey-e terigülen nigen düsürge düsürkü-yin tuła, Xorijin-χatun, Xuγuγčin-χatun χoyar: «Mana ülü terigülen ker düsürüyü?» kemen, baγurči Čikürči-yi askiǰiγu. Baγurči Šikürči ögülerün: «Yisügei-Baγatur, Nekün-tayiši χoyar-i ügei-yin tuła eyin askiγdaχu minu yaγun?» kemeged, yeke daγu-ber uyiłaǰuχui.

§ 131. Tere χurim-i biden-eče Belgütei ǰasaγad, J̌ürkin-eče Büri-böke tere χurim-i ǰasan bülüge. J̌ürken-eče nigen eme kümün duγułǰu ireged, ǰöbdeki döröge-yi oγtałǰu abču odχu-yi Belgütei üǰeged, tere eme-yin köl-i inu χuγu tašiǰu orkiba. Tendeče Büri-böke tere χułaγaiči-ben ömögeren, Belgütei-lüge nasuda abułdarun (nočołałdubai), Belgetei baraγun χančuban mültüljü, ničügün yabuχu bülüge. Tere mültülügsen ničügün mörü inu Büri-böke ildü-ber χaγa čabčiǰuχui. Belgetei teyin čabčiγdaǰu bögetele, yaγun-a ber ülü bołγan, ülü senggeren, čisun čuburiγułǰu yabuχu-yi Činggis-χaγan següder-tür saγuǰu χurim dotura-eče üǰejü, γarču ireǰü ögülerün: «Ker eyin kigden bülüge». kemekü-dür, Belgütei ögülerün: «Manaγar edürei čabčiγsan bülüge. Minu tułada aχa degüü-dür eyetüldün büküi-dür bütügei (buu üyiled)! Bi ülü alǰiχu, iłaγari bui!» kemebei.

§ 132. Belgetei tedüi idχabasu ülü bołun, modun-u gešigün-i χuγura tatałaju, itügesün bülegür čuγučiju abču askiłałduju, Jürken-i iłγaju, Χuγuγčin-χatun, Xorijin-χatun χoyar-i buliju abubai ..... Tegün-ü χoyina teden-i teyimü öge bayiłuγa. Jürken jiči mön jokiłduya kemeldüjü, Χuγuγčin-χatun, Xorijin-χatun-i ičuγču (dakiju) jokiłduya kemen, ičuχu nigečileldün (?) jokiłdun büküi-dur, tere učira Kitad-un irgen-ü Ałtan-χaγan Tatar-un Meküjin-Segültü-yi eye-dür-iyen ülü oruγdarun (ese orubai kemen), Onggiyan-čingsang-i čerigüd-iyen buu saγara! kemejü ilegdejükü. Onggiyan-čingsang Meküjin-Segültü terigüten Tatar-i Ułja jorin, aduγu idegens elte-yi türijü ayisui kemen medebei. Tere kelen-i medeged,

§ 133. Činggis-χaγan ögülerün: «Erte edür-eče Tatar irgen ebüges ečiges-i baraγsan östen kisten irgen bülüge. Edöge ene χanałγa-dur χabsaya bide!» kemeged, Toγorił-χaγan-dur elči ilegerün: «Ałtan-χaγan-u Onggiyan-čingsang Tatar-un Meküjin-Segültü terigüten tedeger Ułja ögede türijü (kürčü) ayisui kememüi. Ebüges ečiges-i biden-i baraγsan Tatar-i χabsaya bide! Toγorił-χaγan ečige ödter iretügei!» kemen kelen kürgen elči ilegebei. Kelen kürgegülüged, Toγorił-χaγan ögülerün: «Köbegün jobl keleju ilegejükü! Xamsaya bide!» kemeged, γutaγar edür čerig-iyen čuγulγaju, čerig egüskeju, Toγorił-χaγan ödterlen irejü, Činggis-χaγan, Toγorił-χaγan χoyar Jürken-ü Sečen-beki Tayiču terigüten Jürken-e keleleju ilegerün: Erte edür-eče ebüges ečiges-i biden-ü baraγsan Tatar-i edöge ene χanałγa-dur χamsaya, χamtu moriłaya! geju ilegejükü. Jürken-i iregdekü-eče (iremü kemen) jirγuγan edür külčeju (küliyen) yadaju, Činggis-χaγan, Toγorił-χan χoyar χamtu čerig egüskejü, Ułja uruγu Onggiyan-čingsan-łuγa χamsan ayisuχui-dur, Ułja-yin χošiγun-du Šitügen Naratu šitügen-e Tatar-un Meküjin-Segültü Tatar tende χaraγa barijuχui. Činggis-χaγan, Toγorił-χaγan χoyar χorγołaγsan Meküjin-Segültü-yi tende ałaju, mönggün ölegei tanatu könjile-yi inu Činggis-χaγan tende abułuγa.

§ 134. Meküjin-Segültü-yi ałaba kemen, Činggis-χaγan Toγorił-χaγan χoyar Onggiyan-čingsang-un esergü odbai. Onggiyan-Čingsang Meküjin-Segültü-yi ałajuχui kemen medejü, maši bayasču Činggis-χaγan-a čaγ-un törü nere ögbe. Kereyid-ün Toγorił-χaγan-a Ong nere ögbe. Onggiyang-čingsang-un nereyidügseber tendeče (tegün-eče) bołbai. Onggiyan-čingsan ögülerün: «Meküjin-Segultü-yi χabsaju ałaγsan tanu Ałtan-χaγan-a öčimüi bi. Egün-eče yeke nere inu Tao nere ögkü-yi Ałtan-χaγan medetügei!» kemebe. Onggiyan-čingsang tendeče tedüi bayasču ičuba (χariba). Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar tende Tatari tuliju (tegši) χubiyałduju abułčaju ger-tür-iyen baγubai.

§ 135. Naratu-šitügen-e bayuγsan nutuγ-tur dayuliχui-dur (bayiłduχui) nigen öčüken köbegüken-i biden-ü (manu) čerig-üd nutuγ-eče ołju, ałtan egemeg dörbeljitü, daji toryan bułγan-iyer dotorłaγsan eligebčitü köbegün-i abči ireju, Ögelen-eke-de sauχa (asara) kemen ögbe. Ögelen-eke ögülerün: «Sayin kümün-ü köbegün ajuγu ja! Nökür sayitu kümün-ü uruγ bui ja!» Tabun köbegün-degen degüü jiryuduγar köbegün bołγan, Šigiχutuγ kemen nereyidčü eke asaraba.

§ 136. Činggis-χaγan-u ayuraγ Aryalitu- nayur-tur bülüge. Ayuraγtur χočoroγsan tabun aran-i (kümün-i) χubčin (degeremčin) tonojuχui. Arban aran-i ałajuχui. Jürken-e teyin kigdebei, kemen, biden-ü ayuruγtur χočoroγsad Činggis-χaγan-a jiγabasu, ene kelen (ōge) sonosuγad ayimaγ ču (?) kilinglen ögülerün: «Ker eyin kigden bülüge bide? Onan-u tündür χurimłaχui-dur, Belgetei-yin mörü mön kü čabčibai. Jokiłduya kemebesü, Xuγuγčin-χatun, Xorijin-χatun χoyar-i ičuγaju ögbe (χariba?). Bide tegün-ü χoyina erten-ü östen kisten biden-ü ečiges ebüges-i baraγsan Tatar-i χabsan moriłaya kemen, Jürken-i jiryuγan edür küličejü (küliyejü) ešekü iregdebei (irelüge). Edöge dayisun basa dayisun-dur šiχan, dayisun mön-kü bołuyu!» kemeged, Činggis-χaγan Jürken-dür moriłaba. Jürken-i Kerülen-ü Ködöge-arał-un Doluγan-Bołdaγ-ud-ta bükü-dür, Jürken-i dayulibai. Sečen-beki Tayiču χoyar čöken beyes-iyen dutaγabai. Xoyina-eče anu nekejü, Teltü amsar-a güyičejü, Sečen-beki Tayiču χoyar-i baribai. Činggis-χaγan Sečen-beki Tayiču χoyar-a ögülerün: «Erte edür bide yaγu kemeldülüge?» kemebesü, Sečen-beki Tayiču χoyar ögülerün: «Ögülegsen ögen-dür-iyen ese kürbe, öge manu kürge!» kemeged, öges-iyen mederejü tüšijü ögbei. Öges-i anu mederegüljü, mön tende gebei (ałabai).

§ 137. Sečen-beki Tayiču χoyar-i bütügeged (ałaγad) χariju, Jürken irgen Telketü-Bayan-u köbegün Γoba, Čiłaγun-χayiču, Jebege tede jürkendür ajuγu. Γoba, Muχali Buχa χoyar köbegün-iyen ayułju, ögülerün:

«Bosuγa-yin činu
Boγoł bołtuγai!
Bosuγa-deče činu
Bołjibasu,
Borbi anu oγtał!
Egüden-ü činu
Emčü boγoł bołtuγai!
Egüden-eče činu
Eyilbesü,
Eliged anu
Edkejü getkün!»

kemejü ögbe. Čiłaγun-Xayiču, Tüke-Xasar χoyar köbegüd-iyer-iyen basa Činggis-χaγan-dur aγułjaju, ögülerün:

«Ałtan bosuγa-yi činu sakiju
Atuγai kemen ögbei bi.
Ałtan bosuγa-deče činu
Anggida odubasu,
Amin inu tasulju getkün!
Egüden-i činu
Ergüju ögtügei kemen ögbei bi.
Örgen egüden-eče činu
Öbere odubasu,
Örö inu nitulju getkün!»

kemen, Jebege-yi Xasar-a ögbei. Jürken-ü nutuγ-eče Boroγuł neretü öčöken köbegün-i Jebege abču ireju, Ogelen-eke-de ögbe.

§ 138. Merkid-ün nutuγ-eče ołuγsan Küčü neretü köbegün-i, Jürken-ü nutuγ-eče ołuγsan Boroγuł neretü Köbegün-i, Besüd-ün nutuγ-eče ołuγsan Kökečü neretü köbegün-i, Tatar-un nutuγ-eče ołuγsan Šigi-χutuγtu neretü köbegün-i—ede dörben-i ger dotura tejiyeyrün Ogelen-eke asaraba. Köbegüd-tegen edür üjekü-yin nidun, söni sonosχu-yin čikin boł'γayu! kemen, ger dotura tejigebei.

§ 139. Ede irgen-ü yosun Jürken bołurun, Xabuł-χaγan-u dołuγan köbegüd-ün aχa angχa Okin-Barχaγ bülüge. Köbegun inu Čorχatu-Jürki bülüge. Xabuł-χaγan-u köbegüd-ün aχa kemejü irgenükei dotura-eče iłγaju

Eligen-dür sülsütü,
Erekei-dür ončitu,
Aγuški dügüreng jirüketü,
Aman dügüreng aγurtan,
Eres tutum erdemten
Böke kučüten-i iłγaju ögčü,

aγurtan, kilingten, omoγtan, jorkimaγ kemegdekü, teyimü-teyimud, eyimü-eyimüd omoγtan irgen-i Činggis-χaγan ere-yin ere törüjü doroyidaγułju, Jürken omoγtan-i ülidkebei (doroyidaγułbai). Tere ułus-i inu Činggis-χaγan öber-ün ömču irgen (dotuγadu) boł'γabai.

§ 140. Nigen edür Büri-böke-yi uriju, Belgetei χoyar-i abułduγułuya (bariłduγułuya) kemebei. Büri-böke Jürken bülüge. Urida Belgetei-yi örögelen γar-iyer bariju, örögelen köl-iyer tuyidču unaγaju ülü ködelgen daruχu bülüge. Büri-böke ülü iłaγdaχu kümün unaju ögbe. Belgetei darun

yadaju möridejü sayari (kōl) degere γarču, Belgütei kinčas kijü Činggis-χaγan-i üjeküi-lüge, Činggis-χaγan ilükei (bebekei)-ben jaγuba. Belgütei unan odχui degere inu aγtałaju (bayitała), χoyar aχa inu solbin tataju ögču, niruγun inu obüdügleju χuγułju ałaba. Büri-böke niruγun-iyen χuγuraju ögülerün: «Belgütey-e ülü iłaγdaxu bülüge. Xaγan-eče ayuju aryadan unaju ariyaχu (emiyekü) bołun, amin-dur-iyen kürtebe bi!» kemeged ükübe. Belgetei niruγun inu χuγura tataju, čirču orkiγad yorčiba. Xabuł-χaγan-u dołuγan köbegüd-ün aχa Ökin-Baraγ bülüge. Udaγadu (ded) Bartan-Baγatur bülüge. Köbegün inu Yisügei-Baγatur bülüge. Tegün-ü udaγadu Xutuγtu-Mönggür bülüge. Köbegün inu Büri-böke bülüge. Bariłduγa Bartan-Baγatur-un köbegün-eče ałus Barłaγ-un omoγtan köbegüd-tür nökučejü bołun, Büri-böke Ułus-un böke bögetele, Belgeteye niruγun-iyen χuγułdaju ükübe.

§ 141. Tegün-ü χoyina Takiya jil-e Xadagin-u Baχu-Čorogu, Salǰiγud-un Irgidai-Baγatur, Dörben-ü Xaǰuγun-beki, Tatar-un Ałči, Tatar J̌ali-Buχa, Ikires-ün Tüke-Maχa, Xongkirad-un Terge-Emel-Ałχui, Γorłos-un Čindan-Čaγan, Naiman-u Buyiruγ-χaγan, Merkid-ün Toγtaγa-bekiyin köbegün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki, Tayičiγud-un Taryutai-Kirułtuγ, Xodun-Örčig, Mongγoł Aγaču-Baγatur terigüten edün χarin (ayimaγ) χamtudču, ałaχui bulχa (ałałduχui čerig) čiγułju eyin kemen, J̌arčiradai J̌amuχa-yi χaγan ergüye kemen, ajirγa gegü čabčin ałaju, andaγar aman abču, tendeče Ergüne mören uruγu negüjü, Kentei mören Ergüne-dü čidχuγu Širiyin ayu uχu-da, J̌amuχa-da Gür-χa (χaγan nere) ergübei. «Xaγan ergüged, bide Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar-tur moriłaya!» Kemeldübei. Moriłaya kemeldügsen-i Γorłos-un Xoridai Činggis-χaγan-a Gürelgü-de büküi-dür ene kelen (öge-yi) kürgen irebei. Ene kelen kürčü ireged, Činggis-χaγan Ong-χaγan-a ene kelen kürgen ilegebei. Ong χaγan ene kelen kürgegülüged, Ong-χaγan čerig egüskejü, odterlen irejü, Činggis-χaγan-dur irebe.

§ 142. Ong-χaγan-i iregülüged, Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar χamtudču, J̌amuχa-yin esergü inu moriłaya kemeldüjü, Kerülen-mören uruγu moriłarun, Činggis-χaγan ber, Ałtan, Xučar, Daritai γurban-i mangłai yabuγułbai. Ede mangłai-eče uruγši-da basa χaraγuł ilegerün, Süyildü-de nigen sayurin χaraγuł tałbiba. Tegün-ü čaγana Čegčeger-e nigen sayurin χaraγuł tałbiba. Tegün-ü čaγana Čuχurχu-da nigen sayurin χaraγuł tałbiba. Biden-ü mangłai Ałtan, Xučar, Senggür ten edüküye kürčü bayuya kemeldün büküi-dür, Čuχurχu-da tałbiγsan kümün ayułjaju irejü, dayin (dayisun) ayisuχui kemen kelen kürgen irebe. Tere kelen ireged, ülü bayun dayin-kü esergü kelen abuya kemen yabuγułju kürülčejü kelen abču, ken

buyu kemen asaγbai. Jamuχa-yin mangɬai Mongγoɬ-eče Aγaču-Baγatur, Naiman-u Buyiruγ-χaγan, Merkid Toγtaγa-beki-yin köbegün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki, ede dörben Jamuχa-yin mangɬai yabuju, biden-ü mangɬai teden-dü ungšiɬduju (ögüleldüjü), jiɬda bolɬaju (nigen küriye bolju) mana-γar χadχuɬduγa kemejü ičuju, γooɬ-dur neyilen χonobai.

§ 143. Manaγarši yabuγuɬju kürülčejü bayiɬduju, doroγši degegši iχuriɬdun jöbšiyerelcen büküi-dür, mön Buyiruγ-χaγan, Xuduχa χoyar jada meden bayiɬdun ajuγu. Jadaɬaχu bolun, jada inu urbaju, mön degere jada bolɬjiχu (kürčü); mön yabun γadaju nuras-tur χuɬadaγad, tengri-de ese taγaɬaγdaba bide kemeged, butarajuχui.

§ 144. Naiman-u Buyiruγ-χaγan Alta-yin ebür Uɬuγ-taγ jorin χaγa-čau ködelbei. Merkid-ün Toγtoγa-beki-yin köbegün Xutu Selengge jorin yabubai. Oyirad-un Xuduχa-beki oi temečen Šigšig jorin ködelbei. Tayičiγud-un Aγaču-Baγatur Onan-mören jorin χarin ködeljüküi. Jamuχa öberiyen Gür-χa (χaγan) ergügsen irgen-i tuliγad (daγaγuɬun) Ergüne-mören jorin χarin ködeljüküi. Ong χaγan Ergüne uruγu Jamuχa-yi nekebe. Činggis-χaγan Onan jüg Tayičiγud-un Aγaču-Baγatur-i nekebe. Aγaču-Baγatur uɬus-tur-iyen kürüged, uɬus-iyen dörbegüljü ködeɬüged (yabuγuɬun) Aγaču-Baγatur Xutuγ-ögede Tayičiγud Onan-u činaji eteged Oɬχud-toraγ-tur čerigüd-iyen jasaju, χadχuɬduγa kemen jasaju bayijuχui. Činggis-χaγan kürüged Tayičiγud-ɬuγa χadχuɬdubai. Maši egegerün (ergigülün) χadχuɬduju, jiɬda bolɬaju (küriye tataju), mön χadχuɬduγsan γaɬar-a šituɬduju χonobai. Uɬus ba dörbejü ayisurun, mön tende čerigüd-lüge χamtu küriyelejü χonobai.

§ 145. Činggis-χaγan tere χadχuɬduγsan-dur χubčisun-ben šilürtejü (šibkerčü), čisun töridkebesü ülü bolun anduriγdarun, naran šinggegülün mön tende šituɬduju bayuju, böglegsen čisun-i Jelme šimin šimin ama-ben čisudaju, söni düli bolɬaɬa böglegsen čisun-i ama-ber-iyen tungγaγan (?) asχaγad jaɬgiγad, söni düli nögčibesü, Činggis-χaγan dotuna-γan sergüjü ögülerun: «Čisun ayču maši berke, umdaγasumui bi!» kemebe. Tendeče Jelme maɬγa γudusun degel χubčisun-iyen bügüde-yi tayiɬju, γayča dotu-γajitai čiraman-ničügün šitüldüjü büküi dayin dotuγur güyijü üjebesü, činana küriyelegsen irgen-ü tergen-dür niγuju ösüg γarču yadaju, dörberün gegüniyen ülü sayan taɬbiγsan ajuγu. Nigen yeke bürigesütei taraγ tergen-eče inu abču örgüjü irebe. Jaγura•edürün irged kümun-e ese üjegdebe. Tengri-kü üjegdebei je. Taraγ bürigetü-yi abči ireged, mön Jelme öbesüben kü usun erijü abčiraju (abču), taraγ jiγuraju, χaγan-a uuγuɬγaba. Furbanta amuju uuju, χaγan ögülerün: «Dotura minu nidün geyibe!» kemeged, öndüyijü sayutaɬa edür čayiba. Tere sayuγsan orčin Jelme-yin šimin šimin

bögeljigsen čisun asχaγsan orčin γaǰar-a amaran (amaber) bögelšigsen-i Činggis-χaγan üǰeǰü ögülerün: «Ene yaγun bołumu? Xoła asχabasu yambar aǰuγu?» Tendeče J̌elme ögülerün: «Čima-yi aturiγdarun (ami čiχuładarun büküi-dür), χoła odbasu, čima-ča ałǰiyaχui-eče ayuǰu, yaγaraǰu jałgiχu-yi jałgiγad, asχaχui-yi asχaγad, mendürijü (yaγaraǰu), kebeli-dür minu kedüi oruba!» kemebe. Činggis-χaγan basa ögülerün: «Nama-yi eyimün bołǰu kebten bögetele, ničügün yakin güyijü oruba či? Bariγdabasu, nama-yi eyimüi-yi (eyin kebtekü) ülekü ǰiγaχu bülügei-üü či?» kemebe. J̌elme ögülerün: «Minu sedkil eyin buyu. Ničügün odurun, kerber bariγdabasu, bi: tan-a oruǰu irekü duratu bülüge. Tegün-i minu medeǰü, nama-yi barijn ałaya kemen, χubčisun bügüdeyi tayilǰu, γaγča dotaγaǰi tayiłuγa-edüküy-e mültü ałdaγułǰu irebe bi! kemekü bülüge. Nama-yi ünen bołγaǰu, χubčisun ögčü asaraχu bülüge bi! Morin unuγad üǰetele, ödter ǰaγura ülekü (türgen) irekü bülüge bi? Teyin sedkijü, χaγan-u angγaγsan sedkili örüsügei (amuγułsuγai) kemen, nidün χara (üǰelte) odułuγa bi!» kemebe. Činggis-χaγan ögülerün: «Edöge yaγun ǰa kemekü? Erte edür γurban Merked ireǰü, Burχan-χałduna-du γurbanta χučiγułχui-dur, amin-i minu nigente abču γarułuγa či! Edöge basa angγaǰu bükü-i čisun-i amaγar šimejü, amin-i minu jałγabai či. Basa angγaǰu andurin büküi-dür, amin-iyen küčireǰü, dayisun kümün-dür nidün-χara oruǰu, umdaγan γarγaǰu, amin-i minu oruγułbai. Ede γurban tusa-yi činu sedkil dotura atuγai!» kemen ǰarliγ bołba.

§ 146. Edür geyin barabasu, šitüldüǰü χonoγsan čerig-üd söni böged butaraǰuχui. Küriyelegsen irgen künggen (tayiłun) ülü čidaχun kemen küriyelegsen γaǰar-eče ese ködeljükü. Dörbegsen ułus-i ačaraya kemen Činggis-χaγan χonoγsan γaǰar-eče moriłaǰu, dörbekün irgen-i ičuγun (χariγułun) yabuχui-dur, dabaγan degere nigen ułaγan degeltü eme kümün Tömüǰin! kemen yeke daγu-ber χayiłan uyiłan bayiχui-yi Činggis-χaγan sonusču: «Yaγun kümün-ü eme teyin χayiłan bui?» kemen asaγura ilegebesü, tere eme kümün ögülerün: «Toryan-Sira-yin ökin bi, Xadaγan neretü! Ere-yi minu ede čerig-üd bariǰu ałan buyu. Ere-yügen ałaγdarun, Tömüǰin ereyi minu aburituγai! kemen ungšiǰu (daγudan) χayiłan uyiłaba bi!» kemebe. Tere kümün ireǰü, Činggis-χaγan-a ene öge-yi inu ögüleǰü ögbe. Činggis-χaγan sonosuγad χatariǰu kürčü baγuǰu teberildübe. Ere-yi inu biden-ü čerig-üd urida ałaχu bołuγuǰai! kemeǰü, tede irgen-e ilegeǰü, ereyi inu aburabai. Ede irgen-i ičuγad (ičuγułuγad), Činggis-χaγan yeke čerig mön tende-kü χonobai. Xadaγan-u ere-yi inu uriǰu ireǰü dergede-gen sayułγabai. Manaγar edür Toryan-Šira, J̌ebe χoyar Tayičiγud-un Tödöge-yin arad aǰuγu. Tede χoyar-ber irebei. Činngis-χaγan Toryan-Šira-dur ögülerün:

«Küjügun-deki
Kündü modun-i
Kösür-e oγuruγsan:
J̌aχa-daki
J̌erge-yin modun-i
J̌ayiłaγułuγsan ta!
Ečiges köbegüd-un tusa
Aǰuγu ja. Yakin udabai ta?»

kemebe. Toryan-Šira ögülerün: «Bi doturaki itegel sedkil bülüge. Yakin yaγaraχu? Yaγaraǰu irebesü, Tayičiγud-un Noyad minu χočoroγsan eme köbegün aduγun idegen-i minu unesü-ber keyiskekui tede, kemeǰü, ülü yaγaran, edöge χaγan-dür-iyen neyilen, edöge irebe bi!» kemebesü, ǰöb! kemebe.

§ 147. Činggis-χaγan ögülerün: «Güyildün bayiłduǰu iχuriłdun ǰöbšiyerelcen büküi-dür, tede niruγun degere-eče sumun ireǰü, minu ǰebeleku (χuyaγłaχu) aman čaγan χuła-yin aman niruγu inu χuγu χarbuγsan ken bülüge?» kemebe. Tere öge-dür J̌ebe ögülerün: «Aγułan degere-eče bi χarbułuγa! Edöge χaγan nama-yi ükügüldebesü, ałaγan-u tedüi γaǰar-a ögöǰü χočorχu. Soyurχabasu, χaγan-u emüne

Čegel usun-i nituru
Čeügen čiłaγun čoru
Dobtułǰu ögsu!
Kür kemegdegsen γaǰar-a
Köke gürü—χuγu,
Γał kemegsen γaǰar-a
Xara gürü—χamχaru
Dobtułǰu ögsü!»

kemebe Činggis-χaγan ögülerün: «Düyisun-a yabuγsan kümün ałaγsan-iyen, dayisurχaγsan-iyen beye-ben niγuǰu, kele-ben bučaǰu ayu (ögüleyu). Mön bürin kemebesü, morin ałaγsan-iyen, dayisurχaγsan-iyen ülü bučan, mön ǰiγan buyu. Nökučeltü kümün buyu. J̌iryuγadai neretü aǰuγu. J̌ebelekü ama čaγan χuła-yi minu aman-niruγun inu χarbuγsan-u tuła, J̌ebe kemen nereyidčü, ǰebeloye čima-yi, kemen, dergede minu yabu!» Kemen ǰarbiγ bołba. J̌ebe Tayičiγud-eče iregsen yosun teyimü bülüge.

V

§ 148. Činggis-χaγan tede Tayičiγud-i uruγ-un uruγ-a kürtele ünesüber keyisken kidübe. Ułus irgen-i anu ködelgeǰu ireǰü, Činggis-χaγan χubaχay-a ebüljebe.

§ 149. Tegün-ü χoyina Ničügün-Baγarin-u Širketü-ebügen Ałaγ, Nayaγ-χa köbegüd-lüge-ben Tayičiγud-un Noyan Taryutai-Kiriltuγ-i oyimaju büχü-dür, östü kümün bülüge, kemen, morin ülü čidaχu Taryutai-yi bariju, tergen-dür unuγułju, Baγarin-u Širketü-ebügen Ałaγ, Nayaγ-χa köbegüd-lüge-ben, Taryutai-Kiriltuγ-i bariju ayisuχui-dur, Taryutai-Kiriltuγ-un degüü-ner köbegüd inu buliyaju abuya kemen güyičejü irejükü. Köbegüd degüü-ner-i inu güyičejü irekü-lüge, Širketü-ebügen bosun yadaχu Taryutai-yi tergen degere unaγułju, gedergü degere inu aytałan sayuju, kituγa γarγaju ögülerün: «Köbegüd degüü-ner činu čimayi buliyaju abura irebei. Čimayi ese daki ałabasu, χaγan-iyen γartaba kemen, ałaχu. Ałabasu, daki mön-kü ałaγdaχu bi. Mön ele ükükü-düriyen, dere abun ükü-sü!» kemeged, degere inu aytałaju, yeke kituγa-ber-iyen χoγołai inu oytołura kürkü-dür, Taryutai-Kiriltuγ yeke dayu-ber degüü-ner köbegüd-tür-iyen χayiłaju kelerün: «Širketü namayi ałan buyu! Ałan barabasu, ükügsen bui amin-ügei beye-yi minu abču odču yaγun kikü ta? Namayi ałara edüküye ödter χaritχun! Tömüjin namayi ülü ałaχu. Tömüjin öčüken čaγ-tür

Nidün-dür-iyen γałtu,
Niγur-tur-iyen gereltei

bülüge. Ejen ügei nutuγ-tur χočorču amui kemen, abura odču, abču irejü, suryabasu suryu metü bui kemen, χarin örö jirüken metü suryaju suryan soyun yabułuγa. Ükügülbesü ükügülün yadaχu (čidaχu) bülügei-yu bi? Edöge oi inu oroju amu. Sedkil inu senggerejü amu kemegdemüi. Tömüjin namayi ülü ükügülkü! Köbegüd degüü-ner minu ödter χaritχun! Širketü namayi ałaju (ałaχui) üdereјükü (oyiraduba)» kemen, yeke dayu-ber χayiłaba. Köbegüd degüü-ner inu ögüleldürün: «Ečige-yügen amin aburaya kemen irebei bide. Širketü-ebügen ečige-yi biden-ü ükügülbesü, χoγosun amin-ügei beye inu yaγun kikü bide? Munda ałaγa edüküye ödter χariya! kemeldüjü χariba. Teden-i ireküi-dür, ayułjaγsad Ałaγ Nayaγa tan irebei. Tedeni iregülüged, ködelju ayisurun jaγura Xudχuł-nuγuda (nuγud-da) kürbesü, Činggis-χaγan biden-i tus χaγan-iyen γartaju iregsen yaγun itegel (ügei) ten arad ede! Biden-dür basa ker nökučekün? Nökučel ügegüu arad buyu. Tus χaγan-iyen γartaγsan arad-i mökörigülütkün (mayu boγaγtun)! kemen, mökörigüldekü bide. Munda Taryutai-yi tałbiju ilegejü bide beyes-iyen Činggis-χaγan-a kučun öggör irebei bi kemejü oduya! Taryutai-yi bariju ayisulaai kemebesü, tus χaγan-iyen tebčin yadaju üjeged, ker ükügülkü? kemeged, tałbiju ilegejü, bi kučün ögsü, kemen irebei kemeye! kemebe. Nayaγa-yin cne öge ečiges köbegüd jöbšiyeldüjü, Taryutai-Kiriltuγ

tuγ-i Xudχuł-nuγud-eče talbiju ilegejü, mön Širketü-ebügen Ałaγ Nayaγa köbegün-lüge-ben irebesü, yakin kümün irejü?» kemebe. Širketü-ebügen Činggis-χaγan-a ögülerün: «Taryutai-Kiriltuγ-i bariju ayisurun, jiči tus χaγan-iyen üjeged: ker ükügülkü? kemejü tebčin yadaju, talbiju ilegejü, Činggis-χaγan-a küčün ögsü kemen, irebe!» kemebe. Tegün-dür Činggis-χaγan ögülerün: «Tus χaγan-iyen Taryutai-Kiriltuγ-i γartaju iregsen bögesü, tus χaγaniyen γartaγsan aran-i tan-i yaγun χaryaγdaχu bülüge? Tani uruγ-iyer mökörigülkün (doroyidaγuł χun) bülüge ta: tus χaγan-iyen tebčin yadaγsan sedkil tanu jöb bui!» kemen, Nayaγa-yi soyurχaba.

§ 150. Tegün-ü χoyina Činggis-χaγan-dur Kereyid-ün Jiχa-Kambu Taryud-ta büküi-dür nökučere irebe. Tere iregsen-dür Merked χadχułdura irebesü, Činggis-χaγan Jiχa-Kambu χoyar χadχułduju ičuγabai (darubai). Tende Tümen-Tübeken, Ołan-Dungχuyid butaraγsan Kereyid irgen ber Činggis-χaγan-dur oruju irelüge. Kereyid-ün Ongχaγan böged urida Yisügei-Baγatur-tur sayitur χaniłaγsan-dur, Yisügei-Baγatur-łuγa anda kemeldügsen ajuγu. Anda kemeldügsen yosuu inu. Ong-χaγan ečige-yügen Xurčuχus-Buyiruγ χaγan degüü-neriyen ałaχu-yin tuła, Gür-χaγan abaγałuγa-ben bułχa (dayisun) bołułčaju, Xaryud-χabčał širγułduju jaγun kümün γarču Yisügei-Baγatur-tur irebesü, Yisügei-Baγatur namayi (tegün-i) öber-türiyen iregdejü (irebe kemen), öbesüben čerig moriłaju, Gür-χaγan-i Xašin jüg üldejü irgen oryon-i inu Ong-χaγan-a abču öggügsen-ü tuła, tende anda bołułčabai tere.

§ 151. Tegün-ü χoyina Ong-χaγan-u Erke-χara aχa-daγan ałaγdarun buruγudču odču, Naiman-u Inača-χaγan-dur oroju χui. Inača čerigüd ilegejü, jiči Ong-χaγan γurban baγad bitün joriju, Xara-Kitad-un Gür-χaγan-dur oduγsan ajuγu. Tendeče bułχa bołun Uyiγud-un, Tangγud-un bałaγad daγarin, tabun imaγa širgülejü (aduγułan) saγałduju (saγaju), temegen-ü čisun χanaju ideged, yadaju Küseküi-naγur-a irebesü, Činggis-χaγan uridu Yisügei-Baγatur-łuγa anda kemeldügsen yosuγar Taki-Baγatur, Sükei-nigün, χoyar elči ilegeged, Kerülen-ü terigün-e Činggis-χaγan öbesüben esergü odču, ölöskü turuju irebei kemen, Ong-χaγan-i χubčiγur χubčiju, küriyen dotura oroγułju tejigebe. Tere ebül jerge-ber negüjü, Xubaχaya-yi ebüljebe.

§ 152. Tende Ong-χaγan-u degüü-ner noyad ögülerün: «Ene χaγan aχa biden-ü —

Ügegün aburitu,
Ümekeï elige
Ebüridču yabuyu».

«Aχa degüü-yi bariba. Xara-Kitad-tur oruba. Uɫus-i ǰobaγaba. Egün-i ker kikün bide? Erte edur kemebesu, doɫuγan nasutu-yi Merkid ireged dayuliǰu odču, χara aɫaγ išigen daχu emüskeǰü, Selengge-yin Buγura-kegere aχu-du üdübe kü (terigülbe kü). Xurčaχus-Buyiruγ-χaγan ečige inu ǰiči Merkid irgen-dür aγuɫǰu, köbegün-iyen tende aburaǰu irebasü, basa Tatar-un Aǰi-χaγan arban γurban nasutu büküi-dür eke selte-yi dayuliǰu odču, temeged-iyen aduγuɫaγuɫun yabuχui-dur Aǰi-χaγan-i χoniči abuγad irebei ǰe. Basa tegün-ü χoyina Naiman-eče ayuǰu buruγudču, Sartaγuɫ γaǰar-a Čui-mören-e Xara-Kitad-un Gür-χaγan-dur odbai ǰa. Tende nigen on ülü dayusun ǰiči dayisun ködeljü, Uyiγud-un, Tangγud-un γaǰar-iyer bitüǰü yaburuǰ, yadaǰu tabun imaγan-i sirgüleǰü saγan, temegen-ü čisun χanaǰu ideǰü, γaγča soχor χaliγun moritai yadaǰu Tömüǰin-dür irebesü, χubčaγur-i χubčiǰu teǰigebei-ǰe. Edöge Tömüǰin köbegün-dür dayin yabuγsan-iyen umartaǰu, ümckei elige öbürleǰü yabumu. Ker kikün bide?» kemeldübei. Eyin ögüleldügsen öges-i Aɫtan-Esüg Ong-χaγan eče ayalγuɫaǰu, Aɫtan-Esüg ögülerün: «Bi ber ene eye-dür oroɫduɫuγa-kü! J̌iči χaγan-iyen čimayi tebčin yadaba!» kemeǰü, tende Ong-χaγan Ilγaburi, Alin-tayiši tan degüü-ner-iyen nuγun-iyan bariγuɫǰuχui. Degüü-ner-eče J̌iχa-Kambu buruγudču Naiman-dur oroǰuχui. Teden-i bariyas selte oroγuɫǰu (kübšigüljü), Ong-χaγan ögülerün: «Uyiγud Tangγud-un γaǰad-iyer ayisuχui-dur, yaγu kemeldülügei? Tanu metü yaγu sedkikü?» kemen, niγur-tur inu nilbuǰu bariyas-i anu taɫbiγuɫba. Xaγan-a ele niɫbuγdaba, kemeǰü, ger-tür ele bükün aran (kümün) bügüdeger bosču niɫbuǰuγu.

§ 153. Tere ebül ebülčeǰü bülüge. Noχai ǰil-un namur inu Činggis-χaγan Čaγan-Tatar, Elči-Tatar, Dutaγad (Dutaγun)-Tatar, Aruχai-Tatar, tede Tatar-tur Daɫan-nemürgen-e χadχuɫduχui-yin urida, Činggis-χaγan ǰasaγ ögüleldürün: «Dayisun kümün-i darubasu, tere oɫǰa bidanuχai bui ǰa! χubiyaɫdum ǰa! Bidan-u nökür kümün-e ičuγaγdabasu, terigün-ü dobtuɫuγsan γaǰar-a egegerüye! Terigün-ü dobtuɫγan-dur ese egerügsen kümün-i mökörigülüye!» kemen ǰasaɫaɫdubai. Daɫan-nemürgen-e χadχuɫduǰu, ködülgen daruǰu, Uɫχui-silgegčid-eče uɫus-tur anu neyilegüljü dayulibai. Čaγan-Tatar, Elči-Tatar, Dutaγun-Tatar, Aruχai-Tatar erkin irgen-i tende muχudχaǰu, ǰasaγ ögüleldügsen öges-tür Aɫtan, Xučir, Daritai γurbaγuɫa öge-dür-iyen ülü kürün, oɫǰa-dur bayiǰuχui. Öge-dür-iyen ese kürbe kemen, J̌ebe Xubiɫai χoyar-i ilegeǰü, oɫǰaɫaγsad aduγun yaγuba abuγsad-i bügüdeyi abχaγuɫba.

§ 154. Tatar-i muχudχaǰu dayulin baraǰu, ulus irgen anu ker kikün, kemen, Činggis-χaγan Yeke Eye uruγ-iyer-iyen γaγča ger-tür oroǰu eyetüldübei:

«Erte edür-eče Tatar irgen
Ečiges ebüges-i bidan-u baraγsan bülüge.
Ečiges ebüges-ün
Öšil öšijü,
Kisel kisejü,
Čigün-dür ülijü,
Kiduju ałaju öggüye!
Ülidtele kiduya,
Ülegsed-i boγoliduya,
Jüg-jüg χubiyałduya!»

kemen Eye barałdaju, ger-teče γarbasu, Tatar-un Yeke-Čerü Belgütei-eče: Jambar Eye eyetüldübei? kemen asaγbasu, Belgütei ögülerün: Tani bükü bügüde-yi Čigün-dür ülijü kiduya kemeldübei! kemejüküi. Belgütei-yin ene öge-dür Yeke-Čerü Tatar-tur-iyen tungχaγ tałbiju χoraγułjuχui. χoraγułuγsan Tatar-tur biden-ü čerigüd egegeregün (ergičen irejü maši ičülgebei) maši samšijuχui (erustejüküi). χoraγułuγsan Tatar-a jobaju oroγułju, čigün-dür ülijü ülidken kiduχui-dur, Tatar ögüleldürün: Kumun tutum χančun-dur-iyen kituγa χančułaju, dere abun üküye! kemeldüjüküi. Maši-kü samšiyajuχui. Tedüi Tatar-i čigün-dür ülijü kidun baraju, tende Činggis-χaγan jarliγ bołba. Bide uruγ-iyer-iyen Yeke Eye bariłduγsan-i Belgütei jiγaχu-yin tuła Biden-ü čerigüd maši samšibai (erüstebei). Egün-ü χoyina Eke Eye-dür Belgütei bun orotuγai! Eye bariłdutała γadana bükün-i jasatuγai. Jasaγ-un keregür, χułaγai, χudał üyile tan-i jaryołałtuγai. Eye burobasu, umdan uuγsan χoyina Belgütei terigüten tende orotuγai! kemen jarliγ bołba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čerü-yin ökin Yisügen χatun-i Činggis-χaγan abuba. Taγałaγdarun Yisügen-χatüń ögülerün: «Nadača egeči Yisüi neretei nada-eče deged (degere) χaγan kümün-e jokiχui ajuχuija! Sayi kürgen küregelen bülüge. Edöge man-a ene boduliγan-dur χamiγaši yorčibai?» kemebe. Ene öge-dür Činggis-χaγan ögülerün: «Egeči činu čima-eče sayin bögesü, erigüljü abčirabasu (abču irebesü), egeči-yügen irebesü, jayiłaju ögküi-üü či?» kemebe. Yisügen-χatun ögülerün: «Χaγan soyurχabasu, egeči-yügen ele üjebesü, egeči-degen jayiłasu!» kemebe. Ene öge-dür Činggis-χaγan jarliγ tungχaju erigülebesü, ögdegsen kürgen-lüge-ben oyiłaju yabuχui-yi biden-ü čerigüd jołγajuχui. Ere inu dutaγajuχui. Yisüi-χatun-i abču irejüküi. Tende Yisügen-χatun egeči-yügen üjeged, urida ögülegsen öge-dür-iyen kürün, bosču sayuγsan sayurin-dur-iyen sayułγaju, mön öbesüben doora sayujuχu. Yisügen χatun-u öge-dür adali

bołdaǰu, Činggis-χaγan oyin-dur-iyen oroγułǰu, Yisüi-χatun-i abču, ǰergedür saγułγaba.

§ 156. Tatar irgen-i daγulin baraǰu, nigen edür Činggis-χaγan γadana saγuǰu umdałałduχui-dur, Yisüi-χatun Yisügen-χatun-u dumda saγuǰu umdałałdun büküi-dür, Yisüi-χatun yeke̦de següresülebe. Tende Činggis-χaγan dotora-ben sedkiǰü, Boγurči Muχali tan noyan-i uriǰu, ögülerün: «Ta ende ele čiγułuγsan kumün-i öbere bołγan tegüskegdekün!, kemen ǰarliγ bołba. Tedüi ayimaγ ayimaγ-iyer-iyen bayibasu, nigen ǰałaγu gürmele kümün ayimaγ-eče öbere bayiba: «Či yaγun kümün?» kemen asaχbasu, tere kümün ögülerün: «Tatar-un Yeke-Čerü-yin Yisüi neretei ökün ögdegsen kürgen bülüge bi! Dayisun-a daγuliγdarun, ayuǰu buruγudču yabuǰu bülüge. Edöge amurlibai ǰa kemen sedkiǰü ireǰü ołan aran (kümün) dotora yaγu taniχu kemen yabułuγa!» kemebe. Ene ǰöge-yi Činggis-χaγan-a öčibešü, χaγan ǰarliγ bołurun: «Mön-kü dayisun sedkiǰü oγurčaγ bołǰu yabučiχu. Edöge yaγu kürere (kürgere) ireǰüküi? Ene metüs-i čigün-dür ülibei. Yaγun saγaramui! Nidun ečine kigdekün!» kemebe. Tedüi-kü mökörigülbe (maγu bołγaba).

§ 157. Tegün-ü χoyina mön Noχai ǰil-e Činggis-χaγan Tatar irgendür moriłaγsan-dur Ong-χaγan Merked irgen-dür moriłaǰu, Xatuγtai Čaγałałun χoyar χatud inu abču, Xudu Čiłaγun χoyar köbegün irgen selte-yi tüliǰu (ołǰałaǰu), Činggis-χaγan-a ese ögbe.

§ 158. Tegün-ü χoyina Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar Naiman-u Küčügüd-ün Buyiraγ-χaγan-dur moriłaǰu, Ułuγ-taγ-un Soχoγ-usun-a büküi-dür kürčü, Buyiruγ-χaγan bayiłdun yadaǰu, Ałtai daban ködelbe. Soχoγ-usun-eče Buyiruγ-χaγan-i nekeǰü, Ałtai dabaγułun, Xumšikir Ürünggü uruγu üldeǰü yabuχui-dur Yedei-Tabałuγ neretü noyan inu χaraγuł yabuǰu, biden-ü χaraγuł-a üldegdeǰü, aγułan ögede dutaγaχui bołun, olang-iyen tasuraǰu tende bariłuγa. Ürunggü uruγu üldeged Xuǰal-bas naγur-a güyičeǰü, Buyiruγ-χaγan-i tende muχudγaba (ečülgebe).

§ 159. Tendeče Činggis-χaγan, Ong-χaγan χoyar χariǰu ayisuχuidur, Naiman-u χadχułduγči Köngsegü-Sabaraγ Bayidaraγ-belčer čerig ǰasaǰu χadχułduχu bołun aǰuγu. Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar χadχułduya kemen čerig ǰasaǰu kürčü, ǰiłda bołdaǰu (küriye tataǰu), manaγar χadχułduya kemen ǰerge ǰasaǰu χonoba. Tende Ong-χaγan bayidał-dur-iyen γał-ud tülegüljü, šöni böged Xara-segül ögede ködeljüküi.

§ 160. Tende ǰamuχa Ong-χaγan-łuγa χamtu ködeljü yaborun, Ong-χaγan-a J̌amuχa ögülerün: «Tömüǰin anda minu urida-eče Naiman-dur elčitü bülüge. Edöge ese irebe. Xaγan, χaγan!

Inu(?) χayiruχan buyu ja!
Ajiraχu bilɖaγur
Anda minu buyu!

Naiman-dur odčuχui ja! Oroχu bolun χuγurba!» kemejükü. Jamuχa-yin tere öge-dür Oročičidai-Kürüs-baγatur ögülerün: «Jesüridčü yakin teyin šiluγui (šidurγu) aχa degüü-yi ulgin (χaγajaγulun) ögüleyü či?» kemejükü.

§ 161. Činggis-χaγan söni mön tende χonoju χadχɫduya kemebesü. edür geyigülüged üjebesü, Ong-χaγan bayidal-dur-iyen γal ügei bolɖaju: «Ede či nama-yi (minu) tülešin ajuγu!» kemeged, tendeče ködeljü, Eder-Altai-yin belčer-iyer ködeljü, tere ködelügseber ködeljü, Sayari-kegere bayuba. Tende Činggis-χaγan Xasar χoyar Naiman-u tubun uγan (?) arγa ese dayulγuγsan-i (güyičegsen-i).

§ 162. Köngsegü-Sabraγ Ong-χaγan-u χoyina-eče nekejü, Senggüm-ün eme köbegün irgen oryon selte-yi tulilju abču, Ong-χaγan-u Telgetü-amsar-a büküi-dür jarimud aduγun idegen-i tulilju aluγad, χarijuχui. Tere χoγur (jabsar)-tur Merked-ün Toγtaγa-yin Xudu Čilaγun χoyar köbegün tende bürün irgen-ben abuγad χaγačaju, ečige-dür-iyen neyilen Selengge uruγu ködeljükü.

§ 163. Köngsegü-Sabraγ-a dayuliγdaju (daruγdaju), Ong-χaγan Činggis-χaγan-dur elči ilegerün: «Naiman-a irgen oryon-ben, eme köbegün-ben dayuliγdaba bi. Köbegün-ečegen dörben külüg-üd-i činu γuyilju ilegesügei bi. Irgen oryon-i minu aburaju ögtügei!» kemejü ilegejükü. Činggis-χaγan tende Boγurči, Muχuli, Buruγul, Čilaγun-baγatur, ede dörben külüg-üd-iyen čeriγ jasaju ilegebe. Ede dörben külüg-üd-i kürkü-yin urida Ulaγan-χud-ta Senggüm bayilduju bolun morin-daγan γuyuγdaju abdaχu bolju büküi-dür, ede dörben külüg-üd kürčü aburaγad, irgen oryon, eme köbegün bügüde-yi aburaju ögbei. Tende Ong-χaγan ögülerün: «Erte Sayin ečige-de inu ene metü odun baraγsan ulus-iyen aburaju ögdebe. Edöge basa köbegün odun baraγsan ulus-i minu dörben kölüg-üd-iyen ilegejü aburaju ögdebe. Ači χariγulχu-yi Tngri γajar-un ibegel medetügei!» kemeged.

§ 164. Basa Ong-χaγan ögülerün: «Yisügei-baγatur anda minu odun baraγsan ulus-i minu nigente aburaju ögbe. Tömüjin köbegün edöge basa oduγsan ulus-i minu aburaju ögbe. Ede ečige köbegün χoyar odun baraγsan ulus-i nada χuriyaju öggürün, ken-ü emüne χuriyaju öggün jobamui? Bi ber edöge ötelbe. Nama-yi ötelju, ündud-ta χojidču, χadud-ta γarbasu, χamuγ ulus-i minu ken medekü? Degüü-ner minu aburi ügegün bui. γaγča köbegün minu ügeišitü γaγča bui. Tömüjin köbegün-i Senggüm-ün

aχa bołγaǰu, χoyar köbegüd tü bołǰu amusuγai!» kemeǰü, Činggis-χaγan-łuγa Ong-χaγan Tuγuła-yin χara-tün-e χuraǰu, ečige köbegün kemeldübei. Ečige köbegün kemeldükü yosun. Urida erte edür Yisügei-Baγatur ečige-lüge Ong-χaγan anda kemeldügsen yosuγar ečige köbegün kemeldükü yosun eyin öge ögüleldürün:

«Öle dayisun dur aγułurun,
Xamtu ber aγułuya!
Oroγa görögesün dür abałarun,
Nigen-e kü χamtu abałaya!»

kemeldübei. Basa Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar ögüleldürün: «Bida χoyar nayidabasu; —

Šidutu moγay-a
Šidürtebesü,
Šidürken-dur buu oroya,
Šidu-ber ama-ber ołułčaǰu bišireye!
Aryatu moγay-a
Adartabasu,
Aturγan-dur inu buu oroya,
Ama-ber šidu-ber ołułčaǰu bišireye!»

kemen, teyin öge barilduǰu amaraγłan yabubai.

§ 165. Tegün-ü χoyina amaraγ degere dabχur amaraγ bołuya kemen, Činggis-χaγan sedkiǰü J̌oči-da Senggüm-ün döi Čagur-begi-yi γuyuran, Senggüm-ün köbegun Tasaγ-ta biden-ü Xoǰin-begi-yi arałǰin öggüye kemen γuyubasu, tende Senggüm öberiyen yekečilen sedkiǰü, ögülerün: «Biden-ü uruγ teden-dür odbasu, alun-a bayiǰu, egegte (egenegte?) χoyimar-a saγuǰu aǰuγu. Teden-ü uruγ man-dur irebesü, χoyimar-a saγuǰu, alun-a χaran aǰuγu!» kemen öberiyen yekečilden sedkiǰü, biden-i doromǰiłan ögüleǰü, Čaγur-bigi-yi ülü öggün, ese taγałałǰuχui. Tere öge-dür Činggis-χaγan dotura-γan Niłχa-Senggüm-dür doora χočorčiχui kemen sedkibei.

§ 166. Teyin doora χočoraγsan-i J̌amuχa uχaǰu, Γaχai ǰil-un χabur J̌amuχa, Altan, Xučir, Kirtaχubai Ebügeǰin Onggin Sükegedei Toγoril Načiγun-beki, ede bołun, nigen eyeten bołǰu negüǰü odču J̌eǰeger-öndür-ün gerüde Berke-ałun-ta Nitχa-Senggüm-dür odču, J̌amuχa ułgin ögülerün: «Tömüǰin anda minu Naiman-u Tayan-χaγan-dur keletü (kelekü) elčitü buyu.

Ama inu ečige köbegün kemeǰu amu,
Aburi inu öbere buyu!

Itegejü amu ta? Ese uχabasu, tan-a yaγu bołχu? Tömüjin anda-dur moriłabasu, bi köndelen-e orołdusu!» kemejüküi. Tendeče Ałtan Xučir χoyar ögülerün: «Ba Ögelen-eke-yin köbegüd-i —

Aχa-yi —
Ałaju,
Degüü-yi —
Deskijü ögüye!»

kemejüküi. Ebügejin Onggin Kirtaγtai ögülerün:

«Γar inu
Γartaju,
Köl-inu
Köldejü ögsügei!»

kemebe. Toγorił ögülerün: «Arγača (arγałaya) kemebesü odču Tömüjin-ü ułus-i abuya! Ułusiyen abdabasu, ułus ügegün bołbasu, yakiχun tede?» kemejüküi. Xačuχun-beki ögülerün: «Niłχa-Senggüm köbegün, čima-yi yaγun sedkibesü

Urtu-yin üjügür-e,
Gün-ü iraγur-a

kürülčesü!» kemejüküi.

§ 167. Ede öges ögülegüljü, Niłχa-Senggüm ečige-dür-iyen Ongχaγan-dur tedeger öges Sayiχan-Tödöger-iyer ögülejü ilejükü. Edeger öges ögülegdejü, Ong-χaγan ogülerün: «Köbegün-i minu Tömüjin-dür yakin teyin maγu sedkimü? Tngri-de ülü taγałaγdaχu bide. Jamuχa yabudaγ (χudał olgiyen) keletü bülüge. Jöb-üü, tab (buruγu)-uu ögülen buyu?» kemen eše taγałaju ilegejüküi. Basa Senggüm ögülejü ilegerün: «Amatu keletü kümün ögülen bögetele, yakin ülü biširegdekü?» kemen, jiči kümün-e ögülejü ilegeged yadaju, öbesüben beye-ber odču ögülerün: «Bel, čima-yi edüi bükü-dür, biden-i yaγun-a ber ülü bołγan buyu? Ene ber χaγan ečige čima-yi

Čaγan-a čačabasu,
Xara-da χaγabasu,

Xurčaχus-Buyiruγ χaγan ečige-yin činu joban edüi χuriyaju aγsan ułus-i činu man-a kü medegülkü ügei ken-e ber yakin medegülkü?» kemejüküi. Tere öge-dür Ong-χaγan ögülerün: «Čaχa (nilχa) köbegün-ben tebčijü, ečige-yin uruγ (törül) ima (eyimü) χari bołju maγu sedkibesü ker jokiχui?

Tngri-de ülü tayałaydaχu bide!» kemejükü. Tere öge-dür köbegün inu Nilχa-Senggün mayułaju, egüden orkiju γarčuχui. Jiči köbegün-yügen duran χayirałaju, uriju iregülju, Ong-χayan ögülerün: «Tngri-de man-i tayałaydaχu uu? Bide köbegün-i ker tebčisü, kememü. Ta čidan ele üyiledkü-ben ta medetkün!» kemejükü.

§ 168. Tendeče Senggüm ögülerün: «Mön-lü biden-ü Čayur-begi-yi γuyun bülüge. Edöge buγulǰar idere iretkün! kemen edür boljaju, uriju iregüljü, tende bariya!» kemeldükü. Ja kemen eye barilduju: «Cayur-begi-yi ögguye, buγulǰar idere iretkün!» kemen ilegebei. Uriγdaju (urin ilebesü, Činggis-χayan arban aran ayisurun (odurun), ǰayura Menglig ečige-yin ger-tür χonobasu, tende Menglig ečige ögülerün: «Čayur-begi-yi γuyubasu, mön-lü biden-i doromǰilaju ülü oggün bülüge. Edöge ker buruγuy-a buγulǰar idere kemen urijuχui? Öber-iyen yekečilekün aran buruγuya (χudalǰiyer) ögsü kemen uriχun bülüge. Jöb-üü tab-uu sedkil bui? Köbegün uχaju odχu bui. Xabur bolba, aduγun biden-ü turaχan bui, aduγun-iyen tejigesügei! kemen šiltaju ireye, kemejü ülü odun, Buχatai Kičiχutai χoyar-i buγulǰar idere ilegeye!» kemen ilegejükü. Činggis-χayan Menglig ečigeyin ger-teče ger-teden χaribai. Kičiχutai Buχatai χoyar-i kürkü-lüge seregdebe: «Bide manayar erte bošču bariya!» kemeldüjü;

§ 169. Teyin erte bošču bariya kemen barilduγsan-i Altan-u degüü Yeke-Čeren ger-turiyen irejü ögülerün: «Manayar erte Tömüjin-i bariya, kemeldübe! Ene öge-yi Tömüjin-e kelen kürügegsen kümün-i ele jambar bolγaydaχu?» kemejükü. Teyin ögülekü-dür, eme inu Alaχud kelelerün: «Tere deleme öge činu yayun bolumu? Aran ba ünemšiyegüjei!» kemen teyin kelekü-dur, aduγuči inu Badai sün kürgere irejü, ene öge-yi sonošču χariba. Badai χariju, nökür aduγuči Kišiliγ-a Čeren-ü ögülegsen öges ögülejükü. Čeren-ü köbegün, Narin-gegen, γadana sayuju, sumud-iyen ürün sayuju, ögülerün: «Duγar bide yayu kemeldülügei? Kele-ben abdaχun ken-ü aman idχaχun?» kemejükü. Teyin kemeged, Narin-gegen basa aduγuči Kišiliγ-a ögülerün: «Merked tei cayan aman cayan keger χoyar-i bariju abču ire, uyaju ene söni erte morilasu!» kemejükü. Kišliγ yorčiju Badaya ögülerün: «Duγar-un kele činu (ögülegči) mayad bolba! Edöge bide χoyar Tömüjine kelen kürgen yorčiya!» kemen öge barilduju, Merked tei čayan aman cayan keger χoyar morid-i bariju ireju uyaju, üdeši böged χonin-duriyen oroju, nigen χuraγa-ben alaju iširi-ber-iyen bolγaju, söni-de yorčiju, Činggisχayan-a söni kürčü, ger-ün umara-eče Badai Kišiliγ χoyar ögülerun, Yeke-Čeren-ü ögülegsen öges kiged köbegün anu Narin-gegen sumud-iyen ürün sayuju ögülegsen öges-i, Merked ten cayan aman čayan keger χoyar ayta bariju uya kemegsen öges bügüde-yi ögülejü ögbei. Basa Badai Kišiliγ

qoyar ögülerün: «Činggis qayan soyurqabasu ariyaɬ ügei bui: bučiju bariya kemen öge bariɬduba!» kemebe.

VI

§ 170. Teyin ögülegdejü, Činggis-qayan Badai Kišiliγ qoyar-un öges biširejü, söni böged dergede bükün itegelten-e kelen kiged (ögüleju) könggelen keüked-iyen gegeged buruγuyiɬan, söni böged ködelbei. Maγu öndür-ün kerü-ber ködelerün, Maγu öndür-ün kerü-de Uriyangqadai Jelmeqoba-yi itejü (itegejü?), qoyina-ben čaγduγuɬsan (čaγduγuɬ manuɬ boɬγan) boɬγasun (boɬγan?), qaraγuɬši (qaraγuɬ)-yi taɬbiju ködeljü, tere ködelügseber manaγarši edür düli naran gelbeyigülüged Xaɬγačin-elet-te kürčü, üderin (üdelen) bayubai. Üderidčü bayuγad büküi-dür, Aɬčidai-yin aduγun aduγuɬaγsan Čiketei Jidar qoyar ögülerün: jüyile jüyile (jölge)-dür aγtaiyen aduγuɬun yabuqui-dur, qoyina Maγu-öndür-ün ebür-iyer Uɬaγanburqad (buryasun) dayarin ayisuqui dayisun-u toγosun-i üjejü, dayin kürbei (dayisun kürčü irebei) kemejü aγta-iyen üldeged ireju, dayin kürbei kemegdejü üjebesü, Maγu-öndür-ün ebür-iyer Uɬaγan-burqad dayarin toγosun γarču, Ong-qayan tere nekejü aysun ajuγu kemejü, tende Činggis-qayan toγosun-i üjeged, aγta-iyen bariγuɬuγad ačiyaɬaju moriɬabai. Tedüi ese üjebesü, genen bülüge. Tere ayisuqui-dur, Jamuqa Ongqayan-ɬuγa qamtu ayisuɬčan ajiγu. Tende Ong-qayan Jamuqa-eče asaγčuqui: «Tömüjin köbegun-dur qadquɬduqun metüs ken bui?» kemen asaγubasu, Jamuqa ögülerün: «Tede Uruγud Mangγud kemekü irgen bui. Tede irgen inu qadquldumui ja!

Toγoriqu tutum
Töb jokiqu!
Degelkü tutum
Dem jokiqu!
Üčügüken-eče
Üldü jida-dur daduγsan irgen!
Tede qaraγčiγud aɬaγčiγud (qara aɬaγ) tuγtan bui.
Tede serelten irgen bui ja!»

kemejükü. Tere öge-dür Ong-qaran ögülerün: «Teyin bögesü, bide tendedür Jürken bayatud-iyen dobtuɬyaya! Jürken-ü gejige Tümen-tümeken-ü Način-širun-i dobtuɬyaya. Način širun-u gejige Oɬan-Dunggiyad bayatud-i dobtuɬyaya. Dunggiyad-un gejige Ong-qayan-u mingqan turqud-un gejige uduridun, Xori Šilmun tayiši dobtuɬtuγai! Mingγan turqud-un gejige bide Yeke-γooɬ dobtuɬuya!» kemejükü. Basa Ong-qayan ögülerün: «Jamuqa

degüü, biden-ü čerig-i či ǰasa!» kemeǰükü. Tere öge-dür J̌amuχa öbere bultayildaǰu (ončoyiłan) γarču, nöküdtür-iyen: Namayi ǰasa kememü! Anda-dur bi χadχułduǰu yadan yabułuγa. Ene čereg-i namayi ǰasa kememü! Ong-χaγan nada eče dülede činaru, caγtu nökür buyu! Anda-dür kele oroγułuya, anda χataγuǰituγai!» kemeǰü, J̌amuχa Doroγun Činggis-χaγan-dur kele oroγułǰu ögüleǰü ilegerün: Ong-χaγan nada-eče asaγba — Tömüǰin köbegün-dür χadχułduχun metüs ken bui? kemen asaγbasu, bi ögülerün — Uruγud Mangχud-i tumbiłan (sereltei kemen) ögülebe. Minu öge-dur mön J̌ürken baγatud-iyen mangłayiłan ǰasałdubai. J̌ürkan-ü geǰige Tümen-Tümegen-ü köbegün Način-Šitun-i kemeldübei. Tegün-ü geǰige mön ołan Dungkiyad-i kemeldübei. Dungkiyad-un geǰige Ong-χaγan-u mingγan turγud-un χori-Šilmun tayiši-yi kemeldübei. Tegun-ü geǰige mön Ong-χaγan-u Yeke γoł čerig-iyen bayisu kemeldübei. Basa Ong-χaγan ögülerün: J̌amuχa dugüü ene čerig-i či ǰasa! kemen nama-yi tüsin ögülebei. Egüber uχabasu, caγtu nökür buyu. Čerig-iyen ǰasałdun yaγun čidaχu? Erte anda-dur bi χadχułduǰu yadan yabułuγa. Ong-χaγan nada-eče čaγtu aǰuγu. Buu ayu, χataγuǰi!» kemeǰü ilegebei.

§ 171. Ene kele (öge) iregülüged, Činggis-χaγan ögülerün: «Uruγud-un Jurčidai, či yaγun kememü? Mangłayiłan čimayi ǰasaba!» kemebe. J̌určidai-yin urida Xuyiłdur ögülerün: «Anda-yin emüne bi χadχułdusu! Mön-e χoyina önečin köbegün-i minu asaraχui-yi medetügei!» kemebe. J̌určidai ögülerün: Činggis-χaγan-u emüne bi Uruγud Mengχud-iyer χadχułdusu!» kemeǰükü. Teyin kemeged J̌určidai Xuyiłdur χoyar Uruγud Mangχud-iyer-iyen Činggis-χaγan-u emüne ǰasaǰu bayiba. Bayiχui-łuγa dayin J̌ürken mangłayiłaǰu kürčü irebe. Ireküi-lüge Uruγud Mangχud esergü dobtułǰu J̌urken-i darubai. Daruǰu ayisuχui-dur Tümen-Tümegen-ü köbegün Način-Širun dobtulba. Dobtułǰu Način-Širum-dur Xuyildar χaγdaǰu, χadan-dur baγučiγu. Mangχud Xuyiłdar-un degere egerčigüi (ergečibei). J̌určidai Uruγud-iyer-iyen Tümen-Tümegen-i darubai. Daruǰu ködelgeǰü ayisuχui-dur Xori-Šilmun tayiši mingγan turγud-iyer dobtulba. J̌určidai basa Xori-Šilmun tayiši-yi ičüγaǰu (χariγułun) daruǰu ayisuχui-dur, Ong-χaγan-eče eye ügei Niłχa-Senggüm esergü dobtułχu bołun enggeske χačar-iyen χaγaǰu Senggüm mön tende unaǰuχui. Senggüm-i unaγdaǰu Kereyid bügüdeger Senggüm-ün degere egerčü (ergičeǰü) bayibai. Eyin daruǰu šinggeküi naran χubari (dałda) tašin büküi-dür bida-uχai egerčü (ergiǰü) Xuyiłdar-i unaγsan γaǰar-eče yaratu-yi abuγad γarču χariǰu Činggis-χaγan-dur bida-uχai Ong-χaγan-eče, χadχułduγsan γaǰar-eče χaγačaǰu, üdeši-de ködeljü χaγačan χonobai.

§ 172. Bayiǰu χonoǰu, edür geyigülüged bügedkebesü (büridkebesü), Ögedei, Boroγuł, Boγurči ede γurban ügei aǰuγu. Činggis-χaγan ögülerün:

«Ögedei-lüge itegeltei Boroγuł, Boγurči χoyar χočorču ajuγu. Ba üküjü yaγu χaγačaχun tede?» kemebe. Bidan-uχai söni-de aγtas-iyen barilju χonoju, Činggis-χaγan ögülerün; «Xoyina-eče bidan-u nekejü irebesü, χadχułduya!» kemen jasaju bayiba. Edür geyin bołγaju üjebesü, χoyina-eče nigen kümün ayisuχui kürčü irebesü, Boγurči ajuγu. Boγurči-yi kürčü iregülüged, Činggis-χaγan ögülerün: «Mönge Tngri medetügei!» kemejü ebčigü-ben mökülidbe (deledbe). Boγurči ögülerün: «Dobtułχui-dur morin-iyen χaγdaju yabuγan güyijü yabuχui-dur, mön Kereyid-ün Senggüm-ün degere egerčü (ergičejü) bayin bükü χoγor (jabsar) čöle-dür ačiyatai morin ačiyaben kelbeyigüljü bayin bükü-yi ačiya inu oγtałaju inggirčaγ (χangγai)-dur unuju γarču bidan-u χaγačiju (sałju) χariγsan möriyen möskin yabuju, mör ołju edüi irebe bi!» kemebe.

§ 173. Basa χorumut atała basa nigen kümün ayisuχui kürčü ayisuχui-dur, doora inu üjebesü, köl-iyen unjiłjaju γaγča kümün metü buyu. Iren barabasu, Ögedei-yin χoyina-eče Boroγuł aman-u jabaji-ber čisun čuburiγuγju kürčü irebe. Ögedei subjisu-ben sumun-a tusdaju čisun anu aγdarun, Boroγuł böglegsen čisun-i šimejü, jabajin-iyer čisun čuburiγułju irebe. Činggis-χaγan üjejü, nidün-ecegen nilbusun čuburiγułju duran inu aljiyaγad: «Γał ödter tüligülütkün!» kemejü, γał tülejü χałaγu dayaγułun, Ögedei-e umdan öggügüljü, dayisun irebesü χadχułduya! kemejü bülüge. Boroγuł ögülerün: «Dayisun-u toγosun činaγši Maγuöndür-ün ebür-iyer Ułaγan-Burχad-un jüg toγosun urtuda γarču činaγši yorčibai!» kemebe. Boroγuł-un tere öge-dur irebesü χadχułduχun bülüge. Dayin buruγułan ködelbesü, bide čerig-iyen jübširejü χadχułduya kemejü ködelbei. Ködölürün Ułχui-šilegečin ögede ködölüged, Dałan-nemürges kürbei.

§ 174. Xoyina-eče Xadaγan-Dałduryχan eme köbegün-eče-gen χaγačin irebe. Irejü Ong-γaγan-u öge kemen ögülerün: «Ong-χaγan köbegün-ben Senggüm-i üjejü, manaγar enggeske χačir-iyen oγtałun χaγdaju, degere inu egegrčü (ergičejü) ögüjükü: Iłaγdaχu metü dür iłaγdaba! χałχu metüdür χałχu bołun, χayiran köbyün-ü minu χačar-tur γadaγasun χadaba. Köbegün-ü amin-i erüsün (ałaγčiłan, ałγačiłan) dobtułuya!» kemebesü tegün-dür Način-Sirun ögülerün: Xaγan bütügei (teyimü busu)! Ečine bükü köbegün engkerun iłbusun jalma kijü ebui-ba-bui! kemeń enerin jałbarimui bide. Edün törun baraγsan köbegün Senggüm-i γarγaya! Mongγoł-un ołangkin Jamuχa-łuγa, Ałtan Xučir-luγa biden-dür bui. Tömujinlüge dayijiju γaruγsan Mongγoł χamiγa odχun? Tede uuta modun-i nemüre-de (χorγa) bołbai. Teden-i ese irebesü, odču morin jundaγuł (χomoγoł) metü χormayiłaju abčiraχun (ačaraχun) ja bide tedeger-i! kemebe. Način-

Širun-u ene öge-dür Ong-χaγan ögülerün: J̌a, teyin bögesü, köbegün ałǰuγuǰai! Köbegün ülü dengselgen asaratχun! kemeged, γadχułduγsan γaǰar-eče χarin ičubai». Kemebe.

§ 175. Tendeče Činggis- χaγan Dałan-nemürges-eče Xałχa uruγu ködelürün, toγa toγałałduǰu toγałabasu, χoyar mingγan jiryuγan ǰaγun arad bołbai. Nigen mingγan γurban ǰaγun arad Činggis-χaγan-łuγa Xałχa-yin öröneǰi eteged-iyer negübei. Nigen mingγan ǰuryan ǰaγun Xałχa-yin ǰegün eteged-iyer Uruγud Mangχud negübei. Teyin negüǰü ayisuγui-dur, görögesün-e abałan yabuχui-dur, Xuyiłdur yaran-iyen anaγa edüküye. Činggis-χaγan idχabasu ülü bołun, görögesün-dür dobtułχu bołun ügdereǰü nögčibe. Tende Činggis-χaγan Xałχa-yin oroχu-yin keltegei χada-da Xuyiłdur-un yasun inu talbiγułba.

§ 176. Xałχa-yin Buyir-naγur čidχuχu ijaγur-a oyimelten Xongkirad bui kemen J̌určidai-yi Uruγud-iyer ilegeged . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

§ 208. «Jurčidai-yi öndür aγuła-yin nemure metü sedkijü yabuχu bülüge bi. Tere odču Balǰuna-naγur usułara kürbei je. J̌iči Bałǰuna-naγur-eče moriłarun J̌určidai, Arχai-χasar χoyar-i amin čiχułǰu (öberčileǰü) Kereyid-tür moriłaǰu, Tngri Γaǰar-a küčü nemegdeǰü, Kereyid irgen-i muχudχaǰu (ečüngeǰü) tulibai (ołǰałaba). Erkin ułus üküčildüǰü (ałałduǰu), Naiman Merked čiraban χuγuraǰu, bayiłdun yadaǰu busangγaγdabai ja (tarχabai). Merked Naiman-i busangγaχu (tarχaγaχui) χoγor (jabsar)-tur, Kereyid-ün Jiχa-Kambuu Χoyar ökid-ün šiłtaγabar öberün χariyatu ułus-tur-iyen tumta aγsan aǰuγu. Nögögede dayisun bołun χaγačaγsan-i J̌určidai odču, arγa-ber Jiχa-Kambuu-yi χaγačaγsan baraγsan-i γartaǰu bariju bütügeǰüküi (ałaǰuχui) ja. — Tere Jiχa-Kambuu-yin ułus-i nögögede ülidken (bürelken) tałbıbai (Boγda Eǰen). Jurčidai nögöge tusa inu ene buyu ja!» kemen

Ałałduχui edür
Amin-iyen öregsen-ü tuła,
Üküldüküi edür
Ölümlegsen-ü tuła,

Činggis-χaγan Ibaχa-beki-yi J̌určidaya soyurχaǰu öggürün: «Čimayi aburi üyile čegeǰi činu ösküi-dür üǰesküleng tei maγui ese kemebe bi. Köl-i činu šibaritai, kölösün činu ünertei ese kemebei je bi. Ebür-tür köl-dü oroγsan, jerge-dür jergelen saγuγsan čimayi J̌určidaya soyurχarun, Yeke törü-yi

sedkijü, Jurčidai-yin χadχulduγan edür χalχa bolυγsan-u tuła, dayisun-kümün-dür dałda bolυγsan-u tuła, χaγačaγsan ułus-i χamtudχaγsan-u tuła, butaraγsan ułus-i bütügeldügsen-ü tusa-yin tuła, törü-yi sedkijü čimayi ögbe. Mön-e χoyina Minu uruγ Bidan-u oro saγuju, ene metü tusa kigsen, Törü-yi sedkijü, Minu öge busu ülü bołγan, uruγ-un uruγ kürtele, Ibaχa-yin üliger buu tasułtuγai!» kemen jarliγ bołba. Basa Ibaχa-da ögülerün: «Jiχa-Kambuu ečige činu imada (nadur) Ašig-Temür bayurči, Ałčiχa-u χorči χoyar jaγun jaran ułus ögčü bülüge. Edöge Ałčiχai irgen jaγun-i abču odču önürün sayin-iyen ende inješ-ečegen Ašig-Temür bayurči-da nigen jaγun tałbiju yorči(od)!» kemeba. Basa Činggis-χaγan Jurčidaya ögülerün: «Ibaχa-dur nigen jaγun-i tu ögbe. Uridu törü mingγan Uruγud-ıyen či medejü ülegü (yabu) aχu či!» kemen jarliγ bołba.

IX

§ 209. Xubiłaya ögülerün: «Küčütü-yin küjugüü, bökeyin bögsen bütügeldübe či! Ede Xubiłai, Jelme, Sübegetei, Jebe ta dörben sudaχan-iyen (?) sedkigsen (törül-iyen sanaγsan)-dur jaruju ilegebesü kü

Kür kemegsen-dür,
Gürü kemkelün;
Γał kamegsen-dür
Xada χaγałun,
Čeügen čiłaγun-i čaru
Čegel usun-i nitulun ögbei je ta!

Xubitai, Jebe, Jelme, Sübegetei ta dörben ünen-iyen joriγsan γajar-a ilegejü, Boγurči, Tułai, Boroγuł, Čiłaγun-Baγatur ede dörben külüg-üd-iyen derge degen abubasu, χadχułduχun edür bołbasu, Jurčidai, Xuyiłdar χoyar Uruγud Mangχud-iyer-iyen uduriduγan bayiγułbasu, bükü sedkil-iyer amuχu bülüge bi!» kemebe. «Xubiłai čerig-ün üyile bügüde-yi χaγałju (iłγaju) ülekü (medekü) aχu?» kemen soyurχaju jarliγ bołba. «Bidügün-i mojiraγad Tułai-yi maγułaju yabuju mingγan-i imada (nadur) ese ögbe! Či imada jöb bui ja! Čima-łuγa mingγałaju eyetüldüjü yabuγdaχu!» kemebe. Basa mön χoyina Bedügün-i uχud (?) ta!

§ 210. Basa Činggis-χaγan Degedei-γoua-da ögülerün: «Ta, Boγurči, Muχali, terigüten noyad-ta Dödei Doχułχu tan čerbin ene χara söni kürgügetü činoa gegegen edür χara keriye bołju, negükü-dür ese negügsen, nögčikü-dür ese nögčigsen, bułχa kümün-lüge buši (busud-un) niγur ese jubčiγsan (χaraγsan), östü kümün-lüge öbere niγur ese jubčiγsan urbaγsan), Γoua, Köke-Čos χoyar-eče eye ügegü buu üyiledutkün!» kemen

ǰarliγ bolba. «Köbegüd-ün mini aχa J̌oči bui ǰa. Γoua Geniges-iyen terigüleǰü, J̌oči-yin doora Tümen-ü Noyan boltuγai! kemen ǰarliγ bolba. Γoua, Köke-Čos, Degei, Üsün-ebügen ede dörben üǰegsen-iyen ülü niγun, sonosuγsan-iyen ülü χabčiχun tede bui ǰa!»

§ 211. Basa J̌elme-de ögülerün: «J̌určidai-ebügen kögürge-ben ögürčü, J̌elme neretei ölügei tei ene Burχan-χaldуna-eče baγuǰu ireǰü, Onan-u Deligün-boldaγa namayi törükui-dür bulγan ölügei ögčü bülüge. Tere nökučegsen-ber

Bosuγa-yin boγol
Egüden-ü emčü (ǰaruča)

bolbai ǰa. Jelme-yin tusa olan bui ǰa.

Törüküi-lüge törüldügsen,
Ösküi-lüge ösüldügsen

bulγan ölügei iǰaγurtu,, ölǰeyitü χutuγtu J̌elme, yisün endel-dür aldabasu, eregü-dür buu orotuγai!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 212. Toluy-a ögülerün: «Ečige-eče köbegüd öbere mingγan-ber medekü bülüge či. Ulus χuriyataγa ečige-deče obere ǰigür bolun ǰügeldüǰü ulus χuriyalduγsan-u tuγa, čerbi nere ögbei ǰe (eǰen noyan). Edöge öber-ün oluγsan ǰügegsen-iyer-iyen, öbere mingγan bolǰu, Turχud-tur eyetüldüǰü ülekü (medekü) aχu či!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 213. Basa Önggür-baγurčin-dur ǰarlig bolurun: «Γurban Toχuraγud, tabun Tarχud, Menggetü-Kiyan-u kübegün či, Önggür, Čangšiγud Bayaγud-iyer atuγai, nigen küriye bolǰu, či, Önggür

Budan-dur —
Ese tögcribei ǰe či.
Bulχa-dur —
Ese χaγačabai ǰa či.
Noyitan —
Nobšilduǰu,
Küyiten —
Köbšildüǰü,

yabuba ǰa či! Edöge yambar soyrχal abχu!» kemebesü, Önggür ögülerün: «Soyuǰχal songγoγulbasu, Bayaγud aχa degüü minu χari tutum-dur buratara bui. Soyurχabasu, Bayaγud-yügen čiγulγasuγai!» kemebesü: «J̌a, teyin bögesü, aχa-degüü-yügen čiγulγaǰu či mede! Mingγan-i.» kemebe (mede).

Basa jarliγ bolurun, «Önggür Boroγul χoyar bayurčin, barayun jegün etegedün χoyar bayurčin, idegen tügegerün, barayun eteged bayiγsad sayuγsan-a, jegün eteged jergelegsen ayan-a ülü dutayulun, ta χoyar-i teyin tügegebesü, minu χoγolai ülü χučin, sedkil amuyu. Edöge Önggür Boroγul χoyar moriłaju yabuju olan kümün-e tügegdekün!» kemen jarliγ bolba. «Sayuri sayurun Yeke Düsürge-yin barayun jegün eteged idege bišiłyan (činan) šayutχun! Tołui-tan-lüge tüblen sayutuγai!» kemen sayuriu jiγaju ögbe.

§ 214. Boroγuł-a ögülerün: «Eke minu Šigi-χutuγ, Boroγul, Küču, Kökečü ta dörben-i irgen-ü nutuγ-eče

Köser-eče ołju
Köl-dür-iyen dürüjü
Köbegünčilen asaraju tejiyerün,
Küjügün-eče tanu tataju,
Kümün-lüge sačayu bołyaju,
Egem-eče tanu tataju,
Ere-lüge sačayu bołyaju,

köbegün-degen Nadur nökür bołyasu kemen tejiyebei je. Tejiyegsen ači Eke-de ba Nadur tusa χariγulbai ta.

Xadχułduχui dayisun-dur
Xoγosun ese χonoγułbai.
Šitüldüjü bükü dayisun-dur
Šilun ügei χonoγułbai je či.

Basa ebüges-i barayan östü kistü Tatar irgen-i doroyidayułju ošil ošin, kišil kisen Tatar irgen-i čigün-dür ülijü ülidkün kiduχui-dur ałaγdarun Tatar-un Xargił-Šira oγurčay bołun γarču, jiči yadaju ölöščü orojü Eke-dür ger-te sayi erigylsün (erigülün) buyu bi! kemebe. Sayi erigülsün bögesu—tende sayul kemegdejü, örüneji iser-iyin üjügür-e sayuju bükü-dür, Tołui tabun nasutu γadana-eče oroju irejü, jiči güyijü γarču odun bükü-yi Xargił-Šira bosuγad, köbegüken-i suγu-dur-iyen χabčiju γarču yabuju ayisurun (iren) kituγa-ben temtüljü juγułun yabuχui-dur, Boroγuł-un gergei Iłtai-eke ger-ün dotura bülüge. Eke χayiłaju—Köbegün baraba! kemeküi-lüge Iłtai-eke ger-teče udayarałdun (daru dayan) güyijü γarułčaju, Xargił-Šira χoyina-eče güyičijü, šibelger inu bariju, nögöge γar-iyer-iyen χituγa juγułun bükü-dur, γar-i inu bariju tataχui-łuγa χituγa-ban ałdačiχu, ger-ün ümere Jetei Jelme χoyar muχułjin χara üker jemelen ałaju bükui-dür, Iłtai-yin dayun-dur Jetei Jelme χoyar süke χituγa

bariju, nudurγa-iyen ałaγdaju güyiji ireji, Tatar-un Xargił-Šira-yi süke χituγa-ber mön tede ałajuχu. Iłtai, J̌etei, J̌elme γurban kobegüken-i amin aburaγsan jiłdu (jöb-iyen ǰergečen) temečildübesü, J̌etei J̌elme χoyar ögülerün: Minu ügei bögesü, odter güyičeji ese ałabasu, Iłtai eme kümün bülüge (yaγaχiχu). Köbegüken-i amin-dur χour ülekü (ülü) kürkü (kürgekü) bülügei-uu? J̌ułdu (job) manuχai bui ja! kemebe. Iłtai ögülerün: Minu daγun ese sonosbasu, ta ker öčikün bülüge? Namayi güyičeji šibelger inu bariju, χituγa ǰuγułuγsan γar inu tataju, χituγa ese ałdaγsan bögesü, Jetei J̌elme χoyar-i kürčü iretele, köbegüken-ü amin-dur χour ülekü kürgekü bülügei-üü?» kemebei. Ögülen barabasu, jiłdu Iłtai-yin bołbai. Boroγuł-un gergei Boroγuł-dur nögüge jigür bołun, Tołui-yin amin-dur tusa bołba. Basa Boroγuł Kereyid-lüge Xalχałajid-ałus χadχułduχui-dur, Ögedei χoyiši-ben sumun-a tusdaju unabasu, Boroγuł degere bayułdaju (bayun) aχusan čisun inu amaγar-iyen šimiju, söni χaγačiłduju manaγarši morindur unuγułju sayun yadaχu-yi sundałaju, Ögedei-yin χoyina-ełe teberijü, böglegsen čisun-i inu šimin šimin aman-u jabajin-iyer ułγadaju, Ögedei-yin amin-i esen kürgejü ireju bülüge. Eke-yin minu jobaγsan ači χoyar köbegüd-ün minu amin-dur tusa bołbai ja! Boroγuł nadur nökočeju,

Darbaγan uriγa tan
Daγun-dur dem-eče

ese χojidabai ja! Boroγuł yisun endel endebesü, buu ałdatuγai (erigü-dür buu orotuγai)!» kemen ǰarliγ bołba.

§ 215. «Basa ökin uruγ-daγan soyurχał ögeküi-e!» kemebe.

§ 216. Basa Üsün-ebügen-e ögülerün: «Üsün, Γoua, Köke-Čos, Degei ede dörben üjegsen sonosuγsan-iyen ülü niγun, ülü χabčin jiγan aγun bülüge. Mongγoł-un törü noyan mör beki bołχu yosun ajuγu. Bayarin aχa-yin uruγ bülüge. Beki mör bidan-u dotura degere eče; beki mör Üsün-ebügen-dür bołtuγai! Beki ergürün, čaγan aγta unuγułju, čaγan degel emüskejü, sayurin-u degere sayułγju, degedü ene širen-dür šidejü, takin atuγai!» kemen ǰarliγ bołbai.

§ 217. Basa Činggis-χaγan «Xuyiłdar anda χadχułduγan-dur aminiyen öreju, urida aman negegsen tusa-iyen tuła, uruγ-un uru-a inu kürtele önečid-un abliγa (ałba) abun atuγai!» kemen soyrχał ǰarliγ bołba.

§ 218. Basa Čaγan-γoua-yin köbegün Narin-Toγorił-a ǰarliγ bołurun: «Ečige činu, Čaγan-γoua minu emüne kejigeju χadχułduχu bołun Dałanbałjud-ta χadχułduχui-dur J̌amuχa-da ałaγdałuγa. EdögeToγorił ečigeyügen tusa-yüin tula, önečid-ün abliγa abun atuγai» kemegdjü, Toγoril ögülerün: «Soyurχabasu Eküs aχa degüü χari tutum bura tara bui. Eküs-

aɣa degüü-yügen čiɣuɬɣasuɣai!» kemebesü, ǰarliɣ bolurun: «Teyin bögesü, Ekŭs aɣa degüü-yügen čiɣuɬɣaǰu,či uruɣun uruɣ kürtele mingɣan-i medeǰü ülekü (eǰelekü) aɣu!» kemen ǰarliɣ bolba.

§ 219. Basa Toryon-Šira-da ǰarliɣ bölurun: «Namayi öčüken čaɣ-tur Tayičiɣud-un Taryutai-Kiriltuɣ aɣa degüü-de egerigdeǰü bariɣdabasu, tende aɣa degüü-degen nayidaɣdamu (iɬaɣdamu) kemen, Toryan-Šira, Čiɬaɣun, Čimbai köbegüd-türiyen, Xadaɣan neretei ökin-degen asaraɣuɬǰu niɣuǰu aǰu namayi taɬbiǰu ilegebei je ta. Tere tusa-yin sayin-i činu sedkiǰü, ɣara söni ǰegüden-dür, gegen edür čegeǰin-dür sedkiǰü yababai ǰa bi, tan-i. Edüi Tayičiɣud-eče udaɣan irebei je ta! Edöge bi tani soyurɣasu. Yambar soyurɣaɬ taɣaɬaɣun ta?» kemebe. Toryan-Šira Čiɬaɣun Čimbai köbegüdiyer-iyen bolun ögülerün: Nutuɣ daryaɬasu! Merkid-ün ɣaǰar Selengge-yi nutuɣɬaǰu daryaɬasu!» kemebei. Tegün-dür ɣaɣan ǰarliɣ bolurun: «Merked-ün ɣaǰar-i Selengge-yi nutuɣɬaǰu daryaɬaɣad uruɣ-un uruɣ-a kürtele ɣorčiɬaɣuɬǰu ötüglegüljü daryaɬaǰu, yisun endel-dür erigü-dür buu orotuɣai!» kemen ǰarliɣ bolba. Basa «Čiɬaɣun Čimbai ɣoyar-un ögülegsen öges-i sedkiǰü ker aɣdaɣu? Čiɬaɣun Čimbai, ta ɣoyar edöge sedkil-iyen ögületkün! Ögülekü bögesü, ǰaɣur-a kümün-e buu kelegülütkün! Öberün beyes-iyer amaɣar nadur öbesüben sedkigsen-iyen keletkün!» kemen ǰarliɣ bolba. Basa «Toryan-Šira, Badai, Kišliɣ ta ɣoyar taryud basa daryaɬarun, oɬan dayisun-dur oɬǰa oɬbasu, oɬuɣsabar abutɣun! Oroɣa görögesün-dür abaɬabasu, aɬaɣsabar abutɣun!» kemen ǰarluɣ bolba. «Toryan-Šira kemebesü, Tauičiɣud-un Tödege-yin aran aǰuɣu ǰa. Badai Kisliɣ ɣoyar kemebesü, Čeren-ü aduɣuči aǰuɣu ǰa. Edöge minu turuɣ ɣorčiɬaɣuɬǰu öteglegüljü daryaɬan ǰiryatɣun!» kemen ǰarliɣ bolba.

§ 220. Basa Nayaɣa-da ögülerün: «Širketü-ebügen Nayaɣa köbegüdlüge-ben ta Taryutai-Kiriltuɣ-i Bidan-dur bariǰu ayisurun, ǰaɣura Xudɣuɬnuɣud-a kürčü, tende Nayaɣa ögülerün: Tus ɣaɣan-iyan ker tebčiǰü bariǰu odɣu bida? kemeǰü, tebčin yadaǰu taɬbiǰu ilegeǰü, Širketü-ebügen Aɬaɣ Nayaɣa köbegün-lüge-ben ireǰü, tende Nayaɣa biɬdaɣur ögülerün: Tus ɣaɣan-iyan Taryutai-Kiriltuɣ-i ɣartaǰu ayisurun, ǰiči tebčin yadaǰu taɬbiǰu ilegeǰü bi. Činggis-ɣaɣan-a kučü öggürün irebei. Tüs ɣan-iyan ɣartaǰu irebesü, tus ɣan-iyan ɣartaɣsad arad mön-e ɣoyina ker itegegdekün ede? kemekŭi bülüge. Xaɣan-iyan tebčin yadabai kemebesü, tede tus ɣaɣan-iyan tebčin yadaɣsan Yosu Yeke Törü-yi sedkiǰükŭi! kemen öge inu ǰöbšiyen ču nigen üyile-dür tür tüšiye! kemelüge. Edöge Nayaɣa töb-ün tümen-i medetügei! kemen ǰarliɣ bolba. Naiman širaɣa morin-i nekekŭi-dür, naran-i kiltus-kiǰü ɣaryui čaɣ-tur učaraǰu, nasun büri kučü-ber ögbei! kemen Edöge Boyurči-da baraɣun ɣar-un tümen-i medegülbei. Dayisun-i daruɬ-

čaγsan oǰa-yi oroγuǰčaγsan morin-iyan del degere naran γaryaǰu, segül degere budan taǰbiǰu, dayisun-u mör-i tögörigüljü, esen mendü abču iregsen, J̌aǰayirtai-yin sayin Muχuli kücün öggügsen oǰan bui!» kemen, göi ong čingsang tayiši čoǰa ögčü, ǰegün γar-un tümen-i medegülbei.

§ 221. «Jebe Sübegetei χoyar öber-ün oluγsan jögegsen-beriyer mingγaǰatuγai!» kemebe.

§ 222. Basa Dedei χoniči-da bügdügüli čiγuǰγaǰu mingγan-i medegülbe.

§ 223. «Gücügür möči-de irgen dutaγdaǰu, endeče teṇdeče χubčiǰu, ǰerge-deče Muǰuχaǰaχu jüg-iyer nököčelügei. Gücügür Muǰuχaǰaχu χoyar nigen-e mingγaǰaǰu ayetüldüjü aγdaχun!» kemebe.

§ 224. Ulus bayiγuluγsan-i jögeldügsed-i anu Mingγad-un Noyad boǰγaǰu, mingγa mingγaǰaǰu, Mingγad-un Noyad, J̌aγud-un Noyad, Arbadun Noyad-ta Tümed-ün Noyad-ta soyurχaǰ ögdekün metüs-e soyurχal-i ögčü, soyurχaǰ ǰarliγ boǰχun-a boǰǰu, ǰarliγ boǰurun: «Urida nayan kebtegülsü tü daǰan turχaγ-ud kešegtentü bülüge. Edöge Möngke Tngri kücün-dür, Tngri γaǰar-a kücün auγa nemegdejü, gür ulus-i soyurχaγdaǰu, γaγča jiǰuγa-duriyen oroγuǰuγsan-dur, edöge Nadur kešigten turχaγ-ud mingγad-eče iǰγaǰu oroγuǰutχun (yabuγuǰutχun)! Kebtegül χorčin turχaγ-ud oroγuǰurun, tümen dügürgen oroγuǰutχun!» kemen ǰarliγ boǰba: «Basa kešigten oroγuǰχui-dur ǰarliγ boǰba. Mingγad mingγad-ta tungχaγarun (iǰγan): Bidan-dur kešigten-i oroγuǰurun, tümed-ün, mingγad-un, ǰaγud-un Noyad-un köbegüd düri-yin kümün-ü köbegüd-i ororun (yabuγuǰun) erdemüd ten šil sayitan Bidan-u dergede yabuχun metus-i oroγuǰtuγai (yabuγuǰtuγai)! Mingγad-un Noyad-un köbegüd anu arban nöküdtü nigen degüü-yi daχaγuǰǰu iretügei! J̌aγud-un Noyad-un köbegüd-i anu oroγuǰurun, tabun nöküd-tü nigen degüü-yi daγaγuǰǰu iretügei! Arbad-un Noyad-un köbegüd-i anu düri-yin kümün-ü köbegüd-i oroγuǰurun γurban nöküd-tü nigen degüü-yi daγaγuljǰu, iǰaγur-un kü mingγan oǰaγa (olan-a) kücü ǰasaǰu, iretügei! Bidan-u dergede yabuγuǰχun-i böged-ün, mingγad-un Noyad-un köbegüd-te arban nöküd iǰaγur-un mingγan ǰaγun-eče χubčiǰu (χubiǰaǰu) ögtügei! Ečige-yügen öggügsen χubi kešig bögesü beye γad-iyar oluγsan jögegsen ere aγta kedü bögesü inu emču χubi-eče anggida, Bidan-u kemlegsen kem-iyer χubčiǰu (χubiǰaǰu) teyin ǰasaǰu, ǰaγud-un Noyad-un kübegüd-te tabun nöküd boǰγan, arbad-un Noyad-un köbegüd-te düri-yin kümün-ü köbegüd-te γurban nöküd mön yosuγar emču χubi-eče anggida mön teyin χubčiǰu (χubiǰaǰu) ögtügei!» kemen ǰarliγ bolba. «Mingγad-un, ǰaγud-un, arbad-un Noyad oǰan kümün Bidan-u ene ǰarliγ kürgegülüged sonosuγad bürün, dabaχun arad aldaǰtan (gem eregüü-tü) boǰtuγai! Bidan-dur kešig oroχun (yabuχun)

aran bultariχu ülü bolχun Bidan-u dergede yabuγui-bán berkešiyelebesü, busu kümün-i oroγulju, tere kümun-i erigülejü, nidun-u ečine γoła γajar-a ilegeye! kemen jarliγ bolba. Dotona Bidan-u dergede yabuju surułčaju kemejü irekün arad-i buu idγatuγai!» kemebe.

§ 225. Xaγan-u jarliγ boluγsan-ber, mingγad-un jaγudun arbad-un Noyad-un köbegüd-i mön kü jarliγ-un yosuγar ilγaju γarγaju irejü aran kebtegül bolba. Tegün-i naiman jaγun bolγabai. Naiman degere mingγan dügürgetügei! kemebei. Kebtegül oroχun-i buu udaγatuγai! kemen jarliγ bolba. Kebtegül-i Yeke-Negürin aχałaju, mingγan medejü atuγai! kemen jarliγ bolba. Urida dörben jaγun γorčin-i ilγabai. Ilγaju, Jelme-yin köbegün Yisüntege aχałaju, Tödei-yin köbegün Bükedei-ten-lüge eyetüldüjü atuγai! kemebe. Turaχaud-łuγa γorčin kešig kešig-tür orołdurun Yisüntüge nigen kešig γorčin-i aχałaju orotuγai. Uradtan nigen kešig γorčin-i aχałaju orotuγai. Ałbałan Ałbalan nigen kešig γorčin aχałaju orotuγai. Xour aγsaχuy-a turaχaud kešig kešig γorčin-i teyin aχałaju oroγułtuγai! Xorčin-i mingγan dügürgejü Yisüntüge aχałaju atuγai! kemen jarliγ bolba.

§ 226. Urida Egöle-čirbi-łuγa oroγsan turuγaud degere mingγan dügürgejü, Boγurči-yin uruγ-eče Egölen-čirbi medetügei! kemebe. Nigen kešig turaχaud mingγan-i Muχaliyin uruγ-eče Buχa medetügei! kemebe. Ilükei uruγ-eče Ałčidai nigen mingγan turaχaud-i medetüγei! kemebe. Nigen mingγan turaχaudi Tödei-čirbi medetügei! kemebe. Nigen mingγan turuχaud-i Doχołχu-čirbi medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaχaud-i Jurčidai-yin uruγ (törül)eče Čanai medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaχaud-i Ałči-yin uruγ-eče Aχutai medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaχaud-i Arχai-χasar, nigen mingγan ilγaγsan bayatud-i medejü, ołan edür χas bołju ałtan amin Minu sakituγai! Xadχułduγan edür urida bayiju bayatud bołju χadγułdutuγai! kemen jarliγ bołbai. Mingγad mingγad-eče ilγaju iregsed naiman mingγan turaχaud bolba. Basa jarliγ bołurun: «Bidan-u čaγada (činadu) tümen kešigten-i bökelejü Yeke γoul bołun atuγai!» kemebe.

§ 227. Basa jarliγ bolurun, Turaχaud dörben kešigüdün etögülekün-i tüširün, Buχa nigen kešig kesigten-i medejü, kešig jasaju orotuγai. Ałčidai nigen kešig-i medejü kešegten-i jasaju orotuγai (yabutuγai). Tödei-čirbi nigen kešig kešigten-i medejü jasaju orotuγai. Doχułχu-čirbi nigen kešig kešigten-i medejü jasaju orotuγai! kemen kešig oroχui jarliγ tungχaγarun (ilegerün), kešig ororun, kešig-un Noyan öber-türiyen kešiglegsen kesigten bütügejü kešig oroju, γurban χonołduju yegüdketügei! Kešigtü kümün kešiγ oγarabasu, tere kešig oγaraγsan kümün-i γurban beriyes süyitügei (gübšitügei). Mön kešigtü nögöge kešig oγarabasu, dołuγan beriyes süyitü-

gei. Mön kümün, beye γag (γar) ebečin ügei, kešig-ün Noyan-eče eye ügegü, mön kešigtü γurban-ta kešig oγarabasu, γučin dołuγan beriyes süyidged, Biden-dur yabuχui-ben berkešiyen ajuγu. Ečine χoła γajar-a ilegeye! kemen jarliγ bołba. Kešigüd-ün Noyad öteges γutuγar kešig-tür ene jarliγ kešigten-e sonosuγad ese sonusχabasu, kešigüd-ün öteges ałdałtan bołtuγai! kemen jarliγ bołba. Jarliγ sonosuγad bürün dababasu, jarliγ-un yosuγar kešig oγarabasu, kešigüd-ten ałdałtan bołtuγai! kemen jarliγ bołba. Kešigüd-ün öteges endebe ele kemen sačaγun oroγsan Minu kešigten-i Nadaeče eši ügegü buu jasaγdaχun! Jasaγ kündebesü, Nada jiγatχun! Mökörigüldekü (ałaγułχu) yosutu bögesü, kebtegülün nišiχun ja! Ałabai ele kemejü sačaγun kešigten-i Minu öberün γar köl kürgejü beriye beriyedebesü beriye-yin χariγu beriye kü, nidurγa-u χariγu nidurγa-ber χariγułtuγai! kemebe.

§ 228. Basa jarliγ bołurun: «Γadaγadu Mingγad-un Noyad-eče Minu kešigtü degere bui ja. Γadaγadu Jaγud-un Arbad-un Noyad-eče Minu kešigtü-yin köteči degere bui ja. Kešigten-dür Mingγaliγ-ud sačaγun bołju denggečin, Minu kešigten-dür kereldübesü, Mingγaliγ-ud-un kümün-i erigüleye (jasaγłaya)!» kemen jarliγ bołba.

§ 229. Basa jarliγ bołurun, kešigüd-ün Noyd-a jarliγ tungχaγarun: χorčin turaχaud kešig oroju, edür-ün yabudał mör mör-türiyen yabuju, naran-u γałtaya kebtegüle jayiłaju, γadana γarču χonotχun! Bidan-dur söni kebtegül χonotuγai! Xorčin-dur χoyar baγurčin-i ayaγa saba kebtegül-e daγałγaju odtuγai! Γadana χonoγsan χorčin turaχaud baγurčin Bidan-i šilu idetele kiröge (ködöge)-dür saγuju, kebtegül-dür kelelčejü (ögülejü), šilü iden barabasu, χorčin χourtu turχaud-tur-iyen baγurčin ayaγa saba-duriyen daγałγatuγai! Kešig mön mön ene χuli-ber teyin kitügei! kemen jarliγ bołba. Naran šinggegsen-ü χoyina ordo-yin χoyiχun (χoyina) urduχun (emüne) ketügeljin yabuχu kümün-i kebtegül bariju χonoju, manaγar kebtegül öges-i inu asaγtuγai! Kebtegül kešig yegüdkeldürün, beye anu toγołaju oroju iretügei. Yegüdkejü γarχun-a kebteül toγołaju γarču, toγołaju oroχu odtuγai! kemebei. Kebtegül söni ordo orčin kebtejü, egüden daruju bayiγsan χoyina kebtegül söni oroχun aran-i ekid (terigün) anu dałbiru (χaγa) müris (müren-dür) anu baγutała (kürtele) čabčiju oγurtaχun (orkiγtun). Yaγarał (yaγaraχu) keleten aran irebesü, kebtegül-tü kelelčejü ger-ün umara-eče kebtegül-lüge χamtu bayiju kelelegültügei! kemebei. Kebtegül-eče degere saγuri ken ber buu saγutuγai. Kebtegül-eče kelen ügei ken ber buu yabutuγai! Kebtegül-ün degegün ken ber buu orotuγai! Kebtegül-ün jiχaχun ken ber buu yabutuγai! Kebtegül-ün toγa buu asaγtuγai. Kebtegül-ün degegün yabuχun aran-i kebtegül barituγai! Toγa asa-

χum (asaγaun) kümün-i kebtegül tere edür unuγsan aγta emegel χajaγartu-yi, emüsügsen χubčisun selte-yi kebtegül abtuγai! kemen ǰarliγ bolba. Eljigedei itegeltü bögetele jilda (jergečen) kebtegül-ün degegün yabuχu bolun kebtegül-ber bariłuγa.

X

§ 230. Basa ǰarliγ bołurun:

«Egületei söni
Erüketei ger-i Minu
Egeren (ergičen) kebteǰü,
Oron-dur nuta untaγułǰu,
Xan oron-dur kürgegsen
Öteges kebtegül Minu! —
Odutai söni
Ordo ger-i Minu
Orčin kebteǰü,
Oron dotura ese untaγsan
Öljei ten kabtegül Minu
Öndür oron-dur kürgebe. —
Šiγuryan boroγan-a
Šilgüdken bükü
J̌üsken-e čidχun bükü χura-da
Šidesütei ger Minu orčin,
J̌irim ülü kìn bayiǰu
J̌irüken amuγułuγsan
Čing sedkiltü Minu,
J̌iryałangtu oron-dur kürgebe. —
İbul-un bükü dayisun dotura
Erüketei ger-i Minu orčin
İrmes ülü kin
Idχaǰu bayiγsad
Itegelten kebtegül Minu!
Üyiles χour
Ubiskiχui-dur (ürbidkeküi)
Udał ügei bariłałdun
Uriyarχun kebtegül Minu! —
Xud χubis (χudχułaχui) kiküi-dür
Xoǰid ese bayiγsan
Xurdun yabudałtan kebtegül Minu!

Öljeiten kebtegül-i Minu
Öteges kebtegül kemetkün!
Egöle čirbi-ɬuγa oroγsan
Dalan turaχaud-i
Yekes turaχaud kemetkün!
Yisütüge Bükedei ten χorčin-i
Yekes χorčin kemetkün!»

kemen ǰarliγ bolba.

§ 231. Yeren tabun mingγad-eče Minu beye čiγada (šidar) amaɬan iɬγaǰu iregsed tümen kešigten-i Minu mön-e χoyina Minu oro saγuγsan köbegün uruγud-ta Minu ede kešigten-i geriyes metü sedkiǰü ülü gemürigülün sayitur asaratχun! Ede tümen kesigten-i Minu ertekid (erten-ü) χutuγtan kemeǰü ülekü (ülemǰi) aγdaχui! kemebe.

§ 232. Basa ǰarliγ boɬurun: Ordo-yin čirbi ökid-i ger-ün köbegüd temegečin, ükerčin-i kebtegül baγašiɬaǰu (tobčiɬaǰu) orgo ger tergen-i asaratuγai. Tuγ kögürge doro ǰida kebtegül asaratuγai. Ayaγa saba kebtegül-kü asaratuγai. Bidan-u undan idegen kebtegül-kü daruγaɬatuγai. Idegen miχa-yi kebtegül daruγaɬaǰu boɬγatuγai. Undan idegen χour χomsa boɬbasu, daruγaɬaγsan kebtegül-eče eriye! kemebei. Xorčin idegen undan tügegerün, daruγaɬaγsan kebtegül-eče eši ügei buu tügegetügei! kemebei. Ordo gertür oroχu γarχu-yi kebtegül ǰasatuγai. Egüden-dür kebtegülün, egüden-eče ger čaγada (ǰiχada) bayituγai. Kebteüle eče χoyar kümün oroǰu Düsürge barituγai! kemebei. Kebtegül-eče nutuγučin yabuǰu ordo ger bayuɬγatuγai! kemebei. Bidan-i šibaγuɬan abaɬan yabuχui-dur kebtegül Badan-ɬuγa abaɬaɬdun yabutuγai. Ger tergen-dür ǰarimud-iyan čaγɬaǰu taɬbituγai! kemebei.

§ 233. Basa ǰarliγ boɬurun: Bidan-u beye čerig ese γarbasu kebtegül Bidan-eče anggida čerig buu γartuγai! kemebei. Eyin kemegülüged ǰarliγ dabaǰu kebtegüle nayidaǰu, čerig γaryaγad, čerig medekü čirbi aɬdaɬtan boɬtuγai! kemen ǰarliγ boɬba. Kebtegül-i čerig ker ülü γaryaχui? kememü ta. Kebtegül Minu aɬtan amin sakimu. Šibaγuɬan, abaɬan ǰabuχui-dur ǰobaɬdumui. Ordo ger χadaγaɬaɬduǰu örüg-tür ger tergen asaramui. Minu amin sakiǰu χonoχu kil ar-uu? Ger tergen, Yeke Aγuruγ sakiχui-dur asaraχu kilbar-uu? Teyin dabχur χaγas χaγas yabudaɬ kemeǰü Bidan-eče anggida öbere čirig buu yabutuγai kemekü inu teyimü bui ǰa! kemeǰükü.

§ 234. Basa ǰarliγ boɬurun: Šigi-χutuγ-ɬuγa kebtegül numu χuyaγ ǰibe asaraǰu tügegeldütügei! kemebei. Aγtas-eče ačiraǰu ögešin ačiǰu yabutuγai! kemebei. Xorčin turaχaud-un nutuγ ǰiγarun Isütüge Bükedei tan

γorčin Alčidai Egöle Aχutai tan turaγaud ordo-yin barayun eteged yabutuγai. Buχa, Dödei, Doχuläγu, Čanai tan čirbi ordo-yin jegün eteged yabutuγai. Kebtegül ordo ger tergen-ü barayun jegün eteged yabutuγai. Arχai-yin bayatud ordo-yin urida yabutuγai! kemebei. Kebtegül ordo ger tergen asarayad, ordo-yin dergede barayun jegün eteged yabutuγai! kemebei. Bürin kešigten turaγaud-i ordo orčin ordo-yin ger-ün köbegüd-i aduγučin, temegečin, ükerčin, γoničin-i ordo gerün Dödei-čirbi uγaju atuγai! kemen tüšigülbe. Dödei-čirbi darun aju, ardo-yin γoyina-eče

Xoγ abču,
Xomoγol tülejü,

abutuγai! kemen jarliγ bolba.

§ 235. Basa Xubilai Noyan-i Xarluγud-tur jaγuraγulbai (čeriglegülbei). Xarluγ-ud-un Arslan-γaγan Xubilai-dur ilsen irejükü. Xubilai Noyan Arslan-γaγan-i abuγad ireju Boγda Činggis-γaγan-dur aγuljaba. Eye bolγalduba kemen Arslan-i soyrχaju Alγa-begi-yi ögbe. Xarluγ-ud-un Arslandur Alaγa-begi-yi ögčü egüskekü-dür, Boγda Činggis-γaγan soyun jarliγ bolurun . . . . . .

§ 236. Basa Sübegetei-Bayatur-i temür telgetü Merkid-ün Toγtaγayin Xudu, Čilaγun terigüten köbegün-i inu ayan jiγurlaju (mordaju), Ču mören-e güyičejü muχudχaju (daruju) irebe.

§ 237. Basa Jebe Naiman-u Külüg-χaγan-i nekejü Kiris-γoul-a güyičejü Külüg-χaγan-i muχudχaju irebe.

§ 238. Uyiγud-un Iduγud Boγda Činggis-γaγan-dur elči ilegejükü. Abirχa Dar' ai χoyar elčin-iyer öčijü ilegerün:

«Egülen arilju,
Gegen naran üjegsen metü.
Moyilsun γayilaju,
Mören usun oluγsan metü».

«Boγda Činggis-γaγan-u nere aldar-i sonosču maši bayasba. Xaγan soyurγa' asu

Altan büse-yin γorkis-eče,
Al degel-ün ürtesün-eče

olbasu, tabdaγar köbegün činu bolju kučü ogsü!» kemen öčijü ilegejükü. Tere öge-dür Boγda Činggis-γaγan soyurγaju ögüleju ilegerün: «Öki öggüye! Tabdaγar köbegün boltuγai. Altan, mönggün, subud, tanas, dardas, način, toryud abuγad, Iduγud iretügei!» kemejü ilegebesü, Iduγud soyur-

χaγdabai kemen bayasču, alтan, mönggün, subud, tanas, toryud, način, dardas, ayursun abuγad ireǰü Iduγud basa Činggis-χaγan-a ayulǰaba. Iduγud-i soyurχaǰu Ilχaлtun-begi-yi ögbe . . . . . .

§ 239. Basa Taulai jil J̌oči-yi barayun γar-un čerigüd-iyer Oi-yin irgen-dür moriлaγulbai. Buχa γaǰarčilaǰu odba. Oirad-un Xuduχa-beki tümen Oirad urid ilsen oroǰu irebe. Ireǰü J̌oči-yi uduridču tümen Oirad-tur γaǰarčiлaǰu Šing Šing-dur oroγulba. J̌oči Oirad, Buriyad, Baryud, Ubsus, Xabsay, Tumbas-i oroγuluγad, tümen Kerkisüd-tür kürbesü Kirkesüd-ün Noyad Idei, Inal, Alдai-ere, Örbeg-tigid-un Noyad ilsen (eyedün) oroǰu, čaγan šongχor, čaγan aγtas, χara bulaγan abuγad ireǰü J̌oči-da ayulǰaba. Šiber, Kesdem, Bayid, Tuχas, Teleng, Tögeles, Tas, Baǰigid-eče inaγšida Oi-yin irgen-i J̌oči oroγulǰu, Kirgisud-un tümed-un mingγad-un Noyad. Oi-yin irgen-ü Noyad-i abuγad ireǰü Boγda Činggis-χaγan-dur čaγan šongχor, čaγan aγtas, χara bulaγad-iyer ayulǰiba. Oirad Xuduχa-beki-yi uγtun urida ilsen (eyedün) tümen Oiradiyan uduridun irebe kemen ǰarliγ soyurχaǰu köbegün-e inu Inalči-de Sečeyigen-i ögbe. Inalči-yin aχa Törülči-de J̌oči-yin ökin Xoluyiχan-i ögbe. Sutu Boγda Činggis-χaγan J̌oči-yi soyurχaǰu ögülerun: «Köbegüd-ün Minu aχa J̌oči či ger-teče sayi mör sayitu γarču oduγsan γaǰar-a ere aγta-yi ülü širkiyan ülü ǰobaγan öljei tü Oi-yin irgen-i oroγulǰu irebe či. Irgen čimada ögsü!» kemen ǰarliγ bolba . . .

§ 240. Basa Boroγul-Noyan-i Xori-tümed irgen-dür ǰuγurlaγulba (čerig mordaγulba). Tümed irgen-ü Noyan Dayidaχul-Soχur-i ükübesü, eme inu Botoχui-taryun Tümed-ün irgen-i medeǰü aǰuγu. Boroγul-Noyan kürču, γurban aran Yeke čerig-ün urida yabura odču, üde ǰildan uχamsar berke oi-dur orum-iyer yabuχun bolun (yabun ataла), χarayul inu χoriγad deremedteǰü (genedte) oron bayuǰu, Boroγul-Noyan-i bariǰu alaǰuγu. Tümed irgen Boroγul-i alaba kemen medeǰü, Boγda Činggis-χaγan maši kilinglejü öbesüben moriлan tuγurbibasu, Boγurči Muχali χoyar bayiлγan idχabasu. ǰiči Dörbetei-Doγšin-i tüšiǰü ilegerün, čerig γadaγun-a ǰasuǰu, Mönγke Tngri-yi ǰalbariǰu, Tümed irgen-i oroγulun sori! kemen ǰarliγ bolba. Dörbei čerig ǰasarun, urida čerigüd yabuχu χarayul-un sayuχu mör orum subaytur oγtaryu il egel sakiγulǰu, ulaγan buχa-yin yabuγsan mör-iyer čerigül ǰasayulurun, toγatu kümün ǰirüken yadabasu, nišiχuya ere-dür arban müsud ergügüljü, süke, uli, kiröge, čogüči, ere-yin ǰer-ǰebseg ǰasayulǰu, ulaγan buχa-yin yabuγsan mör-tür bayiγsan modun-i oγtalun čabčiǰu kirögedegüljü, mör bolγaǰu, ayulan degere γarbasu, Tümed irgen-ü erüke degere-eče ger-üd-tür χurimlan sayuχui-dur daulibai (dobtulbai).

§ 241. Urida Xorči Noyan Xuduχu- beki χoyar Tümed-e bariγdaǰu Botoχui-taryun-dur aǰuγu. Xorči-yin bariγdaχu yosun: Tümed irgen-ü ökin

γoγas tan γučin eme abtuγai kemen jarliγ boluγsan-dur. Tümed irgen-dür ökin abχu kemen odχu bolun urida ilengsed (eyedügsen) irgen jiči bulγa (dayisun) bolju, Xorči Noyani barijuγu. Xorči Tümed-e (bariγdaǰuγu) barijuγu kemen Boγda Činggis-χaγan medeǰü, Oi-yin irgen-ü yabudal Xuduχa medemü je kemeǰü ilegebesü, Xuduχa-beki basa bariγdaǰuγu. Tümed irgen-i oroγulun barabasu, Boroγul-un yasun-u tula jaγun Tümed-i ögbe. Xorči-dur γučin ökin ögbe. Xuduχa-beki-da Botoχui-taryun-i ögbe.

§ 242. Sutu Boγda Činggis-χaγan jarliγ bolju Eke-de, Köbegüd-e, Degüü-ner-e irgen ulus ömči öggüye kemen öggürün, Ulus χuriyan yabuγsan Eke bui ja. Köbegün-ü Minu aχa Jöči bui ja. Degüü-ner-ün Minu nilχa Odčigin bui ja, — kemeǰü Eke-de Odčigin-u χubi-luγa tümen irgen-i Eke odχan degüü χoyar-a ögbe. Eke čimadču ese dungγodba. Jöči-de yisün mingγan irgen ögbe. Čaγaday-a naiman mingγan irgen ögbe. Ögedey-e tabun mingγan irgen ögbe. Toluy-a tabun mingγan irgen ögbe. Xasar-a dörben mingγan irgen ögbe. Alčiday-a χoyar mingγan irgen ögbe. Belgetey-e nigen mingγan tabun jaγun irgen ögbe. Dayitay-a, Kereyid-lüge bolulčiba kemen, nidun-u ečine ečüdkeye kemebesü, Boγurči, Muχali Šigiχutuγ γurbaγula duradχarun:

«Γal-iyen sönügekü metü,
Öber-un ger-iyen
Ebdekü metü».

«Sayin Ečige-yin Činu geriyes, abaγa Cinu χočorču amu. Ker tebčikü? Ese uχaγsan-dur bütügei (barituγai). Sayin Ečige-yin Činu nilχa nutuγkin-i butaraγulčaju atuγai!» kemegdeǰü, χabar-eče üni senggetele χaγas kelelegdeǰü: ja, teli! kemen, Sayin Ečige-yi sedkijü, Boγurči Muχali Šigiχutuγ ede γurban-u kele-dür amurliba ja.

§ 243. Eke-de, odčigin-a tümen irgen ögčü, Noyad-eče Küčü, Kökečü, Jungχur, Xoryasun dörben-i tüšibe (ögbe). Jöči de Xuna, Müngkür, Kete γurban-i tüšibe. Čiγadai-dur Xaračar, Möngke, Induγtai γurban-i tüšibe. Basa jarliγ bolurun: Čaγadai kečegü buyu. Köke-Čos üde manaγar dergede aju, sedkigsen-iyen kelen atuγai! kemen jarliγ bolbai. Ögedei-dür Ilüke, Degei χoyar-i tüšibe. Tolui-dur Jedei, Bala χoyar-i tüšibe. Xasar-tur Jebeke-yi tüšibe. Alčidai-dur Čaγaryai-yi tüšibe.

§ 244. Xongχotan-u Menglig-ečige-yin dolуγan köbegün bülüge. Dolуγan-u dumdatu Kökečü Teb-Tngri bülüge. Dolуγan Xongχotan Xasar-i ömegšijü jančiba. Xasar dolуγan Xongχotan-a jančiγdaba kemen Boγda Činggis-χaγan-a sögüdbesü, Boγda Činggis-χaγan busud-a kilingleǰü aγur dumda kelelekü bolun, χaγan kilingleǰü Xasar-tur ögülerun: Amidu-da ülü

ilaγdaχui-eče bülüge či! Yakin ilaγdaba či? kemebesü, Xasar nilbusu alda-γad bosču yorčiju, Xasar mayuyilaju γurban edür ese irebe. Teb-Tngri Boγda Činggis-χaγan-a irejü: Möngke Tngri-yin jarliγ χaγan-i jiγan eyin ögülerun: Nigente Tömüjin-i ulus barituγai! kememu. Nigente Xasar-i kememüi. Ede medebesü, medege ügei bui ja! kemegdejü (kemen jančiba bi). Boγda Činggis-χaγan moriłaju, mön söni Xasari barira odbasu, Küčü, Kökečü χoyar Xasar-i barira odba Eke-de kemen jiγajiχui. Eke medeged söni böged udaγaran (yaγaran), čaγan temegen köljü χarγutai tergetei söni-de dülin yorčiju naran uryuχui-łuγa kürbesü, Boγda Činggis-χaγan Xasar-un χančun-i uyaju, małaγa büse inu abču öge inu asaγun üküi-dür, Eke inu kürču, Boγda Činggis-χaγan geyegču (sočin) ene deče emiyebe. Eke ayurłaju kürčü tergen-eče bayuγad, Eke öbesüben Xasar-un uyaγsan χančun-i taiłju tałbiγad, małγa büse inu Xasar-a ögču, Eke kilingleju, ayuriyen darun yadaju, jabiłan sayuju, χoyar küken-iyen γarγaju ebüdüg degegün bisaγariγułju: Öber-iyen üjebesü, kükegsen küked (kükü) tanu ene bui! Ede γadaγun χarbisun-iyen χačiγsan, küyilsün-iyen tasułaγsan χasar yakiba? Temüjin ene nigen küken-i minu baraχu bülüge. Xačuχun, Odčigin χoyaγuła bołju nigen-i baraχu bülüge. Xasar bürün χoyar büri küken-i minu baraju, čegeji minu mayui bołχu bülüge. Čegeji erdemtü Xasar minu tere küčü erdemtü-yin tuła

Xarbučiju γaruγsan-i
Xarbuju oroγułχu bülüge.
Öčijü γaruγsan-i
Oγtudču oroγułχu bülüge.

Edöge dayisun kümün-i muχudχaba (ečülgebe) kemjü, Xasar-i üjen yadamui ta! kemebe. Eke-yi amurłiγułun baraju, Boγda Činggis-χaγan ögülerün: Eke-yi genedte irekü-lüge

Ayuχu-ber ayuba.
Ičikü-ber ičibe bi!

kemejü, ičuya bida! kemen ičubai. Eke-de ülü medegülün ečinegün Xasar irgen-iyen abču, mingγan γurban jaγun irgen dayičiba. Eke medejü tere sedkil-iyer ödter tüligsen yosun teyimü bülüge . . . . . Jałayirtai Jekbe tegün-eče süljijü Baraγujin oron jüg buruγudba.

§ 245. Tegün-ü χoyina yisün keleten Teb-Tngri-dür χuriju, Činggis-χaγan-u gerüge (ger)-deče Teb-Tngri-dür χuraγad bołbai. Teyin χuraχui-dur Temüge-odčigin-e χariyatan irgen Teb-Tngri-dür odčuχui. Odčigin Noyan oduγsan irgen-ben γuyura Soχura neretü elčin-iyen ilegejükü. Teb-Tngri

Soχur elči-de ögülerün: Odčigin ta χoyar ačitan (sayin) bolǰuχui! kemeǰü Soχur elči inu askiǰu ǰobaγan, emegel inu örgügülǰü χariγuǰuχui. Odčigin Soχur elči-ben askiγdaǰu ǰobaγan ilegegdeǰü, manaγarši Odčigin öbesüben Teb-Tngri-dür odču ögulerun: Soχur elčin-iyen ilegebesü, askiǰu yabuγan ilegeǰükü. Bi irgen-ben γuyura irebe! kemegdeǰü (kemebesü), doluγan Xongχotan Odčigin-i endeče tendeče χaγaǰu: Soχur elčin-iyen ilegekü činu jöb tü (buyu)? kemen bariχui tusχui-eče kigderün (alaγdaχun-eče) ayuǰu, Odčigin Noyan ögülerün: Elči ilegekü minükei buruγu! kemeǰükü. Doluγan Xongχotan ögülerün: Buruγu bögesü, namančilan sögüd! kemen Teb-Tngri-yin χoyina-eče sögüdkeǰükü. Irgen-iyen ese ögdeǰü Odčigin manaγarsi erte, Činggis-χaγan-i bosuγa-edüi oron dotura bükü-dür, oroǰu uyilaγad sögüdčü ögülerün: «Yisün keleten irgen Teb-Tngri čiγulǰu, nada (minu) χariyatan irgen-iyen-ben Teb-Tngri deče γuyura Soχur neretü elči-yi ilegelüge. Soχur elči-yi minu askiǰu ǰobaγan, emegel örgügülǰü ilegdeǰü, bi öbesüben γuyura odbasu, doluγan Xongχotan endeče tendeče χaγaǰu namančilaγuǰu, Teb-Tngri-yin χoyina eče sögüdkegülbe!» kemen uyilaba. Činggis-χaγan-i duγa- edüküye (ögülekü-yin urida) Börteǰin oron dotura öndeyiǰü saγuǰu, könjilen jiχa-ber ebčigü-ben tüyidčü. Odčigin-i uylaχu-yi üǰeǰü nilbusun aldaγad ögülerün: «Yakiγsan Xongχotan! Teden-i ömögleǰu, urida Xasar-i jančiχu, edöge basa ene odčigin-i yakin χoyina eče-γan sögüdkemü? Yambar yosun bülüge? Bel, čima-yi ene metü bükü-dür čigüd (köbegüd) naran metüs degüü-ner-i činu eyin ösüldümüi! Ünenber möne χoyina —

Negülen metü beye Činu
Negün odbasu,
Nedkel metü ulus Činu
Ken-e medegülkün tede?
Toli metü beye Činu
Tulbas odbasu,
Tün metü ulus Činu
Ken-e medegülkün tede?

Čigüd narat metü degüü-ner-e Činu eyin ösüldümüi je! Ede aran γurban öčuked širγud-i (nilχas-i) minu mandutala yaγun medegülum tede? Yaγakiγsan Xongχotan bülüge? Degüü-ner-iyen teden-e teyin kigülǰü ker üǰeǰü amu Či?» kemeged, Börte-üǰin nilbusun aldaba. Börte-üǰin-ü ene öge-dür Činggis-χaγan odčigin-e ögülerün: Teb-Tngri edöge irekü bui. Čidaχu-eče ker-ber üyiledbesü, či mede! kemebe. Tegün-dür Odčigin bosuγad, nilbusun arčiγad γarču, γurban bökes-i beledčü bayiba. Xorumud atala Menglig-eči-

dołuγan köbegüd-lüge-ben irejü, dołuγan büri oroju, Teb-Tngri Düsürgeyin baraγun eteged saγuχui-łuγa Odčigin Teb-Tngri-yin jiχa inu bariju: Očügüdür namayi namančiłaγułun bülügei či! Soriłduya! kemejü, jiχa inu bariju egüden jüg čirbei. Teb-Tngri Odčigin-u esergü jiχa inu bariju bariłduba. Teb-Tngri-yin małaγa bariłduχui-dur γołumtan-u terigün-e unaba. Menglig-ečige małγa inu abču ungšiju (γašiγudan) ebür-tür-iyen dürübe. Činggis-χaγan ögülerün: Tarču böke kûčü-ben temečeldütkün! kemebe. Odčigin Teb-Tngri-yi čirčü γarurun, egüden bosuγa ałγura edüküye urida beledügsen γurban hökes esergü Teb-Tngri-yi bariγad čirču γarču niruγun-i inu χuγułju, jegün eteged-ün, terged-ün üjügür-e oγurči, Odčigin oroju ögülerün: Teb-Tngri namayi namančiłaγułun bülüge. Soriłduya kemebesü, ülü bołun aryałaju kebtemüi. Čaγ-tur nökur ajuγu!» kemebesü, Menglig-ečige uχaju niłbusun ałdaγad ögülerün: «Dayir Etügen-ü degelsün-ü tedüi büküi-eče, dałai mören-ü γoroχan-u tedüi büküi-dür nökücebe bi!» Kemeküiłüge dołuγan Xongχotan köbegüd inu egüden-dür boscu, γołumta toγorin bayiju, χančun-iyen šimłaγudurun, Činggis-χaγan gerlejü (ger) šiχaγdaju (šiχam): Yaγaran γaruya! kemeged γarχui-łuγa Činggis-χaγan-u orčin χorčin turaχaud toγorin bayibai. Teb-Tngri-yi tergen-i üjügür-e niruγun-i χuγułju oγuruγsan-i Činggis-χaγan ujejü, nigen bora χošiliγ abčiraγułju, Teb-Tngri-yin degere inu tałbiγułju: «Edöge negüye!» kemejü, tendče negübei.

§ 246. Teb-Tngri-yi tałbiγsan χošiliγ-un erüken tülijü, egüden daruju, uran-iyer sakiγulbai. Γutaγar söni edür šira erüke negejü beye inu γarčuχu. Bołγabasu (bariłdubasu) maγad Teb-Tngri inu tende bołγaγdaba. (ałaγdaba). Činggis-χaγan ögülerün: «Degüü-ner-ün Minu γar köl kürgegsen-ü tuła, Degüü-ner-ün Minu jaγura oro ügei jinggügdegsen-ü tuła, Tngri-de ese taγałaγdaju, amin beye selte abču odbai ja!» kemebe. Činggis-χaγan Menglig-ečige eke-yi tende dungγudurun: «Köbegün-degen aburi ülü idχan denggečen sedkikü bołun, Teb-Tngri-yin terigün-dür kürbei ta. Tani teyimü-yi uχaγsan bögesü, Jamuχa, Ałtan, Xučar tan-u yosutan bołγaγdaχun bülüge tani!» kemejü Menglig-ečige-yi dungγodču, dungγoddun baraju jiči: «Manaγarši ögülegsen-i üdeši utarbasu, üde-yin ögülegsen-i manaγarši utarbasu, jejirü maγa kemegdekün! Urida öge barałduluγa. Teli!» kemen souχaju jiči jałaraba: «Ałus aburi-iyen taγaγsan bögesü. Menglig-ečige-yin uruγ-tur ken denggečen bülüge?» Teb-Tngri-yi ügei bołuγad, Xongχotan-u čirai šibturujuχui.

XI

§ 247. Basa sutu Boγda Činggis-χaγan, Xonin jil-e, Kitad irgen-dür moriłabai. Yu-ju-yi abču, Ünegen-dabaγa-ber dabaju, Sun-ji-tu-yi abču, Jebe Güyigüng-Baγatur χoyar-i mangłai ilogebe. Čabčiyał kürču, Čabčiyał-

dabaγa-yi bekilegdejü, tende J̌ebe ögülerün: «Mani uduǰu ködelgejü iregülün, tende soriya! kemejü γarbai. Xariγdaǰu Kitad-un čerig-üd nekeγekemen J̌öke-aγuła bütütele nekejü ayisui. Sun-ǰi-tu-yin χošiγun-a kürčü, J̌ebe χoyinaγši urban tusču dobtuldju sandurču ayisuχun dayin-i darubai. Činggis-χaγan-u čerig daruǰu, Kitad-i ködelgejü, Xara-Kitad-un J̌určid-un J̌uyin-u erekün (irgen) omoχun čerigüd-i daruǰu, Čabčiyał kürtele üngjü bayitata kiduǰu, Čabčiyał-un χaγałγa J̌ebe abču, dabaγan buliyaǰu dabaǰu. Činggis-χaγan Šira-degter-e baγubai. J̌ungdu-yi eg rejü (sakiǰu) χotad χotad bałγasun-dur čerigüd ilegejü egeregülbei (sakiγułbai). J̌ebe Dungǰu bałγasun-dur kürčü egerejü abun yadaǰu χariǰu, jiryuγan χonoγ gedergü γaǰar-a kürčü, genedkejü jiči χarin dutaγan, γar kötelte söni dülildüjü. genedte bükü-dür kürču Dungǰu bałγasyn-i abubai.

§ 248. J̌ebe Dungǰu bałγasun-i abču, χariǰu irejü Činggis-χaγan-dur neyilebe. Jungdu-yi egeregderün (sakiγułurun), Ałtan-χaγan-u Yeke Noyan Ong-ging čingsang χaγan-a duradχarun: «Ingri γaǰar-un jayaγa čaγ Yeke oro yegüdkekü čaγ-i kürbei. Mongγoł maši kučütei irejü, Bidan-u erikün omoχun Xara-Kitad-un J̌určid-un J̌uin-u erkid (irgen) čerigüd-i daruǰu butaritała kiduǰuγu. Itegeltü Čabčiyał-i buliyaǰu abčiχui. Edöge bida basa čerig-üd ǰasaǰu γarγabasu, basa Mongγoł-a daruγdabasu, χałaγar bałγad bałγad-tur butarayad, tede jiči bidan-a χurayułbasu ülü bołun, bidan-dur dayisun bołǰu ülü nökučekün tede. Ałtan-χaγan soyurχabasu, Mongγoł-un χaγan-dur eteget-tür ilsen oduya. Eye-dür oroǰu, Mongγoł ičubasu. ičuγsan-u χoyina basa busu sedkil bida tende eyetüldüm je. Mongγoł-un ba ere ayta γaǰar egüskejü kölǰürkemüi—kemegdemüi. Xaγan-a inu ökin öggüye. Ałtan-mönggün ayursun-ed čerigüd-e inu kündü-de γarγaǰu öggüye. Ene eye-dür manu oroχu ülegü-yi ker medegdekü?» kemen duradχabasu, Ałtan-χaγan Ong-gin čingsang-un öge-yi jöbšiyejü, eyin böged bołtuγai, kemen, ilsen Činggis-χaγan-a Güngji neretü ökin γarγaǰu. ałtan-mönggün, ayursun ed-tavar čerig-ün kümün-e kücü medegülün daγaχui-eče J̌ungdu-eče γarγaǰu, Činggis-χaγan-dur Ong-ging čingsang kürgejü ilsen iregdejü, Činggis-χaγan eye-dür inu oroǰu, χotad χotadtur egeren baγuγsan čerigüd-i χariγułǰu ičuγabai. Ong-ging čingsang Mo jeu U-jeu neretü χošiγun-a kürtele Činggis-χaγan-i üdejü χariba. Ayursun-ed bidan-u čerigüd daχui-eče ačiǰu kib-ud-iyer ačiya-ban tataǰu yabubai.

§ 249. Moriłaγsan-dur Xašin irgen-dür yorčibai. Joriǰu kürbesü, Xašin irgen-ü Burχan ilsen (eyedün): Barayun γar činu bołǰu, kücü ögsü kemen Čaγan neretei ökin Cinggis-χaγan-a γarγaǰu, basa Burχan ögülerün: «Činggis-χaγan-u nere ałdar-i sonosču ayuǰu χałγuri (?) ba. Edöge sülder

tü beye činu kürčü iregdejü, sülder-eče činu ayuba. Ayuju ba, Tangγud irgen, barayun γar činu bołju kučü ögsü! kemebei. Kučü öggürün,

Nunju nutuγtan
Nödügsen baγasun ger-tegen —

ułus. Nökučejü —

Xurdun ayan ayałaχui-dur,
Xurča bułχa bułχałduχui-dur,
Xurdun ayan-dur —
Güyičen yadamui ja.
Xurča bułχa-dur —
Bułγałdun yadamui ja.

Soyurχabasu, ba Tangγud irgen,

Öndür deren-ü emüne-de ösegejü
Ołan temesün (tomüsün) γarγaju,
Sang bołγaju ögsü.
Örmege nekejü ayursun bołγaju ögsu!
Toγurχui šibayun surγaγułju,
Sayid-i inu kürgegülün asuγai!

kemen öcibei. Ögülejü, öge-dür-iyen kürün, Tangγud irgen eče-gen temesün (ayursun) χubčiju (χuriyaju), dayan yadatała abčiraju (ačiraju) ögbe.

§ 250. Činggis-χayan tere moriłaγsan-dur Kitad irgen-ü Ałtan-χaγani ilsegüljü (eyedügüljü), ołan ayursun abcu, Xašin irgen-ü Bur-γan-i ilsegüljü, ołan temeged (tömüsün) abcu, Činggis χayan, Xonin jil-dur, tere moriłaγsan-dur Kitad irgen-ü Aχutai Ałtan-χaγan-i ilsegüljü (eyedügüljü), Tangγud irgen-ü Iłuχu-Buryan-i ilsegüljü, Saγari-kegere bayubai.

§ 251. Basa tegün-ü γoyina Jeunggun-dur ilsen (eyedüre) ilegsed Jeuχan terigüten ołan elčin-i Kitad irgen-ü Aχutai Ałtan γayan-a jedkügdejü, Sutu Boγda Činggis-χayan, Noχai jil-e, Kitad irgen-dür basa moriłabai. Ilsen baraju (eyedün baraju bögetele), Jao-χuan-dur ilegegsen elčin-i yakin jedkükü (bariyu) bülüge? kemen, moriłaju, Činggis-χayan Tüng-guan amasar joriju, Jebe-yi Čabčiyał-iyer bołγaba. Činggis-χayan-i Tüng-gua-yin amasar-iyer bołba kemen Ałtan-χayan medejü, Ile, Xadayu. Bökedür γurbayuła-yi čerig-üd medegüljü, čerig bögeljü, Ułayan-degelen-i mangłayiłan jasaju, Tüng-goa-yin amasar-i temečen, dabaγa buu dabaγułutχun kemen, Ile, Xadayu, Bökedür γurbayuła-yi čerig-üd χurdułan ilegejükü. Tüng-gua-yin amasar-a kürbesü, Kitad-un čerig-üd γajar kemen

dayaju irebe. Činggis-χayan Ile, Xadayu, Bökedür γurban-łuγa bayiłduju, ile, Xadayu-yi ködelgebei. Čigü kürgen Tołui χoyar köndelen-eče dobtułju, Ułayan degelen-i ičuγaju (daruju) kürčü Ile Xadayu-yi ködelgeju, Kitad-i ünjigü byitała kidubai. Kitad čerigüd-iyen kiduju barayдabai kemen Ałtan-χayan medeju, Jungdu-deče γarču buruγud-un Nang-ging (Nan-jing) bałγasun-dur orojuχui. Ülegsen čerigüd-i inu turaju ükürün jaγura kümün-ü miχa ideldüjükü. Tołui Čigü-kürgen χoyar-i sayitur üyiledebei kemen Činggis-χayan maši soyurχaba.

§ 252. Činggis-χayan Xoi-ši-yu-yi bayuyad, Jungdu-yin Šira-kegere bayuba. Jebe Čabčiyał-un χayałγa ebdeju, Čabčiyał-i bariγsad čerigüd-i ködelgeju, ireju, Činggis-χayan-dur neyilebe. Ałtan-χayan Jungdu-eče γarurun, Xada neretü Noyan-i Liu-šiu bołγan tüšiju, oduγsan ajuγu. Činggis-χayan Jungdu-yin ałtan-mönggün ed-ayursun yaγun-i toγałayułurun, Önggür-bayurči, Arχai-χasar, Šigi-χutuγ γurban-i ilegebe. Ede γurban-i ayisui kemen Xada neretü Noyan uγtun, ałtan tai erdeni ayursun bariyad, Jungdu dotura-eče γarču esergü irebei. Xada-da Šigi-χutuγ ögülerün: «Urida Jungdu-yin ed mön Ałtan-χayan-uχai ajiγu. Edöge Činggis-χayan-uχai bui ja! Činggis-χayan-u ed-ayursun ečinegün (dałda) yakin χułuγuju abčiraju (abču) öggümui či? Bi ülü abχu!» kemeju Šigi-χutuγ ese abuba. Önggür-bayurči, Arχai-χasar ʼabubai. Edeγurban Jungdu-yin ed-ayursun yaγun jisun toγałaju irebei. Tedüi Činggis-χayan Önggür, Arχai-χasar, Šigi-χutuγ γurba-γuła-eče: «Tan-dur Xada yaγu ögbe?» kemen asaγba. Šigi-χutuγ ögülerün: «Altatai erdeni ayursun öggülüge. Bi ögülerün: Urida ene Jungdu-yin ed Ałtan-χayan-uχai ajuγu ja. Edöge Činggis-χayan-uχai bołbai ja. Či, Xada, Činggis-χayan-u ed ečinegün χułyaju yakin öggümüi či? kemeju ese abuba bi. Onggur Arχai χoyar öggügsen-i inu abułuγal» kemebe. Činggis-χayan Önggür Arχai χoyar-i maši dungyodba. Šigi-χutuγ-i Yeke Yosun sedkijüküi! kemen, maši soyurχaju:

«Üjekü-yin Minu nidün,
Sonosχu-yin Minu čikin —

bołju ülegü ayu či?» kemen jarlig bołba.

§ 253. Ałtan-χayan Nanggin-dur oroju öberiyen ilseu mörgüju Tngri neretü köbegün-ben jayun nöküd-tü-yi Činggis-χayan-dur turaχaud bołtuγai kemen ilegejüküi. Imada ilegegdeju Činggis-χayan ičuya kemen Čabčiyał-iyer daban Xasar-i jegün γar-un čerigüd-iyer dałai gejin ilegerun. Biiging bałγasun-a bayuyad, Biiging bałγasun-i elsegüljü (eye-dür bołyaju) čayana Jürčid-ün Yuχaχu-yi dayarin odču, Yuχan bułχa (dayisun) sodkibesü, ayułutχun! Ilsebesü inu (eyedübesü). bałγasun-i inu dayariu

oɬan anu geǰin (kesün || gesün) odču, Tayur-mören ögede dabaǰu Yeke Ayuray-tur neyilen iretkün! kemeǰü ilegebe. Ǯasar-ɬuya Noyad-un J̌určidai, Elči, Toɬun-Čerbi γurban-i ilegebei. Büging baɬγasun-i oroγuɬǰu. J̌určid-un J̌oči-yi ilsegüljü (eyedügüljü), mör-tür büküi baɬγasan-i oroγuɬuγad, Ǯasar Tayur-mören ögede ireǰü, Yeke Ayuray-tur bayuǰu kü irebei.

§ 254. Basa Činggis-χayan,—Sartayuɬ irgen Aχuna terigüten jayun elčin-iyen ǰedkügdeǰü (bariγdaǰu) aɬaγdaǰu,—Činggis-χayan ögülerün: «Aɬtan aryamǰi-ben ker tasuɬdan bülüge ni?» kemen, Uχuna terigüten jayun elčin-iyen öšil öšin kesel kesen, moriɬarun. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

§ 256. Tangγud irgen-ü Burχan-dur elči ilegerün: «Barayun γar čin bolsu! kemelüge či. Sartayuɬ irgen-e aɬtan aryamǰi-ben tasuɬduǰu, oɬuɬčan moriɬaba bi. Barayun γar boɬun moriɬa! kemen ilegebesü, Burχan-i dungyaduγa edügüye urida Esen-Kambu ögülerün: Küču yadan bögetele χayan boɬtaɬa (boɬχu) yayun», kemeǰü, čerig ülü nemen, yeke öge ögülejükü. Tende Činggis-χayan ögülerün: Esen-Kambu-da ker eyin ögülegdekü bülüge? kemen: Arγa-eče edüi böged kelbes ǰoriǰu ilegebesü yayun berke bülüge? Öbere maγa kümün-dür ǰoriǰu büküi-dür—je teli! Möngke Tngri-de ibegdebesü, Aɬtan ǰiɬuγa batuda tataǰu irebesü, tende maγa boɬtuγai! Teli (oduγa)!» kemeǰü;

§ 257. Taulai ǰil-e Sartayuɬ irgen-dür Aɬai taɬa moriɬarun, Činggis-χayan χatun-eče Xuɬan-χatun-i abun ayaɬarun, degüü-ner-eče Odčigin-Noyan-i Yeke χayuruγ-tur tüšiǰü moriɬabai. J̌ebe-yi mongɬai ilegebe. J̌ebe-yin geǰige Sübegetei-yi ilegebe. Sübegetei-yin geǰige Taχučir-i ilegebe. Ede γurban-i ilegerün: Tadayun Sultan-u čayana γarču, bidan-i kürgegülün χamsatχun! kemeǰü ilegebe. J̌ebe tere odču, χayan Melig-ün baɬγasun dayariǰu ülü könden γadayun nögčiǰükü (yabubai). Tegün-ü χoyina-eče Sübegetei mön yosuγar ülü könden nögčiǰükü. Tegün-ü χoyina-eče Taχučir χayan Melig-ün kiǰayar baɬγasun-i ayuɬǰu tariyačin-i dayuliǰuχui (dobtuɬǰuχui). Ǯayan Merig buɬγad-iyen ayuɬdaγa kemen, dayiǰin güyidüldüǰü, J̌iɬaǰin-ber Sultan-dur neyileǰükü. J̌iɬaǰin-Sultan, χayan-Melig χoyar Činggis-χayan-u esergü moriɬaǰuχui. Činggis-χayan-i urida Šigi-Ǯutuγ mangɬai yabuǰu, Šigi-χutuγ-ɬuγa bayiɬduǰu J̌iɬaǰin-Sultan, χayan-Melig χoyar Šigi-χutuγ-i daruǰu, Činggis-χayan-dur daruǰu ayisuχui-dur, J̌ebe, Sübegetei, Taχučir γurban J̌iɬaǰin-i χayan-Melig χoyar-un χoyina-eče oroǰu J̌iɬaǰin-i daruǰu kiduγad, Buχar, Semisgeb, Otöger baɬγasun-dur anu ülü neyilegülün daruǰu, Šin-mören-e kürtele üldeǰü yaburun,

Sin-mören-dur čübtuseu (unaju) oroγun bolun, Sartaγul-iyen tende Sin-mören-dür sönügebei (baraγdabai) je. Jilajin-i Sultan. γaγan Merig γoyar amin-iyen γoriγad, Sin-mören ögede dutaγaba. Činggis-γaγan Sin-mören ögede yorčiju Bedkegsen-i (güyičegsen-i) daγuliju (daruju) odču, Eke-γoroγan. Gegün-γoroγan kürgejü (?), Baruγan-kegere baγuju. Jalayirtai Bala-yi Jilajini Sultan γaγan-Melig γoyar-i nekegülün ilegejü, Jebe Sübegetei γoyar-i soyurγaba: «Jebe, či Juryuγadai neretü bülüge. Taγčiγud-eče irejü, Jebe bolbai ja!» Taγučir-i γaγan-Melig-ün kijaγar balγasun-i öber-ün dura-ber ayulju, γaγan Melig-i dayijiγulba, jasaγ bolγan-kü (jasaγlaγu bolγan) mökörigülüye (doroyidaγuluya) kemen baraju, jiči ülü mökörigülün. maši dungyodču, čerig medekün-eče inu erigülejü (jimelen) bayulγabai.

§ 258. Tedüi Činggis-γaγan baraγun-γar-eče γariju, Jöči, Čaγadai, Ogedei γurban köbegün-i baraγun γar-un čerigüd-iyer Amui-mören getülju Urung-geči balγasun-a bayutγun! kemen ilgebei. Činggis-γaγan öbesüben Öteger balγasun-a bayuba. Jöči, Čaγadai, Ögedei γurban köbegün öčijü ilegerün: «Činggis-γaγan čerig manu bügüde Urung-geči balγasun-a kürbe. Kenijen öge-ber yabuγun bolba?» kemen öčijü ilegebesü, Činggis-γaγan jarliγ bolurun; «Ögedei-yin öge-ber yabutγun!» kemejü ilegebe.

§ 259. Tedüi Činggis-γaγan Öteger balγasun-eče üldejü Simisanču balγasun bayuba. Čimisanču balγasun-eče üldejü Baγa balγasun-a bayuba. Tende Činggis-γaγan Bala-yi külčijü (küliyejü) Altan-γoroγan-u niruγun-a Sultan-a jusalang jusaba. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

§ 260. Urung-geči-eče Jöči, Čaγadai, Ögedei γurban köbegün Urung-geči balγasun-i oroγulju, γurbaγula irgen γubiyalduju, Činggis-γaγan-a γubi ese γarγajuγui. Ede γurban köbegün-i bayuju irebesü, Činggis-γaγan Jöči, Čaγadai, Ögedei γurban köbegün-i čimadču (buruγušiyaju) γurban edür ese ayuljibasu, tende Beγurči, Muγali, Šigi-γutuγ γurban öcirün: «Ončin meljin (edüi tedüi) aγsad Sartaγul irgen-ü sultan-i (sülden-i) doroyidaγulju, balγad-un irgen-i anu abubai bida. Γubiyaju Urung-geči balγasun-i γubiyalduju abubasu, köbegün bügüde γaγan-uγai bui. Tngri γajar-a küčü nemegdejü. Sartaγul irgen-i edüi doroyidaγuluγsan-dur, ba olan ere eme činu bayasču erüju amüi. Xaγan yakin eyin kilingleju amui? Köbegün buruγui-ben uγaju yabuba ja! Γoyina-iyen surtuγai! Köbegün aburi-iyen aγsaγujai (ebderegüjei)! Soyrγabasu, soyurγaju γaγuljiγülsai!» Boγurči eyin kemen öčibesü, Činggis-γaγan jaliraju. Jöci Čaγadai Ögedei γurban köbegün-i ayuljiγulju dungyoddurun,

«Öteges-ün öges
Örkidün,
Χočaya ögen-i
Χadaγłaju,
Bayiγsan γaǰar-a
Buyandun (buyan-iyen) ałdatała,
Mangłai kölüsün
Arčin yadatata», —

badaraju čimłayaγa (čimai-yuγan) soyu-ger (ükükui) duγuła bükü-dür (bükü kürtele kemebesü), Xongγor χorči, Sorirun χorči öčirün: «Buruγušiyaχun küriyedür yakin oroχu metü? Köbegün sayi edü χoła soyun (suryał bükü-dü köbegüd-i šingtałun mene metü yakin eyin dungγodumui? Köbegün ayuju sedkil-iyen aγsaγuǰai (γangsaran χariγuǰai)! Naran šinggekui-e iruγar-tur kürtele dayin irgen bui. Mani Töbed odun türijü ilegebesü, ba, Tngri γaǰar-a küčü nemegdejü, ałtan-mönggün, aγursun ed-tavar, irgen oryon čimadu abčirasuγai (abču iresügei)! Ali irgen kemebesü, aχ-a (?) öröne baγuγad, Baγdan irgen-ü Xalibai Sułtan kemekü bui, kememü. Tegün-dür ba ayałasuγai!» kemen öcibesü, χaγan soγoraju, eden-ü ögendür ǰaliraju, jöbšiyejü ǰarliγ bołba: «Xongχai, Xongtaχar, Čiraχan γurban. Enderkedei γurban, Tödögedei Xongtaχar χoyar-i-Minu kürgede atuγai! Ötögedei čadraγan-i Baγudun öges-tür, Xalibai Sułtan-dur ayałaγułba.

§ 261. Basa Idun irgen Baγadud irgen χoyar-un ǰaγura Aru Möru Madaširi irgen-ü Abatu barγasun-dur Dörbetei Dörben-Doγšin-i ayałaγułba.

§ 262. Basa Sübegetei-Baγatur-i ümekei Xangła-yin, Kibčaγud, Orusad, Sangχud, Asud, Sasud, Serkesüd, Besmir, Bołor, Gerel, ede arban nigen ayimaγ χarin irgen-dür kürtele, Ajił, Yayaγ usud-ta mören getülün, Kiiba-man Kerme bałγasun-dur kürtele Sübegetei Baγatur-i ayałaγułba.

§ 263. Basa Sartaγuł irgen-i abun aburaju (ačiraju) Činggis-χaγan ǰarliγ bołba. Bałγad-tur daruγči tałbiju, Örönggeče bałγasun-eče Yałamča Masaχud ečige köbegün χubi χoyar-a Xurmaki oboγ Sartaγuł irejü, bałγasun-u yosun törü-yi Činggis-χaγan-a ögüleǰü, yosun-dur χoyar ałdatała meden keleldüjü, köbegün-i inu Masχun-χurumši-yi bidan-u daruγa-łuγa bułai. Šimisgen, Örönggeče, Uda, Sisegei, Üriyen, Küken-dari terigüten bałγasun-i medegülün šidüjü, ečige-yi yaγun-eče abčiraju, Kitad Jungdu bałγasun medegülün abču irebei. Šartaγtai kümün-eče Yalič Mangχud χoyar-un bałγasun-u törü yosun-i čidaχu-yin tuła, Kitad irgen-i sakiχu irgen-i medegülün darbaχan-łuγa tüšibe.

§ 264. Sartaγul irgen-dür dołuγan od yabuju, tende Jałayirtai Bała-yi küliyejü bükü-dür, Bala Sin-mören-i getülǰü, Jiłajini-Sułtan χaγan-Melig-i χoyar-i ǰobaγaju, Indus-un dumda kürtele nekejü yadaju, χariju, Indus-un kijaγar irgen-i duliγad (daruγad), ołan irgen, temeged (ed-aγursun) abuγad irejüküi. Tende Činggis-χaγan χariju, jaγura Ardis jusaju, dołoduγar on (bołju . . . . . ködelüged), Takiya jil namur Tuγuła-yin χara-tün-e (šiγuy-a) Ordon-dur baγubai.

XII

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

§ 268. Tangγud irgen-i oroγułju, Šiduryu-χaγan-i ałaju, Türmegei bałγasun-i ebdejü, Gürbeljin-γoa χatun-i abču, Tangγud irgen-i uruγ-un uruγa kürtele, muχali müsküli ügei bołγan abuγad, Tangγud irgen-eč Yusui-χatun-dur maši ołan ögbe. Tere ayan-dur Luuban-χan-i jusaju, Türmegei bałγasun-a Boγda Ejen kündü χałaγučiju, ałtan amin-iyen yarχui čaγ-tur jarlig bołba . . . . . .

. . . . . .

χorin χoyaduγar on, Ułaγačin γaχai jil-dur, jiran jiryuγan nasun-duriyen dołuγan sara-yin, arban χoyar-a Tngri bołba.

Mongoł-un niruča tobčaran[1]

I

§ 1. Činggis-χaγan-no hujaγur Degere Tenggeri-eče jayaγatu töregsen Börte-Čino aǰuγu. Gergai ino χoai-Marał aǰiγai. Tenggis getülǰü ireba. Onan müren-nö terigün-e Buryan-χaldun-na nutuγłaju, töregsen Bata-Čiγan aǰuγu.

§ 2. Bata-Čiγan-no köün Tamača. Tamača-in köün Χoričar-Mergan. Χoričar-Mergan-nö köün Aujan-Boroγuł. Aujan-Boroγuł-un köün Sali-Χačau. Sali-Χačau-in köün Yeke-Nidun. Yeke-Nidun-no köün Sin-Soči. Sin-Soči-in köün Χarču.

§ 3. Χarču-in köün. Borǰigidai-Mergan. Mongγołǰin-χoa gergai tu ajuγu. Borǰigidai-Mergan-nö köün, Toroχołǰin-Bayan, Boroγčin-χoa gergai-tü, Borołdai-Suyałbi jałaγu-tu, Dair Boro χoyar külüg-üd aγtastu bülege. Toroχołǰin-no köün Duwa-Soχor, Dobun-Mergan χoyar bülege.

§ 4. Duwa-Soχor mangłai dunda γaγča nidutu. γurban negürid γajar-a χaraχu bülege.

§ 5. Niken üdür Duwa-Soχor Dobun-Mergan degü-lüge-been Buryan-χaldun degere γarba. Duwa-Soχor Buryan-χaldun degereče χaraǰu, Tünggelig-γoroχan huruγu nigen böleg irgen nögüǰü oroǰu ayisuχui χaraǰu üǰeǰü.

§ 6, Ügülerun: «Tede nögüǰü ayisuχun irgen-nö dotora nigen χarautai tergen-ö öljige-de, nigen ökin sayin biyu!» Güün-ne ese ögdegsen bögesü. Dobun-Mergen degü-degen čimada γuyuγa, kemeǰü, Dobun-Mergan degüyügen üǰere ilebe.

---

[1] Настоящая транскрипция идет несколько далее предложенной Б. Я. Владимирцовым для передачи китайско-монгольского письма уйгуро-монгольским, так как отражает уже не частично, а по возможности полностью орфографические нормы этого последнего, следуя системе Б. Я. Владимирцова лишь в отношении орфографий сомнительного соответствия, совершенно непереложимых или особо важных для истории языка. Нестройность транскрипции в данном случае вполне оправдывается коренным несходством систем монгольской письменности. Сводить к единству многообразие орфографий автор находил преждевременным и пока мало полезным.

§ 7. Dobun-Mergan tede irgen-dür gürübesü, ünen-gü γoa sayin. alдar nere yeke-tai, Ałan-γoa neretai, güün-ne ber ese ögdegai-üdüü ökin ajuγu.

§ 8. Tede böleg irgen ber Köl-Barχuǰin tögüm-ün Eǰen Barχudai Mergan-no ökin, Barχuǰin-γoa neretai ökin ni, Xori-Tumad-un noyan, Xoriłartai-Mergan-ne ögdegsen ajuγu. Xori-Tumad-un γaǰar-a Ariγ-usun-na Xoritłartai-Mergan-nö Barχuǰin-γoača töregsen, Ałan-γoa nere tai ökin tere.

§ 9. Xoriłartai-Mergan Xori-Tumad-un γaǰar-turiyen buluγan keremün görege-tai γaǰar-iyan χoriłałduju maγułałduju, Xoriłar oboγ-tu bołju. Burχan-χałdun-no göregesün görüüli sayitu, γaǰar sayin, kemen, Burχan-χałdun-no Ejed Burχan bosγaγsan Šinči-Bayan-uriyangχai-tur nögüji ayisun ajuγu. Xori-Tumad-un Xoriłartai-Mergan-nö ökin, Ariγ-usun-na töregsen, Ałan-γoa-i, tende γuyuju, Dobun-Mergan-nö abuγsan yosun teyimü.

§ 10. Ałan-γoa Dobun-Mergan-tür ireǰü. χoyar köün töregülbi. Bügünötai, Belgünötai nereten bülege.

§ 11. Duwa-Soχor aχa ino dörben köütü bülege. Tedüi atała Duwa-Soχor aχa ino ügei bołuγsan-o χoina dörben köüd ino, Dobun-Mergan abaγa-yuγan uruγ-a ülü bołγan doromjiłaju, χaγačaju geǰü nögüba. Dörben oboγtan bołju, Dörben irgen tede bołba.

§ 12. Tegün-ü χoina niken üdür Dobun-Mergan Toχočaγ-ündür degergöregeleǰü γarba. Hoi dotora Uriyangχa-dai güün jöge buγu ałaju χabiraγaar ino abit ino širaju bükü-i jołuγaju,

§ 13. Dobun-Mergan ügülerün: «Nökör širolχada!» keeǰüü. «Ögsü!» kemeǰü, aγuški-tu jiłdu arasun ino abču, jöge-in miχa gübčin-i Dobun-Mergan-ne ögba.

§ 14. Dobun-Mergan tere jöge-buγu-i ačiju, ayisuχu jaγura, niken yadaγu güün, köün-been kötöljü yabuχu-i jołγaju,

§ 15. Dobun-Mergan: «Yaγun güün či?» kemen asaγuasu, tere güün ügülerün: «Bi Maaliγ-Bayaudai, yadaju yabułai! Tere göregesün-ü miχanača nada ög, bi ene köün-been čimada ögsü!» keeǰüü.

§ 16. Dobun-Mergan tere üge-tür jöge buγu-in örele γuya ino χuγulju ögčü, tere köün-ni ino ačiraju, ger dotora jaruǰn aχu bülege.

§ 17. Teyin atara, Dobun-Mergan ügei bołba. Dobun-Mergan-i ügei bołuγsan-o χoina, Ałan-γoa, ere ügeigüi böged, γurban köüd töregülbi. Buγu-χatagi, Buχatu-Sałji, Bodončar-mungχaγ nereten bülege.

§ 18. Urida Dobun-Mergan-eče töregsen Belgünötai, Bügünötai χoyar köüd ino oke-yügen Ałan-γoa-in ečine ügüleldürün: «Ene oke bidan-o aχa-

degü üye-χaya güün ügei, ere ügeigüi bögetele, ede γurban köüd töregülbi. Ger dotora γaγča Maaliγ-Bayaudai güün biyu. Ede γurban köüd tegünö-ai bije!» kemen, eke-yügen ečine keleldüküi-i eke ano Ałan-γoa uχaju.

§ 19. Xabur niken üdür köngšilemel χonin činaju, Belgünötai, Bügünötai, Buχu-Xatagi, Buχatu-Sałji, Bodončar-mungχaγ, ede tabun köüd-iyen jergelen sayułju, nijiel müsüd χuγułutχun, kemejü ögba. Nijiel-i yayu bayunχun? Xuγučiju oγorba. Basa tabun müsud χamtu čuγlaju: χuγułutχun! kemejü ögba. Tabuγuła tabun čuγtai müsüd güüleldün bariju bitüülju χuγułun yadaba.

§ 20. Tende Ałan-γoa eke ino ügüleba: «Ta, Belgünötai, Bügünötai, χoyar köüd mino, nama-i — ede γurban köüd-i töregülbi; ken-ö yaγun-o köüd biyu? — kemen sereldün keleldümüi. Serekü ber tano jöb!

§ 21. «Sünid büri čegegen-šira güün ger-ün erüke dotoγa-in gegeer oroju, kegeli mino biliju, gegegen ino kegeli-tür mino šinggegü bülege. Γarurun, naran sara-in kiliyer, šira noχai metü šičabałjaju χarχu bülege. Deleme yekin ügület ta? Tegüber uχaasu, temdeg ino Tenggiri-in köüd biyu je. Xara terigütü güün-tür χanidχan yekin ügület ta? Xamuγ-un χad bołuasu, χaračus tende uχat je!» kemeba.

§ 22. Basa Ałan-γoa köud-tegen süyüer üge ügülerün: «Ta, tabun köüd mino, γaγča kegeli-eče töreba. Ta, duγar-un müsüd metü γaγča-γaγča bołuasu, tere nijiel sumud (müsüd) metü, kene-ber kilbara χuγułdaχun ta. Tere čuγtai sumud (müsüd) metü χamtu, niken eye ten bołuasu, kene-ber kilbara yekin bołχun ta?» kemebi. Atara, Ałan-γoa eke ino ügei bołbi.

§ 23. Eke-yügen Ałan-γoa ügei bołuγsan-o χoina aχa-nar degü-ner tabuguła aduγusun idege-ben χubiyałdurun, Belgünötai, Bügünötai, Buχu-Xadagi, Buχatu-Sałji dörbegüle abułčaba. Bodončar-a mungχaγ, budaγun (büdügün) biyu, kemen, uruγ-a ülü toγan, χubi ese ögba.

§ 24. Bodončar, uruγ-a ese toγaγdaju: Ende atara yaγun? kemejü, γoł dayaritu, γodoli segültü oroγ-šingχuła-i unoju: Üküesü ino üküsügai! Aasu ino asuγai! kemejü, Onan-müren huruγu yorčiju talbiba. Yorčiju, Bałjun-arał gürčü, tende ebesün embüle ger kijü, tende aba-sayuba.

§ 25. Teyin aχui-duriyen boroγčin χarčiχai χarkiru bariju iden bükü-yi üjejü, γoł dayaritu γodoli segül tü oroγ-šingχuła-in kiłyasun-bar hurayałaju bariju asaraba.

§ 26. Ideküi idegen ügei arun, čino-in gün-dür χoryaysan göregesün mariyaju χarbuju ałaju ideldüged, čino-in idegsen-ni tenggüldüjü ideged, öerün χoyołai-dayan, χarčiyai-baan ber tejiyeldün tere hon γarba.

§ 27. Xabur bołuba. Noχod irekü čaγ-tur χarčiγai-baan teilegüljü oγorba. Noχod χałaγud

Xojiγułas tutum — χongǰiγud,
Hungǰiγules tutum — χungšiγud,
Hünistele tałbiba.

§ 28. Düüren gerü-ďača Tünggelig-γoroχan huruγu, böleg irgen nögüjü ireba. Bodončar tere irgen-tür χarčiγai-baan oγoruγad odču, üdür esüg čileǰü, süni ebesün embüle-ger-düriyen ireǰü χonoχu bülege.

§ 29. Tede irgen Bodončar-un χarčiγai γuyuasu, ese ögba. Tede irgen Bodončar-i ken-ü-ai la yaγun-o-ai he? kemen asaγχu ügei, Bodončar her tede irgen-i yaγun irgen? kemen asaγułčaχu ügei yabułduba.

§ 30. Buγu-χatagi, aχa ino, Bodončar-mungχaγ degü-yügen, ene Onan-müren huruγu odułuγa, kemen, erin ireǰü, Tünggelig-γoroχan huruγu nögüjü irese irgen-tür teyimü teyimü güün, teyimü morin tu bülege, kemen suraasu.

§ 31. Tede irgen ügülerün: «Güün her, morin her čino suraχu-tur adali biyu. Xarčiγai tu biyu. Üdür büri man-tur ireǰü, esüg čileǰü, odumu. Süni maγa χaa χonoγa aǰuγu. Hörene ümere-eče kei bołuasu, χarčiγai-bar bariγułuγsan noχud χałaγud-un ödün hüsun ano buryaliγ časun metü butaraǰu keisčü iremü. Ende öire biyu je! Edöge iregü čaγ bołba. Xorumud güliče!» kemeba.

§ 32. Xoram atara Tünggeli-γoroχan ögede niken güün ayisun biyu. Gürčü ireasu, Bodončar mün aǰuγu. Buγu-χatagi, aχa ino, üǰeged taniǰu abuγad, uduridču Onan-müren ögede χataraǰu yorčiǰu tałbiba.

§ 33. Bodončar, Buγu-χatagi aχa-yuγan χoinača daγaǰu χataraju yabuǰu, ügülerün: «Aχa, aχa! Beye terigütü, degel jaχatu sayin!» kemeba. Aχa ino Buγu-χatagi tere üge ino yaγuna-ber ese bołγaba.

§ 34. Basa mün üge ügüleesü, aχa ino yaγuna-ber ülü bołγan, χariγu ino ese doongγodba. Bodončar yabuǰu basa mün-gü üge ügüleba. Tere ügetür aχa ino ügülerün: «Tuγarača mün mün yaγun üge ügülemü či?» kemeba.

§ 35. Tendeče Bodončar ügülerün: «Tuγar-un Tünggelig-γoroχan-a bükün irgen yeke üčügan, maγui sayin, terigü šiira ügeigün; sačaγun bi. Kiłbar irgen bi! Bida teden-i χaγuliya (haγuluya)!» kemeba.

§ 36. Tendeče aχa ino ügülerün: «Je, teyin bögesü, ger-türiyen gürčü, aχa-nar degü-ner eyetüldüǰü tede irgen-i χaγułuya (haγułuya)!» kemeldüǰü.

§ 37. Ger-türiyen gürüged, aχa-nar degü-ner kemeldüjü moriłaju, mün Bodončar-i hayułyaba.

§ 38. Bodončar ałginči haułju, dumda kegelitai eme-i barilju, «Yayujin (yayičam) güün či?» kemen hasayba. Tere eme ügülerün: «Jarčint Adandχan Uriyangχajin bi!» kemeba.

§ 39. Tede irgen-i aχa-nar degü-ner tabuynła dayulilju, aduyun, idegen-e aran tutχara aχui sayuχui-a gürba.

§ 40. Tere dumda kegeli tai eme Bodončar-tur irejü köü törebi. Jad irgen-ö köün bülege, kemen, Jadaradai nere ögba (nereidba). Jadaran-o ebüge tere bołuba. Tere Jadaradai-in köün Tügüüdai neretü bülege. Tügüdai-in köün Buri-Bulčiru bülege, Buri-Bulčiru-in köün Xara-Xadaan bülege. Xara-Xadaan-o köün Jamuχa bülege, Jadaran oboytan tede bołuba.

§ 41. Tere eme basa Bodončar-ača niken köün töregülbi. Barilju abuysan eme bülege, kemen, tere köün-i Baaridai nereidba. Baarin-o ebüge tere bołuba. Baaridai-in köün Čiduχuł-bökö, Čiduχuł-bökö emes ołotu bülege. Köün ino mene metü töreba. Menen-Baarin oboytan tede bołuba.

§ 42. Belgünötai Belgünöd oboytan bołuba. Bügünötai Bügünöd oboytan bołuba. Buyu-χatagi Xatagin oboytan bołuba. Buχutu-Sałji Sałjiüd oboytan bołuba. Bodončar Borjigin oboytan bołuba.

§ 43. Bodončar-un aburin eme-deče töregsen Barin-Šiiratu-Xabiči neretü bülege. Tere Xabiči-Bayatur-un eke-in inje iregsen Bodončar tataju bülege. Niken köün töreba. Jaouredai neretü bülege. Jaouredai urida jügeli-tü orun bülege.

§ 44. Bodončar ügei bołuysan-o χoina tere Jaouredai-i ger daruya Adangχa Uriyangχadai güün ałuya! Tegünö-ai bije! kemejü, jügeli-deče yaryaju Jaoureid oboytu bołuyaju, Jaored-ün ebüge tere bołuba.

§ 45. Xabiči-Bayatur-un köün Menen-Tudun bülege. Menen-Tudun-no köün Xači-Külüg, Xačin, Xačuła, Xačiun, Xarandai, Način-Bayatur, dołoyan bülege.

§ 46. Xači-Külüg-ün köün Xayidu Namołun-eke-deče töregsen bülege. Xačin-no köün Nayagidai neretei bülege Noyanšiy aburitu tuła Noyakin oboytan bołuba. Xačiu-in köün Barułatai nere tü bülege. Yeke beyetü, idegen-e baruy bülege. Barułas oboytan bołuba. Xačuła-in köün idegen-e baruy tuła Yeke-Baruła, Üčügan-Baruła nereidčü, Barułas oboytan bołyaju, Erdemtü-Baruła, Tödöen-Baruła terigüten Barułas tede bołuba. — Xarandai-in köüd budayan· χudχułaχu eki terigü ügegün tuła Budayad oboy tan tede bołuba. — Xačiun-no köün Adarkidai nere tü bülege. Aχa degü jayura adaruyči tuła Adargin oboy tan bołba. — Način-Bayatur-un köüd Uruyudai, Mangχutai noreten bülege. Uruyud, Mangχud oboy tan tede bołuba. —

Način-Bayatur-un aburin eme-deče töregsen Šijuγudai, Doγoładai nereten bülege.

§ 47. Xayidu-in köün Bayišingχor-Doγšin, Čaraχai-Singχu, Čaoǰin-Örtegai, γurban bülege. Bayišingχor-Doγšin-o köün Tumbinai-Sečen. Čaraχai-Singχu-in köün Senggün-Bilge, Ambaχai tan Tayičiu oboγtan bołuba. Čaraχai-Lingχu-in berigen eme-deče töregsen Besütai neretü bülege. Besüd oboγtan tede bołuba. Čaoǰin-Örtegai-in köüd Oronar, Xongχotan, Aruład, Sönid, Xabturχas, Geniges oboγ tan tede bołuba.

§ 48. Tumbinai-Sečen-ö köün Xabuł-χaγan, Sin-Sečül (Sem-Sečüle) χoyar bülege. Sem-Sečüle-in köün Bültečü-Bayatur bülege. Xabuł-χaγan-o köüd dołoγan bülege. Angχa yeke ino Ökin-Barχaγ, Bartan-Bayatur, Xutuγtu-Münggür, Xutuła-χaγan, Xutan, Xadaγan, Tödöen-odčigin ede dołoγan bülege.

§ 49. Ökin-Barχaγ-un köün Xutuγtu-Yürki (J̌ürki) bülege. Xutuγtu-ǰürki-in köüd Seče-beki, Tayiču χoyar bülege. J̌ürki oboγtan tede botuba.

§ 50. Bartan-Bayatur-un köüd Manggetü-Kiyan, Nekün-tayiǰi, Yesügai-Bayatur, Daritai-odčigin, — ede dörben bülege. Xutuγtu-Münggür-ün köün Büri-Bökö bülege. Onan-na tün-tür χurimłaχui-tur Belgütai-in muru χangχas čabčiγsan tere bülüge.

§ 51. Xutuła-χaγan-o köüd J̌oči, Girmau, Ałtan, — γurban bülege. Xułan-Bayatur-un köün Yeke-Čeren bülege. Badai, Kišliγ, χoyar daryadun, noyan tere bülege. Xadaγan, Tödöen χoyar uruγ ügegün bülege.

§ 52. Xamuγ Mongγoł-i Xabuł-χaγan meden aba. Xabuł-χaγan-no χoina, Xabuł-χaγan-no üge-ber dołoγan köüd-iyen bögetele, Sengüm-Bilge-in köün, Ambaχai-χaγan χamuγ Mongγoł-i meden aba.

§ 53. Buyur-nayur Kölen-nayur χoyar ǰayura Uršiun-müren-ne bükün Airiud Buiruud Tatar irgen-e Ambaχai-χaγan ökın ögčü, öbesün ökin-iyen hüdeǰü odχu bołun, Tatar J̌uin irgen Ambaχai-χaγan-i bariǰu, Kitad-un Ałtan-χaγan-na abču odχui-tur, Ambaχai-χaγan Besütai güün Bałayači elčin-iyer ügüleǰü ilerün, Xabuł-χaγan-no dołoγan köüd-ün dumda-du Xutuła-da ügülerün: «Harban köüd-ün dotora Xadaγan-tayiǰi-da ügüle, kemen ügüleǰü ilerün: Xamuγ-un χaγan, Ułus-un Eǰen bołuǰu, öki-ben öbesün hüdeküi-ben namayar kesetkün! Tatar irgen-e bariγdaa bi. Tabun χuruγud-iyen kimuł-tamutała, harban χuruγud-iyen χaγuttała (χaγułtała) hači mino aburan soritχun!» kemeǰü ileǰügü.

§ 54. Tere čaγ-tur Yesügai-Bayatur Onan-müren-ne šibaγułan yabuχui-tur, Merkid-ün Yeke-Čiledü Ołχonoud irgen-eče öki abču egüskeǰü ayisuχun-i ǰołuγaǰu önggeiǰü uǰeesü, öngge ǰisu bušitai öki χatu üǰeǰü, ger-

türıyen χarin haułǰu, Nekün-tayiǰi, aχa-yuγan, Daritai-odčigin, degü-ben uduridču ireǰügüi.

§ 55. Gürküi-lüge Čiledü ayuǰu, gurdun χubitu aǰuγu. Xubi-yuγan γuya ino deledčü χuburi nambalis (dabalis) burudχui-łuγa, χoinača ino γurbaγuła udaγarałduba. Čiledü χošiγun χučilis χariǰu tergen-düriyen irekü-lüge, tende Hoelün-üǰin ügülerün: «Tede γurban haran-i uχaba-u či? Čirai čirai-ača busud bi. Amin-tur čino gürküi čiraitan bi. Amin ele čino bögesu, öljaige (öljige) tutum—ökid, χarau tutum—χatud bi. Amin ele čino bögesü, öki χatu ołui je! Či busu neretei Hoelün taki nereidüyü je. Či aminiyen χoroγ! Hünar mino hünasčü yabu!» kemen, čamča-ban mułtułǰu, mori degereče nörüidču abuχui-łuγa, γurbaγuła χošiγun χučiłduǰu gürču ayisuχułuγa Čiledü Xurdun-χubi-in γuya ino deledču ǰuχus dutaγaǰu, Onan-müren ögede dutaγaba.

§ 56. Γurbaγuła χoinača nekeǰü, doloγan χuburi dabatała hüldeǰü χariǰu ireǰü, Hoelün-üǰin-i Yesügai-Baγatur delbege-deče kötöljü, Nekün-tayiǰi aχa ino uduridču, Daritai-odčigin degü ino kiligü dergečeǰü ayisuχui-tur Höelün-üǰin ügülerün: «Aχa mino, Čiledü!

Kei ögede kögül-iyen keisümüser,
Keger γaǰar-a kegeli-ben ölösümser

bülii! Edoge ker-ele?» — Šibürged-iyen niken-te aru-degere-ben oγorču, niken-te ebür-an degere oγorču, niken-te uruγsi-da, niken-te χoinaγši-da, — «Ker-ele kiǰü odumui?» kemeged,

Onan-müren-ni tołkistała,
Hoi ǰubur daγuristała,

yeke daγu-ber uyiłaǰu ayisuχui-tur, Daritai-odčigin dergečeǰü yabuǰu ügülerün:

«Teberigü čino dabaγad ołan dababa,
Uyiładχaχu čino usud ołan ketülba.
Xaiłabasu, χaraiǰu ülü üǰekü čima-i
Xaibasu, hauluχa ino ülü ołuχu či!

Sin (sem) boli!» kemeǰü idχaba. — Höelün-üǰin-i Yesügai tedüi ger-düriyen abčiraba. Höelün-üǰin-i abčiraγsan yosun teyimü.

§ 57. Ambaχai-χaγan-no (ni?) Xadaγan, Xutuła χoyar-i nereidčü ilegseger, χamuγ Mongγoł Tayičiud Onan-no Xorχonaγ-ǰubur χuriyaǰu, Xutuła-i χaγan bołγaba. Mongγoł-un ǰiryałang debsen χurimłan ǰiryaχu bülege.

Xutuła-i χa (γa ~ γan) ergüged, Xorχonaγ-un saγłaγar modun horčin «χabirγa-ta — haułuχa, ebüdüg-te — ölked bołutała debseba.

§ 58. Xutuła, χaγan bołuγad, Xadaan-tayiǰi χoyar Tatar irgen-dür moriłaba. Tatar-un Koton-Baraχa, J̌ili-Buχa χoyar-tur harban γurban-ta χadχułduǰu, Ambaχai-χaγan-no ösül öšün, kisal kisan yadaba.

§ 59. Tende Yesügai-Baγatur Tatar-un Temüǰin-Üge, Xori-Buχa terigüten Tatar daγuliǰu ireasu, tende Höelün-üǰin kegeli-tai bürun, Onan-no Deligün-bołdaγ-a büküi-dür, ǰöb tende Činggis-χaγan töreǰügüi. Töreküi-tür, baraγun γar-türiyen šia-in tedüi nödün χadχun töreǰügüi. Tatar-un Temüǰin-üge-i abčiraγsan-tur töreba, kemen, Temüǰin nere ögküi teyimü.

§ 60. Yesügai-Baγatur-un Höelün-üǰin-eče Temüǰin, Xasar, Xačiun, Temüge, — ede dörben köüd töreba. Temülün nere tai niken öki törebi. Temüǰin-ni yesün nasutu büküi-tür, J̌oči-χasar dołoγan nasutu bülege, Xačiun-Elči tabun nasutu bülege. Temüge-odčigin γunan nasutu bülege. Temülün ölegetai bülege.

§ 61. Yesügai-Baγatur, Temüǰin-ni yesün nasutu büküi-tür, Höelün-eke-in törgüd Ołχonoγud irgen-tür naγaču-nar-ača ino öki γuyusu, kemen Temüǰin-i abuγad yorčiba. Odχui-tur Čegčer Čiχurχu χoyar-un ǰaγura Unggiradai Dei-Sečen-i ǰołγaba.

§ 62. Dei-Sečen ügülerün: «Yesügai χuda ken-tür ǰoriǰu ayisułaγa?» kemeǰügü. Yesügai-Baγatur ügülerün: «Ene köün-ö min-o naγaču-nar Ołχonoγud irgen-tür öki γuyusu, kemen, ayisułaγa!» kemeǰügü. Dei-Sečen ügülerün: «Ene köün čino nidün-türiyen γałtu, niγur-tur-iyen geretü köün bui.»

§ 63. Yesügai χuda, bi ene süni ǰegüdün ǰegüdülebe bi. Čaγan šingχor naran sara χoyar-i adχun nisču ireǰü, γar degere mino tuuba. Ene ǰegüdün-niyen güün-e ügülerün: Naran sara-i χaraǰu üǰegden bülege. Edöge ene šingχor adχuǰu abčiraǰu γar-tur mino tuuba. Čaγan baγuba. Yambar ele sai üǰegülümü, kemeǰü, Yesügai χuda ene ǰegüdün mino čima-i ele köün-been uduridču iregü-i ǰaγaγsan aǰuγu?

§ 64. Ba Unggirad irgen

Erte üdür-eče ǰege-in ǰisun,
Ökin-ö öngeten, ułus ülü temečed
Xačar γoa ökid-i
Xaγan bołuγsan-a tano
Xasaγ tergen-tur unoγułǰu,
Xara buγura kölgeǰü,
Xataraγułǰu odču,

Xatun sayurin-tur
Xamtu sayułumu ba!
Ułus irgen ülü temečed ba
Öngge sayid ökid-iy. n ösgejü,
Öljige tai tergen-tür mnoγułǰu,
Öle buγura kölgejü,
Egüskejü odču,
Ündür Sayurin-tur
Öregele eteged sayułχui ba!
Erteneče Unggirad irgen
Xatun χałχatan, ökid öčilten
J̌ege-in ǰisun, ökin-ö öngge-ber
Bülege ba!

§ 65. Noun (niγun) köüd mano
Nuntuγ χarayu,
Ökin köü mano
Öngge üǰegdeyü!

«Yesügai χuda, ger-tür mino oduya! Ökin mino üčügügen biyu, χuda üǰetügai!» kemeǰü, Dei-Sečen ger-türiyen uduridču bayułba.

§ 66. Öki ino üǰebesü, niγur-türiyen gere tai, nidün-tür-iyen γałtai. Ökin-i üǰeǰü, oin-tur-iyen oroγułba. Temüǰin-eče niken nasun yeke, harban tai aǰuγu. Börte nere tai. Süni χonoǰu, manaχaši öki ino γuyubasu, Dei-Sečen ügülerün: «Ołan taou γuyuγułǰu ögbesü, degeǰilegdegü, čögen taou γuyuγułǰu ögbesü doromǰiłaγdaχu. Ökin güün-no ǰayaγan töregsen egüden-tür ötölgü ügei. Ökin-iyen be ögsü, köüniyen be güreged-te tałbiǰu od!» kemeba. Je bołułčaǰu, Yesügai-Bayatur ügülerün: «Köü-ben gürege-te tałbisu! Köü mino noχai-yača čočimtaou (čočimtaγu) bülege. Xuda, köü mino noχai-yača bu čočiun!» kemeged, kötöl morin-iyen belge ögčü, Temüǰin-ni güreged-te tałbiǰu odču.

§ 67. Yesügai-Bayatur ǰayura Čegčer-ün Šira-kegere Tatar irgen χurimłan büküi-tür ǰołuyaǰu, umdasču χurim-tur ano bayuba. Tede Tatar tanin aǰuγu. «Yesügai Kiyan ireai!» kemeged, uridan-o dayuliγdaγsan keselen-en duradču, oisuladun (öšüledün) χuǰirǰu, χoro χoliǰu ögčüi (ögčigüi). J̌ayura mayui odču, γurban χonoγ yabuǰu, ger-türiyen gürüged, mayui bołǰu.

§ 68. Yesügai-Bayatur ügülerün: «Dotora mino mayui bi. Dergedo ken bi?» kemeǰü, Xongχotadai Čaraχa ebügen-ö köü Münglig oira bi, kemeǰü, uriǰu iregülǰü ügülerün: «Čaχa mino Münglig! Köüd üčüge tü bülege

bi. Köü-ben Temüǰin-i güriged-te tałbiǰu irerün, ǰaγura Tatar irgen-e oisulaγdaa bi. Dotora mino maγui biyu. Üčüged χočoruγsad, degü-ner-iyen, belbisün, bergen-iyen asaraχu-i či mede! Köü mino Temüǰin-i ötörken odču abču ire, čaχa mino Münglig!» keeed, nögčiba.

II

§ 69. Yesügai-Baγatur-un üge busi ülü bołγan, Münglig odču, Dei-Sečen-ne ügülerün: «Yesügai aχa Temüǰin-i maši möreljü öre-ben ebedümü. Temüǰin-i abura ireba!» keeǰüü. Dei-Sečen ügülerün: «Xuda köü-ben mörelgü bögesü, odtuγai! Üǰeǰü, ötör iretügai!» kemeǰü, Münglig-ečige Temüǰin-i abču ireba.

§ 70. Tere χabur Ambaχai-χaγan-no χatud Orbai Soχatai ǰirin yekes-e γaǰaru ineru γaruγsan-tur, Höelün-üǰin odču, χoǰid gürčü χoǰidaγuγułdaǰu, Höelün-üǰin Orbai Soχatai ǰirin-e ügülerün: «Yesügai-Baγatur-i ükübe-ü, kemeǰü, koüd-i mino yeke ülü bołuχui-yača yekes-ün kešig-eče, bileür-eče, saryud-ača yekin χoǰidaγułumui ta? Üǰeged idekui ülü sergügülün nögükün bołba ta!» kemeǰüü.

§ 71. Tere üge-tür Orbai Soχatai ǰirin χatud ügülerün:

«Uriǰu ülü ögdeküi mör-tai či,
Učiraasu idegü yosutai či,
Güreǰü ülü ögdegü či,
Gürteesü idegü yosutai či!

Ambaχai-χaγan-ni üküle-ü (ükübe-ü) či, kemeǰü, Höelün-ne kürtele eyin kemegdekui bołbi!»

§ 72. Aryа-eče: «Eden-i ekes köüd-i nuntuγ-tur geǰü nögütkün, ta ber bu abču yabutχun!» kemeged manaγarši üdür-eče Tayičiud-un Taryutai-Kiriłtuγ, Tödöen-Kirte tan Tayčiud Onan-müren huruγu ködölba. Höelün-üǰin-ni ekes köüd-i geǰü nögügderün, Xongχotadai Čaraχa-ebügen odču idχaχu-tur Tödöen-Kirte ügülerün:

«Čegel usun nidurałuγa,
Čegen čiłaγun čaγurałuγa!»

kemeged nöüüǰeai. Čaraχa-ebügen-i «Ker idχaχu či?» kemen χoinača ǰidabar ǰoχudus χadχuǰuγu.

§ 73. Caryа-ebügan yaratu bołǰu ger-turiyen ireǰü kebdeküi-tür, Temüǰin üǰere odču, tende Xongχotan Čaraχa ebügan ügülerün: «Sayin Ečigein čino χuriyaγdaγsan ułus-i mano bürin-ö ułus abču nögügderün, idχaχu bołun eyin kigdebe!» kemeǰü, tegün-tür Temüǰin uiłaγad γarču yorčiba.

Höelün-üjin geǰü nögügderün, tuγłaǰu beye-ber moriłaǰu, ǰarimud irgen-i ičuγaba. Tede ber ičuγaγdaγsan irgen ülü toγtan, Tayičiγud-un χoinača nögüǰügüi.

§ 74. Tayičiγud aχa degü Höelün-üjin-ni belbisün köüd üčüged, ekes köüd-i nuntuγ-tur geǰü nögügdeǰü, —

Höelün-üjin eme mergan töreǰü,
Üčüged köüdiyen teǰigerün,
Ukitała boγtaǰaǰu,
Xoǰitała büseleǰü,
Onan-müren ögede irada (irata) güyiǰü,
Ölirsün moiłsun tengüǰü (temgüǰü),
Üdür süni χoγołai teǰigebe.
Sülsü tai töregsen Üǰin-eke,
Su-tan köüd-iyen teǰigerün,
Čigörsün širo bariǰu, sudun
Čičigina uχuǰu teǰigebe.
Eke-üǰin-nö
Xaliyarsun manggirsun-iyar teǰigegsed köüd
Xad bołura gürbei.
J̌arčimtai Üǰin-eke-in
J̌auχasu-bar teǰigegsed köüd
J̌asaγ tan sečed bołba.

§ 75. Гоа-üǰin-nö
Xoγosun manggirsu-ar teǰigegsed
Haułuχad köüd,
Hoilaud Sayid bołba.
Eres sayid bołun baraǰu,
Erekün omoγun ele boldaba.
Eke-yügen teǰigeya keleldüǰü,
Eke Onan-no ergi degere saγuǰu,
Elgügür geögi ǰasałduǰu,
Eremdeg ǰeremdeg ǰiγasu
Elgüǰü geügileǰü,
Čilüme χubčiγur huyaǰu,
J̌iramud ǰiγasu šigüǰü
J̌iči eke-yügen hači teǰigebe.

§ 76. Niken üdür Temüǰin, Xasar, Begter, Belgütai dörben χamtu saǰu geögi tataχui dotora niken gegegen soχosun oroǰuγui. Temüǰin Xasar

χoyar-ača Begter Belgütai χoyar buliju abuba. Temujin Xasar χoyar gertür irejü, Ujin-eke-dü ügülerün: «Niken gegegen soχosun geögi jaγuγsan-i Begter Belgütai aχa degü χoyar-a buliju abdaba bi!» kemebesü, Üjin-eke ügülerün: «Yegügüjei! Aχa-nar degü-ner yekin kildümüü ta?

Següder-eče busu nökor ügei,
Segül-eče busu čičuγa ügei bi bida!

Tayičiγud aχa degü-iyen χašiγu ker aburaχun bida? kemejü bükü-tür, Erte Ałan-eke-in tabun köüd metü yekin eye ügegün bi ta? Bütügai!» kemebai.

§ 77. Tendeče Temüjin Xasar χoyar ülü tayałan ügülerün: «Öčigen niken-te biljiur γodoliduγsan-i teyin-gü buliju abułaγa. Edöge basa teyingü buliba. Xamtu ker ałdaχun bide?» keeed, egüden oγorču γarču yorčiba. Begter hułχun degere širγa aγta tan yesün mori χaraju saγu(n) bükü-tür, Temüjin ümereče, dałdadču, Xasar emüneče dałdadču, sumu-ban sambaju gürkü-dür, Begter üjeged ügülerün: «Tayičiγud aχa degü-in γašiγun daγusun yadan hači ken-e aburan čidaχun-o? kemejü bükü-tür, nama-i yekin

Nidun-o surimusun,
Aman-o χaγasun

bołγamui ta?

Següder-eče busu nökör ugei,
Segül-eče busu čičuγa ügei-tür,

yekin teyin sedkiba ta? Γołumta mino bu bürelgetkun, Belgütai-i bu tebčitkun!» kemeged, jabiłan saγuju küličaba. Temüjin, Xasar χoyar emüneče ümereče öter merejü odba.

§ 78. Ger-tür irejü oroχui-łuγa, Üjin-eke χoyar köükedü-yen čirai uχaju ügülerün: «Baraγsad!

Xałaγun-ača mino,
Xałat γarurun,
Γar-tur-iyen χara nödün,
Xadχun törelegi ene!
Xarbisun ban χajaχu
Xasar noχai metü,
Xada-tur dobtutχu
Xabłan metü!
Aγur-iyen darun yadaχu

Arsłan metu;
Amidu ǰałgisu kemekü
Manggus metü;
Següder-türiyen dobtuɫχu šingχor metü:
Sem-iyer ǰałgiχu čuraχa metü;
Botoγan-iyen borbi χaǰaχu buγura metü;
Boroγan-tur šiχaχu čino metü;
Köüd-iyen gelin yadaǰu,
Köüd-iyen idegü anggir metü;
Kebtegü-en (kebdeši-iyen) köndeesü
Ömergü čögebüri metü;
Bariǰu ülü saγaraχu bars metü;
Bałamut dobtuɫχu
Baru(γ) metü —
Baraba!
Següder-eče busu nökör ügei-tür,
Segül-eče busu čičuγa ügei-tür,

Tayičiγud aχa degü-in γašiγun daγusun yadan bükü-tür, hači ken-e aburaχun-o? kemeǰü bükü-tür, Ker aya, kemen, eyin kildümüi ta?» kemen, köüd-iyen

Xaγučin üges χadarun,
Ötögüs üges orkidun,

maši maγuyiɫabai.

§ 79. Tedüi atała, Tayičiuγud-un Taryutai-Kiriltuγ turχaud-iyen uduridču: «Χoruγad γooǰiǰuγu (γuuǰiǰuχui). Šilüged šiberiǰügül» kemen ireǰügü. Ayuǰu ekes köüd aχa-nar degü-ner šiγui hoi-tur χorγoɫaǰu, Belgütai mudud χuγuru tatałaǰu šibege bariǰu, Xasar χarbuɫałduǰu, Xačiun, Temüge, Temülün γurban ni ǰaba ǰaγura dürüǰü buɫχałdun bükü-tür, Tayičiγud ungšiju ügülerün: «Aχa-ban Temüǰin-i ǰile, busud-i tan-o kereg ügei!» kemen ungšiγdaǰu, Temüǰin-i moriɫaγuɫǰu buruγudχan, hoi-tur dutaγaǰu odχui-i Tayičiγud üǰeǰü hüldeǰü, Tergene ündür-ün šiγui hoi-tur širγuǰu orobasu, Tayičiγud oron yadaǰu, šiγui hoi-tur horčin sakiǰu,

§ 80. Temüǰin šiγui dotora γurban χonoǰu, γarsu kemen moriyen kötöljü ayisuχui-tur, morin-ača emegel ino mültüreǰü χočorčuγu. Xariǰu üǰeesü, emegel kömüldürgelegseger oɫangɫaγsaγar mültüreǰü χočorčuγu. «Oɫang či boɫtuγai, kömüldürge basa ker mültüregü bülege? Tenggeri idχan aχuyu?» kemeǰü χariǰu basa γurban χonoba. Basa γarču ayisuχui-tur, šiγui amsar-a χošiliγ-un tedüi čaγan gürü amasar-a böglen unaǰuγu. «Teng-

geri idχan aχuyu?» kemejü, basa γurban χonoba. Basa yesün χonoγ idegen ügei aju: «Nere ügei ker üküdeküi? Tarsu!» kemejü tere amasar böglen unaγsan χošiliγ-un tedüi čaγan gürü horčin, γarbasu ülü bołχu modud-i sumuči kituγai-yer-iyen hoγturiγad, moriyan χałtariγułuγad γarχui-łuγa, Tayičiγud sakin ajuγu. Bariju abču odba.

§ 81. Temüjin-i Taryutai-Kirilłtuγ abču odču, ułus irgendüriyen jasaγłaju, ail-tur niken χonoγułun χonoγułun bitügülün yabuχui-tur, jun-o terigün sara-in harban jirwuan-a hułaγan tergel üdür Tayičiγud Onan-no ergi degere χurimłałduju, naran šinggeesü taryχaba. Temüjun-i tere χurim-tur gelbüre köün güün abčiraju bülege. Xurim-un haran-i taryχaγułun, tere gelbüre köün-eče buχau tataju abču, heki ino nikente deledüged güijü, Onan-no tün dotora kebteesü üjegdegü, kemejü, usun-o χarki-tur gedergü kebtejü, buχau-ban usun huruγu urusχan, ile kebtebe.

§ 82. Tere ałdaγsan güün yeke daγu-bar: «Bariya güün ałdaba!» kemen χaiłaχui-tur, taryχaγsad Tayičiγud χuriju irejü, üdür metü sarauł-a Onon-no tün-ni bederebe. Xarki-tur kebtejü bükü-i Süldüsün Soryχan-Šira jöb daγariju irejü ügülerün: «Jöb ele eyimü arγatu-in tuła nidün-düriyen γałtu, niγur-turiyen geretü, kemen, Tayičiγud aχa degü-degen naidaγdan ajuγu. Či teyin ču kebte. Ülü jaγaχu bi!» keeed nögčiba. Basa χarin bedereye kemeldüküi-tur, Soryχan-Šira ügülerün: «Mün, mün mör-iyer-iyer ese üjegsen γajar-iyen üjeged, χarin bedereye!» kemeba. «Je, gü!» kemeldüba. Mün mün möriyer χarin bederejü, basa Soryχan-Šira daγariju ügülerün: «Aχa degü čino amaan šidu-ben bilegüden ayisu. Teyin kebte, χadaγuji gü! keeed nögčiba.

§ 83. Basa χarin bedereye kemeldüküi-tür, Soryχan-Šira ügülerun: «Tayičiγud köüd, ta gegegen čaγaγan üdür gübčin güü ałbaba. Edöge χarangχui süni ker ołχun bida? Basa mün mün möriyer ese üjegsen γajar-iyen üjeged, χarin bedereged taryχaju, manaγar üdür čiγułju eriye. Xaa odχu, tere buχautu güün?» kemebe. Je kemeldüjü, χarin bederejü, Soryχan-Šira basa daγariju ügülerün: «Edüi bedereged, χariju manaγar eriye kemeldüba. Edöge mani taryχaγułun baraju, eke-ben degü-ner-iyen erin od! Nama-i üjeba, kemen, güün-e üjegdeesü, üjegdebe kemen bu kelele!» keeed nögčiba.

§ 84. Ani taryχaγułun baraju, dotora-ban sedkijü: «Öčigan ail bitügüljü χonaγułχui-tur, Soryχan-Sira-in ger-tür χonobasu, Čimbai Čiłaγun, χoyar köüd ino, örö jirüge-ben ebedčü, süni nama-i üjejü, buχau mino abču sułaraju χonoγaγułułai. Edöge basa Soryχan-Šira nama-i üjejü, ülü jaγan nögčin aba. Edöge mün gü tede nama-i aburamu je!» kemejü, Soryχan-Sira-in ger erin, Onon-müren huruγu yorčiba.

§ 85. Ger-ün belge: sün tüsüreged, esüg-iyen süni-de üdür čaitała bülekü bülege. Tere belge sonosču yabubasu, bülegür-ün dayu sonosču gürčü, ger-tür ino orobasu, Sorχan-Šira: Eke-ben, degü-neriyen erin od ese-ü kelelüge bi? Yekin ireba či?»kemeba. Čimbai Čiłayun, χoyar köüd ino ügülerün: «Šibayuχan-i turimtai buta-tur χorγobasu, buta mün aburaǰuγui. Edöge bidan-tur iregün-i yekin teyin kememü či?» kemen, ečige-yügen üge ülü tayałan buχau-gi ino čučałǰu, yał-tur tüliyeǰü, χoitu nungγasutu tergentür unoγułǰu, \adayan neretai düyii-ben: «Amitu güün-e bu kelele!» kemeǰü asarayułba.

§ 86. Futuγar üdür «Güün niγuba je!» kemeldüǰü «öber ǰayur-a nengǰileldüya!» kemeldüǰü nengǰileldüba. Sorχan-Sira-in ger-tür, tergantür, iseri-in doro gürtele nengǰiǰü, χoitu nungγasutu tergan-tür unoǰu, amasar-a büküi nungγasu tatałaǰu köl-tür gürküi-tür, Sorχan Šira: «Ene basa eyimü χałaγun-a nunγasun dotora ker dayusχu?» kemebesü nengǰigülsün bayuǰu yorčiba.

§ 87. Nengǰigul-i oduγsan-o χoina Sorχan-Šira ügülerün: «Nama-i hünesü-er keisgan ałdaba! Edöge eke-ben degü-ner-iyen erin od!» kemeǰü, aman čayan eremüg hułaγčin-i unoγułǰu, tel χuriγan bołγaǰu, göür nambuχa ǰasaǰu, emegel ülü ögün, kete ülü ogün, χoyar sumu ögba. Tedüi ǰasaǰu ileba.

§ 88. Temüǰin teyin oduγad, šibegeleǰü χorγołagsan γaǰar-düriyen gürčü, ebesün-ö ałurχai-bar Onan-müren ögede močigiǰü (mökiǰü, müškiǰü), höröněče Kimurχa-γoroχan oroǰu, iren ajuγu. Tere ögede mörkiged, Kimurχa-γoroχan-no Beder χošiγun-a Xorčuχui-bołdaγ-a büküi-tür ǰołuγałduba.

§ 89. Tende neileldüǰü odču, Burχan-χałdun-o ebür-e Gürelgü-dotora Sanggür-γoroχan-o Xara-ǰirügen-ö Kökö-nayur nuntuγłaǰu aχui-tur, tarabayad küčügür ałaǰu iden bülege.

§ 90. Niken üdür širya ayta tan naiman morid ger-ün dergede bayiǰu büküi-i degerme ireǰü, üǰetele degermedčü yorčiba. Yabuγad üǰeǰü χočorba. Belgütai oγodur dargi χongχor-i unoǰu tarbayačiłara odču bülege. Üdeši naran šinggeküno χoina, Belgütai dargi oγodur χongχor-tur tarbayad očiju niγsaχałjatała yabuγan kötöljü ireba. Sirya ayta tan-i degerme abču odba kemebesü Belgütai ügülerün: «Bi nekesü!» kemeba. Xasar ügülerün: «Či ülü čidaχu, bi nekesü!» kemeba. Temüǰin ügülerun: «Ta ülü čidaχu, bi nekesü!» kemeǰü, dargi χongχor-i Temüǰin unoǰu, širya ayta tan-i ebesün-ö ałurχai-bar möskiǰü (mörgiǰü), γurban χonoǰu, manayar erte mörtür ołan aduγun-tur, nigen gürümel-e, köün güün gegü sayan aχu-i ǰołyaǰu, širya ayta tan-i surabasu, tere köün ügülerün: «Ene manayar, naran uryu-

χu-in urida, širγa aγtatan naiman morid egüber hüldeǰü yorčiba. Mör ino bi ǰaγaǰu ögsü!» kemeged oγodur χongχor-i tałbiγułǰu, Temüǰin-ni oroγ šingχuła-i unoγułba. Mün öbesün χurdun χubi-i unoba. Ger-türiyen ba ülü odun, nambuχa saγułγa-ban kegere buχuǰu tałbiba. «Nökör, či bürün mungχaniǰu ayisu aǰuγu. Ere-in mung niken biǰe! Bi čima-tur nököčesu! Ečige mino Naχu-Bayan kemegdeyu. Bi γaγča köün ino bi, Boorču neretü bi!» keeed, širγa aγta tan-o mör-iyar ino möskiǰü (mörgiǰü), γurban χonoǰu, üdeši naran χuburi tašin büküi-tür, niken güriyen irgen-tür gürba. Širγa aγta tan naiman morid tere yeke güriyen-ö kiǰaγar-a ebesülen bayiǰu büküi-i üǰeba. Temüǰin ügülerün: «Nökör, či ende bayii! Bi širγa aγta tan, tende bi, hüldeǰü γarsuγai!» kemeba. Boorču ügülerün: «Nököčesü kemen irelege bi; ende yekin bayiχu?» keeed χamtu dobtulǰu oroγad, širγa aγta tan-i hüldeǰü γarba.

§ 91. Xoinača haran ubur-subur nekeǰü ayisu. Niken čaγaγan moritu güün uγurγa bariǰu γaγčaγar güyičeǰü ayisu. Boorču ügülerün: «Nökör, numu sumu nada ača, bi χarbułałdusu!» kemeba. Temüǰin ügülerün: «Mino tuła či erüstegüǰei, bi χarbułałdusu!» kemeǰü, esergü χarin χarbułałduba. Xoitus nököd güyičeǰü ireba. Naran šinggeǰü odba. Duušin bołǰu ayisu: Xoitu tede haran, baruan bołdaǰu bayiǰu, χočorba.

§ 92. Tere süni düliged, γurban üdür γurban süni düliǰü gürba. Temüǰin ügülerün: «Nökör, bi čima-dača anggida ede morid-iyen abuχu-u bülege? χubiayałduya, kedüi-i abχu kememü?» kemebe. Boorču ügülerün: «Bi sayin nökör-i čima-i mungχaniǰu ayisu, kemen, sayin nökör-e tusa bołsu, kemen, nököčeǰü ireba bi: ołǰa-u kemeǰü abχu bi? Ečige mino Naχu-Bayan neretü biyu. Naχu-Bayan-no γaγča köün bi bei-ü? Ečige-in mino ǰügegsen nada tügetele bi. Bi ülü abχu! Tusa bołuγsan mino yaγun tusa bołχu? Ülü abχu!» kemeba.

§ 93. Naχu-Bayan-no ger-tür gürba. Naχu-Bayan köü-ben Boorču-i ǰabχaǰu, nisun niłbusu-iyer aǰuγu. Genete gürteǰü, köü-ben üǰeǰü nikente uyiłamu, niken-te dongγodumu. Köün ino Boorču ügülerün: «Yaγun bołba. Sayin nökör mungχaniǰu ayisun aǰuγu. Nököčeǰü odułaγa bi. Edöge ireba!» keeed haγulǰu odču, buχuγsan nambuχa saγułγa-ban ačiraba. Temüǰin-ne tel χuriγan ałaǰu günesü ögüged, nambuχa degürge(n) ǰasaǰu günesülegülba. Naχu-Bayau ügülerün: «Xoyar ǰałaγus bei ta. Üǰegüldügtüt, mona χoina bu tebčildügtüt!» kemeba. Temüǰin odču, γurban süni, γurban üdür yorčiǰu, Sanggür-γoroχan-a ger-türiyen gürba. Höelün-eke, Xasar kiged degü-ner ino kerüǰü aǰu, üǰeǰü bayasba.

§ 94. Tendeče Temüǰin, Belgütai χoyar Dei-Sečen-nö Börte-üǰin-i yesün nasutu bükiü-tür üǰeǰü iregseger χaγačaǰu bülege. Kelüren-müren

nuruγu erin odba. Čegčer Čiχurγu χoγar jaγura Dei-Sečen Unggirad tende ajuγu. Dei-Sečen Temüjin-i üjejü maši yeke bayasču ügülerün: «Tayičiγud aγa degü činu nayitamu, kemen, medejü maši kerüjü jököreai. Aran üjebe je čima-i!» kemeged, Börte-üjin-i neilegülüged egüsgeba. Egüsgen ayisurun, Dei-Sečen jaγura Kelüren-o Uraγ-jol-nudača χariba. Gergai ino, Börte-üjin-ö eke, Sotan neretei büligi. Sotan, öki-yen hüdejü, Gürelgü dotora Sanggür-γoroχan-a bükü-tür gürgejü ireba.

§ 95. Sotan-i χariγuluγad, Belgütai-i Boorču-i nököčeya kemen uriju ileba. Boorču, Belgütai-i gürgegülüged, ečige-düriyen ülü kelelen, Bögötür-χongχor-i unoγad, boro örmüge-ben bögtürüged, Belgütai-lüge ireba. Tere nököčegseger nököčekü yosun teyimü.

§ 96. Sanggür-γoroχan-ača nögügüjü, Kelüren-müren-ö terigün, Bürgi-ergi-de, nuntuγlan bayuju, Sotan-eke-in šidkül, kemen, χara buluγan daχu abčiraju bülege. Tere daχu-an Temüjin, Χasar, Belgütai γurban abču odču: «Erde üdür Yesügai-χan ečige-lüge Kereid irgen-ö Vang-χan anda kemeldügsen ajuγu; ečige-lüge mino anda kemeldügsen ečige metü bei je!» kemen, Vang-χan-i Tuula-in χara-tün-ne bei-yu, kemen medejü, odba. Vang-χan-tur Temüjin gürču ügülerün: «Erte üdür ečige-lüge mino anda kemeldügsen ajuγu. Ečige-gü metü beyu je!» kemejü «Gergai bayulju emüsgejü čimada abčiraba!» kemen, bulaγan daχu ögba. Vang-χan maši bayasču ügülerün:

«Χara buluγan daχu-in χariγu
Χaγačaγsan ulus-i čino
Χamtudχaju ögsü!
Buluγan daχu-in χariγu
Butaraγsan ulus-i čino
Bügüdkeldüjü ögsü!
Bököre-in högse-tür,
Čekere-in čegeji-tür —

atuγai!» kemeba.

§ 97. Tendeče χariju, Bürgi-ergi-de bükü-tür, Buryan-χaldunača Uriyangχadai güün, Jarčiudai-ebüyen kügürge-ben ürču (egürču), Jelme neretü köün-iyen uduriduču ireju, Jarčiudai ügülerün: «Onan-no Deligünboldaγ-a bükü-tür Temüjin-i törökü-tür buluγan nelke ögülege bi. Ene köü-ben Jelme-i ögülege-gü bi. Üčügan, kemen, abču oduluγa». Edöge jelme-i

Emegel-iyen toχuγul,
Egüde-iyen negügül!

kemejü ögba.

§ 98. Kelüren-müren-no terigün-e, Bürgi-ergi-de, bayuju bükü-tür, niken manayar, erde gerel širaɬ(an) üdur gein bükü-tür, Höelun-eke-in ger dotora ködőlkü Xoaγčin-emegen bosču ügülerün: «Eke, öter bos! γajar derbelemüi, tübürigün sonostamui! J̌aɬγamšiγ tan Tayičiγud aχun-o? Eke öter bos!» kemebi.

§ 99. Höelün-eke ügülerün: «Köüd-i öter serigülütkün!» keeed. Höelün-eke öter-gü bosbi. Temüǰin tan köüd öterlen-gü bosuγad, morid iyen bariju, Temüǰin niken mori unoba. Höelün-eke niken mori unoba. Xasar niken mori unoba. Xačiun niken mori unoba. Temüge-odčigin niken mori unoba. Belgütai niken mori unoba. Boorču niken mori unoba. J̌elme niken mori unoba. Temülün-ni Höelün-eke ebür-türiyen degürba, niken mori kötöl ǰasaba. Börte-üǰin-e mori dutaba.

§ 100. Temüǰin aχa-nar degüner moriɬaju, etre böged Burχan jüg γarba. Xoaγčin-emegen, Börte-üǰin-i niγusu kemen böken (niken) χarautai tergen-tür unoγuɬju, bögere aɬaγ hüker köljü, Tenggeli(g)-γoroχan ögede ködöljü ayisun bükü-tur hörü-baru-da, üdür gein bükü-tür, esergün-eče čerig haran χataraju hergiǰü gürčü ireǰü: «Yaγun güün či?» kemen hasaγba. Xoaγčin-emegen ügülerün: «Bi Temüǰinoai bi! Yeke ger-tür χonin kiryara irelege. Ger-türiyen χariju ayiši!» kemebe. Tendece ügülerün: «Temüǰin ger-tür biyu-u, ger keǰiye biyu?» kemebi. Xoaγčin emegen ügülerün:«Ger-či oira biyu! Temüǰin-i bükui-i ügei ese uχabai. Xoinača bosuγad irebi bi!» kemebi.

§ 101. Tede čerigüd tedüi χatariba. Xoaγčin emegen bögere alaγ hüker-iyen deledüged, öterlen negügü boɬun, tergen-ö tenggeli χuγus odba. Tenggeli-ben χuγuraγdaju yabuγadiyar hoi-tur güyijü oroya kemeldün bükü-tür, daruča müd čerig-üd Belgütai-in eke-i sundaɬaγuɬduju, χoyar köl ino čerbegeldügüljü, χataraju gürčű ireged: «Ene tergen dotora yaγun tegeǰü amu?» kemeba. Xoaγčin-emegen ügülerün: Ungγasun tegeǰü amu!» kemebi. Tede čerigüd-ün aχa-nar ino ügülerün: Degü-ner köüd-iyen bayuju üǰetkün!» kemeba. Degü-ner köüd ino bayuju, χaatai tergen-ö χaγaɬγa abχui-luγa, dotora χatuγ je güün sayuju, ima-i tergen-eče čirčü bayuɬju, Xoaγčin jirin-i sunduɬaγuɬju abuγad, Temüǰin-o χoinača ebesün-ö aɬurχai-bar mörgiǰü Burχan jüg γarba.

§ 102. Temuǰin-ö χoinača Burχan-χaɬdun-ni γurban-ta χuciγuɬju erüsün yadaba. Eyin teyin böɬjiasü umubu šibar berke hoi ino čadχuɬang moγai-ya širyuasu ülü boɬχu berke šiγui χoinača ino daγaju, erüsün yada-juui. — Tede γurban Merkid ajuγu. Uduid-Merkid-ün Toγtoγa, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun, Χaad-Merkid-ün Χaatai-Darmaɬa. Ede γurban Merkid erten-ö Höelün-eke-in Čiledü-dača buliju abtaɬaγai, kemen, edöge tere ösül ösün iregse(n) ajuγu. Tede Merkid ügüleldürün: «Höelün-no hači

aburan edoge emes-i ino abuba. Hači-yen aburaba bida!» kemeldüǰü, Burχan-χałdun nača bayuǰu geit-türiyen aǰiraba.

§ 103. Temüǰin: «Tede γurban Merkid mayad geit-tür-iyen aǰiraba-yu, bügčü-ü amui?» kemen, Belgütai, Boorču, Jelme γurban-i Merkid-ün χoinača uχaut-a γurban χonoγ dayaγułǰu, Merkid-i küngkegüljü, Temüǰin Burχan degere-eče bayuǰu, ebčegü-ben möledčü, ügülerün: «Χoaγčin-eke-i

Solongγa bołǰu
Sonosχu-in tuła
Ünen bołǰu
Üǰegu-in tuła
Büdün beye-en buruγudun,
Bugiya moritu,
Buχu-in horim horimłaǰu,
Buryasun ger gerlen,
Burχan degere γarułaγa.
Burχan-χałdun-a
Bögesün-ö tedüi amin-yen
Büljigüldaba bi!
Γaγčaχan aminiyen χairałan,
Γaγča moritu,
Xandayai horim horimłaǰu,
Xałχasun ger gerlen
Xałdun degere γurułaγa bi.
Xaldun-buryan-na
Xalǰa-in tedüi amin-iyen
Xałχałaγdaba ǰe bi!
Burχan-χałdun-i
Manaγar-büri maliyasuγai,
Üdür-büri öčisügai!
Uruγ-un uruγ mino uχatuγai!»

kemen, naran esergü büse-ben güǰügün-düriyen erigeleǰü, małayai-ban γar-turiyen seeǰigeleǰü, γar-iyen ebčegün-düriyen möledčü, naran ǰüg yesünte sögedčü, sačuli öčüli ögbö! —

III

§ 104. Tedüi keleleǰü, Temüǰiu Xasar Belgütai γurban Kereid-ün Van-χan-tur, Tuuła-müren-no Xara-tün-na büküi-tür odču ügülerün: «Γurban Merkid-te genen büküi-tür ireǰü, eme köü-ben dayuliǰu abdaba. Xan

ečige mino eme köü aburaǰu ögtügai, kemen ireba bi!» kemeba. Tere üge-in χarin Toorił-Vang-χan ügülerün: «Bi nidoni čimada ese-ü ügülelege? Bułuγan daχu nada ačiłarun (ačirarun), ečige-in čaγ-un anda kemeldügsen ečige metü biyu je, kemen, emüsgegdeesü, tende bi ügülerün:

Bułuγan daχu-in χariγu
Butaraγsan ułus-i čino
Bügüdgeldüǰü ögsü!
Xara bułuγan daχu-in χariγu
Xaγačaγsan ułus-i čino
Xamtudχałduǰu ögsü!

kemen,

Čekerai-in čegeǰi-tür atuγai,
Bökörai-in bögse-tür atuγai!

ese-ü kemelege bi? Edöge tere ügen-düriyen gürün;

Bułuγan daχu-in χariγu
Bügüde Merkid-i büreltele,
Borte-üǰin-i čino aburaǰu ögsü bi!
Xara bułuγan daχu-in χariγu
Xamuγ Merkid-i γałtačiǰu,
Xatun Börte čino
Xariγułǰu abčiraya bida!

Či J̌amuχa degü-de kelen kiǰü ile. J̌amuχa degü Xorχonaγ-ǰubur- biǰe. Bi endeče χoyar tümed moriłasu, baraγun γar bołun, J̌amuχa degü χoyar tümed bolǰu ǰaoun γar bołun moriłatuγai! Bidano bołǰaγan J̌amuχa-dača bołtuγai!» kemeba.

§ 105. Temuǰin Xasar Belgütai γurban Toorił-χan-nača χariǰu, gertüriyen gürčü, Temüǰin J̌amuχa-tur Xasar Belgütai χoyar-i ilerün, J̌amuχa anda-da ügüle, kemen, ügüleǰü ilerün:

«Oro-ban hoγtoryu bołγaγdaa bi!
Önar niken tan busud-u bida?
Ösul-iyen ker ösükün?
Ebür-iyen hemtüldee bi.
Heligen-ö uruγ busud-u bida?
Hači-yen ker hačiłaχun bida?»

kemejü ileba — J̌amuχa anda-da ügüleǰü ilegsen üge edüi. Basa Kereid-ün Toorił-χan-no ügülegsen üges-i J̌amuχa-da ügüleǰü ilerün: «Erde üdür Yesügai-χan ečige-de mino tusa sayi kigdegsen-i sedkiǰü, nököčesü bi! Xoyar tümed bolǰu barayun γar bołun moriłasu. J̌amuχa degü-de keleleǰü ile. J̌amuχa degü χoyar tümed moriłatuγai, χamtudχu bołǰayan J̌amuχa degü-deče bołtuγai!» kemeba. — Ede üges-i dayusχan baraǰu, J̌amuχa ügülerün: «Temüǰin anda-i

Oro hoγtoryu bołba, kemen medeǰü,
Öre mino ebedba.
Ebür hemterebe, kemen medeǰü,
Helige mino ebedba.
Osül-iyen ösün,
Uduid Uwas Merkid-i ülüdkeǰü,
Üǰin-Börte-yen aburaya!
Hači-yen aburan
Xamuγ χaad-Merkid-i γałtačiǰu,
Xatun-Börte-yügen
Xariγułun aburaya! Edöge tere
Gölme dabšiχui-tur,
Köürge-in dayu bołγaǰu
Kökideg Toγtoγa Buura-kegere bei je.
Dabčitu χor darbałǰaχui-tur
Dayiǰiγči Dair-Usun edöge
Orχon Selengge χoyar-un (ǰaγura)
Tałχun-arał-a bei je.
Xamχaγułsun keiskü-tür,
Xara hoi temečegči
Xaatai-Darmała edöge
Xaraǰi-kegere bei je.
Edöge bida dötelen,
Xiłχo-müren-ni kingüs, —
Saχał bayan esen atuγai! —
Sał huyaǰu oroya!
Tere kökideg Toγtoγa-in
Erüge degere ino oroǰu,
Erkim ögede ino
Embürü dayariǰu,
Eme-köün ino

Ečültele χaγuɬuya!
Xutuγ ögede ino
Xuγuru daγariǰu,
Xotoɬa uɬus-i ino
Xoγosun boɬtaɬa χaγuɬuya!

§ 106. Jamuχa basa ügülerün: «Temüǰin-anda, Toorił-χan-aχa χoyar-a ügüle, kemen, ügülerün: Bi bürün,

Xaraγatu tuγ-iyen sačuba bi.
Xara buχa-in arasun-niyer
Bürigsen burkiren büküi
Daγutu kögürge-ben deledba bi.
Xara χurdun-iyen unoba bi.
Xatangγu deel-iyen emüsba bi.
Xatan ǰida-ban bariba bi.
Xadχurasutu sumun-iyen onoɬaba bi.
Xaatai-Merkid-tür
Xadχuɬdun moriɬaya böet kemen ügüle!
Urtu χaraγatu tuγ-iyen sačuba bi.
Hüker-ün arasu-bar bürigsen
Ödken daγutu kögürge-ben deledbe bi.
Oroγ χurdun-iyen unoba bi
Hüdesütü χuyaγ-iyen emüsba bi.
Önggitü üldü-been bariba bi.
Onatu sumun-iyen onaɬaba bi.
Uduid-Merkid-tür
Üküldüya böet, kemen ügule!

Toorił-χan-aχa moriɬarun, Burχan-χaɬdun-o ebür-iyer Temüǰin anda-i daγariγad ireǰü Onan-müren-nö terigün-e, Botoχan-boorǰi-da, boɬǰaɬduya. Endeče moriɬarun, Onan-müren Ögede, anda-in uɬus ende bi. Anda-in uɬus-ača niken tümen bi. Endeče niken tümen, χoyar tümen boɬǰu, boɬǰaɬ γaǰar-a neilelduya!» kemen ügüleǰü ileba.

§ 107. J̌amuχa-in ede üges ino Xasar Belgütai χoyar ireǰü Temüǰin-nü ügüleǰü, Toorił-χan-na kelen gürgeba. Toorił-χan J̌amuχa-in ede üges gürügelüged, χoyar tümed moriɬaba. Toorił-χan moriɬarun, Burχan-χaɬdun-o ebür Kerülen-ö Bürgi-ergi ǰorin ayiši, kemen, Temüǰin, Bürgi-ergi-de bürün, mör-tür bi, kemen, ǰaiɬan, Tünggelig ögede nögüüǰü, Tana-γoroχan-a Burχan-χaɬdun-o ebür baγuǰu, Temuǰin tendeče čerig egüsgeǰü,

Toorił-χan niken tümen, Tooril-χan-no degü, J̌aχa-Kambu, niken tümen χoyar tümediyer Kimurχa-γoroχan-o Aił-χara-γoł-da baγuǰu bükü-tür neilen baγuba.

§ 108. Temuǰin, Toorił-χan, Jaχa-Kambu γurban χamtudču, tendeče gödöljü, Onan-no terigün, Botoχan-Boorǰi-da gürbesü, J̌amuχa bołǰał γaǰar-a γurban üdür urida gürčüüi. J̌amuχa, ede Temüǰin Toorił J̌aχa-Kambu tano čerigüd-i üǰeged, J̌amuχa χoyar tümed čerigüdiyen jasaǰu bayiǰuui. Ede ber Temüǰin, Toorił-χan, J̌aχa-Kambu tan čerigüdiyen ǰasaγad-kü, gürülčeju ǰiči tanilduǰu, J̌amuχa ügülerün:

«Boroγan ber bołuasu, —
Bołǰał-tur,
Xura ber bołuasu, —
Xurał-tur bu χoǰidaya!

ese-ü kemeldülegai bida? Mongγoł ǰe andaγar-tan busud-u?

J̌e-deče χoǰidaγsan-i
J̌erge-deče γarγaya!

kemeldülegai!» kemeba. J̌amuχa-in üge-tür Toorił-χan ügülerün: «Bołǰał γaǰar-a γurban üdur χoǰit bayiba, kemen, γodułaχu-i čimarłaχu-i J̌amuχa-degü medetügai!» kemeba. Bołǰałun čimar edüi ügüleldüǰü,

§ 109. Botoχan-boorǰinača gödöljü; Kiłχo-müren-nę gürčü, sał huyaǰu ketülüged, Buura-keger-e, Toγtoγa-beki-in —

Erüge degere-eče
Erkim öede amburu daγarin oroǰu,
Eme köü ino
Ečültele daγuliba.
Xutuγ öede ino
Xuguru daγariǰu
Xotoła ułus ino
Xokiratała daγuliba.

Toγtoγa-beki-i kebtege bögetele gürkü-i Xiłχo-müren-ne bükün ǰiγačin, bułuγačin, göregülüčin tałbiγsad «dain iši», kemen, süni dülin kelen gürgen odčuui. Tere kelen gürgegülüged, Toγtoγa, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun χoyar χamtudču, Selangge huruγu Barχuǰin oron čöen beyes-iyen dutaγan buruγudčuui.

§ 110. Merkid-ün ulus Selangge huruγu süni-de dürbejü yabuχui-tur, bidano čerigüd dürbejü yabuχun Merkid-i süni-de-gü daruju dayulin talan yabuχui-tur, Temüjin dürbejü ayisuχun irgen-tür: Börte, Börte! kemen ungšiju yabuχui-tur, učiraju Börte-üjin tede dürbekün irgen-tür bujuui. Temüjin-nö dayu sonosču taniju, tergen-eče bayuγad, güyijü ireju, Börte-üjin, Xoaγčin jirin Temüjin-o jiluγa ilbur šüni taniju barijuui. Sarayul bülege. Üjebesü, Börte-üjin-i taniju teberildün tuyalčaba. Tendeče Tooril-χan Jamuχa-anda χoyar-a, mün süni böged, ügüleju ilerun: «Erigü kereg-iyen olba bi. Süni bu düliya. Ende bayuya bida!» kemeju ilebe. Merkid-ün ulus dürbejü ayisuχui-i süni-de sandurču ayisuχui jayura mün tende bayuju χonoba. Börte-üjin-ni teyin jolυγalduju Merkid-eče aburaγsan yosun eyimü.

§ 111. Turun urida Uduid-Merkid-ün Toγtoγa-beki, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun, Xaatai-Darmala ede γurban Merkid, γurban jayud haran: «Üdür-ün erte Toγtoγa-beki-in degü, Yeke-Čiledü-deče, Yesügai-Bayatur-a Höelün-eke-i buliju abtalai,» kemen, tegün-i ösün hačilan odčuui. Temüjin-i Burχan-χaldun-ni γurbanta χučiγulχui-tur, Börte-üjin-i tende erüsču, Čiledü-in degü, Čilger-bökö-de asaraγulυγsan ajuγu. Tere asaraγsan-ar aju, Čilger-bökö, dayičiju γarurun, ügülerün:

«Xara keree
Xalisu-körisü idegü
Jayaγatu bögetele,
Xalaγun toγuraγun-i
Idesü kemen
Ješin ajuγu.
Xatar maγui Čilger bi
\atun-üjin-tür
Xalχu bolun
Xamuγ Merkid-te huntaou!
Xaraču maγu Čilger
Xara terigün-dürien kürtegü bolba.
Γaγčaχan amin-iyen χoroχun
Xarangγu χabčal širγusu;
Xalχa ken-e boldaχu-yu bi?

* * *

Xuladu maγu šibaγun,
Xuluγana kučülüne

Idegü ǰayaγatu bögetele,
Xung toγuraγun-i
Idesü kemen ǰešin aǰuγu.
Hünar maγui Čilger bi
Xutuγtai Sutai Üǰin-i
Xuriyaǰu iregü bołun,
Xotoła Merkid-te
Huntaou bołba.
Xokir maγu Čilger
Xokimai terigün-düriyen
Gürtegü bołba bi.
Xorγosun-o tedüi amin-iyen
Xoroχun haratu,
Xarangγu χabčal-a širγusu!
Xorγasun-o tedüi amin-a mino
Xoriyaan ken-e bołdaχu-yu bi?»

kemeged, dayiǰin dutaγaǰuu.

§ 112. Xaatai-Darmała-i erüsbe. Abčiraǰu

Xabtasun buχau emüsgeǰü,
Xałdun-burχan-na ǰoriγułba.

Belgütai-in eke tere aił-tur baiju, kemen ǰaγaγdaǰu, Belgütai eke-yügen abura odču, ger-tür ino Belgütai baraγun-ber oroχu-łuγa, eke ino nabtarχai nekei deeltai ǰaoun egüden-ber γaruγad, γadana busu güün-e ügülerün: «Köüd mino χad bołǰuγu! kem gdemüi. Bi ende maγui güün-tür tübeǰü, edöge köüd-iyen niγur ker üǰeküi bi?» keeed, güyiǰü siγui hoi-tur širγuǰu, tedüi eriǰü ese ołdałai. Belgütai-noyan Merkidai ele yasutu güün-ni «Eke-i mino abčira!» kemeǰü γodolidχu bülege. Burχan-ni χučiłduγsad γurban ǰaγud Merkid-i uruγ-un uruγ-a gürtele hünesü-er keistele ülidgeba.

Hülegsed eme köün ano
Ebüridkün medüs-i
Ebüridba.
Egüden-tur oroγułdaχun medüs-i
Egüden-düriyen oroγułba.

§ 113. Toorił-χan J̌amuχa χoyar-i Temüǰin büširen ügülerün:

Xan ečige mino, J̌amuχa-anda χoyar-a nökočegdeǰü,
Tenggeri γaǰar-a güčü nemegdeǰü,

Erketü Tenggeri-de nereidčü,
Eke Etügen-e gürgejü,
Ere hačitu Merkid irgen-i
Ebür ba ano hoγtoryui bołγaba,
Helige ba ano hemtelbe bida.
Oro ba ano hoγtoryui bołγaba,
Uruγ-un ba güün-i ülüdgebe bida,
Hülegsed-i ba ano arbiłaba je bida!»

Merkid irgen-i tedüi busangχaju, ičuya kemeldüba.

§ 114. Uduid-Merkid dürberün, bułuγan maχałai tu, marał-un γodun γudusutu, ičidun jaryaγusun-o bułuγan jałγaγsan deeltü, tabun nasutu, Küčü neretü, nidun-düriyen γałtu köüken-i bidano-o čirig-üd nuntuγ-tur χočoruγsan-i ołju abčiraju, Höelün-eke-de saoχua ögču odba.

§ 115. Temüjin, Toorił-χan, Jamuχa γurban χamtudču, Merkid-ün

Čoryan ger čoχoriγułju,
Čoγtai eme-i arbiłaju,

Oryan, Selangge χoyar-un Tałχun-arał-ača ičurun, Temüjin Jamuχa χoyar χamtudču, Xoryonaγ-jubur jorin ičuba. Toorił-χan ičurun, Buryan-χałdun-no gerü-ber Hökörtü-jubur dayarin, Xačauratu-subčit, Huliyatu-subčit dayarin, görügen ino abałayad, Tuuła-in Xara-tün-ni jorin ičuba.

§ 116. Temüjin Jamuχa χoyar Xoryonaγ-jubur-a neilen bayuju, erten-ö anda bołułčaγsan-iyen duradułčan, anda tukgχułduju, amarałduya kemeldüba. Angχa urida anda bołułčarun, Temüjin harban niken nasutu bükü-tür, Jamuχa χuraltuγ šia Temüjin-e ögčü, Temüjinö čingχułtuγta šia anda bołułčaju, anda kemeldügsen; Onan-no mölsün-tür šialjaχui-tur, tende anda kemeldülegai. Tegün-ö χoina χabur ałanggir numu-tan χarbiyałdun bükü-tür, Jamuχa burayu-in χoyar eber niyaju nükelejü, dayutu yori-iyen Temüjin-ne ögčü, Temüjin-no arča mangłaitu γodoli araljiju andačiłalduba. Nököte anda kemeldügsen yosun teyimü.

§ 117. Uridus ötögus-un üge sonosču, anda güün amin niken ülü tebčildün, amino ariči bołuyu kemen amarałduχui yosun teyimü. Edöge basa tungχułduju amaraya kemeldüjü, Temüjin Merkid-ün Toγtoγa arbiłaju abuγsan ałtan büse Jamuχa andada büselegülba. Toγtoγa-in esgel χaliγun-i Jamuχa andada-unoγułba. Jamuχa Uwas-Merkid-ün Dair-Usun-i arbiłaju abuγsan ałtan büse Temüjin anda-da büselegülba. Dair-Usun-o-gü Ebertuünögün čaγaγan-i Temüjin-e unoγulba. Xoryonaγ-jubur-un Xułdaχar-gün-ö ebür-e sayłaγar modun-a anda kemeldüjü amarułduju, χurimłan hoiłan jiryałduju, süni könjile-degen γaγča γonołduχun bulege.

§ 118. Temüǰin J̌amuχa χoyar amaraɬdurun, niken hon nököge hon-o ǰarim amaraɬduǰu, tere aγsan nuntuγ-ača niken üdür nögüye kemeldüǰü nögürün, ǰun-o terigün sara-in harban ǰiryoγan-a Huɬaγan-tergel üdür nögüba. Temuǰin J̌amuχa χoyar χamtu terged-ün urida yabuǰu ayisurun, J̌amuχa ügülerün: «Temüǰin anda, anda!

Aγuɬa šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-o
Aɬačuχa gürtügai!
Γoɬ-tur šiχam baγuya,
Χoničid χuriγačid bidan-o
Χoγoɬai-a gürtügai!»

kemeba. Temüǰin J̌amuχa-in ene üge-i uχan yadaǰu, sem-iyer bayiǰu χočorču negüri dumda terged güličeǰü, negüri böged Temüǰin Höelün-eke-de: «J̌amuχa anda ügülemü:

Aγuɬa-tur šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-o
Aɬačuχa gürtügai!
Γoɬ-tur siχam baγuya,
Χoničid χuriγačid bidan-o
Χoγoɬai-a gürtügai!

kemen ügülemü. Bi ene üge ino uχan yadaǰu, χarin ino yaγuba ese ügüleba bi. Eke-deče asaγsu! kemen ireba bi!» kemeba. Höelün-eke-i dungχoduγa edügüye Borte-üǰin ügülerün: «J̌amuχa-anda uyidanγa kemegden bülege. Edöge bidan-ača uyidχu čaγ boɬba! Tuγar-un J̌amuχa-anda-in kelelegsen kelen bida-tur böged ǰešigü üge beyu. Bida bu baγuya! Ene ködölügseger šiliγuya; χaγačan, süni dülin ködölüya böged!» kemeba.

§ 119. Börte-üǰin-ü üge-ber ǰöbšiyeǰü, ülü baγun süni dülin gödoljü ayisuχui-tur, ǰaγura mör-tür Tayičiγud-i dayariba. Tayičiγud ber kökiǰü mün süni böged ǰoričan J̌amuχa ǰüg gödölba-gü. Tayičiγud-un, Besüd-ün nuntuγ-tur niken öčügan Kököčü neretü köün-i nuntuγ χočoruγsan-ni bidanoai abuγad ireǰü, Höelün eke-de ögba. Höelün eke teǰigebe.

§ 120. Tere süni dülijü üdür geiesü uǰeesü, J̌aɬair-un Xačiun-Toχuraun, Xaraχai-Toχuraun, Xaraɬdai-toχuraun ede γurban Toχuraun aχa-nar degü-ner süni dülildüǰü ayisun aǰuγu. Basa Taryud-un Xadaγan Daɬduryan aχa-nar degü-ner tabun Taryud ayisun gü aǰuγu. Basa Münggetü-Kiyan-o köün Ünggür tan Čangšiγud Bayaγud-iyaran ayisun gü aǰuγu. Baruɬas-ača Xubiɬai Xudus aχa-nar degü-ner ireba. Mangχud-aca J̌etai Doχoɬχu-čerbi

ахa degü χoyar ireba. Boorču-in degü Ögölen-čerbi Aruɬad-ača χaγačaǰu, ахa-dur-iyen Boorču-tur neilen ireba-gü. J̌elme-in degü Čaurχan Sübeetai-Baγatur Uriyanχan-ača χaγačaǰu J̌elme-tur neilen ireba. Besüd-eče Degai Küčügür ахa degü χoyar ireba-gü. Süldüs-ača Čilgütai Taki Tayičiγudai ахa-nar degü-ner ireba-gü. Xongχotan-ača Süiketü-čerbi ireba-gü. Sükeken-ö J̌egai Xongdaχor-un köün Sükegai-ǰeün ireba-gü. Neüdai Čaγaan-Uwa ireba-gü. Olχonoγud-un — Kinggiyadai, Xoroɬas-ača Sečiür, Dörben-eče Moči-Bedüün ireba-gü. Ikires-un Butu, ende güreget-e yabuγsaγar, ireba-gü. Noyakin-ača J̌ingso ireba gü. Oronar-ača J̌irγoγan ireba-gü. Baruɬas-ača Suχu-Sečen Xaračar köünlüge-ben ireba-gü. Basa Baarin-o Xorči-Usun ebügan Kökö-Čos Menen-Baarin-iyeren niken güriyen ireba-gü.

§ 121. Xorči ireǰü ügülerün: «Bodončar boγdo-in bariǰu abuγsan emedeče töregsen ba J̌amuχa-ɬuγa

Kegeli nike ten
Keke γaγča tan

bülegai ba. J̌amuχa-dača ülü χaγačaχun bülege bi. J̌aarin ireǰü, nadur nidün-düriyen üǰegülba. Xoaγčin üniyen ireǰü, J̌amuχa-i horčiǰu yabuǰu, ger tergan ino mürgüleged, J̌amuχa-i mürgüǰü, öreele eberiyen χuγuraǰu, soɬǰir eber-tü boɬǰu: Eber mino aca, kemen, kemen, J̌amuχa-in ǰüg mögören mögören, široi sačun sačun bayimu.»

«Muχuɬar χoa hüker yeke gerlüge degere ergüǰü köljü ǰiktüǰü (ǰidküǰü), Temüǰin-ö χoinača yeke tergegür-iyer mögören mögören ayisurun: Tenggeri γaǰar eyetüldüǰü, Temüǰin-i Uɬus-un Eǰen boɬtuγai! kemen, Uɬus tegeǰü abču ayisu! kemen, ǰaarit nidün-dür üǰegülǰu, nadur ǰiγana. Temüǰin, či Uɬus-un Eǰen boluasu, nama-i ǰiγaγsan-o tuɬa, ker ǰirγaγuɬχu či?» Temüǰin ügülerün: «Ünen tere Uɬus medegülüesü, Tümen-ö Noyan boɬγasu!» kemeba. «Ele edü Töre-i ǰiγaγsan güün-ni nama-i Tümen-ö Noyan bolγasu, yaγun ǰirγaɬang bei? Tümen-ö Noyan boɬγaγad, uɬus-un γoas sayid ökid darχaɬan abχaγuɬǰu, γučin ba emes tü boɬγa! Basa yaγu kelelegsen-i mino esergü sonos!» kemeba.

§ 122. Xunan terigüten Geniges niken gürie-en ireba gü. Basa Daritai-odčigin niken güriye-en ireba gü. J̌adaran-ača Muɬχaɬχu ireba gü. Basa Unǰin-Saχaid nike güriyen ireba gü. J̌amuχa-dača tedüi χaγačan ködölüged, Kimurχa-γoroχan-a, Aiɬ-χaraγana, bayuǰu bükü-tür, basa J̌amuχa-dača χaγačaǰu, J̌ürkin-ö Soorχatu-ǰurki-in köün, Sača-Beki, Taiču χoyar niken güreyen; basa Nekün-Tayiǰi-in köün, Xučar-beki, niken güreyen — ede, basa J̌amuχa-dača γaχačan ködöljü, Temüǰin-i Kimurχa-γoroχan-o Aiɬ-χara-

γana-da baγuju bükü-tür, neilen baγuba. Tendeče nögüjü, Gürelgü dotora Sanggür-γoroχan-o Xara-jürügen-ö Kökö-naγur baγuba.

§ 123. Altan, Xučar, Sača-beki bulun eyetüldüjü, Temüjin-e ügülerün: «Čima-i χan boγaya! Temujin-i χan boγuasu, ba —

Oγon dain-tur aγginči haulju,
Öngge sayin
Ökin χatun,
Ordo ger χari irgen-ö
Xačar γoa χatun öki,
Гarγam sayin aγta
Xataraγulju ačiraju
Ögsü ba!

* * *

Oroa göregesün abalaasu,
Utuγaju ögsü ba.
Keger-ün göregesün-ö
Kegeli ino niketele šiχaju ögsü!
Xun-o göregesün-ö
Гuya ino niketele šiχaju ögsu ba!

* * *

Xadχuγduχui üdür
Xaγa čino buši boγaasu,
Xari-širi-deše,
Xatun eme-deče mano
Xaγačaγulju,
Xara terigü mano
Гajar-kösür-tür gejü od!

* * *

Engke üdür
Eye čino ebdeesü,
Eres harad-ača,
Eme-köüd-eče mano
Heričeüljü (erislegüljü)
Eje ügei γajar-a gejü od!»

* * *

Ędüi üge baraɫduǰu, eyin aman-aɫdaǰu, Temüǰin-i Činggis-χaγan kemen nereidčü, χan boɫγaba.

§ 124. Činggis, χaγan boɫuγad, Boorču-in degü Ögölai-čerbi χor aγsaba. Hačiun-Toχuraun χor aγsaba. Jetai, Doχoɫχu-čerbi aχa degü χoyar χor aγsaba. Önggür-Süiketü-čerbi, Xadaan-Daɫdurχan γurban ügülerün:

«Manaγar-un umdan
Bu megüsdegülsügai.
Üde-in umdan
Bu osoɫdasuγai!»

kemen baγurčin boɫba. Degai ügülerün:

Silegü irge
Šilen boɫγaǰu,
Manaγar bu megüsdesü.
Xonoγ-tur bu χoǰidasu.
Aɫaγčiγud χonid-i aduγuɫaǰu,
Aɫan dügürgesü.
Xongχoγčiγud χonid-i aduγuɫaǰu,
Xoton dügürgesü.
Xoγoɫančar maγui bülege bi.
Xonid aduγuɫaǰu,
Gönǰiyasün idesü bi!»

Degai χonid aduγuɫaba. Degü ino Güčügür ügülerün:

«Čoorχatai tergen-i
Čiü ino bu čiüdaülsü
Tenggisgetai tergen-i
Tergegür degere bu tegülegülsü!»

kemeǰü ger tergen ǰayasu! kemeba. Dodai-čerbi ger dotora gergen tudχar-i basaaɫasuγai! kemeba. Xubiɫai, Čilgütai Xarχai-Toχuraun γurban-ni Xasarɫuγa bolun üldüs aγsaǰu:

«Güčürgegün-i
Güǰügüd ano kingγuritχun!
Omorχaχun-i
Omoriγud ongɫaǰitχun (onǰaɫatχun)»

kemeba. Belgütai Xarałdai-Toχuraun χoyar-i

«Aγta barituγai
Aγtačin bołtuγai!»

kemeba. Tayičiγudai Xutu, Moriči, Mułχałχu γurban-ni aduγu adułatuγai! kemebe. Aryai-χasar, Taχai, Sükegai, Čauryan dörben-ni

«Xoła-in hoorčaγ,
Oira-in odola —

bołtuγai!» kemeba. Sübeetai-Bayatur ügülerün:

«Xułuγana bołǰu,
Xuriyałdusu!
Xara kerie bołǰu
Xadaun bügün-i
Xarmałdasu!
Nembee isgai bołǰu,
Nemürleldün sorisu!
Gerisge isgai bołǰu,
Ger ǰüg gerisgeldün sorisu!»

kemeba.

§ 125. Tende Činggis-χaγan χan bolǰu Boorču J̌elme χoyar-a ügülerun: «Ta χoyar nama-i

Següder-eče busu nökör ügei-tür,
Següder bołǰu,
Sedkil mino amuγułba je ta.
Sedkil-tür atuγai! kemeba.
Seül-eče busu čiua ügei-tür
Seül bołǰu,
J̌irüge mino amuγułba je ta.
Čegeǰi dotora mino atuγai!»

kemeba. «Ta χoyar urida bayiγsaar, ede bügün-i aχałaǰu ülü-ü aχun ta?» kemebe. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Tenggeri γaǰar-a güčü nemeǰü iheegdeesü, ta J̌amuχa-anda-ača nama-i kemen sedkiǰü nököčesü kemen iregsed, ötögüs öljeten nököd mino ülü-ü bołuγuǰai ta!» kemeba. J̌üg, J̌üg tüšiba tan-i.

§ 126. Činggis-χaγan-ni χan bołγaba, kemen, Kereidüu Toorił-χantur Daχai, Sügegai χoyari elči ileba. Toorił-χan: «Temüǰin köün-i mino χan bołγaχu nai ǰöb! Mongγoł χad ügegün ker aχun ta?

Ene eye-ben
Bu öbdetkün!
Eye-ǰanggi-ben
Bu taɬutχun,
J̌aχa-ban
Bu tamtuɬutχun!»

kemeǰü ileǰü;

IV

§ 127. Arχai-Xasar, Čaurχan χoyar-i J̌amuχa-tur elči ileesü, J̌amuχa ügülerün: «Aɬtan Xučar χoyar-a ügüle, kemen, ügüleǰü ilerün: Aɬtan Xučar ta χoyar Temuǰin-anda ba χoyar ǰaγura anda-in

Sübege sečiǰü
Xabirγa χadχuǰu,

yekin χaγačaγuɬba ta? Anda ba χoyar-i ülü χaγačaγuɬun χamtu bükü-tür, Temüǰin-anda-i χan yekin ese boɬγaba ta? Edöge yambar ele sedkil sedkiǰü χan boɬγaba ta? Aɬtan, Xučar ta χoyar ügülegsen üges-tür-iyen gürün, anda-in sedkil amuγuɬǰu, anda-da mino sayiχa-tur gü nököčeǰü ögütkün!» kemeǰü ileǰü;

§ 128. Tegün-ö χoina J̌amuχa-in degü Taičar J̌aɬama-in ebür-e Ölegaï-buɬaγ-a bürün, bidan-o Saari-keger-e bügü J̌oči-Darmala-in aduγun degermedüre odčuui. Taičar J̌oči-Darmaɬa-in aduγun degermedčü abču adčuui. J̌oči-Darmaɬa aduγu-ban degermedčü oddaǰu, nököd-iyen ǰirüge yadaγdaǰu, mün J̌oči-Darmaɬa nekeǰü odču, süni aduγunoan kiǰiγar-a gürčü, morinoan del degere helige-ber-iyen kebteǰü gürčü, Taičarun niruγu ino χuγuru χarbuǰu aɬaγad, aduγu-ban abuγad ireǰüü.

§ 129. Degü-ben Taičar-i aɬaγdaba kemen J̌amuχa terigüten J̌adaran harban γurban χarin nököčeǰü, γurban tümed boɬǰu, Aɬakud-turχaud-iyar dabaǰu, Činggis-χaγan-tur moriɬaǰu, ayisai kemen, Ikires-eče Mütke-Totaγ Boroɬdai χoyar Činggis-χaγan-i Gürelgü-de bükü-tür, kelen gürgen ireǰüüi. Ene kelen medeged, Činggis-χaγan harban güreged bülegai. Γurban gü tümed boɬǰu, J̌amuχa-in esergü ino moriɬaǰu, Daɬan-baɬǰud bayiɬduǰu, Činggis-χaγan J̌amuχa-da tende gödölgegdeǰü, Onon-o J̌erene χabčiχay-a χorba. J̌amuχa ügülerün: «Onon-o ǰerene-de χoγaba bida!» kemeǰü χarirun, Činos-un köüd-i daɬan toγoγod bučaɬγaǰu Negüdai-Čaγaγan-ua-in terigü ino hoγtoɬǰu, morin-o segül-tür čirčü odčuui.

§ 130. Tende J̌amuχa-i χariγuɬuγad, Uruud-un J̌ürčedai, Uruud-iyen uduriduγad, Mangγud-un Xuyuɬdar Mangγud-iyen uduriduγad J̌amuχa-dača

χaγačaju, Činggis-χaγan-tur ireba. Xongχodadai Münglig-ečige tende J̌amuχa-tur aju, Münglig-ečige doloγan köüd-lüge-ben J̌amuχa-dača χaγačaju, tende Činggis-χaγan-tur neilen ireba. J̌amuχa-daca «dün irgen ireba kemen bayasču, Činggis-χaγan, Höelün-üǰin, Xasar, J̌ürkin-ö Sača-beki taičutan bolun, Onan-o tün-tür χurimlaya kemeldüǰü χurimlarun, Činggis-χaγan-na, Höelün-üǰin-ne, Xasar-a, Sača-beki-de kiged terigülen niken tüsürge tüsürčüüi. Basa Sača-beki-in üčügügen eke Ebegai-i terigülen niken tüsürkü-in tula, Xorijin-χatun, Xuurčin-χatun ǰirin: Nama ülü terigülen, Ebegai-i terigülen, ker tüsürüyü? kemen, bayurči Šikiur-i ašigijuui. Ašigiγdaju bayurči Šikiur ügülerün: «Yesügai-Bayadur Nekün-taiji χoyar ükükü-in tula eyin asigiγdaχui mino yaγun?» kemeged, yeke dayu-bar uyilajuui.

§ 131. Tere χurim bidan-ača Belgütai ǰasaγad, Činggis-χaγan-no aγta barilju bayin bülege. Jürkin-eče Büri-bökö tere χurim ǰasan bülege. Bidan-o kilües-eče Xadagidai güün čilbur χulaγuγsan-i χulaγai barijuui. Büri-bökö tere düü-ben hömöščü, Belgülai nasuda abaldurun, baraγun χančn-ban mültüljü ničügün yabuχu bulege. Teyin mültülegsen ničügün muru ino Büri-bökö üldü-er χangχas čabučijuu. Belgütai teyin čabčiγdaju böged, yaγuna ba ülü bolγan, ülü senggeren čisun čuburiγulju yabuγui-i Činggis-χahan seüder-tür sayuju, χurim dotorača üjejü γarču irejü ügülerün: «Ker eyin kigden büleai bida?» Kemeküi-tür, Belgütai ügülerün: «Mer üdüüi bülege! Mino tula aχa degü-tür mayu χarin bolulčaγujai! Bi ülü alǰaχu bi, ilaγari biyu! Aχa degü-tür sai ijilidülčen bükü-tür, aχa bütügai! Xorumut bayi!» kemeba.

§ 132. Činggis-χahan Belgütai tedüi idχaasu ülü bolun, modun-o gešigüd χuγuru tatalaju, itügesün bülegüd suγučiju abču ašigilalduju, Jürkin-i ilaγču, Xorijin-χadun, Xuurčin-χadun ǰirin-i buliju abuba. Jiči müd ǰokilduya kemegdejü, Xorijin-χadun Xuurčin-χadun ǰirin-i ičuγaju, ǰokilduya kemen elčileldün bükü-tür, Kitad irgen-ö Altan-χan Tatar-un Megüjin-Segültü ten eye-dür-iyen ülü oroγdarun, Ongging-čingsang-a čerigüd ǰasaju: Bu sayara böged! kemejü ilejüüi. Ongging-čingsang Megüjin-Segültü terigüten Tatar-i Ulja ögede aduγu idegen selte türijü ayiši, kemen kelen medeba. Tere kelen medeged,

§ 133. Činggis-χahan ügülerün: «Erte üdür-eče Tatar irgen ebüges-ečiges-i barayγsad öšiten irgen bülege. Edöge ene χanalγa-tur χamsaya bida!» keeed, Tooril-χan-tur: «Altan-χan-o Onggin-čingsang Tatar-un Megüjin-Segültü terigüten Tatar-i Ulja ögede türijü ayiši! kememüi. Ebüges ečiges-i bidan-o barayγsad Tatar-i χamsaya bida. Tooril-χan-ečige, öter iretügai!» kemen, ene kelen gürgen elčin eleba. Ene kelen gürgegülüged,

Toorił-χan ügülerün: «Köün mino jöb kelelejü ilejüü: χamsaya bida!» kemeged γutuγar üdür čerig-iyen čiγułγaju, čerig egüsgejü, Tooril χan öterlen igtünejü, Činggis-χahan Toorił-χan χoyar Jürkin-ö Sača-beki Taiču terigüten Jürkin-e kelelejü ilerün: «Erte üdür-eče ebüges ečiges-i bidan-o baraγsad Tatar-i edöge ene χanałγa-tur χamsaya, χamtu moriłaya!» kemejü ileba. Jürkin-e iregdekü-eče jiryoγan üdüd güličejü, yadaju Činggis-χahan, Toorił-χan χoyar χamtu čerig egüscü, Ułja huruγu Ongging-čingsang łuγa χamsan ayisuχui-tur, Ułja-in Xusutu-šitügen, Naratu-šitügen-e Tatar-un Megüjin terigüten Tatar tende χorijuui. Činggis-χahan, Toorił-χan χoyar teyin χorγałaγsad-i Megüjin-Segültü-i χorγan-ača ino barijju, Megüjin-Segültü-i tende ałaju, münggün ölegai tanatu könjile ino Činggis-χahan tende abułaγai.

§ 134. Megüjin-Segültü-iałaba, kemeń, Činggis-χahan Toorił-χan χoyar ileba. Ongging-čingsang Megüjin-Segültü-i ałajuui, kemen medeged, maši bayasču, Činggis-χahan-a jautχuri nere ögba. Kereid-ün Toorił-a ong (van) nere tende ögba. Ongχan nere Onggin-čingsang-un nereidügseer tendeče bołba. Ongging-Čingsang ügülerün: «Megüjin Segültü-i χamsaju ałaγsan tano Altan-χan-a maši yeke tusa kiba ta. Ene tusa-i tano Altan-χan-a öčisü bi. Činggis-χahan-a egün-eče yeke nere nemekü-i, jaotao nere oggü-i Altan-χan medetügai!» kemeba. Onggin-čindsang tendeče tedüi bayasču ičuba. Činggis-χahan Ong-χan χoyar tende Tatar-i dayulijju χubiyałduju abułčaju, ger-tür-iyen χarijju bayuba.

§ 135. Tatar-un χorγałaγsan Naratu-šitügen-e bayuγsan nuntuγ-tur tałaχui-tur, niken üčügan köüken-i gegsen-i bidan-o čerigüd nuntuγ-ača ołjuui. Altan egemed dörebčitü daje toryan buluγa-ar dotorłaγsan heligebčitü üčügügan koüken-i ačiraju, Činggis-χahan Höelün-eke-de saoχua kemen ögba. Höelun eke ügülerün: «Sayin güün-no köün ajuγu je. Hujaγur sayitu güün-nö uruγ biyu je!» Tabun köüd-iyen degü jiryoduγar köün bołyan, Šikikan-χuduχu kemen nereidčü eke asaraba.

§ 136. Činggis-χahan-o Auruγ Χarułtu-naγur-a bülegai. Auruγ-ud-tur χočoruγsan-i Jürkin tabin haran-o χubčan tonojuui. Harban haran-i ałajuu. Jürkin-e teyin kigdeba kemen bidan-o Auruγ-ud-tur χočoruγsad Činggis-χahan-a jaγabasu, ene kelen sonosuγad Činggis-χaγan maši kilinglajü ügülerün: «Jürkin-e ker eyin kigden bülegai bida? Onan-o tün-tür χurimłaχui-tur, bayurči Šikiür-i müd gü ašigiba. Belgütai-in muru müd gü čabčiba. Jokiłduya kemegdejü, Xorijin-χadun Xuurčin jirin-i ičuγaju ögba. bida. Tegün-ö χoina erten-ö öšiten kisten, ebüges ečiges-i bidan-o baraγsad Tatar-i χamsan moriłaya kemen, Jürkin-i jiryoγan üdüd güličejü ese gü iregdeba. Edöge basa dayisun-tur šiχam—dayisun

müd gü bołui (boluyi, bołuγa)!» kemeged, Činggis-χahan J̌ürkin-tür morilaba. Jürkin-i Kelüren-ö Ködöge-arał-un Dołoγan-bołdaγ-ud-ta bükü-tür, irgen ino daγuliba. Sača-beki Taičar χoyari jögen (čöken) be(ye)s-iyen dutaγaba. Xoinača ano nekeǰü Teletü-amasar-a güyičeǰü Sača-beki Taiču χoyar-i bariba. Bariju Činggis-χahan Sača Taičü χoyar-a ügülerün: «Erte üdür bida yaγu kemeldülegai?» kemegdeǰü, Sača Taiču χoyar ügülerün: «Ügülegsen üge-dür-iyen ba ese gürba, üges-tür mano gürge!» kemeged, üges-iyen mederejü tüšijü ögba. Öges-i ano mederegülǰü, üges-tür ano gürgen, bütegejü, mün tende gebe.

§ 137. Sača Taiču χoyar-i büteged, χariju J̌ürkin-ö irge gödölgeküitür, J̌ałair-un Teregetü-Bayan-o köün Güün-na, Čiłaγun-χayiči, J̌ebke γurban tede J̌ürkin-tür aǰuγui. Güün-na Muχali Buχa, χoyar köüd-iyeriyen, aγułǰaǰu ügülerün:

«Bosoγa-in čino
Boγoł bołtuγai!
Bosoγa-dača čino bułǰiasu,
Borbi ino hoγtoł!
Egüden-nö čino
Emčü boγoł bołtuγai!
Egüden-neče čino heilüesü,
Eliged ano edkeǰü getkün!»

kemeǰü ögba. Čiłaγun-χayiči Tüngge Xaši χoyar köüd-iyen Činggis-χahan-tur aγułǰaǰu ügülerün:

«Ałtan bosoγa čino sakiju
Atuγai! kemen ögba bi.
Ałtan bosoγa-dača čino
Anggida oduasu,
Ami ino tasułǰu getkün!
Örgen egüden ergüjü
Ögtügai! kemen ögba bi.
Örgen egüden-neče čino
Ögere oduasu,
Öre ino miderijü getkün!»

kemeba. «Jebke-i Xasar-a ögba. Jebke J̌ürkin-ö numtuγ-ača Boroγuł neretü üčügan köüken-i abčiraju Höelun eke-de aγułǰan ögba.

§ 138. «Höelün-eke Merkid-ün nuntuγ-ača ołdaγsan Güčü neretü köüken-i; Tayičiγud-un dotora Besüd-ün nuntuγ-ača ołdaγsan Kököčü neretü

köüken-i, Tatar-un nuntuγ-ača oɬdaγsan Šigikan-χutuχu neretü köüken-i: J̌ürkin-ö nuntuγ-ača oɬdaγsan Boroγul neretü köüken-i ede dörben-i ger dotora teǰigerün, Höelün eke köüd teyin

Üdür — üǰegü-in nidun,
Süni — sonosχu-in čikin

kene boɬγaχui-u?» kemen, ger dotora teǰigebe.

§ 139. Ede J̌ürkin irgen-ö yosun, J̌ürkin boɬurun, Xabuɬ χan-o doɬoγan köüd-ün angχa aχa Ökin-Barχaγ bülege. Köün ino Soγatu-ǰürki bülege. Jürkin boɬurun, Xabuɬ-χan-o köüd-ün aχa kemeǰü, irge-nō-yen dotorača iɬγaǰu

Helige-tür sülsütü,
Heregai-tür hončitan,
Aγüšgi dügüreng ǰirügetü,
Aman dügüreng aγurtan,
Ere tutum erdemud ten,
Bökös güčüten-i iɬγaǰu ögčü, —

aγurtan, sülsütan, omoγtan ǰörkimes tuɬa J̌ürkin kemegdegü yosun teyimü. Teyimün omoγtan irgen-i Čingdis-χahan doraitaγuɬǰu, J̌ürkin oboγtu-i ülidkebe. Irgen-i uɬus-i ino Činggis-χahan öberen emčü irgen boɬγaba.

§ 140. Činggis-χahan niken üdür Büri-bökö Belgütai χoyar-i abaɬduγuɬuya! kemeba. Büri-bökö Jürkin-tür bülege. Büri-bökö Belgütai-i örögele γar-iyar bariǰu, örögele köl-iyer töidčü, ülü gödölgen daruχu bülege. Büri-böko uɬus-un bökö. Tende Belgütai Büri-bökö χoyar-i abaɬduγuɬba. Büri-bökö ülü iɬaγdaχu güün unaǰu odba. Belgütai darun yudan mürüdeǰü, saari degere γarču, Belgütai ginčas kiǰü Činggis χahan-ni üǰegü-lüge χahan ilügai ǰaγuba. Belgütai uχa oɬǰu, degere ino aγtaɬaǰu, χoyar ǰaχas ino solbin megeǰilen tataǰu, niruγu ino ebüdügleǰü χuγuɬǰu ireba. Büri-bökö niruγuban χuγuraǰu ügülerün: «Belgütai-e ülü iɬaγdaχu bülege bi. Xahan-nača ayuǰu aryadan unaχu aliyaχu boɬum, amin-dur-iyen gürtebe bi!» kemeged üküǰü ireba. Belgütai niruγu ino χuγuru tataγad čirču oγorkiǰu yorčiba. Xabuɬ-χan-no doɬoγan köüd-ün aχa Ökin-Barχaγ bülege. Udaγadu Bartan-Baγatur bülege. Köün ino Yesügai-Baγatur bülege. Tegün-ö udaγadu Xutuγtu-Müngler bülege. Köün ino Büri bülege. Bariɬduγad Bartan-Baγatur-un köün-eče aɬus Barχaγ-un omoγtan köüd-tür nököčekün bolun, Büri-bökö uɬus-un bökö Belgütai-e niruγu-ban χuγuɬdaǰu üküba.

§ 141. Tegün-ö χoina, Takiya ǰil, Xadagin Saɬǰiud χamtudču, Xadagin-o Baχu-Corogi terigüten Xadagin Saɬǰiud- un Čirgidai-Baγatur terigü-

ten, dörben Tatar-tur jokiłduju, Dörben-ö Xajiun-beki terigüten, Tatar-un Alči, Tatar-un Jalin-buχa terigüten, Ikires-ün Tüge-Maγa terigüten, Unggirad-un Dergeg Emel Alχui tan, Gorołas-un Conaγ-Čaχaun terigüten. Naiman-ača Güčüut Naiman-o Buyiruγ-χan, Merkid-ün Toγtoγa-beki-in köün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki, Tayiciud-un Taryutai-Kiriltuγ, Xodun-Orčang Aučυ-Baγatur tan, Tayičiud edün χarin Alχui-bułaγ-a čiγułju. Jajiradai Jamuχa-i χan ergüye kemen, ajirγa geün keüs čabčiraldυju, andaγarduju, tendeče Ergüne-müren huruγu nögüüjü, Nan-müren Ergüne-de čidχuχu Šinaa-in aumoγud-a, Jamuχa-i tende gür-χan ergüba. Gür-χan ergüged, Cinggis-χahan Ongχan χoyar-tur moriłaya kemelgüba. Moriłaya kemeldügsen-i Xorołas-un Xoridai Činggis-χahan-ni Gürelgu-de büküi-tür ene kele gürgejü irejüü. Ene kele iregülüged, Činggis-χahan Ongχan-tur ene kele gürgejü ileesü, Ongχan kele gürgegülüged, čerig egüsčü ötörlen Činggis-χahan-tur Ongχan gürčü ireba.

§ 142. Ongχan-ni iregülüged, Činggis-χahan Ongχan χoyar χamtndču, Jamuχa-in esergü ino moriłaya kemeldüjü, Kelüren-müren huruγu moriłarum, Činggis-χahan Altan, Xučar, Daritai γurban-i mangłai yabuγułba. Ongχan, Sanggüm, Jaχa-Kambu, Bilge-beki γurban-i mangłai yabuγułba. Ede mangłan-ača uruγši basa χarauł ilerün, Enegen-güłet-üd-e niken saurin χarauł tałbiba. Tegün-ö Čegčer-e niken saurin χarauł tałbiγułba. Tegün-ö činana Čiχurχu-da niken saurin χarauł tałbiγułba. Bidan-o mangłan Altan, Xučar, Sanggüm tan Udkiya gürčü baγuya kemeldün büküi-tür, Čiχurχu-da tałbiγsan χarauł-ača güün hauljju irejü, dayin ayiši kemen kele gürgen ireba. Tere kele ireged ülü baγun dayin-o esergü kele abuya kemen yabuju, gürülčejü, kele abču, ked bui? kemen asaγuasu, Jamuxa-in mangłan Mongγol-ača Aučυ-Baatur, Naiman-o Buyiruγ-χan, Merkid-ün Toγtoγa-beki-in köün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki-ede dörben Jamuχa-in mangłan yabujuui. Bidan-o mangłan teden-tür umgšiłałduju umgšiju, jiłda bołdaju, manaγar χadχułduya kemejü ičuju, γoł-tur neilen χonoba.

§ 143. Manaγarši yabuγułju gürülčejü Köiten bayiłduju, doroγši degegši iχuriχaldun jibšierülčen büküi tür, müd Buyiraγ-χan Xuduχu χoyar jada medekün ajuγui. Jadałaχun bołun, jada hurbaju müd degere jada bołjuu. Müd yabun yadaju noras-tur χuładuγad, Tenggeri-de ese taγałaγdaba bida kemeldüged butarajuui.

§ 144. Naiman-o Buyiruγ-χan Altai-in ebür Uluγ-taγ jorin χaγačan ködöljüüi. Merkid-ün Toγtoγa-in köün Xutu Selengge jorin ködöljüüi. Oyirad-un Xuduχa-beki hoi temečen Šisgis jorin ködöljüüi. Tayčiud-un Aučυ-Baγatur Onan jorin ködöljüüi. Jamuχa öberiyen χan ergügsed irgen-i daγuliγad Ergüne huruγu Jamuχa χarin ködöljüüi. Ani teyin butaraγdaju

Ongχan Ergüne huruγu J̌amuχa-i nekebe. Činggis-χaγan Onan jüg Tayičiud-un Auču-Baγatur-i nekeba. Auču-Baγatur ulus-tur-iyen gürüged, ulus-iyen dürbegülün ködölgeged, Auču-Baγatur Xodun-orčang Tayičiud Onan-o činaji eteged hülegüd turastan čerigüd-iyen jasaǰu χatχulduya kemen jasaǰu bayiǰuui. Činggis-χaγan gürüged Tayiji-luγa χadχulduba. Maši ekerün ekerün χadχulduǰu jida bolǰaǰu, mün χadχulduγsan γaǰar-a šitulduǰu χonoba. Ulus ba dürbejü ayisurun, mün gü tende čerigüd-lüge-ben χamtu güregeleǰü γonolduba.

§ 145. Činggis-χaγan tere χadχulduγan-tur suǰiyasu-ban šilürteǰü čisun töridgeesü ülü bolun, yanduriγdarun, naran šinggegülün mün tende šitulduǰu baγuǰu, böglegsen čisun-i J̌elme šimin ama-an čisudaǰu, J̌elme busu güün ülü itegen sakilduǰu saγuǰu, süni düli boltala böglegsen čisun-i ama-ar dügürang jalgiγad asχaγad süni düli nögčiesü, Činggis-χaγan dotora-an sergüǰü ügülerün: «Čisun χaγču baraba, umdasumu bi!» kemeba. Tendeče J̌elme malaχai (maχalai) χudusun deel γubčasun-iyen bügüde-i talǰu γaγča dotoaji tu čurama ničügün šitulduǰu bayiχun dayin dotoraun güyiǰü činana gürelčegsen irgen-ö tergen-tür ano unoǰu, esüg-üd eriǰü yadaǰu, dürberün geüd-iyen ülü saγan talbiγsad aǰuγu. Esüg olun yadaǰu, niken yeke bürietai taraγ tergen-eče ino abuγad ergüǰü ireba. J̌aγura odurun ba irerün ba güün-ne ese üjegdebe: Tenggeri gü iheeba je! Taraγ bürietu-i abčirat mün J̌elme öbesun gü usun eriǰü, abčiraǰu, taraγ jiuraǰu χaan-a uγulba. Furbanta amuǰu uǰu, χaγan ügülerün: «Dotora nidun mino geiba!» kemeged, öngdeiǰü saγutala üdür geiǰü gegen bolǰu üjeesü, tere saγuγsan horčin J̌elme-in šimin šimin böglegseu čisun asχaγsan horčin namurχan bolǰuu. Činggis-χaγan üjeǰü ügülerün: «Ene yaγun bolumu? γolo asχaasu yambar aǰuγu?» kemeba. Tendeče J̌elme ügülerün: «Čima-i yanduriγdarun γolo oduasu, čima-dača alǰiyaχui-ača ayuǰu yaγaraǰu jalgiχu-i jalgiγad asχaχu-i asχaγad anduriǰu kegeli-tür mino teki kedüi oroba!» kemeba. Činggis-χaγan basa ügülerün: «Nama-i eyimü bolǰu kebten bögetele, ničügün yekin güyiǰü oroba či? Bariγdaasu, mama-i eyimü-i ülü-ü jiyaχu bülege či?» kemeba. J̌elme ügülerün: «Mino sedkil ničügün odurun kerber bariγdaasu: bi tan-tur oroχu duratu bülege; uχaǰu bariǰu alaya kemen γubčasun mino bügüde-i talǰu, γaγča emüdün taluγa-üdügüye mültüs aldaγulǰu, tan-tur edüi idüreǰü ireba bi! kemegü bülege. Nama-i ünen bolγaǰu, γubčasun nada ögčü bülege. Bi Morin-unoγad üjetele, edüi jaγura ülü-ü iregü bülege bi. Teyin sedkiǰü, χaan-o χangχaγsan sedkil erüssügai kemen, nidun-χara eyin sedkiǰü, oduluγa bi!» kemeba. Činggis-χaγan ügülerün: «Edöge yaγun kemegü? Erte üdür γurban Merkid ireǰü, Burχan-ni γurban-ta χučiγulχui-tur, amin mino niken-te abču γaruluγa či.

Edöge basa χaliǰu bükü̈i čisun-i amar-ar šiminǰu, amin mino sengteleba či. Basa χangχaǰu yanturin bükü̈i-tür, amin-niyen örejü, dayísun güün-tür nidun-χara oroǰu, umdan χangχaǰu, amin mino oroγuɬba či. Ede γurban tusas-i čino sedkil dotora mino atuγai!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 146. Üdür gein baraasu, šitulduǰu χonoγsad čerig-üd süni böged butaraǰuui. Güregelegsed irgen küngken ülü čidaχun kemen, güregelegsed γaǰar-ača ese gödöljüüi. Durbegsed uɬus-i ičiγaya kemen, Činggis-χaγan χonoγsan γaǰar-ača moriɬaǰu, dürbekün irgen-i ičuγan yabuχui-tur, dabaγan degere niken huɬaγan deeltü eme güün Temüǰin je! kemen, yeke daγu-ar χaiɬan uiɬan bayiχu-i Činggis-χaγan öbesun sonosču: yaγun güün-o eme teyin χaiɬan buyu? kemen, asaγura güün ilebe. Tere güün odču asaγbasu, tere eme güün ügülerün: «Sorχan-Šira-in ökin bi, Xadaan neretai! Ere-i mino ende čerig-üd bariǰu ɑɬan biyu. Ere-yügen ɑɬaγdarun, Temüǰin-i ere-i mino aburatuγai kemen ungšiǰu χaiɬaǰu uiɬaba bi!» kemeba. Tere güün irejü Činggis-χaan-a ene üge ügüleesü, Činggis-χaγan ene üge sonosuγad, χataraǰu gürču, Činggis-χaγan Xadaan-tur baγuǰu teberildüba. Ere-i ino bidan-o čerig-üd urida ɑɬaǰuui. Tede irge ičuγaγad, Činggis-χaγan yeke čerig mün tende baγuǰu χonoba. Xadaan-i uriǰu iregüljü, dergečen saγuɬba. Manaγarši üdür Sorχan-Šira J̌ebe χoyar, Tayičiud-un Tödöge-in haran aγsad, tede χoyar ber ireba gü. Činggis-χaγan Sorχan-Šira-i ügülerün:

«Güǰügün-deki
Kündü modun-i
Köser-e oouruγsan (oγuruγsan),
J̌aχa-daki
J̌arbiyaɬ modun-i
J̌aiɬaγuɬuγsan ta!
Ečiges köüd-ün tusa
Aǰuγui je ta!
Yekin udaba ta?»

kemeba. Sorχan-Šira ügülerün: «Bi dotora-an bölen idkel sedkiǰü bülegai. Yekin yaγaraχu bi? Yaγaraǰu urid ireesü, Tayičiud noyad mino χočoruγsan eme-köün, aduγun-idegen-i mino hünesü-er geisgekün tede kemejü, ülü yaγaran, edoge χaγan-dur-iyen neilen idüreǰü ireba ba!» kemeba. Kele-ben baraasu, ǰöb kemeba.

§ 147. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Köiten bayiɬduǰu iχuriχaɬdun ǰibšiyerülčen bükü̈i-tür, tede niruγun degereče sumun irejü, mino ǰebelegü Aman-čaγan-γuɬa-in aman-niruγu ino χuγus ken χarbuɬaγa, aγuɬa dege-

reče?» kemeba. Tere üge-tür J̌ebe ügülerün: «Aγuła degereče bi χarbułaγa! Edöge χaan-a ükügüldeesü, hałaγan-o tedüi γaǰar högedčü χočorsu. Soyrχaγdaasu, χaan-o emüne

Čegel usun-i hoγtoru,
Čaogen čiłagun čaoru —
Dobtułǰu ögsü!
Gür! kemegsen γaǰar-a
Köke gürü kegürü,
Γar! kemegsen-tür
Χara gürü χamχaru —
Dobtułǰu ögsü!»

kemeba. Činggis-χaγan ügülerün: «Dayisun yabuγsan güün ałaγsan-iyen, dayisuraγsan-iyen beye-en niγuǰu, kele-ben bučaǰu ayu-yu? Ene bürün kemeesü — munda ałaγsan-iyen, dayisuraγsan-iyen ülü bučaǰu, munda ǰiγan biyu. Nököčeltü güün biyu! J̌irγoγadai neretü aǰuγu. Mün ǰebelegü Aman-čaγan-χuła-i mino aman niruγu χarbuγsan-o tuła, J̌ebe nereidčü ǰebeleye, ima-i!» kemen, J̌ebe nereidču: «Dergede mino yabu!» kemen ǰarliγ bołba. J̌ebe Tayičiud-ača ireǰü nököčegsen yosun teyimü.

V

§ 148. Činggis-χaγan tende Tayičiud-i daγuliǰu, Tayičiutai yasutu güün-i Auču-Baatur, Xoton-Orčang, Xuduudar tan Tayičiud-i uruγ-un uruγ-a kürtele hünesü-er keisgen kiduba. Ułus irgen-i ino gödölgeǰü ireǰü, Činggis-χaγan Xubaχay-a übülǰeba.

§ 149. Ničügüd Baarin-n Širgüetü-ebügen, Ałaγ Nayaa köüd-lüge-ben, Tayičiud-un noyan Tarγutai-Kiriłtuγ hoiłaǰu büküi-i: «Öštü güün bülege!» kemen, moriłan ülü čidaχu tarγutai-i bariǰu, tergen-tür unoγułǰu, Širgüetü-ebügen, Ałaγ Nayaa köüd-lüge-ben, Tarγutai-Kiriłtuγ-i bariǰu ayisuχui-tur, Tarγutai-Kiriłtuγ-un köüd degü-ner ino buliǰu abuya kemen güyičeǰü ireǰüüi. Köüd degü-ner-i ino güyičeǰü ireküi-lüge, Širgüetü-ebügen bosun yadaχu Tarγutai-i tergen degere unoǰu, gedergü degere ino aγtałan saγuǰu, kituγai γarγaǰu, ügülerün: «Köün degü-ner čino čima-i buliǰu abura ireba. Čima-i χan-iyen γardaba kemen ese teki ałaasu, χan-iyen γardaba kemen ałaχu gü. Ałaasu teki mün gü ałaγdaχu gü bi! Mün ele ükükü-dür-iyen, dere abun üküsü!» kemeged, aγtałaǰu, yeke kituγai-iyar-an χoγołai ino χuγułara gürküi-tür, Tarγutai-Kiriłtuγ yeke daγu-ar degü-ner köüd-iyen χaiłaǰu kelelerün: «Širgüetü nama-i ałan biyu! Ałan baraasu, ükügsen amin-ügei beye mino abču odču yekigüǰei ta! Nama-i ałaγai-üdü-

güye öter χaritχun! Temüǰin nama-i ülü ałaγu: Temüǰin-i üčügan čaγtur

Nidün-dür-iyen γaĺ-tu,
Niγur-dur-iyen geriyetü

bülege kemen, eǰen ügei nuntuγ-tur χočorču amui kemen, abura odču ahčiraǰu,

Surχaasu —
Surχu metü biyu kemen,
Sonin uriye daγaγan
Surχu metü,
Suryan süin yabułaγa,
Üküǵülün kemeesü,
Üküǵülün yadaχuyu bülege bi!
Edöge oi ino
Oroǰu amu!
Sedkil ino
Sengteleǰü amu!

kemegdemüi. Temüǰin nama-i ülü üküǵülgü. Ta, köüd degü-ner mino, öter χaritχun! Širgüetü nama-i ałaǰu iregüǰei!» kemen, yeke daγu-ar χaiłaba. Köüd degü-ner ino ügüleldürün: «Ečige-in amin ino aburaya kemen ireba bida. Širgüetü amin ino üküǵülün baraasu, χoγosun amin-ügei beye ino yekikün bida? Munda ałaγai-üdügüye öter χariya!» kemeldüǰü χariba. Teden-i ilekü-tür, Ałaγ Nayaa tan, Širgüetü-ebügen-ö köüd ino, heilügsed ireba. Teden-i iregülüged gödöljü ayisurun, ǰaγura Xutuχul-noγud-a gürüesü, tende Nayaa ügülerün: «Bida ene Taryutai-i bariǰu gürüesü, Činggis-χaγan bidan-i tus χan-iyen γardaǰu ireǰüüi, kemen, Činggis-χaγan bidan-i tus χan-iyen γardaǰu iregsed yaγun itegelten haran ede? Bidan-tur basa ker nökočekün? Nökočel ügegün haran! Tus χan-iyen γardaγsad haran-mökörigüldekün-üü? Bida munda Taryutai-i endeče tałbiǰu ileǰü, bida beyes iyen Činggis-χaγan-a güčü ögüra ireba ba! kemeǰü oduya! Taryutai-i bariǰu ayisułaγai. Tus χan-iyen tebčin yadaǰu üǰeged, ker üküǵülkün? kemeǰü tałbiǰu ileǰü, ba büširen güčü ögsü kemen ireba ba kemeye!» kemeba. Nayaa-in ene üge ečiges köüd ǰöbšiyeldüǰü, Taryutai-Kiriłtuγ-i Xuduχuł-noγud-ača tałbiǰu ileǰü, müd Širgüetü-ebügen, Ałaγ Nayaa köüd-lüge-ben, ireesü, «Yekin ireǰü?» kemeba. Širgüetü-elügen Činggis-χaγan-a ügülerün: «Taryutai-Kiriłtuγ-i bariǰu ayisurun, ǰiči tus χan-iyen üǰeged ker üküǵülkü kemeǰü, tebčin yadaǰu tałbiǰu ileǰü, Činggis-χaγan-a güčü ögsü

kemen ireba!» kemeba. Tegün-tür Činggis-χaγan ügülerün: «Xan-iyen Taryutai-i γardaju iregsed bögesü, tus χan-iyen γardaγsad haran-i tan-i uruγ-iyer mökörüldekün bülege ta. Tus χan-iyen tebčin yadagsan sedkil tano jöb bi!» kemen Nayaa-i soyurχaba.

§ 150. Tegün-ö χoina Činggis-χaγan-tur Kereid-ün Jaχa-Gambu Tersüd-te büküi-tür nököčere ireba. Tere iregsen-tür Merkid χadχuldura ireesü, Činggis-χaγan Jaχa-Gambu kiged χadχulduju ičuγaba. Tende Tümen-Tübegan Olon-Dungχaid butaraγsan Kereid irgen ber Činggis-χaγan-tur oroju iregülegai. Kereid-ün Ong-χan bürün, urida Yesügai-χaan-o čaγ-tur sayi bar el alduγsan-tur, Yesügai-χan-luγa anda kemeldügsen ajuγu. Anda kemeldüküi yosun ino. Ongχan očige-yügen Xurčaχus-Buyiruγ-χan-o degü-ner-iyen alaχu-in tula, Gür-χan abaγa-luγa-ban bulγa bolulčaju. Xaraun-χabčal širγuγuldaju, jaγun güün γarču, Yesügai-χan-tur ireesü, Yesügai-χan ima-i öber-düriyen iregdejü öbesün čerig morilaju, Gür-χan-i Xašin hüldejü irge orγa ino Ong-χan-na abču ögügsen-ö tula, anda bolulčaχu tede.

§ 151. Tegün-o χoina Ong-χan-no degü Erke-χara, Ongχan-aχa-daγan alaγdarun, buruγudču odču, Naiman-o Inanča-χan-tur orojuui. Inanča-χan čerigüd ilejü, jiči Ongχan, γurban balaγad bitün yorčiju, Xara-Kitad-un Gür-χan-tur oduγsan ajuγu. Tendeče bulγa bolun Uyiγud-un Tangγud-un balaγad daγariγad, tabun imaγad širgügelejü sagalduju, temegen-ö čisun χanaju ideged, yadaju Güsegür-naγur-a ireesü, Činggis-χaγan uridu Yesügai-χan-luγa anda kemeldügsen yosuγar Taχai-Baatur Sükegai-jeün χoyar-i elči ileged, Kelüren-ö terigün-eče Činggis-χaγan öbesün esergü odču, ölesču turuju ireba kemen, Ong-χan-a χubčir-i χubčiju ögčü, güreyen dotora oroγulju tejigebe. Tere ebül jerge-er nöügüjü Činggis-χaγan Xubaχaya-i übüljeba.

§ 152. Tende Ong-χan-no degü-ner, noyad kiged ügüleldürün: «Ene χan aχa bidan-o

Ügegü aburitu
Hümegai helige
Ebüridčü yabuyu!

Aχa degü-i baraba. Xara-Kitad-tur ba oroba gü. Ulus ba jobaγamu. Edöge egün-i ker kikün bida? Erte üdür kemebesü, doloγan nasutu-i Mirkid irgen daγuliju odču, χara alaγ ešige daχu emüsgejü, Selengge-in Buura-keere Merkid-ün aur nödüba gü. Xurčaχus-Buyiruγ-χan očige ino jiči Merkid irgen χaulju, köü-ben tende aburaju ireesü, basa Tatar-un Ajai-χan harban γurban nasutu-i eke selte basa daγuliju odču, temeged-iyen adulaγulun

yabuχuitur, Aǰai-χan-o χoniči abuγad, horγuǰu ireba je. Basa tegün-ö χoina Naiman-ača ayuǰu burnγudču, Sartaγuł-un γaǰar-a Čui-müren-e Xara-Kitad-un Gür-χan-tur odba je. Tende niken hon ülü dayusun, ǰiči dayiǰin gödöljü Uyiγud-un Tangγud-un γaǰar-iyar bitüǰü yaburun yadaǰu, tabun imaγad širgügeljü saγaǰu, temegen-ö čisun χanaǰu ideǰü, γaγča soχor χariun (coχor-χaliγun) moritu yadaǰu, Temüǰin köün-tür ireesü, χubčir-i χubčiǰu teǰigebe je. Edöge Temüǰin köün-tür teyin yabuγsan-iyen umartaǰu, hümegai helige ebüridčü yabumu. Ker kikün bida? kemeldüba. Teyin ügüleldügsen üges-i Ałtun-Ašuγ Ongχan-a aiładχaǰuu. Ałtun-Ašuγ ügülerün: Biber ene eye tür orołdułaγa gü. J̌iči χan-iyen čima-i tebčin yadaba kemeǰü, tende Ongχan eyin ügüleldügsed Elhütür Xułbari Arin-tayiǰi tan degü-neriyen, noyad-ıyen bariγułǰuui. Degü-ner-eče J̌aχa-Gambu buruγudču, Naiman-tur oroǰuu. Teden-i bariyas selte ger-tür oroγułǰu, Ongχan ügülerün: «Bida Uyiγud-un Tangγud-un γaǰar-iyar ayisuχui-tur yaγu kemeldülegai? Tano metü yaγu sedkigü bi?» kemeged, niγur-tur ano niłbuǰu, bariyes ano tałbiγułba. Xan-a ele niłbuγdaǰu, ger-tür bükün haran bügudeger bosču niłbuǰuui.

§ 153. Tere übül übüljeǰü, Noχai ǰił namur ino, Činggis-χaγan Čaγaγan-Tatar, Ałči-Tatar, Dutaud, Ałuχai-Tatar tede Tatar-tu Dałan-nemürges bayiłduǰu χadχułduχui-in urida Činggis-χaγan ǰasaγ ügüleldürün: «Dayisun güü daruasu, oǰa-tur bu bayiya: darun baraasu tere oǰa bidanoai bije—χubiyałdut bida. Nökör güün-e ičuγaγdaasu, türün-ö dobtułuγsan γaǰar-dur-iyen ekeerüya. Türün-ö dobtułγan-tur ese ekeerügsen güün-i mökörigülüya!» kemen ǰasaγłałduba. Dałan-nemürges χadχułduǰu Tatar-i gödölgeba. Daruǰu Ułχui-šilügeljid-te ułus-tur ano neilegüljü dayuliba. Čaγan-Tatar, Ałči-Tatar, Dutaud-Tatar, Ałuχai-Tatar erkid irge tende muχudχaǰu, ǰasaγ ügüleldügsen üges-tür Ałtan, Xučar, Daritai γurban, üges-tür ülü gürün, oǰa-tur bayiǰuui. Üges-tür ese gürbe! kemen, J̌ebe Xubiłai χoyar-i ileǰü, oǰałaγsad aduγun yauke abuγsad-i bügüde-i abχaγułba.

§ 154. Tatar-i muχudχaǰu daγulin baraǰu, ułus irgen ano ker kikün? kemen, Činggis-χaγan Yeke Eye uruγ-iyar-iyen γaγča ger-tür oroǰu eyetüldüba. Eyetüldürün:

«Erde üdür-eče Tatar irgen
ebüges ečiges-i baraγsan bülege.
Ebüges ečiges-ün
ösül ösüǰü,
kisal kisaǰu

čiüntür ülijü
kiduɬu ajaju ögüya!
Ülidtele kiduya!
Hülegsed-i boγoliduya,
Jüg-jüg χubiyaɬduya!»

kemen eye baraɬduju, ger-teče γaruasu, Tatar-un Yeke-Čeren Belgütai-eče: Yambar eye eyetüldüba? kemen asaγjuu. Belgütai ügülerün: «Tani bügüde-i čiün-tür ülijü kiduya, kemeldüba!» kemejüü. Belgütai-in ene üge-tür Yeke-Čeren Tatar-dur-iyen tungχaγ taɬbiju χorγaγɬajuu. Xorγaγsad Tatar-tur bidan-o čerig-üd egerekün boɬun maši samšijuu. Xorγaɬaγsad Tatar-i joboju oroγuɬju, ülüdken čiün-tür ülijü kiduχui-tur, Tatar ügüleldürün: «Güün tutum χančun-dur-iyen kituγai χančuɬaju dere abun üküya!» kemeldüjü, basa maši gü samšijuu. Tedüi Tatar-i čiün-tür ülijü kidun baraju, Činggis-χaγan jarliγ boɬurun: «Bida uruγ-iyar-iyen Yeke Eye baraɬduγsan-i Belgütai-in jaγaχu-in tuɬa, bidan-o čerig-üd maši samšiyaba. Egün-ö χoina Yeke-Eye-tür Belgütai bu orotuγai: Eye baratała γadana bükün-i jasatuγai. Jasaγad, keregül-i, χuɬaγai, χudaɬ üyileten-i jaryuɬatuγai. Eye baraasu, ötög uγsan-o χoina, Belgütai, Daaritai χoyar tende orotuγai!» kemen jarliγ boɬba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čeren-ö ökin Yesügan-χatun-i Činggis-χaγan tende abuba. Taγaɬaγdarun, Yesügan-χatun ügülerün: «Xaγan soyurχaasu nama-i (χan) güün-e bododa boɬγaju asaramu. Nadača egeči Yesüi neretai nadača degere. Xan güün-e jokiχui ajiai je. Sai güregan güregelen büligi. Edöge maγa ene bodulγan-tur χaaγši yorčibai?» kemebai. Ene üge-tür Činggis-χaγan ügülerün: «Egeči čino sayin bügsen bögesü, erigülüya. Egeči-en ireesü jayiɬaju öggüyü či?» kemeba. Yesügan-χatun ögülerün: «Xaγan soyurχaasu, egeči-en ele üjeesü, egeči-degen jayiɬasu!» kemeba. Ene üge-tür Činggis-χaγan jarliγ tungχaγaju erigülüesü, ögdegsen güregan-lüge χamtu hoiɬaju yabuχu-i bidan-o čerig-üd joɬγajuui. Ere ino tudaγajuu. Yesüi-χatun-i tende abčiraba. Yesügan-χadun egeči-en üjeged, urida ügülegsen üge-tür gürün bosču, sayuγsan sayurin-dur-iyen sayuɬju, mün öbesün doro sayubai. Yesügan-χatun-o üge-tür adali boɬdaju, Činggis-χaγan oin-dur-iyen oroγuɬju, Yesüi χatu-ni abču, jerge-tür sayuɬba.

§ 156. Tatar irgen-i dayulin baraju, niken üdür Činggis-χaγan γada sayuju umdaɬaɬdurun, Yesüi-χadun, Yesügan-χadun jirin-o dumda sayuju umdaɬaɬdun bükü-tür, Yesüi-χadun yekede segürelbi. Tende Činggis-χaγan dotora-an sedkijü, Boorču Muχali tan noyad-i uriju iregüljü ügülerün: «Ta ede ele čiγuluγsad haran bügüdeer ayimaγ ayimaγ bayitχun! Öber-eče busu

ayimaγ-un güün-i öbere böldeidketkün!» kemen ǰarliγ bolba. Tedüi ayimaγ ayimaγ-iyar-iyen bayiasu, niken ǰalaγui sayin gürümele güün ayimaγ-uda-ača öbere bayiba. «Či yaγun güün bi?» kemebesu, tere güün ügülerün: «Tatar-un Yeke-Čeren-ö Yesüi neretai ökin ökdegsen güregan güün bülege bi. Dayisun-a daγuliγdarun, ayuǰu buruγudču yabuǰu, edöge amurliba je kemen ireǰü, olon haran dotora yaγu taniγdaχu kemeǰü yabuǰaγa!» kemeba. Ene üge-i Činggis-χaan-a öčiesü, ǰarliγ bolurun: «Mün-gü dayisu sedkiǰü, ʼoorčaγ bolǰu yabuǰuu. Edöge yaγu görüre ireǰüü. Ino metüs-i čiün-tür üliba. Yaγu saγaramui? Nidün-ö ečine getkun!» kemeba. Tedüi-gü mökörilba.

§ 157. Mün Noχai ǰil Činggis-χaγan-ni Tatar irgen-tür moriǰaγsantur, Ongχan Merkid irgen-tür moriǰaǰu, Toγtoγa-beki-i Baruǰin-töküm jüg hüldeǰü, Toγtoγa-in yeke köün Tögüs-beki-i aǰaǰu, Toγtoγa-in Xutuγtai Čaarun ǰirin ökid ino χatud ino abču, Xutu Čiǰaγun χoyar köüd-i ino irge selte daγuliǰu, Činggis-χaγan-a yaγu ber ese ögba.

§ 158. Tegün-ö χoina Činggis-χaγan Ongχan χoyar Naiman-o Güčügüdün-Buyiruγ-χan-tur moriǰaǰu, Uǰuγ-taγ-un Soχoγ-usun-a büküi-tür gürčü, Buyiruγ-χan bayiǰdun yadaǰu Aǰtai daban gödölba. Soχoγ-usun-ača Buyiruγ-χan-ni nekeǰü, Aǰtai dabaγuǰun, Xumšigir-un Ürünggü huruγu hüldeǰü yabuχui-tur, Yedi-Tubǰuγ neretü noyan ino χarauǰ yabuǰu, bidan-o χarauǰ-a hüldegdeǰü, aγuǰa ögede tudaγaχu bolun, olang-niyen tasuraγdaǰu, tende bariγdaǰuγa. Ürunggü huruγu hüldeged, Kišiǰ-baši-naγur-a güyičeǰü, Buyiruγ-χan-ni tende muχudχaba.

§ 159. Tendeče Činggis-χaγan Ongχan χoyar χariǰu ayisuχui-tur, Naiman-o χadχuǰlduγči Kögseü-Sabraγ Baidaraγ-belčir-e čerig ǰasaǰu, χadχuǰlduχu bolun aǰuγu. Činggis-χaγan Ongχan χoyar χadχuǰlduya kemen, čerig ǰasaǰu, gürčü ǰiǰda boǰdaǰu, manaγaru χadχuǰlduya kemen ǰergeer χonoba. Tende Ongχan bayidaǰ-dur-iyen γaǰ-noγud tülegüljü, sūni ʼböged, χara-segül ögede gödöljüüi.

§ 160. Tende J̌amuχa Ongχan-ǰuγa χamtu gödölülčeǰü yaburun, Ongχan-a J̌amuχa ügülerün: «Temüǰin, anda mino, urida-ča Naiman-tur elčitü bülege. Edöge ese ireba. Xan, χan!

Aχu χayiruχana —
Bi biyu ǰe!
Aǰiraχu bilduur —
Anda mino biyu!

«Naiman-tur odčuuiǰe: oroχu bolun χočorba!» kemeǰüüi. J̌amuχa-in tere üge-tür Ubčiγtai-Gürin-Baatur ügülerün: «J̌usuridču yekin teyin šiliγun aχa degü-yügen uǰkin ǰingkün ügüleyü?» kemeba.

§ 161. Činggis-χaγan süni mün tende χonoǰu, χadχuɫduya kemen, manaγar erde üdür geigülün, Ongχan-o bayidaɫ-tur üǰeesü, ügei boɫdaǰu: «Ede-či bidan-i tülešilen aǰuγu!» kemeged, tendeče Činggis-χaγan gödölǰü, Eder-Aɫtai-in belčir-iyer ketülǰü, tere gödölügseger gödölǰü, Saari-keger baγuba. Tendeče Činggis-χaγan Xasar χoyar Naiman-o tubuud-i uχaǰu, haran-a ese toγoɫai.

§ 162. Kögseü-Sabraγ Ongχan-o χoinača nekeǰü, Sanggüm-ün eme-köüd, irge-orγa selte daγuliǰu abču, Ong-χan-o, Tergetü-amasar-a bükün, ǰarimud irge aduγun idege daγuliǰu abuγad, χariǰuui. Tere soor-tur Merkid-ün Toγtoγa-in Xutu Čiɫaγun χoyar köüd tende bürün, irge-ben abuγad χaγačaǰu ečige-dür-iyen neilen Selengge huruγu gödölǰüüi.

§ 163. Kögseü-Sabraγ-a daγuliγdaǰu, Ongχan Činggis-χaγan-tur elči ileǰüüi. Elči ilerün: «Naiman-a irge-orγo-ban eme-köü-ben daγuliγdaba bi. Köün-neče-en dörben külüg-üd-i čino γuyuǰu ileba bi. Irge-orγo mino aburaǰu ögtügai!» kemeǰü ileǰüüi. Činggis-χaγan tende Boorču, Muχali, Boroχuɫ, Čiɫaun-Baatur-ede dörben külüg-üd-i gürküi-in urida, Huɫaγan-χud-ta Sanggüm bayiɫduχu boɫun, morinoan γuya χaγdaǰu abdaχu boɫǰu büküi-tür, ede dörben külüg-üd gürčü aburaγad, irge-orγa eme-köü bügüde-i aburaǰu ögba. Tende Ongχan ügülerün: «Erde sayin ečige-de ino ene metü odun baraγsan uɫus-iyen aburaǰu ögtelege. Edöge basa köünö-en odun baraγsan uɫus-i mino, dörben külüg-üd-iyen ileǰü, aburaǰu ögteba. Hači χariγuɫχu-i Tenggeri γaǰar-un iheel medetügai!» kemeba.

§ 164. Basa Ongχan ügülerün: «Yesügai-Baatur, anda mino, odun baraγsan uɫus mino nikente aburaǰu ögba. Temüǰin köün basa oduγsan uɫus mino aburaǰu ögba. Ede ečige köün χoyar odun baraγsan uɫus nada χuriyaǰu ögürün, ken-ö emüne χuriyaǰu ögün ǰobomui? Bi ber edöge ötölba. Nama-i ötölǰü ündüd-te γaruasu χaγučidba. Bi χaγučidču χaɫdud-ta γaruasu, χamuγ uɫus ken medegü? Degü-ner mino aburi ügeigün bi. Γaγča köün mino ügei metü Sanggüm γaγča biyu. Temüǰin köün-i Sanggüm-ün aχa boɫγaǰu, χoyar köütü boɫǰu, amusuγai!» kemeǰü, Činggis-χaγan-ɫuγa Ongχan Tuuɫa-in χara-tün-na χuriǰu, ečige köü kemeldüba. Ečige köün kemeldüküi yosun. Urida erte üdür Yesügai-χan ečige-lüge Ongχan anda kemeldügsen yosuγar ečige metü kemeǰü ečige köün kemeldüküi yosun teyimü. Üge ügüleldürün:

«Oɫon dayisun-tur hauɫurun,
Xamtu niken-e hauɫuya;
Oroa göregesün-tur abaɫarun,
Niken-e gü χamtu abaɫaya!»

kemeldübe. Basa Činggis-χaγan Ongχan χoyar ügüleldürün: «Bida χoyar-i nayidaǰu,

Sudutu moγay-a
Südürteesü,
Südürgen-tür bu oroya,
Sudu-er ama-ar ügüleldüǰü büšireya!
Araγatu moγaya
Adardaasu,
Adarγan-i ino bu abuɬčaya,
Ama-ar kele-er oɬoɬčaǰu büšireya!»

kemen, teyin üge baraɬdaǰu amaaralin aɬduba.

§ 165. Amaraγ degere dabχur amaraγ boɬuya kemen, Činggis-χaγan sedkiǰü, J̌oči-de Sanggüm-ün doyi Čaur-beki-i γuyirun, Sanggüm-ün köün Tusaχa-da bidan-o Xoǰin-beki-i araɬǰin ögüya kemen γuyiasu, tende Sanggüm öber-iyen yekeǰilen sedkiǰü ügülerün: «Bidan-o uruγ an-dur oduasu. aɬaun-a bayiǰu, egenegče χoimar χaraǰu aǰuγu. Ano uruγ bidan-tur ireesü, χoimar-a saγuǰu, aɬaun-a χaran aǰuγu!» kemen öber-iyen yekeǰilen sedkiǰü, bidan-i doromǰiɬan ügüleǰü, Čaur-beki-i ülü ögün ese taγaɬaǰuui. Tere üge-tür Činggis-χaγan dotora-an Ongχan Niɬχa-Sanggüm χoyar-tur dura χočorčuu.

§ 166. Teyin dura χočoruγsan-i J̌amuχa uχaǰu, Гaχai jiɬ χabur, J̌amuχa, Aɬtan, Xučar, Xardakidai Nöbükin Sügeetai, Toorił, Xačiun-beki, tede boɬun niken eye ten boɬǰu, nögügüǰü odču, J̌eǰeer-ündür-ün gerü-de, berke eled-te, Niɬχa-Sanggüm-tür odču, J̌amuχa uɬgin ügülerün: «Temüǰin anda mino Naiman-o Tayan-χan-tur keletü elčitü buyu!

Aman ino
Ečige köü kemeǰü amu.
Aburi ino
Öbere biyu!

Itegeǰü-ü amui ta? Ese nengdeesü, tan-a yaγu boɬχu? Temüǰin anda-tur moriɬaasu, bi küdelen-eče oroɬdusu!» kemeǰügüi. Aɬtan Xučar χoyar ügülerün: «Ba Höelün-eke-in köün-i

Aχa-i —
Aɬaǰu,
Degü-i —
Tebčiǰü

ögsügai!» kemejüüi, Ebügejin Noyakin γartaγad ügülerün:

«Γar ino
Γardaju,
Köl ino
Köldejü

ögsügai!» kemejügüi. Toorił ügülerün: «Arγača odču, Temüjin-i ułus ino abuya! Ułus-iyen abdaasu, ułus ügeigü bołuasu, yekikün tede?» kemejüüi. Xačiun-beki ügülerün: «Niłχa-Sanggüm köün, čima-i yaγu sedkiesü,

Urtu-in —
Üjügür-e,
Gün-o —
Hiraγur-a

gürülčesü!» kemejü;

§ 167. Ede üges ügülegdejü, Niłχa-Sanggüm ečige-dür-iyen Ongχan-tur tedeger üges Sayiχan-Tödeen-iyer ügülejü ilejüüi. Edeger üges ügülegdejü, Ongχan ügülerün: «Köün-i mino Temüjin-tür yekin teyin sedkin biyu ta? Ejiye turuγ ima-ar-i bołju böged, edöge köün-tür mino teyin maγui sedkiesü, Tenggeri-de ülü taγałaγdaχun bida. Jamuχa yabudaγ keletü bülege. Jöb-ü töb-ü ügülen biyu?» kemen ese taγałaju ilejüüi. Basa Sanggüm ügülejü ilerun: «Amatu keletü güün ügülen bögetele, yekin ülü büširegdegü?» kemen jiči-γuči ügülejü ileged, yadaju öbesün beyen gedün odču ügülerün: «Bel (bol), čima-i edüi bükü čaγ-tur, bidan-i yaγuna ber ülü bołγan biyu. Ünen-ber χan ečige-en čima-i

Čaγaγan-a sačaasu,
Xara-da χaraasu,

Xurčaχus-Buyiruγ χan ečige-in čino joban edüi χuriyaju aγsan ułus-i čino mana-u medegülgü, kene-ber yekin medegülgü?» kemejüüi. Tere üge-tür Ongχan ügülerün: «Čaχa-yan, köü-ben ker tebčigü? Ejiye turuγ imaari bołju, maγui sedkiesü jokiχu-yu? Tenggeri-de ülü taγałaγdaχun bida!» kemejüüi. Tere üge-tür köün ino Niłχa-Sanggüm maγuiłaju, egüden oγorču γarčuu. Jiči köün-ö-en Sanggüm-un duran χairałaju, uriju iregüljü, Ongχan ügülerün: «Tenggeri-de maγa taγałaγdaχun-o bida! Köün-i ker tebčisü kememüi! Ta čidan ele üyiledütkün, ta medetkün!» kemejüüi.

§ 168. Tendeče Sanggüm ügülerün: Müd-łu bidan-o Čaur-beki-i γuγun bülege. Edöge buułjar idere iretkün kemen, üdür bołjaju iregüljü, tende bariya kemeldüjü je kemen, eye barałduju, Čaur-bekii ögüya, bułjar idere

iretkün! kemen ilebe. Uriγdaǰu Činggis-χaγan harban haran ayisurun, ǰaγura Münglig-ečige-in ger-tür χonoasu, tende Münglig-ečige ügülerün: Čaur-beki-i γuyuasu, müd-ɬu bidan-i doromǰiɬaǰu ülü ögün bülege. Edöge ker buruγuy-a buuɬǰar idere urijuu? Öed-iyen yekeǰilekün haran buruγuy-a yekin ögsü kemen uriχun bülegai? Jöb-ü sedkil bi? Köün uχaǰu otdaχu χabur bolba, aduγun bidan-o turuχad bi, aduγu-ban teǰigeye, kemen šiɬdaǰu ileye! kemeǰü ülü odun, Buχatai Kiratai χoyar-i buuɬǰar idetkün, kemeǰü ileǰü, Činggir-χaγan Münglig-ečige-in ger-teče χariba. Buχatai Kiratai χoyar-i gürküi lüge: «Seregdeba bida: manaγar erte bučiju bariya!» kemeldüba.

§ 169. Teyin bučiju bariya kemen üge baraɬduγsan-i Aɬtan-o degü Yeke-Čeren, ger-dür-iyen ireǰü, ügülerün: «Manaγar erde Temujin-i bariya kemeldüba! Ene üge-i Tnmüjin-e kelen gürgen odχu güün-i yambar-ele bolγaγdayu? kemeǰüüi. «Teyin ügüleküi-tür eme ino Aɬaγčit ügülerün: «Tere deleme üge čino yaγun bolumui? Haran ba ünenmigeüǰei!» kemeǰüüi. Teyin kelelekü-tür, aduγuči ino Badai šün gürgere ireǰü, ene üge-i sonosču χariba. Badai yorčiju nökör aduγuči Kišliγ-a Čeren-ö ügülegsen üges ügüleǰüü. Kišliγ ügülerün: «Bi basa odču uχasuγai» kemeǰü, ger-tür odčuui. Čeren-ö köün Narin-Keen γada saγuju, sumud-iyen hürün saγuju, ügülerün: «Tuγar bida yaγu kemeldülegai? Kele-ben abdaχun ken-ö ama idχaχun?» kemeǰüüi. Teyin kemeged, Narin-Keen basa aduči-daγan Kišiliγ-a ügülerün: «Merkidai Čaγaγan-aman, Čaγaγan-keger χoyar-i bariju ačira! Huyaju, süni erte moriɬaχu!» kemeǰüüi. Kišiliγ yorčiju, Baday-a ügülerün: «Tuγar-un kelen čino bolγaγaba, maγad bolba! Edöge bida χoyar Temüjin-e kelen gürgen yorčiya!» kemen üge baraɬdaju, Merkidai Čaγaγan keger χoyari bariju ireǰü, huyaju, üdeši böged χoš-dur-iyen niken χuriγaban aɬaju, iseri-iyer-en bolγaju, Merkidai Čaγaγan-aman, Čaγaγan-keger χoyar belen huyaγsad-i unoju, sünide yorčiju, Činggis-χaγan-tur süni gürčü, ger-ün ümer-eče Badai Kišiliγ χoyar ügülerün, Yeke-Čeren-ö ügülegsen üges, köün-i ino Narin-Keen-no sumud-iyen hürün saγuju ügülegsen-i, Merkidai Čaγaγan-aman, Čaγaγan-keger χoyar aγtas bariju huya kemegsen üges bügüde-i ügüleǰü ögba. Basa Badai Kišiliγ χoyar ügülerün: «Činggis-χaan-i soyurχaasu, ariyaɬ ügei bi: bučiju bariya kemen üge baraɬduba!» kemeba.

VI

§ 170. Teyin ügülegdeǰü, Činggis-χaγan Badai Kišiliγ-un üges büširejü, süni böged dergedegün bükün itegelten-e kelen kiged, könggelen yanke ben geged, buruiɬan süni böged gödölba. Mao-ündür-ün gerü-er gödölürün, Mao-ündür-ün gerü-de Uriyangχadai Jelme-γoa-i itegeǰü

χoina-an čaγduγuɬsun boɬγan, χarauɬsun taɬbiǰu gödölǰu, tere gödölügseger, manaγarši üdür düli naran kelberigülün, Xara-χaɬǰid elet gürčü, üdelin bayuba. Üdelidčü bükü-tür, Aɬčidai-in aγtas aduγuɬaγuɬsun Čigidai-Yadir, ǰüle-ǰüile noγoγan-tur aγtas-iyen aduγuɬan yabuχui-tur, χoinača, Mao-ündür-ün ebür-iyer, Huɬaγan-burχad dayarin ayisuχui dayin-o toγosun-i üǰeǰü, dayin gürba kemeǰü, aγtas-iyen hüldeged ireǰü, dayin gürba kemegdeǰü — Mao-ündür-ün ebür-iyer, Huɬaγan-burχad dayarin, toγosun yaryaǰu. Ongχan tere nekeǰü ayisun aǰuγui kemeǰü, tendeče Činggis-χaγan toγosun üǰeged, aγtas-iyen bariγuɬuγad ačaγaɬaǰu moriɬaba. Tedü ise üǰeesü, genet bülégai. Tere ayisuχui-tur, Jamuχa Ongχan-ɬuγa χamtu ayisuɬčaǰu ayisun aǰuγui. Tende Ongχan J̌amuχ-dača asaγčuu: «Temüǰin köün-tür χadχuɬduχun metüs ked bi?» kemen asaγčuu. Jamuχa ügülerün: «Tende Uruud, Mangχud kemen irgen ino bi. Tede irgen χadχuɬdumui je!

Toγoriχui tutum —
Toi ǰokiyu;
Derelegü gü tutum —
Dem ǰokiyu!
Üčügen-eče
Üldü ǰida-tur
Daduγsan irgen tede;
Xaraγčiud-aɬaγčiud tuγtan bi tede;
Serelten irgen bi je!»

kemeǰuui. Tere üge-tür Ongχan ügülerün: «Teyin bögesü, bida teden-tür J̌irgin bayatud-iyen χadagi tušiyaɬdun, J̌irgin bayatud-iyen dobtuɬyaya! J̌irgin-ö geǰige Tümen-Tübegenö Ačiγ-Sirun-i dobtuɬyaya! Töbegen-i geǰige Oɬon-Dungχaid bayatud-i dobtuɬyaya! Dungχaid-un geǰige Ongχan-o mingyan turχaud-i uduridun χori-Šilemün-tayiǰi dobtuɬtuγai! Mingyan turχaud-un geǰige bida, Yeke γoɬ, dobtuɬai je!» kemeǰüüi. Basa Ongχan ügülerün: «J̌amuχa degü! Bidan-o čerig či ǰasa!» kemeǰüüi. Tere öge-tür J̌amuχa öre böldeidčü yarču, nököd-iyen ügülerün: «Ongχan ene čerig-iyen nama-i ǰasa kememü! Anda-tur bi χadχuɬdun yadan yabuɬuγa, ene čerig nama-i ǰasa kememüi. Ongχan dület nadača činaru aǰuγu! Čaytu nökör biyu. Anda-tur kele oroγuɬuya, anda χadaγučituγai!» kemeǰü, J̌amuχa doɬoun Činggis-χaγan-tur kele oroγuɬǰu ügüleǰü ilerün: «Ongaχan nadača asaγba, Temüǰin köün-tür χadχuɬduχun metüs ked bi? kemen asaγuasu, bi ügülerün: Uruud, Mangχud-i tumbuɬan ügüleba bi. Mino üge-tür mud J̌irgin-iyen tumbuɬaǰu mangɬayiɬan ǰasaɬduba. J̌irgin-ö geǰige Tümen-Tübegenö Ačiγ-Širun-i kemeldübe. Dungχaid-un geǰige Ongχan-no mingyan turχaud-un noyan χori-

Šilemün tayiji-i kemeldübe. Tegün-ö gejige Ong-χan-no Yeke γol čerig-iyer bayisu kemeldübe. Basa Ongχan ügülerün: Jamuγa degü! Ene čerig či jasa! kemen nama-i tüšin ügulemüi. Egüber uχaasu, čaγtu nökör biyu! Čerig-iyen jasaldun yaγu čidaχun? Erde bi anda-tur χadχuldun yadaju yabuluγa. Ongχan nadača činaru ajuγu! Anda, bu ayu, χadaγuji!» kemejü ilejügü.

§ 171. Ene kele iregülüged Činggis-χaγan ügülerün: «Uruud-un Jürčedai ebin; či yaγu kememü? Čima-i mangłayiłaya!» kemeba. Jürčedai-i dungγodχu-in urida Mangχud-un Χuyiłdar-Sečen ügülerün: «Anda-in emüne bi χadχułdusu! Mona-χoina önečid köüd-i mino asaraχu-i anda medetügai!» kemeba. Jürčedai ügülerün: «Činggis-χaan-o emüne ba Uruud Mangχud mangłayiłan χadχułdusu!» kemejüüi. Teyin kemeged, Jürčedai Xuyiłdar χoyar Uruud Mangχud-iyar-iyen Činggis-χaan-o emüne jasaju bayiba. Bayiχui-łuγa, dayin Jirgin-i mangłayiłaju gürčü ireba. Irekü-lüge Uruud, Mangχud esergü dobtulju Jirgin-i daruba. Daruju ayisuχui-tur, Tümen-Tübegen-ö Ačiγ-Širun dobtułba. Dobtułju Ačiγ-Širun Xuyiłdari χadχuju baγułjuu. Mangχud Xuyildar-un degere ekeerčüüi. Jürčedai Uruud-iyer-iyen dobtułju, Tümen-Tübegen-i daruba. Daruju gödölgejü ayisuχui-tur, Öłon-Dungχaid esergu dobłułba. Jürčedai basa Dungχaid-i daruba. Daruju ayisuχui-tur Χori-Šilemün-tayiji mingγan turχaud-iyar dobtułba. Jürčedai basa Χori-Šilemün-tayiji-i ičuγaju daruju ayisuχui-tur, Ongχan-nača eye ügeigü Sanggum-esergü dobtułχu bołun, enggesge χačar-iyen χaγdaju Sanggüm mün tende unajuu. Sanggüm-i unaγdaju Kereid bügüdeger Sanggüm-ün degere ekeerčü bayiba. Ani daruju, šinggeküi naran χuburi degere tašin bükü-tür, bidanoai ekeerčü Xuyiłdar-i unaγsan yaratu-i abuγad χariju, Činggis-χaγan bida-noai Ongχan-nača χadχułduγsan χajar-ača χaγačaju üdeši-de gödöljü χaγačan χonoba.

§ 172. Bayiju χonoju, üdür geigülün bügüdkeesü, Ögödai, Boroχuł, Boorču γurban ügei ajuüu. Činggis-χaγan ügülerün: Öγodai-lüge itegelten Boorču, Boroχul χoyar χočorčuu. Aju ber, üküjü ber — yaγu χaγačaχun tede?» kemeba. Bidanoai süni-de aγtas-iyen bariju χonoju, Činggis-χaγan ügülerün: «Χoinača badan-o nekejü, χadχułduya!» kemen jasaju bayiba. Üdür gegegen bołγuju üjeesü, χoyinača niken güün ayisu. Gürčü ireesü, Boorču ajuγu. Boorču-igürčü iregülüged, Činggis-χaγan ügülerün: «Müngke Tenggeri medetugai!» kemejü ebčegü-ben mökoeledba. Boorču ügülerün: «Dobtułχui-tur moriniyen unatała χaγdasu, yabuγan güyijü yabuχui-tur, mun Kereid Sanggüm-ün degere ekeer bayiχui soor čoło-tur ačiyatu morin ačiya-ban keberigüljü bayin bükü-i ačiya ino hoγtołju, inggirčaγ-tur ino uroju γarču bidan-o χaγačaχu γaruγsan mör mütkin yabuju, ołju edüi ireba bi!» kemeba.

§ 173. Basa χorumut atała, basa niken güün ayisu. Gürčü ayisuχuitur, doro ino köl-iyen unjiłjaju ayisu. Üjeesü, γaγča güün metü biyu; iren baraasu, Ögödai-in χoinača Boroχuł sundałaju, aman-o jabajin-iyar čisun čuburiγułju gürčü ireba. Ögödai sujiyasu-ban sumun-a tusdaju, čisun ino χaγdarun, Boroχuł ama-ar-iyer šimiju, böglegsen čisun jabajin-iyar čuburiγułju ireba. Činggis-χaγan üjejü, nidün-eče-iyen niłbusun čuburiγułju duran ałjaγad: «Ta! ötör tülegülüged, χałaγun daγaγułuγad, Ögödey-e umdan erigüljü öggegüljü, dayisun ireesü χadχułduya!» kemejü bülegai. Boroχuł ügülerün: «Dayisun-o toγosun činaγši Mao-ündür-ün ebür-iyer Hułaγan-Boruχad jüg toγosun urtuda γarču, činaγši yorčiba!» kemeba. Boroχuł tere üge-tür ireesü, χadχułduχun bülegai. Dayin-a buruγuiłan gödöldeesü, bida čerig-iyen jibšierčü, χadχułdut je kemejü gödölba. Gödölürün, Ułχüi-Šilügeljit ögede gödölüged, Dałan-nemürges oroba.

§ 174. Tende χoinača Xadaan-Dałduryan eme-köün-eče χaγas ireba. Irejü Xadaan-Dałduryan Ongχan-no üge kemen ügülerün: «Ongχan köü-ben Sanggüm-i ičuma-ar enggesge χačar unatala γaγdaju, degere ino ekeerčü, tende ügülejüüi:

Hilü χadχutan metü-tür
Hilü χadba.
Xałχutan metü-tür
Xatχun bołun,
Xairan köün-ö mino
Xačar-tur
Xadaγasun χadaγułba.

Köün-ö ami erüsün dobtułduya!» kemeesü, tegün-tür Ačiγ-Širun ügülerün: Χan, Χan! Bütügai!

Ečine bügü köü erirün,
Elbesün jałama kijü,
Abai-babai kemen
Erin jałbarimui bida.
Edün törün baraγsan
Köü Sanggüm-i asaraya!

Mongγoł-un ołankin, Jamuχa-łuγa, Ałtan Xučar-łuγa bidan-tur bi. Temüjin-lüge dayičiju γaruγsan Mongγoł χaa odχun tede?

Morin unoγa tan,
Modun nemüre ten

bołba tede! Ani ese ireesü, odču morin-o jundauł metü χormaiłaju ačirat je bida, tedeger-i!» kemeba. Ačiγ-Širun-o ene üge-tür Ongχan ügülerün: «Je, teyin bögesü, köün ałjaγujai! Köün-i ülü dengselgen asaratχun!» kemeged, χadχułduγsan γaǰar-ača χarin ičuba. Kemeba.

§ 175. Tendeče Činggis-χaγan Dałan-nemürges-eče Xałχa huruγu gödölürün too toołałduba. Toołałduasu. χoyar mingγan jirwaan jaγud bołba. Niken mingγan γurban jaγud Činggis-χaγan Xałχa-in höreneji eted-iyer nögügüba. Niken mingγan γurban jaγud Xałχa-in doronaji eted-iyer Uruud Mangχud nögügüba. Teyin nögügüǰü ayisuχui-tur, günesün-e abałan yabuχui-tur, Xuyiłdar yaras-iyen anaγai-üdügüye Činggis-χaγan-a idχaasu ülü bołun, goregesün-tür dobtułχu bołun, hügdereǰü nögčiba. Tende Činggis-Xaγan Xałχa-in ornou-in keltegai γada-da yasun ino tałbiγułba.

§ 176. Xałχa-in Buyur-naγur-tur čidχuχu huǰaur-a Terge-Amel ten Unggirad bi kemen medeǰü, J̌ürčedei-i Uruud-iyar ilebe. Ilerün: «Unggirad irgen

Erte üdür-eče
J̌ee-in jisü-er,
Ökin-ö öngge-er . . .

kemebesü, elset je. Müd bułχa ino kemebesü, χadχułdut je bida!» kemeǰü ileesü, J̌ürčedai-tür elsen oroǰuui. Elsen oroγdaǰu, Činggis-χaγan yaγu ber ano ese köndeba.

§ 177. Tende Unggirad-i oroγułuγad odču, Tüngge-γoroχan-o doron-a baγuǰu, Činggis-χaγan Arχai-Xasar-a Sügegai-ǰeün χoyar-a daγu bariγułurun: «Tüngge-γoroχan-o dorona baγuba. Ebesün ber ino sayin bołǰuui. Aγtas mano üyeleba». Xan-ečige-de mino ügüle kemen ügülerün: «Xan, ečige mino! Yaγun čimar-tur nama ayuγułba či? Ayuγułχu bögesü, maγun berined-iyen noirχanχan yekin ülü ayuγułba či?

Ding saγuχui iseri boγunidχaju,
Degegši γarχui hüni dölüsgeǰü,
Yekin teyin ayuγulba či,
Xan, ečige mino?
Γałǰrγu-yu güün-e
Xadχuγdaba či,
Köndöledü güün-e
Kökigüldebe či!

Xan, ečige mino, bida χoyar yaγu kemeldü legai? J̌orχałχun-o Hułaγannoγud bołdaγ-ud-ta bida ese-ü ügüleldülügai?

Südütü moγay-a südürteesü,
Südürgen-tür ino bu oroya:
Südü-er ama-ar oɬuɬčaju
Büširеya ese-ü kemeldülegai?

Edöge, χan-ečige mino, südü-er ama-ar-u oɬuɬčaju χaγačaba či?

Araγatu moγay-a adartaasu,
Adarχan-tur bu oroya:
Ama-ar kele-er oɬuɬčaju
Büširеya ese-ü kemeldülegai?

Edöge, χan-ečige mino, ama-ar kele-er-ü oɬuɬčaju anggičiraba či? Xan-ečige mino, bi

Čögen ber bögesü,
Oɬon-ni ülü erigülgü bülege.
Maγui ber bögesü,
Sayin-i ülü erigülgü bülege bi.
Xoyar kilügütai tergen
Nököge kilügü-ben χuγuraasu,
Hüker ino jigdün yadayu.

Tete metü nököge kilügün čino bi ese-ü ajuγu?

Xoyar gürdütai tergen
Nököge gürdü-ben χuγuraasu,
Nögügün yadayu.

Tere metü nököge gürdün čino bi ese-ü ajuγu? Erte üdür kemebesü, Xurčaχus-Buyiruγ-χan, ečige-yügen χoina, döcin köüd-ün aχa kemejü, χan boɬjuu je či. Xan boɬun baraju, degü-ner-iyen Tai-Temür tayiji, Buχa-Temür χoyar-i ałaba je či. Erke-χara, degü čino ałaγdarun, ami-en χoroγču γarču, Naimano Inanča-Bilge-χan-tur buruγudču oroju je. Degü-ner-iyen ałaγči boɬba, kemejü, Gür-χan abaγa čino čimadur morilaju ireesü, či jaγun güün ami-en χoroχun buruγudču, Selengge huruγu tudaγaju χaraun-χabčaɬ širuɬdaba je či. Jiči tendeče γarurun, Merkidün Toγtoγa-da Hujaur-üjin ökin-iyen niγurχan ögčü, Xaraun-χabčaɬ-ača γarču, Yesügai-χan, ečige-tür mino, ireesü, či tende ügülerün: Gür-χan abaγa-dača uɬus mino aburaju öggeegdejü, Yesügai-χan, ečige mino, čimada teyin kemen iregdejü, Tayičiud-ača Xunan, Baχaji χoyar-i uduridču, uɬus čino aburaju ögsü kemen, čerig jasaju odču, Γurban-telesüd-te bükün Gür-χan-i χorin-

γučin güün-i Xašin jüg hüldejü, ułus čino aburaju ögba je. Tendeče irejü Tuuła-in Xara-tün-ne χan ečige mino Yesügai-χan-łuγa anda bołułčaju, tende Ongχan ečige mino büširen ügülerün: Ene tusa-in čino hači uruγ-un uruγ-a čino hači χariγułχu-i degere Tenggeri γajar-un iheel medetügai! kemen büširegsen ajuγu je či. Tegün-o χoina Erge-χara Naiman-o Inanča-Bilge χan-nača čerig-üd γuyuju, čima-tur moriłaju ireesü, či ami-an χoroχun ułus-iyen gejü čöen güün tudaγaju γarču, Xara-Kitad-un Gür-χan-tur Čuimüren-e Sardauł-un γajar-a odba je či. Niken hon ülü daγusun, basa Gür-χan-nača dayijiju γarču, Uiγud-un Tangγud-un γajar-iyar yadaju ayisurun, tabun imaγad širgölejü saγaju idejü, temegen-ö čisun χanaju idejü, γaγča Soχor-χaliun moritu ireba je či. Xan ečige-in čima-i teyin yadaju ayisu kemen medejü, urida Yesügai-χan, ečige-lüge mino anda kemeldügsen-ö tuła sedkijü, Taχai, Sükegai χoyar-i esergü čino elči ileged, basa bi öbesün Kelüren-ö Bürgi-ergi-deče uγdun yorčiju, Güsegür-naγur-a jołuγałduba je bida. Čima-i yadaju ireba kemen, χubčir-i χubčiju, čima-da ögüged, uridu ečige-tür mino anda kemeldügsen yosuγar Tuuła-in Xara-tün-ne bida χoyar-un ečige köün kemeldügsen yosun tere ülü bi? Tere übül čima-i güre-en dotora oroγulju tejigebe je. Übül übüljejü, jusaju, namur ino Merkid irgen-ö Toγtoγa-beki-tür moriłaju, Xadiγliγ-niruγun-o mürüče-segül χadχułduju, Toγtoγa-beki-i Baruγjin-tögüm jüg hüldejü, Merkid irge dayuliju, ołon aduγu, ordo-ger ano, tariyad ano bügüde-i abču, χan-ečige-de ögba je bi.

Ölesügsen-i čino
Üdür düli-de
Ese gürgeba je bi.
Turuγsan-i čino
Sara-in jarim-a
Ese gürgeba je bi.

Basa bida Güčügürtai-Buyiruγ-χan-i Ułuγ-taγ-un Soχoγ-usun-ača Altai da bayułun hüldejü, Ürünggü huruγu oduγad, Kičił-baši-naγur-a moχudχaju abuai je bida. Tendeče χariju ayisuχui-tur, Naiman-o Kögseü-Sabraγ Baidaraγ-belčir-e čerig-üd-iyen jasaju bayiłduγui-tur, üdeši jiłda bołdaju, manaγaru erde χadχułduya kemen jasałduju χonoasu, χan-ečige mino či bayidał-dur-iyen γał-noγud tülegüljü, süni-de Xara-segül ögede gödölba je či. Manaγar erde üjeesü, bayidał-dür-iyen ügei bołdarun, čima-i gödoldejü: Ede či bidan-i tülešilen ajuγul kemejü, bi ber gödöljü, Eder-Ałtai-in belčir-iyer ketüljü irejü, Saar-i keere bayuba je. Tende čima-i Kögseü-Sabraγ nekejü, Sanggüm-ün eme-köü, irge-oryа bügüde-i abuγad, χan-ečige-in

čino Tergetü-amasar-a bükün ǰarimud irgen, aduγun-idegen čino daγuliǰu oduasu, Merkid-ün Toγtoγa-in koöün Xudu, Čiłaγun χoyar, irge-oryа-bar-iyen čima-tur bürün, tere soor-tur ečige-tür-iyen neilen Baryuǰin oron čima-dača dayiǰin gödöljüüi je. Tende χan-ečige mino či: Naiman-o Kögseü-Sabraγ-a irge-oryа-ban daγuliγdaba bi. Köün mino dörben külügüd-iyen ögčü ile! kemeǰü ileesü, čino metü ülü sedkin, tende bi Boorču, Muχali, Boroχuł, Čiłaγun-Baγatur-ede dürben külüg-üd-iyer-iyen čerig-üd ǰasaǰu ileesü, ede dörben külüg-üd-ün mino urida Hułaγan-χud-ta Sanggüm bayil-duχu bołun, morino-an γuya χaγdaǰu abdaǰu bołǰu bükü-tür, ede dörben külüg-üd mino gürču, Sanggüm-i aburaγad, eme-köü, irge-oryа selte bügü-de-i aburaǰu ögüesü, tende χan-ečige mino büširen ügülerün: Köüno-en Temüǰin-e odun baraγsan irge-oryа-ban dörben külüg-üd-iyen ileǰü ögteba! kemeǰü bülege. Edöge χan-ečige mino yambar čimar-tur mino čimadba či? Čimar-un yosun-tur elčin ile! ilerün, Xubariχuri, Idürgen χoyar-i ile! Xoyar-i ese ileesü nökǰi-i ile!» kemeǰü ileesü;

§ 178. Ede üges-tür Ongχan ügülerün: «Ai soiluγ!

Köün-eče-en χaγačaχu-yu?
Töre-deče χaγačaba.
Hiličegü-yu?
Üyile-deče hiličeba bi!»

kemen, dura ałǰaγad ügülerün: «Edöge köü-ben üǰeǰü maγui sedkiesü, ene metü čisu-ban γaryaγdasu!» kemen andaγaǰu, šigi χuruγuno-an toli onubči kituγai-bar χadχuǰu, čisun čiburiγułǰu' üčügügan daγtai-tur kiǰü: Köün-e mino-ög! kemeǰü ileba.

§ 179. Basa Činggis-χaγan J̌amuχa anda-da ügüle kemen ügülerün: «Χan-ečige-deče mino üǰen yadaǰu χaγačaγułba či. Urida bosuγsan bidan-o χan-ečige-in kökö čung uγuχu bülege. Nada urida bosču uγdarun naidaba je či. Edöge χan-ečige-in kökö čung baratχun, kedüi je χoroχun ta!» kemeǰü ileba. Basa Činggis-χaγan Altan, Xučar χoyar-a ügüle kemen ügülerün: «Ta γoyar nama tebčiǰü ile-üü gesü kemelegai ta? Juγaǰu-u gesü kemelegai ta? Xučar-i čima-i Nekün tayiǰi-in köün kemeǰu, bidan-ača či χan boł kemesü, ese bołba je či. Altan-i čima-i Xutuła-χan-łu meden yabułuγa, ečige-yügen meden aγsaγar či χan boł kemeesü, ese-gü bołba je či. Degereče Bartan-Baatur-un köün kemeǰü Sača, Taγiču χoyar-i ta χad bołutχun kemeǰü yadaǰu je bi. Tani χad bołutχun kemeǰü yadaǰu tan-o či χan boł kemegdeǰü, meden yabuba je bi! Tani χad bołuγsan bögesü,ołon dayin-tur alginči haułχaγdaasu, Tenggeri-de iheegdeesü dayisun güün-ni daγuliχui-tur,

Xačar γoa öki χatun eme-i,
Γarγa(m) sayin aγta abčiraju,
Ögügai bülege je bi!
Oroa göregesün-tur uturaγuldaasu,
Xada-in göregesün —
Xa ino niketele šiχaju
Ögügai bülege je bi!
Keger-ün göregesü —
Kegeli ino niketele šiχaju
Ögügai bülege je bi!
Edöge ečige-de mino
Sayitur nököčejü ögütkün!
Uyidangχa kemegdègü je ta.
Čautχuri-in turuγ ele ajuγui —
Bu kemegülütkün!
Γurban müred-ün terigün
Kene-ber bu baγulutχun!»

kemejü ileba.

§ 181. Basa Činggis-χaγan Sanggüm anda-da ügüle kemen ügülerün:

«Degel-tü töregsen köün —
Bi ajuγu je.
Ničügün töregsen köün —
Či ajuγu je!»

Xan-ečige bidan-o bida χoyar-i sačaγu asaraχu bulege. Jaγura oroγdaχuiača Sanggüm anda nama naidaju hüldeba je či. Edöge χan-ečige-in bidan-o jürüge ino ülü joboγan, üde manaγarši oroju γarču sergügejü yabu! Üyen-ö sedkil-iyen ülü talbin χan ečige-i amidu bögetele χan bolsu kemen, χan-ečige-in bidan-o sedkil jobaγaju bu alγasaγul! kemeged: Sanggüm anda nadur elči ile! Ilerün, Bilge-beki, Tödöyan γoyar-un nököd-i ile! kemejü ileba. Nadur elčin ilerün: Xan-ečige-χoyar elčin ile; Sanggüm-anda-χoyar-gü elčin ile; Jamuχa-anda-χoyar gü elčin ile; Altan-χoyar-gü elčin ile; Xučar-χoyar-gü elčin ile; Ačiγ-Širun-χoyar-gü elčin ile; Xačium-χoyar-gü elčin ile! kemen, Arχai-χasar, Sügegai-jeün χoyar-iyar edüi üges daγu bariγulju ileba. Ede üges eyin ügülegdeju, Sanggüm ügülerün: «Keli χan-ečige kemegü bülege? Kiduγači-ebügen ese-ü kemegü bülege? Nama keli anda kemen bülege? Toγtoγa-böe sartaγčin χonin-o segül jübčijü yabuyu ese-ü kemegü bülege? Edeger üges-ün arγas uχaγdaba: χadχulduγan-o terigüd üges bi!

Bilge-beki, Tödöyan χoyar χadχuɬduχui tuγ bosχatχun, aγtas taryuɬaγuɬutχun, — ariyaɬ ügei bi je!» kemeba. Tedüi Ongχan-nača Arχai-χasar χariχui-tur, Sügegai-jeün-ü eme-köün tende, Tooril-tur, aǰuγu. Odχu jirüge yadaǰu, Sügegai-jeün Arχai-ača χočorčuui. Arχai ireǰü ede üges Činggis-χaγan-a ügüleba.

§ 180. Basa Činggis-χaγan Toorił degü-de ügüle kemen ügülerün: «Degü kemegü yosun: Tumbinai, Čaraχai-Lingχu χoyar-un Oγda boγoł-iyar biɬaǰu ireba je. Oγda-boγoł-un köün Sübegai-boγoł bülege. Sübegai-boγoł-un köün Kököčü-Kirsaan bülege. Kököčü-Kirsaan-o köün Yegai-Χongtaχar bülege. Yegai-χongtaχar-un köün Toorił či! Kenö uɬus-ud ögsü kemen jusuridun yabuyu či? Mino uɬus Aɬtan, Xučar χoyar kene ber üɬü medegülkün buyu je! Čima-i degü kemegü yosun —

Boryχa-in mino
Bosoγa-in boγoł;
Elinčüg-ün mino
Egüden-ö emčü boγoł—

kemeǰü-ilegü-i mino eyimü!»

§ 182. Tedüi Činggis-χaγan oduγad, Baɬǰuna-naγur baγuba. Tende baγuχui-tur Čoos-čaγan Xoruɬas jöb tende učiraɬduba. Tede Xoruɬas ülü buɬχan elsen ireba. Onggüd-ün Aɬaχuši-digitχuri-dača Asan-sartaγ tai čaγan temegetü mingγan irges taγuǰu, Ergüne-müren huruγu buɬγad, kermen χudaɬduǰu abura ayisurun, Baɬǰuna usuɬan oroχui-tur učiraba.

§ 183. Činggis-χaγan mün Baɬǰuna usuɬan bükü-tur, Xasar eme-köüben Yegü, Yesüngge, Tuχu tan γurban koüd-iyen Ongχan-tur geǰü, čögen beyes nököd-iyer-iyer γarču aχa-yuγan kemen Činggis-χaγan-i erin, Xara-un-ǰidun-o niruγud kigürijü oɬun yadan, yadaǰu širi-širbusu ideǰü yabuγad, Baɬǰuna-da Cinggis-χaγan-tur neileba. Xasar-i iregülüged bayasču, Činggis-χaγan Ongχan-tur elčin ileya kemen eyetüjü, J̌aouredai Xariudar, Uriyangχadai Čaχurχan χoyar-iyar ügüleǰü: χan-ečige-de Xasar-un üge kemen ügületkün kemen ügülerün:

«Aχa-an χaraǰu —
Xaraγa ino ǰabχaba.
Xayiǰu —
Haulχa ino oɬun yadaba.
Xayiɬaǰü —
Daγu-ban ese sanosdaba.
Hod χaraǰu,

Ur(u)-ban derejü bolǰu
Gebtemü bi.
Eme-köün mino —
Xan-ečige-tur bi.
Itegemǰi ere-en oɬuasu,
Xan-ečige-tür odχu bi!

kemejü ileba kemen ügületkün!» Basa ügürelün: «Ba tani udaγaran gödöljü, Kelüren-o Arγaɬ-geögi-de bolǰaɬduya: ta tende iretkün!» kemen bolǰalduǰu, tedüi Xariudar, Čaχurχan-i χoyar-i ileged, J̌ürčedai, Arχai χoyar-i ałginčiłaǰu, Bałǰuna-naγur-ača Činggis-χaγan udaγaran egüsülčejü γarun moriłaγsaγar, Kelüren-o Arγaɬ-geögi-de gürba.

§ 184. Xariudar, Čaχurχan χoyar Ongχan-tur gürčü, Xasar-un üge kemen endeče ügüleǰü ilegsen üges ügüleǰüüi. Ongχan, ałtan terme bosχaǰü, χurimłan genet aǰuγui. Xariudar, Čaχurχan χoyar-un üge-tür Ongχan ügülerün: «Teyin bögesü, Xasar iretügai!» kemejü itegemǰi Itürgen-i ileye kemen ileldüǰüüi. Tedüi ireged, bolǰaɬ γaǰara Arγaɬ-geögi-de gürküi-lüge, barua yeke-i üǰeǰü, Itürgen-elčin χarin tutaγaǰuu. Xariudar-un morin χurdun aǰuγu. Xariudar güyičeǰü bariχu ǰürüge yadaǰu, uridaun-χoinaun ino hoγtoriχan yabuχui-tur, Čaχurχan-o morin udaγan aǰuγu. Χoinača sumun-o gürküi üǰügür-e, Itürgen-ö ałtan amegel tü χara aγta-in χuyang huǰaur saγutaɬa χarbuǰuu. Tende Itürgeni Xariudar, Čaχurχan χoyar bariǰu Činggis-χaγan-tur abčiraba. Činggis-χaγan Itürgen-tür ülü keleldün: «Xasar-tur abču odutχun! Xasar medetügai!» kemeba. Abču oduasu, Xasar Itürgen-tür ülü keleldün, mun tende čabčiǰu gebe.

§ 185. Xariudar, Čaχurχan χoyar Činggis-χaγan-a ügülerün: «Ongχan genet bi. Ałtan terme bosχaǰu χurimłamui. Ötörlen igülgüǰü, sünid düli düligejü, nengden bučiya!» kemeba. Ene üge-i ǰöbšiyejü, J̌ürčedai, Arχai χoyar-i ałginčiłaγuɬǰu, sünid düliged gürčü, J̌ejeer-ündür-ün ǰerχabčiχai-in amasar-a büküi-tür bučiba. Γurban süni, γurban üdüd buɬχaγdarun bučiǰu bayibasu, γutuγar üdür yadaǰu müd oroba. Ongχan Sanggüm χoyar-i süni ker-ber γaruγsan-i ese medegdeba. Ene buɬχaɬduγči J̌irgin-ö Xadaγ-Baatur aǰuγu. Xadaγ-Baatur oroǰu ireǰü ügülerün: «Γurban süni, γurban üdüd buɬχaɬdurun, tus χan-iyen üǰeged bariǰu ker alaγuɬǰu kemen, tebčin yadaǰu, ami-en χoroχun küngketügai» kemen, suorauɬun buɬχaɬduɬaγa bi Edöge ükügüldeesü — üküsü! Činggis-χaγan-a soyrχaγdaasu — güčü ögsü!» kemeba. Činggis-χaγan Xadaγ-Baatur-un üge-i ǰöbšiyejü ǰarliγ boɬurun: «Tus χan-niyen tebčin yadaǰu, amin χoroχun küngketügai kemen buɬχaǰduχu ere — tere ülü-ü bi? Nököčegdegü güün bülege!» kemeged, soyurχaǰu ülü ükügülün, Xuyiɬdar-un amin-o tuɬa Xadaγ-Baatur-i ǰaγun J̌irgin-i

Xuyiłdar-un eme-köüne ino güčü ögtügai! Noγun köün töreesü, Xuyiłdar-un uruγ-un uruγ-a gürtele daχaju güčü ögtügai! Ökin köün töreesü, ečige-eke ano öberün dura-ar bu χudałatuγai! Xuyiłdar-un eme-köün-ö emüne ümereen jarutuγai! kemen soyurχan jarliγ bołba. Xuyiłdar-Sečen-ö aman urida nekegsen-ö tuła, Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Xuyiłdar-un uruγ-un urug-a gürtele, Xuyiłdar-un tusa-in tuła, önečid-ün abliχa abun atuγai!» kemen jarliγ bołba.

VII

§ 186. Tedüi Kereid irgen dorayitaγułju jüg-jüg χubiyaju tałaγułba. Sułdudai Taχai-Baatur-un tusa-in ino tuła, niken jaγun jirgin-i ögba. Basa Činggis-χaγan jarliγ bołurun; Ongχan-no degü jaχa-Kambu jirin ökid ajuγui. Egečimet ino Ibaχa-beki-i Činggis-χaγan öbesün aburun, döimet Soryaγtani-beki-i Tołuy-a ögba. Tere šiłtaγan-iyar Jaχa-Kambu-yi imada χariyatan emčü irge-ber tumdaa nököge kildün bol kemejü ese tałaγułba.

§ 187. Basa Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Badai Kisliγ χoyar-un tusa-in ano tuła Ongχan-no ałtan terme saγuγsaγar, ałtan gürüe, ayaγasaba selte Ongχojid Kereid-i kešigten ano bołtuγai! Xorčiłaγułju, ötöglegüljü, uruγ-un uruγ-a gürtele darχałan jiryatχun!

Olon dayin-tur haγułuasu,
Olja ołuasu,
Ołuγsaγar abutχun!
Uraγa göregesün ałaasu,
Ałaγsaγar abutχun!»

kemen jarliγ bołba. Basa Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Badai Kišliγ χoyar-un amin jaγura tusa gürgegsen-ö tuła, Müngke Tenggeri-de iheegdejü, Kereid irge dorayidaγułju, ündürün oron-tur gürba je. Mona-χoina uruγ-un uruγ-a mino oron-tur saγuju, ene metü tusa gürgegsed-i ułam ułam uχatuγai!» kemen jarliγ bołba. Kereid irge daγułiγu kene ber ese dutatała tügegeldüba. Tümen-Tübegen-i tügegeldüjü tügetele abułčaba. Ołon-Dungχaid oγuγa üdür-e ülü gürgen tałaγułba je. Čisutu tonoγ abuγči Jirgin-baγatud-i jisuju χubiyaju gürgeldün yadaba. Kereid irge tedüi χoruγaju, tere übül Abjiya-ködeger-i übüljeba.

§ 188. Ongχan Sanggüm χoyar beyes-iyer-iyen dayijiju γarču oduγad, Didiγ-saχał-un Nekün-usun-a Ongχan hangγaju oruχu bołun, Naiman-o χarauł Xorisu-beči-tur orojuui. Xorisu-beči Ongχan-ni barijuu. Bi Ongχan biyu kemebesü, ülü tanin ese bušireju tende ałajuu. Sanggüm Didig-saχałun Nekün-usun-a ülü oron, γadaun yorčiju čöl-tür oroju usurχarun. χuład

hiłuγatuǰu bayiχun-i Sanggüm baγuǰu mariyaǰuu. Sanggüm-ün nökör Kökökü aγtači emetü Sanggüm-lüge γurbaγuła aǰuγu. Mori-en Kököčü aγtači daγan bariγułǰuui. Kököčü aγtači aγta ino kötölüged χarin χatarǰuui. Eme ino ügülerün:

«Ałtatai-i emüsküi-tür,
Amtatai-i idekü-tür,
Kököčü mino kemegü bülege!
Xan-niyen Sanggüm-i
Yekin teyin tebčiǰü geǰü
Odun buyu či?» kemeǰü,

eme ino χočorǰuu. Kököčü ügülerün: «Sanggüm-i erelesü kemen buyu ǰe či!» kemeǰüüi. Tere üge-tür eme ino ügülerün: «Eme güün noχai niγurtai kemegdei ǰe bi. Ałtan ǰantaou ber ino ög! Usun ber ütχuǰu uγutuγai!» kemeǰüüi. Tendeče Kököčü aγtači ałtan ǰantaou ino ab kemen χoinaγši oruγad χatarǰuu. Tedüi ireged, Činggis-χaγan-tur Kököčü aγtači ireǰü, Sanggüm-i teyin čöl-tür geǰü ireba bi kemen, tende ügüleldügsen üges-iyen bügüde-i tegüs ügüleǰü ögüesü, Činggis-χaγan ǰarbiγ bołurun; eme-i ino soyuryaǰu. mün Kököčü aγtači-i tus χan-niyen eyin tebčiǰü ireǰüüi, eyimü güün edöge ken-tür nököceesü itegegdegü kemeǰü čabčiǰu geba.

§ 189. Naiman-o Tayang-χan-no eke Gürbesü ügülerün: «Ongχan erten-ö ötögü yeke χan bülege. Terigü ino abčiratχun. Mün bögesü — taiya bida!» kemeǰü, Xorisu-beči-tür elči ileǰü, terigü ino hoγtołǰu abčiraγułǰu, taniǰu, čaγan toloγ degere tałbiǰu, berined-iyen berilegüljü, ötöglegüljü, χuγurdaγułǰu, ayaγa bariǰu taiǰuui. Tende teriün teyin taiγdarun iniyeǰüü. Iniyeba! kem n Tayang-χan kemkerü gečikileǰüüi. Tende Kökseü-Sabraγ ügüleǰüü: «Ükügsen χan-güün-ö terigün ino ta-gü hoγtołǰu abčirat, nökögete ta-gü kemkerit: yaγun ǰokiχui? Noχano bidan-o χučaχui daγun maγui bołbai. Inanča-bilge-χan ügülelege:

Eme ǰałaγui,
Ere bi ötölba.
Ene Tayang-i
Elbesü-er töregülülege.
Ayi, Torłuγ töregsen köün mino!
Törülmiši ołon,
Doromǰin maγui ułus mino
Asaraǰu barin čidaχu-yu?

kemelege. Edöge noχano dayun idüreküi (irögeküi) χučaɬ χučamui. Xadunno bidan-o Gürbesü-in ǰasaγ χurča bołbai. Xan mino Torluγ-Tayang ǰögöleng buyu či. Šibaγuɬaχu abaɬaχu χoyar-ača buši sedkil-erdem ügei bui!» kemegdeǰü, tende Tayang-χan ügülerün: «Ene dorona čögeked Mongγoł bi kemegdemüi. Tede irgen ötögü yeke erten-ö Ongχan-ni χor-iyar-iyen ayuγuɬǰu dayiǰiγuɬǰu üküǵülba. Edöge mün χan bołsu kemen aχun-o tede? Tenggeri degere naran sara χoyar gerelten gegegen bołtuγai kemen naran sara χoyar bi je. Ɣaǰar degere χoyar χad ker bołχu? Bida odču tede ked Mongγoł-i abčiraya!» kemeǰüüi. Teün-tür eke ino Gürbesü ügülerün: «Yekigüǰei! Tedeger-i Mongγoɬirgon

Hünör mayutan,
Xubčasu baratutan

bülegai. Anggida χoło büǰü bütügai! Šiliun berined ökid-i ano maχa abčiraγuɬǰu, γar köl ano uχiyaγuɬǰu, üniyed χonid-iyen maγa saγaγuɬχun ele!» kemeǰüüi. Tegün-tür Tayang-χan ügülerün: «Teyin bögesü, yaγutan aχun tede? Mongγoł-tur odču, χor ano maγa abčiraya!» kemeǰüüi.

§ 190. Edeger üges-tür Kögseü-Sabraγ ügülerün: Ayi, yeke üge ügület ta! Ayi, Torluγ χan, niγutχun! Kögseü-Sabraγ-a idχaγuɬuγad bürün, Torbidaš neretü elči Ongγud-un Aɬaχuš-digitχuri-da ügüleǰü ilerün: «Ene dorona čögeken Mongγoł bi kemegdemüi. Či barayun γar boł, bi endeče χamsaǰu, tede ked Mongγoł-un χor ano abuya!» kemeǰü ileǰüü. Tere ügetür Aɬaχuš-digitχuri χariγu ügülerün: «Barayun γar bołun ülü čidaχu bi!» kemeǰü ileged, Aɬaχuš-digitχuri Yuχunan neretü elčiyer-iyen Činggisχayan-a ügüleǰü ilerün: «Naiman-o Teyan-χan χor čino abura iremüi. Nama-i barayun γar boł kemeǰü ileǰüü. Bi ese bołba. Edöge bi čimada serigüljü ileba. Ireǰü χor-iyen abdaγuǰei či!» kemeǰü ileǰüüi. Jöb tende Činggis-χayan Temegen-keger-i abaɬaǰu, Tülkinčegüd-i χomorču büküi-tür, Aɬaχuš-digitχuri-in ilegsen Yuχunan elči ene kelen gürgen ireba. Ene kelentür aba degere böged ker kikün kemeldüesü, oɬon güün ügülerün: «Aγtas bidan-o turuχad bi. Edöge yekikün bida?» kemeldǘǰüüi. Tegün-tür Odčiginoyan ügülerün: «Aγtas turuχad kemen yekin šiltaγdaχu? Mino aγtas taryud bi. Eyimü üges sonosču yekin sayuγdaχu?» kemeba. Basa Belgütai-noyan ügülerun:

«Amidui bögetele
Nökör-e χor-iyan abdaasu,
Aγsan yaγun tusa bi?
Töregsen ere-de üküesü,
Taki χor-numun-lüge-ben,

Yasun-łuγa nikene kebteesü,
Ülü-ü sayin bi?
Naiman irgen ułus yeketü
Irge ołotu
Kemen yeke üge ügülen ajuγu.
Bida ene ano yeke üge-tür
Šiχam moriłaju odču,
Ano χor abuasu berked-üü ajuγu?
Oduasu ołon aduγun ano
Joγsaju ülüü χočoruγujei?
Ordo-ger ano egüreju
Ülü-ü χočoruγujei?
Ołon ułus ano ündür etüged-tür
Xorura ülü-ü γaruγujei?

Müd ene eyimü yeke üge ügülegüljü ker saγuγdaχu? Moriłaya böged!» kemeba.

§ 191. Belgütai-noyano ene üge-i jöbšiüejü, Činggis-χaγan aba baγuγad Abjiχa-köteger-eče gödöljü, Xałχa-in Ornou-in keltegai χada baγuju, toγa-ban toγołałduju, mingγan tende mingγałaju, mingγan-o noyan, jaγun-o noyan, harban-o noyan tende tüšiba. Čerbin-i tende-gü tüšiba. Dodai-čerbi, Doχołχu-čerbi, Ögöle-čerbi, Tołun-čerbi, Bučaran-čerbi, Süiketü-čerbi —ede jirwaan čerbin-i tende tüšiba. Mingγan mingγałan, jaγu jaγułan, harban harbałan baraju noyan kebteül, dałan turχaud tende kišigten iłγaju oroγułurun, mingγad-un, jaγud-un noyad-un köüd-i degüner-i urtu duru-in güün-ö köüd-i oroγułurun, erdemten beye šil sayitan iłγaju oroγułba. Tende Arχai-χasar-i soyurχaju baγatud-i iłγaju mingγałatuγai, γadχułduγan üdür emüne mino bayiju χadχułdutuγai, ołon üdür turχaγ kešigten mino bołtuγai! kemen jarliγ bołba. Dałan turχaud-i Ögöle-čerbi aχałaju atuγai, Xudus-χałčan-łuγa eyetüldüjü atχun! kemeba.

§ 192. Basa Činggis-χaγan jarliγ bołurun, χorčin turχaud kešigten, baγurči, egüdenči, aγtači üdür kešig oroju, naran šinggegü-in urida kebteül-e jaiłaju, aγtas-tur-iyen γarun χonotuγai. Kebteül süni ger horčin kebtegün-iyen kebtegüljü, egüden-tür bayiχun-iyen kešiglen bayiγułtuγai. Xorčin turχaud manaγari-ino Bidan-i sülen ideesü, kebteül-tür kelelejü, χorčin turχaud, baγurčin, egüdečin mün mün mör-düriyen yabutuγai. Sayurin-duriyen sayutuγai, γurban süni, γurban üdür kešig üdür-iyen dagusču, mün-gü yosuγar γurban süni χonołduju yegüdgeldüjü, süni kebteül atuγai. Xorčin kebtejü χonotuγai! kemen jarliγ bołba. Tedüi mingγan mingγałan

baraǰu, čerbi tüšiǰü, nayan kebteül, daɬan turχaud kešigten (kesegten) oroγuɬǰu, Arχai-χasar-a bayatud iɬγaǰu, Xaɬχa-in Ornou-in keltegai χada-dača Naiman irgen-tür morilarun:

§ 193. Xuɬaγana ǰil, ǰun-o terigün sara-in harban ǰirwaan üdür, Huɬaγan tergel-e, tuγ sačuγad moriɬarun, Kelüren ögede J̌ebe Xubiɬai χoyar-i aɬginčiɬaǰu yabuγad, Saari-keer-i gürüesü, Xangχarχan-o terigüte Naiman-o χarauɬ tende aǰuγu. Bidan-o χarauɬ-a hüldeldüǰü, bidan-o χarauɬ-ača niken šingχuɬa morin mayuχan emegeltü-i Naiman-o χarauɬ-a abtaǰuui. Naiman-o χarauɬ tere morin abču ügüleldürün: Mongγoɬ-un aytas turuχad aǰuγu! kemeldüǰüüi. Bidan-o Saari-keer-i gürču, tende toridču ker kikün kemeldüesü, tende Dodai-čerbi Činggis-χaγan-a duradχarun: «Bidanɬu ǰöen (čögen) bi; ǰöen degere čileǰü ireba. Eyin-gü toridču aytas-iyen čadtaɬa, ene Saari-keer-i delgen bayuǰu, amitu ele güün tutum, ere in tabun anggi-da, γaɬ-noγud tüleǰü, γaɬ-iyar oγǰadχaya! Naiman irgen oɬon kemegdemüi. Xan ano ger-teče ese γaruγsan tenggi kemegdemüi. Γaɬ-iyar hülürgegültele, bidan-o aytas ber čadumuǰe. Aytas-iyen čadγan, Naimano χarauɬ-i hüldeged daruɬčaǰu, γoɬ-tur ano neilegülün, tere samaγui-tur χadχuɬduasu boɬχu-yu?» kemen duradχaasu, ene üge-i ǰobšiyeǰü, Činggis-χaγan ǰarliγ boɬurun: Teyin böged γaɬ-noγud tülegülütkün! kemen, čerig-üd-te ǰasaγ tungχaba. Tedüi Saari-keer-i delgen bayuǰu, amitu ele güün tabun anggi-da γaɬ-noγud tülegülba. Süni Naiman-o χarauɬ Kangχarχan-o terigün-eče süni oɬon γaɬ üǰeǰü: Mongγoɬ-i ǰoekan (čögeken) ese-gü kemen bü legai? Hodun-nača oɬon γaɬtan bi! kemen Tayan-χan-tur mayuχan emegeltü šingχuɬaχan morin ögčü ileged: Mongγoɬ-un čerig-üd Saari-keer-i bütetele bayuɬuγa! Üdür-tür üdür-ün aχun-o hodun-nača oɬon γaɬtan bi! kemeǰü ileǰüüi.

§ 194. Xarauɬ-un ene kele gürteǰü, Tayang-χan Xangγai-in Xačirusun-a aǰuγui. Ene kele gürgegülüged, Güčülüg-χan köün-dür-iyen keleleǰü ilerün: «Mongγoɬ-un aytas turuχad aǰuγui. Hodun-nača oɬon γaɬtan kememüi. Mongγoɬ oɬon aǰuγui. Edöge bida

Xamtudun baraasu,
Xaγačaχui berke boɬχun-o?
Xamtudun baraasu,
Xara nidun-niyen
Xirmes ülü kikün tede.
Xačar-iyen χadχuɬduasu,
Xara čisun γaruasu,
Xaɬtariɬ ügei

Xatanggin Mongγoł-tur
Xamtuduasu boł'χu-yu?

Mongγoł-un aγtas turuχad kemegdemüi bida. Ułus-iyen Ałtai gabaγuł'un, segügülün gödöl'jü, čerig-iyen jibšierčü, ani üdüjü yabuju, Ałtai-in ölkes gürtele noχai kerel kereju yabuju, bidan-o aγtas taryud bi. Kegeli segügülün, Mongγoł-un aγtas čingγardaγuł'un, niγur degere ano asχaya bida!» kemeju ilejüüi. Tere üge-tür Güčülüg-χan ügülerün: «Anaayin! Eme Tayang jirüge yadarun ene üges ügülejüüi. Mongγoł-un ołon χa-ača irejüüi? Mongγoł-un ołungkin Ǯamaχa-ł'uγa ende, bidan-tur bi!

Kündü eme-in šigekü γaǰar-a
Ese γaruγsan,
Gürdün-ü tuγuł-un belčigel-tür
Ese gürügsen,
Eme Tayang jirüge yadarun
Ese-ü ede üges ügüleju ilejüüi?»

kemen, elčin-eče ečige-yügen eberetele bertetele ügüleju ilejüüi. Ene üge-tür Tayang-χan, öber-iyen emečilegden ügülegdeju, Tayang-χan ügülerün:

«Güčütü omoγtu Güčülüg,
Gürülčekü ałał'duχui üdür
Maγa ene omoγ-iyen bu tałbituγai!
Gürülčen χamtudun baraasu,
Xaγačaχui maγa berke bi je!»

kemeba. Tere üge-tür Tayang-χan-no doro medeju Yeke Noyan Xorisu-beči ügülerün: «Inanča-Bilge, χan ečige čino, sača nökör-e ere-in aru, aγta-in γaryam ese üjegülülege. Edöge či manaγar erte böged yekin jirüge yadamu či? Čima-i eyin jirüge yadaχui-i medegsen bögesü, χadun ber güün bögesü, eke-i čino Gürbesü-i abčiraju, čerig ülü-ü ǰasaγuł'χu bülege? Čima χairan Kogseü-Sabraγ-a ötöldekü yaγun čerig-ün bidan-o ǰasał sülbergüi bołbai! Mongγoł-un čaγ ǰayaγan bi je ese bołbai. Ayi, Turluγ-Tayang! Yadaγu metü ele buyu či!» kemeged, χor-iyen deledüged, buruγu χataraba.

§ 195. Tegün-tür Tayang-χan kilingleju ügülerün:

«Ükügü amin,
J̌oboγu beye, —
Bügüde niken
Buyu je!

Teyin bögesü, χadχuɬduya!» kemejü, Xačir-usun-ača gödöljü, Tamir huruγu yabuγad, Orχon-i ketüljü, Naχu-χun no doronaji χormai daγarin Čakirmaud gürčü aisuχui tur, Činggis-χaγan-no χarauɬ üjejü: Naiman gürčü aisai! kemen kelen gürgeesü, ene kelen gürgegülüged, Činggis-χaγan jarliγ boɬurun: «Oɬon-nača — oɬon, jöen-neče — jöen χor boɬumu je?» kemeged, esergü ano moriɬaju, χarauɬ-i ano hüldeged, čerig jasarun:

«Xaraγana yorčil-e yorčiju,
Naγur bayiɬduγa bayiɬduju,
Šiuči χadχuɬduya!»

kemeldüba. Teyin kemeged, Činggis-χaγan öbesün alginčiɬaju, Xasar-i yoɬ jasaγuɬba. Odčigin-noyan-i kötöd jasaγuɬba. Naiman, Čakirmaud-ača ičuju, Naχugün-nö ebür aγuɬa-in χormai-kijim bayijuuɾ. Tedüi Naiman-o χarauɬ-i bidan-o χarauɬ hüldeged, Naχu-günnö ebür Yeke γoɬ-tur ano neiletele hüldeged gürčüüi. Teyin hüldejü gürkui-i Tayang-χan üjejü, Jamuχa tende Naiman-ɬuγa čerig moriɬaju ireldüju tende aju, Tayang-χan Jamuχa-dača asaγčuu: «Tede yaγud oɬon χonid čino hüldejü, χoton-tur gürtele hüldejü iregü metü, ede yaγud haran teyin hüldejü aisai?» kemen asaγba. Jamuχa ügülerün: «Temüjin anda mino dörben noχais-i güün-nö miχa-ar tejigejü ginjilejü huyaju aχu bülege. Tede χaraul-i bidan-o hüldejü aisuχun tede bije. Tede dörben noχais

Širemün mangɬai tan,
Šiuči χošiγu tan,
Šibüge kele ten,
Temür öre ten,
Üldü minaa tan,
Šiüder-i idejü,
Kei unoju yabut tede!
Aɬaɬdaχui üdür
Haran-o miχa idet tede.
Gürülčegü üdür
Güün-ö miχa günesület tede!
Ginji-ben mültüldejü,
Edöge ese-ü buγsaju aγsad
Bayascu teyin šilemeljen
Aisai tede!»

kemejüüi. «Tede dörben noχais ked tede kemeesü,

J̌ebe Xubiłai χoyar,
J̌elme Sübeetai χoyar —

tede dörben bi!» kemejüüi. Tayang-χan ügülerün: «Ele tede doromǰi-ača χoło bayiya!» kemejü, ihuriju, ayuła asan bayiba. Tegün-o χoinača duyałju toγoriγaju aisuχun-i üǰejü, basa Tayang-χan J̌amuχa-dača asaγčuu: «Tede yaγud —

Erte tałbiγsad unoγan
Eke-yügen sün kököǰü,
Eke-yügen horčin torolun
Güyiǰü unoγad metu,
Yekin tede toγoriγan aisai tede?»

kemen asaγčuui. J̌amuχa ügülerün: «Tede —

J̌idatu ere-i ǰiγuju,
Čisutu tonoγ tonoγčin
Üldütü ere-i hüldejü,
Unaγaju ałaju,
Ub tonaγ abuγčin
Urund Mangγud kemegdet tede!
Edöge ese-ü bayasču tede
Duyałan aisai tede?»

kemejüü. Tendeče Tayang-χan ügülerün: «Ele teyin bögesü, tede doromǰiača χolo baiya!» kemejü, basa χoinaγši ayuła abarin bayiba. Tegün-ö χoinača aisuχun öesegsen (ölesügsen) šibaγun metü šilemelǰejü χušiγuraju aisuχun ken biyu? kemen Tayang-χan J̌amuχa-dača asaγčuu. J̌amuχa ügülerün: «Ene aisχu Temüǰin, anda mino!

Gübčin beye ino
Siremü-er širegdegsen;
Šibüge-de χadχuχuya čoło ügeigü.
Temür-iyer dabtaγsan:
Tebene-de χadχuχuya čoło ügeigü.

Temüǰin, anda mino, öesegsen šibaγun metü, ein šilemeljen aisu łu! Üǰebeyüü ta? Naiman nököd Mongγoł-i üǰeesü, ešige-in γodu ülü hülegülkü eče bülegai ta! Üǰetkün!» kemeba. Ene üge-tür Tayang-χan ügülerün: «Ele amsaari ayuła abarin bayiya!» kemejü, ayuła abariju bayiǰuu. Basa

Tayang-γa J̌anmuχa-dača asaγurun: «Basa tere χoinača ǰuǰaγan-a aisuχun ken buyu?» kemen asaγba. J̌amuχa ügülerun:

«Höelün-eke niken köü-ben
Güün-ö miχa-bar teǰigeǰü bülege.
Γurban ałda beyetü,
Γunaǰin bodo idešitü,
Γurban dabχur χuyaγ emüsčü,
Γurban buγa ǰidgügülǰü aisuǰe!
Xortu güün-i
Xotoła-i ǰałgiasu,
Xoγołai-duriyen ülü tordayu.
Gübčin ere-i emgüesü,
Öre ülü ǰasayu.
Aγurłaasu,
Angγua sumu-ban
Delijü tałbiasu,
Aγuła ałus bükün
Harban-χorin haran-i
Ülgetele χarbuyu!
Gereldügsen nökör-i,
Keer ketüs bügün-i,
Keibür sumu-ban
Delijü tałbiasu,
Kelkitele-ülketele χarbuyu:
Yekede delijü χarbuasu,
Yesün ǰaγud ałda γaǰar-a χarbuyu.
Tatan delijü χarbuasu,
Tabun ǰaγud ałda γaǰar-a χarbuyu.
Güün güün-neče busu —
Gürelgü-Mangγus töregsen,
J̌oči-χasar kemegdeyü!
Tere buyu ǰe!»

kemeǰüü. Tendeče Tayang-χan ügülerün: «Ele tein bögesü, aγuła-in ündür temečeye! Degegši abarıtχun!» kemeǰü, aγuła abarin bayiba. Basa Tayang-χan J̌amuχa-dača asaγurun: «Tegün-ö χoinača aisuχun ken buyu?» kemeǰüü. J̌amuχa ügülerün: «Tere —

Höelün eke-in
Niłχa köün Odčigin!

Heligetü kemegdeyü.
Erte untaγči,
Oraya bosuγči.
Baruan-ača ber
Ülü χočoruyu.
Bayidał-ača ber
(Ülü) χočodayu!»

kemejüü. Tayang-χan ügülerün: «Tein bögesü, aγuła-in horgil-degere γaruya!» kemejüüi.

§ 196. J̌amuχa Tayang-χau-a ede üges ein ügüleged, Naiman-nača χaγačan böldeidčü γarču, Činggis-χaγan-na kele oroγułǰu ilerün, anda-da ügüle kemen ügüleǰü ilerün: «Tayang-χan —

Üge-tür mino üküdküǰü
Ögede temečen uryuǰu γarba.
Ama-ar ałaγdaǰu ayuǰu,
Aγuła abarin γarba.
Anda χataγuǰi! Müd —
Aγula-tur γarba.

Ede esergülegü čirai ügeigün bi. Bi bürün — Naiman-ača χaγačaba!» kemejü ileǰüüi. Činggis-χaγan, naran ǰiłda bołdaǰu, Naχu-gün-nö aγuła-i büselgün bayiǰu χonoba. Tere süni Naiman buruγuiłan gödölkün bołun, Naχu degereče χułałču (χułγuǰu), degere degere-en χutaγłałduǰu, yasu hüsü-ben kemkerü unałduǰu, hüngǰiu bayitała daručaǰu üküldüǰüüi. Manaγaši ino Tayang-χan-i muχudχaǰu abuba. Güčülüg-χan ögere aγsaγar ǰöen güün dayiǰin gödöljü güyičegderün, Tamir-a güregeleǰüü. Tere güregen-düriyen bayin yadaǰu gödöljü tudaγaǰu γarču odba. Naiman irgen-ö ułus-i Ałtai-in ölke de muχudχaǰu χuriyaba. J̌amuχa-łuγa aγsad J̌adaran, Xatagin, Sałǰiud, Dörben, Tayičiud, Unggirad kiged tende-gü oroba. Tayang-un eke Gürbesü-i Činggis-χaγan abčiraγułǰu ügülerün: «Či Mongγoł-un hünir maγui kemejü ese-ü bülege? Edöge yekin ireba či?» kemejü, Činggis-χaγan abułaγa.

§ 197. Mün Xułuγana ǰil namur Xaradał-huǰaur-a Merkidün Toγtoγa-beki-lüge Činggis-χaγan bayiłduǰu, Toγtoγa-i ködölgeǰü, Saari-keer-e irge oryа ułus ino daγuliba. Toγtoγa Xudu Čiłaun köüd-lüge-ben ǰöen güün beyes-iyen tudaγaǰu γarba. Tedüi Merkid irgen daγuliγdarun, Hoas-Merkidün Dair-Usun öki-en Xułan-χatun-i Činggis-χaγan-na üǰegülsü kemen, abču aisurun, ǰaγura čerig-üd-te ǰedgügdeǰü, Baaridai Naya-noyan-tur učiraǰu, Dair-Usun ügülerün: «Ene öki-en Činggis-χaγan-na üǰegülsü kemen

aisu bi!» kemejüüi. Tende Naya-noyan ügülerün: «Ökin-i čino bida χamtu üjegülüye!» kemen töridgejüüi, Töridgerün. Dair-Usun-i: «Či γaγčaγar oduasu, jaγura čerig-üd, samaγui čaγ-tur, čima-i ber ülü aγuɬχu, öki taki čino samaγuraχu!» kemejü, γurban üdür, γürban süni töridgejüüi. Tendeče Xuɬan-χatun-ɬuγa Dair-Usun-i abuγad, χamtu Naya-noyan Činggis-χaγan-tur gürgebe. Tendeče Činggis-χaγan Naya-i, yekin tödegejü aba či, kemen maši kilingɬaju: «Xatangγuy-a maraan asaγču, jasaγ boɬγaya!» kemen, asuγun büküi-tür, Xuɬan-χatun ügülerün: «Nayaa ügülelege, Činggis-χaγan-no yeke noyan buyu bi, bida χamtu öki čino χaγan-na üjegülüya! Jaγura čerig-üd samaγuraχu! kemen idχaɬuγa. Edöge Nayaa-dača busud čerig-üd-tür učiraasu, samaγu-tur [tüiküi-tür] oroχuyu aɬuγu! Xai, ene Nayaa-tur učiraχui mano sayin boɬba. Edöge Nayaa-daca asaγtaɬa, χaγan soyurχaasu, Tenggeri-in jayaγar ečige eke töregülügsen mariyan-nača asaγuasu!...» kemen öčigüljüüi. Nayaa asaγdarun:

«Xaγan-nača busu niγur mino ügei bije!
Xari irgen-ö χačar γoa öki χadun,
Γaγan sayin aγta učiraasu,
Xaγan-noan gü kemejü amu je bi!
Egün-eče busu sedkil mino bögesü,
Üküsü bi!» kemejüüi.

Činggis-χaγan Xuɬan-χadun-no öčil jöbšiyejü, mün üdür-iyer böged boɬγan soriasu, Xuɬan-χadun-no očil adali boɬdaju, Činggis-Xaγan Xuɬan-χadun-ni soyrχaju taγaɬaba. Nayaa-in üges adali boɬdaju, jobšiyejü; «Ünen ügetü aɬuγu!» kemen, «Yeke üyile tüšisü!» kemen soyurχaba.

VIII

§ 198. Merkid irgen dayuɬiju, Toγtoγa-beki-in yeke köün Xudu-in χadud, Tuχai Doregene jirin-eče Doregene-i tende Ögödai-χaγan-na ögba. Merkid-ün jarimud uɬus dayijiju Tayiχaɬ χorγa χorγaɬajuui. Tende Činggis-χaγan jarliγ boɬurum, Soryan-Šira-in köün Čimbai-i noyaɬaju, jaoun (jegün) γar-un čerig-üd-iyer χorγaɬaγsad Merkid-i egeregülün ileba. Toγtoγa Xudu Čiɬaun köüd-iyer-iyen joen beyes dayijiju γaruγsan-i Činggis-χaγan nekejü, Aɬtai-in ebüre übüljejü, Hüker jiɬ χabur, Arai-yar dabaju oduasu, Naiman-o Güčülüg-χan uɬus-iyen abχaγuɬju, tere dayijiju γaruγsaγar jöen güün Merkid-ün Toγtoγa χoyar neilejü, Erdis-ün Buχdurma hujaur-a χamtudču, čerig-iyen jasaju aɬuγui. Činggis-χaγan gürčü bayilduasu, Toγtoγa tende šiba-in sumun-a tusdaju unaɬuu. Köüd ino yasu ino barin yadaju, beye-i ino abču odun yadaju, terigü ino hoγtoɬju abču yorči-

juu. Tende Naiman Merkid bołun χamtudču bayiłdum yadaju, buruγuiłan gödölürün, Erdiši ketülürün čubtusču ołongki-en usun-tur ükügüljüüi. Jöen γaruγsad Naiman Merkid Erdiši ketülün baraju, χaγačan gödöljüüi. Naiman-o Güčülüg-χan Uyiγurtai Xarłuud-i daγarin Sartauł-un γajar-a Čuimüren-e bükün Xara-kitad-un Gür-χan-tur neilen odčuui. Merkid-un Toγtoγa-in köüd Xudu, Xał (γał), Čiłaun terigüten Merkid Kanglini Kibčaγud-i daγarin yorčijuui. Tendeče Činggis-χaγan χariju, Arai-yar dabaju, Auruud-tur baγuba. Čimbai Tayiχał χorγa χorγałaγsad Merkid-i muχudχajuui. Tende Merkid-i Činggis-χaγan jarliγ bołurun, kiduχun-i ano kiduγułju, hülegsed-i ano čerig-üd-te tałaγułba. Basa urida oroγsad Merkid Auruud-ača dayiji bosčuui. Auruud-tur bükün Kötöčin bidan-o teden-i darujuu. Tende Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Tungdaχa ba aγułuya! kemelüge. Müd ele dayijin ajuγu!» kemen, Merkid-i jüg jüg hülittele χubiyaγułba.

§ 199.

Mün Hüker jił
Činggis-χaγan jarliγ bołurun,
Sübeetai-i, temür tergetü-i,
Toγtoγa-in χudu, γał, Čiłaun,
Terigüten köüd-i ino
Nekegülün ilerün,
Sübeetaya Činggis-χaγan
Jarliγ bołju daγu bariγułurun:
«Toγtoγa-in Xudu, Γał, Čiłaun,
Terigüten köüd ino,
Odun oγjadču, χarin χarbučaju,
Uγuryatu χułan, sumutu buχa
Bołju odba. Teden-i,
Jigürtü bołju nisču,
Tenggeri-tür γaruasu,
Či, Sübeetai, šingχor bołju,
Nisčü ülü-ü bariγujii?
Tarbaγan bołju kimusu-ariyan małtaju,
Γajar-tur oroasu,
Čalir bołju čokiju erijü,
Ülü-ü güyičegü či?
Jiγasun bołju, tenggis dałai-tur oroasu,
Či, Sübeetai, gölmi χubčiγur bołju,
Šigüjü χubčiju ülü-ü abχu či?

Basa ündür dabaγan daban,
Örgen müren ketülün ileba čima-i.
Гaǰar-un χoła-i sedkiǰü,
Čerig-ün uła γa,
Turuγai-üdügüye χairałatχun!
Günesü ben —
Baraγai-üdügüye χučiγatχun!
Aγta turun baraasu,
Xairałaasu ülü bołuγi.
Günesün baran baraasu,
Xučaasu ülü bałuγi.
Mör-tür tano göregesün ołon bi je!
Ałus sedkiǰü yabuχui-tur,
Čerig-ün güün-i
Göregesün-tür bu haγułγatχun!
Kem ügei bu abałatχun!
Čerig-ün güün-e
Günesüne nemeesün,
Önggegü-en boltuγai kemen
Abałabasu kemleǰü abałatχun!
Kemten abad-ača anggida,
Čerig-ün güün-ö
Emegel-ün χudurγa
Bu χuduryałaγul, —
Xadaar ülü nemürgen,
Sudałbiǰu yabutuγai!
Tein ǰasałduǰu yabuasu,
Čerig-ün güün haγułun ker čidaχu?
Ein ǰasaγłaǰu böged,
J̌asaγ dabaγsad-i bariǰu nišituγai!
Bidan-o ǰarliγ dabaγsad-i,
Bidan-a taniγdaχun metüs-i
Bidan-a odču iletkün,
Bidan-a ülü taniγdaχun ołon-i
Mün tende böged mökörigülütkün!
Müren-o činaun möseldükün ta —
Mün yosuγar yabutχun!
Aγuła-in činaun ałγasałduχun ta —
Anggida ögere bu sedkitkün!

Müngke Tenggeri-de
Güčü auγa nemegdejü,
Toγtoγa-in köüd-i
Γar-dür-iyen oroγuɬuasu,
Bidan-tur abčiretaɬa yaγun bi?
Tende ta getkün!»
Kemen ǰarliγ bolba.
Sübeetaye basa
Činggis-χaγan ügülerün:
«Bi üčügan čaγ-tur
Γurban Merkid-ün Uduid-ta
Burχan-χaɬdun-i γurban-ta
Xučiγuɬǰu, ayuγuɬdaɬaγa bi!
Teimü öšiten irgen-i
Edöge basa aman kelen aɬdaǰu odčuui.
Urtu-in üǰügür-e,
Gün-nö hiruγar-a
Gürülčetügai kemen,
Nekegülün üǰüüren,
Temür terge deledčü,
Hüker ǰil ǰaγuraγuɬba:
Bidan-i ečine ber bögesü,
Ile metü; χoɬa-ber bögesü,
Oira metü sedkiǰü yabuasu,
Degere Tenggeri-de ber
Iheegdemüi ǰa ta!»
Kemen ǰarliγ bolba.

§ 200. Naiman Merkid-i muχadχan baraasu, J̌amuχa Naiman-ɬuγa bürün, tende ulus-iyen abdaasu, mün tabun nököd-tu oγorčaγ boɬǰu, Tangɬu degere γarču, uχulǰa aɬaǰu širaǰu iderün, tende J̌amuχa nököd tein ügüleǰüü: «Ken-ö köüd ene üdür uχuɬǰa aɬaǰu ein idemü?» kemeǰüü. Tere uχuɬǰa-in miχa iden bükü ǰaγura tabun nököd ino J̌amuχa-i γardaǰu bariǰu, Činggis-χaγan-tur abčiraǰuu. J̌amuχa nököd-tegen bariǰu iregdeǰü: Xaγan anda-da ügüle!

«Xara keriye
Xarambai noχosun
Bariǰu bolba.
Xaraču boγoɬ

Xan-tur-iyen
Γar gürgegü bołba.
Xaγan, anda mino,
Yaγu endegü (ögdegü)?
Boro χuładu,
Borčin sono
Bariǰu bołba.
Boγoł nekün,
Budun Eǰen-iyen
Bosču nengdeǰü
Bariχu bołba.
Boγda, anda mino,
Yaγu ögdegü (endegü)?»

kemen ügüleesü, J̌amuχa-in tere üge-tür, Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Tus χan-duriyen γar gürgegsen güün-i ker aγułdaχu? Teimün güün kentür nököčegü? Tus χan-duriyen γar gürgegsed haran-i, uruγ-a ano gürtele, mökörigülütkün!» kemen ǰarliγ bolba. Mün J̌amuχa-in ile, ima-i γardaγsan haran-i mökörigülǰü ögba. Činggis-χaγan J̌amuχa-da ügüle kemen ügülerün:

«Edöge bida χoyar χamtudba: nököčeya!
Öregele kilgün bołułčaǰu aasu,
Ögermičilen χaγačan sedkimü či?
Edöge niken-e χamtu aǰu,
Umartaγsan-iyan duradχałduǰu,
Umtaraγsan-iyan serigülülčeǰü aya!
Ögere ber anggida yabubasu,
Ölǰetü χutuγtu anda mino bülege.
Ünen üküldüküi üdür
Öre ǰürüge-ben ebedgü bülege či.
Anggida ber ögere yabuasu,
Ałałduχui üdür —
Aγušigi ǰürüge-ben ebedgü bülege či.
Keli kemeesü?
Kereid irgen-lüge,
Xara-χałǰit eled-te,
Xadχułduχui-tur,
Ongχan ečige-de
Ügülegsed üges-iyen seregülǰü
Ilegsen tusa čino biǰe.

Basa Naiman irgen-i
Üge-er ükügüljü,
Ama-ar ałaju,
Ayuγułaγsan-iyan
Adalidχatuγai kemejü,
Kele ilegsen čino
Tusa bołjuui je!»

kemen.

§ 201. ügüleesü, Jamuχa ügülerün:

«Erte üdür, üčüged čaγ-tur,
Xorχonaγ-jubur-a,
Ülü šinggeküi idege ideldüjü,
Xan anda-łuγa anda kemeldürün,
Ülü umartaχui üges ügüleldüjü,
Gönjile-degen
Xaγałdaju aγdajuu je!
Köndöledü-de kökigüldejü,
Xałjiryu-da χadχuγdaju,
Xaγačan baraju:
Γadaγatu üges ügüleldülege! kemen,
Xara niγur-iyen
Xaγułdaχui-ača
Xalidun yadan,
Xan anda-iyan
Xałaγun čirai üjen yadaju
Yabuba je bi!
Ülü umartaχu üges
Ügüleldülege! kemen,
Hułaγan niγur-iyen
Übčigdekui-eče
Urtu sedkiltü anda-iyen,
Ünen čiraï üjen yadaju
Yabuba je bi!
Edöge χan, anda mino,
Soyurχaju, nama-i
Nököčeya kemejüüi.
Nököčeküi čaγ-tur
Ese nököčeldüba bi,

Edöge anda
Toγoriγai ułus-i
Tübšidkeba.
Xari-tutum-i
Xamtudχaba či.
Xan oron čima-dur joriba.
Delegai edöge
Belen bołuγsan-tur,
Nököčejü yaγun tusa bołχu bi?
Munda anda-in χara süni-nö
Jaudum-tur čino oroχu bi.
Gegegen üdür-ün sedkil čino
Jobaγaχu bi.
Jaχa-in čino bögesün,
Jaking-un čino örügesün
Bołχu bi.
Arbin emegetü bülege bi.
Anda-ača ałus-i sedkigü bołun,
Ałjias bołdaba bi.
Edöge ene törelki-tür
Anda ba χoyar-un
Uryuχui naran-nača
Šinggekü naran-tur gürtele
Nere mino gürba je.
Anda sečen eke-tü,
Törülki külüg torejü,
Erdemten degü-ner-tü;
Örlüg-üd nököd-iyer-iyen,
Dałan γurban aγtas-iyar-iyan bolju,
Anda-da hülegdeba je!
Bi bürün eke ečige-deče
Üčügan χočorču,
Degü-ner ügeigü.
Eme mino domoγči!
Itegel ügeigü nököd-tü...
Tegüber Tenggeri-eče jayaγatu
Anda-da hülegdeba je.
Anda soyurχaasu,
Nama-i ötör nögčegesü,

Anda jürüge-ben
Amumu je či!
Anda soyurχaju ałaγułurun,
Čisu ülü γarγan ałaγul!
Üküjü gebteesü,
Ölüg yasun mino
Ündür Etügen-tür egüri turuγ,
Uruγ-un uruγ-a čino gürtele
Iheejü ögsü,
Hirüger bołuyu je bi!
Ügülegsen üges mino
Ülü umartan,
Üde manaγar duradču,
Ügüleldütkün ta!
Edöge nama-i ötörletügai!»

kemen ügüleesü, edeger üges-tür ino Činggis-χaγan ügülerün: «Anda mino anggida ber yabuju, bidan-tur aman dügüren kelelejü, amin-tur χor sedkijü-i ino ese sonosdaba je. Surdaχu güün bülege. Mün ülü bołumui. Ükügülüya kemeesü tölge-tür ülü oromui. Šiłtaγan ügei amin-tur χor kiesü ülü jokimui: kündü mörtü güün bi. Ene maγa šiłtaγan ino ügületkun: Erte Joči-Darmała Taičar χoyar-un aduγu-ban degermedülčegsen-ö tula Jamuχa anda, či buruγuya bułχa köitčü irejü, Dałan-bałjud-ta χadχulduju, Jerene-χabčiγaya χorγoju, nama-i tende ese-ü ayuγułuγa či? Edöge nököčeya kemeesü, ülü bołuyu. Amin čino χairaasu, ese bołba či! kemen ügületkun. Edöge čino üge-ber čisu ülü γarγan nögčigetügai kemen ügüle!» kemeged, «Čisu ülü γarγan nögčigejü, Yasu ino ile bu getkün, sayitur baritχun!» kemen jarliγ bołba. Jamuχa-i tende nögčigejü, yasu ino bariγułba.

§ 202. Tedüi sisgai toγuγatu ulus-i šiduγudχaju, Bars jil, Onan-no terigün-e χuriju, yesün költü čaγaγan tuγ bayiγułuγad, Činggis-χaγan-na χan nere tende ögba. Muχali-da Go-vang nere tende ögba. Jebe-i Naiman-no Güčülüg-χan-i nekegülun tende gü jaγuraγułba. Mongγoljin ułus-i jibšiyerün baraju, Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Ułus bayiγułčan yabułduγsad ta mingγan mingγałaju, mingγad-un noyad tüsijü, soyrχał üge ügülesü!» kemen jarliγ bołba. Mingγad-un noyad tüšin nereidürün: 1) Münggliečige; 2) Boorču; 3) Muχali-Gö-wang; 4) Xorči; 5) Ilügai; 6) Jürčedai; 7) Xuman; 8) Xubiłai; 9) Jelme; 10) Tüge; 11) Degai; 12) Tołoan; 13) Onggür; 14) Čülgetai; 15) Boroχuł; 16) Šigiχutuχu; 17) Güčü; 18) Kököčü; 19) Xorγosun; 20) Hüsün; 21) Xuyiłdar; 22) Šilügai; 23) Jetai; 24) Taχai; 25) Čaγaan-γoa; 26) Ałaγ, 27) Soryan-Šira;

28) Bułuγan; 29) Xaračar; 30) Kökö-Čos; 31) Süketü; 32) Nayaa; 33) J̌ungsu; 34) Güčügür; 35) Bała; 36) Oronartai; 37) Dair; 38) Müge: 39) Buǰir; 40) Münggüür; 41) Doloadai; 42) Bögen; 43) Xudus: 44) Marał; 45) J̌ebke; 46) Yuruχan; 47) Kökü; 48) J̌ebe; 49) Udutai; 50) Bała-čerbi; 51) Kete; 52) Sübeetai; 53) Müngkö; 54) Xałja: 55) Xurčaχus; 56) Geügi; 57) Badai; 58) Kišliγ; 59) Ketai; 60) Čauγai: 61) Unggiran; 62) Toγoan-Temür; 63) Megetü; 64) Xadaan; 65) Moroχa; 66) Dori-Buχa; 67) Iduχadai; 68) Širaχul; 69) Daγun; 70) Tamači; 71) Xauran; 72) Ałči; 73) Tobsaχa; 74) Tuŋgχuyidai; 75) To-Buγa; 76) Ajinai; 77) Tüideger; 78) Sečaour; 79) J̌eder; 80) Olar-güregen; 81) Kinggiyadai Buχa-güregen; 82) Xurił; 83) Ašiγ-güregen; 84) Xadai-güregen; 85) Čigü-güregen; 86) Ałči-güregen; 87, 88, 89) γurban mingγad unggirad; 90) Butu-güregen; 91, 92) χoyar mingγad ikires; 93) Onγud-un Ałaχuš-digitχuri-gürgen; 94, 95, 96, 97, 98) Tabun mingγad Ongγud,— hoi-in irgen-eče anggida, Mongγol ułus-un mingγad-un noyad-i Činggis-χaγan-no nereidügsen yeren tabun mingγad-un noyad bolba.

§ 203. Güreged-lüge niken-e. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bolurun, edöge nereidügsed yeren tabun mingγad-un noyad-i mingγan tüšiged bürün, tere dotora Činggis-χaγan ǰarliγ bolurun; «Tusatan-a soyurχał ögsü kemen, Boorču, Muχali terigüten noyad-i iretügai!» kemeküi-tür, ger dotora Šigi-χutuχu bülege. Urira od kemen Šigi-χutuχu-da ügüleesü, Šigi-χutuγu ügülerün: «Boorču Muχali tan —

Ken-eče hülegü tusa kilege?
Ken-eče hülegü güčü ögülege?
Yaγun-dutaγu tusa ese bołułaγa?
Yaγun dutaγu güčü ese ögülege bi?
Ölegaitai büküi-eče
Ündur bosoγa-tur čino
Erigün-tür edüi saχał uryutała öščü
Ögere ese sedkiba je bi.
Ała-tur šigegte-eče
Ałtan bosoγa-tur čino aju,
Aman-tur saχał edüi uryutała ösču,
Ałjiyas ese getkiba je bi.
Köl-düriyen kebtegüljü,
Köüčilen ösgeba je nama-i.
Dergede-en kebtegüljü
Degüčilen ösgeba je nama-i!

Edöge nada yambar soyurχaɬ ögümü?» kemeǰüü. Tere üge-tür Činggis-χaγan Šigi-χutuχu-da ügülerün: «J̌irγoduγar degü busu-u či? Oroču degü-degen, čimada, soyurχaɬ degü-ner-ün χubi-yar χubiɬaɬdu. Basa tusas-un čino tuɬa yesün aɬdaɬ-tur bu aɬdatuγai!» kemen ǰarliγ bolba. Müngke Tenggeri-de iheegdeǰü, gür uɬus-ı ǰüglegüljü bükü-tür, či —

Üǰegü-in nidün,
Sonosχu-in čikin

bolǰu, gür ulus-i Eke-de, Bidan-a, Degü-ner-e, Köüd-te χubi irgen-ö nere-er isgai tuγuryatan-i (č)iričegüljü, χabdasun egüde-ten-i χaγačaγuɬǰu χubiɬaǰu ög! Ken ber čino üge buši bu boɬγatuγai! kemen ǰarliγ bolba,— Basa Šigi-χutuχu-i: «Gür uɬus-un χuɬaγai-i kesegeǰü, χudal-i moχaγaǰu, ükügüldekün yosutan-i ükügül, aɬdaγuɬdaχum yosutan-i aɬdaγuɬ! kemen Gür Degere-in J̌aryu tüšiba. Basa Gür irgen-ö χubi χubiɬaγsan-i, ǰaryu ǰaryuɬaγsan-i Kökö Debter bičig bičiǰü debterleǰü, uruγ-un uruγ-a gürtele Šigi-χutuχu-in Natur eyetüǰü yosuɬaǰu kökö bičig čaγaan čaarsun-tur debterlegsen-i bu yegütketügai. Yegütkekün haran aɬdaɬtan boltuγui!» kemen ǰarliγ boɬba. Sigi-χutuχu ügülerün: «Mino metü oroču degü sačaγu denggečen χubi ker abχu? Soyurχaasu, široai yoγurχatu baɬaγasun-ača öggü-i χaγan-no Soyurχaɬ medetügai!» kemen öčiǰüü. Ene üge-tür. «Öberün beyeben či čaγɬaba, či mede!» kemeba. Šigi-χutuχu öber-iyen tein soyurχaγuɬun baraǰu γarču Boorču Muχali tan noyad-i uriǰu oroγuɬǰuu.

§ 204. Tende Činggis-χaγan, ǰarliγ bolǰu, Münglig-ečige-de ügülerün

«Töregü-lüge
Töreldügsen,
Ösgu-lüge
Ösülčegsen,
Ölǰeitü χutuγtu či!»

«Tusa iheel čino kedün ber aǰuγu je! Tere dotora: Ongχan-ečige Sanggünanda χoyar nama-i aryadan uriγsan-tur, aisurun ǰaγura Münglig-ečige-in ger-tür χonoasu, Münglig-ečige či ese idχaasu,

Huyarun bükü usun-tur,
Huɬaɬun bükü γaɬ-tur —

oroγdaγai bülegai je! Tere tusa-i sai sedkiǰü uruγ-un uruγ-a gürtele ker umartaγdaχu? Tere tusa sedkiǰü edöge saγuri ene nou huǰaur-a saγuɬǰu, hon-tur sataǰu öglige soyurχal čimada ögsü, mariyan asuγai, uruγ-un uruγ-gürtele!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 205. Basa Činggis-χaγan Boorču-da ügülerün: Üčügan čaγ-tur siryа aγtatan naiman morid degermedteǰü, ǰaγura γurban χonoǰu nekeǰü aisuχui-tur ǰoɬγaɬduba je. Či tende ügülerün: Mungtaniǰu aisuχui nökür-tür nökö-čeldüsü! kemen, ger-tür ečige-düriyen ber kelen ügeigü, gegü-ben saγan arun, nambuγa saγuɬγa-ban kegere bürgüǰü, Mino oγotur χongγor-i taɬbin γuɬǰu, Nada oroγ šingχuɬa-i unoγuɬǰu, či öbesün χurdun χubi-i unoǰu. aduγu-ban eǰen ügei taɬbiǰu yaγa:aǰu, kegere-eče büed nama-ɬuγa nökö-čeǰü, basa γurban χonoγ nekeǰü, širγa aγtatan-i degermedügsen güregen-tür gürüesü, güreen-ö kiǰiγar-a bayiχun-i degermedün hüldeǰü dutaγaǰu ači-raba je bida χoyar. Ečige čino Naχu-Bayan aǰuγu. Či, γaγča köün ino, yaγu medeǰü Nadur nökökegü bülege? Sedkil-ün külüg-iyer nökökeba je či! Tegün-ö χoina sedkiǰü yabuǰu, Bi Belgütai-i ileǰü nökökeya kemebesu. či

Bökötür χongγor-i unoǰu,
Boro örmöge-ben böktürčü.

nökökeu ireesü, γurban Merkid hidan-tur ireǰü, Burχan-ni γurbanta χučі-γulχui-tur, χučiɬduba je či. Basa tegün-ö χoina Tatar irgen-tür Dałan-nemürges-te šitügeldüǰü χonoasu, χura üdür süni ürgülǰi ǰüserekü-tur, süni nama-i noir atuγai kemen, nemürge-ben nemürügseger, Mino degere χura ülü čuburiγuɬun, süni daγustaɬa bayiǰu, öregele köl-iyen γaγčan-da yegüdkeǰü bülege či. Külüg-ün čino belge aǰuγu je! Tegün-eče busu ali külüg-i čino ügüleǰü daγusγu? Boorču, Muχali χoyar

J̌öb Mino yabutaɬa ǰigtüǰü,
Buruγu-i Mino bayitaɬa idχaǰu —

ene Oron-tur gürgeba. Edöge bürin-ö degere saγuri saγuǰu, yesün ałdaɬ-tur bu ałdatuγai! Boorču baraγun γar-un Ałtai derelegün-ö tümen medetügai!» kemen ǰarliγ bołba.

§ 206. Basa Muχali-da Činggis-χaγan ügülerün: «Bida Xorχonaγ-jubur-un Xutuɬa-χan-no debsegü saγɬar modun-a bayuasu, Muχali-da Teng-geri-in ǰaarin ǰaaγsan üge temdeg-ün tuɬa, Bi tende Güün-γoa-i sedkiǰü, Muχali-da üge baraɬuγa. Tegüber saγuri degere saγuǰu, Muχali-in uruγ-un uruγ-a gürtele Gür irgen-ö Gö-Vang (Ong) bołtuγai!» kemen Gö-Vang nere ögba. «Muχali Gö-Vang ǰegün γar-un Xaraun-ǰidun-i derelegün-ö tümen medetügai!» kemen ǰarliγ bołba.

§ 207. Činggis-χaγan Xorči-da ügülerün: «J̌öngleǰü Nama-i üčügan büküi-eče eǰiye turuγ

Noitan nobšilduju (nošilduju),
Köiten kobšilduju (košildüjü),
Nengdü χutuγ bołju,
Yabuba je či!

Xorči tere čaγ-tur ügülerün: Jöng jöb bołuasu, Tenggeri-de sedkil-tür gürgegdeesü, nama γučin emestü bołγa kemelege či. Edoge job tuła soyurχaju, ede oroγsad irgen-ö sain eme-i sain oki üjejü, γučin emes soongγuju ab(a)!» kemen jarliγ bołba. Basa: «Xorči γurban mingγad Baarin-o degere Taχai Ašiγ χoyar-łuγa Adarkin-o Činos, Tooles, Telenggüd bolun tüme dügürčü, Xorči medejü, Erdiš-i χudus Hoi-in irgen-tür gürtele nuntuγ darχałan nuntuγlaju, Hoi-in irgen-i daruγułun, Xorči tümen medetügai!» kemen jarliγ bołba. «Xorči-dača eye ügeigü Hoi-in irgen ein tein bu yabutuγai. Eye ügegü yabuχu-i yaγu sayaraγdaχu?» kemen jarliγ bołba.

§ 208. Basa Cinggis-χaγan Jürčedaya ügülerün: «Erkim tusa čino: Kereid-łuγa Xara-χałjit eled χadχułduχui-tur, herüjü büküi-tür, Xuyiłdar anda aman ałdaba je. Üile ino Jürčedai či üiledba je. Üiledürün, Jürčedai či dobtułju, Jirgin-i, Tübegen-i, Dungχaid-i, Xuri-Šilemün-i, mingγan turχaud-i erkid čerig-üd-i bügüde-i daruju, Yeke γoł-tur gürčü, Sanggüm-ün enggesge χačar učumaγ χarbuγsan-o tuła, Müngke Tenggeri-de egüden jiłoγa negegdeba je. Sanggüm-i ese širχaγsan bögesü, yambar maγa bołχun bülegai bida? Jürčedai-i erkim yeke tusa tere bołba je. Tere χaγačaju, Xałχa huruγu nögürün, Jürčedai-i ündür aγuła-in nemüre metü sedkijü yabuχu bülege bi. Tere odču, Bałjuna-naγur usułara gürba je. Jiči Bałjuna-naγur-ača moriłarun, Jürčedai-i ałginčiłaju, Kereid-tür moriłaju, Tenggeri γajar-a güčü nemegdejü, Kereid irge muχudχaju daγuliba. Erkid ułus ončałdaju, Naiman Merkid čirai-ban χuγuraju, bayiłdun yadaju busangγaγdaba je. Merkid Naiman-i busangχui soor-tur Kereid-ün Jaχa-Gambu jirin ökiduen šiltaγ-iyar öberün χariyatan ułus-iyar-an tumutaχa aγsanajuγu je. Nökögete dayisun bołun χaγačaγsan-i Jürčedai üdüjü, aryа-bar Jaχa-Gambu-i χaγačan baraγsan-i γartaju bariju bütügejüü je. Tere Jaχa-Gambu-in ułus-i nökögete ülüdkan tałaba. Jyrčedai-in nököge tusa ino ene bi je!

Ałałduχui üdür
Ami-yan öregsen-ö tuła,
Üküldüküi üdür
Ölmüregsen-ö tuła —

Činggis-χaγan Ibaχa-beki-i Jürčedaye soyurχaju ögürün, Ibaχa-da ögülerün: Čima-i

Ülge-čegeǰi ügegüi,
Üǰesküleng taɬa mayui —

ese kemeba je bi. Ebür-tür, köl-tür oroγsan, ǰerge-tür ǰergelen bayuγsan cima-i J̌ürčedaye soyurχarun, yeke Töre sedkiǰü, J̌ürčedai-in

Xadχuɬduγan üdür
Xaɬχa boɬuγsan-o,
Dayisun güün-tür
Daɬda boɬuγsan-o,
Xaγačaγsan uɬus
Xamtudχaγsan-o,
Butaraγsan uɬus
Bügüdgeldügsen tusas-un ino,

Töre sedkiǰü čima-i ögba. Mono χoina, Mino uruγ Bidan-o Oro sayuǰu, ene metü tusa kigsen, Töre sedkiǰü, Mino üge buši üɬü boɬγan, uruγ-un uruγ-a gürtele, Ibaχa-in oro bu tasuɬtuγai!» kemen ǰarliγ boɬba. Basa Činggis-χaγan Ibaχa-da ügülerün: «J̌aχa-Gambu ečige čino čimada χoyar ǰayud inǰes čimada Ašiγ-Temür bayurči, Aɬčiγ bayurči χoyar ögčü bülege. Edöge Uruud irgen-tür či odurun, geriyes-iyen Nada inǰes-eče-en Ašiγ-Temür bayurči-en niken ǰayun-i ögčü od!» kemeǰü abua. Basa Činggis-χaγan Jürčedaye ügülerün: «Ibaχa-iyen čimada ögba. Dörben mingγad Uruud-iyen či medeǰü ülü-ü aχu či?» kemen soyurχaǰu ǰarliγ boɬba.

IX

§ 209. Basa Činggis-χaγan Xubiɬaya ügülerün:

«Güčütü-in —
Güǰügün,
Bökö-in —
Bögse daruǰu

ögba je či! Ede Xubiɬai, J̌elme, J̌ebe, Sübeetai ta dörben noχas-iyen sedkigsen-tür ǰoriγuɬǰu (ǰaoriuɬǰu) ileesü,

Gür kemegsen-tür
Gürü kemkelün,
Ɣar kemegsen-tür
Xada χaγaɬun,
Čaogen čiɬaun-i čaouɬun (čoγurun)
Čeel usun-i nituɬun

abai je ta! Xubiłai, J̌elme, J̌ebe, Sübeetai ta dörben noχas-iyen joriγsan γajar-a ilejü, Boorču, Muχali, Boroχuł, Čiłaun-Baγatur ede dörben külügüd-iyen dergede-en aasu, χadχułduγan üdür bołuasu, Jürčedai Xuyiłdar χoyar-i Uruud Mangχud-iyaran urida-an bayiγułuasu, bügüde sedkil-iyen amuχu bülege bi! kemeba. Či, Xubiłai, čerig-ün üile bügüde-i aχałaju ülü-ü aχu?» kemen soyurχaju jarliγ bołba. Basa: Bedüün-o mojirχaγ-un tuła, bi maγuiłaju yabuju mingγan ese ögba. Či imada jöb bi je. Čima-łuγa mingγałaju eyetüldüjü yabuγdaχu! kemeba. Basa: Mono χoina Bedüün-i uχat je Bida! kemeba.

§ 210. Basa Činggis-χaγan Genigedai Xunan-a ügülerün: «Ta, Boorču Muχali terigüten noyad, ta, Dodai Doχołχu tan čerbin-e ene Xunan

Xara süni —
Gendü čino,
Gegeen üdür —
Xara keriye bołju,
Nögüküi-tür
Ese ünjigsen,
Ünjiküi-tür
Ese nögügsen,
Busu güün-lüge
Buši niγur ese jübčigsen,
Öšitü güün-lüge
Ögere niγur ese jübčigsen.

Xunan Kökö-Cos χoyar-ača eye ügegü bu üyiletkün! Xunan Kökö-Čos χoyartur eyetüjü üyiletkün!» kemen jarliγ bołba. «Köüd-ün Mino aχa Joči bi je. Xunan Geniges-iyen terigülejü, Joči-in doro tümen-ö noyan bołtuγai!» kemen arliγ bołba. Xunan Kökö-Čos Degai Usun-ebügen ede dörben

Üjegsen-iyen
Ülü niγun,
Sonosuγsan-iyen
Ülü χa! čiχun bülege.

Ede dörben bi je.

§ 211. Basa Činggis-χaγăn J̌elme-de ügülerün: J̌arčiudai-ebügen güregeben ürčü J̌elme ölegai-teeče Burχan-χałdun-ača baγuju irerün, Onan-no Deligün-bołdaγ-a nama-ï törekü-tür, bułγan nelke ögčü bülegai.
Tere nököčegseger

Bosuγa-in
Boγoł,
Egüden-o
Emčü bołba je.

Jelme-in tusa ino ołon bi je.

Törekü-lüge
Töröldügsen,
Ösküi-lüge
Ösülčegsen,
Bułγan nelke hujaurtu,
Öljetü, χutuγtu Jelme,
Yeüsn ałdaasu,
Eregü-tür bu orotuγai!»

kemen jarliγ bołba.

§ 212. Basa Činggis-χaγan Tołun-a ügülerün: «Ečige köün öremingγa ker medegülülege či? Ułus χuriyałdun ečige-deče öröle jiür bołun jigtüldüjü ułus χuriyałduγsan tuła čerbi nere ögba je. Edöe öerün öłuγsan jöegsen-iyer-iyen öerün mingγa bołju Turuχan-tur eyetüldüjü ülü-ü aχu či?» keen jarliγ bołba.

§ 213. Basa Činggis-χaγan Önggür baourči-da ügülerün: «Turban Toχuraut, tabun Taryud, Münggetü Kiyan-o köü, či Önggür, Čangšiud Bayaud-iyar, ta nadur niken güreen bołju, či Önggür

Budan-tur —
Ese tooriba je či,
Bułχa-tur —
Ese χaγačaba je či.
Noyitan —
Nobšilduju,
Köyiten —
Köbšiłdüjü yabuba je či!

Edöe yambar soyurχal abχu či?» keeesü, Önggür ügülerün: «Soyurχał soongγuuluasu, Bayaud, aχa deü mino, χari χari tutum-tur bura tara bui. Soyurχaasu, Bayaud, aχa deü-iyen čiułγasuγai!» keeesü: «Je, teyin! Bayaud, aχa deü-iyen čiułγaju či mede, mingγan!» keen jarliγ bołba. Basa Cinggis-χaγan jarliγ bołurun: «Önggür Borouł χoyar baraun jaoun eteet ta χoyar baourčin ideen tukeerün, baraun eteet bayiγsan sauγsan-a ülü dutaułun,

jaoun eteet jergelegsen esegsen-e ülü dutauɬun, ta χoyar-i teyin tugeeesü, mino χooɬai ülü χučin sedkil amuyu. Edöe Önggür Borouɬ χoyar moriɬaǰu yabuǰu idee olon güün-e tugeetkun!» keen jarliγ bolba. «Saun saurun Yeke Tüsürge-yin baraun jao:n eteet idee basaaɬaǰu sautχun! Toɬum-tan-ɬua tüblen sautuγai!» keen saurin jiaǰu ögba.

§ 214. Basa Činggis-χaγan Boroχuɬ-a ügülerün: «Eke mino Šigi-χutuχu, Boroχuɬ, Güčü, Kököčü ta dörben-ni irgen-o nuntuγ-ača

Köser-eče oɬǰu,
Köl-dür-iyen dürüǰü,
Köüčilen asaraǰu teǰierün,
Güǰüün-eče tano tataǰu,
Güün-lüe saačaun boɬγaǰu;
Egem-eče tano tataǰu,
Ere-lüe sačaun boɬγaǰu,

köüdüen mana nökör seüder boɬγasu, keen, teǰiyebe je. Tani teǰiyegsen hači-ban eke-de maγa mino kedüi hači tusa χariuɬba ta! Boroχuɬ nadur nököčeldüǰü,

Xurdun ayan-tur
Xura süni
Xoosun ese χonouɬba je či!
Šitüeleldüǰü bükü dayisun-tur
Šülen ügei ese χonouɬba je či!

Basa ebüges ečige-yi baraγsad öšiten kišiten Tatar irgen-i doroyidauɬǰu, ösül ösün, kisal kisan, Tatar irgen-i čiun-tur üliǰü ülitkan kiduχui-tur aɬaγ-darun, Tatar-un Xargil-Šira, ourčaγ bolun γarču, jiči yadaǰu ölösčü oroǰu ireǰü, eke tür ger-te oroǰu: «Sayi eriülsün buyu bi!» keeǰü, sayi eriülsün böeṣü, tende sau! keegdeǰü, höreneǰi iseri-yin aɬaun-a üǰüür-e sauǰu bükü-tür, Toɬui tabun nasutu γadan-ača oroǰu ireǰü, jiči güyiǰü γarču odun bükü-yi Xargil-Šira bosuad, köüken-i suu-dur-iyen χabčiju, γarču yabuǰu ayisurün, kituγai-ban temteljü juγuɬun yabuχui-tur, Boroχuɬ-un gergai Aɬtani eke-yin ger-tür dorona sauǰu bülege. Eke χayiɬaǰu — köün baraba! — keekü-lüe, Aɬtani udaaraɬdun güyiǰü γaruɬčaǰu, Xargil-Šira-yin χoyinača güyičeǰü, šibilger ino bariju, nököe γar-iyar-iyen kituγai juγuɬun bükü γar ino bariju tataχui-ɬua, kituγai ban aɬdaǰuui. Ger-ün ümer-e J̌etai J̌elme χoyar muχuɬar χara hüker telen aɬaǰu bükü-tür, Aɬtani-yin daoun-tur J̌etai J̌elme χoyar süke bariju noduryas-iyen huɬaadaǰu güyiǰü ireǰü, Tatar-un Xargil-Šira-yi süke-ber, kituγai-bar mün tende aɬaǰuui. Aɬtani

J̌etai J̌elme γurban köün-o amin aburaγsan ǰuldu temečeɫduesü, J̌etai J̌elme χoyar ügülerün: Mani ügei böesü, ötör güyiǰü ese ałaasu, Ałtani eme güün yekin bülege? Koün-o amin-tur χor gürgegü bülege! J̌uldu manoi bü ǰe! keeba. Ałtani ügülerün: Mino daoun ese sonosuasu, ta ker irekün bülegai? Namayi güyiǰü güyičeǰü, šibilger ino bariǰu, kituγai ǰuγuɫuγsan γar ino tataǰu, kituγai ese ałdaγsan böesü, J̌etai J̌elme χoyar-i gürčü iretele, köün-o amin-tur χor ülü-ü gürgegü bülege? keeba. Ügülen baraasu, J̌uldu Ałtani-yin boɫba. Boroχuɫ-un gergai Boroχuɫ-tur nököe kilgün boɫun, Toɫui-yin amin-tur tusa boɫba. Basa Boroχuɫ Kereyid-ɫua Xara-χaɫǰid-eled χadχuɫduχui-tur, Ögödai suǰasu-ban sumun-a tusdaasu, unaasu, Boroχuɫ deere baouɫduǰu χaχuγsan čisun ino amaar-iyen šimiǰü, süni χonoɫduǰu, manaγarsi morin-tur unouɫǰu, saun yadaχu-yi sunduɫaǰu, Ögödaiyin χoyinača teberiǰü, böglegsen čisun šimin šimin, aman-o ǰabaǰi-iyar huɫaadaǰu, Ögödai-yin amin esen gürgeǰü ireǰü bülege. Eke-yin mino teǰiyen ǰobaγsan bači χoyar köŭd-ün mino amin-tur tusa boɫba ǰe! Boroχul nadur nököčeǰü,

Darbaan uriya-dača,
Daoun dem-eče —

ese χoǰidaba ǰe. Boroχuɫ yesün ałdaɫ ałdaasu, bu ałdatuγai!» keen ǰarliγ boɫba.

§ 215. Basa ökin uruγ-iyen soyrχal ögüya! keeba.

§ 216. Basa Činggis-χaγan Usun-ebügen-e ügülerün: «Usun, Xunan, Kökö-Čös, Degai-ede dörben-üǰegsen-iyen, sonosuγsan-iyen, ülü niun χabčin, ǰian aχun bülegai. Mongγoɫ-un Töre Noyan mör Beki boɫχuì yosun aǰuui. Baarin aχa-yin uruγ bülegai. Beki mör bidano dotora Deere-eče. Beki Usun-ebügen boɫtuγai! Beki ergüed,

Čaγaan deel emüsčü,
Čaγan aγta unouɫǰu,
Sauri deere saulǰu takiǰu, —

basa hon sara sataǰu teyin atuγai!» keen ǰarliγ boɫba.

§ 217. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Xuyiɫdar anda χadχuɫduan-tur ami-iyen öreǰü, urida aman neegsen-no tusa-yin tuɫa, uruγ-un uruγ-a gürtele önöčid-ün abliχa abun atuγai!» keen ǰarliγ bolba.

§ 218. Basa Činggis-χaγan Čaγan-γoa-yin köün Narin-Toorił-a ügülerün: «Ečige čino Čaγan-γoa mino emüne kičiyeǰü χadχuɫduǰu boɫun, Daɫan-baɫǰud-ta χadχuɫduχui-tur, J̌amuχa-da ałaγdaɫua. Edöe Toorił ečige-yüen tusa önöčid-ün abliχa abtuγai!» keegdeǰü, Toorił ügülerün: «Soyurχaasu, Negus aχa deü mino χari tutun bura tara bi. Soyurχaasu,

Negüs aχa deü-yüen čiuɬγasuγai!» keeesü, Činggis-χaγan jarlıγ bołurun: «Teyin böesü, Negüs aχa deü-iyen čiuɬγaju, či uruγ-un uruγ-a gürtele medejü ülüü aχu?» keen jarliγ bołba.

§ 219. Basa Činggis-χaγan Soryan-Šira-da ügülerün: «Namayi üčügan čaγ-tur, Tayičund-un Taryutai-Kiriltuγ aχa deü-de nayitaju bariasu, tende aχa deü-deen nayitaγdamu, keen, Soryan-Šira, Čiłaun Čimbai köüd-iyer-iyen asaraułju niuju aju, namayi tałbiju ileba je ta. Tere tusa sayin-i tano sedkijü;

Xara süni — jaoudun tur,
Gegeen üdür — čeeji-tür

sedkijü yabuba je bi! Ta je nadur Tayičiud-ača udaan-a' ireba je. Edöe bi tan-i soyuryaasu, yambar soyuryal taałaχun ta?» keeba. Soryan-Šira, Čiłaun Čimbai köün-iyer-iyen bołun, ügülerün: «Soyuryaasu, nuntuγ daryałasu! Merkid-ün γajar Selengge-yi nuntuγłaju daryałasu. Basa busu soyuryał Činggis-χaγan medetügai!» keeba. Teün-tür Činggis-χaγan ügülerün: «Merkid-ün γajar Selengge-yi nuntuγłaju nuntuγ ba daryałatχun gü uruγ-un uruγ-a gürtele χorčiłaułju, ötögleüljü daryałatχun! Yesün ałdał-tur ereütür bu orotuγai!» keen jarliγ bołba. Basa Činggis-χaγan Čiłaun Čimbai χoyar-i soyuryarun: «Erte Čiłaun Čimbai χoyar-un ügülegsen üges sedkijü ker χandaχu? Ta, Čiłaun Čimbai, ta χoyar sedkil-iyen ügülekün böesü, dutaui-ban γuyiχun böesü, jaura güün-e bu keleletkün! Öerün beyer-iyer amaar nadur ta öesüd sedkigsen-iyen keleletkün! Dutau-i-an öesün γuyutχun!» keen jarliγ bołba. Basa Soryan-Šira, Badai, Kišiliγ-ta daryad basa daryałarun:

«Ołon dayisun-tur haoułju,
Ołja ołuasu,
Qłuγsaar abutχun!
Oroa göreesün-tür abałaasu,
Ołoγsaar (ałaγsaar) abutχun!»

keen jarliγ bołba. Soryan-Šira keeesü, Tayičiud-un Todege-yin haran ajuui je. Badai Kišiliγ χoyar keeesü, Čeren-ö aduučin ajuui je. Edöe mino turuγ χorčiłaułju, ötögleüljü daryałan jiryatχun! keen jarliγ bołba.

§ 220. Basa Činggis-χaγan Nayaa-da ügülerün: «Širyotu-ebügen, Alaγ Nayaa köüd-lüe-ben tan-łua, Taryutai-Kiriltuγ-i bidan-tur barijn ayisurun, jaura Xutuχuł-noud-a gürčü, tende Nayaa ügülerün: Tus χan-iyen ker tebčijü bariju odχun bida? keejü, tebčin yadaju tałbiju ilejü, Širyotuebügen Ałaγ Nayaa köüd-lüe-ben irejü, tende Nayaa biljiur ügülerün: Tus

χan-iyen Taryutai-Kirilтuγ-i γartaǰu ayisurun, ǰiči tebčin yadaǰu, talbiju iǰeǰü, ba Činggis-χaan-a güčü ögüre ireba. Xan-iyen γartaǰu ireesü, tus χan-iyen γartaγsad haran mönö χoyina ker itegdekün ede keegdekün! keeǰüü. Xan-iyen tebčin yadaba keeesü, tende tus χan-iyen tebčin yadaγsan Yosu Yeke Töre-yi sedkiǰüüi! keen üge ino ǰöbšiyeǰü, niken üyile-tür tüsiye keelegai. Edöe Boorču-da baraun γar-un tümen medetügai! Muχali-da Guo-wang nere ögčü, ǰaoun γar-un tümen medeülba. Edöe Nayaa tüb-ün tümen medetügai!» keen ǰarliγ bolba.

§ 221. Basa: «J̌ebe Sübeetai χoyar öerün oluγsad ǰoegseer-iyen mingγalatuγai!» keeba.

§ 222. Basa Degei χoniči-da bügdeül-i čiulγaǰu mingγa medeülba.

§ 223. Basa Güčügür moči-da irge tutaγdaǰu, endeče tendeče χubčiju, J̌adaran-ača Mulχalχu jüg-iyer nökočelüge. «Güčügür Mulχalχu χoyar niken-e mingγalaǰu eyetüldüǰü atχun!» keeba.

§ 224. Ulus bayiulultčaγsad ǰobolduγsad-i mingγad-un noyad bolγaǰu, mingγa mingγalaǰu, mingγad-un ǰaud-un harbad-un noyad tüšiǰü, tümen tümeleǰü, tümed-ün noyad tüšiǰü, tümed-ün mingγad-un noyad-ta soyurχal ögtekün metüs-e soyurχal ögčü, soyurχal ǰarliγ bolχun-a bolǰu, Činggis-χaγan ǰarliγ boluruu: «Urida nayan kebteülsütü, dalan turχaγ kešigten tü bülege. Edöe müngke tenggeri-yin güčün-tür, tenggeri-γaǰar-a güčü aoγa nemegdeǰü, gür ulus-i šiduryudχaǰu, γaγča ǰilua-dur-iyen oroulуysan-tur, edoe nadur kešigten turχaγ mingγad-ača ilγaǰu oroulutχun! Oroulurun, kebteül χorčin turχaγ oroulurun, tümen düürgen oroulutχun!» keen ǰarliγ bolba. Basa Činggis-χaγan kešigten ilγaǰu oroulχu-yi ǰarliγ mingγad mingγad-ta tungχarun: «Bidan-tur kešigten oroulurun, tümed-ün, mingγad-un, ǰaud-un noyad-un köüd duri-yin güün-o köüd ororun, erdemten šil sayid-i bidan-o dergede yabuχun metüs-i oroultnγai. Mingγad-un noyad-un köüd-i oroulurun, harban nököd-tü, niken deü ino daχaulǰu iletügai. Jaud-un noyad-un köü-i oroulurun, tabun nököd tü niken deü-yi daχaulǰu iletügai. Harbad-un noyad-un köüd-i oroulurun, duriyin güün-o köüd-i oroulurun, γurban nökör tü, niken-gü deü-yi daχaulǰu, hujaur-ača ulaa´ güčü ǰasaǰu iletügai. Bidan-tur dergede yabuulχun-i bekelerün, mingγad-un noyad-un köüd-te harban nököd hujaur mingγan jaun-ača χubčiju ögtügai. Ečige-iyen ögügsen χubi keseg böesü ino, beye γad-iyar oluγsan ǰöegsen ere ayta kedüi böesü ino, emčü χubi-ača anggida bidano kemlegsen kem-iyer χubčiju, teyin χubčiju ǰasaǰu ögtügai. J̌aud-un noyad-un köüd-te tabun nököd, harbad-un köüd-te duriyin güün-o köüd-te γurban nükod, mün-gü yosuar ino, emčü χubi-ača anggida, mün teyin χubčiju ögtügai!» keen ǰarliγ bolba. Mingγad-un ǰaud-un harbad-un noyad olon

güün bidano ene ǰarliγ gürgeülüed sonosuad bürün, dabaχun haran alđaltan bolţuγai. Bidan-tur kešigten oroulđaχun haran, bulđariǰu ülü bolχun haran bidano dergede yabuχui-ban berkešiyeesu, busu-yi oroulǰu, tere güün-i ereüleǰü, nidun-o ečine χolo γaǰar-a ileye!» keen ǰarliγ bolba. Dotona bidano dergede yabuǰu surulčasu keeǰu bidan-tur irekün haran-i bu idχatuγai!» keeba.

§ 225. Činggis-χaan-o ǰarliγ boluγsaar, mingγad-ača ilγaǰu, ǰaud-un harbad-un noyad-un köüd-i mün-gü ǰarliγ — iyar ilγaǰu γarγaǰu ileǰü, urida nayan kebteül bülegai — naiman ǰaud bolγaba. Naiman ǰaud deere mingγa düürgetügai! keeba. Kebteül-tür oroχun-i bu idχatuγai! keen ǰarliγ bolba. Kebteül-i Yeke-Neürin aχalaǰu, mingγa medeǰü atuγai! keen ǰarliγ bolba. Urida dörben ǰaud χorčin ilγaba. Ilγaǰu χorčin-i J̌elme-yin köün Yesüntee aχalaǰu, Tüge-yin köün Bügidai-lüe eyetüldüǰü atuγai! keeba. Turχaud-luγa χorčin keseg keseg-tür orolđurun, Yesüntee niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Bügidai niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Xorχuday niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Labłaχa niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Xor aγsaχuya turχaud-un keseg keseg χorčin-iyen teyin aχalaǰu oroultuγai. Xorči-i mingγan düürgeǰü, Yesüntee aχalaǰu atuγai! keen ǰarliγ bolba.

§ 226. Urida Ögele-čerbi-lüe oroγsad turχaud deere mingγan düürgeǰü, Boorču-yin uruγ-ača Ögele-čerbi medetügai — keeba. Niken mingγan turχaud-i Muχali-yin uruγ-ača Buχa niken mingγan turχaud-i medetügai — keeba. Ilügai-yin uruγ-ača Alčidai-yi niken mingγan turχaud-i medetügai. Niken mingγan turχand-i Dođai-čerbi medetügai, niken mingγan turχaud-i Doχolχu-čerbi medetügai — keeba. Niken mingγan turχand-i ǰürčedai-yin uruγ-ača Čanai medetügai, niken mingγan turχaud-i Alči-yin uruγ-ača Aχutai medetügai, niken mingγan turχaud-i Arχai-χasar mingγan ilγaγsan baatud-i medeǰü, olon üdür tarχaγ bolţuγai. Xadχulđuan üdür urida bayiǰu baatud bolţuγai! keen ǰarliγ bolba. Kebteül χorčin-luγa χoyar-gü mingγad bolba. Tümen kešigten bolba. Činggis-χaγan ǰarliγ bolurun: «Bidano čaada tümen kešigten-i bekeleǰü Yeke γol bolun atuγai!» keen ǰarliγ bolba.

§ 227. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bolǰu, turχaud-un dörben kešiud-ün ötögülegün-i tüširün, «Buχa niken keseg kešigten-i medeǰü, kešigten-i ǰasaǰu orotuγai. Alčidai niken keseg kešigten-i medeǰü, kešigten-i ǰasaǰu orotuγai. Doχolχu-čerbi niken keseg kešigten-i medeǰü, kešigten-i ǰasaǰu orotuγai!» keen, dörben keseüd-ün ötügüs-i tüšiǰü, keseg oroχui ǰarliγ tungχarun, keseg ororun, keseg-un noyan öer-tür-iyen keseglegsed kešigten-i bügütkeǰü, keseg oroǰu γurban χonolđuǰu yeudkeldütügai. Kešigtü güün keseg

hoaraasu, tere keseg hoaraγsan kešigtü-yi γurban beriyes suyituγai. Mün kešigtn basa nököete keseg hoaraasu, doɬoan beriyes suyituγai. Basa mün güün, beye γad öbečin ügei, keseg-un noyad-tur eye ügeü, basa mün kešigtü γurbanta keseg hoaraasu, γučin doɬoan beriyes süyüed, bidan-tur yabuχuiban berkešiyen ajuu. Ečine χoɬo γajar-a ileye, keen ǰarliγ boɬba. Keseüd-ün ötögüs γutaar γutaar keseg-tür ene ǰarliγ kešigten-e sonosχatχun. Ese sonosχaasu, keseüd-ün ötogus aɬdaɬtan boɬtuγai. J̌arliγ sonosuad bürün dabaasu, ǰarliγ-un yosuar keseg hoaraasu, kešigten aɬdaɬtan boɬtuγai, keen ǰarliγ boɬba. Keseüd-ün ötögus aχaɬaγdaba ele keen, sačaun oroγsad mino kešigten-i nadača eye ügei bu hončidutχun. J̌asaγ kündeesü, nada ǰiatχum. Mökörülkün yosutan böesü, bida mökörülüye. NišiγdaXun yosutan böesü, kebteülǰü nišit ǰe. Aχaɬaba ele keeǰü, sačaun kešigten-i mino öerün γar köl gürgeǰü beriyedesü, beriye-yin χariγu beriye-gü, noduryа-yin χariγu noduryа-gü χariγuɬtuγai! keeba.

§ 228. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ boɬun: «Ґadanadus mingγad-un noyad-ača mino kešigtü deere bi ǰe. Ґadanadus ǰaud-un harbad-un noyadača mino kešigtü-yin kötöčin deere bi ǰe. Mino kešigten-tür γadanadus mingγaliγud sačaun boɬǰu denggečen mino kešigtü-tür kereldüesü, mingγaliγudai güün-i ereüleye!» keen ǰarliγ boɬba.

§ 229. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ boɬurun, Keseg keseüd-un noyad-ta ǰarliγ tungχarun: «Xorčin turχaud kesèg oroǰu, üdür-ün yabudaɬ jüg jüg mör mör-tür-iyen yabuǰu, naran-o γaɬtaya kebteül-e ǰayiɬaǰu, γadana γarču χonotuγai. Bidan-tur süni kebteül χonan atuγai. Xorčin χor, baourčin ayaγa saba kebteüle tauɬǰn odtuγai. Ґadana χonoγsad Xorčin, turχaud baourčin bidani šülen idetele kilüe-tür sauǰu, kebteül-tür kelečileǰü, šülen iden baraasu, χorčin χor-tur, turχaγ saurin-dur-iyen, baourčin ayaγa saba-dur-iyen taaraɬdutuγai. Keseg keseg oroχun mün mün yosuar, ene χauli-bar teyin kitügai! keen ǰarliγ boɬba. Naran šinggegsen-o χoyina ordoyin χoyinaun uridaun ketügeljen yabuχu güün-i bariǰu, kebteül bariǰu, χonoǰu, manaγari kebteül üges ino asaγtuγai. Kebteül keseg yeüdkeldürün, belge ano daulǰu oroǰu iretügai. Yeüdkeǰü γarχun kebteül taulǰu-gü γarču odtuγai! keeba. Kebteül süni ordo horčin gebteǰü, eüten daruǰu bayiγsad kebteül süni oroχun haran-i ekid ano dalbaru murus ano bautaɬa čabčiju oorutχun. Yaaral keleten haran süni ireesü, kebteül-tür keleleǰü, ger-ün ümereče kebteül-lüge χamtu bayiǰu keleleültügai! keeba. Kebteül-eče deere sauri ken ber bu sautuγai. Kebteül-eče kelen ügei ken ber bu orotuγai. Kebteül-ün degeün ken ber bu yabutuγai. Kebteül-ün ǰaχaun bu yabutuγai. Kebteül-ün toa bu asaγtuγai. Kebteül-ün degeun yabuχun haran-i kebteül barituγai, ǰaχaun yabuχun haran-i kebteül barituγai. Toa asaγuγ-

san güün-i tere-gü üdür-ün unoγsan aγta emeeltü χadartu-yi, emüsügsen χubčasun selte kebteül abtuγai! keen ǰarliγ bolba. Elǰigedai itegeltu böetele. ǰilda kebteül-ün degeün yabuχu bolun, kebteül-e ker bariγdaluγa?»

X

§ 230. Činggis-χaγan ügülerün:

«Eületai süni
Örügetai ger mino
Eeren kebteǰü,
Örüg nota untauǰu,
Ene oron-tur gürgegsen
Ötögüs kebteül mino.

* * *

Hodutai süni
Ordo ger mino
Horčin kebteǰü
Oron dotora ese oγǰadχaγsan
Öǰeten kebteül mino
Üntür oron-tur gürgebe.

* * *

Silǰirin bükü boroon-a,
Šilgütkan bükü ǰüen-e,
Čidχun bükü χura-da
Šiltesütai ger mino horčin,
J̌irin ülü kin bayiǰu,
J̌irüge amuuluγsan,
Čing sedkilten kebteül mino,
J̌iryalang oron-tur gürgebe.

* * *

Ibülün bükü dayisun dotora
Irgetai ger mino horčin
Hirmes ülü kin
Idχaǰu bayiγsad
Itegelten kebteül mino!
Uyilsun χor
Hubis kiküi-tür,

Udaɬ ügei bayidaɬtan,
Uriyaɬχun kebteül mino.
Xutan χor
Hubis kiküi-tür
Xoǰit ese bayiγsad,
Xurdun yabudaɬtan
Kebteül mino,
Öl̡eten kebteül mino,
Ötögüs kebteül keetkün.
Ögöle-čerbi-lüge
Oroγsad daɬan turχaγ-i
Yekes turχaud keetkün.
Arχayin baatud-i
Ötögus baatud keetkün.
Yesüntee Bugidai tan χorčin-i
Yekes χorčin keetkün!»

keen ǰarliγ bolba.

§ 231. Yeren tabun mingγad-ača mino beye čaada enčülen iɬγaǰu iregsed tümen emčü kešigten-i mino mona χoyina mino oro sauγsan köüd urug-un urug-a mino ede kešigten-i geriyes metü sedkiǰü ülü gemüriülün sayitur asaratχun. Ede tümen kešigten-i mino nengduud χutuγ keeǰü ülüü aγduai? keeba.

§ 232. Basa Činggis-χaγan ügülerün, ordo-yin čerbin ökid-i, ger-ün köüd temeečin-i hükerčin-i kebteül basaaɬaǰu, ordö-yin ger tergen-i asaratuγai. Tuγ güürge doro ǰida kebteül asaratuγai. Ayaγa saba kebteül-gü asaratuγai. Bidano undan ideen-i kebteül daruγaɬatuγai. Ötkan ber miχan ideen-i kebteül daruγaɬaǰu boɬγatuγai. Undan ideen-i χor χomsa boɬuasu, daruγaɬaγdaγsad kebteül-eče eriye! keeba. Xorčin undan ideen tügeerün, daruγaɬaγsad kebteül-eče eye ügei bu tügeetügai. Idee tügeerün, urida kebteül-eče teriülen tügeetügai! keeba. Ordo ger-tür oroχu γarχu-yi kebteül ǰasatuγai. Eüten-tür kebteül-ün eüdečin ger čaada bayituγai. Kebteül-eče χoyar oroǰu Yeke tüsürge barin atuγai! keeba. Kebteül-eče nuntuučin yabuǰu ordo ger baoulɬuγai! keeba. Bidani šibaouɬaχui abaɬaχui-tur, kebteül bidanɬuγa šibaouɬaɬdun abaɬaɬdun yabutuγai, tergen-tür ǰarimud-iyen čaγɬaǰu taɬbituγai! keeba.

§ 233. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Bidano beye čerig ese γaruasu, kebteül bidan-ača anggida čerig bu γartuγai! keeba. Eyin keeülüed, ǰarliγ dabaǰu, kebteül-i nayidaǰu, čerig γarγaχun čerig medegü čerbin aɬdaɬtan boɬtuγai! keen ǰarliγ bolba. Kebteül-ün čerig ker ülü γarγaγdamui?

keemüi je ta. Kebteül-lü mino altan amin sakimui. Šibaoulan abalan yabuχui-tur, joboldumui. Ordo χadaγalauldaju nöüüküi-tür, ölüg-tür terge asaramui. Mino beye sakiju χonoχu kilbar-u bi? Ger tergen Yeke Auruγ nöüüküi-tür sauχui-tur asaraχui kilbar-u bi? Teyin dabχur χaγas χaγas yabudaltan keejü, bidan-ača anggida öere čerig bu yabutuγai keeküi teyimü bi je!» keejüüi.

§ 234. Basa jarliγ bolurun, Šigi-χutuχu-luγa jarγu kebteül-eče jarγu sonosulčatuγai! keeba. Kebteül-eče χor numu χuyaγ jebe asaraju tügeeldütüγai. Aγtas-ača ačaraju höösin ačiju yabutuγai! keeba. Kebteül-eče čerbinlüge aurasu tügeeldütügai! keeba. Xorčin turχaud-un nuntuγ jiarun, Yesüntee Bukidai tan χorčin, Altčidai, Ögöle, Aχutai tan turχaud ordo-yin baraun eteet yabutuγai! keeba. Buχa, Dodai-čerbi, Doχolχu-čerbi, Čanai tan turχaud ordo-yin jaoun eteet yabutuγai! keeba. Bürin kešigten turχaud-i ordo horčin ordo-yin ger-ün köüd-i, aduučin, χoničin, temečin, hükerčin-i ordo darun Dodai-čerbi uχaju atuγai! keen tüšibe. Dodai-čerbi darun aju, ordo-yin χoyinača

Xoγ idejü,
Xomaul tülejü

yabutuγai!» keen jarliγ bolba.

§ 235. Xubilai noyan-i Xarluud-tur jauraulba. Xarluud-un Arslanχan Xubilai-tur elsen irejüüi. Xubilai noyan Arslan-χan-i abuad irejü, Činggis-χaγan-tur aulјaulba. Ese bulχaba keen, Činggis-χaγan Arslan-i soyurχaju, oki ögüye! keen jarliγ bolba.

§ 236. Sübeetai baatur temür tergetü Merkid-ün Toγtoa-yin Xudu, Čilaun teriüten köüd-i ino neken jauraju, Čui-müren-e güyičeju muχudχaju ireba.

§ 237. Jebe Naiman-o Güčülüg-χan-i nekejü, Sariγ-χun-a güyičejü Güčülüg-i muχudχaju ireba.

§ 238. Uiγud-un Iduut Činggis-χaγan-tur elčin ilejüü. Atkiraγ Darbai χoyar elčin-iyer öčijü ilerün:

Eülen arilju,
Eke naran üjegsen metü.
Mölsün arilju,
Müren usun olugsan metü,

Činggis-χaγan-o nere aldar sonosču, maši bayasba. Činggis-χaγan soyurχaasu,

Altan büse-yin korgi-dača.
Al deel-ün hürtesün-eče

oɬuasu, dabtuar köün čino boɬǰu, güčü ögsü! keen öčiǰ ileǰüüi. Tere ügetür Činggis-χaγan soyurχaǰu χariγu ügüleǰü ilerün: Öki ber ögüya, dabtuar köün boɬtuγai! Aɬtan münggü, subud tanas, načid dardas toryad abuad Iduut iretügai! keeǰü ilebesü, Iduut soyurχaγdaba keen bayasču, aɬtan münggü, subud tanas, načid dardas aursun abuad, Jduut ireǰü, Činggis-χaγan-tur aulǰaba. Činggis-χaγan Iduud-i soyurχaǰü Aɬ-Aɬtun-i ögba.

§ 239. Tanɬai ǰil J̌oči-yi baraun γar-un čeriüd-iyer hoiyin irgen-tür moriɬaulba. Buχa γaǰarčiɬaǰu odba. Oyirad-un Xuduχa-beki Tümen-Oyirad-un urida elsen oroǰu ireba. Ireǰü, Joči-yi uduriđču, Tümen-Oyirad-duriyen γaǰarčilaǰu, Šiγsit-tur oroulba. J̌oči Oyirad, Buriyad, Barχun, Ursud, Xabχanas, Xangχas, Tubas-i oroulуad, Tümen-Kirgisud-tur güreesü, Kirgisud-un noyad Yedi-Inaɬ, Aɬdier, Öre-beg-digin Kirgisud-un noyad elsen oroǰu, čaγaa-noud šingχod, čaγaa-noud aγtas, χara-noud buɬuχad abuad ireǰü, J̌oči-da aulǰaba. Šibir, Kesdiin, Baid, Tuχas, Tengleg, Toeles, Tas-Baǰigid-ača inaγši hoi-yin irgen-i J̌oči oroulǰu, Kirgisud-un tümed-ün ming, γad-un noyad-i hoi-yin irgen-o noyad-i abugad ireǰü, Činggis-χaγan-tur čaγaa-noud šingχod-iyar, čaγaa-noud aγtas-iyar, χara-noud buɬaχad-iyar aulǰaulba. Oyirad-un Xudüχa-beki-yi uγtun, urida elsen Tümed-Oyirad-iyen uduridun ireba, keen, soyurχaǰu köün-e ino Inaɬči-da Čečeigen-i ögba. Inaɬči-yin aχa Törelči-da J̌oči-yin öki Holuiχan-i ögba. Aɬaχa-beki-yi Ongγud-a ögba. Činggis-χaγan J̌oči-yi soyrχaǰu ügülerün: «Köüd-ün mino aχa, či ger-teče sayi γarču, mör sayitu obuγsan, γaǰar-a ere aγta-yi ülü širχan ülü ǰobaan öljeitü hoi-yin irgen-i oroulǰu ireba či. Irge čimada ögsü!» keen ǰarliγ boɬba.

§ 240. Basa Borouɬ-noyan-i Xori-tümad irgen-tür ǰauraulba. Tümad irgen-ö noyan Daiduχaɬ-Soχor üküesü, eme ino Botoχui-taryun Tümad irgen-i medeǰü aǰuu. Boroχuɬ-noyan gürčü, γurban haran Yeke-čerig-eče urida yabur-a odču, üde ǰilda uχamsar berke hoi-tur horum-iyar yabuχun boɬun, χarauɬ-a ano χoyinaun dermedteǰü horum booǰu, Boroχuɬ-noyan-i bariǰu aɬaǰuui. Tümad Boroχuɬ-i aɬaǰuui keen medeǰü, Činggis-χaγan maši kilinglaǰü, öesün moriɬan tuurbiasu, Boorču Muχali χoyar Činggis-χaan-i bayitaɬa idχaba. J̌iči Dörbe tai Dorbai-doγšin-i tüširün, čerig χatanγuya ǰasaǰu, Müngke Tenggeri-yi ǰaɬbariǰu, Tümad irgen-i oroulun sori! keen ǰarliγ boɬba. Dorbai čerig ǰasarun, čerig-ün urida yabuχu χarauɬ-un sakiχu mör horum sübes-tür hoγtoryui erbegeǰeülǰü, huɬaan buχa-yin yabuγsan mör-iyer čerig-üd-tür ǰasaγɬarun, čerig-un tootu güün ǰirüge yadaasu, nišiχuya ere-tür γurban müsüd ürgeülǰü, süke, uχali, kirüe, šiuči ere-yin ǰerǰebseg ǰasaulǰu, huɬaan buχa-yin yabuγsan mör-iyer mör-tür bayiγsan

modud hoγtočin čabčiuɬǰu, kirügedeüljü mör boɬγaǰu, auɬa deere γarnasu, Tümad irgen-o erüge deereče genet χurimɬan sauχui-tur daouliba.

§ 241. Urida Xorči-noyan Xuduχa-beki χoyar Tümad-ta bariγdaǰu, Botoχui-taryun-tur tende aǰuu. Xorči-yin bariγdaχu yosun. Tümad irgen-ö ökid γoas-tan γučin emes abtuγai, keen, ǰarliγ boɬuγsan-tur, Tümad irgen-ö ökid abχu keen odχu boɬun, urida elsegsed irgen jiči buɬχa boɬǰu, Xorči-noyan-i barijuui. Xorči Tümad-ta bariγdaǰuu keen Činggis-χaγan medeǰü, hoi-yin irgen-ö yabudaɬ Xuduχa medemü je! keeǰü ileesü, Xuduχa-beki basa bariγdaǰuu. Tümad irgen-i oroulun baraasu, Boroχuɬ-un yasun-o tuɬa ǰaun Tümad-i ögba. Xorči γučin ökid-i abuba. Xuduχa-beki-de Botoχui-taryun-i ögba.

§ 242. Činggis-χaγan ǰarliγ boɬǰu, eke-de köüd-te deüner-e irge χubiyaǰu ögüya keen ögörün, uɬus χuriyaan ǰobaγsad eke biyu je. Köüd-ün mino aχa J̌oči bi je. Deüner-ün mino niɬχa Odčigin bi je, keeǰü, eke-de Odčigin-o χubi kied tümen irge ögba. Eke čimadču ese dungχodba. J̌oči-de yesün mingγad irge ögba. Čaadaya naiman mingγad irge ögba. Ögödaya tabun mingγad irge ögba. Toɬuya tabun mingγad irge ögba. Xasar-a dörben mingγad irge ögba. Aɬčidaya χoyar mingγad irge ögba. Belgütaya niken mingγan tabun ǰaud irge ögba. Daaritai Gereyid-ɬuγa boɬuɬčaba keen, nidun-o ečine ečidgeya! keebesü, Boorču. Muχali, Šigi-Xutuχu γurban ügülerün:

Öerün γaɬ-iyen
Sünoegü metü!
Öerun ger-iyen
Ebdegü metü!

Sayin ečige-yin čino geriyes, γaγča abaγa čino χočorču amu. Ker tebčigü ino? Ese uχaγsan-tur bütügai! Sayin ečige-yin čino niɬχa nuntuγ hüni butaraulčaǰu atuγai! keegdeǰü, χabar-ača hüni γangšitaɬa χaγas kelelegdeǰü, «je, teli!» keen, sayin ečige-yi sedkijü, Boorču, Muχali, Šigi-Xutuχu γurban-o kelen-tür amurliba je.

§ 243. Bi eke-de, Odčigin-a tümen irge ögču, noyad-ača Güčü, Kököčü, J̌ungsai, Xoryasun dörben-i tüšibe. Joči-da Xunan, Müngkeür, Kete γurban-i tüšibe. Čaadai-tur Xaračar, Müngke, Idoχudai γurban-i tüšibe. Basa Čingis-χaγan ügülerün: «Čaadai kečeü biyu, narin aburitu biyu. Kökö-Čos üde manaγar dergede aǰu, sedkigsen-iyen kelelen atuγai!» keen ǰarliγ boɬba. Ögödai-tür Ilüge, Degai χoyar-i tüšibe. Toɬui-tur J̌edai Baɬa χoyar-i tüšibe. Xasar-tur J̌ebke-yi tüšibe. Aɬčidai-tur Čaurχai-yi tüšibe.

§ 244. Xongotadai Münglig-ečige-yin köüd dołoan bülegai. Dołoan-o dumdatu Kököčü-Tebtenggeri bülege. Tede dołoan Xongχotan Xasar-i ömereǰü ǰančiǰuui. Xasar dołoan Xongχotan-a ömereǰü ǰančiγdaa keen, Činggis-χaan-a sögödüesü, Činggis-χaγan busud-tur kilinglaǰü aχui dumda kelelegü bołun, Činggis-χaγan kiling-dür-iyen Xasar-i ügülerün: «Amitu-da ülü iłaγdaχu-ača bülege či! Ker iłaγdaa či?» keegdeǰü, Xasar, niłbusu ałdaad, bosču yorčiǰu, Xasar mauyiłaǰu γurban üdür ese ireba. Tende Tebtenggeri Činggis-χaan-a ügülerün: «Müngke Tenggeri-yin ǰarliγ χan ǰaarid ügülemü. Nikente Temüǰin ułus barituγai, nikente Xasar-i keemü. Xasar-i ese nengdeesü, medee ügei bi ǰe!» keegdeǰü, Činggis-χaγan mün süni moriłaǰu, Xasar-i barira oduasu, Güčü, Kököčü χoyar Xasar-i barira oduba, keen eke-de ǰaaǰuu. Eke medeed süni böed udaaran, čaγaan temeen köljü, χarautai tergetai süni-de bülin yorčiǰu, naran uryuχui-łuγa gürüesü, Činggis-χaγan Xasar-un χančud huyaǰu, maχałai büse ino abču, üge ino asaγun bükü-dür, eke-de gürteǰü Činggis-χaγan geegčü, eke-deče emiyeba. Eke aurłaǰu gürčü, tergen-eče baouad, eke öesün Xasar-un huyaγsad χančud dałǰu tałbiad, maχałai büse ino Xasar-a ögčü, eke kilingłaǰü, aur-iyen darun yadan, ǰabiłan sauǰu, χoyar kököd-iyen γarγaǰu, χoyar ebüdüg degeün bisariułǰu, ügülerün: «Üǰebe-yü? Kökögsen kökön tano ene bi! Ede χadałun daun χarbisu-an χaǰaγsad, kü-iyen tasułuγsad, χasar yekibe? Temüǰin ene niken kökö mino baraχu bülege. Xasar bürün, büri kököd mino baraǰu, čeeǰi mino aui bołtała amurliułǰu, čeeǰi aui bołγaχu bülege. Tegüber erdemtü Temüǰin mino čeeǰi erdemtü! Xasar mino χarbu güčü erdemtü tuła,

Xarbułčaǰu γaruγsan-i
Xarbuǰu oroułχu bülege.
Oγǰałču γaruγsan-i
Hontučaǰu oroułχu bülege.

Edöe dayisun güün-i muχadχaba keeǰü, Xasar-i üǰen yadamui ta! keeba. Eke-yi amurliułun baraǰu, Činggis-χaγan ügülerün: Eke-yi kilingłaγdaǰu, ayun ba ayuba, hičen ba hičeba bi!» keeǰü, ičuya bida, keeǰü ičuba. Eke-de ülü medeülün, ečineün Xasar-uń irge ino abču, Xasar-a mingγan dörben ǰaud irge ögba. Eke medeǰü, tere sedkil-tür ötör dotoraγsan yosun teyimü. J̌ałayirtai J̌ebke tende χułaǰiǰu, Baryuǰin oron buruudba.

§ 245. Teün-ö χoyina yesün keleten irgen Tebtenggeri-tür χuriǰu, Činggis-χaano kilüe-deče ołon Tebtenggeri-tür χuriχun bołba. Teyin χuriχui-tur, Temüge-Odčigin-a χariyatan irgen Tebtenggeri-tür odčuui. Odčiginnoyan oduγsan irge-ben γuyira Soχor neretü elči-iyen ileǰüüi. Tebtenggeri Soχor elči-de ügülerün: «Odčigin ta ǰirin elčiten bołǰuui!» keeǰü, Soχor

elči-yi ino ašigiǰu, yabuγan emeel ino ürgeǰü χariuɬǰuui. Odčigin Soχor elči-iyen ašigiǰu yabuγan ilegdeǰü, manaγarši Odčigin öesün Tebtenggeri-tür odču ügülerün: «Soχor elči-iyen ileesü, ašigiǰu yabuγan ileǰüü. Edöe bi irge-ben γuyira ireba!» keegdeǰü, doɬoan χongχotan Odčigini endeče tendeče χaaǰu: «Soχor elči-iyen ilegü čino ǰob bi?» keeǰü, bariχu-ača, tusχu-ača kigderün, ayuǰu Odčigin-noyan ügülerün: «Elči ilegü minoai buruu!» keeǰüü. Doɬoan χongχotan ügülerün: «Buruu böesü, namančiɬan sögöd!» keeǰü, Tebtenggeri-yin χoyinača sögödgeǰüüi. Irge-ben ba ese ögteǰü, Odčigin manaγarši erte, Činggis-χaan-i bosuai üdüüye, oron dotora büküi-tür, oroǰu uyiɬaad sögödčü ügülerün: «Yesün keleten irgen Tebtenggeri-tür čiuɬdaǰu, nada χariyatan irge-ben Tebtenggeri-deče γuyura Soχor neretü elči ilelüge. Soχor elči-yi mino ašigiǰu, yabuγan emeel ürgeǰü ilegdeǰü, bi öesün γuyura oduasu, doɬoan χongχotan-a endeče tendeče χaaǰu, namančiɬauɬǰu, Tebtenggeri-yin χoyinača sögödkeüldebe!» keeed uyiɬaba. Činggis-χaan-i dungγoduai üdüüye, Börte-üǰin oron dotora öngdeyiǰü sauǰu, könǰileiyen ǰaχa-bar ebčeü-ben tüyidčü, Odčigin-o uyiɬaχu-yi üǰeǰü, niɬbusu aɬdaad ügülerün:» Yekigsed χongχotan tede!» Öčigen Xasar-i ömöreǰü ǰančiǰu-gü bülegai. Edöe basa ene Odčigin-i yekin χoyinača-an sögödgemüi, yambar yosun boɬumui? Boɬ, ede ǰigöd-narad metüs deüner-i čino eyin oyisuɬaɬdumui! Ünen-ber mönö-χoyina —

Neüle metü beye čino
Negüs oduasu,
Netkel metü uɬus čino
Ken-e medeülkün tede?
Tuɬu metü beye čino
Tuɬbas oduasu,
Tüel metü uɬus čino
Ken-e medeülkün tede?

ǰigöd-narad metü deüner-i čino eyin oyisuɬadχun haran mino γurban-dörben üčüged maoun mandutaɬa mino yau medeülkün tede? Yekigsed χongχotan bülege tede? Deüner-iyen teden-e teyin kiülǰü ker üǰeǰü amu či?» keeed, Börte-üǰin niɬbusun aɬdaba. Börte-üǰinö ene üge-tür Činggis-χaγan Odčigin-a ügülerün: «Tebtenggeri edöe iregü čidaχui-ača ker ba üyileddüesü, či mede!» keeba. Teün-tür Odčigin bosuad, niɬbusu-an arčiad γarču, γurban bökös-i beledčü bayiba. Xurumut ataɬa Münglig-ečige doɬoan köüd-lüge-ben ireǰü, doɬoan büri oroǰu, Tebtenggeri tüsürge-yin baraun eteet sauχui-ɬuγa, Odčigin Tebtenggeri-yin ǰaχa ino bariǰu: «Öčigen üdür namayi namančiɬan bülege či, soriɬduya!» keeǰü, ǰaχa ino bariǰu, eüten ǰüg čirba. Tebtenggeri

Odčigino esergü jaχa bariju, bariłduba. Tebtenggeri-yin maχałai, bariłduχui-tur, γołumta teriün-e unaba. Münglig-ečige maχałai ino abču, hünöščü, ebür-tür-iyen tałbiba. Činggis-χaγan ügülerün: «Γarču bökö güčü temečeldütkün!» keeba, Odčigin Tebtenggeri-yi čirčü γarurun, eüten, bosoγa jaura urida beledügsen γurban bökös esergü Tebtenggeri-yi bariad čirčü γarču, niruu ino χuγułju, jaoun eteed-ün terged-ün üjüür-e oorču, Odčigin oroju ügülerün: «Tebtenggeri namayi namančiłan bülege. Soriłduya keeesü, ülü bołun arγałajü gebtemü: čaγtu nökör ajuu!» keeesü, Münglig-ečige uχaju, niłbusn ałdaad ügülerün:

«Dayir Etügen-i
Dangłasun-o tedüi bükü-eče,
Dałai müren-i
Γoroχano tedüi bükü-eče —

nököčeba bi!» keeküi-lüge jirγoan χongχotan köüd ino eüten bosoju, γołumta toorin bayiju, χančud-iyen šimali χaγdarun, Činggis-χaγan gerelju šiχaγdaju: «Jayila, γaruya!» keeed, γarχu-łuγa Činggis-χaan-i horčin χorčin turχaud toorin bayiba. Tebtenggeri-yi terged-ün üjüür-e niruu χuγułju ooruγsan-i Činggis-χaγan üjejü. χoyituuł-ača niken boro χošiliγ abčiraułju, Tebtenggeri-yin deere ino tałbiułju: «Kölge oroułutχun, nöüüya!» keejü, tendeče nöüüba.

§ 246. Teb-i tałbiγsan χošiliγ-un erüge tülijü, eüten daruju hara sakiułuasu, γutuar süni, üdür šira-da, ger-ün erüge neejü, beye selte γarčuu. Belkaasü, maγad Teb ino belkagdaba. Činggis-χaγan ügülerün: «Tebtenggeri deüner-tür mino γar-köl gürgegsen-ö tuła, Deüner-ün mino jaura oro ügei jingügü-yin tuła, Tenggeri-de ese taałaγdaju, ami-en beye selte abču odba je!» keeba. Činggis-χaγan Münglig- ečige-yi tende dungγodurun: «Köüduen aburi ülü idχan, denggečen sedkikün bołun, Tebtenggeri-yin teriün-tür gürbe ta! Tano teyimü aburi uχaγsan böesü, Jamuχa Ałtan Xučar tano yosutan bołγaγdaχun bülegai ta!» keejü, Münglig-ečige-yi dungγodču, dungγodun baraju, jiči:

Manaγaru ügülegsen-i
Üdesi hudaruasu;
Üde-yin ügülegsen-i
Manaγar hudaruasu,

hičele maγa! Keegdegü ele, urida üge baraγdałuγa. Je, teli!» keen soyurχaju, jiči jaliraba: «Ałus aburi-en tataγsan böesü, Münglig-ečige-yin uruγ-

tur ken denggečekün bülegai?» keeba. Tehtenggeri-yi ügei bolγaad, Xongχotan čirai jibturaǰuui je.

XI

§ 247. Teünö χoyina Činggis-χaγan, Xonin jil, Kitad irgen-tür moriłaba. Fu-jou-yi abču, Hünegen-dabaar dabaǰu, Süan-de-fu-yi abču, Jebe Güigüneg-Baatur χoyar-i mangłai ilebe. Čabčiyał gürčü, Čabčiyał-dabaan-i bekilegdeǰü, tende jebe ügülerün: «Ani üdüǰü gödölgeǰü ireülün, tende soriyal» keeǰü χariba. Xariγdaǰu, Kitad-un čerig-üd nekeye keen, jölke auła bütetele nekeǰü ayiši. Süan-de-fu-yin χošiun-a gürčü, Jebe χoyinâγši uurba. Tataǰu dobtułǰu sundurču aisuχun dayisun-i daruba. Činggis-χaγan γołčerig daručaǰu, Kitad-i gödölgeǰü, Xara-Kitad-un Jürčed-ün Jun-o erekün omoγun čerig-üd-i daruǰu, Čabčiyał-a gürtele hunǰiu bayitała kiduǰu, Čabčiyał-un χaałγa Jebe abču dabaad buliǰu dabaǰu, Činggis-χaγan Šira-degtür baouba. Jung-du-yi eereǰü χotod χotod bałaγad-tur čerig-üd ileǰü eereülba. Jebe-yi Dung-čang bałaγasun eereülün ileba. Dung-čang bałaγasuntür gürčü, eereǰü abun yadaǰu, χariǰu jirγoan χonoγ γaǰar-a gurču, genetgeǰü jiči χarin tataad, γar kötöltan süni düliligeǰü, genet büküi-tür gürčü, Dung-čang bałaγasu abuai.

§ 248. Jebe Dung-čang bałaγasun-i abču χariǰu ireǰü, Činggis-χaγantur neyilebe. Jun-du-yi eeregderün, Ałtan-χan-o yeke noyan, Onggin-čingsang, Ałtan-χan-a duradχarun: «Tenggeri γaǰar-un čaγ, yeke oro yeüdgekü čaγ-uu gürbe? Mongγoł maši güčüteye ireǰü, bidano erekün omoγun Xara-Kitad-un Jürčed-ün Juno erkid čerig-üd-i daruǰu büreltele kiduǰuui. Itegeltu Čabčiyal-i ber buliǰu abčuui. Edöe bida basa čerig-üd ǰasaǰu γarγaasu, basa Mongγoł-a daruγdaasu, χałaar bałaγad bałaγad-dur-iyen butaraχun tede. Jiči bidana χuraułuasu, ülü bołun; bidan-tur dayisun bołǰu, ülü nököčekün tede. Ałtan-χan-i soyurχaasu, Mongγoł-un χan-tur edöet-tür elsen eyetüye. Eye-tür oroǰu, Mongγol-i ičuasu, ičuγaγsan-o χoyina basa busu sedkil bida tende eyetüldüt je. Mongγoł-un ba ere ayta γaǰar heüšiyeǰü kölčirgemüi, keegdemüi. Xan-a ino öki ögüya. Ałtan munggün, aurasun-ed čerig-ün güün-e kündüte γarγaǰu ögüya. Ene eye-tür mano oroχu ülü-ü-yi ker medegdegü?» keen duradχaasu, Ałtan-χan Onggingčingsangun ene üge jöbšiyeǰü, eyin böed bołtuγai! keen elsen, Činggisχaan-a güngjü neretai öki γarγaǰu, ałtan münggün, aurasun ed-tabar čerigün güün-e güčün-e medeülün daaχui ača γarγaǰu, Činggis-χaγan-tur Onggging-čingsang gürgeǰü ireba. Elsen iregdeǰü, Činggis-χaγan eye-tür ano oroǰu, χotad χotad-tur eered baouγsad čerig-üd-i χariułǰu ičuba. Onggin-čingsang Moǰou, Fu-jou neretü χošiun-a gürtele Činggis-χaan-i hüdeǰü, χariba.

Aurasun ed bidano čerig-üd daaχui-ača ačiju, kibuud-iyar ačiya-ban tataju yabuba.

§ 249. Tere moriłaγsaar, Xašin irge-tür yorčiba. J̌oriju gürüesü, Xašin irgen-ö Burχan elsen: «Baraun γar čino bołju, güčü ögsü!» keen, Čaγa neretai öki Činggis-χaan-a γarγaju ögba. Basa Burχan-χan ügülerün: «Činggis-χaano nere ałdar sonosču, ayuju ałaai ba. Edöe süldertü beye čino gürčü, iregdeǰü, ǰülder-eče ayuba. Ayuju, ba, Tangγud irgen, baraun γar čino bołju, güčü ögsü!» keeba. Güčü ögürün:

«Nunǰi numtuγtan,
Nödügsen bałγasutan

bi je! Nököčeǰü,

Xurdun aya ayałaχui-tur,
Xurča bułχa bułχałduχui-tur,
Xurdun ayan-tur
Güyičen je yadamui je.
Xurča bułχa-tur
Bułχałdun je yadamui je ba.

Činggis-χaan-i soyurχaasu, ba Tangγud irgen

Ündür deresün-ö nemüre-te ösgeǰü,
Olon temeed γarγaju,
Kiya bołγaju ögsü,
Ormege nekeǰü,
Aurasun bołγaju ögsü.
Oorχu šibaoun surγaju χuraułju,
Sayid-i ino gürgeülun asuγai!»

keen öčibe. Ügüleǰü üge-dür-iyen gürün, Tangγud irgen-eče-en temeed χubčiju, taoun yadatała abčiraju ögba.

§ 250. Činggis-χaγan tere moriłaγsan-tur, Kitad irgen-ö Ałtan-χaan-i elseüljü, olon aurasun abču, Xašin irgen-o Burχan-ni elseüljü, olon temeed abču, Činggis-χaγan Xonin jil tere moriłaγsan-tur, Kitad irgenö Aχutai neretü Ałtan-χan-i elseüljü, Tangγud irgenö Iłaχu-Burχan-ni elseüljü, χariju Saari-keer-i baouba.

§ 251. Basa teünö χoyina J̌ao-goan-tur elsen ilegsed J̌ubχan teriüten olon elčid-iyen Kitad irgen-ö Aχutai, Ałtan-χaan-a ǰedgügdeǰü, Činggis-χaγan, Noχai jil, Kitad irgen-tür basa moriłaba. Elsen baraju, J̌ao-goan-

tur ilegsed elčin-i yekin jedkün bülegai? keen moriłarun, Činggis-χaγan Tung-goan amasar joriju, Jebe-yi Čabčiyał-iyar bołγaba. Činggis-χaan-i Tung-goan amasar-iyar bołba keen Ałtan-χan medeju, Ile Xada Höbögetür γurban-a čerig-üd medeüljü, čerig bögleju, Hułaan-Degelen-i mangłayiłan jasaju, Tung-goan amasar-i temečen, dabaa bu dabaułutχun! keen, Ile, Xada, Höbögetür γurban-i čerigüd χurduyiłan ilejüüi. Tung-goan amasar-a gürüasü, Kitadun čerig-üd γajar keen daaju ireba. Činggis-χaγan Ile Xada Höbögetür γurban-łuγa bayiłduju, Ile Xada-yi gödölgeba. Tołui Čügü-gürigen χoyar köndelen eče dobtułju, Hułaan-Degelen-i ičuaju gürčü. Ile Xada-yi gödölgeju daruju, Kitad-i hunjiu bayitała kiduba. Kitad čerig-üd kiduju baraγdaba keen, Ałtan-χan medeju, Jung-du-dača γarču burnudun, Nanging bałaγasu orojuui. Hülegsed čerig-üd ano turuju ükürün, öer jaura güünö mixa ideldüjüüi. Tołui Čügü-gürigen χoyar sayitur üyiledbe keen, Činggis-χaγan Tołui Čügü-gürigen χoyar-i maši soyurχaba.

§ 252. Činggis-χaγan Xošiu-yi baouad, Jung-du-yin Šira-keer baouba. Jebe Čabčiyał-un χałγa ebdeju, Čabčiyał-i bariγsad čerig-üd-i gödölgeju ireju, Činggis-χaγan-tur neyilebe. Ałtan-χan Jung-du-dača γarurun, Jung-du-dotora Xada-yi, lü-šou bołγan, tüšijü oduγsan ajuu. Cinggis-χaγan Jung-du-yin ałtan-münggün, ed-aursun yauke ino toołaułurun, Önggür-baourči, Arχai-χasar, Šigi-χutuχu γurban-i ilebe. Ede γurban-i ayisai keen, Xada esergü uγdun, ałtatai hartai aurasu bariad, Jung-du dotorača γarču, esergü ireba. Xada-da Sigi-χutuχu ügülerün: «Urida ene Jung-du-yin ed, mün Jung-du, Ałtan-χanoai ajuu je. Edöe Jung-du Činggis-χaanoai bi je, Činggis-χaano ed-aurasu ečineün yekin χułaγču abčiraju ögümü či? Bi ülü abχu!» keeju, Šigi-χutuχu ese abuad, Önggür-baourči, Arχai χoyar abua. Ede γurban Jung-du-yin ed yauke toołaju ireba. Tende Činggis-χaγan Önggür, Arχai, Xutuχu γurban-ača: «Hada yau ögba?» keen asaγba. Šigi-χutuχu ügülerün: «Ałtatai hartai aurasu abčiraju ögülüge. Bi ügülerün: Urida ene Jung-du Ałtan-χanoai ajuu je. Edöe Činggis-χaanoai bołba je. Či, Xada, Činggis-χaano ed ečineün χułaγču yekin ögümü či? keeju, bi ese abuba. Önggür, Arχai χoyar ögügsed-i ino abułaγa!» keeba. Činggis-χaγan tende Önggür, Arχai χoyar-i maši dungγodba. Šigi-χutuχu-yi: Yeke Yosu sedkijüü či! keen, maši soyrχaju:

«Üjegü-yin mino nidun,
Sonosχu-yin mino čikin

bołju ülü-ü aχu či?» keen jarlıγ bołba.

§ 253. Ałtan-χan Nan-ging oroju, öer-iyen elsen mürgüju, Tenggeri neretü köü-ben jaun nököd-tü-yi Činggis-χaγan-tur turχaγ bołtuγai! keen

ileǰüü. Imada elsegdeǰü, Činggis-χaγan ičuya keen, Cabčiyaɬ-iyar tende ičurun, Hasar-i ǰaoun γar-un čerig-üd-iyer daɬai giǰin ilerünn, Bei-ging baɬaγasu baoutχun, Bei-ging baɬaγasun-i elseülǰü, činana J̌ürčed-ün Fuχano-yi daarin odču; Fuχano buɬχa sedkiesü, haulutχun; elseesü ino, gijiar baɬaχad ano daarin, Uɬa-nau müred odču, Taour müren öede dabaǰu, Yeke Auruγ-tur neyilen iretkün! keeǰü ileba. Xasar-ɬuγa noyad-ača J̌ürčedai, Aɬči, Toɬum-čerbi γurban-i ileldübe. Xasar Bei-ging baɬaγasun orouɬǰü. J̌ürčed-ün Fuχano-yi elseülǰü, mör-e bükün baɬaγasun-i orouɬuad, Xasar Taour müren öede ireǰü, Yeke Auruγ-tur baouǰu ireba.

§ 254. Teünö χoyina Činggis-χaγan Sartaul irgen-e Uχuna teriüten ǰaun elčin-iyen ǰedgüǰü aɬaγdaǰu, Činggis-χaγan ügülerün: «Aɬtan arγamǰi-iyen Sartauɬ irgen-e ker tasuɬdan bülegai?» Uχuna teriüten elčin-nöen ösül ösün, kisaɬ kisan Sartauɬ irgen-tür moriɬaya keen, moriɬaχui-tur, tende Yesüi-χadun Činggis-χaana duradχan öčirün: «Xaγan

Üntür dabaa daban,
Örgen müred ketülün;
Urtu ǰaur ǰauran
Oɬon uɬus-iyen

ǰibšierün sedkiba. Töregsen ele amitan-tur müngke ügei aǰuu.

Neüle metü beye čino
Negüs oduasu,
Netkel metü uɬus-iyen
Ken-e gemü?
Tuɬu metü beye čino
Tuɬbas oduasu,
Tuyaɬ metü uɬus-iyen
Ken-e gemü?

Töregsen dörben külüüd köüdüen ken-i ino keemü? Köüd-te, deüner-e, oɬon χaračüs-a, mana ber maoun-a uχaǰu aχuya uχaγsan-iyen duradχaγsan boɬba, ǰarliγ medetügai!» keen öciesü, Činggis-χaγan ǰarliγ boɬurun: «Xadun ber güün böesü, Yesüi-yin üge ǰöb-eče ǰöb! Ked ber deüner, köüd, ta ber Boorču Muχalitan, eyin ese duradχaba. Bi ber

Uridus-i ülü udaaraχui-ača
Umartaǰu aǰuu.
Üküleng-e ülü erüsteküi-eče
Untaraǰu aǰuu!»

keeed: «Köüd-ün mino aχa J̌oči bi je. Yau keemü či? Kelele!» keeba. J̌oči-yi dungγodχu-yin urida, Čaadai ügülerün: «J̌oči-yi kelele kelerün, J̌oči-yun tüšin ügülemüi? Ene Merkidai čölögül ǰaura... ker medeülkün bida?» keeküi-lüge J̌oči bosuad, Čaadai-yin ǰaχa-tur tusču, ügülerün: «Xan ečige-de busu ese keegdelüge: či namayi ker iłγamui? Yambar erdem-iyer hüleü či? γaγča kečaoü-ber-iyen maγa hüleü ele či. Hontučaju čimada γardaasu, heregai-iyen hoγtołǰu oorsuγai. Abałduju čimada iłaγdaasu, umaγsan γaǰar-ača bu bossuγai. Xan ečige-yin ǰarliγ medetügai!» keeba. J̌oči Čaadai χoyar ǰaχača barilduju bayin büküi-tür, J̌oči-yin γar-ača Boorču tataju, Čaadai-yin γar-ača Muχaii tataju bukü-tür, Činggis-χaγan sonosču sem saun bi. Tende Kökö-Čos, ǰaoun eteet bayiju, ügülerün: «Čaadai yekin yaarayu či? Xan ečige čino köüd-ün dotora čimadača ereǰü bülege. Tani töregü-yin urida —

Hodutai tenggeri
Horčiju bülege.
Ołon ułus bułχa bülege.
Oron-duriyen ülü oron,
Ołǰałałdun bülege.
Könǰile-deen ülü gebten,
Görüleldun bülege!

Teyimü čaγ-tur —

Güseǰü ese yabuba je.
Gürülčeküi-tür bołba je.
Buruudču ese yabuba,
Bułχałduχui-tur bołba je.
Amaraju ese yabuba je,
Ałałduχui-tur bołba je.
Boγda χadun, eke-yüen,
Tosun duran χoruułǰu,
Sün ǰürügen eedeülǰü
Ügüiemüi či.
Büleen-eče χałat (büled).
Mün keeli-deče
Ese-ü törelegai ta?
Xałaun-eče χałat
Γaγča χaχunaγ-ača
Ese-ü γarułaγa ta?

J̌ürügen-eče töregsen,
Eke-yüen čimadχaasu,
Činar ino ǰekirčü,
J̌aliraułuasu ülü boli.
Keeli-deče töregsen,
Eke-yüen gemüriülüesü
Genoer ino
Gesgeesü ülü boli!
Xan, ečige tano,
Xamuγ ułus-i bayiγułurun,
Xara teriü-ben χantuχałaǰu,
Xara čisu-ban nambuχałaǰu,
Xara nidün-ben hirmes ülü kin,
Xabtaγai čiki-ben dere-tür ülü tałbin,
Xanču-ban dereleǰü,
Xormai-ban debisčü,
Šiłusun-iyen undałaǰu,
Šigi-en χonoγłaǰu,
Mangłai-yin kölesün —
Uła-tur gürtelē,
Uła-yin kölesün —
Mangłai-tur γartała
Ołomłan kičiyen yabuχui čaγ-tur,
Eke tano χamtubar ǰobołdurun:
Horayitała boγtałaǰu,
Hoǰitała büseleǰü,
Niyitayitała boγtałaǰu,
Niduratała büseleǰü,
Tan-iyen ösgerun:
J̌ałgiχui ǰaura —
J̌arim-iyen ögöü;
Xoołai-iyen χučiǰu,
Xotołai-iyen ögčü,
Xoosun yabuχui bülegai.
Egem-eče tano tataǰu,
Ere-lüge sačaun kene bołγaǰu,
Güǰüün-eče tano tataǰu,
Güün-lüge sačaun kene bołγaǰu, keeǰü,
Bui tano ariłγaǰu,

Burbi tano ergüüljü
Ere-yin egem-tür
Aγta-yin γarγam-tur gürgejü,
Edöe tanoan sai üjesü,
Keen sedkijü ese-ü amui?
Boγda χadun bidano
Naran metü gegeen,
Naur metü sedkiltü bülege!»

keeba.

§ 255. Tendeče Činggis-χan ügülerün: «Joči-yi yekin teyin keemüi ta? Köüd-ün mino aχa Joči ülü-ü bi? Xoyina teyin bu keetkün!» keen jarliγ bolba. Ene üge-tür Čaadai mučiljejü ügülerün: «Joči-yin güčütü-yi erdem-ün γariu ülü ügülen,

Amaar alaγsan
Ačiasu ülü boli;
Ügeer üküülügsen
Übčiesü ülü boli!

Köüd-ün aχa Joči ba χoyar bi je. Xan ečige-de χolbaran güčün ogsü!

Daldariγsan-iyen
Dalbaru čabčildasu!
Xojidaγsan-iyen
Borbin-iyen kinggüru čabčildasu!

Ögödai-lü oruγ bi. Ögödai-yi keeldüye! Ögödai χan ečige-yin dergede aju, baraa Yeke Maχalai-yin baouliya taniuluasu bolu je!» keeba. Ene üge-tür Činggis-χaγan ügülerün: «Joči yau keemü? Kelele!» keeba. Joči ügülerün:

«Čaadai-lu ügülebe.
Čaadai ba χoyar
Xolbaaran güču ögsü!
Ögödai-yi keeldüye!»

keeba. Činggis-χaγan jarliγ bolurun:

«Xolbaaratala yaun bi?
Ötögen-Eke aui bi:
Müred-usud olon bi!
Salγušitu nuntuγ audkin,

Xari daruułun salγaya keeed.
J̌oči Čaadai χoyar
Üges-tür-iyen gürulčetkün,
Irgen-e bu ineeülütkün,
Haran-a bu χobχariułutχun!
Erte Ałtan Xučar χoyar
Ene metü üge barałdaǰu,
J̌iči üges-tür-iyen
Ülü gürgü-yin tuła
Ker kigdelügai?
Yambar bołγaγdałuγai?
Edöe Ałtan Xučar
Xoyar-un uruγud-ača
Tan-łuγa sałγałduya.
Teden-i üǰeǰü,
Yau osołdaχun ta?»

keeed: «Ögödai yau keemü? Kelele!» Ögödai ügülerün:

«Xaγan ečee soyurχaǰu
Ügüle keegdeesü,
Yau-ban ügülegü bi?
Ülü čidaχu keen
Ker ügülegü?
Čidaχui bar χataučisuγai gü
Keemü ǰe — möna χoyina maγa
Uruγ-tur mino
Ołang-tur χučiasu,
Hüker-e ülü idegdegü;
Öükün-tür χučiasu,
Noχaya ülü idegdegü töreesü,
Xandaγai kętüs,
Xułuγana sores ałdaχu-yu?
Edüi-yüen ǰe keemü,
Busu yau ügülegü bi?»

keeba. Ene üge-tür Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Ögödai eyimün üges ügülegü böesü bołu ǰe!» keeba. «Basa Tołui yau keemü? Kelele!» keeba. Tołui ügülerün: «Bi,

Хаγан-ečige-yin nereyidügsen
Aχa-yuan dergede aǰu,
Umartaγsan-i duradχaǰu,
Untaraγsan-i seriüljü,
J̌e-yin nökör,
J̌eerde-yin minaa bolǰu,
J̌e-deče ülü χoǰidan,
J̌erge-deče ülü čoɫayitan,
Urtu čaur čauraǰu,
Oχor boɫχa boɫχaǰu ögsü!»

keen ügüleesü, Činggis-χaγan ǰöbšiyen ǰarliγ boɫurun:

«Хasar-un uruγ
Niken-iyen medeül.
Aɫčidai-yin uruγ
Niken-iyen medeül,
Belgütai-yin uruγ
Niken-iyen medeül!
Teyin sedkiǰü, mino uruγ-i
Niken-i medeüljü,
Mino ǰarliγ busu ülü boɫγan,
Ese budaruasu,
Ülü endekün, ülü aɫdaχun ta:
Ögödai-yin uruγ-i
Oɫang-tur χučiasu,
Hüker-e ülü idegdegü:
Öükün-tür χučiasu,
Noχaya ülü idegdegü töreesü,
Mino uruγ-tur neken-ou
Sayin ülü töregü aǰun?»

keen ǰarliγ boɫba.

§ 256. Činggis-χaγan moriɫarun, Tangγud irgen-ü Burχan-tur elčin ilerün: «Baraun γar čino boɫsu! keelüge či. Sartauɫ irgen-e aɫtan arγamǰi-en tasuɫdaǰu, oɫuɫčan moriɫaba bi. Baraun γar boɫun moriɫa!» keeǰü ileesü, Burχan-ni dungγoduai üdüüya, urida Aša-Gambu ügülerün: «Güčü yadan böetele, χan boɫtaɫa yaun?» keeǰü, čerig ülü nemen yeke üge ügüleǰü ileǰüü. Tende Činggis-χaγan ügülerun: «Aša-Gambu-da ker eyin ügülegden bülegai keen, arγača an-dur böed kelbes ǰoriǰu ireesü yaun berketü bülegai? Öere maγa güün-tür ǰoriǰu bükü tür.—ǰe, teli, Mungke Tenggeri-de

iheegdeesü, altan jilγoa batuda tataju ireesü, tende maγa bolγuγai, teli!» keejü.

§ 257. Taolai jil, Sartaul irgen-tür Arai-yar daban moriγarun, Činggis-χaγan χatun-ača \uγan-χatun-i abun ayaγarun, deüner-eče Odčiginnoyan-i Yeke-Auruγ-tur tüšijü, moriγaba. Jebe-yi mangγai ilebe. Jebe-yin gejige Sübeetai-yi ilebe. Sübeetai-yin gejige Toχučar-i ilebe. Ede γurban-i ilerün: γadaun odču, Sulγtano činana γarču, bidan-i gürgeülün, χamsatχun! keejü ileba. Jebe tere odču, χan Melig-ün baγaγad daariju, ülü könden γadaun nögčijüü. Teünö χoyinača Sübeetai mün yosuar ülü könden nögčijüü. Teünö χoyinača Toχučar χan Melig-ün kijiar baγaγad χauγju, tariyajin-i ino daoulijuui. Xan Melig baγaγad-iyen χauγdaa keen, dayijin gödöljü. Jaγaγding-soγtan-tur neyilejüü. Jaγaγding-Soγtan, Xan-Melig Xoyar Činggis-χaano esergü moriγajuui. Činggis-χaano urida Šigi-χutuχu mangγai yabujüui. Šigi-χutuχu-γuγa bayiγduju, Jaγaγding-soγtan, χan-Melig χoyar Šigi-χutuχu-yi daruju, Činggis-χaγan-tur gürtele daruju ayisuχui-tur, Jebe, Sübeetai, Toχučar γurban Jaγaγding-Soγtan, Xan-Melig χoyar χoyinača oroju, jiči ani daruju kiduad, Buχar, Semisgab, Otrar baγaγasun-tur ani ülü neyileülün daruju, Šin müren-e gürtele hüldejü yabuγdarun Šin müren-tür čubtusču oroχun boγun, oγon Sartauγ-iyen tende Šin müren-tür süeba je. Jaγaγdin-Soγtan, Xan-Melig χoyar ami-en χoroχun Šin müren öede tutaaba. Činggis-χaγan Šin müren öede yorčiju, Badkesen-i daouliju odču, Eke-χoroχan, Geün-γoroχan gürčü, Baruan keeri baouju, Jaγayartai Baγa-yi Jaγaγding-Soγtan, Xan-Melig χoyar-i nekeülün ilejü, Jebe, Sübeetai χoyar-i maši soyrχaju: «Jebe, či Jirχoadai neretü bülee. Tayičiud-ača irejü, Jebe boγba je či!» Toχučar-i Xan-Melig-ün kijaar baγaγad öerün duraar χauγju, Xan-Melig-i dayijiuγba jasaγ boγγan, mökörüülüya keen, baraju, jiči ülü mökörüülün, maši dungγodču, čerig medegü-deče ino ereülejü baouγba.

§ 258. Tedüi Činggis-χaγan Baruan keer-eče χariju, Joči, Čaadai, Ögödai γurban köüd-i baraun γar-un čeriüd-iyer Amui müren ketüljü, Ürünggeči baγaγasu baoutχun keen ileba. Toγui-yi Iγu, Isebür teriüten oγon baγaγad baoutχun keen ileba. Činggis-χaγan öesün Udirar baγaγasu baouba. Joči, Čaadai, Ögödai γurban köüd öčijü ilerün: «Čerig-üd mano bügüdba. Ürünggeči baγaγasu gürba. Keno-en ügeer yabuχun ba?» keen öčijü ileesü, Činggis-χaγan jarliγ boγurun: «Ögodai- yüen ügeer yabutχun!» keejü ileba.

§ 259. Tedüi Činggis-χaγan Udurar baγaγasu oroulju, Udurar baγaγasun-ača gödöljü, Semisgab baγaγasu baouba. Semisgab baγaγasun-ača gödöljü, Buχar baγaγasu baouba. Tende Činggis-χaγan Baγa-yi güličen, Altan-γorχano niriun Soγtano jusaγang jusaju, Toγui-tur elčin ilebe: «Hon χaγaun boγba. Busud četig-üd baout je. Či bidan-tur neyile!» keejü ileesü,

Tolui Ilu, Isebür tan balaγad abču, Sisten balaγasu ebdejü, Čügčelen balaγasu ebden bükü-tür, elčin ene kelen gürgeesü, Tolui Čügčeren balaγasu ebdeed, χarin baoǰu ireed, Činggis-χaγan-tur neyileba.

§ 260. J̌oči, Čaadai, Ögödai γurban köüd Örünggeči balaγasu oroulǰu, γurbauła balaγad-irgen χubiyałduǰu, Činggis-χaana χubi ese γarγaǰuu. Ede γurban köüd-i baoǰu ireesü, Činggis-χaγan, J̌oči Čaadai Ögödai γurban köüd-i čimadču, γurban üdür ese aułǰaułba. Tende Boorču, Muχali, Šigi-χutuχu γurban öčirün: «Öcin meljen aγsad Sartauł irgen-ö Soltan-i doroyidaułǰu, balaγad-irge ano abuai bida. Xubiyaǰu abdaχu Örünggeči balaγasun, χubiyałduǰu abχun köüd-bügüde Činggis-χaanoai bi! Tenggeri γaǰar-a güčü nemegdejü, Sartauł irgen-i edüi doroyidaułuγsan-tur, ba olon, ere aγta čino, bayasču maχayiǰu amui. Xaγan yekin eyin kilinglaǰu amu? Köüd buruu-en uχaǰu ayuba je. Xoyiči-yuan surtuγai! Köüd aburi-en ałγasauǰei! Soyurχaasu aułǰaułuasu bołχu-yu?» keen öčiesü, Činggis-χaγan ǰaliraǰu, J̌oči, Čaadai, Ögödai γurban köüd-i aułǰaułǰu dungγodurun:

Ötögüs üges
Orkidču,
Xaučin üges
Xadarǰu,
Bayiγsan γaǰar-a
Baγta(n) ałdatała,
Mangłai kölesün
Arčin yadatała

badarkiǰu, čimaliyar süyüer duułχan bükü-tür, Xongχai-χorči Xongtaχar-χorči, Čormaχan-χorči, ede γurban χorčin, Činggis-χaan-a öčirün: «Boro sibaoun baouliya-tur sai oroχu metü köüd, sai-edüi ayałan surun bükü-tür, köüd-i šintalun mene metü yekin eyin dongγodumu? Köüd ayuǰu, sedkiliyen ałγasauǰei! Naran šinggegü-eče uryuχu-da gürtele dayin irgen bi. Mani Töböd-üd noχod-iyen tukirču ileesü, dayin irgen-i ba Tenggeri γaǰar-a güčü nemegdejü, ałtan-münggü, aurasun-tabar, irgen-oryan čimada abčirasuγai. Ali irgen keeesü, ene höröne Baγtat irgenö Xalibai-soltan keegü bi, keemüi. Teün-tür ba ayałasuγai!» keen öčiesü, χaγan sooraǰu, ede üges-tür ǰaliraǰu, Činggis-χaγan ǰöbšiyejü ǰarliγ bołurun, Xongχai, Xongtaχar, Čormaχan γurban χorčin-i soyurχaǰu, Adargidai Xongχai, Dołunggirdai Xongtaχar χoyar-i: «Mino dergede atuγai». Ötegedai Čormaχan-i Baγtat irgen-tür Xalibai-soltan-tur ayałaułba.

§ 261. Basa Hindus irgen Baγtat irgen χoyar-un ǰaura Aru-Maru Madasar-i irgenö Abtu balaγasun-tur Dörbetai Dorbai-Doγšin-i ayałaułba.

§ 262. Basa Sübeetai-baatur-i ümereši Kanglin Kibča-ud, Bajigid, Orosud, Majarad, Asud, Sasud, Serkesüd Kešimir, Bołar, Łaład-ede harban niken ayimaγ χarin irgen-tür gürtele, Idił, J̌ayaγ usutan müred ketülüm, Kiwamen Kermen bałγasun-tur gürtele, Sübeetai-Baatur-i ayałaułba.

§ 263. Basa Sartauł irgen-i abum baraǰu, Činggis-χaγan ǰarliγ bołurum; bałaγad bałaγad-tur daruγačin tałbiǰu, Ürünggeči bałaγasun-ača Yaławači Masχut nereten ečige köüd χoyar Xurumši oboγtan Sartauł ireǰü, bałaγasun-o yosu töre Činggis-χaan-a ügüleǰü, yosun-tur adali meden kelelegdeǰü, köüd-i ino Masχut Xurumši-yi bidano daruγas-łuγa Buγar, Semisgan, Ürünggeči, Udan, Kisχar, Uriyang, Güsendaril teriüten bałaγad-i medeülün tüsiǰü, ečige-yi ino Yaławači-yi abčiraǰu, Kitad-un J̌ung-du bałaγasu medeülün abčiraba. Sartaγtai güün-neče Yaławači Masχut χoyar-un bałaγasun-o töre yosun čidaχu-yin tuła, Kitad irgen-imedeülün, daruγasłnγa tüšiba.

§ 264. Sartauł irgen-tür dołoan hod yabuǰu. Tende J̌ałayirtai Bała-yi güličeǰü bükü-tür, Bała Šin-müren-i ketüljü, J̌ałałdin-Soltan, Xan-Melig χoyar-i Hindus-un γaǰar-a gürtele nekeǰü, J̌ałałdin-Soltan, Xan-Melig χoyar-i ǰabχaǰu, Hindus-un dumda gürtele eǰiǰü, yadaǰu χariǰu, Hindus-un kiǰiar irgen-i daoliad, olon temeed, olon serkes-i abuad ireǰüü. Tende Činggis-χaγan χariǰu, ǰaura Erdiši ǰusaǰu. dołoduar hon, Takiya ǰil namur, Tuła-yin χara-tun-na, ordos-tur baouba.

XII

§ 265. Tere übül übüljeǰü, Tangγud irgen tür morilaya keen, šini toa toułaǰu, Noχai ǰil namur, Činggis-χaγan Tangγud irgen-tür morilaba. Xadundača Yesüi-χadun ni abču odba. J̌aura übül Arbuχa-yin olon χuład-i abałaasu, Činggis-χaγan ǰosotu-boro-yi unoǰu bülege. Xuład daariǰu ireesu, ǰosotu-boro ürgüǰü, Činggis-χaγan-ni morin-ača unaasu, mariya-ban maši ebedčü Čoorχat baouba. Tere süni χonoasu, manaγar Yesüi-χadun ügülerün: «Köüd noyad kelelеldutkun! Xaγan süni mariya χałaun χonoba!» keeba. Tende köüd noyad χuraasu, Xongχotadai Tołun-čerbi duradχan ügülerün: «Tangγud irgen

Nödügsen bałaγasu-tan
Nunǰi nuntuγtan bi.
Nödügsen bałγasu-ban,
Üürčü ülü odχun tede.
Nunǰi nuntuγ-iyen
Geǰü ülü odχun tede!

Bida ičuju, χaγan-o maraa seriüdüesü, basa jiči moriłat je bida!» keeesü, bürin köüd noyad ene üge jöbšiyejü, Činggis-χaγan-a öčiesü, Činggis-χaγan ügülerün: «Tangγud irgen bidan-i jürüge yadaju χariba keekün. Bida elčin maχa ilejü elčin-i mün ene Čoorχat-ta sobiłaju, üge ano uχaju ičuasu bołuje!» keejü, tende elčin-e dau bariułju ilerün: «Nidoni Burχan či ügülerün: ba Tangγud irgen baraun γar čino bołsu, keelüge. Čimada teyin keegdejü, Sartauł irgen-e eye-dür-iyen ese oroγdaju, moriłasu keen γuyuju ileesü, či, Burχan, üge-dür-iyen ülü gürün, čerig ba ülü ögün, ügeer daariju ilejü bülege. Öere joriγsan-tur χoyina ołułčasu keen, Sartauł irgen-tür moriłaju, Müngke Tenggeri-de iheegdeesü, Sartauł irgen-i jüg-tür oroułju, edöe Burχan-tür üge ołułčasu keen ayisai!» keejü ileesü, Burχan ügülerün: «Daaringγu üge bi ese ügülelüge!» keejüü. Aša-Gambu ügülerün: «Daaringγu üges bi ügülüge. Edöe bör böesü, ta Mongγol χadχuldua surčn χadχułdusu! keeesü, bi bürün, Ałašai nuntuγ-tu

Terme ger tü,
Temeen ačiya tu

biyu. Ałašai joriju, nadur iretkün! Tende χadχułduya! Altan-münggün, ayrasun-tabar kereg-tü böesü, Eriχaya Eri-jou-i jorityun!» keejü ilejüü. Ene üge-yi Činggis-χaγan-a gürgeesü, Činggis-χaγan mariya χałaun arun, ügülerün: «Je, teli! eyimü yeke üge ügüleülju, ker ičuγdaχui? Ükürün, yeke üge-tür šiχan yabuya!» keejü, «Müngke Tenggeri či mede!» keen, Činggis-χaγan Ałašai joriju gürčü, Aša-Gambu-lüge χadχułduju, Aša-Gambu-yi daruju, Ałašai deere χorγołaułju, Aša-Gambu-yi abču,

Terme gertü,
Temeen ačiyatu

irgen-i ino hünesü-er keyistele tałaułba.

«Erekün omoγun
Ere Bin-Sayid
Tangγud-ud-i kiduju,
Eyimün-teyimün Tangγudud-i
Čeriüd güün-e
Bariγsaar ołuγsaar abutγun!»

keen jarliγ bołba.

§ 266. Činggis-χaγan Časutü deere jusaju, Aša-Gambu-lüge aułałaγsad dayijiγsad

Terme ger-ten,
Temeen ačiyatan

Tangγudud-i čerig-üd ilejü, onaγsaar ülidtele talaulba. Tendeče Boorči, Muχali χoyar-a soyurχarun, güčün-e medetele abtuγai! keen jarliγ bolba. Basa Činggis-χaγan jarliγ bolurun, Boorču, Muχali χoyar-a soyurχal ögürün, Kitad irgen-eče ese ögülege, keen, Kitad irgen-ö Juin-i ta χoyar

Sačau χubiyalduju abutχun!
Sayid köüd-i ano
Sibaoy-ban bariulju,
Daχaulju yabutχun!
Sayid ökid-i ano
Ösgejü, emes-iyen
Xormai jasaulutχun!

Kitad irgen-ö Altan-χan-no itegelten inaγ-ud Mongγolun ebüges ečiges-i baraγsan, Xara-Kitad Juin irgen ajuui je. Edöe mino itegelten inaγ-ud Boorču Muχali, ta χoyar, biyu je! keen jarliγ bolba.

§ 267. Činggis-χaγan Časutu-ača gödoljü, Uraχai balaγasu baouju, Uraχai balaγasun-ača gödöljü, Dörmegai balaγasu ebden bükü-tür, Burχan Činggis-χaγan-a aulјara ireba. Tende Burχan aulјarun, altan sümes teriülen, altan-münggün, ayaγa-saba yesün-yesüd, noud-okid yesün-üesüd, aγtastemeed yesün-yesüd, eldeb-iyer yesün-yesüd jisulaju aulјaχui-tur, Buryan-i eüden büteün-a aulјaulba. Tere aulјaχui-tur, Činggis-χaγan dotore dura bulχaba. Γutaar üdür Činggis-χaγan jarliγ bolurun, Iluχu-Burχan-a Šidurγu nere ögčü, Iluχu-Burχan Šidurγu-yi iregdejü, tende Činggis-χaγan Iluχu-yi nögčietkün! keen, Tolun-čerbi γardaju nögčietügai! keen jarliγ bolba. Tende Tolun-čerbi Iluχu-yi γardaju, büteebe keen öčiesü, Činggis-χaγau jarliγ bolurun: «Tangγud irgen-tür üge olulčan ayisuχui-tur, jaura Arbuχa-yin χulad abalaasu, ebedügsen mariya mino anatuγai keen, amin beye mino χayiralaju, üge duradχaγsan Tolun bi je. Nökör güün-ö χoron ügetür irejü, Müngke Tenggeri-de güčü nemegdejü, γar-dur-iyen oroulju, öš-iyen abuai je. Bida Iluχu-yin ene abču iregsen nöüügü χarši, ayaγa-saba selte Tolun abtuγai!» keen jarliγ bolba.

§ 268. Tangγud irgen-i daouliju, Jluχu Burχan-i Šidurγu bolγaju, imayi büteejü, Tangγud irgen-ö eke ečige-yi uruγ-un uruγ-a gürtele muχuli musχuli-yi ügei bolγan, idee ideküi jaura: Muχuli musχuli ügei keen ükülün ečidkan keelen atχun! keen jarliγ bolba. Tangγud irgen üge ügülejü, üge-tür ülü gürkü-yin tula, Tengγud irgen-tür Činggis-χaγan nököete ayalaju, Tangγud irgen-i muχudχaju irejü, Γaχai jil, Činggis-χaγan Tenggeritür γarba. Γaruγsan-o χoyina Yesüi-χadun-a Tangγud irgen-eče maši ögba.

§ 269. Xułuγana ǰil Čaadai, Batu teriüten baraun γar-un köüd; Odčigin-noyan, Yegü, Yesünge teriüten ǰaoun γar-un köüd; Tołui teriüten γoł köüd, ökid, güreged, tümed-ün mingγad-un noyad bürin bołǰu, Kelürenö Ködeü-arał-a, gür-iyer χuriǰu, Čınggis-χaγan-o nereyidügsen mün ǰarliγiyar, Ögödai-χaγan-ni χan ergüba. Čaadai aχa Ögödai χaγan-ni, deü-yüen, χan ergüǰü, Činggis-χaγan ečige-yüen altan amin sakin aγsad kebteül χorčin naiman mingγad turχaud, χan ečige-yin mino beye čaada yabun aγsad ömčü tümen kešigten-i ino Čaadai aχa Tołui χoyar χaγan-na taoułba. Γoł-un ułus-i mün yosuar taoułba.

§ 270. Ögödai-χaγan ori-iyan χan ergüülǰü, dotona yabuχun tümen kešigten-i, γol-un ułus-i öer-dür-iyen bołγaułun baraǰu, urida Čaadai aχatur eyetüǰü, Čınggis-χaγan ečige-yüen dorχut tałbiγsad irgenö, Baγtat irgen-ö Xalibai-sołtan-tur ayałaγsan Čormaχan-χorči-yin geǰige Oχotur, Münggetü χoyar-i ayałaułba. Basa urida Sübeetai-Baatur-i Kanglin, Kibčaud, Baǰigid, Orosud, Asud, Sesüd, Maǰar, Kešimir, Sergesüd, Bułar, Kelet irgen-tür gürtele, Adił, J̌ayaγ usutan müred ketülün, Meketmen Kermen Kiyebe teriüten bałaγad-tur ayałaγsan Sübeetai-Baatur tede irgen-e berkeldügdeǰü, Sübeetai-yin geǰige Batu, Büri, Güyüg, Müngke teriüten ołon köüd-i moriłaułba. Ede ayałaγsad bürin köüd-i Batu aχałatuγai! keen ǰarliγ bołba. Γoł-ača γaruγsad-i Güyüg aχałatuγai! keen ǰarliγ bolba. Ede ayałaχun-i ulus medekün köüd köüdüen-gü yeke köü ayałaułtuγai. Ułus ba ülü medekün köüd tümed-ün, mingγad-un, ǰaud-un barbad-un noyad ołon güün kenber böesü, köüdüen aχa-yi ayałaułtugai. Ökid güriged mün yosuar köüdüen gü aχa-yi ayałaułtuγai! keen ǰarliγ bołuad, basa Ögödai-χaγan ügülerün: «Ene ba köüd-ün aχa-yi aχałaułχu yosun Čaadai aχa-ača bołǰuu ǰe. Čaadai aχa ügüleǰü ilerün: Sübeetai-yin geǰige köüdüen aχa Büri-yi aχałaułumu. Köüdün aχa ayałaasu, čerig arbin γarχu. Čerig ołon bołuasu, čirai deere güčüteye yabuγu. Činadu dayisun güün ołon χarin bi. Tere üǰüür-e kečeün irgen tede. Kilingłaasu, öerün mese-düriyen ükükün irgen tede. Meses χurčatan, keegdemüi!» keeǰü ileǰüüi. Ögodai-χaγan ügülerün: «Tere ügetür bidano ber Čaadai aχa-yin kičiyangγü güčü-er koüd-ün aχa-yi γarγaya!» keen, ǰüg-ǰüg tungχaaǰu, Bata, Büri, Güyüg, Müngge teriüten köüd-i ayałaułχui yosun eyimü bi ǰe.

§ 271. Basa Ögödai-χaγan Čaadai aχa-tur eyetüǰü ilerün: «Čınggis-χaγan ečige-yüen belen-tür sauba. Yambar erdem-iyer sauba keen ügülegdegü-yü bi? Čaadai aχa-yi ǰöbšiyeesü, χaγan, ečige bidano, Kitad irgeno Ałtan-χan-ni dorχut tałbiłuγa. Edöe bi Kitad irgen-tür moriłasu!» keen eyetüǰü ileesü, Čaadai aχa ǰöbsiyeǰü: «Yau ałǰaχu? Auruγ-tur sayin güün tüšiǰü moriłatχun!

Bi endeče čerig-üd γarγaǰu ilesü!» keen ilejüüi. Yekes Ordos-tur Oɬdaɣar-χorči-yi tüšiǰü,

§ 272. Taoɬai jil Ögödai-χaγan Kitad urgen-tür moriɬaǰu, J̌ebe-yi mangɬai ileba. Tedüi Kitad-un čerig-üd-i daruǰu, hunǰiu bayitaɬa kiduad. Čabčiyaɬ-i dabaǰu, jüg-jüg χotod baɬaγad ano eereülün čerig-üd yabuuɬǰu. Ögödai-χaγan Šira-deg-tür baoyba. Tende Ögödai-χaγan ebedčin gürteǰü. aman kelen ǰabχan aɬǰaγdarun, böes böes tölgečin-e tölgeleülüesü: «Kitad irgenö γaǰar usun-o eǰed χad irgen oryo-ban daouliγdarun. baɬaγad χotodiyen ebdegderün, türgen-e adaɬamui. Irgen-orγa, aɬtan-münggün. aduusun-ideen ǰolia ögüya keen abitɬaasu, ülü taɬbiran düled-türgen-e adaɬamui. Uruγ-un güün-eče boɬχu-yu?» keen abitɬaasu, χaγan nidün-iyen neeǰü, usun γuyuǰuui. Yaun boɬbai? keen asaγtaǰu, böes öcirün: «Kitad irgenö γaǰar usuno eǰed χad γaǰar usun-iyen ebdegderün, irgen-orγa-ban daouliγdarun, turgen-e adaɬamui. Busu yaun ber ǰoliγ-a ögüya keen abitɬaasu, düled türgen-e ǰiür medemüi. Uruγun güün-eče boɬχu-yu? keeesü taɬbiramui. Edöe ǰarliγ medemü je!» keen öčiesü, ǰarliγ bolurun: «Dergede köüd-eče ken bi?» keeesü Tölui köün dergede bülee, ügülerün:

«Sutu Činggis-χaγan,
Ečige bidano,
Deere aχa-nar,
Doro deüner böetele,
Xaγan aχa-yi, čimayi,
Aγta metü songγuǰu,
Irge metü bilǰü,
Yeke oro-ban
Beye-tur čino ǰiγuju;
Oɬan uɬus-i deere čino
Ačiǰu ögba je.
Namayi bürün:
Xaγan aχa-yin dergede aǰu,
Umartaγsan-i duradχaǰu,
Untaraγsan-i seriülǰü
Yabu keegdelüge.
Edöe χaγan aχa-iyan
Čimayi aɬdaasu bi,
Kenö umartaγsan-i duradχaχu,
Kenö untaraγsan-i seriülgü?
Ünen-ber χaγan, aχa mino,

Jöb ese bołuasu,
Ołon Mongγoł ulus
Önečirekün!
Kitad irgen—
Kibχangχun!
Xaγan aχa-yuan
Orun-a bi bołsu!
Tułu-yin niruun—
Bi tułbałba.
Kileme-yin niruun—
Bi kinggülbe.
Ile-yi bi iłaγba,
Γada-yi bi χadχuba.

Niur γoa, niruun urtu bi-gü bi je! Böes, arbatχun, jügerütkün!» keejü, böes jügerüesü, jügergen usu Tołui köün uuba. Xoram sauju, ügülerün: «Soγtaba bi! Soγtaχu-yi mino sergütele, önečid üčüged, deüner-iyen, belbisün-beriyen berüde oyin-a gürtele asaraχu-yi χaγan-aχa medetügai! Ali-ber ügeben ügülelee. Bi soγtaba!» keeed, γarču ogču, jöb ese bołuγsan yosun teyimü.

§ 273. Tedüi Altan-χan-ni muχudχaju, seu-se nere ögču, altan-münggün, altatai hartu aurasun tabar, ałašas, seuses-i ano daoulilju, alginči tanmačin talbilju, tübšin tükel χarilju, Xara-χorum-a baouba.

§ 274. Čormaχan-χorči Baγtat irgen-i elseülǰüü. Tere γaǰar sayin, ed sayin keegdemüi, keen medejü, Ögödai-χaγan ǰarliγ bołurun, Čormaχan-χorči-yi mün tende tanma sauju, šira altan, širamał altatan naχud načidud dardas, subud tanas, güjüü urtus köl ündür tobičaud, güring eleüd, daus-i, kičidud, ačiyan-a χačidud, łaosasud hon-tur gürgeüljü ilen atχun! kecba. Sübeetai-Baatur-un gejige ayałaγsad Batu, Büri, Güyüg, Müngge teriüten ołon köüd Kanglin-Kibčaud-i, Bajigid-i oroulǰu, Ejil, J̌ayaγ, Meget bałaγasu ebdejü, Orosud-i kiduju, ülüttele tałaba. Asud, Sesüd, Bołarman, Kerman-Kiwa teriüten bałaγad-un irgen-i daoulilju elseüljü, daruγačin tanmačin-i talbiju χariba. Urida J̌ürčed, Solangγas-tur ayałaγsan J̌ałayirtai χorči-yin gejige Yesüder-χorči-yi ayałaułba. Tanma sautuγai! keen ǰarliγ bołba.

§ 275. Batu Kibčaγčin ayan deere-eče Ögödai-χaγan-a elčineče öčijü ilerün: «Müngke Tenggeri-yin güčün-tür, χaγan abaγa-yin su-tur Meget bałaγasun ebdejü, Orosud irgen-i daoulilju, harban niken χarin irgen-i jügtür oroulǰu, altan jiłoa ičun tataju, salułčaχui χurim χurimłaya keeldüjü,

yeke čačir bosχaǰu χurimłaχui-tur, bi ede bükün köüd-ün aχaχan bołuγsan bołǰu, niken-χoyar ayaγa ötög urida uuba keen, nadur Büri, Güyüg χoyar maouyiłaǰu, χurim ülü χurimłan moriłaγdaba. Moriłaǰu, Büri ügülerün: Batu sača böed bołǰu, urida ker uuχun bülege?

Saχałtan emeged
Sačaun bołǰu,
Ösügei-iyer türiǰu,
Ölmü-iyer gečikilekü!

keeǰüü. Güyüg ügülerün: Tede emeged-i ebčeüd ino ǰoryałduya či, bida, tedeer-i! keeǰüüi. Eljigidai-yin köün Haryasun ügülerün: Modun seül ǰübčiya, teden-i! keeǰüüi. Ba bürün, busu heligetü bułχa irgen-tür moriłaułdaju, ǰöbi-töbi bołχu bołba, keeǰü bükü-tür, Büri Güyüg χoyara eyin keegdeed, eye ügei tarχaγdaba. Edoe χaγan abaγa ǰarliγ medetügai! keen očiǰü ileǰüüi.

§ 276. Batu-yin ene üge-tür χaγan masi kilingłaǰu, Güyüg-i ülü aułǰaułun, ügülerün: «Ene dörmegai ken-ö üges-tür dölüsgüǰü, aχa güün-i aman düüren ügüleyü. Tarča öndegen hüütügai! Mün aχa güün-ö ebčeün-tür dayisuryan aǰuu!

Ałginči talbiǰu,
Harban χuruud-un
Kimuł ino χautała,
Aułas metü bałaγad-tur
Abariuluya!
Tanma talbiju,
Tabun χuruud-un
Kimuł ino χautała
Dabtamał χatangγu bałaγad-tur
Abariułuya!

Či beter maoui dörmegai Haryasun ken-i enggešigeǰü bidano uruγ-tur aman düüren yeke ügülen bülege! Güyüg Haryasun χoyar-i χamtu ileye! Haryasun-i mökörüldeǰü bülege. Ałaγčiłaba keekün ta! Büri-yi bürun, Batuda ügüle! Čaadai aχa-da ügüleǰü iletügai, Čaadai aχa medetügai!» keeba.

§ 277. Köüd-eče Manggai, noyad-ača Ałčidai, Xongχortai, Janggi eriüten noyad duradχan öčirün: «Činggis-χaγan, ečige-yin čino ǰarliγ:

Keer-ün üyile —
Keer-e gü noyałaχu bülege,

Ger-ün üyile
Ger-tür gü noyaɬaχu bülege.

χaγan ni soyurχaasu, χaγan Güyüg-tur kilingɬaǰu amu. Keer-ün üyile buyu. Batu-da tüšiǰü ileesü boɬχu-yu?» keen öčiesü, ene üge-yi χaγan ǰöbšiyen ǰaliraǰu, Güyüg-i auɬǰauɬǰa, süyü-er üge dungγodurun: «Ayaɬaǰu odurun ǰaura

Bögsetü güün-ö —
Bögse ino ese hüledeba,
Keegdemü či.
Čerig-ün haran-o —
Čirai χuγuɬǰu odba,
Keegdemü či!

Orosud- irgen-i γaγčaar oroulγsan metü sedkiǰü, omoγ dura bariǰu, aχagüün-tür dayisurχan ayisu či. Činggis-χaγan, ečige-yin bidano, ǰarliγtur bui:

Oɬon — ayuuli,
Gün — üküüli!

keegü ese-ü bülege? Γaγčaar tuniγsan metü, Sübeetai, Büǰeg χoyar-un χaɬχa-da yabuǰu, oɬoar büriyer χamsaǰu, Orosud, Kibčaud-i oroulǰu, nikenχoyar Orosud Kibčaud-i oɬǰu, esige-yin šiira oɬuγai. Jöeai-üdüüye eremšiǰü, nikente gerteče γarču, yauber γaγčaar tuniγsan metü üge daou urisču ireǰu či, Manggai, Ałčidai, Xongγortai, J̌anggi tan-a

Degdegsen ǰürügen-i
Derge nökör boɬǰü tödeeǰü,
Debülküi toγoan-i
Delegai šinaγa boɬǰu amurliulǰaǰu,

ǰe, teli! Keer-ün üyile Batu-yi keelegai. Güyüg, Haryasun χoyar-i Batu medetügai!» keeǰü ileba. «Büri-yi Čaadai aχa medetügai!» keeba.

§ 278. Basa Ögödai-χaγan ǰarliγ bolurun: «Činggis-χaγan, ečige-tür mino, yabuγsad kebteül, χorčin, turχaud bürin kešigten-ö yabudaɬ tungχun duulχaχui ǰarliγ tungχaarun, χaγan ečige-yin ǰarliγ-iyar urida ker yabuχun bülegai. Edöe mün yosuar yabutuγai!» keen ǰarliγ bolurun, χorčin, turχaud uridu yosuar üdür mör-mör-düriyen yabuǰu, narataya kebteül-e ǰayiɬaǰu, γadana χonotuγai! keen ǰarliγ boɬba. Süni bidan-tur kebteül χonotuγai. Eüten-tür ger-ün χorčin kebteül bayituγai. Ordo-yin χoyinaun uri-

daun kebteül muχurituγai. Naran šinggegsen-ö χoyina süni yabuχun haran kebteül bariju χonotuγai. Ołon taryaγsan-o χoyina χonoγsad kebteül-eče busūd dotoγši joričen oroχun haran-i bariγsad kebteüi ekid ano dałbaru čabčiju oortuγai. Sūni yaarał keletü güün ireesü, kebteül-tür keleleju, gerün ümereče kebteül-lüge χamtu bayiju kelelеltügai. Ördo ger-tür oroχu γarχū-yi Xongχortai, Širaχan tan jasauł kebteül-lüge χamtu jasatuγai. Eljigidai itegeltü böetele jilda kebteül-ün degeün yabuχu bołun, kebteül-e bariγdałaγa keen, jarliγ busu ülü bołγaχu kebteül itegeltü bije! keen jarliγ bołju, kebteül-ün toa bu asaγtuγai. Kebteülün saurin degeün bu yabutuγai. Kebteül-ün jaχaun bu yabutuγai. Kebteül-ün degeün yabuχun, jaχaun yabuχun haran-i kebteül barituγai. Kebteül-ün toa asaχu güün-ö tere üdür-ün unoγsan aγta emeeltü γadaartu-yi emüsügsen χubčasun selte kebteül abtuγai. Kebteül-ün saurin-o deere kenber bu sautuγai Kebteül tuγ keürge doro jida ayaγa-saba asaratuγai. Undan ideen-i ötkan miχa kebteül daruγałatuγai! keen jarliγ bołba. Ordo ger tergen kebteül asaratuγai. Bidano beye čerig ese γaruasu, bidan-ača anggida öere kebteül čerig bu γartuγai. Bidan-i sibaoułaχui abałaχui-tur, jarimud-iyen ordo ger tergentür čaγłaju tałbiju, bidan-łuγa jarim kebteül yabutuγai. Kebteül-eče nuntuγčin yabuju, ordo baoułtuγai. Eüten čaada kebteül eüdečin bayituγai. Bürin kebteül Xadaan mingγa medetügai! keen jarliγ bołba. Basa kebteül-ün keseg keseg-ün noyad tüširün: Xadaan, Bułaχadar χoyar niken keseg bolju eyetüldüjü, niken keseg oroju, ordo-yin baraun jaoun eteged χaγas sauju jasatuγai. Amał, Čanar χoyar eyetüldüjü, niken keseg bołju, keseg oroju, ordo-yin baraūn jasun eteed χaγas jasatūγai. Xadai, Xoriχačar χoyar eyetüldüjü, niken keseg oroju, ordo-yin baraun jaoun eteed χaγas sauju jasatuγai. Yałbaγ, Xaraudar χoyar eyetüldüjü, niken keseg bołju keseg oroju, ordo-yin jaoun eteed χaγas sauju jasatuγai. Basa Xadaan, Bułχadar-un keseg, Amał, Čanar-un keseg, ede jirin keseg-üd ordoyin jaoun eteed nuntuγłaju, keseg orotuγai. Xadai, Xoriχačar χoyar-un keseg Yałbaγ, Xaraudar χoyar-un keseg, ede jirin keseg-üd, ordo-yin baraun eteed nuntuγłaju, keseg orotuγai! keeba. Ede dörben kes g kebteül Xadaan medetügai. Basa kebteül mino beye čaada ordo horčin bayiju, eüten daruju kebtetügai. Kebteül-eče ordo-tur oroju χoyar haran tüsürge barituγai! keen jarliγ bołba. Basa χorčin-i Yesüntee, Bukidai, Xorχudaγ, Labłaχa, dörben keseg-keseg bołun, χor aγsaχuya turχaud-un dörben keseg keseg-tur ačid-un χorčiniyen jasaju, orołdutuγai! keen jarliγ bolba. Basa turχaud-un keseg-üd-ün ötögüs-i urida meden aγsad-un uruγ-ača tüširün: urida meden aγsan Ałčidai, Xongχortaχai χoyar eyetüldüjü niken keseg turχaud-i jasaju orotuγai. Temüder, Jegü χoyar eyetülgüjü, niken keseg turχaud-i jasaju

orotuγai. Mangχutai Gejigeleür-i medeed, niken keseg turχaud-i jasaju orotuγai. Basa χaγan jarliγ bolurun: Bürin noyad Eljigidai-yi axalaju, Eljigidai-yin üge-er yabutχun! keeed, basa jarliγ bolurun: Kesegtü güün keseg oroχui-tur hoaraasu, uridu jarliγ-un yosuar γurban beries süyütüγai. Mün kesegtü güün basa nököete keseg hoaraasu, doloan beriyes süyütuγai. Basa mün güün öbedčin šiltaa ügei, keseg-ün ötögü-tür eye ügei γutaar-ta keseg hoaraasu, bidan-tur yabuχui-iyen berkešiyan ajuu. Γujin doloan beriyes süyüed, χola γajar-a nidun-o ečine ileya. Basa keseüd-ün ötögüs keseglegsen kesegten-i ülü bügüdkan keseg hoaraasu, keseüd-ün ötögüs-i ereülüya. Basa keseüd-ün ötögüs γutaar γutaar keseg oroχui-tur yeüdkeldüküi-tür, ene jarliγ kešigten-i sonosχatuγai. Jarliγ sonosuad bürün, kešigten keseg hoaraasu, jarliγ-un yosuar ereülüya. Ene jarliγ kešigten-e ese sonosχaasu, keseüd-ün ötögüs alдaltan boltuγai. Basa keseüd-ün ötögüs sačaun oroγsad mino kesegtü-yi bidan-ača eye ügei, axalaγdaba ele keen, bu onjituγai. Jasaγ könteesü, bidan-a jaatuγai. Uküüldegü yosutu böesü, bida mökörülüt je. Keseegdegü yosutu böesü, bida süyüt je. Axalaγdaba keen, bidan-a ülü jaan öesüd γar köl gürgeesü, noduryа-yin χariu — noduryа beriye-yin χarin — beriye χariultuγai! keeba. Basa γadanadus mingγad-un, noyad-ača mino kešigten deere bi je. Γadanadus jaud-un harbad-un noyad-ača mino kešigten-ö Kötöcin deere bije. Γadanadus mingγaliud mino kešidten-tür kereidüesü, mingγaliudai-yi ereüleya! keen jarliγ bolba.

§ 279. Basa Ögödai-χaγan ügülerün: «Činggis-χaγan ečige-yüen joban bayiuluγsan ulus-i bu yoboaya.

Köl ano köser-e,
Γar ano γajar-a

talbiulju jiryauluya. Xaγan ečige-yüen belen-tür sanju, irge ülü jobaan, šülen-e ede ulus-ača sürüg-ün niken šilegü χonin hon hon-tur ögtügai. Jaun χonid-ača niken χonin γaryaju, mün jaura ügeün dutaun-a ögtügai. Basa axa deü olon ere ayta kešigten čiuluasu, undan tere tütum irgen-eče ker χubčiγdaχui? Jüg jüg-ün mingγad mingγad-ača geüd γaryaju, saaad, saalinčin tan-i aduuluaad, nuntuγči tan-i orošin, töled γaryaju, unoγučin boltuγai. Basa axa deü čiuluasu, öklige soyurχal ögüya. Aurasun-sükes, χod-num-ud, χuyaγ-jebe, tsang-ud tusurču, balaγad sakiuluya. Jüg jug-eče balaγačin amučin ilγaju sakiultuγai. Basa ulus irgen-e nuntuγ usu χubiyaju ögüya. Nuntuγ nuntuγlaulχuya mingγad mingγad-ača nuntuγčin ilγaju γaryaasu bolχu-yu? Basa čöl γajar-a göreeşün-eče busu ülü amui. Irgen-e anya saut. Čanai, Uiγurtai χoyar nuntuučin-i teriüleju, čöl-ün χuduγ-ud eriüljü χašituγai. Basa bida elčin haulurun, ulus bitüülun haulγamui. Haulχun elčinö

ba yabudaɫ udaan bi. Uɫus irgen-e ba joboɫang bi. Edöe bida oγoata oro-šiuɫun, jüg jüg-ün mingγad mingγad-ača jamučin uɫaačin γarγaju, saurid saurid jam taɫbiju, elčin-i γadaγa ügei uɫus-iyar ülü bitüülün, jam-iyar hauɫχaasu boɫχu-yu? Ede üyiles-i Čanai Boɫχadar χoyar uχaju bidan-a duradχaasu jöb aχu-yu? keen sedkijü, Čaadai aχa medetügai! Ede ügülegdekün üyiles jokiχui böesü, jöbšiyeesü, Čaadai aχa-ča boɫtuγai! keeju ileesü, Čaadai aχa asaγču ilegsen ede ele üyiles-i bügüde-yi jöbsiyeju, teyin böed kitügai! keeju ilejüüi. Basa Čaadai aχa ügüleju ilerün: Bi endeče jamud esergü bariɫduuɫsuγai! Basa endeče Batu-tur elčin ilesügai. Batu ber esergü jamud-iyen bariɫduuɫtuγai! keeed, basa ügüleju ilerün: Bügüde-eče jamud taɫbiuɫχu üyile job-eče jöb duradχajuui!» keeju ilejüüi.

§ 280. Tendeče Ögödai-χaγan ügülerün: «Čaadai-aχa, Batu teriüten baraun γar-un köüd aχanar deüner bürin; Odčigin-noyan, Yegü teriüten jaoun γar-un aχanar deüner bürin köüd; γoɫ-un ökid, güriged; tümed-ün, mingγad-un, jaud-un, harbad-un noyad-un büriyer jöbšiyejüüi. Jöbšiyerün: Daɫai-yin χaγan-no šilen-e hon-tur sürüg-ün niken šilegü irge γarγaasu yaun bi? Jaun χonid-ača niken jusaγ γarγaju, ügeün dutaun-a ögkü sayin bi. Jam taɫbiuɫju, jamučin uɫaačin γarγaasu, oɫon uɫus-a amuγuɫang, elčin-e ber yabuχuya ilübte bi, keeesü, büriyer ele jöbšiyejüüi, keen, χaγan-o jarlij: Čaadai aχa-tur eyetüju, Čaadai aχa-da jöbšiyegdeju, bürin uɫus-ača niken jusaγ χonin γarγauɫba. Geüd γarγauɫju unoγučin sauɫba. Unoγučin, baɫaγačin, amučin γarγauɫba. Jamučin uɫaačin-i γarγauɫju, saurin saurid-un γajar čaγɫauɫju, jam taɫbiuɫurun, Aratsen Toχučar χoyar-i jasauɫju, jam niken saurin-tur χorin uɫaačin boɫγaba. Saurin tutum-tur χoriγad uɫaačin boɫγaba. Uɫaan-o aγtas, šiusun-o χonid, saalin geüd, tergen-tür kölgü hüker terged endeče bidan-ača emlegsen kem-eče oχor bugi dutauɫuasu, oryoɫ-iyar χaγas aɫdaɫtan boɫtuγai. Xaɫbuγa kekesün dutauɫuasu, χabar χaγes aɫdaɫtan boɫtuγai!» keen jarliγ boɫba.

§ 281. Ögödai-χaγan ügülerün: Ečige-yüen Yeke Oron-tur sauju, χaγan ečige-yin χoyina üyiledügsen mino Šiχudun irgen-tür ayaɫaju, Liχud irgen muχudχaba bi. Nököe üyile mino. Elčin bidano jaura öterlen hauɫχui, basa kereg-jarag-iyan jöeülgüi-e jamud taɫbiuɫba. Basa nököe üyiɫe. Usu ügei γajar-a χudaγ-ud eriüljü γarγauɫju, uɫus irgen usun ebesün-e gürgeülbe. Basa jüg-jüg baɫaγad-un irgen-tür aɫginčin, tanmačin taɫbiju, uɫus irgenö köl köser-e, γar γajar-a taɫbiuɫju aulba bi. Xaγan ečige-yüen χoyina dörben üyiles nemeba je. Basa χaγan ečige-deen Yeke oro ba sauɫdaju, oɫon uɫus-iyen deere mino ačiju odtaju böed ber darasun-a iɫaγdaχu mino buruu boɫba. Niken buruu mino ene boɫba je. Nököe buruu—yosu ügei eme güüno üge-tür oroju, Odčigin abaγa-yin uɫus-un ökid abčiraɫχu

alǰiyas bolba je. Ulus-un Ejen χaγan böetele, yosu ügei alǰiyas üyile-tür dolesgegü mino niken buruu ene bolba je. Basa Doχulχu-yi kegesülegü niken buruu. Ker bürüü keeesü, γan ečige-yin mino tusu-an emüne ölümlegü Doχulχu-yi kegesülegü niken büruu alǰiyas. Edöe mino emüne ken teyin ölümleǰü öggü? Xaγan ečige-yin mino bürin-ö emüne Töre kičıyegü güün-i ülü uχan ösüledügsen-iyen öer-iyen buruušiyaba bi. Basa Tenggeri γaǰar-ača ǰayaatu töregsen goreesün-i aχa deü jüg oduuǰi keen, χaramlaju χurua yourχa nödüüljü ǰedgüjü aχu bolun, aχa deüdeče čimaliχai üge sonosba bi. Buruu-gü bolba. Xaγan ečige-yüen χoyina dörben üyiles nemeba je bi, dörben üyiles buruu bolǰuui je! keeba.

§ 282. Yeke χurilta χuriju, χulγan jil, Xuran sara-da, Kelüren-ö Ködee-aral-un Doloan-boldaγ-a Šilginčeg χoyar jaura Ordos baouju büküitür, bičijü daousba.

СЛОВАРИ

В ПОРЯДКЕ СЛЕДОВАНИЯ ПАРАГРАФОВ ТЕКСТА

Монгольские слова и выражения XIII в. даны, прежде всего, в транскрипции, выражающей подлинное китайско-монгольское письмо памятника, и в значениях, усвоенных монголо-китайским надписным словарем П. Кафарова, с поправками и дополнениями по его же китайско-русскому словарю, а также и словарям Куврера, Джайлса и др. Во всех возможных случаях приведены слова и значения из современного монгольского письменного языка и разговорных диалектов, в принятой у нас научной латинизованной транскрипции, по словарям Ковалевского, Голстунского и др., с предварительным знаком mo.

Перед словами, заимствованными у A. Mostaert'a, а также в случаях ссылок на него, ставится знак M и цифра, обозначающая страницу «Le dialecte Monguor» (Pei-p'ing, 1933). Index расположен сначала по порядку параграфов текста, а затем повторен в алфавитном порядке.

Имена, географические названия и термины выделены в особые алфавитные указатели второго тома.

§ 1

ħuǰaur начало, происхождение; mo. uǰaγur ~ iǰaγur начало, основание, корень; род, происхождение, первоначально, старинный род; квадр. hu-ǰa-ḥur; халх. joʒȳp ~ jaʒaɧȳp ~ jiʒaɧȳp ~ iʒaɧȳp, мджр. fuǰuri id. (Cf. Владим., Ср. грамм., стр. 187 и др.).

teŋk̄is озеро; mo. tenggis ~ tenggis dałai море внутреннего бассейна, большое озеро.

§ 4

neuri кочевье, дневной кочевой переход; mo. negüku, negüdel кочевать, кочевье.

§ 5

ħuruu вниз по течению; mo. uruγu id.

nouku кочевать; mo. negükü id.

aisuqu итти, ехать; mo. ayisui приближается; aγašiχu приближаться, двигаться; aγaši нрав, поведение, «подход»; клм. āšna приближается; āšiχu своевольничать; ašiγ приход, прибыль; нарыв, зоб.

§ 6

qarau ~ mo. χaraγu защита, прикрытие, покровительство, М., p. 164.
qarautai terke крытый возок.
oljike ~ mo. öljige кибитка тележная.

§ 8

ariq usun-na toreksen cf. mo. ariγ usun-a törügsen рожденный от непорочной девы. Ковал., стр. 148.

§ 9

oboq bolqu составить особое колено рода.

§ 12

hoi (hoai) лес; mo. oi id.
jao (joe) buqu 3-летний олень; mo. čögü buγu id.
qabirqar ребро; mo. χabirγa верхнее переднее ребро; ger-ün χabusun унина юрты, М. p. 166; χabisun, χawisu, χabusun.
abit желудок (зверя).

§ 13

širolqada дай жареного мяса.
jildu arasun задняя часть туши с кожей.

§ 16

orele quya одна нога (зверя); mo. öreli (örögesün) γuya id.
ququlqu отломить, оторвать, отделить; mo. χuγuĺχu id.
jaruqu служить, быть в услужении; mo. jaruχu id.

§ 18 и 19

uye-qaya kuun родной человек, родня мужа; Hausgenosse (Haenisch).
χonšilemel qonin впрок солено-вяленое мясо барана; mo. χaγsamaĺ χonin вяленая баранина; juĺma χonin замороженная туша барана (Владим., Общ. строй, стр. 39); ягненок последнего зимнего месяца (Haenisch); mo. širimaĺ проваренный, чистый, плавленый.
saulqu посадить; mo. saγuĺγaχu id.
nijiel по одному.
bayunqun оставить; трудно; задержка; затруднение.
oorqu бросить, отбросить; mo. oγurχu id.
musu ~ sumu древко стрелы; mo. müsü хворостинка; sumu стрела.
qantu ~ χamtu вместе, сообща.
kuuleldun bariqu держать поочереди.
bituulku ~ bitügülekü держать, зажимать в горсти.

§ 21

biliku гладить, поглаживать; mo. ilikü id.
kili входящий луч; mo. kili линия, борозда, черта.

šičabaljaqu лазить, лезть, царапаться, пробираться.
deleme выдумки, пустое; mo deɬemei id.
ukulet ~ ögülem (ui) говорят; скажут.
tiyaou-ber ~ teou-ber ~ tewuber ~ tegüber вследствие того.
tendek ~ temdeg мета, отметка; знак, признак.
yekin ~ yākin как, почему.
uqat je ~ uχam(ui)ja поймут пожалуй.

§ 22

süyu-er uke ukulerun наставительно говорил; mo. soyoɬ наставление.
qilbar-a легко, свободно, просто.
nikan eyeten единодушные.

§ 23

budaou ~ büdüwü (n) ~ büdügün грубый, дикий.

§ 24

oroq šiɔquła белая лошадь с черной спиной.
embule шалаш; хижина; балаган; mo. kürmel id.

§ 25

qaraχuru куропатка; mo. χarkiru id.
huraqalaqu ~ uraγaɬaχu ловить силком.
kun утес, скала; kun-tur qorqaqsan окруженный в скалах.
mariγaqu подсматривать, подкрадываться.
teɔkulduku подбирать; mo. tegü id.
hon (hoan) год; hon qarba зиму прожил, год прожил благополучно; cf. клм. весеннее приветствие: mendü γarba ta! благополучно зиму прожили (из зимы вышли)!

§ 27

noqot (d) утки; mo. nuγusun id.
teileulku заставить голодать; mo. teyilkü сводить желудок, корчи живота.
qalaout ~ χaɬaγud гуси.
qoǰiulas сухие деревья, пни; mo. χoǰiγuɬa засохший пень дерева, часть ствола растения после рубки.
huɔǰiules сухие деревья, пни; mo. öngši сухие сучья; жердь, тычина.
hunisku обонять; mo. ünüskü, ünür id. M., p. 105: hünür id.
qoaɔšiu ~ qoɔšiut вонь, вонючие части; mo. χongǰusun задница; широнг. konǰösy id. M., p. 123.
quɔšiut вонь; клм. χungšig смрад, гниль.

§ 28

duiren keru-dača ~ tüyire (n) gerü-deče за хребтом позади (кит.), из-за темного бора северного склона горы.

duiren oi ~ mo. tüyiren oi темный лес < tüyirekü теряться, заблудиться.
keru бор за горой, к северу от гор; mo. kerü лес на северном склоне горы; мнгр. geri северная, не освещенная солнцем сторона. M., p. 133.
bolek irken ~ bölug irgen кучка народа (в смысле части племени; колено), толпа.
esuk ~ esüg кобылье молоко, кумыс.
esuk čileku пить с дороги кумыс; mo. čilekü, клм. čiɬaχu устать (с дороги).

§ 31

maqa может быть, не знаю, вероятно; mo. mayad id.
qao ~ qaa где, где-нибудь.
horene запад; mo. öröne jüg id.
umere север; mo. umara jug id.
odun hüsun перья и пух; mo. ödün üsün id.
burqaliq časun летящий снег, метель, снежный вихрь; mo. burγanimui дождит при солнце; burγanaγ мелкий дождь.
oire ~ oyira близко.
qorumut немножко, несколько минут; mo. χorum миг, момент.
kuličeku ~ küličekü ждать, подождать.

§ 32

qoran ~ qoram ~ qorum ~ χorum миг, момент.

§ 35

kurku ~ kürkü достигнуть, прибыть.
šira копыто, низ ноги; mo. šigira часть ноги ниже колена, голяшки, ножки (у животного). M., pp. 397, 436.
qauliqu ~ qauluqu ~ qaulqu полонить, захватить; mo. χaγuɬχu облупить, ободрать.
alkinči ~ alkimči (alqumči?) передовой, соглядатай, проводник, гид.
haulaqu ~ haulqu бежать, скакать; mo. aγuɬγačin военный курьер, гонец; широнг. χolqo в галоп; mo. öüluna скачет. M., p. 180.

§ 38

yaujin ~ yaujim ~ yayičam какой, что за?

§ 39

daouliqu ~ dawuliqu брать в плен, разорять; mo. tauliχu ~ taγuliχu угонять.
tutqar (a) прислуга.

§ 41

mene множество; mo. mene вот, эвот, вот сколько.

§ 43

jïkeli жертвоприношение небу путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение); mo. jükülі баран, воткнутый шаманом на шест; заклятие. Ковал., стр. 2424.

ker darua постоянный посетитель, завсегдатай, свой человек в доме.

§ 44

alua ~ aɬuγa < aχu быть.

ebuke предок.

§ 46

eki-teriu главы, начальники, начальство.

eki-teriu ukai безначалие, анархия.

budaan каша.

qutqulaqu мешать руками; mo. χudχuɬaχu мешать, взбалтывать.

adaruqči спорщик, задира; mo. atarχaχu завидовать, быть недоброжелательным.

aburin eme самим (насильно) взятая жена; mo. первая, старшая жена.

toreksen ~ koun сын от жены, по обычаю взятой, от старшей жены.

§ 53

hüdeku ~ üdekü провожать.

harban ~ arban десять.

keseku мстить; mo. kesegekü обуздывать, отучать; клм. kesekü мстить.

kimultamuqu содрать ногти на руках; mo. kimusun ногти; tamuχu сучить, ссучивать, прясть.

aburaqu воздать; mo. aburaχu спасти.

§ 54

oki abču euskeku водворять в дом невесту.

oɔkeiku приподняться; mo. önggeyikü id. (о цене).

bušitai особенный, исключительный; mo. busu ~ biši.

qatu ханша, дама, особа.

§ 55

nambalis || dabalis переходить, переезжать; через; mo. namnaχu стрелять на скаку; nambuɬčaχu двигаться, шевелиться.

qučilis кругом объехать; кругом; mo. χučiχu накрывать, объехать, обложить.

haran человек, люди.

qoroq! Спасай же, спасай уж! mo. χoroχu id.

hunar ~ ünür запах.

hunasku ~ ünüskü нюхать; целовать.

čanča ~ čamča рубаха.

multulku ~ mültülekü спустить, снять.

noruitku наклониться с коня (для принятия чего-нибудь); mo. nögü поясница.

juqus поспешно.

§ 56

quburi холм; mo. kübür скат.
huldeku ~ üldekü гнать; преследовать.
delbeke поводья; mo. > delbe насквозь; клм. delbelge извозничество; калым.
kiliku derkečeku в непосредственной близости, рядом ехать; mo. kelkü связанный, соединенный; kili+kü; jergečekü поместиться рядом < dergede.
keisumuser bulee никогда не развевал.
obusumuser bulee никогда не голодал.
šiburke пучки волос; клм. šiberlig чехлы для женских кос.
hoi (hoai) лес.
jubur долина.
qaraiqu ~ χaraγiχu прыгать, броситься, вскочить.
qalaiqu ~ χalaγiχu снизойти.
qaiqu ~ χaγiχu всматриваться, искать.
qaulqa (qaul-) бег, след. Cf. M., p. 180.
šin boli ~ sem boł замолчи.

§ 57

debseku прыгать, плясать.
saqlaqar ~ saγlaγar развесистый, ветвистый.
horčin ~ orčin кругом, вокруг.
qaulnqa выбоины от бега, езды; след; haulqu бежать, скакать; клм. χālγa след, колея, дорога.
olkek куча пыли, песку; mo. elgeg сито, решето; elgegdekü отбивать пыль, просевать.

§ 58

osül osüen мстя, отмщая; mo. ös; öšiye id.
kisal kisan воздавая, обуздывая; mo. kesege обуздывать; клм. kesekü мстить

§ 59

šiai животный камень (!?); клм. šaχai альчик; баранья лодыжка (употр. в детских играх); халх. šiχa бабка, лодыжка, казан; мнгр. šgē ступня ноги (животного, человека); mo. šiγai лодыжка ноги. M., pp. 59, 378.
nodun сгусток крови; халх. nöji запекшаяся кровь; клм. nöji комки ссевшейся крови.

§ 62

kere рассвет, заря; mo. geriye id.

§ 63

tuuqu спускаться, нисходить; mo. tuu- (too) сходить, нисходить; дух нисходит на шамана.
jee родня по женской линии; клм. jē вторая степень родства в женском колене; jē kūken внучка от дочери, племянница по матери; jē köwün

внук от дочери, племянница по матери; халх. jige id.; мнгр. jie племянницы, внучки по сестре или дочери. M., p. 86.

oreele etet на стороне, подле: mo. öregesun ~ öregele половина (чего-нибудь парного).

ole темный; клм. ölö сизый; халх. ölö сиво-пегий.

očiltei докладывающий (?); набожный, покорный к старшим; mo. öčikü докладывать.

noun дитя; mo. niγun отрок, мальчик.

§ 66

joentaou ~ čoentaou мало, не много раз; mo. čöken; др. čöen id. M., p. 454.

doroŋjilaqu ~ doromjilaqu унижать. оскорблять.

otolku ~ ötölkü состариться.

§ 67

undasču ~ umdasču испытывая жажду.

qurin ~ qurim пир.

kečel ~ kesel вражда, отмщение, возмездие.

oisulatqu тайно извести (mo. öšiyelegdekü?).

qujirqu отравить; mo. χujir ~ χučir бедственный.

§ 68

čaqa дитя.

§ 69

moreleku постоянно думать, тосковать; mo. mörügede сильно желать, постоянно думать; клм. möredekü id. M., p. 238.

ore ~ örö внутренность, сердце, душа.

§ 70

yekes предки, тени, духи; yekes-e qajaru ineru qaruqsan пошли на кладбище предков (для принесения жертв).

bileur остатки жертвенных яств.

§ 71

küreku просить, молить.

§ 72

čeel usun глубокие воды; mo. čegel usun ключевые воды.

nidulaqu высохнуть, исчезнуть; mo. nitulaχu погибнуть, исчезнуть.

čaoken ~ čegegen ~ čegen светлый, белый, чистый, прозрачный.

čaouraqu разбиться; mo. čiγura треснуть, лопнуть.

joqudus по спине, вдоль спины.

§ 73

ičuqaqu возвратить назад, заставить вернуться, уйти; mo. oči уйти.

§ 74

uqitala крепко, плотно.
boqtalaqu одевать свекровью (?) шапку.
irata вниз по течению; mo. ildara (?).
qoǰitala buseleku высоко подтянуть поясом платье.
olirsun дикое яблоко; mo. olir id.
moilsun ~ moyiłasun черемуха.
teɘkuku ~ tegükü собирать, подбирать, выталкивать, рвать; мнгр. temgü ~ tunggu id. M., p. 482.
suelsutai ~ sülsutai имеющий печень; мужественный, смелый; mo. sülsü желчь.
sutu счастливый. Cf. Владим., Общ. строй, стр. 145, 146.
čikersun можжевельник; mo. čigirsun лыковая рогожа.
širo ~ širi тара, вьюк, посудина и т. п.
sudun ~ sudusun медиц. корень (?); mo. südüs Sanguisorba carnea, корни которого употребляют вместо чая.
čičikina растение (?).
qaliyarsun ~ χaliyar черемша, дикий чеснок.
ǰarčintai ~ ǰarčimtai законный, правильный, правосудный.
auqasu корень какого-то (?) полезного в хозяйстве растения.

§ 75

qauluqa выбоина, след, дорога, путь.
hoilaut поднявшиеся вверх; mo. oiłaχu подниматься вверх.
keoki ~ geügi крюк, крючок, удочка.
ekeulku загнуть; mo. ekegülkü притрава для ловли рыбы.
ǰebke ~ ǰebege ленок (рыба).
qadara ~ χadara хайрюз (рыба).
čilume-qubčiur сети, невода; mo. χubčiγur невод; клм. čalma петля, укрюк.
huyaqu ~ uyaχu связать, сплести.
jiramut ǰiqasu мелкая рыбка; клм. ǰirmaχai плотвица, малявка.
hači ~ ači воздаяние, благодарность, сыновняя почтительность, любовь.

§ 76

soqosun блестящая рыбка (?).
qantu ~ χamtu вместе, сообща.
yekuuǰeai! Перестаньте, оставьте! mo. yakiχu что делать, как быть; yaγakiγuǰai! Как бы чего не вышло!
čičua плеть, кнут, хлыст. Cf. M., p. 392.
butukai! Не сметь так поступать! mo. bitegei отрицание перед повелительной формой.

§ 77

očiken ~ öčögdur вчера, намедни, только что.
boǰjiur — mo. bołǰomur.

aldaqu совместно жить < mo. aχu.
hulqun одинокая гора; mo. uł̆χun неровное место, пригорок, холм(?).
sumbaqu крепко натянуть; mo. sumbaγa сила, крепость.
surimusun ~ surmusun ресница, волосок.
qaqasun заноза (в зубах).
burelk̆eku разбить; mo. bürilge разорить.
mereku стрелять; mo. miriyaχu подстерегать.

§ 78

baraqsat душегубцы; baraχu кончить, прикончить.
qalaun утроба, горячее место; mo. χał̆aγun теплый.
qalat свирепо; mo. χał̆aχu разъяриться.
qarbisu место, послед; mo. χarbisu матка; послед.
qasar noqai большая собака; mo. χasar обычная кличка злых собак.
šiqaqu ~ mo. šiχaχu заглядывать, высматривать.
k̆eliku гнаться(?); mo. kelikü увести за собой.
čuraqa ~ mo. čurχai щука.
ǰoeburi шакал; mo. čögebüri; халх. dööberi id.
baru ~ baruq название зверя(?); клм. baruγ ~ baraγ noχoi дворняга.
qadaraqu приискивать выражения; mo. χadarχu распарывать, расшивать; разбирать, разъяснять, анализировать.
ork̆itku приводить примеры; mo. örgedkü расширяться, распространяться (в толкованиях).

§ 79

quruq̇at ~ χurγad ягнята, «кургашки».
qooǰiqu линять; mo. γuuǰiχu id.
šiluk̆et слюни; mo. šilusun id.
šiberiku убрать, подобрать; šiluk̆et šiberiǰuui слюни подобрали (с возрастом); mo. šiberikü загородить; šibege ограда, заграждение.
huldeku ~ üldekü гнать, преследовать.

§ 80

qošiliq палатка, юрта; клм. χoš второстепенная юрта при главной, без огневища; временная походная юрта, пара, двоица; mo. χos пара.
hoqtoriqu срубить, срезать; mo. oγtolχu id.

§ 81

ǰasaqlaqu поступить по закону; клм. ǰasaγł̆ał̆ наказание; ǰasaγł̆ał̆ ügei безнаказанно.
k̆elbur слабый, слабосильный; mo. kilber легкий, дешевый.
bituulku переходить от одного к другому; скитаться; mo. bitükü скитаться.
buqau колодка (арестантская); mo. boγu, клм. bōχu, мнгр. bōχu связать, заключить в оковы; преградить, запрудить. М., pp. 26, 28.
qarqi течение, стремление; mo. χargitu usun за́водь, стоячая, спокойная вода.

§ 82

saraul свет луны; клм. sarūl ясная месячная ночь.
arġatu имеющий способности, способный.
bariya kuun захваченный человек; клм. bariya арест.
bedereku производить розыски, искать.

§ 85

turintai ~ turimtai самец хищной птицы.
buta чаща; мнгр. buda, орд. buta густо (пучками) растущие травы или кустарники. M., p. 31.
čučalqu снять; mo. čučalχu распутать, размотать.
nuəqasu овечья шерсть; mo. ongγasu id.; мнгр. nguāse, орд. uəguasu. M., p. 292.
kol нога, подножие, дно (cf. клм. köl) в противоположность amsar устье, горло, вход.

§ 86

huni дым; hunesu зола; mo. ünesü, мнгр. funieje, орд. ünesü id. M., p. 107.
kour небольшой кожаный мех; mo. kögür кувшин для вина; nanbuqa ~ nambuqa большой мех; mo. namaγa бочонок.
tel приплод, стельность; mo. töl id.
tel quriqan ягненок, вскормленный двумя овцами; mo. delχuγan 2—3-летняя овца.

§ 88

močikiku итти по следу; mo. möski id. < mör kikü.

§ 89

kučukur разновидность крысы; mo. küčügene небольшая крыса; мнгр. k'udźirgu горная крыса. M., p. 208.

§ 90

oġodur голохвостый; клм. oγotur куцый.
darġi быстрый (?); mo. dargil быстрина; клм. dargiyatai быстрый, бурный.
qoəqor желтая лошадь; mo. χongγor саврасый. M., p. 172.
nisqalǰaqu ехать трясцой, едва двигаться; mo. nisχaɬχu двигаться, шевелиться.
kurumel шалаш; mo. kürümeli id.
buqaqu накрыть, покрыть; mo. boγuχu завязать; boχuɬ стог.
muəqaniqu измучиться, бедовать, быть в затруднении; клм. mongχaniχu надрываться; блуждать.
moə огорчение; mo. mundχu затрудняться; клм. mundχu оскудеть, истощиться; помутиться.
quburi хребет; mo. χubari полоса, доля; kübügür горбина, свод.

tašiqu касаться; mo. tašiχu склоняться (о солнце), падать косвенными лучами.

§ 91

ubur-subur один за другим.
erusteku быть схваченным, пропасть; mo. erüste id.
doqiqu указывать; mo. dokiχu кивать, махать.
duušin сумерки.
baruan boldaba сделалось темно; mo. barui ~ bürüi сумерки.

§ 92

olje чужое добро; mo. olja добыча.
tuketele предовольно; mo. tügekü раздавать.

§ 93

ujelduku любить друг друга; мнгр. ujiä испытывать; терпеть; благоволить. M., p. 165.
keruku ~ jokoreku печалиться; mo. kerükü скитаться, не находить себе места, нищенствовать, отчаиваться.

§ 94

jokoreku ~ keruku отчаяться, потерять надежду; mo. čökereku отчаяться, пасть духом; клм. čökörökü, халх. čuχariχu id.
aran ~ arai (?) едва, только что.
hudeku ~ üdekü провожать.

§ 96

šidkül подарок при церемонии представления свекрови, теще.
burki геогр. название; mo. burgi водоворот, стремнины. Ковал., стр. 1262.
erki-burgi ~ burgi-ergi подмытый яр, водоворот.
čegere грудь, мысль, душа; mo. čeger ~ čewer чистота, целомудрие; запретное; почетное; бур. čeger передняя часть туши мясной.

§ 97

urkuku нести на себе; mo. ergükü взвешивать, поднимать.
nelke пеленки.

§ 98

kerel širal udur kein bukui-tur на рассвете; мнгр. tiängeri širladźia рассвело. M., p. 400.
kodolkui прислуга, работница; mo. ködölmüriči id.
derbelku трястись; mo. derbekü трепетать; клм. derbekü подниматься.
tuburiun свист стрел; mo. toboraγ пыль; tübürgen топот.
jalqamšiqtai беспокоящий, постоянно надоедающий; jalγa ~ jalγamji связь, преемство, последовательность, постоянство.

§ 100

heru-baru темно; barus не ясно; barui-bürüi сумерки; клм. örö boɬɣu брезжит, светает.
boko ~ bökö силач; дышло, оглобли.
herkiku ~ ergikü кружить (-ся).
daručamut те, что только что были, давешние; mo. darui mön.

§ 101

čerbekeldeulku заставить повиснуть; клм. čerbekü плавно двигаться, реять, порхать.
qatuq боярыня; mo. χatun id.
qaatai terke ~ qarautai terke крытый возок.

§ 102

erusku добыть, схватить; mo. erüstekü быть схвачену.
qučiulqu объехать; mo. χučiγuɬku покрыть, обложить.
boljiku избегать, сторониться; клм. böljökü блевать; рваться, как бы стреляя; метаться. Cf. § 137.
umubu ~ umbu опасный, вязкий, тинистый; mo. ombaɣu плавать; oimaɣu переходить вброд; мнгр. humbaa dawa переходить вброд. M., p. 182.
ajiraqu итти; вернуться; mo. ajiraχu id.
keit дом, домá; mo. keyd монастырь.

§ 103

maqat ~ maγad действительно.
bukčuu засада; mo. bögčüyikü скорчиться, съежиться, притаиться (?); клм. bög ~ bögsö нижняя часть тела; bögšikü трусить (ягодицами), бежать трусцом; bögtörkü положить на спину лошади; bögtörökö привязать к седлу (позади задней луки); bögtörgö крестец у лошади; bögdeyikü скорчиться.
uqaulqu высмотреть, выяснить; mo. uχaγuɬ уяснить.
kuŋkeulku заставить, дать далеко уехать; mo. köngküyikü осесть, спуститься, понизиться, впасть (глаза); орд. k'öŋk'ī быть пустым. M., p. 196.
moeledku ~ moledku бить, ударять; mo. mölekü облупить, обнажить; mörilekü бить тупым; клм. möltö прочь; möltörikü развязать, освободиться.
sóloŋqa ~ soɬongγa крот.
unen горностай; mo. ünen хорек.
buqiya mori лошадь со связанными поводом ногами; mo. bokiya неповоротливый, толстый, неуклюжий.
horin ~ horim ~ horom тропа; mo. orom след.
horinlaqu ~ horomlaqu итти тропой.
burqasun вяз; mo. burγasun ива, тальник.

boeljiulku спастись, избежать опасности; mo. bögeljikü рвать, блевать; клм. bölji, мнгр. bōrǰia id. M., p. 28; mo. bołǰaγułχu отсрочить, дать отсрочку. Cf. § 102, 137.
qarča ~ qalǰa (?) ~ mo. χałǰa пузырек, рожок.
qalqasun сломанные ивовые ветви.
maliyaqu приносить жертву.
seeǰikleku повесить, подвесить; malaqai-ban qar-tur-iyen s. повесить (за шнур) шапку на свою руку; клм. södökü поднимать подмышки; söǰiglekü сидеть на седле наискось, набок.
erigeleku повесить на шею; mo. erikelekü вешать на шею четки.

§ 104

čeker ~ čeger (?) грудь, мысль, душа; mo. čeger, клм. čewer чистый, целомудренный; запрет; почетное; бур. čeger грудная (почетная) часть туши.
bokore ~ mo. bögere почки.
nidoni прошлый год; mo. nidunun ǰil id.
bureltele oksu сразу уничтожу; mo. bürilekü исчезнуть, уничтожиться, разрушиться.

§ 105

oro место; супруга; mo. oro постель, ложе.
hoqtorqu пустой; mo. oγtorγoi небо; пустой воздух.
onar род, семья; клм. önör многосемейный.
hantulde ~ hemtulde быть лишенным половины; mo. emtelekü зазубрить.
helike ~ elige печень; родня.
hači hačilaqu обиду отмстить; mo. ači воздаяние.
kolme подседельник; mo. gölmi чепрак, попона; kiǰim id.
qaldačiqu предать огню, разорить.
uludku уничтожить, истребить.
dabšiqu похлопывать; mo. tabšiχu трепать, похлопывать; мнгр. daše-, орд. dabši id. M., p. 47.
kokidek легко пугающийся (трус?); mo. kökikü поощрять, возбуждать; клм. kökökü подстрекать, задирать > köködeg задира, зачинщик; mo. kökideglekü поступать подло.
dabčitu qor с крышкой лук; mo. dabčitu с длинной тетивой.
darbalǰiqu быстро колебаться; отпрянуть; mo. darbałǰa развеваться (знамя, флаг).
doteleku итти ближним путем; mo. döte близко.
kiŋkus поперек.
saqal bayan название травы (свиная щетина).
sal huyaqu ~ sał uyaχu связать плот.
erkin (m) oede важнейший дверной запор (?).
qutuq oede святой, благовещий дверной запор (?).
amburu daariqu наехавши сбить; mo. embürekü разрушиться.
qaoulqu истребить; mo. χaγulχu облупить, ободрать.

oede ~ eede дверной запор; mo. egüde (?).
qanqaulsun — χamqaulsun высокая трава; mo. χamχuuĭ желтая полынь; χamχaγ id. M., p. 157.

§ 106

qaraatu издали видный; mo. χaraγatu достигаемый зрением, видный; χaraγa шарик на знамени.
qatqurasutu имеющий кожу персика; mo. χadχura χarγana дикий персик.
qatan сталь; mo. χatang, χatangγu твердый, закаленный.
otkan нечистый, глухой (звук); mo. ödken густой, хриплый.
hudesu ремень, которым прикрепляют одну вещь к другой продеванием насквозь; mo. üderi ремень, которым боковые доски седла пришиваются к луке; клм. üder ремешок, которым скрепляются терме́.
onkitu имеющий рукоятку; mo. onggi рукоять.
qodulaqu взыскивать; mo. γutuγul срамить, поносить; клм. γutaχu id.
čimarlaqu упрекать; mo. čimadχu делать выговор; jemelekü ~ jimelekü id.; jime выговор; jimetu виноватый; клм. jeme id.

§ 109

qoqiratala до конца, досконально; mo. χokiraχu засыхать, увядать.

§ 110

durbeku поспешно (в страхе) бежать; mo. derbekü трепетать, биться.
unšiqu громко окликать, звать; mo. ungšiχu читать (вслух).
saraur ~ saraul свет месяца.
tusulčan быстро, торопливо, вдруг; mo. tus(ulča) наткнуться, встретиться, достигнуть, попасть в руки; naran tusba солнце озарило.
tuyalčan вдруг; mo. tuyalaχu просиять; teberin tusalčaba пали друг другу в объятия; teberin tuyalčaba обнялись и друг друга озарили.
ilbur бброть.
sandurqu ~ sandarχu разметаться, рассеяться, притти в замешательство.

§ 111

qalisu ~ χalisu кожа, шелуха.
korisu ~ köresün кожица, кора, дерн.
toquraun ~ toγuriγun журавль.
ješiku желать; mo. jeselqe потребность, надобность; jisükü просить.
qatar китайского значения не дано; mo. χatar чаша, таз; лошадиная рысь; χatarχaχu ожесточиться, ухудшиться (болезнь).
qalqu bolqu раздражать, задирать, вызывать, привлекать, возбуждать; mo. χałaχu приблизиться; пристать, прилипнуть.
huntaou ~ huntau бедствие; mo. untaγu обольщение, мираж; untaγun перемена в лице (от гнева, страха).
kučulun мышонок; mo. küčile крыса.
širku углубиться, войти; mo. širγuχu вползти, пробраться.

kun лебедь; mo. χ̣ung id.
qunar китайского значения не дано; mo. χ̣unar платье.
hunar ~ hunir запах; mo. ünür, орд. unir id. M., p. 108.
quriyaqu взять себе; mo. χ̣uriyaχ̣u собрать.
qokir ~ χ̣okir мусор, хлам.
qoqimai ~ χ̣okimai сухой, засохший.

§ 112

nabtarqai nekei deel рваный овчинный тулуп.
tubeku спариться, соединиться; mo. töbeg хлопоты, труды, маята, страда; töbegtei хлопотливый, маятный.
ġodolidqu стрелять костяною стрелой; mo. γodolidχ̣u стрелять тóмаром.
daiǰin обратно, назад; бунт, восставать.
qučilduqu окружать; mo. χ̣učiχ̣u покрыть, накрыть; χ̣učiγuľχ̣u напасть врасплох.
ulitkeku истребить; mo. ülikü поднять рычагом; мнгр. fuli шевелить; расковырять. M., p. 105.

§ 114

ġodun звериные ножки; mo. γotu звериная лапа.
ġudusu сапоги; mo. γutusun обувь; клм. γodosun сапоги.
ičidun беленый; mo. ičikin id.
ǰarqaqusun кожа; mo. ǰarγa ломоть, обрезок.
ǰalġaqsan подобранный (мех); mo. ǰaľγaχ̣u сращивать, соединять.
saoqua подарок вещами.

§ 115

čorqan ker китайского значения не дано; mo. čor лучок; клм. čorγo носок, трубка для перегонки водки.
čoqoriulqu сломать, разрушить; mo. čoχ̣oriγuľ клином колоть.

§ 116

tuŋqulduqu возобновить; mo. tungχaγľa объявить, провозгласить; tungχ̣uγulχ̣u процедить, очистить; sedkil-i maši t. очистить мысль, душу.
yori гремучая стрела.
quraltuq дикая коза, малая пятнистая козуля (Cervus pygargus).
čiŋqultuqtu налитый медью; mo. čingγaliγtu крепкий, с закрепой.
molsun лед.
šia бедряная кость; крестец; клм. šaχ̣ai альчик.
šialǰaqu метать альчики (бабки), играть в альчики.
alaŋkir numa деревянный лук; mo. ałanggir id.; ałanggira ~ čimeg украшение.
arča туя, кипарис (Cypressus funebris); mo. arča можжевельник; тальник; род кипариса.
anda čiralduba сделались друзьями; mo. čireldükü вовлекать друг друга.

§ 117

arïčï помощник, избавитель.
oskel ~ eskel давно не рожавшая кобыла.
qariun ~ qaliun черногривая и чернохвостая кобыла; mo. χaliγun выдра, бобр; χaliγun morï светлосерая лошадь с черною гривою и черным хвостом.
saqlaqar ~ saγłaγar густой, ветвистый.
toilaqu прыгать, танцевать; mo. toyiłχu лягать, бодаться.

§ 118

tergel ~ delger полный; широкий.
alačuq палатка, шатер. mo. ałču углубление в альчике, «альча».
šiqan ~ šiχam близко, скоро, около.
uidaəqa скучающий, тяготящийся старым, нерадивый.
boet именно.
ješiku желать, задумать, иметь в виду.
šiliuqu ~ šiłuγudχu держать прямо, стараться, торопиться; ким. šułūn быстрый, скорый.
boet лучше; вот так-то, вот же, же.

§ 119

kokiku испугаться; mo. kökikü подзадорить, привести в возбуждение.
jaorïčan смешаться, перепутываться, ошибаться.

§ 121

koke младенческая сорочка; место, послед; mo. köge ~ kögesün слюна; пена; прибой.
Yeke Kerluke подпоры «Великой» юрты.
murkuleku ~ mörgölkü беспрерывно бодаться.
jiktuku тащить, везти.
jaaqu обвинять, подавать в суд; mo. jaγałdu id.; jaγaliγai суд, расправа; jarγu (o) id.; мнгр. dźiā обвинять. M., p. 75; mo. jiγaχu показать; донести.
jaarin знамение, коим божество изъявляет свою волю.
yeke terkeur ~ tergegür большой тракт, шлях.
töre обряд, церемония, обычай, закон. Cf. M., p. 434.

§ 123

alkinčï ходящий впереди дозором, разведчик, шпион, глава разведки, головной пикет; mo. ałχum + či (?).
haulqu бежать, скакать; mo. aγułγačin гонцы, военные курьеры. M., p. 180.
qarï дом; mo. qarï-sarï утварь, домашние принадлежности.
qarqan ~ qarqam строение крупа; mo. χarγam заднее лядвие; «статьи» конские.

ogoa дикий, хитрый; mo. ogiγa извилистый.
uturaqu впереди (прежде) всех итти (uduridχu?); mo. udurχu пороть, распарывать; otorχai пополам разрезанный; клм. otuɬaχu отрубать, рассекать.
niketele вместе; mo. nigedkü объединиться.
šiqaqu стиснуть; mo. šiχaχu id.
qun утес, обрывистый берег, край пропасти.
qala приказ; mo. χaɬa знак, сигнал к смене.
qari-širi дом и имущество.
kosuer ~ kosür безлюдный (?); mo. kösür ~ köser земля, почва, пол.
eres harat дом и имущество; mo. eres arad крепостные люди.
hiričeul разъединить; mo. iraχu ~ iraǰaχu разрезывать на пласты, рассекать; erislegülkü оторвать.

§ 124

mekusleulku дать почувствовать недостаток; mo. mekü̈s ~ mökü̈s скудный, слабый; mekü̈stekü быть недостаточным; клм. möködekü уменьшиться, убавиться.
šileku irke 2-летний кладеный баран; irgen 4-летний кладеный баран, валух; šilekü выбирать, отбирать.
alaqčiut qonit пестрые овцы.
qotoan ~ qoton круг, загон, курень; клм. χoton хутор.
alan до тележных рядов (?).
qoanqoqčiut qonit желтые овцы.
qoaŋǰiyasun ~ konǰiyasun требуха; mo. χongǰosun задница; желудок; внутренности.
čoorqatai terke телега с замко́м; mo. čoγurγa замо́к.
čiu чека; mo. čikin (халх. разг.) id.; čig ~ čikin правильный, прави́ло.
čiudeulku дать упасть, уронить (чеку).
qoolončar жадный; лакомка.
teŋkesketai terke китайского значения не дано; mo. tenggege мощь; искусство.
teuleulku дать изломаться; mo. degülikü подпрыгивать, соскакивать.
jayaqu наладить; mo. ǰauaγa определить, предназначить.
basaalaqu управлять.
keriske защитный (?); mo. keriske перила.
kiŋkuriku отрезывать; mo. kingγurγa резец, нож с 2 лезвиями; серп.
omoru верхняя часть груди; mo. omoruu ключицы.
kučurkeku показать усердие; mo. küčürkekü насильничать.
hoorčaq название стрелы; mo. oγurčaγ брошенный, одинокий; исплеванный.
onlajiqu китайского значения не дано. Cf. § 128: onǰaldaqu прекратить, уничтожить; mo. ončoγiǐγaχu отделять насторону; ončoγoγiǐχu отделиться; onča единственный.
qarmalduqu вместе собирать, загребать; mo. χormaldu id.

§ 126

ǰaʁki связанное; mo. ǰanggiya связь.
tantulqu ~ tamtulqu стаскивать (?); mo. tamtuɬ разрезать, отсечь, уничтожить; мнгр. tändeli id., M., p. 408.
talaqu ~ tayiɬχu снять, развязать.

§ 127

subee поясничная впадина (?); mo. sübege бок; живот, утроба.
sečikü сечь, пересекать; mo. sejikü бодать.
qabirqa бок; mo. χabirγa нижние ребра.
qormalduqu собирать; mo. χormaχu подбирать; загребать.

§ 129

χari род, племя; mo. χari-sari подданные. M., p. 330.

§ 130

tusurke кувшин; mo. düsurge лейка.
ašikiqu прибить, побить; mo. askiχu бить, оскорблять.

§ 131

kilues место, где сходят с коня; коновязь (?); mo. kelkiye связь.
hoimosku ~ hömosku защищать; mo. ömörekü id.
abalduqu бороться. Cf. M., p. 21.
multulku обнажить; mo. mültulkü спустить.
qanqas ~ qamqas čabčiqu рассечь; mo. χamχa id.
seʁkereku обращать внимание; mo. senggerekü изучать, упражняться.
mer uduui bulee! Еще не ранен ведь! mo. mer edüi! Пустяки, мелочи, пустое!
ulu alǰaaqu bi не беда, не опасно.
bi ilaari biyu я дружелюбен; mo. il союзники, друзья.
ijilidulča свыкаться; горячий (?); mo. ijilidkü свыкаться, соединяться; ijil γouɬ «спаренная река»; Волга, Итиль.
qorumut baii! Лучше перестань, остановись! mo. χorum миг; клм. γorombai! Прочь!

§ 132

itugesun кожаный мех.
bileur нест, нести; mo. bilegür мутовка, колотушка.
ǰirin две, обе.
ičuqu уйти; вернуться; mo. oči ~ eči id.
ǰokilduqu помириться; mo. ǰokiɬduχu быть в согласии, согласиться.
saaraqu сомневаться; mo. saγmaγɬaχu сомневаться, колебаться; клм. saaraχu медлить; уменьшаться, убавляться.
turiku теснить, оттеснить, гнать; mo. türikü гнать, турить.

§ 133

qanalqa случай; mo. ɣanaɬɣa кровопускание.
igtuneku китайского значения не дано; mo. ig веретено; igdekü прясть; igču~igči часто, густо, полнехонько; орд. igčam неотложное дело. M., Text., p. 690; igtunekü~igtun irekü (?) безотлагательно прибыть.
tana большая жемчужина; mo. tana перламутр.

§ 135

eemek dorebčitu кольца имеющий; mo. egemeg серьги, ушные колечки; döröbči шнурочек; плетушка и пр.
daji torqan золотом вышитый шелк; mo. taji штоф, парча двухцветная.
helikebči набрюшник; mo. eligebči нагрудник.
saoqoa~saɣuɣa (?) подарок.

§ 136

auruq становище стариков и детей; mo. aɣuɣχai гнездо; могила.
tonaqu снять, раздеть; mo. tonoχu ограбить.

§ 137

buljiqu уклониться; mo. buɬtarχu уклониться; buɬjar~muɬtar id. Cf. § 102.
borbi нижняя жила (?); mo. borbi сухожилие выше пятки, ахиллесова пята.
enču~emču собственный; mo. ömči наследство; клм. ömči~önči id.
heiluku удалиться; mo. eyilkü удалиться, убежать; keyilkü зевать, пропускать часть караула.
etkeku~otkeku отрезать; mo. ödkege вырвать.
mideriku нуть, лягнуть; mo. mitaraχu~matara гнуться, сгибаться; оробеть; nitulχu отрезать (Alt. t.).
ore сердце; mo., клм. örö id.

§ 139

hončitai (n) стреляющий (-e); mo. ontois~ontos стрелять вверх.
sülsutu имеющий желчь, мужественный; mo. sülsün желчь.
herekai большой палец; mo. erekei id.
aurtan твердые, мужественные; mo. aɣurtan гневные, суровые.
jorkimes непобедимый; клм. jörmög смелость, отвага; отчаянный, предприимчивый.

§ 140

abalduulqu приказать бороться.
oroele qar-iyar одною рукой.
oroele kol-iyer одною ногой.
toidqu бороться; сделать подножку; mo. töyiddekü быть стеснену, задерживаему; toyidoɣor хромой.
murudeku~mo. mörüdkü взять за плечи.
saari крестец, кожа с крупа (лошади, мула, осла); mo. saɣari кожа, сафьян.

kinčaskiku обернуть голову; mo. kimča ~ šiγum правило, линия, мерило.
mekejilekü взять, схватить, держать.
ilukai нижняя губа.
aqtalaqu оседлать, сесть верхом; mo. aγtalaχu охолостить.
solbiqu перехватить; mo. solbiχu сростить; смотать.

§ 141

edun qarin ~ duqar-un qarin эти племена.
keus поперек, сразбега; mo. χaγas пополам.
šinaa остров, нанос; mo. šina лесистая вершина горы.
aunou угол, выдающийся (?).

§ 142

jilda вечер.

§ 143

jibšiyerulcaqu ударять друг друга, сшибаться; подниматься вверх и спускаться вниз; mo. jibšiyerekü обойти слева направо.
ihuri-qaldaqu мять, теснить друг друга; mo. iderkeldü сопротивляться: ibčun тесный.
jada medekun умеющий наводить ветер и дождь; mo. jada bari волшебством вызывать ненастье.
jadalaqu совершать навождение.
hurbaqu сделаться наоборот; mo. urbaχu перемениться.
noras рвы; mo. nura яр, ров, круча.
huladqu упасть, оступиться (?); mo. ula ступня, подошва; uladχu подложить подметки.

§ 144

hüleut остальные; mo. ilegüi id. Cf. M., p. 106.
turastai смелый; mo. duratai охотник, желающий; durasχu ~ durašiχu; durašiltan.
ekerun-ekerun с переменным успехом; mo. egere вертеть, кружить.
šitulduqu стоять один против другого; mo. šitu опираться.
durbeku в страхе бежать.
kureeleku поставить лагерь.

§ 145

sujiasu шейная жила (?); mo. küjügun-ü uyas сгиб шеи.
šilurteku быть ранену; mo. šili шейная жила, шея; šili küjügün затылок, загривок; šilürtekü гнуться в противную сторону.
toritkeku ~ töridkekü удержать, остановить.
onturiqdaqu притти в смятение; томиться; трепетать; mo. yanduriγda трястись в телеге; yadaraχu изнемогать; клм. yantaraχu биться, испытывать бедствие.

šituldu стоять друг против друга: mo. šiderte приблизиться.
čisudaqu окровавить.
asqaqu плевать; mo. asɣaχu выплескивать.
qaqqu сохнуть; mo. χaɣsaχu запечься; χakiχu перестать, исчезнуть, пропасть.
qudusun сапоги; mo. ɣutusun обувь; клм. ɣodosun сапоги.
talqu ~ mo. tayiɬxu снимать.
dotaaji штаны; mo. dotor ömdö подштанники.
čurama ničukun красный-голый; голый, голышом.
esuk кобылье молоко.
burietai taraq сливки в посуде; mo. büriye труба, рог, роговая труба; taraɣ bürikü заквашивать молоко.
iheeku хранить; mo. ibegekü покровительствовать.
jiuraqu разводить, разбавлять; mo. jiɣura растирать.
horčin ~ mo. orčin вокруг.
namurqan грязь, мокроты; mo. namursun струп.
teki также; mo. daki id.; teke сторона, в сторону.
emudun ~ mo. ömödön штаны.
multus догола; mo. mültus едва-едва, как раз.
iduleku ~ idureku преследовать, догнать, достигнуть.
unoa ~ unoɣa средство передвижения.
erusku вырвать; избавить; схватить.
qaliqu сохнуть; mo. χalimaɬ сушеное на солнце мясо.
kaŋqaqu томиться жаждой; утолить; mo. ɣang сухой, жаркий, зной; χangɣaχu напоить.
nidun qara китайского значения не дано; mo. nidun χara зрачок; nidun χaraɣa взгляд, мина, миг.
senteleku оживить; раскрыть (-ся), расшириться; mo. sentelkü мешать, размешать; разрыть.
oreku уйти, покинуть; mo. amin-iyen örekü жертвовать своею жизнью.

§ 146

kuŋkeku убежать; mo. künggekü облегчить свою ношу.
derbekset беглецы, беженцы.
derkečan — jergečen рядом.
idureku успеть; нагнать.
jarbiyal шейная колодка; mo. čarbaɣ клей.
oourqu бросить; mo. oɣurχu id.

§ 147

ihuriqaldun jibšierulčan bukui-tur когда мы в пылу битвы перестраивались: mo. jiɣsaɬčaχu строиться рядами.
jebeleku mori боевой конь; mo. jebelekü биться метательными копьями.
aman čaqan qula беломордый саврасый.
aman niruu замочная кость; клм. aman nurɣun шейный позвонок.

halaqan ладонь; mo. ałaγa id.
hoeku марать, замарать; mo. ögekü(n) жир, сало; клм. ögödkü засалить, замараться.
čeel usun глубокие воды; mo. čegel usun ключевые воды; низменные места; клм. čeel ~ čegel мочажина; непросыхающее место.
čaoken ~ čegen светлый.
hoqtoru пересечь, поперек; mo. oγtoł'χu пересекать.
čaoru dobtulju oksu вдребезги разобью; mo. čuru трещина; čoγuγχu треснуть, лопнуть; клм. čōroγ прорубь.
kur-дойди! mo. kegür ~ küür громи, вперед, нападай; kegürgedekü раздувать мех; клм. köörö задыхаться от волнения, приходить в ярость.
koko kuru синий камень.
keuru ~ čaoru ~ hoqtaru ~ qan(m)χaru ~ čoγuru ~ kegürü.
bučaqu избегать, отказываться; mo. bučaχu возвращаться, пятиться назад; клм. bučaχu возвращаться, упрямиться, запираться.
burun что касается; mo. bołbasu ~ bürün id.
munda наоборот, но; munda — munda не только, но и.
kür — γar, слова команды: вперед, назад!

§ 149

qoailaqu ~ hoilaqu войти в лес; cf. oyiła запомнить, заметить; uyiła плакать; mo oi, oiyła- бежать в лес.
aqtalaqu оседлать, сесть верхом.
qartaqu поднять руку на...; mo. γar daaχu (?).
teki также, опять-таки; mo. daki затем, опять, еще.
yekiujei? Для чего? mo. yaγakiγujai! Как бы чего не случилось!
alan baraba совсем убил, прикончил; baraχu в значении показателя perfectum'a.
senteleku раскрыться, расшириться, развиться. Cf. § 145.
sonin urie daaqan новый 3-годовалый жеребенок; клм. üriye dāγan жеребенок по 3-му году.
ireujei как бы не пришел, дошел до..., опасно, что...
süiku обучать; surqan süein yabuła уча ходил, учил.
heilukset отделившиеся; mo. eyilkü убежать, оторваться, удалиться; oyiγsan eyilügsen kümün разбежавшиеся, рассеявшиеся, беглецы.
mokoriku (mokoriulda-) отрубить голову; mo. moχoła изувечить, замучить; mökögekü умертвить.
munda напротив, но.
aisulaa прибыл (и).
ečikes kout родные. Cf. § 146.
jiči только, но; mo. jiči затем, также.

§ 150

el мирный.
alduqu жить друг с другом, относиться друг к другу < mo. aχu быть.

huldeku ~ mo. üldekü гнать, прогнать.
irke-orqa народ и жилища, семьи и их имущество.

§ 151

bitun по; через; mo. bitükü скитаться по ...
bulqa bolqu восстать, возмутиться.
širkueleku схватить, держать; привязаться, крепко держаться, тащить, тянуть; mo. širgügekü чесать, тереть; дразнить; мнгр. surγu обмазывать, оштукатуривать; sürči намазывать. M., p. 364.
qanaqu пускать кровь; mo. čisun χanaχu id.
kiet и другие; множ. число (sign. plur.).

§ 152

ešiken баран; mo. ešigen козленок.
humekai ~ mo. ümekei зловонный, тухлый, смердящий.
ebüritku иметь, питать (вражду); таить, держать за пазухой, лелеять, воспитывать.
aur ступа; mo. aγud ~ aur ~ uur id.
noduku ~ mo. nidu ~ nödü толочь.
qaulqu ~ mo. χaγuĺχu облупить, ободрать.
horququ ~ mo. oγuχu бежать, совершать побег.
bituku следовать, миновать; mo. bitüku скитаться.
qariun (qaliun) mori желтый конь с черной гривой и хвостом.
aburitqu иметь склонность, питать.
bariyas узы; клм. bariya арест.

§ 153

qubiyaldut je! ~ qubiyaldum ja! Поделимся!
ekeeruku вернуться в строй; mo. egerekü оборачиваться, кружиться, возвращаться.
turun-o начальный, перво-; mo. törün-ü id.
mokoriulku отрубить голову.
muqutqaqu истребить; mo. moχutaĺa до конца, вполне; клм. muχudχa тушить.
yauke все, что; то, что.

§ 154

osül ösuju, kisal kisaku мстить, отмщать; cf. mo. kisu ~ χusu скоблить, очищать; орд. gusu id. M., p. 202.
čiun конец оси; cf. mo. jegün игла; мнгр. čiu id.; орд. juu id, клм. jüün id.
ulittele kiduya до конца истребим.
hulekset ~ ülegsed остальные.
boolidqu обращать в рабство.
anbar ~ yambar какой, который.

sanšiqu понести потери; mo. samši, samšiyaχu израсходоваться, понести потери, быть погублену.
ulutkeku перебить, истребить.
otoq угощение вином; mo., клм. otoγ род, поколение; мнгр. sdog пук, пучок. M., p. 336.

§ 155

bodulqan рассеяние, смута; mo. budaliyan суматоха, замешательство, беспорядок; халх. budaliyan путаница, сумбур.
hoilaqu скрыться в лес.

§ 156

senorelku вздыхать; mo. següresun вздох, стон; següresü aldaχu глубоко, тяжко вздохнуть, издать стон; мнгр. suriẽje id. M., p. 365: Alt. t. següresülekü id.
saiqu ~ saiku расставить; mo. seyičikü раскладывать, разрезать, разбирать.
bolteitkeku выделить особо; mo. bultayiγa высунуть, выпятить.
sain kurumele kuun человек благородного происхождения; mo. gürumel üsün заплетенные косы; gürümel büse плетеный пояс.
oorčaq разбойник; mo. oγurčaγ брошенный, одинокий.
koruku шпионить; mo. gürükü плести.

§ 159

qatqulduqči боец; mo. ülü χadχuldγči неподвижный, спокойный; χadχulduχu сражаться.
aqu остающийся, пребывающий, постоянный.
qairaqana жаворонок; mo. χayiraγana чайка.
ajiraqu рассеянный, разлетающийся; ajiraχu итти, шествовать, переходить, перелетать.
bilduur пташка, жалующаяся небу.
jusuritqu льстить; mo. jusurla лгать, льстить.
šiliun ~ mo. šiluγun честный.
ulkiqu злословить, клеветать; mo. olgi id.
jiəkuku клеветать; mo. yenggü поносить, хулить.

§ 161

tulešileku готовить пищу, жарить; cf. Р. Э., ч. I, стр. 115: подвергнуть бедствию и огню; mo. tule спалить, разорить, напасть, причинить беду.
tubuut действительное положение вещей; mo. töbeg хлопоты, затруднения, заботы; töb как раз то, что есть; центральное, существенное.

§ 162

irke orqa народ и жилища; mo. örke дымник; юрта.
jarimut половина; mo. jarimud некоторые, иные.
soor спор, битва; mo. sor жертва духам; soriχu испытывать, пробовать, метать жребий.

belčir ущелье, устье; mo. belčir скрещение, перекресток, расстанок, слияние; клм. belčir id.
amasar горная падь, устье.

§ 164

oroa дикий.
qaldut-ta на скалы, на горы < qaldun гора, скала.
naidaqu завидовать; mo. nayidaɣu надеяться; nayitaɣu чихать: насмехаться. M., p. 269; nayidanggui ненависть, зависть, недоброжелательство.
südurteku подстрекать.
südürken подстрекательство; mo. südürgen язвы на ногах у лошади.
araatu с зубами; mo. araɣa клыки; коренные зубы: araru зубчатый, с зубцами.
adarqaqu китайского значения не дано: mo. ataɣarɣa соперничать, завидовать; ataɣan зависть, ревность.
abulčaqu вместе брать; mo. abuɬča брать, принимать вместе; схватываться; бороться; склеиваться, смыкаться; Мукаддимат, стр. 94: abulča распределять.
qaldun скала, пик.

§ 165

alaun-a за дверью, за порогом.
eenekče только, исключительно; mo. egenegče тайно; egenegte čaɣ bükün всегда, вечно.
küdelen поперек; mo. köndelen поперек, наперерез.
neɔdeku опередить, предупредить; mo. nengde превзойти.

§ 166

arqa-ča лучше, не лучше ли.
qartaqu взять; халх. ɣarta связать руки.
koldeku взять; халх. köldekü связать ноги; клм. köldekü стоять; dörbö köldekü стоять на четвереньках.

§ 167

turuq (tuluq?) опора; mo. tuɬɣa ~ tuluɣ id.
imaari ~ ima-ber через него, при его посредстве.
tob усилительная частица; job-u tob-u верно ли, нет ли, mo. jöb töb busu неверно, неточно.
bol положение (?); mo. boɬ ~ boɬbasu что касается.

§ 168

buuljar сговорный пир.
šiltaqu отклонить; mo. šiɬtaɣu отговариваться, отказываться; извиняться.
sereudeku догадаться; mo. seregde быть разгадану.
bučiqu окружить; mo. buɣu кольцо.

§ 169

unenmikeku принять за правду; mo. ünemšiye id.
sumud-iyen huruku точить, чинить свои стрелы; mo. ürükü тереть терпугом, чесать, чистить, полировать; клм. ürübtür терпуг.
qoš жилище, дом; клм. χoš второстепенная юрта без огневища; походная, временная юрта; пáра, двóица.
ariyal ukei bi сомненья нет; mo. araγan медленный; araγaɬaχu действовать медленно, осмотрительно.
iseri кровать; mo. iseri скамья, табурет.

§ 170

keru северная сторона горы; mo. kerü бор, роща на северном склоне горы.
koaŋkelen ~ koŋkelen налегке; mo. könggele облегчить.
uderiku ~ uderitku отдыхать и кормить лошадей; mo. üdele id.
aduulaulsun поставленный пастухом, табунщиком.
čaqdaulsun поставленный сторожить.
qaraulsun поставленный досматривать.
keleriulku косить, склоняться; mo. kelberi id.
ǰuile-ǰuile там и сям.
kenet внезапность, неожиданность.
den ~ dem помощь, подкрепление.
toi китайского значения не дано; клм. tö пядень; mo. töyíre приходить в смятение.
tooriqu кружиться, окружать.
tob центр, глубина; правильность, прямота.
derelku возвращаться; mo. tegerelče id.; tegere id.
sereltei берегущий себя; mo. sereltei бдительный.
itekeku опираться; mo. itege полагаться, верить (с дат. и вин. падежами).
tušiyaldu противопоставить; mo. tusiyaɬdu встретиться, столкнуться.
boldeitku выделиться, выйти; ore boldeitku отдельно выйти; mo. boɬtayiɬdu ~ bölteyi высовываться. Cf. § 156.
dulet превосходя; клм. dülēd безостановочно, все время.
tumu глава, первый; мнгр. tumbu ~ t'ombu первенец (у животного); mo. tomi шеф, глава: орд. t'omi id.; tomi ekener первородящая женщина; mo. tomiɬa командировать по выбору; клм. tumu вздевать на кол шаманскую жертву. M., p. 431.
tumbuɬaqu быть, стоять во главе.

§ 171

ebin дядя.
mono qoina впоследствии ~ mo. mön-ü χoyina (?).
quburi хребет; mo. χubari полоса, участок.
tašiqu касаться; mo. tašiχu косвенно падать.

§ 172

mokoeleku бить, ударять; mo. mökörі обложить, окружить; möge облупить, обнажить.
qaqdaqu быть застрелену.
ekeer кругом; mo. egere~ēre вертеть, ворочать, обступить кругом. Cf. Владим., Грамм., стр. 194.
soor борьба.
keleliulku покривиться; mo. kelberi искривиться, высунуться.
iəqirčaq однорядное седло; mo. yanggirčaγ седло для перевозки тяжестей (bât). M., p. 295.
mutkiku итти следом, следовать; mo. möski id.

§ 173

ǰabaǰi углы рта, челюсти.
suǰiyasu шейный позвонок.
qaqdaqu запираться, ссыхаться.
qalaun daaulqu прижечь; mo. daγaγuł подвергнуть.
ǰibšiyereku построить; mo. ǰiγsaγała построить (войска); ǰübšiyere обойти кругом слева и остановиться справа. Ковал., стр. 2410.
qatquldut ǰe~χadχułdum ǰa пожалуй будет сражаться.

§ 174

ičumaar стрелою.
qaqdaqu быть подстреленным.
hilu слишком, чересчур; mo. ülegüü~ilegüü. Cf. M., p. 106.
qatqutai задира, mo. χadχudar id.
qalqutai драчун; mo. χałχu~χaluχu приставать, задирать.
erusku вырвать, отнять; mo. erustekü быть схваченным.
ečine позади; mo. ečine тайно.
elbesun китайского значения не дано; mo. elbesün приманка, корм; elberil ублажение, почитание.
ǰalama китайского значения не дано; мнгр. ǰalama молитвенный лоскуток (-тки). M., p. 84.
abi-babi китайского значения не дано; сирийск. Авва. Cf. Haenisch, прим. к § 174 текста.
edun все эти.
ǰuədaul помет (конский); mo. χomoγoł id.
ačirat ǰe~ačaram ǰa принесем.
dəŋselkeku трясти; mo. dengselge качать; трясти.

§ 175

horeneǰi западный; mo. örönedu id.
hukdereku снова открыться (о ране); mo. ügdere возобновиться.

§ 176

elset je ~ elsem je пожалуй войдем в переговоры.
qatquldut je ~ qadχuldum ja пожалуй сразимся.
koande ~ konde тронуть, шевелить; mo. köndē id.

§ 177

uyeleku обгуляться (?); mo. uyara разнежиться; üyerle наводниться; üyelekü разделить на сочленя, части.
čimar-tur во гневе.
noirqanqan ~ noirqan-ban (?) выспаться (?); mo. noyir сон, дремота; noyir-suχu спать, почивать.
ding то же, что iseri (?).
boqunitqu понизиться; mo. boγonidχu укоротиться, осесть.
huni дым; mo. uniyar пар, туман. M., p. 107.
doluskeku рассеяться; клм. dölörekü изгибаться; изогнуться; извиваться.
qaljirqu посторонний, чужой; mo. χaljirχai голый, облезший; γaljir кривой, косой.
kondeletku недоброжелательный, перечащий; mo. köndeled сбить с пути, стать поперек дороги, заградить.
kokiuldeku быть подстрекаемым; mo. kökigülku возбудить ревность.
süderteku быть подстрекаемым.
joen ~ čoen малый, в малом числе; mo. čögen id. Cf. M., p. 454.
kiluku оглобли; mo. kelku ~ kelkiya связь.
jikduku тащить, везти; mo. jegügdekü быть возиму, носиму.
niurqaqu задабривать, подольщаться; mo. niγurčiljaχu лицемерить.
širqulqu быть загнанным; mo širγuljχu ~ širγuχu пробраться.
širkolku держать; mo. širgü ~ šürgü тереть, чесать; мазать; šigüre течь, проникать; сеять, цедить; χamuran šigürekü все без различия захватывать.
čimar упрек, укор; гнев.
čimatqu хулить, корить.
čimar-un yosun китайского значения не дано; mo. čimarχa ~ čimarla жадничать, барышничать; снова пускать в оборот, повторять.
nokoji второй.

§ 178

ai soiluq глубокий вздох (воскл.); mo. söyilekü задыхаться; с трудом дышать.
daq берестяной бурачок; mo. taγ застежка, пуговичка, шарик с кисточкой; daγ ~ taγ. Cf. M., p. 38.
hiliček u ~ hiriček u отделиться, отойти, уклониться; mo. erisle быстро отрубить, порвать и т. п.
šiki quruun ~ mo. šigejei ~ клм. šigičі мизинец.
toli щелкать (?).
unubči qituqai нож; mo. onubči ножичек, которым делают ушки у стрел.

§ 179

čuə ~ čung чарка.
naidaqu завидовать; mo. nayidangγui ненависть, зависть.
qoroqun убыль, расход; mo. χoroχu понести ущерб; погибнуть.
ǰuququ действовать обходом, смотря по обстоятельствам; клм. ǰuγun двуличный, лицемер < ǰuγuda.
ile лично; mo. ile открыто, явно.
qarqan ~ qarqam бедра, стегна; mo. γarγam зад, лядвия, задние части у скота; «статьи».
oroa ḱoreesun дикий зверь.
utaraulqu выгонять из круга облавы.
qa передние лапы; mo. χa стегно.
ḱun скала; mo. gün глубокий.
uidaəqa ленивец, пренебрегающий; mo. uyidχu скучать; пренебрегать.
turuq надежда, доверие; mo. tuɫγa опора, поддержка, колонна; мнгр. turγa id. M., p. 432.

§ 180

bilaqu пленить; mo. biɫa красить; напитаться.
ǰusuritqu льстить; mo. ǰusurɫa лгать.
borqai прапрадед. Cf. Р. Э.: 1-й предок — ečige; 2-й — ebüge: 3-й — elinčig; 4-й — budatur; 5-й — budaukur; 6-й — yürki: 7-й — dutaqun. Р. Э., ч. I, стр. 69.

§ 181

uyen старый, прежний; mo. uyan изворотливый.
alqasaqu отделиться; mo. aɫγasa не радеть, забывать; aɫγasaγuɫ волновать, соблазнять.
keli когда; mo. keǰiye id.
sartaqčin туркестанский.
ǰubčiku вить, завивать; mo. ǰübčikü закручивать.
ariyal сомнение.
qiquriqu следить, итти следом; клм. kiχuurtai злопамятный.
širi širbusun сухие жилы.
qauluqa дорога, след (?).
hot звезды; mo. odud id.
urban deretu bolǰu ḱebtemu bi лежу, имея подушкой землю ~ mo. γar-iyen dereleǰü uruγu kebtekü лежать на земле, имея подушкой свою руку. Ковал., стр. 452.

§ 184

ḱenet неожиданный; неосторожный, беспечный; mo. genedte внезапно.
terme праздничный шатер; клм. terme ~ terem решетка юрты.
iteḱemǰi надежный, верный; mo. itegemǰitu id.
barua тень; mo. baraγa нечто виднеющееся.

qoqtoriqaqu пересечь поперек; mo. oγtoɬχu отрезать, пересечь.
qnyan крестец; клм. γuyan ляжка.
ujuur край; mo. üjügür id.
hujaur основание; mo. ijaγur id.

§ 185

ikulkuku торопиться, делать быстро(?); mo. ig веретено; igdekü прясть веретеном.
neɔdeku накрыть, напасть; mo. nengde превзойти, предупредить; enngden тем более; свободно.
suoraulqu начать биться; mo. suγuraγuɬ дать возможность вырваться.
noun koun внуки; mo. noγun мальчик.
qudalaqu родниться, свататься.
onečid-un abuliqa сиротское пособие; mo. abuɬγa принятие, взятка.

§ 186

ekečimet старшая дочь.
doimet младшая дочь.
tumdaa ~ tumda сохранить целым.

§ 187

kurue винница.
ulan ~ uɬam постепенно, преемственно.
oquqa весь, целый; mo. oγuγada id.
tonoq грабеж, разорение; mo. tono обирать, грабить.
jisuku рассеять, разрезать; mo. jisükü искрошить, разрезать.

§ 188

qaɔqaqu ~ mo. χangγa напиться, утолить жажду.
haɔqaqu ~ mo. angγaχu жаждать, хотеть пить.
čual ~ čöl пустыня, гоби.
usurqaqu нуждаться в воде, искать воду; mo. usurχaγ водянистый.
hiluaqdaqu быть кусаемым оводами; mo. iɬuγa овод.
antatai ~ amtatai сладкий.
ereleku мужем себе сделать; mo. erelegči eme распутница.
keekdei ~ kemegdeye.
jantaou чарка.
toloq большая кошма; клм. toɬoγ кошмяная полость.
berileku выполнять церемонии снохи.
otokleku ~ кит. хэчжань выкрикивать чарку, провозглашать чару. Cf. Каф., прим. к тексту, стр. 139.
qur daulqu тренькать.
kemkeru вдребезги; mo. kemkere раздробиться, раскрошиться.
abčirat ~ abčiram (ui) приносят.
elbesun жертвоприношение; mo. elberi почитать.

torlnq китайского значения не дано; mo. dorliγ ~ sayin oċirtu ~ sayin vaċir название одного духа, гения-хранителя.
torulmiši китайского значения не дано. Haenisch: Schwächling (слабого здоровья) (?).
doromǰin низкий, подлый.
idurekui близкий, наступающий; mo. irügekü̈i вещий.
baratutai темный; mo. baraγan темного цвета.
šilinn красивый; mo. šili отбирать.

§ 190

qomorqu окружать; mo. χomorχu достигнуть, догнать; χomorγu охотничий круг.
šiqan ~ šiχam близко, вплоть, сейчас же.
boet ~ böged тотчас, лучше.

§ 191

utu длинный; mo. urtu, клм. utu id.
utu duru-yin kümün человек свободного состояния (длинной воли); cf. mo. urtu, kü̈či поденщик.
ǰoqsoqu отдыхать; mo. ǰoqso останавливаться, делать временную остановку
ekureku опустеть (?); mo. egür взвалить на себя, нести.

§ 192

horċin ~ orċin вокруг.

§ 193

toritqu стать, остановиться; mo. torχu быть задержану.
aɜqi место; mo. anggi часть.
oqǰatqaqu попусту намеренно тревожить; mo. oγǰam вспыльчивый, запальчивый.
taɜqi китайского значения не дано; mo. tanggi умеренный, воздержанный в пище, сытый немногим.
hulurkeulku привести в смущение, недоумение; mo. külurke заставить потеть, «в пот вогнать».
unduqu прибавляться; mo. unduyiχu подниматься вверх, высунуться, выпятиться кверху.

§ 194

kirmes kiku мигнуть.
sekuulku свернуть, подтянуть, отступить; mo. sekügülkü̈ поднять платье, подсучиться.
ǰibšierku выправить; mo. ǰibšiyere обойти слева направо.
uduqu заманить; mo. üdügekü̈ заманить в засаду.
olkes пригорок, пригорье; mo. ölgö полуденная сторона горы; вершина.
noqai kerel kereǰü yabuqu биться, драться; mo. noχai bitegei marta не забывай же этого; noχai kilber весьма удобно, легко, без затруднения.

čaəqardaul утомить; mo. čingγarχu укрепить, укрепиться в силах, наливаться; клм. čingγar! Сильнее!
anaain так и есть; Haenisch: schon wieder уж опять.
oluəkin большая половина.
eberiku болеть; mo. eberle болеть, заболеть.
berteku быть оскорблену, страдать; mo. bertekü быть изранену, исколоту.
emečileku уподобить женщине.
kurulčeku сойтись лицом к лицу.
doro medeku подчиненный.
qarqam ~ γarγam тыл, зад.
sulberkui послабление, нерадение; mo. sülberkü склониться, притти в упадок.
buruu одиноко, особо; mo. buruγu в противоположную сторону; buruγu χanduχu обратиться в противоположную сторону, сделаться врагом.

§ 195

qaraqana густая трава; mo. χaraγana Robinia ferox, Robinia spinosissima, золотарник, жидовинник, сибирский гороховик, сибирская акация.
baidu bailduqu стать, выстроиться.
qatquldua qatquldugu биться, сражаться.
šiuči долото, резец. Cf. M., p. 101.
kotot заводные кони, арьергард. M., p. 204.
kijin ~ kijim вдоль по; mo. kijim попона, чепрак.
kinjileju huyaqu привязать на железную цепь.
širemun медная руда; mo. širemun бронза.
šibuke шило.
ore сердце; mo. örö внутренности.
minoa плеть, нагайка; клм. maliya id.
yab ut ~ yabum (ui) идут, пойдут.
idet ~ idem (ui) едят, будут есть.
buqsaqu удерживать.
kunesulet ~ künesülem (üi) продовольствуются.
šilemeljeku пускать слюни; mo. šülesün слюна; šiłabałjaχu сильно дышать, запыхаться; клм. šilbeljekü озираться.
qušiuraqu выдаваться вперед; mo. χošiγun мыс.
oeseksen ~ mo. ölösügsen голодный, проголодавшийся.
širemu медь; mo. širemü бронза.
širekdeku плавить; mo. širaγdaχu обжигать.
tabtaqu сбивать; обивать; mo. dabtaχu ковать, оковывать.
tebene большая игла; mo. tebene id.
qodu ножки; mo. γotu лапы животного (зверя).
jitkuulku заставить тащить; mo. jidkügül понукать, заставить ревностно трудиться.
tordaqu быть препятствуемым; mo. tordaχu быть задержану, застревать.
emkuku ~ emkuku глотать; mo. emkükü жевать, взять в рот.
ore сердце; ore ulu jasayu сердце не удовлетворено.

jasaqu довольствоваться.
ulkeku ~ mo. ölgükü навесить, нацепить, нанизать.
kereldüku ~ mo. kereldükü ссориться, драться.
ketus bukun находящийся по ту сторону.
kelkiku нанизывать, продевать.

§ 196

bolteitku стоять отдельно, особо; mo. bölteykü выпятиться, выйти вперед.
urqúqu тревожиться; mo. urγu подниматься, восходить; oγu убежать.
ukutkuku одурить, усыпить; mo. üküdkü упасть в обморок.
hunǝjiu пень; mo. üngsi сучья сухие; пни.
qutaqlaldúqu суматоха; mo. χotaγaɬaɬdu нагромождаться, валиться друг на друга; χutaγaɬaldu колоть друг друга ножами.
qulalqu падать; mo. χuɬγuχu скользить, скатываться.
hüsu волосы; mo. üsü id.
muqutqaqu довести до крайности; mo. moχutaɬa до крайности.
daiǰiqu удалиться, бежать.
quriyaqu забрать.

§ 197

toritkeku оставить у себя; mo. töridkekü задержать.
aulqu оставить в живых; mo. aχu, aγuɬχu.
qataǝquya maraan asaqčn строго и тщательно допросив.
mariyan-aca asaququ исследовать органы.
qai неизвестно; mo. χai! Кто его знает!
očiulku доложить; mo. öčikü id.
ocil доклад.
bolqan soriqu производить освидетельствование.
abqaulqu ~ abdaqu лишиться; попустить, чтобы взяли.

§ 198

hujaur ~ ijaγur исток, начало.
šiba метание, шибание; mo. šab-sab свист стрелы.
čubtusku тонуть; mo. čibbükü, клм. čibkü id.
kotoči домочадец; mo. kötči проводник, слуга, свита; клм. kötči лакей, прислуга. Cf. Kotčiner название родового объединения у калмыков.
tun daqaba ~ tundaqaba (?) весь, сполна; mo. tong совсем, совершенно; daγa последовать, покориться; tundaqa постоянный, нетронутый.
aulqu оставить в живых, дать жить, оставить в прежнем положении; mo. aχu, aγuɬχu id.
hulittele ~ huluttele до конца, полностью, доканывая; мнгр. fulie остаться, быть в остатке; mo. üle id.

oqǰatqu встревожиться, испугаться; mo. oγǰam торопливый, запальчивый.
uqurqa укрюк; mo. uγurγa лассо.

ǰiurtu крылатый; mo. ǰigürtü id.
bariuǰü ~ bariγuǰai! Поймать бы тебя! ~ bariχu či? Не поймаешь ли ты?
čalir лопата; mo. čalir пешня, лом.
čoqiqu откопать; mo. čokiχu бить, выбить.
Teɔkis dalai Каспийское море (?).
kolmi сеть; mo. gölmi невод.
qubčiur невод; mo. χubčiγur сеть рыболовная.
qučaqu ~ qučiqu беречь; mo. χučiχu закрывать, беречь.
haulqaqu велеть скакать.
kem ukai не в срок, не в урочное время, сверх меры.
oɔkeku увеличение; mo. önggeyikü вздорожать, приподняться, увеличиться.
kemleku ~ mo. kemnekü ограничивать сроком.
qudurqa ~ mo. χudurγa подхвостник; задняя лука.
qudurq̇alaqu ~ mo. χudurγaɬa продевать хвост в пахви.
qadaar ~ mo. χaǰar узда.
nemurkeku вздевать; mo. nemürgekü накинуть.
sudalbiqu разнуздывать; mo. suɬa talbi пустить на свободу, разнуздать.
nišiqu ~ mo. nišiχu бить.
mokoriulku казнить; mo. mökörigulkü изувечить.
moselduku отделиться; mo. möskikü итти следом; möltörkü отпасть, отделиться.
alq̇asalduqu отделиться; mo. aɬγasa быть невнимательным; клм. aɬχa ладонь; mo. aɬaγa saɬγaχu разъединить ладони.
auq̇a ~ mo. auγa величие.
aman kelen aldaqu клясться.
uǰuureku доходить до верха, края; mo. üǰürke увлекаться, возбуждать.
ǰauraulqu ~ čauraulqu приказать отправляться в поход, послать; mo. ǰaγuraγuɬχu велеть стиснуть зубы; велеть беречься, принять меры предосторожности. M., p. 95.
ečine позади, не на виду; mo. ečine заочно, тайно.

§ 200

oorčaq разбойник; mo. oγurčaγ брошенный, одинокий, пропащий; oγurχu бросить.
uq̇ulǰa ~ mo. uγuɬǰa дикий баран.
qaranbai ~ qarambai noqosu особая порода уток (диких, черных).
q̇ar q̇artaqu наложить руки.
q̇ar kurkeku довести руки, наложить руки.
borčin sono порода диких уток; mo. borǰin sono курчавая утка.
nekun домочадец.
budun eǰen свой господин; mo. bodun настоящий; клм. bodo ~ budu.
neɔdeku замышлять, окружить, mo. nengde превзойти; предупредить.
quladu ~ mo. χuɬadu ~ χuɬdu коршун-мышелов; клм. sariči id.
okdeku назначить; mo. ögdekü быть дану, отдану, должно дать.
auldaqu быть оставлену в живых.
ile лично.

kilkun оглобля.
oermičileku другим сделаться; отделиться; mo. öberečile переиначить.
keli? когда?

§ 201

ulu šiəkekui несваримый.
konǰile ~ mo. könǰile одеяло.
qaġaldaqu взаимно разделять.
qoandolet ~ kondolet клевреты (?); противники, супостаты.
kokiuldeku наговаривать, подстрекать.
qalǰirqu фальшивый, злой; mo. γaǰir кривой, косой.
qatqulduqu язвить.
qadaġadu ukes важные, задушевные речи.
qauldaqu быть ободранным, сдернутым.
qalidqu облупиться; mo. χalidχu взлететь, воспарить; клм. χalidχu коснуться, притронуться.
ubčikdeku быть содранным; mo. übčigde подвергнуться сдиранию кожи.
toqoriqai круглый, весь; mo. toγoriγ круг.
joriqu указать, утвердить, присудить.
belen готовый.
munda напротив.
boesun ~ mo. bögesun вошь.
ǰakiə ~ ǰaking подкладка, подоплека.
oruǩesun ~ mo. örgesun колючка.
arbin пространные речи говорящий; mo. arbin экономный, бережливый; скорый; скоро; много; благообразный.
ene torelki-tur в этой жизни.
torulki уродившийся; от природы.
külüg аргамак, неутомимый, неукротимый.
orluut ~ örlüg-ud «урлуки», приближенные сановники; < ore излюбленные наперсники.
hülekdeku ~ mo. ülegdeku быть превзойденным.
domoqči ~ arbin «длинноречивый»; болтун mo. domoγ былина, легенда.
itekel опора, подпора
oluk yasun мертвые кости; mo. ölüg неодушевленный предмет.
Etuken Земля (божество).
eure долго; mo. egüri вечно, навеки.
turuq далеко; mo. turuγ расстояние, величина.
hiruer (l) молитва; mo. irögel id.
huǰaur с самого начала.
oere torulkitu одинокую жизнь имеющий, одинокий.
huleu torulkitu много (с избытком) живых образов имеющий, многосемейный (?).
aman duuren keleleku говорить с полным ртом; говорить зловредные слова.
surdaqu kuun человек, который способен научиться; mo. surta быть обучену.
tolke гадание; mo. tölge жребий; приметы.

kundu mortu kuun важного пути человек; важный человек.
maqa не — ли; быть может.
buruuya bulqa koitču ireku нарочито замыслить возмущение; mo. köyitükü спустить тетиву (у лука).
qorqoqu загнать.

§ 202

jaouraulqu ~ jauraulqu ~ mo. jaγuraγuĭ послать в поход.
jibšiyereku установить порядок; устроить, упорядочить.
šiskai войлок. M., p. 346.
tourqa «юрточная юбка»; mo. toγurγa войлочная стена у юрты.
šidurqutqaqu подчинить своей власти; mo. šidurγudχa велеть поступить прямо, честно; направить на путь истинный.
hüliu ~ hüleu много; mo. ilegüü лишний, слишком.
olekai ~ mo. ölögei колыбель; клм. ölökoi id.
eriun подбородок.
ala нога; mo. ała промежность.
šiekte урыльник; mo. šigesün, šigekü моча, мочиться; клм. šigeg нечистоты, навоз.
ketkiku ~ kotkeku ходить, ступать; mo. kete бродить, переступать; gödkekü поносить, обвинять.
oroču поздно родившийся (?); oroču deu сводный брат (?).
jukleulku управить, упорядочить; mo. jüglegül направить в сторону, переставить, перенести.
iričeulku (čiričeulku) уделить, выделить.
qabdasun досчатый; mo. χabtasun id.
keseeku обуздать, наказать; mo. kösegekü искоренить.
moqaaqu обнаружить; mo. mököge уничтожить.
kur deere-in jarqu высший общегосударственный суд.
kökö debter синяя тетрадь, реестр, таблицы.
čaarsun бумага; клм. čaarsn бумажные деньги.
široai yourqatu имеющий глинобитные стены; mo. yoγura месить.
čaqlaqu рассудить; mo. čaγłaχu мерить, весить, определять; čaγłaši üge неисчислимый.
debterleku сделать таблицы; mo. debterle сшить, связать в тетрадь, переплести, свести в реестр.

§ 204

huiruqu ~ mo. uyaraχu наводниться, разлиться.
hulalqu ~ mo. ułałχu покраснеть.
nou угол.
sataqu рассуждать; mo. setüb задача, тема.
maliyaqu прислуживать; mo. mariyaχu подкрадываться, ходить на цыпочках.

§ 205

muətaniqu ~ muəqani бедовать; быть в затруднении, измучиться; mo. mungχaniχu растеряться, сбиться с толку.
nanbuqa ~ nambuqa кожаный мех; mo. namaγa бочонок.
sauluqa ~ mo. saγuɬγa, suuɬγa ведро, подойник.
oqotor голохвостый; mo. oχotor куцый; клм. oγotor бесхвостый.
qoanqor ~ qoəqor желтый конь; mo. χongγor светлосоловый, рыжий; клм. χongγor саврасый.
oroq šiəqula белый с черным хвостом конь.
buet ~ boet тотчас.
širqa ~ mo. širγa соловый, палевый.
qijiara ~ kijaγar-a подле, с краю.
huldeku ~ mo. üldekü отогнать.
külukier ~ külüg-iyer геройски.
bokotur ~ mo. bökötör горбатый.
bokturku навьючить; mo. bögterkü перекинуть через седло.
juserekui ~ mo. jüserekü проливной дождь, непрерывный дождь.
nemurke войлочная рубаха; mo. nemürge дождевой плащ, епанча, дождевик. M., p. 270.
jiktuku тащить; mo. jügegdekü быть влекому, тащиму.
derelekun прилежащий к чему; mo. derele лежать на подушке.

§ 206

debseku прыгать, плясать; mo. debse топать, стучать; debkečikü плясать.
jaarin откровение духа; знак, коим божество указывает свою волю. M., p. 83.
saqlar ~ mo. saγłaγar густой, развесистый; uke baralua слова сбылись.

§ 207

joaəleku предсказать, предвещать; mo. jöng откровение, предсказание.
ejie доселе.
turuq далеко; mo. turuγ величина, расстояние.
noitan сырость.
nobšilduqu вместе мокнуть.
kobšilduku вместе холодать, коченеть; mo. köšikü стынуть.
neədu qutuq счастливый дух, гений-хранитель; mo. nengde гораздо, весьма, более.
qudus по, через; mo. χudu через; χudu γarχu пройти насквозь.
daruulaqu надсматривать, охранять; mo. daruγaɬa id.
saaraqdaqu сомневаться; mo. saγar-ügei несомненно; клм. saaγa убавиться, ослабнуть, медлить.

§ 208

erkin ~ erkim главный.
heruku ~ keruku печалиться; mo. kerü скитаться; слоняться.
učumaq разновидность стрелы (эпическое название).

nemur заслон, защита; mo. nemürge плащ; клм. nemer шалаш.
muqutqaqu сокрушить.
ončaldaqu прекратить, уничтожить; mo. ončoχai отдельный; ončoyiłγaχu отделить.
busaʁqaqdaqu совершенно рассеяться; mo. busaniχu разориться.
soor борьба; mo. sor жребий, испытание; жертва.
jirin две, обе.
tumutaq-a aqsan сохранился пребывающим (в неприкосновенности); mo. tumaχu вздевать на кол жертвенное мясо.
uduku ~ mo. üdükü заманить.
arqa-bar посредством стратагемы.
talaqu завладеть; mo. tała отнимать, грабить; tałaχai голый, плешивый. M., p. 411.
oreku выйти, кончиться; mo. örekü исчезнуть, погибнуть, пропасть; ami-ben örekü жертвовать своею жизнью, отдать свою жизнь.
olumuleku ~ olmureku вести жаркий бой; mo. ölmürün orošiχu ~ ölmerin-, elberen aχu ~ ölberkü натрудиться, изнуриться, истощиться.
ulke čeeji грудь; mo. čegeji грудь; память; разум; ölgei ясный, светлый ölge светлая (полуденная) сторона горы; бур. ölge нитка жемчуга.
tala лик, лицо; mo. tała сторона, бок.
tore закон, справедливость; mo. törü право, закон, церемонии, учтивость, долг, подарок учтивости. M., p. 434.
mono qoyina на будущие времена.
oro вакансия, место.
tasulqu прекращать.
injes приданое; mo. inji id.
keries-iyen okku подарить на память.

§ 209

jaouriulqu ~ jaγuraγułχu ~ joriγułχu указать.
kankeruku ~ mo. χamχaraχu ~ kemkelekü раздробить.
qaqalaqu разбивать.
čaoken ~ čegen ясный.
čaouraqu ~ mo. čoγuraχu, клм. čoor треснуть, лопнуть, раздробиться.
čeel глубокий; mo. čegel обильный ключами.
nitulaqu остановить; mo. nitułaχu отрезать, перерезать; уничтожить.
joriqsan qajar указанное место.
mojirqaq строптивость, упрямство; mo. moduči, халх. mujiyan, мнгр. moji плотник, столяр.
maouilaqu ~ mo. maγuyiłaχu выговаривать; быть недовольну.
uqat ~ uχam (ui), поймут.
unjiku остановиться; mo. önjikü дневать, отдыхать.
bosu kuun худой человек; mo. bosuγa yabuγči kümün человек, идущий с поднятым лицом.
jubčiku закрывать; mo. niγur jübčikü закрыть лицо; потерять стыд.
niuqu ~ qabčiqu таить, скрывать; mo. niγu ~ χabči id.

§ 211

kureke ~ mo. kegürge кузнечный мех.
urču ~ egürčü, подняв, неся на себе.
nelkes пеленки; mo. niłχa младенец.

§ 212

orole половина; клм. öröli, mo. örögesun половина чего-либо пáрного.
ǰiktukduku вместе тащить.
ǰoeku стяжать, приобрести; mo. ǰögekü id.

§ 213

noitan сырой, влажный.
nobšiqu мокнуть; mo. nöǰi сгусток крови; nobši ~ nöši ~ nöǰi влажное.
koiten холодный.
kobšiku мерзнуть; mo. köšikü стынуть, коченеть.
bura-tara там и сям рассеянный.
qučiqu подавиться, поперхнуться; mo. χučaχu лаять.
yeke tusurke «великая винница» (у монгольских императоров).
basaalaqu распоряжаться; mo. bišiłγaχu прилежно заниматься.
tublen лицом на север; клм. töblökü направлять против кого, целиться.

§ 214

duruqu держать; mo. dürükü сунуть, вдвинуть.
šituelduku стоять напротив.
ourčaq разбойник; mo. oγurčaγ покинутый, одинокий.
eriulsun ищущий, просящий, нищий.
horeneǰi западный.
iseri лавка, скамья.
suu-duriyen под бок; mo. suγu-dur-iyen подмышки.
tenteleku щупать; mo. temterikü шарить; мнгр. tendili id. M., p. 415.
ǰuqulqu выхватить, вытащить; mo. ǰiγu tata id.
qailaqu кричать.
baraqu кончить, прикончить, убить.
udaaralduqu тотчас последовать.
šibilker хохол, коса, пучок; клм. šiberlig чехол, надеваемый на косу (у женщин).
muqular безрогий, комолый; mo. muχur id. M., p. 244.
huladaqu окрасить красным.
ǰuldu главная заслуга.
kilkun оглобля.
suǰiyasu шейная артерия.
elet песчаная степь; mo. elesü песок.
tusdaqu быть раненым; mo. tusχu достать, попасть.
qaquqsan čisun ~ beglegsen čisun запекшаяся кровь; mo. χaγaχu остановить, запереть; χaχaχu подавиться.
hači ~ ači заслуга.

darbaan китайского значения не дано; mo. darbaχu развеваться по ветру.
daoun dem ответный голос; mo. dem подмога.

§ 216

sataqu рассуждать, совещаться; mo. setüb тема; клм. seter животное, посвященное божеству.

§ 217

oreku выйти, кончиться; mo. örekü погибнуть; amin-iyen örekü жертвовать своею жизнью.
abliqa получение милости.

§ 219

naidaqu завидовать, ненавидеть.
udaana медленно, поздно.
qorčilaulqu заставить носить лук.
otokleulku заставить провозглашать чару.
qandaqu забыть; mo. χandu отвернуться.
quiqu ~ mo. γuyiχu ~ γuyuχu просить.
turuq приближенный.

§ 222

bukdeuli ~ buk deuri (?) бродящих, туда и сюда ходящих; mo. bögsen, клм bög ~ bögsen низ, нижняя часть; dĕgür верх, наверху.

§ 223

moči ~ moji плотник; mo. moduči, халх. mujiyan id.

§ 224

oktekun имеющий право получить; mo. ögdekün тот, кому следует дать.
tuяqaqu объявлять; mo. tungχaγ, tungχaγla id.
duriin kuun ~ urtu dura-yin kümün (§ 191) человек свободного состояния.
šil sain красивой наружности; šili шея, затылок; šilitei сильный.
bekeleku делать усилие; mo. bekilekü укреплять, подкреплять, усиливать.
beye qad-iyar один, сам, самостоятельно; mo. beye γar-iyer самолично, собственными руками.
enču ~ emču собственный; mo. ömči id.
kanleksen ~ mo. kemlegsen установленный.
sonosuat burun ~ sonosuγad bürün когда услышат.
bultariqu ~ mo. buɬtariχu избегать труда, лениться.
jukiyer прямо; mo. jüger так, просто.

§ 227

hoaraqu ~ horoqu уклониться, избегать, пропустить явку; mo. χoroχu убывать; oγura ~ orki id.; мнгр. hōro быть парализованным. M., p. 100.
soiqu ~ soyu ~ süyu поучать; mo. soyu учить, исправлять, наказывать.

hoančiqu ~ honči ~ hončiqu чинить самоуправство, произвол; mo. onča единственный, исключительный; χonji присваивать, делать злоупотребление.
koandeku ~ kondeku двигать, трогать, шевелить; возбуждать; mo. köndekü id.
mokoriulku отрубить голову; mo. mökögekü истребить, умертвить.
nišit-je ~ nišim (ui) ja! Будем бить палками!

§ 228

kotočin «заводные» (вожаки заводных коней); товарищи; оруженосцы (?) гвардейцев.

§ 229

taulqu поручить, отдать; mo. daγaγuĺ велеть принять на себя; taγuγuĺχu заставить гнать перед собою.
kilue среди коней (коновязь?); mo. kelkiye связь, привязь, нитка.
qauli ~ mo. χauli правило, обычай, закон.
qoinaun — uridaun спереди — сзади.
ketukeljeku ходить поперёк; mo. getülge переправить.
belke ~ mo. belge свидетельство, знак, значок.
dalbaru вдребезги.
bautala нáпрочь.
yaaral спешное дело.
dekeun выше, сверху, над; помимо.
jaqaun между.
qadar ~ mo. χajar у́зда.
jilda поздно.

§ 230

oruketai имеющий верхнее отверстие; mo. erüke, клм. örkö дымник юрты.
oruk nota спокойно и тихо; mo. ölüg неодушевленный предмет; nuta крепко.
oqjatqaqu встревожить; mo. cγjam внезапно.
šiljireku движущийся; mo. šiljekü сплетать, плести.
šilkutku заставить дрожать; mo. šilgüdkü соревноваться; запыхаться.
juen холод, мороз. M., p. 89.
šiltesutai ker юрта, имеющая плетеные стены.
jirin две, пара; jirin ulu kin baiqu стоять, не давая потревожить. M., p. 96.
čin искренний; mo. čing верный, непоколебимый.
ibulun смуты.
irketai подземный; халх. irge надземная часть покрова юрты, подол у юрты.
hirmes ulu kin во мгновение ока; mo. irmekü мигать.
uilsun qor берестяной колчан; mo. uyisun береста.
ubiskikui только тронуть, едва притронуться.
uriyarqun бодрый, благодушный; mo. uriyaĺaχu манить, звать.
qubis kikui прикоснуться; mo. kübikü бить, щелкать.

§ 231

kemuriulku досаждать; mo. gemere упрекать, винить; клм. gemürükü тревожиться, беспокоиться.
keries оставленное на память; mo. geriyes öge (bičig) завещание.
neɔduut верные; mo. nengdekü превзойти.
qutuq счастливый дух; mo. χutuγ святость; счастье.

§ 232

ordo-in čerbin okit придворные дамы.
ker-un kout домочадцы.
hukerčin коровий пастух.
basaalaqu заведывать.
ker terken дом-телега; юрта на колесах.
kuurke барабан.
doro jida низ копья; копейное древко (?).
daruqalaqu инспектировать, заведывать.
otkan капище; мнгр. sdōgü -utuγu -ötegü, ötegün-i (sdōgun-i) ger гробница, гроб, «Дом старости». M., p. 337; mo. ötken густой; грубый.
qor qomusa bolqaqu причинить расход; mo. χoor γomsa boɬγaχu причинить хоть малейший ущерб.
čaada вблизи; клм. čayiši подальше, за.
yeke tusurke «великая винница»; mo. düskü капать, лить.
nuntuučin становщик, заведывающий становьями; mo. nutuγ кочевье; nutuγčin заведывающий кочевьем, землеустроитель.
šibaouraqu пускать соколов, охотиться с соколами.
jarimut половина.
čaqlaqu расчислять (по времени), сообразоваться.

§ 233

oruk спокойствие, неподвижность; mo. ölüg вещь, неодушевленный предмет.
Yeke Auruq ханский стан со старыми и малыми; mo. aγurχai гнездо; могила.
noukui-tur, oluk-tur ~ noukui-tur, sauqui-tur и на кочевке, и на стоянке.
dabqur qaqas qaqas yabudaltan имеющий важные и многоразличные обязанности.

§ 234

ačaraqu убирать.
hoošin веревка; mo. öösin сеть, невод.
aurasu ткань, холст; mo. aγursun шелковые ткани; вещи, пожитки.
nuntuq jiaqu объявлять становище; указывать, отводить кочевья.
darun постоянно.
qoq крошеная трава, солома; mo. χoγ мусор, отбросы, навоз.
qomoul сухой помет; mo. γomoγoɬ лошадиный помет.

§ 235

čauraulqu ~ ǰauraulqu послать в поход; mo. ǰaγura ~ ǰaγuraγuł принять меры предосторожности. M., p. 95.
neken ǰauuraqu исполнить поручение преследования.

§ 236

muqutqaqu доконать; mo. mökügekü истребить, умертвить; muχud-ǰaǰu притупить.

§ 238

molsun ~ mo. mösün лед.
qorqi снурок.
al красный, алый; mo. ał id.
hurtesun лоскуток, обрезок; mo. ürtesün id.; клм. ürtüsün опилки, обрезки.
tana большой жемчуг; mo. tana перламутр.
načit шитые золотом ткани.
dardas парчевые ткани; mo. dardas штоф, расшитый узорами.

§ 239

Holuiqan Елюйхан, дочь Чингис-хана; клм. ölüi сизый; cf. известное имя Елюй-Чуцай.

§ 240

nde ǰilda поздно вечером.
uqamsar незаметно; mo. uχamsar berke oi невообразимо густой лес.
horum ~ mo. `orum след, тропа.
dermedteku быть перехваченным; mo. terme решетка, заграждение.
boqoqu ~ mo. boγoχu преграждать.
tuurbiqu хотеть сделать; mo. toγurbi предпринять.
sübe вход; mo. sübe проход, отверстие.
hoqtorqui намеренно; фальшиво; mo. oγtoryui небо; воздух; пустота.
erbekelčeku показать, развернуть силу; mo. erbelčekü мелькать, мерещиться; клм. elbeger подвижный, хитрый.
tootu по числу, полный; считанный, отборный.
musut прутья; mo. müsüd id.
urkeulku заставить нести на спине; mo. ergügul id.
uqali ~ mo. uχali тесло.
šiučí долото.
hoqtočiqu ~ mo. oγto сечь, рубить.
qurinlaqu ~ χurimłaχu пировать.
qoastan okit прекрасные девицы.

§ 241

bulqa bolqu поднять, произвести восстание.

§ 242

ǰoboqsat eke потрудившаяся мать.
nilqa наименьший.
tumen irke okba ~ tümen örkö ögbe отдал 10 000 юрт.
ečitkeku ~ mo. ečüdkekü велеть прикончить.
süneeku ~ mo. sönögekü потушить.
keries память.
huni дым.
kanšiku повергнуть к стопам (?); mo. gemši скорбеть, говорить скорбно, сокрушаться.
qaqas отдельно.
ǰe, teli! Согласен!

§ 243

kečeu жестокий, упрямый; mo. kečegü трудный, крутой.

§ 244

dundadu ~ dumdadu средний.
omereǰu ǰančiqu умыслить, сговориться прибыть; mo. omerikü защищать, вступиться за.
qarautai terke крытая телега.
huyaqu ~ uyaχu привязать, связать.
keekku изумиться, испугаться; mo. geyigde быть накрытым, раскрытым, уличенным.
dalqu ~ mo. tayiłχu развязать.
bisariulqu наполнить, закрыть.
ǰirin двое.
qadalun daun ~ qadarun daun пословица (?); mo. χadarχu расшивать; разъяснять. Cf. § 78.
aui bolqu облегчать; mo. aγui обширный; великодушный.
kilue стоянка коней; mo. kelkiye связь, привязь.
qulaǰiqu испугаться.

§ 245

ašikiqu прибить; mo. nišikü ударять, бить; клм. ašiχu поступать самовольно; мнгр. aš восклицание боли. M., p. 15.
qaaqu окружить; mo. χaγa закрыть, пресечь.
ǰirin две; пара, чета; mo. ǰiren id.; мнгр. ǰür. M., p. 96.
tuitku закрыть, прикрыть; mo. tüyidkü стеснить, задержать, придержать.
očiken намедни; mo. öčögüdür id.
bel притом; тем более; mo. boł (?).
čikot лиственница; mo. ǰigesün сахарн. тростник; клм. ǰegesün тростник, чáкан (род камыша).
oisulalduku тайно губить; mo. ösleldü питать вражду.
ueule сухое дерево.

netkel конопля в беспорядке, разметанная конопля.
tulu столб, колонна; mo. tuɬγa id.
nekus otqu упасть; mo. nögči пройти; скончаться.
tulbas otqu упасть.
tyal стая птиц; mo. tögel полнота, множество; töl приплод.
oisutku (oisuladku?) губить.
učuket ~ mo. öčüged малютки.
sorilduqu тягаться; mo. sor жребий.
hunosku ~ mo. ünüskü нюхать, целовать.
dair великий; mo. dayir самец.
daʁlasun комок земли; мнгр. dangɬasun id. M., p. 43.
šimaliqaqdaqu заворачивать; снимать; mo. šimaɬa засучивать; šimaliγa, šimaliγaγda id. M., p. 371.
kerelju гневно; клм. kerēlekü образовать ряд, стоять друг подле друга.
horčin ~ mo. orčin вокруг.
qošiliq палатка, юрта; клм. χoš пара, двойня; второстепенная юрта без огневища; cf. χoši кедр, сжигаемый при религиозных церемониях. M., p. 384.
kolke телега; клм. kölgön перевозочные средства.

§ 246

tuliku закрыть; mo. tülkikü задвинуть, закрыть.
bolqaqu освидетельствовать; mo. belgele толковать приметы.
bolqaqdaqu удостовериться; mo. belgegde приписать значение, остановиться на том толковании, что ...
jiʁkuku (допускает также чтение ulququ) клеветать; mo. yenggegun брань, хула; olgiχu злословить, хулить, порицать; yenggükü id.
manaqaru ukuleksen утром сказанное; mo. manaγar-un ögülegsen id.
hudaraqu отменить, нарушить; mo. udara пороть, распарывать. M., pp. 46, 333.
hičele стыдно; mo. ičі ~ ečі. Cf. M., p. 389.
jalaraqu шествовать и т. п.
jibturaqu сократиться, уменьшиться; mo. šibturχu соскользнуть, спуститься, скатиться вниз; клм. šubtur id.

§ 247

bekilekdeku быть укрепленным.
udu ~ mo. üdü выманить.
jolke долина с речкой посредине. M., p. 440; клм. jaɬγa «балка», овраг, сухое русло.
buteku запрудить; mo. bütekü покрыться.
hurbaqu ~ mo. urbaχu обернуться.
sundulqu следовать один за другим; mo. sunduɬaχu преследовать по пятам.
erekun omoqun мужественный и храбрый.
hunjiu груды гнилушек; mo. üngši сухие сучья. Cf. § 27.

qaalqa крепость, застава; mo. χaγaɬγa проход, ворота.
qar kotoltan каждый человек ведет заводну́ю лошадь.

§ 248

hurelku уничтожить; mo. bürilekü исчезнуть, разрушиться.
qalaar непременно (?); mo. χaɬa смена.
edoet-tur на время.
eyetuldut je ~ eyetuldum (ui) je сговоримся ведь.
heušieku быть вредным, несвойственным. M., p. 101; мнгр. hüükü гнить, портиться; mo. ükü id.; клм ügsen гнилой.
koljirkeku подвергнуться, появиться повальным болезням; mo. köljikü согреться.
čerik-un kuun-e kundu-te ~ čerik-un kuun-e kučun-e (?) в меру подъема (по силам) для солдат. Cf. Haenisch, p. 120.
hudeku ~ üdekü провожать.
daaqui-ača посильно взять; mo. daγa поднять.

§ 249

joriqu направляться.
alaai ~ aɬuγa < aχu.
suldetu величественный; mo. süldetü благодатный, покровительствуемый богами.
nuŋji nuntuqtan имеющие оседлые стойбища; mo. nunji малорослый.
noduksan построенный; mo. nödükü толочь, месить, утрамбовывать землю.
bulqalduqu биться, сражаться.
deresun колючая трава; mo. deresun белоствольный злак, из которого плетут шляпы; степной ковыль; клм. deresün тростник; мнгр. dierese вид высокого злака, общего степным местам. M., p. 52.
nemure защита, попона.
qa вассал, mo. kiya адъютант, паж.
oorqu šibaoun запускаемая (ловчая) птица.
taouqu ~ taγuχu гнать.

§ 251

huŋjiu груда гнилушек; mo. üngši сухие сучья, жерди.
hülekset ~ ülegsed остальные.

§ 252

liu-šou наместник.
yauke штука, вещь; mo. yeüji тюк, штука; yaγuki всякое.
hartai узорчатый, с разводами; mo. artai полосатый, узорчатый, травчатый.
ečineun заочно; mo. ečinen тайно, сзади.
abua ~ abuγa ~ abuba взял.

§ 253

imada ему.
dalai kijin по берегу моря, вдоль по, подле; mo. keyen ~ keyege кромка, край, кромка (верхняя) у бабки (альчика), в детской игре называемая «тага́н».
haulqu гнать, преследовать.

§ 254

jetkuku (~ χaγaχu) препятствовать, останавливать, загражда́ть.
arqanji ~ arγamji пеньковая веревка (аркан).
kisal kisaqu отмстить; mo. kisa придираться, задирать.
čaur čaurаqu ~ jaur jauraqu походом итти.
jibšieruku управлять, исправлять; mo. jibšiyer с почетом обходить справа налево.
neule большое дерево.
nekus otqu падать, свисать; mo. negüski удаляться; nögči миновать, проходить.
netkel конопля.
tulu столп, колонна, столб.
tulbas otqu упасть.
tuyal стая птиц.
ukuleə смерть.
erusteku быть похищенным.
čuloul китайского значения не дано; mo. čölögül ссылка, изгнание.
ilqaqu отде́лять, избирать; mo. iłγa разбирать, отличить, выделять.
hüleku ~ ilegü превосходящий.
hoantučaqu ~ hontučaqu состязаться в стрельбе; mo. ontusχu стрелять вверх.
herekai ~ mo. erekei большой палец.
hoqtolqu ~ oγtoł отсечь.
abalduqu бороться.
sin ~ sim ~ sem молча.
ereku надеяться; mo. erekü id.
horčiqu вращаться, переворачиваться; mo. orči id.
korisutai имеющий кожу; поверхность; mo. köresütei id.
korbeku оборачиваться; mo. körbekü кувыркаться.
korulelduku взаимно нападать; mo. kereldu ссориться.
kuseku думать; mo. küsekü желать.
kurulčeku взаимно преступать; mo. kürülče касаться друг друга.
amaraqu любиться(?); mo. amara быть спокойным, утешаться, благоденствовать.
qoruulqu сседаться; mo. χoroγuł убавить; уменьшить.
eedeulku разделять, отрывать; mo. egedegülkü скиснуть, свернуться.
buleen шероховатый; mo. büliyen теплый.
bulet (другое чтение: qałat) вдруг, нечаянно.

qalaun горячий; зрелый; утроба.
qaqunaq сорочка.
čimatqaqu ~ mo. čimadχu упрекать; хулить; порочить.
jekirku охладеть; mo. jekürkü остыть.
jaliraulqu потратить; mo. jaliraγuł угашать; отвлекать.
kemuriulku ~ kemliulku оскорбиться; mo. gemnegül ~ gemlegül огорчать.
kenoer ~ kenol огорчение; mo. genükü тосковать, горевать.
keskeku ~ mo. geyiskekü рассеивать, развевать.
(h)qantuqalaju скоро хватая (на коне); mo. amtuγu едва-едва; чуть-чуть; amturi спешить; χała смена.
nambaqa мешок, бурдюк; mo. namaγa id.; nambułča трястись.
hirmes миг; mo. kirma ~ клм. kirme мигать.
qabtaqai ~ mo. χabtaγai сплюснутый, тонкий.
šiki ~ mo. šigi miχa застрявшая в зубах кожица десны; десны между зубов.
olomlaqu подпругою укрепить.
kičiyen осторожно.
horoitala ~ uqitala (§ 74) крепко, плотно; клм. oroidχu стоять наверху: опаздывать; вечереть.
boqtolqu чесать голову; надевать свекровью шапку. Cf. § 74.
qojitala büseleku высоко подпоясаться. Cf. § 74; другое чтение: hoojitala; cf. mo. ooji телогрейка; oojitai женщина.
boqtolqu надевать свекровью шапку; клм. boγtołχu воздерживаться, терпеть.
niitaitala плотно, крепко; mo. neyidkü быть ссучену, связану, скреплену.
nidurtala плотно, крепко; mo. nidurχu бить кулаком.
jarim половина.
qučiqu глотать.
qotolai все, весь, целый.
kene? Как?
burbi пята.
erkuulku поддерживать, поднимать.

§ 255

mučiljeku насмешливо улыбаться; mo. mišigelče ~ клм. mišēkü улыбаться.
qolbaraqu вместе итти, сопутствовать; mo. χołbogaχu вертеться взад и вперед; скользить; χołbołda связаться, быть спарену, парою итти.
daldariqu ~ mo. dałdari уклониться, укрыться.
dalbaru по плечо; mo. dałba парус; махало.
kinkuru пересечь, поперек; mo. kinγara голень, берцо.
oruk великодушный.
baraa тень; mo. baraγan темный.
baouliya наставление; клм. būliχu приручать; поощрять; būli палочка в носу верблюда для понукания.
otoken ~ etügen земля (божество).
salqušitu отдельный, удельный; mo. sałaγatai развилистый.
aui пространный.
autqiqu распространять.

kurulčeku довести, исполнить.
qabqariulqu клеветать, сплетничать; mo. χobčï сплетник.
olaɐ ~ mo. ölöng мурава.
qučiqu обернуть что чем, завернуть.
eukun ~ mo. ögekun сало.
qaɐdaγai лось, сохатый.
ketus поперек, через; ketü чрезмерно; через, мимо.
sores послушно, охотно; клм. söгö вверх по течению, напротив; прямо, напрямки.
je-in nokor согласный, отклик, эхо.
minaa плетка, хлыст; клм. maliya, бур. manaa id.
solaitqu ~ čolaitqu пустовать, недоставать; mo. suɬadχu освободиться, ослабнуть; čölöyidkü закатываться, падать, приходить в упадок, растрачиваться.
čaur čaurgaqu походом итти; mo. jaγurgaχu принимать меры предосторожности.
oqor короткий; mo. oχur краткий, непродолжительный.
endeku ~ mo. ende ~ anda ошибаться; нарушать.
aldaqu потерять.

§ 256

olulčaqu взыскать; доказать.
kelbes напротив, прямо.
je teli! Довольно, баста; так и быть!

§ 257

taolai заяц; mo. tauɬai ~ tuuɬai ~ tuuli id.
qadaun в обход.
činana по ту сторону.
koandeku ~ konde ~ mo. könde трогать, затрагивать.
qaulqu грабить; mo. χaγuɬχu ободрать, облупить.
čubtusču стремглав; mo. čub частица усиления.
süeeku погибнуть; mo. sügege досаждать, наказать.
qoroqu спасаться; mo. χoroγda прятаться, укрываться.
daoliqu ограбить; mo. tauliqu гнать, угнать.
ereuleku обвинять; подвергать взысканию.

§ 259

baout je ~ baγun (ui) ja остановимся пожалуй.

§ 260

očin meljen aqsat непокорные; mo. melje спорить, оспаривать.
maqaiqu, значения не дано; mo. maγayiča кидать бабки; бросать, закидывать.
bayasču maqaiqu радоваться и веселиться.

alqasaqu облениться; mo. alγasaχu быть рассеянным, нетвердым, невнимательным.
jaliraqu прекратить гнев, успокоиться, утихнуть; mo. jaliraχu лениться; отстраниться; погаснуть.
orkitku приводить примеры; mo. örged расширяться; распространяться в толкованиях.
qadarqu приискивать примеры; mo. χadarχu распарывать, расшивать.
badarqiqu пылать, гореть, пламенеть; mo. badarki id.; клм. bedergi иск. домогательство.
čimal выговор; mo. čimadχu стыдить, выговаривать.
sueyu стыд, раскаяние; mo. soyu учить, просвещать, исправлять.
duulqaqu наставлять; клм. duulγaχu доводить до сведения.
baouliya выучка, приучение; первое напускание (ловчей птицы).
šintaraqu отступить; mo. šintała ломать, сокрушать; šintaraγul пугать, приводить в смущение.
mene вот, сейчас; столько.
tukirqu науськивать; mo. dokirχu id.
sooroku разрешиться; успокоиться; mo. sörkü противоречить, противодействовать.
aliraqu утихнуть гневу.

§ 262

qari irgen страны и народы; иноплеменники.
daraqači охранный воевода.
jabqaqu потеряться, исчезнуть.
serke баран; mo. serke легченый козел.

§ 265

nunji неподвижный.
josotu boro название масти лошади; mo. jusutu красноглинистый.
maraa ~ mariya плоть, тело.
morilat je ~ moriłam (ui) je пожалуй поедем.
sobilaqu испытывать; mo. sobiła смотреть; присматривать.
nidoni в прошлом.
olulčaqu требовать отчета.
juk-tur oroulqu поставить на надлежащее место.
daarinqu насмешливый, задевающий.
surqu привыкать.
šiqan ~ šiqam опираясь; близко, возле.

§ 266

onoqu считать; mo. onoχu попасть; достигнуть.
aulalaqu взбираться на гору.
inaq верный; mo. inaγ любимец; друг.

§ 267

baouqu осадить.
jisuleku подобрать под цвет; mo. jisüle придавать цвет.
buteuna в тени; mo. bitegün закрытый; последний.
dotora dura bulqaba стошнило; стеснение в груди; mo. dura buliχu чувствовать отвращение, усталость.
irekdeku сделаться.
nokčieku умертвить.
uke olulčaqu требовать отчета.
nouuku qarši походный дворец; mo. yabuχu ordon id.

§ 268

muquli-uusquli китайского значения не дано; клм. muχuli крепостной, раб; человек, отданный взамен имущества в уплату долга или штрафа.
ečitkaku истребить; me. ečüdke велеть прикончить.

§ 269

kur-iyer все полностью.
taoulqu поручить, назначить, внушить; mo. taγuĭ пройти, миновать, превозмочь; toγuĭ-duγuĭ пройти насквозь; совершиться; проницать, понимать, разуметь; соединяться; иметь сообщение.

§ 270

ori младший, юный.
dorqut неоконченное; mo. doruγun недостаток, неполный, неисполненный.
berkeldukdeku трудно становится; mo. berkede становиться трудным.
arbin грозный; mo. arbin умеренный; убористый; важный; спорый; значительный.
qarin страна.
tuəqaaqu распределить; mo. tungχaγĭa оповестить повсюду, опубликовать; tügegekü id.

§ 271

aljaqu ~ aljiya ~ jaliга быть ленивым, праздным, нерадивым, откладывать в долгий ящик, M., p. 161.
Yeke Auruq ~ Yeke Ordos Великий Стан, Великий Двор.

§ 272

huəšiu ~ mo. üngši гнилушки; сухие деревья.
eereulun ~ baoulun окружить, осадить, атаковать.
aljaqdaqu прийти в затруднение; mo. aljiya быть удручену.
tolkečin гадальщик; mo. tölgečin id.
turkene крепко, крайне; mo. turgen быстрый.
adalaqu насылать навождение; mo. adaĭaχu неистовствовать, бесноваться.

ǰoliya за тело свое, за самого себя; mo. joliγ выкуп, залог, вызволение, избавление.
abitlaqu гадать; cf. abit внутренности, желудок зверя. Cf. § 12.
talbiraqu распространиться; распуститься, успокоиться, отпустить (?).
dulet сильнее и сильнее.
ǰikurmedeku еще сильнее, еще пуще взяться (о болезни); mo. ǰigirkü трепетать от ужаса, трястись от стужи; jigürle окрылиться.
sooŋq̇uqu избирать.
irke ~ irge 4-летний, взрослый баран.
biliku ощупывать, распознавать, соображать.
ǰiuqu указать.
kibkaŋqu возрадоваться.
orun-a bolqu заменить, стать на чье место.
tulu название рыбы; mo. tulu рыба таймéнь.
tulbalqu рассекать; mo. tułbur бурав, пробойник; tułγura свихнуть, свернуть; cf. tulbas otqu повалиться, упасть.
kileme название породы рыбы; mo. kilime осетр.
kiŋkulku переломить; mo. kemkele id.
ilq̇aqu ~ mo. iłaχu превзойти, победить.
ilei пред лицом.
arbaqu читать заклинания.
ǰukeruku отчитывать заклинаниями воду; cf. ǰukeli.
ǰukerken usu отчитанная вода.
qoran ~ qorum немного времени.
oin чувство.

§ 273

seu-se ~ кит. сяо-сы служка, прислуга.
hartu ~ artu узорчатый.
alašas кони.
alq̇inči ~ ałχumči (?) дозорный, передовой.
tanma иностранный полк.
tanmačin баскáки; монгольские командиры иностранных полков (Каф., стр. 255).

§ 274

tubšin tukel мирный и спокойный; mo. tügel полный.
altatan naqut златотканные парчи.
načidut dardas златотканные штофы с цветами.
tanas большие жемчуга; mo. tanas перламутры.
kujuku urtus tobičaut западные кони с длинными шеями.
kurin eleut название верблюдов; mo. kürin темногнедой.
daus ~ mo. toγos ~ греч. taὼs павлин.
kičidut название породы верблюдов.
qačidut название породы мулов.

laosut ~ mo. ɬuusud мулы.
qarin irken страны и народы.

§ 275

ičun tataqu отступить, возвращаться.
salulčaqui qurin ~ saɬuɬčaχui χurim пир разлуки, прощальный пир.
čačar палатка; mo. čačar, клм. čačir шатер.
osuekei ~ osükei ~ mo. ösügei пята.
turiku толкать, гнать, турить; mo. türi id.
olmii ступня; mo. ölmöi стопа ноги.
ƙečikileku топтать; mo. geškikü id.
jorqalduqu дрова рубить; mo. jorχu ~ jorγuχu строгать.
harqasun ~ mo. arγasun ~ мнгр. harγaɬ. M., p. 161 ардал, сухой помёт.
jubčiku привязать; mo. jübčikü завернуть, привернуть, закрутить.
busu heliƙetu другой печени, не родной.
bulqa irken восставший, враждебный народ.
job-tob? Так ли? mo, jöb-töb правильно, справедливо.

§ 276

dormekai низкий; mo. türimkei дерзкий, насильник.
doluskuku внимать; mo. tölüjikü возрастать, воспитываться.
duuren полный; mo. dügüren id.
huuku сгнить; mo. ügesun, ögeri гной; Мукад-димат-ал-Адаб: husan ~ hüsen, мнгр. fū гнить; орд. ōrö гной; клм. ügsen гнилой. M., p. 101.
daisurqaqu сделаться врагом, проявлять враждебные чувства.
kimu(l) ноготь; mo. kimusun id.
qautala ~ qaultala до конца; mo. χaγuɬχu сдирать, обдирать.
tamutala до конца; mo. tamuχu сучить, ссучивать.
dabtamal основание; mo. dabtamaɬ сплющенный, кованый.
aəkešikeku учиться; mo. angγaskiku зевать; angγayiχu открывать; angχaгаχu внимать, прислушиваться.
mokoriuldeku заслуживать казни.
alaqčilaqu быть пристрастным; mo. aɬaγčiɬa быть различным, нетвердым, непостоянным.
jaliraqu погаснуть, смягчиться.
sueyu ~ süyu поучение; mo. soyuχu поучать, исправлять.
hüledeku ~ mo. üledkü оставить.

§ 277

ququlju otqu обдирать.
aur дух; вспышка; mo. aγur воздух, пар; ярость, гнев; aγuški легкие.
omoq dura храброе сердце.
ayuul страх.
ukuul смерть.
tuniqu завершить, закончить.

šiira ~ šira копыто; mo. šigira часть ноги ниже колена; голяшки, ножки (у животных).
joeku ~ mo. jögekü завести, приобрести.
eremušiku ~ mo. eremšikü чваниться.
urisku нести перед собой; mo. üriskü сделать прежде, предупредить.
derke nokor близкий друг; mo. dergede близко, около.
todeeku ~ mo. tödegekü останавливать.
debulku кипеть; mo. dabuɫχu ~ debülkü сильно волноваться, кипеть, бить ключом.
delekai широкий; mo. delkei пространное, мир, вселенная.
šinaqa ~ mo. šinaγa ковш.
beter китайского значения не дано; mo. beder пятно, пежина, пегий.

§ 278

muqurigu размещаться вокруг; mo. moχuɫayidχu сделать круглым; округлить; mökörigülkü окружить, обложить; клм. mökörö̈l круг, шар, все круглое.
tuŋqun duulqaqu ~ mo. tungχaγɫaχu объявить во всеобщее сведение; клм. duuɫγaχu провозглашать, объявлять во всеобщее сведение.
jasaul, jasaut название чина, ясаул, ясаулы.
dekeun мимо.
jaqaun промеж, между.
qadaar узда.
otkan кáпище; mo. ödken грубый, густой; ötegü гробница, гроб. Cf. § 232.
ačid-un очередные.
onjiqu ~ qonjiqu ~ honjiqu чинить самоуправство, злоупотреблять; mo. χonji id. Cf. § 227.
mokoriulut je ~ mokoriulum je подвергал казни.

§ 279

saarinčin китайского значения не дано; mo. saγali дойная корова: saγaliči доильщик, доярка, saari круп у лошади; кожа.
tolet посменно; mo. tölükü платить; замещать.
uaqačin пастух жеребят.
qot колчаны.
čaŋ-ut (кит. цан) магазины, житницы.
tusurku вливать; вносить; mo. düsürkü лить, вливать.
balaqačin смотритель магазина.
amučin смотритель кладовых.
nuntuučin становщик, распорядитель кочевьями, землеустроитель.
auya saut ~ aγuya saγum(ui) могут свободно жить.
qašiqu обложить кирпичом; mo. χašiχu огородить.
haulqu ехать, бежать.
qadaqa чрезвычайно важное дело.
bituulku проезжать через; mo. bitükü странствовать, ездить, разъезжать.
sukes серебряные слитки; mo. süke топор.

§ 280

Dalai-in Qaan «море-каган»; император.
šilekun irken 2-летний баран.
jusaq годовалый баран; jusaγ jür 2-летняя серна.
ilubte удобно; mo. ilüb прибыль, барыш.
saulqu~mo. saγuɬγa посадить.
jamučin дорожный, ямской смотритель.
ulaačin станционный всадник.
čaqlauulqu соображаться, сообразовываться.
šiusun qonit пайковые овцы; mo. šigüsun натуральная кормовая повинность (баранами).
saalin keut дойные кобылы.
kolku huker~mo. kölgö üker упряжные коровы, быки.
enleksen kem~mo. kemlegsen kem определенная, установленная мера, срок.
orqol голова; шея; mo. uruγuɬ губы.
qolbuqa~mo. χol пара, чета; связка.
qolbuqa~mo. χaɬbuγa ложка; особый гвоздь.
kekesun~mo. gegesun ступица у колеса.
buki веревка.

§ 281

kerek-jaraq потребности.
joeulku заставлять везти; mo. jögekü id.
alqinčin дозорный, надзиратель.
darasun виноградное вино; mo. darasun хмельной напиток; вино (некуреное).
doleskeku значение не дано; mo. töriyesün оброк.
alǰias uile вина, погрешность, ошибка.
kekesuleku тайно извести; mo. gegesü спицы у колеса.
olumleku вперед (?); ölümlekü укрепить подпругою, подвязать седло; oɬum брод.
tore закон, правда.
osuleduksen тайно изведенный; mo. öšiyelekü враждовать, мстить, ненавидеть.
oduquǰi~oduγuǰai! Как бы не ушел!
qaranlaqu~χaramɬa жадничать.
qurua укрепление, изгородь; mo. χoruγa id.
yourqa стена; mo. ǰuγurγa~клм. ǰuurχu месить, замешивать, разводить в воде.
noduulku велеть построить; mo. nödükü трамбовать землю.
ǰedkuku~mo. ǰedkükü преградить.
čimaliqai недовольный; mo. čimaɬaχai жадный.

§ 282

qulan sara~quran sara 7-й месяц; mo. χuran üyiledkü sara название первого месяца в году.

В ПОРЯДКЕ МОНГОЛЬСКОГО АЛФАВИТА[1]

A

aisuqu итти, ехать; приехать, прибыть. 5, passim; aisulaa прибыл(и). 149.
ai, soiluq глубоко вздохнуть; выражение глубокого вздоха. 178; mo. söyilekü задыхаться, с трудом дышать.
aui пространный; mo. aγui id. 255.
auya saut ~ aγuy-a saγum(ui). 279.
aui bolqu облегчать; mo. aγui пространный, обширный; великодушный. 244.
auqa ~ mo. auγa величие. 199.
autkiku распространять. 255.
aula asan у горы, под горой. 195.
aulalaqu взбираться на гору. 266.
aulqu оставить в живых, дать жить, оставить в прежнем положении; < mo. aχu. 197, 198.
auldaqu быть оставленным в живых. 200.
aur ступа; mo. aγud ~ aur ~ uur id. 152.
aur дух; вспышка; mo. aγur воздух, пар; ярость, гнев; aγuški легкие. 277.
aurasu ткань, холст; mo. aγursun шелковые ткани; вещи, пожитки. 234.
aŭruq становище стариков и детей; обоз; mo. aγurχai гнездо; могила. 136.
aurtan твердые, мужественные; mo. aγurtan гневные, суровые. 139.
anaain так и есть (Каф.); schon wieder (Haenisch). 194.
anbar ~ yambar. 154.
antatai ~ amtatai. 188.
anturiqdaqu притти в смятение, томиться, трепетать; mo. yanduriγda трястись на телеге; клм. yantara биться, испытывать бедствие; cf. yadara изнемогать. 145.
anda čiralduba сделались друзьями; mo. čireldü вовлекать друг друга. 116.
anki место; mo. anggi часть. 193.
ankešikeku учиться; mo. angγaski зевать; angγayiχu открывать; angγaraχu внимать, прислушиваться. 276.
aqu остающийся, пребывающий, постоянный. 160.
aqtalaqu сесть верхом, оседлать; mo. aγta мерин; aγtaĺa холостить. 140, 149.
abalduqu ~ abalduul бороться, заставить бороться (M., p. 21). 131, 140, 254.

[1] Цифры означают параграфы текста.

abi-babi китайского значения не дано; cf. Haenisch, прим. к § 174,,: сирийское abba. 174.
abit желудок (животного, зверя). 12.
abitlaqu гадать (по внутренностям животных?). 12, 272.
abua ~ abuγa ~ abuba. 252.
abulčaqu брать, принимать вместе, разбирать; mo. abuɬča id. и бороться, склеиваться, смыкаться. 164.
aburaqu воздать. 53.
aburin eme первая, главная жена. 43, passim.
aburitqu иметь, питать; mo. aburidχu иметь, питать склонность. 152.
abqaulqu ~ abdaqu лишиться, попустить, чтобы взяли. 198.
abliqa получение милости. 217.
abčirat, kemkerit ~ abčiram (ui), kemkerim (ui). 189.
asqaqu плевать; mo. asχaχu выплескивать. 145.
ašiqiqu прибить, ударить; mo. aski бить, оскорблять; мнгр. aš восклицание боли (M., p. 15). 130, 245.
adalaqu насылать навождение; mo. adaɬa неистовствовать, бесноваться. 272.
adarqan (adarqaqu) китайского значения не дано; mo. ataγarχu соперничать, завидовать, ревновать, недоброжелательствовать; ataγan зависть, ревность. 164.
aduulaulsun поставленный пастухом, табунщиком. 170.
al алый, красный; mo. aɬ id. 238.
ala нога; mo. aɬa промежность. 203.
alaai ~ aɬuγa < aχu. 249.
alauna за дверью, за порогом. 165.
alan до тележных рядов (?); тележный кузов, днище. 124.
alan baraba совсем убил; baraχu как вспомогательный глагол для образования perfectum'a и совершенного вида. 149.
alanqir numa деревянный лук; mo. aɬanggir ~ id.; alanggir ~ čimeg. 116.
alaqčiut qonit пестрые овцы. 124.
alaqčilaqu быть пристрастным; mo. aɬaγčiɬa быть различным, нетвердым, непостоянным. 276.
alašas кони. 273.
alačuγ палатка, шатер; mo. aɬču углубление в альчике, «альча». 118.
alua ~ aɬuγa < aχu. 44.
alqasaqu отделиться; mo. aɬγasaχu нерадеть, забывать, быть нетвердым, невнимательным.
aɬγasaγuɬχu волновать, соблазнять. 181.
alqasaqu обленниться. 260.
alqasaldu отделиться; mo. aɬaγa saɬγaχu разъединить ладони. 199.
alqinči передовой дозор, соглядатай, проводник, гид, головной пикет; mo. aɬχun шаг. 37, 123, 273, 281, passim.
altatan naqot златотканные парчи. 274.
aldaqu потерять. 255.
alduqu (< aqu) жить друг с другом, совместно жить. 77; относиться друг к другу. 150.

aljaqu китайского значения не дано; mo. aljiyaχu ~ jaliraχu быть ленивым, праздным, нерадивым, откладывать в долгий ящик (M., p. 161). 271.
aljaqda притти в затруднение; mo. aljiyaχu быть удручену. 272.
aljias üile вина, ошибка. 281.
aman niruu замочная кость; клм. aman nuryun шейный позвонок. 147.
aman duuren keleleku говорить зловредные слова. 201.
amančaqan qula беломордый саврасый. 147.
aman kelen aldaqu клясться. 199.
amasar горное устье, падь. 162.
amaraqu любиться (?); mo. amaraχu быть спокойным, утешаться, благоденствовать. 254.
amusari страшно (?). 195.
amučin смотритель кладовых. 279.
amburu daariqu наехавши сбить; mo. embürekü разрушиться. 105.
ačaraqu убирать. 234.
ačid-un очередные. 278.
ačirat je ~ ačaram ja. 174.
ayuul страх. 277.
ajiraqu итти; вернуться. 102; рассеянный, разлетающийся. 160; mo. ajiraqu итти, шествовать, переходить.
araatu с зубами; mo. araγa клыки, коренные зубы; aratu зубчатый; с зубцами. 164.
aran ~ (?) arai. 94.
aričі помощник; спасающий. 117.
arial сомненье. 181.
arial ükai bi сомненья нет. 169; mo. araγan медленный; araγaɬaχu действовать медленно, осмотрительно.
arbaqu читать заклинания. 272.
arbin грозный; mo. arbin умеренный; убористый; важный; спорый; значительный. 270.
arbin говорящий пространные речи; mo. arbin споро, много; благообразный. 201.
arqa-ča лучше, не лучше ли? 166.
arqa-bar посредством стратагемы. 208.
arqatu имеющий способности, способный. 82.
arqanji ~ aryamji пеньковая веревка, аркан. 254.
arča туя, кипарис (Cypressus funebris); mo. arča можжевельник; тальник; род кипариса. 116.

E

eenekče только, исключительно; mo. egenegče тайна, таинство; egenegte čay bükün всегда, вечно. 165.
eedeulku разделять; отрывать; mo. egedegülkü скиснуть, свернуться. 254.
eemek dorebčitu имеющий кольца; mo. egemeg серьги, ушные колечки; döröbči шнурочек; плетушка и т. д. 135.
eereulun ~ baoulun окружать, осаждать, атаковать. 272.

eukun ~ mo. ögekün сало. 255.
eure долго; mo. egüri вечно, навеки. 201.
ene törelki-tur в этой жизни. 201.
endeku ошибаться; нарушать. 255.
enleksen kem определенная, установленная мера, срок; mo. kemlegsen kem id. 280.
enču ~ emču собственный, неотъемлемый; mo. ömči наследство. 137, 224.
enkuku ~ emkuku глотать; mo. emkükü жевать, взять в рот. 195.
ebereku болеть, заболеть; mo, eberlekü id. 194.
ebin дядя. 171.
ebuke предок. 44.
eburitku иметь, питать, тапть, держать за пазухой, лелеять, нежить, воспитывать. 152.
esuk ~ mo. esüg кобылье молоко, кумыс. 28, 145.
esuk čileku с дороги пить кумыс; mo. čilekü ~ клм. čiɬaχu устать (с дороги). 28.
ešiken баран; mo. ešigen козленок. 152.
etuken земля (божество). 201.
etkeku ~ otkeku отрезать; mo. ödkegekü вырвать, оторвать. 137.
edun все эти. 174.
edun χarin эти племена. 141.
edoet-tur на время. 248.
el мирный. 150.
elet песчаная степь; mo. elesü песок. 214.
elbesun жертвоприношение; mo. ilbegesün приманка, корм; elberikü почитать, ублажать; elberil почитание. 189.
elset je ~ elsem (ui) je. 176.
emečileku уподобить, назвать, сделать женщиной. 194.
emudun ~ mo. ömüdün штаны. 145.
embule ~ kürümeli ~ kürümel шалаш, хижина, балаган. 24.
ečine позади, не на виду; mo. ečine тайно, заочно, в отсутствие. 18, 174, 199.
ečineun заочно; mo. ečinen id. 252.
ečitkeku ~ mo. ečüdkekü велеть прикончить. 242, 268.
ečikes kout родные. 146, 149.
ejie доселе. 207.
eyetuldut je ~ eyetuldum (üije). 248.
ekeulku загнуть; mo. ekegülkü притрава для ловли рыбы. 75.
ekerun-ekerun с переменным успехом; mo. egerekü вертеть, кружить. 144.
eki teriu главы, начальники; eki teriu ukai безначалие, анархия. 46.
ekeer кругом; mo. egere ~ eere вертеть, ворочать, обступить кругом (cf. Владим., стр. 194). 172.
ekeeruku вернуться в строй; mo. egerekü оборачиваться, кружиться, возвращаться. 153.
ekečimet старшая дочь. 186.
ekureku опустить (?); mo. egürkü взять на себя, нести. 191.

ereuleku обвинить, подвергать взысканию. 257.
eres harat дом и имущество; mo. eres arad крепостные люди. 123.
ereleku сделать мужем, залучить мужа; mo. erelegči eme распутница. 188.
eremušiku~eremšiku чваниться. 277.
ereku надеяться; mo. erekü id. 254.
erekun omoqun мужественный и храбрый. 247.
eriun подбородок. 203.
erikeleku вешать (на шею); mo. erikeleku вешать на шею четки. 103.
erusku добыть, схватить; mo. erustekü быть схваченным. 102, 145, 174.
erusteku быть схваченным, похищенным, пропасть. 91, 254.
erbekelčeku показать, развернуть силу; mo. erbelče мелькать, мерещиться; ким. erbeger подвижной, хитрый. 240.
erkin~erkim главный. 208.
erkin oede, qutuq oede главный дверной запор (?); святой, благовещий. 105; mo. egüde (?) дверь.
eriulsun ищущий, просящий, нищий. 214.
erkuulku поддерживать, поднимать. 254.

I

inaq верный; mo. inaγ любимец, друг. 266.
inqirčaq однорядное седло; mo. yanggirčaγ седло для перевозки тяжестей (M., p. 295). 172.
inǰes приданое; mo. inǰi id. 208.
iheeku хранить; mo. ibegekü покровительствовать. 145.
iquriqalduqu мять, теснить друг друга. 143, 147.
ihuriqu отодвинуться; mo. eterikü подняться кверху. 195.
ibuluu смуты. 230.
iseri кровать, лавка, скамья; mo. iseri скамья, табурет. 169, 214.
itekel опора, подпора. 201.
itekemǰi надежный, верный; mo. itegemǰitü id. 183, 184.
itekeku опираться; mo. itegekü полагаться, верить (cum dat. et accusat.). 170.
itukesun кожаный мех. 132.
ideen-e barug жадный до еды. 46.
idet~idem (ui). 195.
iduleku~idureku преследовать, достигать. 145; успеть, нагнать. 146.
idureku близкий, наступающий; mo. irögekü вещий, предвещающий. 189.
ile лично; mo. ile открыто, явно. 179, 200.
ile-i пред лицом. 272.
ilukai нижняя губа. 140.
ilubte удобно; mo. ilüb прибыль, барыш. 280.
ilqaqu~mo. iɮγaχu отделять, выбирать. 254.
ilqaqu~mo. iɮaγuχu превзойти, победить. 272.
ilbur оброть. 110.
imaari (ima-ber) через него, при посредстве него. 167.
imada ему. 253.

ičidun (ičikin) белёный. 114.
ičun tataqu отступать, возвращаться. 275.
ičuqaqu возвратить назад, заставить вернуться, уйти обратно; mo. očі уйти. 73.
icuqu ~ eči, očі уйти, возвратиться. 132.
ijilidulčaqu свыкаться; mo. ijilidkü соединяться, свыкаться (ijil γoul). 131.
ikulkuku делать поспешно (?). 185.
iktuneku id.; mo. ig веретено; igde прясть; igčü ~ igčі часто, густо; полнехонько; орд. igčam неотложное дело (M., Texta, p. 690); igtünekü ~ ~ igtunirekü безотлагательно прибыть. 133.
irata вниз по течению. 74.
ireujei как бы не пришло, не дошло до..., опасно, что... 149.
irekdeku сделаться. 267.
iričeulku (čiričeulku) уделить, выделить. 203.
irke ~ mo. irge 4-летний баран. 272.
irke-orqa народ и жилища, семьи. 150, 162.
irketai подземный (?); халх. irge наземная часть покрова у юрты, подол юрты. 230.

O ~ ö

oesuksen ~ mo. ölösügsen голодный. 195.
oede ~ eede дверной запор; mo. egüde (?).
oere torulkitu одинокий. 201.
oermičileku сделаться другим, отчуждаться, отделиться; mo. öberčilekü переиначивать. 200.
oin чувство. 272.
oisudqu (oisuladqu) губить. 245.
oisuladqu тайно губить, извести. 67.
oisulaldu тайно губить; mo. ösleldü питать злобу, вражду. 245.
oire ~ mo. oyira. 31.
oorqu ~ mo. oγurγu бросить, отбросить. 19, 146.
oorqu šibaoun запускаемая птица. 249.
oorčaq ~ ourčaq разбойник, вор; mo. oγurčaγ брошенный, покинутый, одинокий. 156, 200, 214.
onar род, семья; клм. önör многосемейный. 105.
onečid-un abuliqa следующее сиротам пособие; mo. abuľγa принятие, получка. 185.
onoqu считать; mo. onoχu попасть, достигнуть, постигнуть. 266.
onubči qituqai нож; mo. onubči ножичек, которым делают ушки у стрел. 178.
onlajiqu ~ onjilaqu китайского значения не дано; mo.ončoyiľγa ~ončoγoyiľχu отделять на сторону, отделиться (< onča). 124.
onjaldaqu прекратить, уничтожить. 208; mo.ončoχai отдельный.
onjiqu ~ qonjiqu чинить самоуправство, злоупотреблять; mo. χonjiχu id. 227, 278.
onkeiku приподняться (для заглядывания); mo. önggeyikü приподняться (о цене). 54.

oɔkeku увеличить; mo. önggeyikü id. 199.
oɔkitu имеющий рукоятку; mo. onggi рукоятка. 106.
oqodur голохвостый; mo. oɣotor, клм. oɣotor куцый, бесхвостый. 205.
oqotor ~ oqodur. 90.
oqor короткий; mo. oɣor краткий, непродолжительный. 255.
oḳuḳa целый, весь; mo. oɣuɣada id. 187.
oqǰatqaqu попусту намеренно тревожить; cf. mo. oɣǰam вспыльчивый, запальчивый. 193, 230.
oqǰatqu встревожиться, испугаться. 199.
oboq bolqu составить особое родовое колено. 9.
osuel (osül) osuen ~ mo. öš (iye) öšin мстя, отмщая. 58, passim.
osuleldugsen тайно изведенный; mo. öšiyele враждовать, ненавидеть. 281.
osuekei ~ mo. ösügei пята. 275.
oskel ~ eskel давно нерожавшая (заяловелая) кобыла. 117.
otok угощение вином (M., p. 336). 154.
otoken ~ etuken земля (божество). 255.
otokleulku заставить возглашать чару. 219.
otokleku ~ кит. хэчжань выкрикивать чарку, провозглашать чару (cf. Каф., прим. к Стар. сказ., стр. 139).
otkan нечистый, глухой; mo. ödken густой, хриплый. 106.
otkan капище; мигр. sdōgu ~ utuɣu ~ ötegü; ötegün-i (sdōgun) ger гробница, гроб, «дом старости» (M., p. 337). 232, 278.
oduuǰi ~ mo. oduɣuǰai! Как бы не ушел! 281.
odun hüsun ~ mo. odün üsün перья и пух. 31.
olaɔ ~ mo. ölöng мурава. 255.
ole темный; клм. ölö сизый; халх. ölö сиво-пегий. 64.
olekai ~ mo. ölögei ~ клм. ölököi колыбель. 203.
olirsun ~ mo. olir дикое яблоко. 74.
oloan-taou многократно, много раз. 66.
olomlaqu укрепить подпругу. 254.
oluɔqin большая половина. 194.
olusumuser bulee никогда не голодал. 56.
olulčaqu взыскать; доказать. 256; требовать отчета. 265.
olumuleku ~ olmureku вести жаркий бой; mo. ölmürün orošiχu ~ elmerin orošiχu утрудиться, изнуриться; ölberekü ~ ölberkü изнуриться от голода. 208.
olumleku вперед (?); mo. oḳum брод. 281.
oluk yasun мертвые кости; mo. ölüg неодушевленный предмет. 201.
olmii ~ mo. ölmöi стопа (ступня) ноги. 275.
olǰe чужое добро; mo. olǰa добыча. 92.
olǰike кибитка тележная. 6.
olkes пригорок, пригорье; mo. ölgö полуденная сторона горы, холма; вершины. 194.
olkek кучи пыли, песку; mo. elgeg решето; elgegde отбивать пыль, просеивать. 57.

omereju ǰančiqu умыслить, сговориться прибыть; mo. ömerikü защищать, вступиться за. 244.
omoq dura храброе сердце. 277.
omoru верхняя часть груди; mo. omoruu ключица. 124.
očiulku доложить; mo. öčikü id. 197.
očil доклад. 197.
očiltei докладывающий; набожный; почтительный к старшим. 64.
očin meljen aqsat непокорные; mo. meljekü спорить, оспаривать. 260.
očiken вчера, намедни, только что; mo. öčügüdür id. 77, 245.
oki abču euskeku везти домой невесту. 54.
oktekun имеющий право получить; mo. ögdekü тот, кому следует дать. 224.
okdeku назначить; mo. ögdekü быть дану, отдану; должно дать. 200.
ore ~ mo. örö сердце, внутренности. 69, 137, 195, passim.
ore uln jasayu сердце его не удовлетворено. 195.
oreele etet на стороне, подле; mo. öregele ~ öregesun половина (чего-либо парного). 64.
orele ġuya одна нога (зверя). 16.
oreku уйти, покинуть; выйти, кончиться; mo. örekü исчезнуть, погибнуть, пропасть; ami-ben örekü жертвовать своею жизнью, отдать свою жизнь. 145, 208, 217.
ori младший, юный. 270.
oro место; супруга; вакансия; mo. oro постель, ложе. 105, 208.
oroa (oloa) хитрый; дикий. 123, 164; извилистый.
oroa koreesun дикий зверь. 179.
oroele ġariyar, -koliyer одной рукою, ногою. 140.
orole ~ oroele ~ orele ~ oreele ~ mo. orögesun. 212.
oroq šinəqula белый с черной спиной конь. 24, 206.
oroču deu позже родившийся (младший), сводный (?) брат. 203.
orun-a bolqu заместить, стать на чье место. 272.
oruk спокойствие, неподвижность; великодушие; mo. ölüg вещь, неодушевленный предмет. 233, 235.
oruk nota спокойно и тихо; mo. ölüg неодушевленный предмет; nuta крепко. 230.
orukesun ~ mo. örgesün колючка. 201.
oruketai имеющий верхнее отверстие; mo. erüke ~ клм. örkö дымник юрты. 230.
orqol мозг; голова; шея (??); mo. uruγuĺ губы. 280.
ordo-in čerbin okit придворные дамы. 232.
orluut ~ mo. örlüg-üd «урлуки», наперсники, «излюбленные люди». 201.
orkidku приводить (примеры); mo. örgedkü расширяться; распространяться (в толкованиях). 78, 260.

U ~ ü

uidaəqa скучающий, тяготящийся старым, ленивец, пренебрежительный; mo. uyid скучать, пренебрегать. 118, 179.
uilsun qor берестяной колчан; mo. uyiĺsun береста. 230.

unen горностай; mo. ünen хорек. 103.
unenmišikeku ~ mo. ünemšiye принимать за правду. 169.
unoa ~ mo. unoγa средство передвижения. 145.
unoqučin пастух жеребят. 279.
undasču ~ umdasča. 67.
unduqu прибавиться; mo. unduγiχu подняться вверх, выпячиваться. 193.
unjiku остановиться, сделать остановку; mo. önjikü дневать, отдыхать. 260.
unəšiqu громко окликать; mo. ungši читать (вслух). 110.
uqaulqu высмотреть, выяснить. 103.
uqat je ~ uχam (ui) ja. 21, 209.
uqali тесло. 240.
uqamsar незаметно; cf. mo. uqamsar berke oi невообразимо густой лес. 240.
uqitala кренко, плотно. 74.
uqulja ~ mo. uγuǰa дикий баран. 200.
uqurqa укрюк; mo. uγurγa лассо. 199.
ubis-kikui только тронуть, едва притронуться. 230.
ubur-subur один за другим. 91.
ubčikdeku быть содранным; mo. übčigde подвергнуться сдиранию кожи. 201.
usurqaqu нуждаться в воде, искать воду; mo. usurχaγ водянистый. 188.
utu длинный; mo. urtu, клм. utu id. 191.
utu duru-in kuun человек свободного состояния («длинной воли»); cf. mo. urtu küči поденщик. 191.
uturaqu впереди (прежде) всех итти; mo. udurχu пороть, распарывать, потрошить; otorχai пополам разрезанный; клм. utuǰaχu отсекать, отрубить, рассекать. 123.
udaan-a медленно, поздно. 219.
udaaraldu тотчас последовать. 214.
ude jilda поздно вечером. 240.
uderiku ~ uderitku отдыхать и кормить лошадей; mo. üdele id. 170.
uduqu ~ mo. uduχu, üdükü, üdügekü выманить, заманить в засаду. 194, 208, 247.
ulaačin станционный всадник. 279, 280.
ulan ~ ulam постепенно, преемственно. 187. mo. uǰam-uǰam ~ uruγ-un uruγ-a всегда в будущем, навеки веков.
ulittele kiduya истребим до конца. 154.
ulitkeku истреблять; cf. mo. ülikü поднять рычагом; мнгр. fuli шевелить, ковырять; распахивать (M., p. 105). 112.
ulkeku ~ ulkiku ~ mo. ölgi ~ ölgü злословить, клеветать; навесить, нацепить. 160, 195.
ulu aljaaqu bi! Не беда, не опасно! 131.
ulu šiəkekui несваримый. 201.
ulutkiku перебить, истребить. 154.
ulutku уничтожить, истребить. 105.
ulke čeeji грудь; mo. čegeji грудь; память; разум; ölgli ясный, светлый; ölge светлая, полуденная сторона горы; бур. ölge нить жемчуга. 208.
umere ~ mo. umara jüg север. 31.

umubu ~ umbu опасный; вязкий, топкий, тинистый; cf. mo. ombaχu плавать, oyimaχu переходить вброд; мнгр. humbaa-dawā переходить вброд (M., p. 182). 102.
učumaq (instrum. učumaar) название стрелы. 174, 208.
očuket ~ mo. öčüken малютки. 245.
ujelduku любить друг друга; cf. мнгр. ujiä испытывать; терпеть; благоволить (M., p. 465). 93.
ujuur ~ mo. üjügür край. 184.
ujuureku доходить до верха, края; mo. üčürke увлекать, возбуждать. 199.
uyen старый, прежний; mo. uyan изворотливый. 181.
uye-qaya kuun родной человек, родня мужа. 18.
uyeleku обгуляться (?); mo. uyagaχu разнежиться; üyelekü разделить на части, сочления. 177.
ukutkuku одурить, усыпить; mo. üküdkü упасть в обморок.
ukuul смерть. 277.
ukuleə смерть. 254.
uke olulčaqu требовать отчета. 267.
uke baralaa слова сбылись. 206.
ukuleku говорить; ukulet ~ ukulem (ui) 6, 21.
uriskU нести перед собой; mo. üriskü сделать прежде, предупредить. 277.
uriyarqun бодрый, благодушный; mo. uriyaĺa манить, звать. 230.
urqûqu тревожиться; mo. urγuχu подниматься, восходить; orγuχu убежать. 196.
urban deretu boljU kebtemu bi лежу, имея подушкой землю; cf. mo. γar-iyer dereleji uruγu kebtekü лежать на земле, имея подушкой свою руку (Ковал., стр. 452). 183.
urču ~ egürču. 211.
urkeulku заставить нести на спине; mo. ergügül id. 240.
urku ~ mo. egürkü нести на себе. 97.

N

naidaqu завидовать, ненавидеть; mo. nayidaχu надеяться; nayita, nayit чихать; насмехаться (M., p. 269); nayidangγui ненависть, зависть, нодоброжелательство. 164, 179, 219.
nanbuqa ~ nambuqa большой кожаный мех; mo. namaγa бочонок, мешок, бурдюк. 87, 205, 254.
nabbtarqai nekei deel рваный овчинный тулуп. 112.
namurqan грязь, мокроты; mo. namursun струп. 145.
načit шитые золотом ткани. 238.
načidut dardas златотканные штофы с цветами. 274.
neule сухое дерево. 245; большое дерево 254.
neuri ~ mo. negüdel кочевка, переезд. 4.
neədeku опередить, предупредить. 165; накрыть, напасть. 185; замышлять, окружить. 200; mo. nengde превзойти, предупредить; nengden тем более, свободно.
neədu qutuq счастливый дух, гений-хранитель. 207.

nenduut верные. 231.
netkel конопля размётанная 245, 254.
nelke ~ nelkes пеленки; cf. mo. niľγa младенец. 97, 211.
nemure защита, попона. 249.
nemur ~ nemüre; mo. nemürge плащ; клм. nemer шалаш. 208.
nemurkeku вздевать; mo. nemürgekü заставить накидывать. 199.
nemurke войлочная рубаха; mo. nemürge дождевой плащ, епанча, дождевик (M., p. 270). 205.
neken jauuraqu исполнить поручение преследования. 236.
nekun домочадец. 200.
nekus otqu падать, упасть, нависать; mo. negüskikü удаляться. 245, 254.
niitaitala плотно, крепко; mo. neyidkü быть ссучену, связану, скреплену. 254.
niuqu ~ qabčiqu таить, скрывать, утаивать; mo. niγu-, χabči id. 210.
niurqaqu задабривать, подольщаться; mo. niγurčila лицемерить. 177.
niqsaqaljaqu ехать трясцой, едва двигаться; mo. niγsaľa двигаться, шевелиться. 90.
nišiku ~ mo. nišiku бить. 199.
nišit je ~ nišim (üi) je! Будем бить палками! 227.
nitulaqu остановить; mo. nituľa отрезать, перерезать. 209.
nidoni в прошлом 265; в прошлом году 104; mo. nidunun jil id.
nidun qara китайского значения не дано; mo. nidun χara зрачок; nidun χaraγa взгляд, мина. 145.
nidulaqu ~ nitulaqu высохнуть, исчезнуть; mo. nituľaχu погибнуть, исчезнуть. 72.
nidurtala плотно, крепко; mo. nidurχu бить кулаком. 254.
nilqa наименьший. 242.
nijiel по одному. 19.
nikan eyeten единодушие. 22.
niketele вместе; mo. nigedkü объединиться. 123.
noitan сырой, влажный, сырость. 207, 213.
noirqanqan выспаться (?); noirqan-ban (?); mo. noyir сон, дремота. 177.
nou угол. 204.
noun дитя; mo. niγun отрок. 64.
noun koun внуки. 185.
nouku ~ mo. negükü кочевать. 5.
nouuku qarši походный дверец. 267.
noukui-tur, oluk-tur ~ noukui, sauqui-tur. 233.
noqoi kerel kereju yabuqu биться, драться; cf. mo. noχai bitegei marta не забывай этого; noχai kilber весьма удобно, легко, без затруднения. 194.
noqot ~ mo. nuγusun-ud утки. 27.
nobšikü мокнуть; mo. nöji сгусток запекшейся крови; nöši ~ nöji ~ nöbši. 213.
nobšilduku вместе мокнуть. 207.
noduulku велеть построить; mo. nödükü толочь, утрамбовывать. 281.

nodun сгусток крови; халх. nöji запекшаяся кровь; клм. nöji куски ссевшейся крови. 59.
noduku ~ mo. nidü ~ nödü толочь. 152.
noduksan построенный; mo. nödükü толочь, месить, трамбовать землю. 249.
nokoji второй. 177.
nokčieku умертвить. 267; mo. nögcige id.
noras рвы; mo. nuga яр, круча. 143.
noruitku наклониться с коня (для принятия чего-либо); mo. nöru поясница. 55.
nuntuučin становщик, распорядитель кочевьями. 279, 232.
nuntuq jiaqu объявлять становище; указывать, отводить кочевья. 234.
nunji nutuqtan имеющие оседлые стойбища; mo. nunji малорослый. 249.
nunji неподвижный. 265.
nuəqasu овечья шерсть; mo. ongγasu id.; мнгр. əguāse, орд. uəguasu id. (M., p. 292). 85.

H

haulqaqu велеть скакать. 199.
haulqu гнать, преследовать, ехать, бежать, скакать; mo. aγułγačin военные курьеры, гонцы (M., p. 180). 37, 123, 253, 279.
hauluqa бег, след (?) (M., p. 180). 56, 57.
qauluqat kout китайского значения не дано. 75.
hantuldeku (~ emtülegde-) быть лишенным половины; mo. emtelekü зазубрить, притупить, иступить. 105.
haəqaqu жаждать; mo. angγa id. 188.
halaqan ~ mo. ałaγa ладонь. 147.
hači ~ mo. ači воздаяние. 53; благодарность, сыновняя любовь, почтительность. 75; заслуга. 214.
hači hačilaqu отмстить обиду. 105.
haran человек, люди. 55.
harban ~ arban. 53, passim.
Harqasun ~ Arγasun собственное имя; cf. мнгр. harγał (M., p. 161). 275.
hartai узорчатый, с разводами; mo. artai полосатый, узорчатый, травчатый. 252, 273.
heiluku удалиться; mo. eyilkü удалиться, убежать; keyilekü зевать, пропускать час караула. 137.
heilukset отделившиеся; cf. mo. oyiγsan eyilügsen kümun разбежавшиеся, рассеявшиеся, беглецы. 149.
heušieku быть вредным, несвойственным (о климате); mo. ükü гнить, портиться; клм. ügsen гнилой; мнгр. hüükü гнить (M., p. 101). 246.
helike печень; родня. 105.
helikebči набрюшник; mo. eligebči нагрудник. 135.
herekai ~ mo. erekei большой палец. 139, 254.
heru-baru темно; mo. barui-bürüi сумерки; клм. örö bołχu брезжить, светать; barus неясно. 100.
heruku печалиться; mo. kerükü скитаться, слоняться. 208.
herkiku кружить, (-ся); mo. ergi id. 100.

hiličeku ~ hiričeku отделиться, отойти, уклоняться; mo. erisle быстро отрубить, порвать. 178.
hilu слишком, чересчур; mo. ülegü ~ ilegü (cf. M., p. 106). 174.
hiluatqu быть кусаемым оводами; mo. iłaγa овод. 188.
hičele стыдно; mo. iče ~ ičі id. 246.
hiričeulku разъединить; cf. mo. ira ~ iraǰa разрезать на пласты, рассекать; erislegülkü оторвать. 123.
hiruer (l) молитва; mo. irögel id. 201.
hirmes миг; миганье; mo. irmekü ~ kirmaχu ~ клм. kirmekü мигать. 230, 254.
hoai ~ hoi ~ mo. oi лес. 12, 56, passim.
hoailaqu ~ hoilaqu войти в лес, скрыться в лесу. 149, 155; cf. mo. oyiła id.
hoantusqu ~ hontusqu состязаться в стрельбе; mo. ontusχu стрелять вверх. 254.
hoaraqu ~ qoroqu уклоняться, избегать, пропускать явку; mo. χoroχu убывать, отсутствовать; oγura ~ orki бросить; мнгр. fōro быть парализованным (M., p. 100). 227, 278.
hoeku марать, замарать; mo. ögekün жир, сало; клм. ögödkü засалить, замарать. 147.
hoilaut поднявшееся вверх; mo. oyiła подниматься вверх. 75.
hoimosku ~ hömosku защищать; mo. ömörekü id. 131.
hoošin веревка; mo. öösin сеть, невод. 234.
hoorčaq название стрелы; mo. oγurčaγ выброшенный, брошенный, одинокий.
hončitan стреляющие; cf. mo. ontoyisχu ~ ontosχu стрелять вверх. 139.
hoqtolqu ~ oγtołχu отсечь. 254.
hoqtočiqu ~ mo. oγtočiχu сечь, рубить. 240.
hoqtoriqaqu пересечь поперек; mo. oγtołχu отрезать, пересечь. 184.
hoqtoriqu ~ mo. oγtołuχu срубить, срезать. 80.
hoqtorq̇n пустой; mo. oγtorγui небо, воздух, пустота. 105.
hoqtorq̇ui намеренно, фальшиво; mo. oγtorγui пустота, воздух, небо. 240.
hoqtoru пересечь; поперек; mo. oγtołχu id. 147.
hot звезды; mo. odud звезды. 183.
Holuiqan Олуйхан, дочь Чингис-хана; cf. известное имя Елюй-Чуцай; клм. ölüi сизый. 239.
horene ~ mo. öröne ǰüg запад. 31.
horeneǰi ~ örönedü западный. 175, 214.
horin ~ horim ~ horom тропа; mo. orom след. 103.
horinlaqu ~ mo. oromłaχu итти тропой. 103.
horoitala ~ uqitala крепко, плотно. 74, 254.
horum ~ mo. orum след, тропа. 240.
horq̇uqu mo. oryuχu бежать, совершить побег. 152.
horčin ~ mo. orčin вокруг. 57, 145, 192, 245.
horčiqu ~ mo. orčiχu вращаться, переворачиваться. 254.
huiraqu ~ mo. uyaraχu наводниться, размыться. 204.
huon ~ hon год; hon q̇arba зиму прожить, год прожить благополучно; cf. клм. новогоднее весеннее приветствие mende γarba ta слава богу из зимы вышли (прозимовали). 26.

huuku ~ heuku ~ hüüku сгнить; mo. ügesun, ügeri, орд. ōrö, мнгр. fū, Mukaddimat. mo. husan ~ hüsen, клм. ügsen гнилой (M., p. 101), 276.
hunar ~ hunir запах; mo. ünür id. (M., p. 108). 55, 108.
hunesun зола; mo. ünesü (M., p. 107). 87.
huni дым; mo. uniyar пар, туман (M., p. 107). 87, 107, 242.
hunosku ~ hunasku ~ hunisku ~ mo. ünüskü нюхать, целовать (M., p. 105). 27, 55. 245.
huntaou бедствие; mo. untuγun перемена в лице (от гнева, страха). 111.
huŋjiu гнилушка, сухое дерево; mo. üngši жердь, сухие сучья, пни. 27, 196, 247, 251, 272.
huŋjiules сухие деревья, пни; mo. üngši, öngši жердь, пень, тычина. сучья. 27.
hüsu ~ mo. üsü волосы. 196.
hudaraqu отменить, нарушить; mo. udarχu пороть, распарывать (M., p. 46, 333). 246.
hudesu ремень, которым прикрепляют одну вещь к другой продеванием насквозь; mo. üderi ремень, которым боковые доски седла пришиваются к луке; клм. üder ремешок, которым скрепляются тэрме. 106.
hudeku ~ mo. üdekü провожать. 53, 94, 248.
huladaqu окрасить красным. 214.
huladqu падать, оступиться; mo. uɬa ступня; uɬadχu подложить подметки. 143.
hulalqu ~ mo. uɬaɬχu покраснеть. 204.
huledeku ~ mo. üledkü оставить. 276.
huleu превосходящий. 254.
hülekset ~ mo. ülegsed остальные. 154, 251.
huɬekdeku ~ mo. ülegdekü быть превзойденным. 201.
huliu ~ hüleu много; mo. ilegü слишком. 203.
hüleu torulkitu многосемейный. 201.
hüleut остальные; mo. ilegüü (cf. M., p. 106). 144.
hulittele ~ huluttele до конца, полностью доканывая (M., p. 106). 198.
hulurkeulku привести в недоумение, смущение; mo. külürkekü заставить потеть, вогнать в пот. 193.
hulqun одинокая гора; mo. uɬχun неровное место, пригорок, холм. 77.
huldeku ~ mo. üldekü гнать, преследовать, отогнать, прогнать. 56, 79, 150, 205.
humekai ~ mo. ümekei зловонный, тухлый, смердящий. 152.
huǰaur ~ mo. ijaγur основание, начало, происхождение. 1, 184, 198, 204.
huyaqu ~ mo. uyaχu привязать, связать, сплести. 75, 244.
hukerčin коровий пастух. 252.
hukdereku снова открыться (о ране); mo. ügderekü возобновиться. 175.
huraqalaqu ~ mo. uraγaɬaχu ловить силком. 25.
huruu ~ mo. uruγu вниз по течению. 5.
hurbaqu сделать наоборот, обернуться; mo. urbaχu перемениться. 143, 247.
hurtesün лоскуток, обрезок; mo. ürtesün id.; клм. ürtüsün опилки, обрезки. 238.

Q (χ, γ)

qa передние лапы; mo. χa стегно. 179.
qa вассал; mo. kiya адъютант, паж. 249.
qaaqu окружить; mo. χaγa закрыть, пресечь. 245.
qaatai terke ~ qarautai terke крытый возок. 101.
qaalqa крепость, застава; mo. χaγaɬγa проход, ворота. 247.
qauliqu ~ qauluqu ~ qaulqu полонить, захватить; mo. χaγuɬχu облупить, ободрать.
qauluqa ~ hauluqa выбоина от бега, след; клм. χaaɬγa дорога, след, колея (M., p. 180). 57.
qai неизвестно; mo. χai! Кто его знает? Ищи его! 197.
qaiqu ~ mo. χayiχu всматриваться, искать. 56.
qailaqu кричать. 214.
qairuqana жаворонок; mo. χayiraγana чайка. 160.
qao ~ qaa где, где-нибудь. 31.
qaoulqu истребить; mo. χaγuɬχu облупить, ободрать. 105.
qautala до конца; mo. χaγuɬχu. 53, 276.
qauli правило. 229.
qauluqa дорога, след. 183.
qaulqu грабить, облупить. 152, 257.
qauldaqu быть ободранным, сдернутым. 201.
qoram ~ qorum немного времени. 272.
quraltuq дикая коза, малая пятнистая козуля (Cervus pygargus). 116.
qanaqu пускать кровь; mo. čisuɳ χanaχu. 151.
qanalqa случай; mo. χanaɬγa кровопускание. 133.
qanqaulsun ~ qamqaulsun высокая трава; mo. χamχaγ желтая полынь; χamχuuɬ сóдовое растение (M., p. 157). 105.
qanqas (qamqas) čabčiqu рассечь; mo. χamχa id. 51, 131.
χantu ~ χamtu. 19, 76, passim.
qantuqalaqu скоро хватать (на коне); mo. amtuγu едва-едва, чуть-чуть; amturiχu спешить. 254.
qandaqai лось, сохатый. 255.
qandaqu забыть; mo. χanduχu отвернуться. 219.
qabirqa бок; mo. χabirγa верхние передние ребра (M., p. 166). 127.
qabirqar ребра. 12.
qabqariulqu клеветать, сплетничать; mo. χobχogo облупить, ободрать. 255.
qabtaqai сплюснутый, тонкий; mo. χabtaγai id. 254.
qabdasun досчатый; mo. χabtasun id. 203.
qaqas отдельно. 242.
qaqasun заноза (в зубах). 77.
qaqalaqu разбивать. 209.
qaqaldaqu взаимно разделять. 201.
qaqunaq сорочка. 254.
qaquqsan čisun ~ bekleksen čisun запекшаяся кровь; cf. mo. χaγaχu остановиться; χaχaχu подавиться. 214.

qaqqu сохнуть; mo. χaγsaχu запечься; χakiχu перестать, исчезнуть, пропасть. 145.
qaqdaqu запираться, ссыхаться. 173.
qaqdaqu быть подстреленным. 172, 174.
qasar noqai род большой собаки; χasar noχai обычная кличка злых собак. 78.
qašiqu обложить кирпичом; mo. χašiχu огородить. 279.
qataə сталь; mo. χatang ~ χatangγu твердый, жесткий, закаленный. 106.
qataəquya magaan asaqči строго и тщательно допросив. 197.
qatar значение не дано 111; mo. qatarχu ожесточиться (болезнь); keter свирепый; язвительный.
qatu дама. 54.
qatuq боярыня. 101.
qatqutai задира; mo. χadχudar id. 74.
qatquldua qatquldudu биться. 195.
qatquldaqu язвить. 201.
qatquldudči боец; cf. mo. ülü χadχuldurči неподвижный, спокойный. 159.
qatquldut je ~ qatquldum (mui) ja. 173, 176.
qatqurasutu имеющий кожу персика; mo. χadχura ~ χarγana дикий персик. 106.
qadaar ~ mo. χaǰar узда. 199, 229, 278.
qadaun в обход. 257.
qadaqa чрезвычайной важности дело. 279.
qadaqadu ukes важные речи, задушевные. 201.
qadalun daun ~ qadarun daun пословица (?); mo. χadarχu расшивать; распарывать; разъяснять. 78, 244.
qadara ~ mo. χadara хайрюз. 75.
qadarqu распарывать; разбирать, разъяснять. 78, 260.
qala приказ; χaɬa знак, сигнал к смене. 123.
qalaar непременно; mo. χaɬa смена. 248.
qalaiqu ~ mo. χaɬayiχu снизойти. 56.
qalaun горячее место; горячий; зрелый; утроба; mo. χaɬaγun теплый. 78, 254.
qalaun daaulqu прижечь; mo. daγaγuɬ подвергнуть. 173.
qalaout ~ mo. γaɬaγud гуси. 27.
qalat свирепо; mo. χaɬaχu разъяриться. 78.
qaliqu сохнуть; mo. χalimaɬ сушеное мясо. 145.
qalisu ~ mo. χalisu кожа, шелуха. 111.
qaliyarsun ~ mo. χaliyar черемша, дикий чеснок. 74.
qaljirqu посторонние, ближние. 177.
qaljirqu фальшивый; злой; mo. χaljir кривой; косой. 201.
qalidqu облупиться; mo. χali (d) взлететь, воспарить. 201.
qalqasun ивовые прутья. 103.
qalqu boɬqu раздражать, задирать; mo. χaɬaχu приблизиться, пристать. 111.
qalqutai драчун. 174.
qaldačiqu предать огню, разорить. 105.

qaldun скала, пик. 164.
qaldut-ta на скалы, в горы. 164.
qalbuqa ~ mo. χoɬbuγa пара, чета: связка. 280.
qačidut название породы мулов. 274.
qaraatu издали видный; mo. χaraγa шарик на знамени; χaraγatu достигаемый зрением, видный; клм. χarān ügei малозаметный. 106.
qaraiqu ~ mo. χaraγiχu прыгнуть, броситься, вскочить. 56.
qarau ~ mo. χaraγu защита, прикрытие; покровительство (M., p. 164). 6.
qarauutai terke крытый возок, телега. 6, 244.
qaraulsun поставленный досматривать. 170.
qaranbai ~ qarambai noqosu название породы черной утки. 200.
qaranlaqu ~ χaramɬa жадничать. 281.
qaraquru ~ χarkiru куропатка. 25.
qaratu ~ haratu значение не дано; mo. aratu зубчатый, с зазубринами. 111.
qari дом; mo. χari-sari утварь, домашние принадлежности. 123.
qari-širi дом и имущество. 123.
qarin irken страны и народы. 262, 274.
qariun mori чернохвостая и черногривая желтая кобыла; mo. χaliγun выдра, бобр; χaliγun mori светлосерая лошадь с черными гривой и хвостом. 117, 152.
qarin род, племя, страна; mo. χari-sari подданные (M., p. 330). 129, 270.
qarqan ~ qarqam тыл, зад, бедра, стегна, строение крупа; mo. γarγam зад, ляжвия, задние кости у скота; статьи. 123, 179, 194.
qarqana ~ qaraqana густая трава; mo. χarγana Robinia ferox spinosissima, золотарник, жидовинник, сибирский гороховик, сибирская акация. 195.
qarbisu место, послед; mo. χarbisu матка; послед. 78.
qar qardaqu наложить руки. 200.
qar kotoltan люди, ведущие заводных лошадей. 247.
qar kurkeku довести руки, наложить руки. 200.
qartaqu ~ qardaqu поднять руку на; взять; mo. γartaχu связать руки. 149, 166.
qarmalduqu ~ qormalduqu вместе собирать; mo. χorma загребать. 124.
qarča китайского значения не дано; mo. χaɬja пузырек, рожок. 103.
qarki течение, стремление; mo. χargitu usun заводь, стоячая, спокойная вода. 81.
qinčaskiku обернуть голову; kimča ~ šiγun правило, линия, мерило. 140.
qiquriqu следить, итти следом; cf. клм. kiχurtai злопамятный. 183.
qijiar-a ~ mo. kijaγar-a подле, с краю. 205.
qoaɔqor ~ qoɔqor желтый конь; mo. χongγor светлосоловый, рыжий; клм. χongγor саврасый. 205.
qoaɔšiut ~ qoɔšiut вонь; mo. χongǰosun задница, задняя часть (M., p. 123). 27.
qoastan okit прекрасные девицы. 240.
qoinaun ~ uridaun спереди — сзади. 229.
qoolončar жадный; лакомка. 124.
qooǰiqu линять; mo. γuuǰiχu id. 79.

qoaəqoqčiut qonit желтые овцы. 124.
qoəqor ~ mo. χongγor саврасый (M., p. 172). 90.
qoəǰiyasun, белые кишки, требуха (?); mo. χonǰγosun задняя часть, внутренности. 124.
qoq искрошенная трава, солома; mo. χoγ мусор, отбросы, навоз. 234.
qoqimai ~ mo. χokimai сухой, засохший. 111.
qoqir ~ mo. χokir мусор, хлам. 111.
qoqiratala до конца, досконально; mo. χokiraχu засохнуть, увянуть. 109.
qoš жилище, дом; клм. χoš временная походная юрта; пара, двойка; mo. χos пара. 169.
qošiliq ~ qoš (M., p. 384). 245.
qot колчаны. 279.
qotoan круг, загон, курень; клм. χoton хутор. 124.
qotolai все, весь, целый. 254.
q̇odolitqú стрелять костяною стрелой; mo. γodolidχu стрелять тóмаром. 112.
q̇odu ножки; mo. γotu лапа животного. 190.
q̇odun ~ q̇odu. 114.
q̇odulaqu взыскивать; mo. γuɬuγuɬχu срамить, поносить; клм. γutaχu id. 108.
qolbaraqu вместе итти, сопутствовать; mo. χolboɬda связаться, быть спарену, итти парою. 255.
qomoul сухой помет; mo. χomoγuɬ лошадиный помет. 234.
qomorqu окружать; mo. χomorχu достигнуть, догнать; χomorγu охотничий круг. 190.
qoǰiulas сухие пни; mo. χoǰiγuɬa id., 27.
goǰitala busele подпоясаться, высоко подтянув платье (cf. qooǰi). 74.
qor qomusa bolq̇aqu причинить расход; mo. χour χomsa boɬγaχu причинить хоть малейший ущерб. 232.
qoran ~ qorum миг, момент. 32.
qoriyan подворье, двор; mo. χoriyan id. 111.
qoroq спасайся же, спасайся уж; imperat. < χoro. 55.
qoroqu спасаться; χorγoduχu прятаться, укрываться. 257.
qoroqun убыль, расход; mo. χoroχu понести ущерб, погибнуть. 179.
qoroulqu сседаться; mo. χoroγuɬ убавить; убить. 254.
qoruq̇at ~ mo. χurγad ягнята, «кургашки». 79.
qorumut немного, несколько минут; mo. χorum миг, момент. 31.
qorumut bai лучше перестать, остановись; клм. χorombai прочь! 131.
qorqi шнурок. 238.
qorq̇oqu загнать. 201.
qorq̇osun ~ mo. χorγosun овечий помет. 111.
qorčilaulqu заставить носить лук. 219.
q̇uiqu ~ mo. γuyiχu ~ γuyuχu просить. 219.
quur daulqu тренькать. 189.
q̇uə утес, обрывистый берег, край пропасти.
qunar китайского значения не дано; mo. χunar платье. 111.
quəǰiut вонь; клм. χungšiγ смрад, гниль. 27.

quq̇ulqu отломить, оторвать, отделить. 16.
quq̇uljи otqu обдирать. 277.
qubis-kikui прикоснуться; mo. kübikü бить, щелкать. 230.
qubiyaldut je~χubiyaldum(ui)je поделимся. 153.
qubur i хребет; холм; mo. χubari полоса, доля; kübügür горбина, свод; kübür скат. 56, 90, 171.
qubčiur невод; mo. χubčiγur рыболовная сеть. 199.
qutan qor ивовый колчан. 230.
qutaqlaldu суматоха; χotaγałałduχu нагромождаться; χutaγalałdu колоть ножами друг друга. 196.
qutuq счастливый дух; mo. χutuq святость. 231.
qutus по, через; mo. χutu id.; χudu~χutu γaгχu пройти насквозь. 207.
qutqulaqu месить, мешать руками; mo. χudχuła мешать, взбалтывать. 46.
qudalaqu родниться, свататься. 185.
qudusu сапоги; mo. χutusun обувь; клм. γodosun сапоги. 114, 145.
qudurq̇a, χudurq̇ala~mo. χudurγa, χudurγułaχu подхвостник, продеть хвост в пахви. 199.
qulan~quran sara 7-й месяц; mo. χuran üyiledkü sara первый месяц в году. 282.
quladu~mo. quldu коршун-мышелов; клм. sariči id. 200.
qulalqu падать; mo. χułγuχu скользить, скатываться. 196.
qulajiqu испугаться. 244.
qučaqu~qučiqu беречь; mo. χučiχu закрывать, укрывать, беречь. 199.
qučiqu обернуть, завернуть что чем. 255.
qučiqu глотать. 254.
qučiulqu объехать; mo. χučiγułχu покрыть. 102.
qučiqu подавиться, перхать; mo. χučaχu лаять. 213.
qučilis кругом объехать. 55.
qučilduqu окружить; mo. χučiχu покрыть; mo. χučiγuł нападать врасплох. 112.
qujirqu отравить. 67.
q̇uyan крестец; клм. γuyan ляжка. 184.
qurin~qurim. 57.
qurinla~qurimła. 50, 240.
quriyaqu забрать, взять себе. 111, 196.
qurua укрепление, изгородь; mo. χoruγa id. 281.

B

baiunqun оставить, трудно; задержка, затруднение. 19.
baidu bailduqu стать, выстроиться. 195.
baouqu осадить. 267.
baouliya наставление, выучка; клм. būliχu поощрять; būli палочка в носу верблюда для понукания. 255, 260.
baout je~baγum (ui) ja. 259.
bautala нàпрочь, прочь. 229.

basaalaqu управлять, распоряжаться; mo. bišil'γaχu прилежно заниматься. 124, 213, 232.
balaġačin смотритель магазина. 279.
badarqiqu пылать, гореть, пламенеть; mo. badarki id; клм. bedergi иск, домогательство. 260.
baraa тень; mo. baraγan темный. 255.
baraqu кончить, прикончить, убить. 214.
baraqsat губители, душегубцы. 78.
baratutai темный; mo. baraγan id. 189.
bariuǰii ~ bariġuči (?) ~ bariγuǰai (?). 199.
bariya kuun арестованный человек; клм. bariya арест. 152.
bariyas узы. 152.
baru ~ baruq название зверя; cf. клм. baraγ похоі дворняга. 78.
barua ~ baraa тень. 183, 184.
baruan boldaba сделалось темно. 91.
bura-tara там и сям рассеянный. 213.
beter китайского значения не дано; mo. beder пятно, пежина, пегий.
bederiku производить розыски, искать. 82.
bel притом, тем более: mo. boł, bołbasu id. 245.
belen готовый. 201.
belčir ущелье, устье; mo. belčir скрещение, перекресток, расстанок, слияние. 162.
belke ~ mo. belge свидетельство, знак. 229.
beye ġat-iyar один, сам, самостоятельно; mo. beye γar-iyer самолично, собственными руками. 224.
bekeliku делать усилие; mo. bekile укреплять, усиливать. 224.
bekilekdeku быть укрепленным. 247.
berileku выполнять церемонии снохи. 189.
berkeldukdeku ~ mo. berkegde становиться трудным, затруднительным. 270.
berteku быть оскорблену, страдать; mo. bertekü быть изранену, исколоту. 194.
bisariulqu наполнить; закрыть. 244.
bituulku переходить от одного к другому, проезжать через; mo. bitükü странствовать, разъезжать. 19, 81, 279.
bitun по, через; mo. bitükü скитаться по. 151.
bituku ~ mo. bitükü. 152.
bidano čaada ближайший к нам, неразлучный, состоящий при нас. 226.
bi ilaari biyu я дружелюбен; mo. il союзники, друзья. 131.
bilaqu пленить. 180.
bileur (t) остатки жертвенных яств. 70; пест, песты. 132; mo. bilegür мутовка, колотушка, пест.
biliku гладить, поглаживать. 21; ощупывать, распознавать, соображать; mo. ilikü гладить; bilig знание, распознавание. 21, 272.
bilduur пташка, жалующаяся небу. 160.
boesun вошь. 201.
boet тотчас; лучше; именно; вот так-то; вот же, же. 118, 190.

boolitqu обратить в рабство. 152.
boǫoqu ~ mo. boγo преграждать. 240.
boǫunitqu понизиться; mo. boγunidχu укоротиться, осесть. 177.
boqtalqu ~ boqtolqu чесать голову; надевать свекровью шапку; клм. boγtoľχu воздерживаться, терпеть. 74, 254.
bosu kuun худой человек; mo. bosuγa yabugči kümün идущий с поднятым лицом. 210.
bodulqan рассеяние, смута; mo. buduliyan суматоха, замешательство, беспорядок; халх. buduliyan путаница, сумбур. 155.
bol положение (?); mo. boľ, boľbasu. 167.
bolek irken часть племенного колена. 28.
bolǫan soriqu освидетельствовать. 197.
bolǫaqu освидетельствовать; mo. belgele толковать приметы. 246.
bolǫaqdaqu удостовериться; mo. belgegdekü приписать значение, остановиться на таком-то толковании. 246.
boldeitkeku выделить особо; mo. buľtayiľγa ~ bölteyilge высунуть, вынятить. 156.
boldeitku выделиться; ore boldeitku отдельно стать. 170, 196.
boljiur ~ mo. boljomur жаворонок. 77.
boljiqu избегать, посторониться. 102.
boko силач; mo. böke id.; дышло, оглобли. 100.
bokotur ~ mo. bökötür горбатый. 205.
bokor ~ mo. bögere почки. 104.
bokturku ~ mo. bögterkü навьючить, перекинуть через седло. 205.
borbi нижнее сухожилие (?); mo. borbi ахиллесова пята, сухожилие выше пятки. 137.
borčin sono название породы утки; mo. borjin sono курчавая утка. 200.
buet ~ boet тотчас. 205.
buelǰiulku спастись, избежать опасности; cf. клм. böljikü рвать, блевать, метаться; mo. bögelji cf. boľjaγaχu (M., p. 28). 103.
buuljar сговорный пир. 168.
buqau колодка; cf. клм. bōχu вязать; прудить, преграждать; mo. boγu (M., p. 26, 28). 81.
buǫiya лошадь со связанными поводом ногами; mo. bokiya неповоротливый, толстый. 103.
buǫuqu накрыть, покрыть; mo. buγuľ стог; boγoχu завязать. 90.
buqsaqu удерживать. 195.
busaǝǫaqdaqu совершенно рассеяться; mo. busaniqu разориться. 208.
busu heliketu другой печени, не родной; mo. busu eligetü id. 275.
bušitai особенный, исключительный. 54.
buteuna в тени; mo. bitegün закрытый. 267.
buteku запрудить, mo. bütekü покрыться. 247.
buta чаща; мнгр. buda, орд. buta густо, пучками растущие травы или кустарники (M., p. 31). 85.
butukai ~ mo. bitegei но не в качестве отрицания при imperativ, а изолированно, в значении: не сметь делать подобного (о чем идет речь). 76.

budaan каша. 41.
budaoun ~ mo. büdügün грубый, дикий. 23.
buduun eǰen свой господин; mo. bodun настоящий; клм. bodo ~ budu. 200.
bulien шереховатый; mo. büliyen теплый. 254.
bulet вдруг, нечаянно; по Кафарову допускается еще и другое чтение: qalat. 254.
bulqa irken восставший, враждебный народ. 276.
bulqa bolqu произвести восстание. 241, 151.
bulqalduqu биться, сражаться. 249.
bultariqu избегать труда, лениться; mo. bułtari id. 224.
buljiqu уклониться; mo. bułta ~ халх. buľjarid 137.
bučaqu избежать; mo. buča возвращаться, пятиться назад. 147.
bučiqu окружить; mo. boγu кольцо. 168.
buqi (ki) веревка. 280.
bukdeuli ~ bukdeuri (accusat.) бродячих, туда-сюда ходящих; mo. bögsen нижняя часть; degür верх, наверху; клм. bög ~ bögsen низ. 222.
bukčuu засада; mo. bögčüyikü, клм. bögdeyikü скорчиться. 103.
bureltele oksu сразу (сполна ?) уничтожу; mo. bürilkü исчезнуть, уничтожиться, разрушиться. 104.
burelkeku разбить; mo. bürilge разорить. 77.
burelku уничтожить; mo. bürilekü исчезнуть, разрушиться. 248.
burietai taraq сливки в посуде; mo. taraγ büriǩü заквашивать молоко; büriye труба, рог, роговая труба. 145.
buruu одиноко, особо; mo. buruγu в противоположную сторону; buruγu χanduχu обратиться в противоположную сторону, сделаться врагом. 194.
buruuya koitču ireku нарочито замыслить возмущение; mo. köyitükü спустить тетиву. 201.
burun что касается; a; mo. bołbasu ~ bürün. 147.
burqaliq časun летящий снег, метель, снежный буран; mo. burγanaγ мелкий дождь; burγanimui дождь идет (при солнце). 31.
burqasun вяз; mo. burγasun ива, тальник. 103.
burbi ~ borbi пята. 254.
burki геогр. название; cf. mo. bürgi водоворот, стремнина. 96.

S

saaraqu сомневаться; клм. saaraχu медлить; mo. saγarmaγłaχu сомневаться. 132.
saaraqda сомневаться; mo. saγar ügei несомненно. 207.
saari крестец; кожа с крупа; mo. saγari кожа, сафьян.
saarinčin китайского значения не дано; mo. saγalinčin доильщица. 279.
sain kurumele kuun человек благородного происхождения; mo. gürümel üsün заплетенные косы; gürümel büse плетеный пояс. 156.
saiqu расставить; mo. sayičikü раскладывать, разрезывать, разбирать. 156.
saalin keut дойные кобылы. 280.
saoqua подарок. 114, 135.

saulq̇a подойник; mo. suuł̇γa ведро. 205.
saulqu ~ mo. saγuł̇γa посадить. 19, 280.
sanšiqu понести потери; mo. samši ~ samšiya израсходоваться, быть погублену. 154.
sandurqu ~ mo. sandarχu разметаться, рассеяться, притти в замешательство. 110.
saqal bayan название травы: «свиная щетина». 105.
saqlaq̇ar ~ saqlar ~ mo. saγł̇aγar развесистый, ветвистый. 57, 117, 206.
sal huyaqu ~ mo. sał̇ uyaχu связать плот. 105.
salulčaqui qurin ~ mo. sał̇uł̇čaχui χurim пир разлуки, прощальный пир. 275.
sataqu рассуждать; совещаться; mo. setüb задача, тема; клм. seter животное, посвященное божеству. 204, 216.
salq̇ušitu отдельный; удельный; mo. sał̇aγatai развилистый. 255.
saraur ~ saraul свет луны; клм. saruuł̇ ясная, месячная ночь. 82, 110.
sartaqčin туркестанский. 181.
seeǰikleku повесить, привесить (за шнур). 103.
seourelku вздыхать; mo. següresu ał̇daχu издать стон, глубоко вздохнуть; següresüle id. (M., p. 365). 156.
seu-se ~ кит. сяосы — служка, слуга. 273.
senteleku оживить; раскрыть (-ся), расшириться; развиться; mo. sengtelekü разметать, раздуть. 145, 149.
seŋkereku обращать внимание; mo. senggerekü изучать, упражняться. 131.
sečiku пересекать; mo. seǰikü бодать. 127.
sekuulku свернуть, подтянуть; отступить; mo. segügül засучить, засучиться, подсучиться. 194.
sereltei берегущий себя; mo. sereltei бдительный. 170.
serekdeku догадаться; mo. seregdekü быть разгадану. 168.
serke баран; mo. serke легченый козел. 262.
sin ~ sim ~ sem молча. 254.
sin boli ~ sem boł̇! Замолчи! 56.
siskal войлок (cf. M., p. 346). 252.
soiqu поучать; mo. soyuχu учить, исправлять, наказывать. 227.
sooŋq̇oqu избрать. 272.
soor борьба, спор, битва; mo. sor жертва духам; soriχu испытывать, метать жребий. 162, 172, 208.
sooraulqu начать биться. 185.
sooroqu разрешиться, успокоиться. 260.
sonin urie daaq̇an новый трехгодовалый жеребенок; клм. üriye daaγan жеребенок по третьему году. 149.
sonosuat burun ~ sonosuγad bürün когда услышат. 224.
soqosun какая-то блестящая рыбка. 76.
sobilaqu испытывать; mo. sobiła смотреть, просматривать. 265.
solaitqu ~ čolaitqu пустовать, недоставать; mo. suł̇adχu освободиться, ослабнуть; čölöyidkü падать, приходить в упадок. 255.
soloŋq̇a крот. 103.
solbiqu перехватить; mo. solbiχu сростить; смотать. 140.

sores послушно, охотно; клм. söröö прямо, напрямик. 255.
sorilduqu тягаться; mo. sor жребий. 245.
sueeku погибнуть; mo. sönögekü погасить, уничтожить; sügegekü досаждать: наказать. 257.
suelsutai имеющий печень; мужественный, смелый; mo. sülsü желчь. 74.
sueyu ~ süyu поучение; стыд, раскаяние; 260; mo. soyuɣu поучать, исправлять. 276, 260.
süiqu обучать; surqan süin yabuɬaa уча ходил, учил. 149.
suuduriyan под бок; mo. suɣu-dür-iyen к себе подмышку. 214.
sün kokoku ~ sün kökekü сосать сосцы, молоко. 195.
süyut je ~ soyum (ui) ja. 278.
suneeku ~ mo. sönügekü потушить. 242.
sundulqu следовать один за другим; mo. sunduɬaɣu преследовать по нятам. 247.
sube вход; mo. sübe проход, отверстие. 240.
subee поясничная впадина; mo. sübege бок; живот, утроба. 127.
sutu счастливый. 74.
sudun ~ sudusun какой-то медиц. корень; mo. südüs Sanguisorba carnea, корни которого употребляют вместо чая. 74.
sudalbiqu разнуздывать; mo. suɬa taɬbiɣu пустить на свободу (разнуздать). 199.
südurteku быть подстрекаемым. 177.
sulberkui послабление, нерадение; mo. sülberkü склоняться, упадать. 194.
sülsutu имеющий желчь; mo. sülsün желчь. 139.
suldertu величественный; mo. süldetü благодатный, покровительствуемый богами. 249.
sumud-iyan hurüqu точить, чинить стрелы; mo. ürükü тереть терпугом; клм. ürübtür терпуг. 169.
sumbaqu крепко натянуть; mo. sumbaɣa сила, крепость. 77.
sujiasu шейная жила, артерия, позвонок; mo. küjügün-u uyaś сгиб шеи. 145, 173, 214.
süyuer uke ukulerun стала наставительно говорить; mo. soyoɬ наставление. 22.
sukes серебряные слитки; mo. süke топор. 279.
surimusun ~ surmusun ресница; волосок. 77.
surqu привыкать. 265.
surdaqu kuun человек, способный научиться; mo. surta быть обучену. 201.
šia бедряная кость; крестец; клм. šaɣai альчик (бараний). 116.
šialjaqu метать бабки; играть в альчики. 116.
šiira копыто; mo. šigira часть ноги ниже колена; голяшки; ножки (у животных) (M., pp. 397, 436). 35, 277.
šiekte урыльник; mo. šigesün, šigekü; клм. šigeg нечистоты, навоз. 203.
šiusun qonit пайковые (?) овцы; mo. šigüsü натуральная продовольственная повинность. 280.
šiuder роса; mo. següder id. 195.
šiuči долото, резец (cf. M., p. 401). 240.

šinaqa ~ mo. šinaγa ковш. 277.
šintaraqu отступить; mo. šintaraγul пугать, приводить в смущение; уничтожать; šintała ломать, сокрушать. 260.
šiqan ~ šiqam близко, вплоть, сейчас же, около; опираясь, возле. 118, 190, 265.
šiqaqu заглядывать, высматривать. 8; стиснуть, сдавить. 123; mo. šiγaγu id. 78, 123.
šiba метание, шибание; mo. šab-šab свист стрелы. 198.
šibaun сокол. 195.
šibaouraqu пускать соколов. 232.
šiberiku убрать, подобрать; mo. šiberikü загородить; šibege ограда, заграждение. 79.
šibilker хохол, коса, пучок; клм. šiberlig чехол для кос у женщин. 214.
šibuke шило. 195.
šiburke ~ šibelker ~ šiberlig. 56.
šitulduku стоять друг против друга; mo. šidertekü сблизиться, приблизиться 144, 145, 214.
šidurqutqa подчинить своей власти; mo. šidurγudγa велеть поступать прямо, честно, наставить на путь истинный. 202.
süderteku подстрекать. 164.
südurken подстрекательство; mo. südürgen язвы на ногах у лошади. 164.
šidkul подарок при церемонии представления свекрови—теще. 96.
šil sain красивой наружности; mo. šili шея; затылок; šilitei сильный. 224.
šilemeljeku пускать слюни; mo. šilesün слюни; siła-baljа сильно дышать, задыхаться; клм. šibelče озираться. 195.
šilekun irke 2-летний кладеный баран; mo. irgen 4-летний баран; šilikü отбирать. 280, 189.
šiliun красивый. 189; mo. šilγun честный.
šiliuqu держать прямо; стараться, торопиться; клм. šilüun быстрый, скорый. 118.
šilurteku быть ранену; mo. šilurtekü гнуться в противную сторону; šili küjügun затылок, загривок. 144.
siluket слюни (pl); mo. šilusun id. 79.
šiltaqu отклонить; mo. šiltaχu отговориться, отказаться, извиниться. 168.
šiltasutai ker юрта с плетеными стенами. 230.
šiljireku движущийся; šiljekü сплетать. 230.
šilkutku заставить дрожать; mo. šilgüdkü соревновать, запыхаться. 230.
šimaliqaqdaqu заворачивать; снимать; mo. šimałaγu засучивать; šimaliγaγu, šimaliγaγda id. (M., p. 371). 245.
šičabaljaqu лазить, лезть, пролезать. 21.
šiai животный камень (?); клм. šaγai альчик; mo. šiγai лодыжка; альчик (M., p. 378). 59.
šiki quruun мизинец; mo. šigejei, id. клм. šigiči.; халх. šigču 178.
šiki ~ mo. šigi miγa застрявшее в зубах мясо десны, десны между зубов. 254.
širemu (n) медь, медная руда; mo. širemu (n) бронза. 195.

sirekdeku плавить; mo. širaγda жарить. 195.
širi širbusun сухие жилы. 183.
širimal проворный; чистый; плавленый. 19.
širo ~ širi тара, вьюк, посудина, сума и т. п. 74.
široai yourqatu имеющий глинобитные стены; mo. yoγuraχu месить. 203.
širolqada жареного мяса дай. 13.
širqa ~ mo. širγa соловый, палевый. 205.
širkolku держать; mo. širgükü тереть; χamuran šigüle загребать, захватывать. 177.
širküle хватать, крепко держать, тянуть (M., p. 364). 151.
širqulqu быть загнавным; mo. širγuł, širγu пробраться, пролезть. 177.
širku углубиться, войти; mo. širγu id. 111.

T

taouqu ~ mo. taγuχu гнать. 249.
taolai ~ mo. taułai, tuułai, tuuli заяц. 257.
taoulqu поручить, назначить, внушить; mo. daγaγuł велеть принять на себя. 229.
tana (s) большие жемчуга; mo. tana (s) перламутр. 133, 238, 274.
tantulqu ~ tamtulqu стащить; mo. tamtuł отрезать, отсечь (M., p. 408). 126.
tanmačin баскак, монг. командир иностранного полка; tanma иностранный полк (Каф., стр. 255). 273.
tanqi китайского значения не дано; mo. tanggi умеренный, воздержанный в пище. 193.
tabtaqu сбивать, обивать; mo. dabta ковать, оковать. 195.
tasulqu прекращать. 208.
tašiqu касаться; mo. tašiχu склоняться (о солнце). 90, 171.
tala лик, лицо; mo. tała сторона, бок. 208.
talaqu завладеть; mo. tałaχu отнимать, грабить (M., p. 411). 208.
taluqu ~ talqu ~ mo. tayiłχu снять, развязать. 126, 145.
talbiraqu распространиться, расшириться; распуститься; успокоиться, ослабеть, болезнь «отпустила». 272.
tamutala до конца; mo. tamuχu сучить, ссучивать. 276.
teileulku заставить голодать; mo. teyilkü сводить желудок, корчи в животе.
teunoai его, принадлежащий ему. 18.
teuleulku дать изломаться; mo. degülikü подпрыгивать, соскакивать. 124.
tenteleku щупать; mo. temteri, мнгр. tendili шарить (M., p. 415). 214.
tendek ~ mo. temdeg. 21.
tenkesketai terke китайского значения не дано; mo. tenggeg· мощь; искусство. 124.
tenkis dalai Каспий (?) 199.
tenkulduku подбирать. 26.
tenkuku ~ mo. tegükü собирать, подбирать, рвать; мнгр. temgü ~ tenggü id. (M., p. 482). 74.
tebene большая игла; mo. tebene id. 195.

tel приплод, стельность; mo. töl. id; tel quriqan ~ mo. del γurγan ягненок, вскормленный двумя овцами; 2—3-летняя овца. 87.
teki также, опять-таки; mo. daki затем, опять; teke сторона, в сторону. 145, 149.
terme праздничный шатер; клм. terme решетка юрты. 184.
terkel ~ delger. 118.
tiaober ~ mo. tegüber. 21.
toi значение не дано; клм. tö пядень (мера длины по распяленным пальцам руки); mo. töyirekü приходить в смятение. 170.
toitku бороться, сделать подножку (?) mo. töyidde быть задержану, стеснену; toyidoγor хромой. 140.
toilaqu прыгать, танцевать; mo. toyiĺχu лягать, бодаться. 117.
tootu по числу, полный, считанный, отборный. 240.
tooriqai круглый, весь; mo. toγoriγ круг. 201.
tooriqaqu окружить; mo. toγoriγuĺ окружать (для почета). 195.
tooriqu кружиться, окружать. 170.
tourqa юбка у юрты; mo. toγurγa войлочная стена у юрты. 202.
tonoq грабеж, разорение; mo. tono грабить. 187.
tonoqu снять, раздеть. 136.
tob усилительная частица; центр, глубина, правильность, прямота: job-u tob-u (?) cf. mo. jöb töb busu неверно, неточно. 167. 170.
todeeku ~ mo. tödegekü останавливать. 277.
tolet посменно; mo. tölükü платить; замещать, заменять. 279.
toli щелкать (?). 178.
toloq большая кошма; клм. toło̓γ кошмяная полость. 189.
tolke гадание; mo. tölge жребий, приметы. 201.
toquraun ~ mo. toγuriγun журавль. 111.
tore закон, справедливость; mo. törü право, закон, церемония, учтивость (M., p. 434). 121, 178, 208, 281, passim.
toritkeku ~ mo. töridke удержать, остановить. 145, 197.
toritku стать, остановиться; mo. torχu быть задержану, зацепиться. 193.
torolun быстро; mo. toroło̓ča вместе задержаться; клм. törölče чуть виднеться, торчать. 195.
torulmiši der sich gereinigt hat (Haenisch). 189.
torulki уродившийся, от природы. 201.
tordaqu быть препятствуемым; mo. tortaχu быть задержану, застрять. 195.
torluq китайского значения не дано; mo. Dorliγ ~ sayin očirtu ~ vačir название духа, гения-хранителя. 189.
tuitku закрыть, прикрыть; mo. tüyidkü стеснить, задержать, придержать. 245.
tuire keru-deče из-за темного бора; mo. töyire ~ tüyire теряться, заблудиться. 28.
tuuqu спускаться; mo. tuuχu (tooχu) сходить, нисходить (дух на шамана). 63.
tuurbiqu хотеть сделать; mo. toγurbi предпринимать. 240.
tuniqu завершить, закончить.

tuɘqaqu ~ tuɘqaaqu объявить, распределить; mo. tungχaγ, tungχaγla id. 224, 270.
tuɘqun duulqaqu ~ mo. tungχaγla ~ клм. duulγa провозгласить, объявить. 278.
tuɘqulduqu возобновить (дружбу); mo. tungχuγul процедить, очистить. 116.
tuɘdaqa ~ tuɘdaq-a в целости, в полной сохранности (пребывающий). 186, 198, 208.
tuqirqu науськивать; mo. dokirχu id. 260.
tubeku спариваться, соединяться. 112.
tubuut действительное положение вещей; mo. töb как раз то, что есть; töbeg-üd хлопоты, заботы. 161.
tuburiun свист стрел; mo. tübürgen топот; toborογ ныль. 98.
tubšin ~ tukel тихий и мирный; mo. tügel полный. 274.
tublen лицом на север; клм. töblökü направлять против кого, целиться. 213.
tusulčan быстро, торопливо; tusulča наткнуться, столкнуться; другое чтение: tuyalčan < tuyalča озарить. 110, 111.
tusurku вливать; вносить; mo. düsür id. 279.
tusurke кувшин; mo. düsürge лейка. 130.
tusdaqu быть ранену; mo. tusχu настигнуть, достать. 214.
tušiyalduqu противостоять; mo. tušiyalđu встретиться, столкнуться. 170.
tutqar прислуга. 39.
tulešileku готовить пищу; причинить бедствие (Р. Э.). 161.
tuliku ~ mo. tulki закрыть, замкнуть. 246.
tulu столб, колонна; mo. tulγa id. 245, 254.
tulu название рыбы; mo. tulu рыба таймень. 272.
tulbas odqu упасть, повалиться. 245, 254; mo. tulγaraχu свихнуться.
tulbalqu рассекать; mo. tulbur бурав, пробойник. 272.
tulkečin гадальщик; mo. tölgeči id. 272.
tumen irke okba ~ tümen örkö ögbe. 242.
tumu первый (cf. M., p. 431). 170.
tumutaq-a aqsan сохранился пребывающим. 208.
tumbulaqu быть первым, во главе (M., p. 431). 170.
tumda-a сохранившийся целым. 186.
tuyal стая птиц, mo. tögel толпа, множество; töl приплод. 245, 254.
tuketele вполне довольно; mo. tügekü раздавать, распределять. 92.
turastai смелый; mo. duratai охотник, желающий; durasχu, durašiχu; durašiltan. 144.
turiku толкать, гнать; mo. türikü id. 275, 132.
turintai ~ mo. turimtai самец хищной птицы. 85.
turuno ~ mo. törün-ü начальный, первоначальный. 153.
turuq приближенный. 219.
turuq опора; надежда, доверие; mo. tulγa, мнгр. turγa id. (M., p. 432). 167, 179.
turuq далеко; mo. turuγ расстояние, величина. 201, 207.
turken-e крепко, крайне; mo. türgen быстрый. 272.

D

daaqui-aċa посильно взять, сколько в силах взять; mo. daγaχu поднять. 248.

daarinəqu насмешливый, задевающий. 265.

daisurqaqu стать врагом, проявлять вражду. 276.

daijiqu удаляться, бежать; обратно, назад; бунт, восставать. 112, 196.

dair великий; mo. dayir самец. 245.

daoun dem ответный голос; mo. dem подмога. 214.

daouliqu ~ mo. taγuli брать в плен, угонять, умыкать. 39, 257.

daus ~ mo. toγos ~ греч. ταῶς павлин. 274.

daəlasun комок земли (M., p. 43). 245.

daq берестяной бурачок; mo. taγ застежка, пуговица (cf. M., p. 38: daγ, taγ). 178.

dabalis ~ nanbalis переходить, переезжать, через; cf. mo. namnaχu стрелять на скаку; nambuɬča шевелиться. 55.

dabqur qaġas qaġas yabudaltan имеющий важные и многоразличные обязанности. 233.

dabšiqu похлопывать; mo. tabši-; орд. dabši трепать, похлопывать (M., p. 47). 105.

dabtamal основание; mo. dabtamaɬ сплющенный, кованый. 276.

dabčitu qor лук с крышкой; mo. dabčitu с длинной тетивой. 105.

dalai-in qaġan «море-каган,» император. 280.

dalai kijin по берегу моря, вдоль по, подле; mo. keyen ~ keyege кромка, край; кромка (верхняя) у бабки (альчика), так называемый в игре «таган». 253.

dalqu ~ talqu ~ mo. tayilχu развязать, снять. 244.

dalbaru вдребезги; по плечо; mo. daɬba парус, рыбьи крылья. 229, 255.

daldariqu уклониться, укрыться. 255.

daji torġan золотом вышитый шелк; mo. taji штоф, парча двухцветная. 135.

daraġači охранный воевода. 262.

darasun виноградное вино; mo. darasun хмельной напиток, некуреное вино. 281.

daruulqu надсматривать, охранять; mo. daruγaɬa id. 207.

darun постоянно. 234.

daruġalaqu инспектировать, заведывать. 232.

daručamut те, что только что были, давешние. 100.

darbaan китайского значения не дано; mo. darbaχu развеваться по ветру. 214. (cf. dalba).

darbaljiqu быстро колебаться; отпрянуть; mo. darbaljа развеваться по ветру. 105.

dardas парчевые ткани; mo. dardas штоф, расшитый узорами. 238.

darki китайского значения не дано; cf. mo. dargil быстрина; клм. dargiyatai быстрый, бурный. 90.

deejilekdeku быть в почете, в уважении, принимать начаток deeji. 66.

den ~ dem помощь, подкрепление. 170.

dengselkeku трясти; mo. dengselge качать, толкать, трясти. 174.
debulku кипеть; mo. dabuɫχu ~ debülkü сильно, волноваться, кипеть, бить ключом. 277.
debseku прыгать, плясать, mo. debsekü топать, стучать; debsečikü плясать. 57, 206.
debterleku сделать таблицы; mo. debterle сшить, связать, переплести, свести в реестр. 203.
deleme выдумки, пустое; mo. demei id. 21.
delbeke поводья; mo. delbe насквозь; клм. delbēkü расходиться, распространяться. 56.
delekai широкий; mo. delkei мир, пространство. 277.
dekeun мимо; выше, сверху, над. 229, 278.
deresun колючая трава; mo. deresün белоствольный злак для плетения шляп (M., p. 52). 249.
derelekun примыкающий; mo. derelekü лежать на подушке. 205.
derelku возвращаться; mo. tegere ~ tegeri поворотить, возвратиться. 170.
derbelku трястись; mo. derbekü трепетать. 98.
derbekset беглецы. 146.
dermetteku быть перехваченным; mo. terme решетка, заграждение; degerme грабеж, захват. 240.
derke nokor близкий друг; mo. dergede близко, около. 277.
derkečan ~ mo. ǰergečen рядом. 146.
dis скамья (?). 177.
doimet младшая дочь. 186.
doqiqu указывать; mo. dokiχu кивать, махать, подзывать. 91.
dotaaǰi штаны; халх. dotor ömdö подштанники. 145.
doteleku итти ближайшим путем; mo. döte близко. 105.
dotora dura bulqaba стошнило, стеснило в груди; mo. dura buliχu чувствовать отвращение, усталость.
doloun тайно. 170.
doleskeku китайского значения не дано; mo. töriyesün оброк; tolögesun заем, платеж. 281.
doluskeku рассеяться; клм. dölörekü изгибаться, изогнуться. 177.
doluskuku внимать. 276.
domoqči ~ arbin многоречивый; mo. domoγ былина, легенда. 201.
doro medeku подчиненный. 194.
doro ǰida низ копья, копейное древко (?) 232.
doronǰilaqu ~ mo. doromǰiɫaχu. 66.
doromǰin низкий, подлый. 189.
dorqut не оконченное; mo. dorγun недостаток, неполный, не выполненный. 270.
dormekai низкий; mo. türimgei дерзкий, насильник. 276.
duiren keru-dača за хребтом позади. 28.
duušin сумерки. 91.
duulqaqu наставлять; клм. duuɫγa доводить до сведения. 260.
duuren полный; mo. degüren наполнившись; dügüreng полный.

dundadu ~ dumdadu. 244.
dulet превосходя. 170; сильнее и сильнее. 272; клм. duleed безостановочно. 170, 272.
duyalqu прыгать от радости; mo. tuyaɬa сиять, блистать. 195.
duras селезёнка; durastan имеющие селезёнку ~ смелые.
duriin kuun человек свободного состояния; urtu-dura-in kuun id. 191, 224.
duruku держать; mo. dürükü всунуть. 214.
durbeku в страхе, поспешно бежать; mo. derbekü трепетать, биться. 110, 144.

L

laosut ~ mo. ɬuusud мулы. 274.
liu-šou наместник. 252.

M

maoulaqu ~ mo. mayuyiɬaχu выговаривать, быть недовольным. 209.
manaqaru ukuleksen утром сказанное; mo. manayar-un ögülegsen id. 246.
maqa может быть, не знаю, вероятно, не ли; mo. mayad id. 31, 201.
maqaiqu значение не дано; bayasču maqaiqu радоваться и веселиться (?). 260.
maqat ~ mo. mayad действительно. 103.
maliyaqu приносить жертву. 103; прислуживать. 204; mo. mariyaχu ходить на цыпочках. 103, 204.
maraa ~ mo. mariya плоть, тело. 265.
maraan-ača asaququ исследовать органы. 197.
mariyaqu подсматривать, подкрадываться. 26.
mene вот, сейчас; вот сколько. 260.
mekejileku взять, схватить, держать. 140.
mekusdeulku дать почувствовать недостаток; mo. möküsdekü быть недостаточным; mökögekü истребить; möködeku уменьшиться, убавиться. 124.
mer uduui bulee еще не ранен ведь; mo. mer edüi пустяки, мелочи, пустое. 131.
mereku стрелять; mo. miriyaχu подстерегать. 77.
minaa плеть, хлыст; клм. maliya, бур. manaa id. 195, 255.
mideriku нуть, лягнуть; mo. mitara ~ matara сгибаться; оробеть; A. t. nituɬχu отрезать. 137.
moeledku ~ möledku; ebčeu-ben m. бить, ударять в грудь; mo. möleku облупить, обнажить. 103.
moilsun ~ mo. moyiɬasun черемуха. 74.
mono qoina впоследствии, на будущие времена. 171, 208, 209, passim.
moo огорчение; cf. mo. mundaχu затрудняться; клм. munda оскудеть; помутиться. 90.
moqaaqu обнаружить; mo. mököge уничтожить. 203.
moselduku отделиться; mo, mös ~ mör ~ möškikü итти следом. 199.
molsun ~ mo. mösün лед. 116, 238.
moči плотник; халх. mujan; mo. modoči id. 223.

močikiku итти следом; mo., клм. moski, möški id. 88.
mojirqaq строптивость, упрямство; мнгр. moji ~ mo. modiči плотник. 209.
mokoeleku ~ moeledku ~ möledku ~ mo. möleků. 172.
mokoriulku отрубить голову; mo. mökörigül изувечить. 149, 153, 199, 227, passim.
mokoriulut je ~ mokoriulum je. 278.
mokoriuldeku заслуживать казни. 276.
mokoriku ~ mokoriulku. 149.
morelku постоянно думать, тосковать; клм. möredekü id.; mo. mörügede id. (M., p. 238). 69.
morilat je ~ morilam je. 265.
muətaniqu ~ muəqaniqu бедовать, быть в затруднении, измучиться; mo. mungχaniχu растеряться, сбиться с толку. 90, 92, 205.
munda напротив, наоборот; munda — munda не только, но и. 147, 149, 201.
muqutququ истребить, сокрушить, довести до крайности, доконать; клм. muχadχa притупить; mo. mükügekü истребить. 153, 196, 208, 236.
muqular безрогий; комолый; mo. muχur (cf. M., p. 244). 214.
muquli musquli значение не дано; клм. muγuli крепостной человек, раб. 268.
muquriqu размещаться вокруг; mo. mökörigül окружить, обложить. 278.
musu, musut прутья, древко стрелы; mo. müsüu id. (cf. sumu). 19, 240.
mutkiku итти следом; mo. möski id. 172.
multus догола; mo. mültüs едва-едва. 145.
multulku ~ mültülkü оголить, обнажить, снять, спустить. 55, 131.
mučiljeku насмешливо улыбаться; mo. mišigelče ~ клм. mišeekü улыбаться. 255.
murudeku ~ mo. mörodö взять за плечи. 140.
murkuleku ~ mo. mörgülkü беспрерывно бодаться. 121.

Č

čaada вблизи; клм. čayiši подальше, за. 232.
čaarsun бумага; клм. čaarsn бумажные деньги. 203.
čaouraqu разбиться; mo. čoγuraχu ~ клм. čoorχu треснуть, лопнуть, раздробиться. 72, 147, 209.
čaoru dobtulju oksu вдребезги разобью; mo. čuru трещина; клм. čoorоγ прорубь. 147.
čaoken ~ mo. čegen ясный, светлый, белый, чистый, прозрачный. 72, 147, 209.
čauraulqu ~ jauraulqu велеть итти в поход; mo. jaγuraχu велеть стиснуть зубы; принять меры предосторожности (M., p. 95). 235.
čaur čauraqu ~ jaγur jaγuraχu итти походом. 254, 255.
čanča ~ čamča рубаха. 55.
čaə-ud (кит. цан) магазины, житницы. 279.
čaəqardaulqu утолить; mo. čingγarχu отвердеть, окрепнуть силами, наливаться; клм. čangγar сильней. 194.
čaqa дитя; тур. čaqa id. 68.

čaqlaulqu соображаться, сообразовываться. 280.
čaqlaqu расчислять, вычислять (время), рассуждать; mo. čaγla мерить, весить, определять; čaγlaši ügei неисчислимый. 203, 232.
čaqdaulsun поставленный сторожить; халх. čaγda id. 170.
čalir лопата; mo. čalir пешня́, лом. 199.
čačar палатка; mo. čačar, клм. čačir id. 275.
čeel usun глубокие воды; mo. čegel usun ключевые воды; низменные места, мочажины; клм. čeel id. 72, 147, 209.
čeker ~ čekere грудь; мысль, душа; mo. čeger, клм. čewer чистота, целомудрие. 96. 104.
čerikun kuun-e kučune ~ čerikun kuune kundu-te сколько ратникам по силам. 248.
čerbekeldeul заставить повиснуть, свиснуть; клм. čerbekü колыхаться, реять, плавно качаться. 101.
čiu (n) конец оси, чека́; mo. jegün игла; мнгр. čiu, орд. juu, клм. juun, халх. čikin чека́; čig, čike, čikin правильный, правило. 124, 154.
čiudeulku дать упасть, уронить (чеку). 124.
činana по ту сторону. 257.
čiŋ искренний; mo. čing верный, непоколебимый. 230.
čiŋqultuqtu налитый медью (свинцом?); mo. čingγaliγ крепкий, с закрепой. 116.
čisudaqu окровавить 145.
čilume qubčiur сети, невода; mo. χubčiγur невод; клм. čalma петля, укрюк. 75.
čimatqu хулить, корить. 177.
čimatqaqu упрекать; mo. čimadχa хулить, порочить. 254.
čimal выговор. 260.
čimaliqai недовольный; mo. čimalaχai жадный. 281.
čimar упрек, укор, гнев. 177.
čimar-un yosun китайского значения не дано; mo. čimarχaχu жадничать, барышничать; снова пускать в оборот; повторять. 177.
čimar-tur во гневе. 177.
čimarlaqu упрекать; mo. čimadχu делать выговор; jemeleku ~ jimele id.; jime выговор; клм. jeme id.; jimetü виноватый, подсудимый. 108.
čičiqina растение (?). 74.
čičua плеть, кнут, хлыст (M., p. 392). 76.
čikersun можжевельник; халх. čigirsun лыковая рогожа 74.
čikot лиственница; mo. jigesün сахарный тростник; sünesün лиственница; клм. jegesun тростник, ча́кан. 245.
čoen ~ joen малый, в малом числе; mo. čöken id. (M., p. 454). 177.
čoorqan ker китайского значения не дано; mo. čor дуга, лучок; клм. čorγo носок, трубка для перегонки водки. 115.
čoorqatai terke телега, имеющая замо́к; mo. čoγurγa замо́к. 124.
čoqiqu откопать; mo. čoki бить, выбивать. 199.
čoqoriulqu сломать; mo. čoχoriγul клином колоть. 115.
čual ~ čül значение не дано; mo. čöl гоби, пустыня. 188.

čuə чарка. 179.
čubtusču стремглав (?). 257.
čubtusqu тонуть; mo, čibbükü id.; халх. čibikü, клм. čibkü вязнуть, тонуть. 198.
čuloul китайского значения не дано; mo. čölögul ссылка, изгнание. 254; čölölge id.
čučulaqu снять. 85,
čuraqa ~ mo. čuγχai щука. 78.
čurama ničikun красный; голый, голышом. 145.

ǰ

ǰaaqu обвинять, подавать в суд, доказывать; mo. ǰaγaɬdu подавать жалобу, привлекать к суду; ǰaγaliγai суд, расправа; клм. ǰarγo id.; мнгр. dźia id. (M., p. 75). 121.
ǰaarin знамение (коим божество изъявляет свою волю); откровение духа (M., p. 83). 121, 206.
ǰao buqu ~ ǰoe buqu ~ mo. čögü buγu трехлетний олень. 12.
ǰaoriulqu ~ ǰauraulqu ~ čauraul указать, приказать отправиться в поход; mo. ǰaγuraγuɬ велеть стиснуть зубы, велеть беречься (M., p. 95). 199, 202, 209, passim.
ǰaoričan смешиваться, перепутываться, переплетаться, сшибаться. 119.
ǰauqasu корень какого-то полезного в хозяйстве растения. 74.
ǰantaou чарка. 188.
ǰaəqi связанное; mo. ǰanggiya связь, привязь. 124.
ǰaqaun промеж, между. 229, 278.
ǰaqin подкладка, подоплека. 201.
ǰabaǰi углы рта, челюсти. 173.
ǰabqaqu уйти, потеряться; mo. ǰabχaχu потеряться, пропасть, 93, 262.
ǰasaul, ǰasaut название должности, ясаул (-ы). 278.
ǰasaqu довольствоваться. 195.
ǰasaqlaqu поступить по закону; клм. ǰasaγɬaɬ наказание; ǰasaγɬaɬ ügei безнаказанно. 81.
ǰadalaqu совершать навождение. 143.
ǰada medekun умеющий наводить ветер и дождь; mo. ǰada bariχu волшебством вызывать ненастье. 143.
ǰalama китайского значения не дано; мнгр. ǰaɬama молитвенный лоскуток (M., p. 84). 174.
ǰalaraqu шествовать. 246.
ǰaliraulqu потратить; mo. ǰaǰiraγuɬ угашать, отвлекать. 254.
ǰaliraqu погаснуть, смягчиться, прекратить гнев. 260, 276.
ǰalqaqsan подобранный (мех); mo. ǰaɬγaχu сращивать, соединять. 114.
ǰalqamšitai беспокоящий, постоянно надоедающий, назойливый; mo. ǰaɬγamǰi связь, преемство; настойчивость, назойливость. 98.
ǰamučin дорожный смотритель, ямской надзиратель. 279, 280.
ǰayaqu наладить; mo. ǰayaγaχu определить, предназначить. 124.
ǰarim, ǰarimut половина; mo. ǰarim некоторые. 162, 232, 254.

ǰarqaqusun ~ ǰarq̇aq̇usun кожа; mo. ǰarγa ломоть, кусок, обрезок. 114.
ǰaruqu служить, быть в услужении. 16.
ǰarčintai ~ ǰarčimtai законный, правильный, правосудный. 74.
ǰarbiyal шейная колодка; mo. čarbaγ клей. 146.
ǰee родня по женской линии; клм. ǰee 2-я степень родства в женском колене; халх. ǰige id.; мнгр. ǰie племянницы, внучки по сестре или дочери (M., p. 86). 64.
ǰe-in nökür согласный отклик. 255.
ǰebeleku mori боевой конь; mo ǰebele биться метательными копьями. 147.
ǰe bolulča сказать да, дать слово, согласиться. 66.
ǰebke ~ mo. ǰebege ленок (рыба). 75.
ǰešiku желать, задумать, иметь в виду. 111, 118.
ǰe teli! согласен! 242; довольно, баста; так и быть. 256, 277.
ǰedkuku (‖χaγaχu) ~ mo. ǰedkükü преграждать, останавливать, заграждать. 254, 281.
ǰekirku охладеть; mo. ǰekürkü остыть. 254.
ǰiuku настигать; mo. ǰegükü заарканить; расставить сеть. 195.
ǰiuku указать. 272.
ǰiuraqu разводить, разбавлять; mo. ǰiγura растирать. 145.
ǰiurtu ~ mo. ǰigürtü крылатый. 199.
ǰiɒkuku (другое чтение: ulq̇uqu) клеветать; mo. yenggü клеветать; хулить, бранить; yenggün брань, хула; olgi злословить, порицать. 160, 246.
ǰibšierulčaku ударять друг друга, спибаться; поднимать вверх и спускать вниз. 143.
ǰibšieruku ‖ ǰibšiereku ‖ ǰibšierku построить. 143, 173; выправить. 194; установить порядок, упорядочить. 202; управлять, исправлять. 254; mo. ǰiγsaγała построить (войско); ǰöbšiyere обойти кругом слева. 143, 173, 194, 202.
ǰibturaqu сократиться, уменьшиться; mo. šibturγu соскользнуть, скатиться. 246.
ǰisuleku подобрать под цвет; mo. ǰisülekü придавать цвет. 267.
ǰisuku рассеять; разрезать; mo. ǰisükü искрошить, разрезать. 187.
ǰilda вечер, поздно. 142, 229.
ǰildu arasun задняя половина туши с кожей. 13.
ǰiči только; но; mo. ǰiči затем, также, еще. 149.
ǰikeli жертвоприношение небу путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение); mo. ǰüküli баран, воткнутый шаманом на шест; заклятие (Ковал., стр. 2424). 43.
ǰitkuulku заставить тащить; mo. ǰidkügül понукать, заставлять ревностно трудиться. 195.
ǰikurmedeku еще сильнее, еще пуще взяться (о болезни); mo. ǰigirkü трепетать от ужаса, трястись от стужи; ǰigürlekü окрылиться; ǰigür крылья. 272.
ǰiktuku ~ ǰikduku ~ ǰitkuku тащить, везти; трудиться, усердствовать. 121, 177, 205.
ǰiktulduku вместе тащить. 212.

ǰiramut ǰiqasu мелкая рыбка; клм. ǰirmaχai плотва, малявка. 75.
ǰirin две, два, пара, под пару, чета; mo. ǰiren, мнгр. ǰür id. (M., p. 96). 132, 208, 230, 245.
ǰirin ulu kin baiqu стоять, не давая потревожить. 230.
ǰoaƀleku предсказать, предвещать; mo. ǰöng откровение, предсказание. 207.
ǰoeulku доставлять, везти; mo. ǰögekü id. 281.
ǰoentaou мало, не много раз; čoen ~ ǰoen мало, малый (M., p. 454). 66.
ǰoeburi шакал; mo. čögebüri; халх. dööberi id. 78.
ǰoeku стяжать, приобрести, завести; mo. ǰöge. 212, 277.
ǰoqudus по спине, вдоль спины. 72.
ǰoqsoqu отдыхать; mo. ǰoγso останавливаться; делать временную остановку. 191.
ǰob-tob так ли; mo. ǰöb-töb правильно, справедливо. 275.
ǰobaqsat eke потрудившаяся мать. 242.
ǰosotu boro название масти лошади; mo. ǰusutu красноглинистый. 265.
ǰolia за тело свое, за самого себя; mo. ǰoliγ выкуп, залог; вызволение, избавление; сжигаемый «дзолик». 272.
ǰolke долина с речкой посредине; клм. ǰaɬγa «балка», овраг, сухое русло (cf. M., p. 440). 247.
ǰoqilduqu помириться; mo. ǰokiɬdu быть в согласии, согласиться. 132.
ǰoriqu направиться; указать, утверждать, присудить. 201, 249.
ǰoriqsan qaǰar указанное место. 209.
ǰorqalduqu рубить дрова; mo. ǰorχu ~ ǰorγuχu строгать. 275.
ǰorkimes непобедимый (?); cf. клм. ǰörmög смелость, отвага; отчаянный, предприимчивый. 139.
ǰuen холод, мороз (M., p. 89). 230.
ǰuile-ǰuile там и сям. 170.
ǰuudaul помет. 174.
ǰaqaqu действовать обходом, смотря по обстоятельствам; cf. клм. ǰuγun двуличный, льстец, лицемер > ǰuγunda, ǰuγunduɬγa. 179.
ǰuqus поспешно. 55.
ǰuqulqu выхватить, вытащить; mo. ǰiγu tata id. (Г. Х., II). 214.
ǰubur долина. 56.
ǰubčiku вить, завивать. 181; закрывать. 210; привязать. 275; mo. ǰübčikü закрутить, завернуть, закрыть лицо, потерять стыд (niγur ǰübčikü). 181, 210, 275.
ǰusaq годовалый баран; mo. ǰasaγ ǰür 2-летняя серна. 280.
ǰuserekui ~ mo. ǰüserekü̈i проливной дождь. 205.
ǰusuritqu льстить; mo. ǰusurɬa лгать, льстить. 160, 180.
ǰuldu главная заслуга. 214.
ǰuk-iyer прямо; mo. ǰüger так, просто. 224.
ǰuk-tur oroulqu поставить на должное место. 265.
ǰukereku отчитывать заклинаниями воду. 272.
ǰukerken usu отчитанная, заговоренная вода. 272.
ǰukleulku управить, упорядочить; mo. ǰüglegül направить в сторону, переставить, перенести. 203.

Y

yaaral спешное дело. 229.
yauke все, что; то, что. 153; штука, вещь; mo. yeüji тюк, штука; yaγuki всякое. 252.
yaujin ~ mo. yayičam какой, что за..? 38.
yabut ~ yabum (ui). 195.
yeke auruq стан со старыми и малыми ~ yeke ordos. 233, 271.
yeke terkekur большой тракт, шлях. 121.
yeke tusurke «великая винница», буфет. 213, 232.
yeke kerluke подпоры великой юрты. 121.
yekes предки; yekese qajaru ineru qaruqsan пошли на кладбище предков (для принесения жертв). 70.
yekiujei ~ yekuujei для чего; перестаньте, оставьте; mo. yaγakiγuǰai как бы чего не вышло. 76, 149.
yekin ~ mo. yakin. 21.
yourqa стена; mo. yoγurγaχu месить, замешивать, разводить в воде; клм. juurχu id. 281.
yori гремучая стрела. 116.

K

kaəqaqu ~ qaəqaqu ~ aəqaqu томиться жаждой, утолить жажду; mo. angγa томиться жаждой; γang зной; χangγaχu напоить. 145.
kanšiku повергнуть к стопам (?); mo. gemšikü скорбеть, говорить со скорбью, сокрушаться. 242.
kanleksen ~ mo. kemlegsen установленный. 224.
kankeruku ~ qamqaraqu ~ mo. kemkelekü раздробить. 209.
kankeru ~ kemkeru вдребезги; mo. kemkere раздробиться, раскрошиться. 189.
ke ~ mo. kei, kii ветер. 195.
keekdeii ~ kemegdeye. 188.
keus поперек; с разбега. 141.
keuru ~ čaoru ~ hoqtaru ~ qanqaru ~ kekuru; mo. kegürte раздувать мехом. 147.
kene? Как? 254.
kenoer огорчение; mo. genükü тосковать, горевать. 254.
keseeku обуздать, наказать; mo. kesegekü искоренить. 203.
keseku мстить; клм. kesekü id. 53, 58.
ketu kelkeku ходить поперек; mo. getulge переправиться. 229.
ketus bukun находящийся по ту сторону. 195.
ketus поперек, через; mo. ketü через, мимо, чрезмерно. 255.
kelelіulku ~ keleriulku ~ mo. kelberigülkü покоситься, склониться. 170, 172.
keli когда; mo. kejiye id. 181, 200.
kelbes напротив, прямо. 256.
kelkiku ~ mo. kelkikü нанизывать, продевать. 195.
kem ukai не в срок, в неурочное время, сверх меры. 199.
kemuriulku оскорбиться; mo. gemnegül огорчать. 254.

kemleku ~ mo. kemne ограничивать сроком. 199.
kečeu жестокий, упрямый; mo. kečegü трудный, крутой. 243.
kečel ~ kesel вражда, отмщение, возмездие. 67.
kekesun ступица у колеса; mo. gegesun id. 280.
kekesule тайно извести. 281.
kerek-jaraq потребности. 281.
keriyes память. 242.
keruku ~ jokoreku печалиться, отчаяться; mo. kerükü скитаться; нищенствовать; отчаиваться, не находить себе места. 93, 94; mo. čökerekü отчаяться, пасть духом; клм. čökökö, халх. čuɣari id.
kiet и другие; множ. число. 151.
kiəkus поперек. 105.
kinkulku переломить; mo. kemkele id. 272.
kiəkuru пересечь; mo. kingɣara голень, берцо. 255.
kisal kisaqu отомстить; mo. kisaɣu придираться, задирать; kesegekü обуздывать, отучать. 58, 254.
kibkaəku возрадоваться. 272.
kileme название рыбы; mo. kilime осетр. 272.
kili входящий луч, линия, черта, борозда; mo. kili id. 21.
kiliku derkečeju ехать рядом в непосредственной близости; mo. kelku связанный, соединенный; kili граница, борозда; jergečekü помещаться рядом. 56.
kilue стоянка коней, коновязь (?); mo. kelkiyc связь, привязь. 131, 229, 245.
kilues место, где сходят с коня (?). 131.
kilbara легко, свободно, просто. 22.
kiluku ~ kilkun оглобля; mo. kelkü ~ kelkiya связь. 177, 200, 214.
kimal tamu ободрать ногти на руках; mo. kimusun ногти; tamuχu сучить, ссучивать, прясть. 53.
kimul ~ kimu ~ kimal ноготь. 276.
kičien осторожно. 254.
kičidut название породы верблюдов. 274.
kijin ~ kijim вдоль по; mo. kijim попона, чепрак. 195.
kiəjileulju huyaqu привязать на железную цепь. 195.
kirmes kiku мигнуть 194.
koanšilemel qonin солено-вяленое впрок мясо; ягненок последнего зимнего месяца; mo. ɣaɣsamaĭ вяленый; julma χonin замороженная туша барана (Владим., Общ. строй, стр. 39). 19.
koandeku ~ kondeku трогать, двигать, шевелить, возбуждать; mo. könde id. 176, 227, 257.
koandolet ~ kondolet клевреты (?); поперечники. 201.
koanjile ~ konjile ~ mo. könjile одеяло. 201.
koaəkelen ~ koəkelen налегке; mo. könggelekü облегчать. 170.
koiten холодный. 213.
kondoletku недоброжелательный, перечащий; mo. köndöled сбить с пути; стать поперек дороги, заградить. 177.
kobšilduku вместе холодать, коченеть; mo. köšikü стынуть. 207, 213.

kosuer ~ kösur безлюдный (?); mo. kösur ~ köser земля, пол, почва. 123.
kotot заводные кони, арьергард (M., p. 204). 195.
kotoči ~ kotočin домочадец; заводные; товарищи гвардейцев; mo. kötöči проводник, слуга, свита; cf. клм. Kötčiner название племенной «кости» у Дербетов. 198, 228.
kol нога, подножие; дно — в противоположность amsar устье, горло, вход. 86.
koldeku взять; халх. köldekü связать ноги; клм. köldekü стоять. 166.
koljirkeku подвергнуться повальным болезням; mo. kölji согреться, перегреться. 248.
kolke телега; клм. kölgön перевозочные средства. 245.
kolku huker упряжные быки, коровы. 280.
koke младенческая сорочка; место, послед; mo. köge (sün) слюна, пена. 121.
kokiuldeku быть подстрекаемым; mo. kökigülkü возбудить ревность. 177, 201.
kokidek легко встревожить (?); mo. kokikü поощрять, возбуждать; kökökü подстрекать, подзадоривать. 105.
kokiku испугаться; mo. kökikü подзадорить. 119.
koko debter синяя тетрадь, таблица.
koko kuru синий камень. 147.
korisu ~ mo. köresün кожица, кора, дерн. 111.
korisutai имеющий кожу, поверхность; mo. köresütei id. 254.
koruleldukn взаимно нападать; mo. kereldükü ссориться. 254.
korbeku оборачиваться; mo. körbekü кувыркаться (cf. urbaɣu). 254.
kundu mortu kuun важного пути человек, важный человек. 201.
künkeulku заставить (дать) далеко уехать; mo. künggen легкий; орд. könkī быть пустым (M., p. 196). 103.
künkeku убежать; mo. künggekü облегчить. 146.
kudelen поперек; mo. köndelen id. 165.
küluk неутомимый человек; аргамак. 201.
külukiyer геройски. 205.
kučukur разновидность крысы; mo. küčügene маленькая крыса (M., p. 208). 89.
kučulun мышонок; mo. küčile крыса. 111.

K̇

keekku изумиться, испугаться. 244.
keisumser bulee никогда не развевал. 56.
keit дома; mo. keyid скит, монастырь. 102.
kenet внезапность, неожиданность: неосторожный; беспечный; mo. genedte внезапно. 170, 184, passim.
keskeku ~ mo. geyiskekü рассеивать. 254.
ketkiku ~ kodtkeku ходить, ступать; mo. ketekü бродить. 203.
keliku гнаться (?); mo. keliku увести, угнать за собой. 78.
kelbur слабый, слабосильный; mo. kilber дешевый, легкий. 81.

kemuriulku досаждать; mo. gemerekü упрекать, винить; клм. gemürükü тревожиться, беспокоиться. 231.
kečikileku топтать; mo. geskikü id. 275.
kere рассвет, заря; mo. geriye id. 62.
kerel širala ~ udur kein bukui-tur на рассвете; мнгр. tiäəgeri širlajia воздух пожелтел (M., p. 400). 98.
kereldukս ~ mo. kereldükü ссориться, драться. 195.
kerelju гневно; клм. kereelekü образовать ряд; стоять друг подле друга. 245.
keriske защитный; mo. kereske перила. 124.
keru к северу от гор; бор за горой; mo. kerü бор, роща позади гор (M., p. 133). 28, 170.
ker-un kout домочадцы. 232.
ker terken дом-телега; юрта на колесах (?). 232.
ker darua постоянный посетитель дома, свой человек в доме. 44.
keries оставленное на память; mo. geriyes öge (bičig) завещание. 231.
keries-iyen okku подарить на память. 208.
kiəkuriku отрезывать; mo. kingγurγa резец, нож с двумя лезвиями, серп. 124.
keoki ~ mo. geügi крюк, крючок, удочка. 75.
kour небольшой кожаный мех; mo. kögür кувшин для вина. 87.
kodolkui прислуга, работница; mo. ködölmüriči. 98.
kolme подседельник; mo. gölme ~ kijim чепрак, попона. 105.
kolmi сеть; mo. gölmi невод. 199.
koruku шпионить; mo. görükü плести. 156.
kuuleldun bariqu держать по очереди. 19.
kuurke барабан. 232.
kun скала, утес; kun-tur qorqaqsan окруженный в скалах; mo. gün глубокий. 26, 179.
kuə лебедь; mo. χung id. 111.
kunesulet ~ künesülem (ui). 195.
kuseku думать; mo. küsekü желать. 254.
kuličeku ~ mo. küličekü ждать, поджидать. 31.
kučurkeku показать усердие; mo. küčürkekü насильничать. 124.
kujuku urtus tobičat западные кони с длинными шеями. 274.
kur китайского значения не дано; mo. kegür ~ küür громи, вперед, нападай; kegürgedekü раздувать мехом; клм. köörökü задыхаться от волнения, приходить в ярость. 147.
kur-iyer все полностью. 269.
kur deere-in jarqu высший (общегосударственный) суд. 203.
kureeleku поставить лагерь. 144.
kureke ~ mo. kegürge кузнечный мех. 211.
kureku просить, молить. 71.
kurin eleut название породы верблюдов; mo. kürin темногнедой. 274.
kurue винница. 187.

kurulčeku взаимно преступать; mo. kürülčekü касаться друг друга; довести, исполнить; сойтись лицом к лицу. 194, 254, 255.
kurumel шалаш; mo. kürümeli id. 90.
kurku ~ mo. kürkü достигнуть, прибыть. 35.

Редактор издательства А. М. Барабанов. Подписано к печати 25 января 1941 г. РИСО № 855—441.
М 30258. Объем 38¾ печ. л. 44,5 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Цена книги 30 руб.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12 Заказ № 801

Ak P
4164
D